ISSN 2411-1503

Выпуск XXXII • 2026

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Главный редактор:
А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:
В.В. Горбунов, д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
К.Ю. Кирюшин, канд. ист. наук;
Д.В. Папин, канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин, д-р ист. наук, доцент;
Т.С. Паршикова (отв. секретарь), канд. ист. наук;
В.П. Семибратов, канд. ист. наук;
Т.В. Тишкина, канд. ист. наук, доцент.

Год основания 1990 г.

Учредителем издания является
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Адрес редакции и издателя:
656049, Алтайский край, Барнаул,
пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала
либо изданиев целом не могут быть перепечатаны
без письменного разрешения авторов или издателя.

Печатное издание — журнал «Сохранение и изучение
культурного наследия Алтайского края»
© Алтайский государственный университет, 2015–2026.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1
ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аллабердиева Л.А. Проблема датировки минаретов Куня-Ургенча в контексте наследия Мамунидов 7

Афанасьев П.А. Герб П.К. Фролова: атрибуция изображений и символики ... 14

Баймурадова А.С. Алтайские истоки искусства кошмоваляния у тюркских народов Центральной Азии 22

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Исторический рельеф устья Оми: источники и методика реконструкции 29

Кадыров А. Религиозно-культурная природа обряда «кормления духов умерших» у алтайских народов 35

Кальченко С.С. Становление Алтайского краевого отделения ВООПИиК (1965–1966 гг.): организационный этап 40

Контев А.В. Объект культурного наследия федерального значения «Здание конторы Барнаульского сереброплавильного завода XIX века», которое никогда не было заводской конторой 46

Мамыев Д.И. Метафизическая роль Алтая в судьбе России и современных социально-политических процессах 54

Мукаева Л.Н. Шишков В.Я. и культурно-историческое наследие Чуйского тракта: интерпретация одного эпизода 62

Перделиева М.К. Из истории этнографического изучения туркменского ковроделия в конце XIX – начале XX в. 67

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Об использовании пазырыкского наследия в сфере этнокультурного туризма Республики Алтай (на примере экспозиций Национального музея им. А.В. Анохина) 73

Тихомиров К.Н. Материальная культура татар Тарского Прииртышья XVIII – 1-й четверти XX в. по результатам исследований поселений 77

Хоммыев Т.Б. Возрождение туркменской соколиной охоты и ее популяризация в мировом масштабе (на примере деятельности Национального общества соколиных охотников) 82

Целищева М.А. Жилой дом со встроенными помещениями общественного назначения, являющийся элементом ансамблевой застройки проспекта Ленина в г. Барнауле: история и современное использование 88

Целищева М.А. История здания, расположенного в центре г. Барнаула и предлагаемого специалистами к постановке на государственную охрану как памятник архитектуры 98

Целищева М.А. История и современное приспособление деревянного жилого дома начала XX века в эклектичных формах в г. Барнауле 105

Чекрыжова О.И. Художественная жизнь Барнаула на страницах газеты «Жизнь Алтая» (1911–1916) 113

Шастина Т.П. Заповедные легенды Телецкого озера: Н.П. Смирнов 118

Яковлева Л.С. Исторические кладбища горнозаводских центров Алтая: проблемы изучения и сохранения 125

РАЗДЕЛ 2
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Абдыканова А., Торгоев А., Эмиль уулу А., Султанов Э., Жумабаев А., Абдыракманов Т. Раскопки могильников Тамга-Терек 1 и 2 в 2025 году (предгорья Ферганской долины, Кыргызстан): предварительные результаты 133

Бородаев В.Б. Проблемы археологии Барнаула XVIII–XIX веков 140

Вальков И.А., Грушин С.П., Демин М.А., Савко И.А., Радовский С.С., Сайберт В.О. Материалы разведочных работ в окрестностях с. Красноярское (Поспелихинский район Алтайского края) 147

Головченко Н.Н. Керамические курильницы могильника Камень-2 158

Гражданкина В.А. Находки скульптурных изображений лошадей из памятников пазырыкской культуры Алтая: обзор информации для создания базы данных 166

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Мороз Ю.М. Подъемные материалы с археологического комплекса Урочище Балчикова 170

Грушин С.П., Сайберт В.О., Редников А.А. Особенности планиграфии городищ раннего средневековья Лесостепного Алтая в контексте топографических и геофизических исследований 177

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты изучения кургана №37 скифского времени на могильнике Чинета-II 185

Загородникова Д.П., Павлов Д.Н. Археологические исследования каторжного острога второй Омской крепости: итоги работ 192

Казаков А.А., Фролов Я.В., Федорук А.С., Папин Д.В. Состояние охраны и перспективы исследования Иткульского археологического микрорайона 198

Киреев С.М., Челтанов М.С. Случайная находка железных раннесредневековых удил на Семинском перевале в Горном Алтае 205

Корнилов А.Д. Могильник Хомутинка-I. История одного памятника 211

Магзумов М.С. Степень сохранности памятников наскального искусства Восточного Памира 217

Марсадолов Л.С. Центрально-азиатские прототипы и семантика образов на диадеме из Каргалинки 220

Марсадолов Л.С., Шаблавина Е.А., Хаврин С.В. Новое изучение миниатюрных золотых изделий из кургана Чиликта-5 228

Онищенко С.С., Бибик Е.В. Зооархеологическая коллекция ирменского поселения Исток в Кемеровской области (материалы раскопок 2005–2006 гг.) 238

Плотников Д.Р., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Каменные ретушеры начальной стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры 245

Подшивайлова И.В., Григорьева У.Н., Базарная К.О., Савко И.А. Случайная находка глиняного сосуда с носиком из Калманского района Алтайского края ... 251

Радовский С.С. Гребни из некрополя быстрянской культуры Бийск-I 261

Савко И.А., Папин Д.В., Фролов Я.В. Новые находки из разрушенного погребения скифо-сакского времени могильника Суртайка-1 (Красногорский район Алтайского края) 266

Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Паршикова Т.С. Ритуальный объект середины I тыс. н.э. из Центрального Алтая 273

Серегин Н.Н., Эрдэнэболд Л., Идэрхангай Т.-О. Новые результаты радиоуглеродного датирования раннесредневековых комплексов Монголии ... 281

Степанова Н.Ф., Рудометов П.Л., Папин Д.В. Результаты изучения керамики переходного времени от позднебронзового века к раннему железному веку с памятника Кипринский Борок (Лесостепной Алтай) 286

Тишкин А.А. Юго-западная группа курганов на крупном археологическом комплексе Улита в Центральном Алтае: возможности культурно-хронологической идентификации на основе планиграфических особенностей 293

Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Бондаренко С.Ю., Цэнд Д., Хуслэн Л., Уянга Х. Комплексное изучение археологических памятников в урочище Их нуулэгт (Северная Монголия) летом 2025 года 300

Тишкин А.А., Солтобаев О.А., Горбунов В.В., Бондаренко С.Ю., Чаргынов Т.Т. Археологические исследования в урочище Боромбай (Кеминский район Чуйской области Кыргызской Республики): краткое сообщение 308

Юй Лян. Археологические памятники булан-кобинской культуры, выявленные и исследованные в зоне планировавшейся Катунской ГЭС 319

РАЗДЕЛ 3
МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ
В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Арефьев А.Е. Средневековые материалы Канско-Рыбинской котловины в фондах Красноярского краевого краеведческого музея 325

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Украшения сяньбийского облика из цветного металла, обнаруженные на Алтае в долине Чулышмана (фонды Алтайского государственного краеведческого музея) 329

Громоздова О.М. Предметы конской амуниции из фондов Зеленогорского музейно-выставочного центра 337

Егорова Ю.В. Иммерсивные приемы демонстрации предметов духовной культуры: анализ выставки «Сны Сибири. На границе леса и степи» (г. Новосибирск) ... 346

Жерносенко И.А., Шокорова Л.В., Мамыев Д.И., Тишкин А.А. Некоторые результаты реализации проекта «Древняя колыбель Алтая. Сохранение уникального археолого-этнографического комплекса», поддержанного Фондом Президентских грантов ... 352

Илюшин А.М., Плац И.А. Коллекция длинноклинкового оружия из Прокопьевского городского краеведческого музея ... 359

Кондратенко А.Ю., Устинова И.М. Два десятилетия залу археологии Змеиногорского музея: от первых экспонатов к современной экспозиции ... 367

Лихачева О.С., Радовский С.С. Кинжал раннего железного века из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки ... 374

Пилипенко С.А. Костяной игольник необычной формы из новых поступлений Новосибирского государственного краеведческого музея ... 382

Плотников Д.Р., Караульнов В.В. «Тайник» с металлическими изделиями из окрестностей Улагана ... 389

Плотников Д.Р., Краснова Е.Л. Гравированное изображение лошади на каменном блоке из Кызыл-Маны ... 397

Плотников Д.Р., Краснова Е.Л., Рыськов Е.П. Гравированные наскальные изображения из Горного Алтая в собрании Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки ... 403

Протодьяконов К.Е. Выставочный проект «Все о бивне» в Музее Природы и Человека: опыт проектирования и реализации ... 409

Сенотрусова П.О. Материалы таштыкского времени в фондах Новоселовского районного исторического музея ... 414

Серегин Н.Н., Киреев С.М., Радовская Е.А., Радовский С.С. Металлические зеркала раннескифского времени из собрания Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина ... 419

Тихонов С.С. Судьба археологических коллекций ... 428

Тишкина Т.В., Тишкина К.А., Бояринцева К.Е. Опыт деятельности Музея истории Алтайского государственного университета им. В.И. Неверова ... 434

Утева О.Д. Отражение личности радиста-полярника П.Д. Целищева в экспозиционно-выставочной деятельности Музея «Город» ... 441

Фролов Я.В., Плотников Д.Р., Беликова Т.Г. Железный кинжал из собрания Солонешенского районного краеведческого музея: культурная и хронологическая атрибуция ... 446

Чичинов В.А. Регистрация керамических изделий из коллекций Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации в период цифровой реформы (2016–2025 гг.) ... 454

Шмидт А.В. Первая берестяная грамота Югры с Березовского городища (Западная Сибирь, Россия) ... 460

Список сокращений ... 468

РАЗДЕЛ 1
ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья / Article
УДК 902.6:725.94(55)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.01
EDN: YZYPIM

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ МИНАРЕТОВ КУНЯ-УРГЕНЧА В КОНТЕКСТЕ НАСЛЕДИЯ МАМУНИДОВ

Лале Агагелдиевна Аллабердиева
Педагогическое училище имени Хыдыра Деряева, Мары, Туркменистан

Резюме. В статье рассматриваются вопросы хронологии и функционального назначения двух ключевых архитектурных памятников Туркменистана — Большого и Малого минаретов Куня-Ургенча. На основании синтеза свидетельств путешественников XIX в., данных археологических экспедиций и эпиграфических находок автор ставит под сомнение традиционную датировку объектов монгольским периодом. В работе обосновывается гипотеза о возникновении этих сооружений в эпоху Мамунидов. Особое внимание уделяется Большому минарету как уникальному образцу инженерной мысли, сочетающему в себе сейсмостойкость и стратегические функции сигнального звена в оборонительной системе Хорезма. Автор доказывает связь архитектурного проекта с деятельностью ученых Академии Мамуна, подчеркивая статус этих достояний Туркменистана как объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: Куня-Ургенч, эпоха Мамунидов, Большой минарет, архитектурное наследие Хорезма, Академия Мамуна, датировка памятников, сейсмостойкое строительство

Для цитирований: Аллабердиева Л.А. Проблема датировки минаретов Куня-Ургенча в контексте наследия Мамунидов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 7–14. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.01

THE PROBLEM OF DATING THE MINARETS OF KUNYA-URGENCH IN THE CONTEXT OF THE MA'MUNID HERITAGE

Lale A. Allaberdiyeva
Hydyr Deryayev Pedagogical Secondary School, Mary, Turkmenistan

Abstract. The article examines the issues of chronology and the functional purpose of two key architectural monuments of Turkmenistan — the Great and the Minor Minarets of Kunya-Urgench. Based on a synthesis of 19th-century travelers' accounts, archaeological expedition data, and epigraphic finds, the author challenges the traditional dating of these sites to the Mongol period. The paper substantiates the hypothesis that these structures originated during the Ma'munid era. Particular attention is paid to the Great Minaret as a unique example of engineering thought, combining seismic resistance with the strategic functions of a signaling link in the Khwarazm defense system. The author proves the connection between

the architectural design and the activities of the Ma'mun Academy scholars, emphasizing the status of these treasures of Turkmenistan as UNESCO World Heritage sites.

Keywords: Kunya-Urgench, Ma'munid era, Great Minaret, architectural heritage of Khwarazm, Ma'mun Academy, dating of monuments, earthquake-resistant construction

For citation: Allaberdiyeva L.A. The Problem of Dating the Minarets of Kunya-Urgench in the Context of the Ma'munid Heritage. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:7–14. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.01

Определение датировки архитектурных памятников современного Куня-Ургенча, и в частности его древних минаретов, имеет ключевое значение для изучения культурного развития эпохи Мамунидов. Сравнительный анализ исторических источников, научной литературы и результатов археологических исследований позволяет предположить, что в период правления династии Мамунидов в Куня-Ургенче было возведено несколько минаретов. Как отмечает Х. Юсупов, «среди местного населения бытует предание о сорока минаретах Ургенча. Народные предания нередко близки к истине. Вероятно, в домонгольском Куня-Ургенче (Гургандже) действительно существовало множество мечетей и минаретов...» (Юсупов, 2010, с. 57). На сегодняшний день из этого множества известны лишь два сохранившихся объекта. Обратимся к обзору сведений из ранних письменных источников, свидетельствующих о существовании двух минаретов в городе Куня-Ургенче.

1. Сведения, оставленные российским ученым-востоковедом Александром Куном (1840–1888 гг.), посетившим Куня-Ургенч в 1873 г. Согласно сведениям А. Куна (1873), минареты Куня-Ургенча представляли собой два строения из тесаного кирпича, вероятно, относившихся к разным медресе. Более сохранный восточный минарет (выс. ~60 м, шир. ~21 м) отличался двумя поясами синих куфических надписей. Западный минарет к моменту осмотра был разрушен наполовину. Расстояние между объектами составляло 100–150 саженей (Кун, 1876, с. 213–214).

2. Записи британского протестантского миссионера и путешественника Генри Ланселла (1841–1919 гг.), посетившего Куня-Ургенч в 1882 г. и лично осмотревшего минареты. В своей работе (1885) Г. Ланселл описывает минареты Куня-Ургенча, приводя их параметры: «Малый» (основание 24,38 м) был сильно разрушен, а «Большой» (высота ~56,7 м, основание 34,7 м) сохранил четыре кольца куфических надписей и следы глазуровки. Автор упоминает о вероятном наличии винтовой лестницы внутри восточного минарета и сопровождает текст иллюстрацией, на которой западный минарет выглядит значительно ниже восточного (Lansdell, 1885, p. 342–343). Как видно, во 2-й половине XIX в. в Куня-Ургенче существовало как минимум два минарета. Однако во время землетрясения, произошедшего 8 июля 1895 г., один из них был разрушен (Халимов, 1991, с. 19).

Начиная с 30-х гг. XX в. в научной литературе закрепляются понятия «минарет Кутлуг-Тимура» и «минарет Мамуна». Первым, кто ввел эти дефи-

ниции в научный оборот, был А.Ю. Якубовский. В 1928 г. он расшифровал и перевел куфическую надпись на сохранившемся в Куня-Ургенче минарете. Основываясь на этих текстах, ученый сделал вывод, что минарет был возведен наместником Хорезма Кутлуг-Тимуром в период правления хана Золотой Орды Узбек-хана (между 1321–1341 гг.). При первичном ознакомлении с памятником, опираясь на его архитектурные характеристики, А.Ю. Якубовский датировал его домонгольским периодом (не позднее XII в.). Однако позже, обнаружив имена Кутлуг-Тимура и Узбек-хана в надписи на нижнем орнаментированном поясе минарета, исследователь был вынужден отнести памятник к монгольской эпохе. При этом он отмечал, что наличие имени Кутлуг-Тимура в надписях стало полной неожиданностью, так как сам архитектурный облик минарета напрямую отсылает к сооружениям эпохи Караханидов XI–XII вв. (Якубовский, 1930, с. 38–39). В итоге за сохранившимся в Куня-Ургенче минаретом в научной литературе закрепилось название «минарет Кутлуг-Тимура».

Возникновение гипотезы о существовании «минарета Мамуна» в городе Куня-Ургенче связано со свинцовой плитой, обнаруженной в 1900 г. у основания одного из городских минаретов. Данный артефакт, имеющий длину 84,9 см и ширину 49 см, был направлен в 1900 г. хивинским ханом Сейидом Мухаммедом Рахимом начальнику Амударьинского отдела А.С. Галкину. Первые сведения о находке опубликовал Н.Ф. Катанов, указав, что пластина была найдена в основании древнего минарета в Куня-Ургенче (Катанов, 1902, с. 015). На поверхности свинцовой плиты арабским письмом в стиле куфи начертан текст в четыре строки. В надписи сообщается, что в 1011 г. по приказу хорезмшаха Абул Аббаса Мамуна ибн Мамуна была осуществлена закладка фундамента минарета, причем правитель лично присутствовал на торжественной церемонии. Опираясь на публикации Н.Ф. Катанова, А.Ю. Якубовский в ходе исследований 1928 г. идентифицировал воронкообразный холм, расположенный к югу от мавзолея Иль-Арслана (в северо-восточной части Дашкалы), как руины «минарета Мамуна». Тот факт, что за 30 лет до этого на данном месте еще стоял минарет, подтвердили и местные старейшины (Якубовский, 1930, с. 31). Таким образом, в научный оборот были введены достоверные сведения о строительстве минарета в Куня-Ургенче Абул Аббасом Мамуном — третьим представителем династии Мамунидов. Как следует из материалов, А.Ю. Якубовский обозначил минарет, обрушившийся в 1895 г., как «минарет Мамуна», в то время как сохранившийся высокий минарет был назван «минаретом Кутлуг-Тимура». С.П. Толстов (1948, с. 309) и Х. Юсупов (2010, с. 54) сочли целесообразным использовать для этих объектов условные наименования: Большой минарет (Кутлуг-Тимура) и Малый минарет (Мамуна). Перейдем к детальному анализу вопроса о точной датировке возведения указанных сооружений.

Малый минарет (минарет Мамуна). Местоположение: северо-восточный угол Дашкалы, в южной части сооружения, известного в народе как мавзолей Иль-Арслана (или Фахреддина Рази). Систематическое изучение

Малого минарета было начато в 1952 г. археологами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова. До этого времени ценные сведения об объекте ограничивались лишь описаниями А.К. Куна и Г. Ланселла. В результате научных изысканий был вскрыт фундамент минарета, обрушившегося в 1895 г., а также примыкающей к нему мечети. Установлено, что Малый минарет относится к эпохе Мамунидов, что подтверждается найденным керамическим материалом. Выявлено, что диаметр минарета составлял 9 м (Вактурская, 1958, с. 482). С северо-восточной стороны к нему примыкала мечеть. Одна из главных улиц тогдашнего центра Куня-Ургенча проходила к западу от сооружения. Археологические исследования 1952 г. показали, что минарет являлся частью крупного общественного здания и подвергался разрушению дважды (Вактурская, 1958, с. 482). Высота минарета составляла приблизительно 48 м; при его строительстве использовался жженый кирпич особого размера — 31×31×6 см (Артемьев, Урманова, 1999, с. 127–128). Минарет, возведенный Мамунидами, был разрушен в 1-й половине XIII в. Группа ученых придерживается мнения, что обрушение произошло вследствие мощного землетрясения 1208–1209 гг. (Новый каталог…, 1977, с. 200), другие же связывают это с монгольским нашествием 1221 г. (Вактурская, 1958, с. 483; Юсупов, 2010, с. 57). Х. Юсупов подчеркивает, что на этом месте располагалась домонгольская Джума-мечеть Куня-Ургенча, в которой, согласно преданию, одновременно могли совершать намаз «сорок тысяч» мусульман (Юсупов Х., Юсупов Т., 1998, с. 33). В монгольский период — в XIII в. или 1-й половине XIV в. — на фундаменте минарета эпохи Мамунидов были заново возведены минарет и сопряженная с ним мечеть. Эти объекты функционировали вплоть до XVII в. Очевидно, минарет, который видели А.К. Кун и Г. Ланселл, был сооружением монгольского периода, окончательно разрушившимся во время землетрясения 8 июля 1895 г. Научные исследования 1990-х гг. установили, что диаметр реконструированного в монгольский период минарета составлял 10 м, а средняя высота — 55 м (Артемьев, 1999, с. 128).

В 1996 г. по проекту видных архитекторов-реставраторов В.И. Артемьева и А.М. Урмановой было намечено воссоздание минарета Мамуна до высоты 8 м и минарета монгольского периода до высоты 4 м. Целью данного метода являлось создание «двухслойной» структуры минарета, наглядно демонстрирующей архитектурные особенности различных исторических эпох. К настоящему времени усилиями указанных специалистов в Куня-Ургенче восстановлен ствол минарета Мамуна до уровня 6 м. По аналогии со входом в Большой минарет объект был дополнен входом с винтовой лестницей (Артемьев, 1999, с. 129). Несмотря на определенную долю условности проведенных реставрационных работ, они позволяют сформировать визуальное представление об облике сооружения, относящегося к началу XI в.

Большой минарет (минарет Кутлуг-Тимура). Среди сохранившихся объектов средневекового зодчества Большой минарет занимает третье место в мире и первое — среди памятников Центральной Азии. А.Ю. Якубовский

одним из первых отметил, что Большой минарет является наиболее выдающимся сооружением среди архитектурных памятников Куня-Ургенча. В настоящее время его высота составляет 59,9 м, однако научные исследования показали, что первоначальная высота была не менее 62 м (Артемьев, 1999, с. 129). В отличие от Малого минарета, Большой минарет обладает значительно большей прочностью и сохранился до наших дней практически в первозданном виде. Ученые В.В. Зотов (1990, с. 13–15), В.И. Артемьев и А.М. Урманова (1999, с. 129–130) окончательно доказали, что минарет не был возведен Кутлуг-Тимуром, а лишь реставрировался в период его правления. Тем не менее точное время строительства объекта долгое время оставалось предметом дискуссий. Х. Юсупов полагает обоснованным мнение о том, что строительство Большого минарета было начато непосредственно при Мамуне II (Юсупов, 2010, с. 55–56). В качестве основного аргумента исследователь приводит факт обнаружения в 1900 г. в основании Большого минарета свинцовой плиты с именем Мамуна II. А.Ю. Якубовский также признавал факт находки плиты у основания Большого минарета (Якубовский, 1930, с. 36), однако по неизвестным причинам пришел к выводу, что артефакт был перенесен туда от другого минарета (Малого), расположенного примерно в одном километре к югу и обрушившегося за 30 лет до его прибытия в эти края. Оспаривая данную точку зрения в своей книге «Сердце древнего Хорезма», Х. Юсупов отмечает: «Перенос какого-либо предмета из одного сакрального места в другое считается у мусульман тяжким грехом. Поэтому рассматриваемая свинцовая пластина изначально должна была находиться в основании именно Большого минарета, так как в тексте на ней точно указано время закладки фундамента» (Юсупов, 1993, с. 40–41).

В мае 1926 г. город Куня-Ургенч посетил известный музыковед В.А. Успенский «...с целью осмотра руин знаменитых памятников столицы древнего Хорезма». Описывая исторические памятники древнего города, он особо отмечает следующее касательно Большого минарета: «...как мне сообщили, он (минарет) был возведен в эпоху султана Махмуда Газневи (XI в.)» (Успенский, Беляев, 2016, с. 189). Историческая память народа традиционно связывает свершение великих дел с именами наиболее могущественных правителей. Упомянутый в данном контексте Махмуд Газневи был современником хорезмшаха Мамуна II, а также его зятем. Представляется вероятным, что строительство минарета могло быть приостановлено в результате похода Махмуда Газневи на Хорезм в 1017 г.

Гипотеза о том, что строительство Большого минарета было начато в эпоху Мамунидов, представляется весьма убедительной, так как научный потенциал — интеллектуальный ресурс, необходимый для создания столь совершенного сооружения, был сосредоточен в то время именно в Академии Мамуна в Куня-Ургенче. В.И. Артемьев и А.М. Урманова доказывают, что Большой минарет был возведен на основе крайне сложного архитектурного плана, опиравшегося на характерные для восточной строительной теории и практики знания о пропорциях (Артемьев, Урманова, 1999, с. 133–134).

В основу конструкции минарета заложен сложный план в форме 16-лучевой звезды. Мы полагаем, что в разработку и практическую реализацию этого проекта внесли особый вклад выдающийся ученый, руководитель Академии Мамуна Бируни, а также его наставник Ибн Ирак, носивший почетное имя «Второй Птолемей». Глубокое изучение научного наследия этих ученых в будущем позволит выявить еще не известные исторические факты и ценные сведения, связанные с Большим минаретом.

Хорезмшах Абул Аббас Мамун II, инициировав возведение гигантского минарета высотой более 60 м, преследовал цели, выходящие за рамки исключительно эстетических или религиозных задач. Для аргументации данного тезиса вновь обратимся к результатам археологических изысканий. Обнаружение археологами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1946 г. системы сигнальных башен, протянувшейся вдоль уступов плато Устюрт (Толстов, 1948, с. 249), свидетельствует о том, что 60-метровый минарет в Куня-Ургенче являлся ключевым и завершающим звеном этой единой цепи. Следовательно, данное грандиозное сооружение отвечало практическим и стратегическим интересам государства Хорезмшахов. **Во-первых,** сигналы (дым в дневное время и свет огня в ночное), передаваемые от башен на возвышенности Устюрт, позволяли доставить критически важную информацию в столицу Куня-Ургенч всего за полчаса (Толстов, 1948, с. 249). Для этого городу требовался чрезвычайно высокий, видимый издалека пункт приема сигналов. Таким образом, Большой минарет служил центральным «ядром» оборонительной системы Хорезма. **Во-вторых,** для караванов, следовавших из глубин степей, минарет Куня-Ургенча служил единственным и надежным ориентиром, видимым с огромных расстояний. Это исполинское сооружение было не только путеводным маяком, но и своеобразным архитектурным свидетельством величия и стабильности города. Более того, тот факт, что археологические раскопки не выявили в непосредственной близости от Большого минарета остатков мечети или иных общественных сооружений, наглядно подтверждает, что он не предназначался для выполнения сугубо религиозных функций.

На основании проведенного анализа данных, касающихся минаретов Куня-Ургенча, представляется возможным сформулировать следующие положения.

1. В период правления династии Мамунидов в столице государства — городе Куня-Ургенч был возведен минарет высотой около 50 м, а также прилегающая к нему соборная мечеть (Джума-мечеть). Данный архитектурный комплекс (минарет) активно эксплуатировался и сохранял свое функциональное назначение вплоть до XIII в.

2. Фундамент колоссального минарета, известного в научной литературе как «минарет Кутлуг-Тимура», был заложен еще в эпоху Мамунидов. Данное сооружение, возведенное на основе выверенных научно-стратегических расчетов, сохранилось до наших дней как материальное воплощение симбиоза научного прогресса и военно-оборонного потенциала Хорезма.

3. Применение комплекса современных методов научного датирования, таких как радиоуглеродный анализ, дендрохронология, термолюминесцентное датирование и археомагнитный анализ, позволит с более высокой точностью верифицировать период возведения Большого минарета. Это будет способствовать научно обоснованному раскрытию еще одной малоизученной страницы национальной истории и окончательному установлению исторической достоверности рассматриваемых событий.

Среди исторических памятников Куня-Ургенча минареты эпохи Мамунидов занимают особое место, являясь важнейшими объектами культурного наследия, включенными в 2005 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Они служат материальным воплощением высокого уровня инженерной мысли и строительного искусства средневекового Туркменистана. Глубокое изучение данных объектов позволит реконструировать исторический облик Куня-Ургенча — одного из крупнейших мегаполисов средневековья.

Список источников

Артемьев В.И., Урманова А.М. Минареты Куня-Ургенча // Культурные ценности 1997–1998. СПб., 1999. С. 126–136.

Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / под ред. С.П. Толстова и М.Г. Воробьевой. М., 1958. С. 467–494.

Зотов В.В. Гутлуг-Тимурың минарасы хакында тәзе пикирлер // Түркменистаның ядыгәрликлери. 1990. 2/50. С. 13–15.

Катанов Н.Ф. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча // Записки Восточного отделения русского археологического общества (ЗВОРАО). Т. 14, вып. 1. СПб., 1902. С. 015–017.

Кун А.Л. От Хивы до Газавата // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876. С. 203–223.

Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. М., 1977. 536 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. 323 с.

Успенский В., Беляев В. Түркмен сазы. Т. 2. Ашгабат, 2016. 438 с. (на туркм. яз.)

Халимов Н.Б. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад, 1991. 136 с.

Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. Ашгабат, 1993. 55 с.

Юсупов Х. Хорезм ве Гүргенч: тәзе ачышлар. Ашгабат, 2010. 240 с. (на туркм. яз.)

Юсупов Х., Юсупов Т. Раскопки в Куня-Ургенче // Известия Академии наук Туркменистана. Серия: Гуманитарные науки. 1998. №1. С. 29–35.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930. 68 с.

Lansdell H. Russian Central Asia: Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv: in 2 vols. London, 1885. 732 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Лале Агагелдиевна Аллабердиева, Педагогическое училище имени Хыдыра Деряева, кафедра истории и социальных наук, преподаватель кафедры; 745400, Туркменистан, г. Мары, улица Ашхабадская, 49, соискатель кафедры истории Туркменистана и методики ее преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди, https://orcid.org/0009-0004-2078-8584, allaberdyyeva85@mail.ru

Lale A. Allaberdiyeva, Khydyr Deryayev Pedagogical School, Department of History and Social Sciences, Lecturer of the Department; 49 Ashgabat Street, Mary, 745400, Turkmenistan; Applicant for a Degree at the Department of History of Turkmenistan and Methods of Its Teaching, Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, https://orcid.org/0009-0004-2078-8584, allaberdyyeva85@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 908(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.02
EDN: ZEYGIZ

ГЕРБ П.К. ФРОЛОВА: АТРИБУЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ И СИМВОЛИКИ

Памяти Сергея Васильевича Неверова

Павел Алексеевич Афанасьев
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена геральдическому описанию, анализу изобразительных элементов и их символического значения в гербе начальника Колывано-Воскресенских горных заводов Петра Козьмича Фролова. Сравнительная характеристика сохранившихся рисунков герба позволила автору выделить их особенности, помогающие правильно понять символику герба. Предлагаемая трактовка изобразительных элементов герба рассматривает его как воплощение личности владельца. Герб был не столько закреплением его дворянского статуса, сколько следствием получения П.К. Фроловым должности начальника заводов. Как часть нового должностного статуса, герб отражал личные амбиции владельца, заявляя его намерения через фигуру золотого льва. Автор приходит к выводу, что символика герба закрепляла не только прошлые заслуги рода, но и будущие достижения его владельца.

Ключевые слова: Петр Козьмич Фролов, герб, геральдика, блазонирование, геральдические символы

Для цитирований: Афанасьев П.А. Герб П.К. Фролова: атрибуция изображений и символики // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 14–22. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.02

THE COAT OF ARMS OF P.K. FROLOV: ATTRIBUTION OF IMAGES AND SYMBOLS

In memory of Sergei Vasilyevich Neverov

Pavel A. Afanasiev
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the heraldic description, analysis of pictorial elements and their symbolic significance in the coat of arms of the head of the Kolyva-

no-Voskresensky mining plants Pyotr Kozmich Frolov. The comparative characteristics of the surviving drawings of the coat of arms allowed the author to highlight their features, helping to correctly understand the symbolism of the coat of arms. The proposed interpretation of the pictorial elements of the coat of arms considers it as the embodiment of the personality of the owner. The coat of arms was not so much a consolidation of his noble status as a consequence of P.K. Frolov's receipt of the position of plant manager. As a part of the new official status, the coat of arms reflected the personal ambitions of the owner, stating his intentions through the figure of a golden lion. The author comes to the conclusion that the symbolism of the coat of arms enshrined not only the past merits of the clan, but also the future achievements of its owner.

Keywords: Peter Kozmich Frolov, coat of arms, heraldry, blazoning, heraldic symbols

For citation: Afanasiev P.A. The Coat of Arms of P.K. Frolov: Attribution of Images and Symbols. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:14–22. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.02

При широкой известности в региональном историко-культурном пространстве личности Петра Козьмича Фролова обращение к фактам его биографии и немногочисленным материальным свидетельствам его личности до сих пор вызывает множество вопросов. До наших дней сохранились единичные предметы, напрямую связанные с владельческой принадлежностью начальнику Колывано-Воскресенских заводов. К числу таких интереснейших артефактов, отражающих его личность, относится его герб.

В научный оборот герб П.К. Фролова впервые был введен алтайскими исследователями региональной сфрагистики. Как самостоятельный объект его рисунок по оттиску печати реконструировали и описали С.В. Неверов и О.И. Чикалова. Они атрибутировали герб как родовой, помещенный на личную печать, отметив его великолепную символику с «говорящими эмблемами», отражающими деятельность отца и сына Фроловых (Неверов, Чикалова, 2006, с. 102–104). Также изображение оттиска гербовой печати П.К. Фролова было рассмотрено в контексте использования личных печатей руководителями Колывано-Воскресенских заводов (Чекрыжова, Зимирев, 2011, с. 18–19).

Введение в научный оборот рисунков герба П.К. Фролова осуществили сотрудники Российской национальной библиотеки, занимающиеся изучением его коллекции рукописей и книг. К 200-летию поступления в библиотеку коллекции П.К. Фролова в 2017 г. рисунок герба экспонировался на выставке, а его изображения были опубликованы в работах, посвященных изучению коллекции горного инженера (Медведева, 2017, с. 83; Васильева, 2018, с. 482; 2020, с. 76).

Однако изображения герба П.К. Фролова и его описание, опубликованные в малотиражных научных изданиях, не привели к его широкой известности в краеведческой среде. В связи с 250-летием П.К. Фролова в научно-популярной периодике и в социальных сетях герб был воспроизведен по предыдущим публикациям (Афанасьев, 2025, с. 26; Кондратенко, 2025). За исключением геральдического описания (блазонирования), до сих пор не было предпринято попыток исторического изучения герба в связи с личностью владельца. Между тем

сравнительный анализ имеющихся изображений герба П.К. Фролова позволяет раскрыть особенности символики его элементов как отражения личностных характеристик владельца, чему посвящена настоящая публикация.

Имеющийся на сегодняшний день комплекс изображений герба П.К. Фролова по способу фиксации можно поделить на две группы. Первая представлена рисунками герба на рукописях и книгах из его коллекции. Самостоятельного бытования изображений герба на листах или предметах не выявлено. Два рисунка выполнены в монохромной манере пером и тушью с соблюдением геральдических правил графического отображения цветных элементов (рис. 1). Три рисунка являются цветными изображениями герба. Все рисунки небольшие по размеру, в пределах 6–9 см в высоту, каждый искусно исполнен яркими насыщенными (по-видимому, натуральными) красками (рис. 3). Вторая группа представлена рисунками герба на оттисках печати. К выявленным и введенным в оборот оттискам (около десятка) по мере изучения документов постепенно добавляются новые. Часть оттисков выполнена на сургуче, другие оттиски являются мастичными (или «копчеными») (рис. 2).

Рис. 1. Монохромный рисунок герба П.К. Фролова на свитке «Календаря на 1801–1885 г.», 1802–1803 г. ОР РНБ. Ф. 923. Ед. хр. 552 (Дорн 552)
Fig. 1. Monochrome drawing of the coat of arms of P.K. Frolov on the scroll "Calendar for 1801–1885", 1802–1803. Manuscript Department of the Russian National Library. F. 923. Storage unit 552 (Dorn 552)

Имея в распоряжении полноцветные рисунки герба П.К. Фролова, можно уверенно провести его уточненное блазонирование — геральдическое описание, ранее выполненное по графической реконструкции оттиска печатей. Французский щит пересечен; в верхнем серебряном поле возникающее лазоре-

вое водоналивное колесо; в нижнем червленом поле золотой обращенный леопардоподобный (шествующий) лев. Под щитом на владимирской ленте подвешен крест ордена святого Владимира (на одном рисунке дополнительно: на аннинской ленте крест ордена святой Анны, на владимирской ленте бронзовая дворянская медаль в память Отечественной войны 1812 г.). Щит увенчан западноевропейским дворянским шлемом с дворянской короной над ним и тремя страусовыми перьями. Намет на щите лазоревый, подложенный золотом.

Рис. 2. Герб П.К. Фролова на оттисках печати: слева — сургучный оттиск, справа — мастичный (копченый) оттиск. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3284. Л. 11 об.; Д. 1973. Л. 125
Fig. 2. The coat of arms of P.K. Frolov on seal impressions: on the left — wax impression, on the right — mastic (smoked) impression. State Archive of the Altai Territory. F. 1. Op. 2. D. 3284. Sheet 117 reverse; F. 1. Op. 2. D. 1973. Sheet 125

Рис. 3. Цветной рисунок герба П.К. Фролова на титульном листе Пражской Библии Франциска Скорины 1517–1519 г. РНБ. ОРК. I.5.4б/4. Л. [2]
Fig. 3. Color drawing of the coat of arms of P.K. Frolov on the title page of the Prague Bible of Francis Skorina 1517–1519. Russian National Library. Department of Rare Books. I.5.4б/4. P. [2]

Символика гербового щита вполне понятна. Водяное колесо в верхней, наиболее почетной части щита напрямую отсылает к гидросиловым механизмам К.Д. Фролова, символизируя основоположника рода через его наиболее важное изобретение в Змеиногорском руднике. Нижняя часть щита призвана отразить уже заслуги П.К. Фролова. Лев, одно из часто используемых животных в геральдике, признавался сильнейшим зверем и был символом отважности, силы, храбрости, мужества, а иногда милости и великодушия. Изображения льва также служили эмблемой доброго устройства страны и процветающего земледелия (Сперансов, 1974, с. 16). Для начальника заводов символика льва в гербе как нельзя лучше олицетворяла его деятельность как руководителя региона.

Водяное колесо в гербе однозначно указывает, что П.К. Фролов был не только заказчиком герба, но и сам участвовал в его составлении. Только он мог предложить в качестве родового признака не отвлеченную искусственную фигуру, символизирующую изобретательскую деятельность в целом (как это сделал бы наемный мастер-геральдист), а важнейший элемент рудничных гидросиловых установок, прославивших его отца, — гигантское водоналивное колесо.

На первый взгляд, все имеющиеся изображения герба П.К. Фролова кажутся если не идентичными, то весьма близкими, различающимися лишь линейными размерами, пропорциями и рисунком намета. Однако при сравнении изображений можно выделить несколько особенностей, дающих, на наш взгляд, ключи к атрибуции символики герба.

Во-первых, на всех изображениях отсутствует девизная лента с девизом. Если для печати это можно объяснить мелким размером матрицы и стремлением передать общую символику герба, то для рисунков отсутствие девиза является уже характеристикой герба. Может показаться странным, что П.К. Фролов, отличавшийся высоким уровнем образования и знанием нескольких языков, при составлении герба сознательно упустил этот важный элемент, наполняющий герб смысловым значением и раскрывающий его мысль. Возможно, автор герба посчитал самодостаточной эмблематическую символику герба. Однако такой подход не характерен для П.К. Фролова, во всем стремившегося к законченным формам. Отсутствие девиза можно объяснить лишь спешностью составления герба. Только при недостатке времени П.К. Фролов не смог выбрать однозначно понравившийся ему и смыслонаполненный девиз, в то время как наличие длительного срока разработки герба вполне позволяло обдуманно подойти к выбору и поместить девиз на герб.

Во-вторых, рисунки герба отличаются положением шлема. На двух из них шлем обращен вправо в профиль, на трех рисунках и на печати он прямой — обращен анфас. Профильное положение шлема вправо означало пожалование дворянского титула семье (Лакиер, 2007, с. 48). Положение шлема анфас указывало на старый род. Вряд ли разное положение шлема было ошибкой или невнимательностью составителя или художника герба. Происхождение П.К. Фролова в формулярных списках обозначалось как «из офи-

церских детей» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3760. Л. 1об.), поэтому по рождению он уже был дворянином. Однако его отец К.Д. Фролов получил потомственное дворянство выслугой офицерских чинов. Поэтому разное положение шлема, скорее всего, отражало поиск П.К. Фроловым наиболее точного отображения его дворянского статуса. Преимущественное использование герба как личного диктовало прямое положение шлема, подчеркивая дворянство П.К. Фролова уже по рождению. Этот вариант мы видим на матрице печати. Повернутый вправо шлем переносил акцент на пожалование дворянского звания, в совокупности с водяным колесом на щите отсылая к истокам рода и выслуге дворянства Фроловым-отцом, что превращало герб в родовой. Этот вариант оказался в последнем по времени рисунке герба с тремя наградами под щитом (рис. 3), что свидетельствует о максимальном стремлении автора-составителя (или владельца-заказчика) выразить в гербе историю рода.

В-третьих, необычным является изображение льва и его положение. Рисунки герба, в отличие от оттисков печати, не оставляют сомнений (Неверов, Чикалова, 2006, с. 114), что голова и грива животного изображают именно льва. Как правило, обычная геральдическая поза льва — в профиль, стоящим на задних лапах, а передними бросающимся вправо, из пасти высунут язык, а хвост поднят кверху и концом падает на спину (Лакиер, 2007, с. 36). Представленное на всех изображениях герба идущее животное с поднятым кверху и откинутым хвостом в геральдике относится к леопарду, но с учетом львиной головы его корректнее назвать леопардоподобным львом. Перед нами на гербе смирный лев: у него нет явных когтей, зубов и высунутого языка (Лакиер, 2007, с. 37). При описании герба с оттиска печати авторы обратили внимание на «неправильное» движение льва: по законам геральдики он должен двигаться в обратную сторону. Авторы склонялись к ошибке гравера, забывшего при вырезании матрицы зеркально отобразить рисунок (Неверов, Чикалова, 2006, с. 114; Чекрыжова, Зимирев, 2011, с. 19). Однако рисунки герба однозначно свидетельствуют об отсутствии ошибки и намеренном оборотном (обращенном) положении льва.

Все это с очевидностью указывает, что для составителя (или заказчика) герба символика льва имела глубокое смысловое значение. На наш взгляд, ее следует трактовать комплексно. Идущий в обратном положении смирный лев отсылал не к его очевидному военно-силовому значению, а к неявной, т.е. обратной трактовке льва как символа гражданской доблести. Поэтому лев в гербе П.К. Фролова олицетворял милость и великодушие его обладателя как начальника, а также благоустройство и процветание вверенного ему региона. Любопытно, что в «Ордере», данном Кабинетом Его Величества П.К. Фролову при назначении начальником Колывано-Воскресенских заводов, ему предписывалось вывести предприятия «от худого распорядка и нерасчетливого хозяйства» предыдущего начальника И.И. Элерса, чтобы на будущее время «постановить сие на прочной ноге с полной благонадежностью в успехе» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1991. Л. 23об.). В этом контексте предлагаемая трактовка нижней части гербового щита приобретает очевидный смысл, ко-

торый мог быть предложен только самим владельцем герба, знакомого с обстоятельствами своего назначения начальником заводов.

Интересен выбор фигуры льва для нижнего поля. Вряд ли он относился к Фролову-отцу, чьим заслугам отведено верхнее поле щита. Лев не мог также характеризовать других представителей рода Фроловых, не достигших карьерных высот. Поэтому лев в нижнем поле призван олицетворять заслуги самого П.К. Фролова — как второго яркого представителя рода. Нужно учесть, что рисунки герба создавались на рукописях, переданных П.К. Фроловым в Императорскую публичную библиотеку весной 1817 г. накануне отъезда в Колывано-Воскресенские заводы. В это время лев в гербе еще не мог символизировать деятельность П.К. Фролова как руководителя. Его служба в должности директора чертежной Департамента горных и соляных дел в 1811–1816 гг. едва ли подходила под воплощение качеств «львиной» символики. Тем более к ней не имела отношения деятельность П.К. Фролова в его алтайский период жизни в первое десятилетие XIX в. Однако именно этот период необычайно прославил молодого инженера-новатора, принес ему признание и первые награды (Афанасьев, 2024, с. 17–18). Логика деления гербового щита как показа заслуг отца и сына скорее требовала отразить в его нижней части уже имевшиеся достижения П.К. Фролова. Для их демонстрации в нижнее поле щита, как и вверху, он вполне мог поместить искусственную фигуру: рудовозное судно, схему реки Иртыш, чертежный инструмент, нивелир или чугунный рельс — любой предмет, зримо обозначавший его конкретную заслугу как инженера-новатора. Помещенный вместо этого лев — царь зверей, безусловно, олицетворял вновь полученную должность начальника заводов. Ее П.К. Фролов мог заслуженно считать пиком всей своей деятельности, не рассчитывая уже в будущем на более высокие посты и полагая на ней максимально проявить свою гражданскую доблесть. Выбор фигуры льва для нижней части щита придавал гербу уникальность, обращая его символику не только в прошлое рода, но и в будущую деятельность его владельца.

В-четвертых, все рисунки гербов, кроме матрицы печати, украшены клейнодами в виде свисающих под щитом наград на лентах. Такое дополнение герба вполне укладывалось в традицию русской геральдики, обозначая личные, а не родовые характеристики владельца герба. В гербе П.К. Фролова наличие клейнод напрямую связано с помещением льва в нижнем поле щита. Если он олицетворял грядущее проявление П.К. Фроловым гражданской доблести, то клейноды показывали конкретные его достижения, отмеченные наградами. Долгое время единственной его наградой был орден святого Владимира 4 степени, полученный в сентябре 1805 г. за введение сплава руды по Иртышу (Афанасьев, 2024, с. 17). Крест ордена с красными расширяющимися лучами на черно-красной ленте узнаваемо прописан на всех рисунках. При этом на четырех рисунках рукописей, переданных в 1817 г. в Императорскую публичную библиотеку, орден является единственной наградой, украшающей герб. Это соответствует историческим фактам, поскольку среди поощре-

ний П.К. Фролова за его новаторскую деятельность преобладали повышения в чине, словесные благодарности и денежные выплаты.

Интересен цветной рисунок герба, украшенный тремя наградами (рис. 3). Орден святого Владимира 4 степени дополнен орденом святой Анны 2 степени — красная с желтой каймой лента и красный крест с расширяющимися лучами и золотыми вставками между ними. Его П.К. Фролов получил в январе 1818 г. Третья награда на гербе является бронзовой медалью. Изображенное на ней всевидящее око и подвес на владимирской ленте указывают на дворянскую медаль в память Отечественной войны 1812 г., которая также имелась у П.К. Фролова (РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 1639. Л. 11). Следующий орден он получил уже в августе 1818 г., но в украшение этого герба награда уже не попала. Благодаря различию в клейнодах каждый новый рисунок герба фиксировал конкретный этап жизни владельца, обозначенный количеством имевшихся у него наград. Однако, персонифицируя родовой герб фиксацией личных достижений владельца, украшение орденами не являлось «говорящим» и снижало символическое значение, поскольку по ним нельзя было понять конкретные заслуги или прославившую владельца сферу деятельности. В совокупности с символикой нижней части щита орденские украшения герба показывали, что все прежние достижения П.К. Фролова оказывались не столь важны для закрепления в гербе, в отличие от перспектив деятельности на посту начальника заводов. При этом отсутствие орденских украшений на матрице печати, соответствуя этой идее, было вызвано скорее простой нехваткой места.

Рассмотренная символика герба П.К. Фролова вполне позволяет назвать его уникальным воплощением личности владельца. Родовой по характеру, герб, однако, был не столько порождением и подтверждением дворянского статуса рода Фроловых, сколько следствием получения П.К. Фроловым должности начальника заводского региона. Герб становился частью нового должностного статуса, отражая тем самым личные амбиции его владельца. Поместив в герб водоналивное колесо как символ деятельности отца и родовых заслуг, П.К. Фролов сознательно отказался от знакового отображения собственной прошлой инженерной деятельности. В отношении себя владелец герба предпочел символикой изображения заявить о своих намерениях как руководителя региона, создавая тем самым «герб на перспективу». В итоге центральным символом герба оказывался не родовой знак — водоналивное колесо, а золотой лев, становившийся олицетворением самого П.К. Фролова на пике его карьеры в качестве вновь назначенного начальника заводов.

Список источников

Афанасьев П.А. 250 лет со дня рождения начальника Колывано-Воскресенских заводов, томского гражданского губернатора П.К. Фролова (1775–1839) // Алтайский край, 2025: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2024. С. 15–22.

Афанасьев П.А. Петр Козьмич Фролов: знакомый незнакомец // Культура Алтайского края. 2025. №2. С. 26–31.

Васильева О.В. «Из собрания Петра Фролова»: искусство книги Востока // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение. СПб., 2018. С. 73–80.

Васильева О.В. Письменные памятники Востока в Российской национальной библиотеке: история формирования фонда, 1795–1850. СПб., 2020. 312 с.: ил.

Кондратенко А.Ю. Фамильный герб П.К. Фролова // Краеведческий лекторий «Петр Козьмич Фролов: горный инженер, библиотекарь, губернатор» (7 февраля 2025 г.). URL: https://vk.com/@pkfrolov-familnyi-gerb-pk-frolova (дата обращения: 24.02.2026).

Лакиер А.Б. История российской геральдики. М., 2007. 398 с.: ил.

Медведева Е.М. Личные коллекции в истории формирования кириллического фонда Российской национальной библиотеки // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения. Вып. 1. СПб., 2017. С. 56–88.

Неверов С.В., Чикалова О.В. Личная печать и герб П.К. Фролова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 101–104.

Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974. 200 с.: ил.

Чекрыжова О.И., Зимирев А.В. Личные печати сибирских губернаторов и начальников Колывано-Воскресенских заводов XVIII–XIX вв. // История горного дела в России: XVIII–XX вв. СПб., 2011. С. 11–21.

Информация об авторе / Information about the Author

Павел Алексеевич Афанасьев, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, доцент; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-7672-8012, pavel_afanasev@mail.ru

Pavel A. Afanasiev, Altai State Pedagogical University, Department of National History, docent; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya st. 55, Candidate of History, Docent, https://orcid.org/0000-0001-7672-8012, pavel_afanasev@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 746:94(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.03
EDN: ZJRBWH

АЛТАЙСКИЕ ИСТОКИ ИСКУССТВА КОШМОВАЛЯНИЯ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Айна Сайдуллаевна Баймурадова
Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан

Резюме. В статье рассматриваются этнокультурные корни искусства кошмоваляния тюркских народов Центральной Азии, прародиной которых является Алтайский регион. На основе сравнительного анализа выявлено типологическое сходство артефактов из Горного Алтая с особенностями войлочных изделий у туркмен, узбеков, казахов и киргизов. Полученные результаты подтверждают общность корней тюркских народов Центральной Азии и свидетельствуют о том, что их культурная идентичность сформировалась на базе древних традиций Алтая.

Для наших предков войлок был не просто предметом первой необходимости в хозяйстве, но и важным элементом духовной культуры и передаваемых из поколения в поколение традиций. Изучая образ жизни древних скифов, гуннов и тюркских племен, можно убедиться, что войлочные изделия являли собой важную составляющую их материальной культуры.

Ключевые слова: кошмоваляние, Алтай, войлочные изделия, тюркские народы

Для цитирований: Баймурадова А.С. Алтайские истоки искусства кошмоваляния у тюркских народов Центральной Азии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 22–29. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.03

ALTAI ORIGINS OF THE FELT-MAKING ART AMONG THE TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Ayna S. Baymuradova
Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Abstract. This article examines the ethnocultural roots of the felt-making art of the Turkic peoples of Central Asia, whose ancestral home is the Altai region. Based on a comparative analysis, a typological similarity was identified between artifacts from Altai and the specific characteristics of felt products among Turkmens, Uzbeks, Kazakhs, and Kyrgyz. The findings confirm the common roots of the Turkic peoples of Central Asia and demonstrate that their cultural identity was formed on the basis of ancient Altai traditions.

For our ancestors, felt was not merely a household necessity but also a vital element of spiritual culture and tradition. Study of the lifestyle of the ancient Scythians, Huns, and Turkic tribes demonstrates that felt artifacts were a fundamental element of their material culture.

Keywords: felt-making, Altai, felt products, Turkic peoples

For citation: Baymuradova A.S. Altai Origins of the Felt-Making Art among the Turkic Peoples of Central Asia. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:22–29. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.03

Горный Алтай, признанный исторической прародиной тюркских племен, традиционно находится в центре внимания исследователей истории и ремесел тюркоязычных народов. Археологические данные этого региона открывают широкие перспективы для изучения древних корней войлочного и коврового искусства.

При проведении анализа древних войлочных, безворсовых (килимов) и ворсовых ковровых изделий неизбежным является обращение к материалам, выявленным в ходе научных изысканий, проведенных в Горном Алтае и Пазырыкских курганах. Именно здесь, в условиях вечной мерзлоты, сохранились древнейшие в мире образцы ковров и войлока, дошедшие до наших дней. Особый научный интерес представляет обнаружение в курганах различных видов войлочных изделий, принадлежавших скифам или сакам, сыгравшим ключевую роль в этногенезе тюркских народов Центральной Азии.

Изучение традиционных методов изготовления войлока у туркмен, казахов, киргизов и узбеков позволяет выявить их типологическое сходство с технологиями производства и орнаментацией артефактов, найденных в курганах Горного Алтая.

Основная цель данной статьи заключается в выявлении типологических параллелей между искусством войлоковаляния у туркмен, казахов, киргизов и узбеков и традициями древних алтайских племен. Подобный сравнительный анализ даст возможность подтвердить общность исторических корней и единство материальной культуры тюркских народов Центральной Азии.

Среди традиционных ремесел туркменского, казахского, киргизского и узбекского народов кошмоваляние выделяется своей архаичностью и доминирующим положением в их хозяйственном укладе. Данный вид прикладного творчества отличается многообразием технологических приемов и орнаментальных решений, а также высокой степенью значимости в сакрально-духовной культуре региона.

Основной источниковой базой для исследования послужили научные труды, статьи известных специалистов — этнографов и историков, археологов, таких как С.И. Руденко (1968), Л.П. Потапов (1953), С.М. Дудин (1926), Г. Васильева (1974, 1985), К.И. Антипина (1962), М.С. Муканов (1979), Б.Х. Кармышева (1998), У. Джанибеков (1982), Н.С. Момунбаева (2016), А.З. Жапаров (Жапаров, Белек, Асангулова, 2019) и др. В их работах рассматриваются древняя технология изготовления войлочных изделий каждого из народов, проанализированы техника валяния, семантика основных орнаментов и узоров.

В принятой исследователями периодизации истории Алтая ключевое значение придается середине I тысячелетия до н.э. Археологические артефакты, обнаруженные в культурных слоях памятников этого периода, открывают широкие возможности для реконструкции социокультурного облика и ментальности древних кочевников Алтая. Согласно Л.П. Потапову, специфика кочевого быта нашла прямое отражение в архитектуре жилищ алтайцев: аналогично другим номадам (таким как усуни, гунны), они наряду с прочими видами построек использовали и переносные жилища, покрытые войлоком (Потапов, 1953, с. 66). В работах С.И. Руденко отмечается, что стены погребальных камер в алтайских курганах были сплошь покрыты войлоком. Кроме того, домашняя утварь и одежда также изготавливались преимущественно из кошмы (Руденко, 1968, с. 22, 64). Необходимо подчеркнуть, что сакральный статус войлока, и в частности белого, подтверждается уникальными археологическими находками. В ходе раскопок В.И. Сарианиди в Маргуше были обнаружены свидетельства того, что пол храмового сооружения был полностью застелен белым войлоком (Baýmuradowa, Hojanazarowa, 2024, с. 22–23).

Традиция возведения белой юрты (ak öý) сохранилась до наших дней у всех тюркских народов Центральной Азии. В их мировоззрении юрта олицетворяет собой микрокосм, модель Вселенной (Baýmuradowa, Hojanazarowa, 2024, с. 69). Как отмечал Л.Н. Гумилев, для народов степи не существовало бо-

лее удобного жилища: в нем прохладно летом и тепло зимой. Красоту тюркской юрты воспевали в своих стихах даже китайские авторы (Гумилев, 2008, с. 80–81). Для туркменского, казахского, киргизского и узбекского народов установка новой юрты всегда была торжественным событием. Само название «белая юрта» происходит от использования светлого войлока для ее покрытия. Согласно древнему тюркскому обычаю, при женитьбе сына родители обязательно ставили для молодых отдельную белую юрту. Именно поэтому в туркменском языке понятие «жениться» (öýlenmek) буквально означает «обзавестись домом» (стать владельцем юрты) (Baýmuradowa, Hojanazarowa, 2024, с. 69–70).

В курганах пазырыкской культуры Алтая V–III вв. до н.э. сохранились многочисленные изделия из войлока: толстые кошмы и настенные ковры, украшенные сложными аппликациями, подушки, кольца-подставки под сосуды, сумочки и чехлы для различных изделий, детали конского снаряжения — потники, чепраки, декоративные седельные покрышки. Эффектные конские маски, превращавшие лошадей в фантастических животных, также имели войлочную основу. Шилась из войлока и одежда (Степанова, 2019, с. 75).

Все известные головные уборы взрослых пазырыкцев сшиты из войлока или имеют войлочную основу, которая снаружи покрывалась тканью или кожей. В отличие от чулок и дождевиков, которые шились из белого некрашеного войлока, головные уборы всегда окрашены в красный цвет или имеют красное наружное покрытие (Степанова, 2019, с. 86).

В тот же период (VI–IV вв. до н.э.) территорию Центральной Азии населяли саки, массагеты, дахи и парны — племена скифского круга. В исторических источниках сохранились сведения о поразительном сходстве целого ряда образцов материальной культуры их с артефактами алтайских скифов. Подобно им, они носили островерхие войлочные шапки, войлочные накидки и чулки. Свои жилища они также покрывали войлоком, а для лошадей изготавливали разнообразные накидки из этого же материала.

У саков, массагетов, дахов и парфян были похожие островерхие, конусообразные головные уборы из мягкого войлока. Артефакты, найденные в Мерве, Нисе, свидетельствуют об этом факте (Ремпель, 1949, с. 334, 361). Войлочный клобук носили и мужчины, и женщины. Этот головной убор, очень удобный в практике, встречается уже в захоронениях мужчин и женщин андроновского времени (Гундогдыев, 2011, с. 91).

Согласно историческим данным, представители кыргызской знати (ханы и беки) носили головной убор «хан калпак», представлявший собой белую войлочную шапку, декорированную золотым шитьем (Момунбаева, 2016, с. 25–27). В казахской традиции аналогичный тип головного убора именовался «айыр калпак» или «мурак». Данный головной убор, изготавливаемый из высококачественного белого войлока и покрытый вышитым бархатом, являлся атрибутом родовой знати и предназначался исключительно для торжественных случаев (Бектиярова, 2019, с. 79). В то время как высшая

знать носила расшитые золотом «хан калпаки», старейшины кыргызского общества отдавали предпочтение белым войлочным колпакам без декора. Особое место в материальной культуре занимал «туюк калпак» — цельноваляный головной убор, известный в разных регионах под названиями «куйма» или «уютма» (Момунбаева, 2016, с. 25–27).

В туркменской культуре вплоть до начала XX в. бытовали женские войлочные головные уборы — «сайкелле» и «хасаба». Поверх войлочной основы повязывали широкий платок (Брюллова-Шаскольская, 1926, с. 65; 1927, с. 291). Также бытовали высокие топбы (у эрсаринцев, шихов, човдуров), внутренняя основа которых изготавливалась из войлока. Они декорировались вышивкой, а по краям (околышу) обшивались мехом (Васильева, 1974, с. 67). Подобным образом у каракалпаков для невест изготавливался обрядовый головной убор с войлочной основой, носивший название «саукеле» (Мясина, 2020, с. 62). Традиционный женский войлочный головной убор кыргызов *шөкүлө* являлся частью свадебного наряда невесты. *Шөкүлө* был важным, незаменимым атрибутом свадебного обряда (Момунбаева, 2016, с. 25–27).

В третьем Пазырыкском кургане наряду с головными уборами были обнаружены кафтаны, изготовленные из белого войлока. По мнению исследователей, данный своеобразный плащ с капюшоном, выполненный из двухслойного войлока, надевался поверх всей одежды и по своему крою напоминает традиционные чабанские накидки, широко распространенные у тюркских народов (Степанова, 2019, с. 82, 86). Туркмены такую накидку называют «ойлук». Этнограф К. Овезбердиев отмечает сходство ойлука с другими видами халатов, указывая, однако, на отсутствие у него воротника, карманов и рукавов (Овезбердиев, 1962, с. 131). Ойлук использовался не только как накидка или подстилка, с его помощью чабаны также сооружали временные укрытия — шалаши или навесы — для защиты от изнуряющей жары и холода (Морозова, 1971, с. 174).

Ойлук был также известен под названием «кебенек». Под этим наименованием данное изделие встречается у многих народов Центральной Азии. У полукочевых узбеков и дурменов «кибенак», сшитый из тонкого войлока, используется пастухами и по сей день. Аналогичное название эта одежда носит и у казахов. У кыргызов же ойлук именовался как «киментай» (Борозна, 1966, с. 112).

Следует подчеркнуть особое значение белого войлока в быту и в традициях тюркских племен. Исследователи подчеркивают тот факт, что в алтайской мифологии белый цвет символизирует идею чистоты, сакральности, достатка, изобилия, плодородия (Текенова, 2022, с. 561). Необходимо отметить, что основа войлочного ковра, найденного в пятом Пазырыкском кургане, белая. У народов Центральной Азии существует поверье, что белый цвет — знак чистоты, величия и счастья. Отсюда возникает особое отношение к войлоку белого цвета; он может быть предметом культовых обрядов, может, имея особую значимость и ценность в обществе, стать статусной вещью, определяющей социальное положение владельца.

Жизненный цикл человека у древних скифо-саков и тюркских народов неразрывно связан с системой инициаций, сопровождающих его от рождения до самой смерти. Как известно, эти инициации реализуются через различные обряды и ритуалы. Важно подчеркнуть, что ключевым атрибутом инициационных практик у тюркских народов выступает войлок.

У туркмен укладывание новорожденного в колыбель, застеленную войлоком или килимом, знаменует начало его жизненного пути в этом мире. На колыбельные войлоки и ковры с благими пожеланиями долголетия и продолжения рода наносятся такие орнаменты, как «güjük yzy» (след щенка), «gülýaýdy» (цветочный луг), «durna hatar» (караван журавлей) и «dogajyk» (амулет). Известно также, что у казахов и киргизов место, куда ставится колыбель, обязательно застилается белым войлоком (Baýmuradowa, Hojanazarowa, 2024, с. 141).

Белый войлок является и главным атрибутом обряда «поднятия хана» (han götermek), общего для всех тюркских народов (Кононов, 1958, с. 54; Бердалы, 2019; Гумилев, 2008, с. 60). Свадебные ритуалы также тесно связаны с этой традицией: у туркмен невесту по прибытии в дом жениха усаживают на специальный узорчатый войлок из белой шерсти, именуемый «gelin keçe» (войлок невесты). У казахов обряды усаживания новобрачных на белый войлок и их торжественное перемещение символизируют переход молодых людей в новый социальный статус (Уарзиати, Галиев, 2006, с. 90). Наконец, белый войлок используется и при проводах человека в последний путь.

На Алтае изделие, называемое *ширдек*, также изготовлялось из особого сорта войлока, имевшего ритуальное назначение. Ширдек использовали как в шаманских практиках, так и в свадебных и погребальных обрядах. Ученый Д. Арзютов, исследуя алтайский ритуальный ковер, приводит рассказы информаторов. Раньше, когда в айыл (дом) приходил глава рода, для него специально расстилали ширдек, на который он садился (Арзютов, 2013, с. 101–102). Схожая традиция сохранилась и у туркменского народа. В каждом доме для старейшины изготовляли белую кошму «пыгамбер кече». Это было показателем уважения и почета старшим в семье (Baýmuradowa, Hojanazarowa, 2024, с. 76–77).

У горноалтайцев лошадь являлась основным домашним животным. Они разводили и высокопородных коней, не уступавших прославленным боевым коням Парфии и Бактрии. Об этом свидетельствуют захоронения, найденные в курганах. В данном контексте следует отметить также факт изготовления из войлока накидок, потников, чепраков. Такие же войлочные изделия можно увидеть по сей день как на Алтае, так и в Центральной Азии.

Таким образом, проанализированные выше данные свидетельствуют о том, что искусство кошмоваляния у туркменского, узбекского, казахского и киргизского народов генетически связано с древним Алтаем. Выявленные этнокультурные параллели с Горным Алтаем, сохранившиеся на протяжении многих столетий, подтверждают, что тюркские народы Центральной Азии являются преемниками древних алтайских традиций, продолжая и развивая это уникальное культурное наследие.

Список источников

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. 288 с.

Арзютов Д. Алтайский ритуальный ковер и создание гетеротопии // Антропологический форум. 2013. №18. С. 85–133.

Бердалы Оспан. Кого казахи считали достойным стать ханом — традиция — Хан сайлау. URL: https://365info.kz/2019/07/kogo-kazahi-schitali-dostojnym-stat-hanom-traditsiya-han-sajlau

Бектиярова Д.С. Использование войлока в изготовлении головных уборов // Технология текстильной промышленности. 2019. №5. С. 78–83.

Брюллова-Шаскольская Н.В. На обломках погибших культур. 1926. 140 л. // Научная библиотека Академии наук Туркменистана.

Брюллова-Шаскольская Н.В. На Аму-Дарье (этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР) // Новый Восток. Научная ассоциация востоковедения Союза ССР. 1927. №16–17. С. 290–303.

Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 91–120.

Васильева Г.П. Современное состаяние народного декоративно-прикладного искусства туркмен // Советская этнография. 1974. №5. С. 60–73.

Васильева Г.П. Узорные войлоки туркменских мастериц // Народные мастера, традиции, школы. Вып. 1. М., 1985. С. 270–277.

Гундогдыев О. Рыцари Азии. Ашхабад, 2011. 527 с.

Гумилев Л. Древние тюрки. М., 2008. 575 с.

Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии. М., 1926. С. 71–166.

Джанибеков У. Культура казахского ремесла. Алма-Ата, 1982. 144 с.

Жапаров А.З., Белек К., Асангулова А.Б. Кыргызские национальные войлочные изделия: современные трансформации // Этнографическое обозрение. 2019. №1. С. 166–180.

Кармышева Б.Х. Изготовление войлока у узбеков // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 289–296.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. 285 с.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата, 1979. 79 с.

Момунбаева Н.С. Традиционные войлочные одежды кыргызов (XVIII–XIX вв.) // Вестник науки и образования. 2016. №11. С. 25–28.

Морозова А.С. Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии. ТИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XCVII. Л., 1971 (Среднеазиатский этнографический сборник III). С. 168–223.

Мясина М.Б. Декоративно-прикладное искусство Средней Азии и Казахстана. Путеводитель по постоянной экспозиции. М., 2020. 104 с.

Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 6. Ашхабад, 1962. С. 111–182.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 445 с.

Рempель Л.И. Терракота Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 1. Ашхабад, 1949. С. 332–372.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов горного Алтая. М., 1968. 136 с.

Степанова Е.В. Войлочная одежда из курганов Пазырыкской культуры Алтая // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. М., 2019. С. 75–93.

Текенова У.Н. Цветовая символика в алтайской прозе второй половины XX в. (на примере романов Д. Каинчина и А. Адарова) // Этнокультурное наследие народов Алтая. Горно-Алтайск, 2022. С. 559–577.

Уарзиати В.С., Галиев А.А. Символы и знаки великой степи (история культуры древних номадов). Алматы, 2006. 160 с.

Baýmuradowa A., Hojanazarowa O. Türkmen keçesi. Turkmen felt mat. Туркменская кошма. Aşgabat, 2024. 190 s.

Информация об авторе / Information about the Author

Айна Сайдуллаевна Баймурадова, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, докторант; кандидат исторических наук, 744000, Туркменистан, г. Ашхабад, ул. Сапармырат Туркменбаши, д. 18, https://orcid.org/0009-0002-4879-6215, aynaetnog@mail.ru

Ayna S. Baymuradova, Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Doctoral Candidate; Candidate of Historical Sciences (PhD in History); 744000, Turkmenistan, Ashgabat, Saparmyrat Turkmenbashy Ave., 18, https://orcid.org/0009-0002-4879-6215, aynaetnog@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 94(571.1)(282.05)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.04
EDN: ZUQHLR

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕЛЬЕФ УСТЬЯ ОМИ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ

Юрий Викторович Герасимов[1], Максим Юрьевич Здор[2], Михаил Андреевич Корусенко[1]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2]Омский научный центр, Омск, Россия

Резюме. В данной статье авторы поднимают проблему возможности реконструкции голоценового рельефа приустьевой зоны реки Оми. Современная поверхность сформирована искусственно в результате деятельности человека по обустройству городской территории на протяжении последних трех столетий. Представить внешний вид местности в далеком прошлом можно на основании изучения исторических карт, фотографий, привлечения данных стратиграфических исследований и материалов топографической съемки. В работе проведен анализ эвристического потенциала разных групп источников, который, по мнению авторов, позволит решить поставленную задачу. В публикации также представлен сформированный авторами комплекс методов исследования.

Ключевые слова: Омское Прииртышье, голоцен, палеорельеф, методика реконструкции, Омск, исследования

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие», FWZG-2025-0014.

Для цитирования: Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Исторический рельеф устья Оми: источники и методика реконструкции // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 29–35. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.04

HISTORICAL RELIEF OF THE OMI ESTUARY: SOURCES AND METHODS OF RECONSTRUCTION

Yuri V. Gerasimov[1], Maxim Yu. Zdor[2], Mikhail A. Korusenko[1]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Omsk Scientific Center, Omsk, Russia

Abstract. In the article, the authors raise the problem of the possibility of reconstructing the Holocene relief of the estuary zone of the Omi River. The modern surface has been artificially formed as a result of human activity in urban development over the past three centuries. It is possible to imagine the appearance of the area in the distant past based on the study of historical maps, photographs, using stratigraphic research data and topographic survey materials. The paper analyzes the heuristic potential of different groups of sources, the analysis of which, according to the authors, will solve the problem. The publication also presents a set of research methods developed by the authors.

Keywords: Omsk Irtysh region, Holocene, paleorelief, reconstruction techniques, Omsk, research

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the state assignment "Population of the South of the West Siberian Cultural Dynamics and Cultural Heritage", FWZG-2025-0014.

For citation: Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Korusenko M.A. Historical Relief of the Omi Estuary: Sources and Methods of Reconstruction. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:29–35. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.04

Интерес авторов к проблеме восстановления, хотя бы виртуального, рельефа устья реки Оми вызван был в первую очередь дискуссионным вопросом о местоположении первой Омской крепости на современной карте города (Герасимов, Здор, Корусенко, 2019, с. 186). Развитие исследований в этом направлении открыло новые аспекты актуальности проблемы, в том числе в связи с деятельностью по сохранению объектов археологического наследия.

Устье Оми — историческое ядро Омска. Именно здесь, на левом берегу правого притока Иртыша, полковник И.Д. Бухгольц в 1716 г. основал крепость, которая положила начало одному из крупнейших городов Сибири. За три столетия истории мегаполиса естественные ландшафты территории претерпели серьезные трансформации, некоторые элементы были утрачены полностью. В частности, практически исчезли те характерные формы релье-

фа, которые определяли специфику восприятия топоса древним населением с точки зрения формирования ойкумены. Сегодня от первоначальных элементов рельефа сохранились первая надпойменная и высокий мыс второй надпойменной террасы на правом берегу Оми и Ленинская (Ильинская) горка — фрагмент второй надпойменной террасы — на ее левом берегу. Между тем знание исходных форм рельефа имеет большое значение для поиска, сохранения и изучения археологических памятников, в настоящее время полностью скрытых городской застройкой. Именно особенности рельефа позволяют оценить вероятность местоположения древнего памятника, предположить его тип, конфигурацию, границы. Таким образом, реконструкция естественных элементов рельефа представляется вполне актуальной задачей, решение которой открывает интересные перспективы для развития археологических изысканий в условиях городской среды. Но такая попытка поднимает вопрос адекватной источниковой базы и релевантного методического инструментария. В данной публикации мы рассмотрим возможные источники и методику подобного рода исследования.

Первую группу источников, коль скоро речь идет о географии, конечно, составляют карты, в нашем случае исторические. Для рассматриваемой территории существует довольно представительный корпус топографических карт, самые ранние из которых датируются концом XVII в. Работа с ними сегодня в значительной степени облегчается развитием информационных технологий, благодаря чему большие массивы данных стали доступны исследователям в оцифрованном виде.

Наиболее ранние картографические материалы, на которых показано устье Оми («Годуновский чертеж» (Омское Прииртышье…, 2015, л. 2), «Карта Сибири от границ Китайских» (Ремезов, 1698) и др.), не содержат изображения рельефа. На листе 10 Чертежной книги Сибири, где показано Омское Прииртышье, никакого рельефа на интересующей нас территории нет, но на левом берегу Иртыша, южнее устья Камышловки, желтой краской показано урочище «Боршов яр» (Ремезов, 1882, л. 10). Поскольку таким цветом на чертежах Ремизова обозначались горы, можно полагать, что и здесь показана некая деталь рельефа, которая воспринималась как локальное повышение. Не исключено, что отображена терраса Иртыша, которая близ впадения Камышловки подходит довольно близко к руслу, но здесь можно увидеть также высокий и крутой берег у с. Красная Горка, расположенного в 4 км ниже по течению от современного устья р. Камышловка. На листе 95 Хорографической книги по правобережью р. Иртыш показан высокий обрывистый берег, который в устье Оми выходит в урочище Алоярский яр, затем прерывается до северного края пойменного озера Калач (ныне — старица Надеждинская) и далее тянется на север (Ремезов, 1711). Действительно, за старицей правый берег подходит вплотную к руслу, имеет обрывистый склон, формируя Черную луку, отмеченную на карте. Такая особенность отображения рельефа свидетельствует о том, что наблюдения велись с Иртыша, который и являлся основной транспортной магистралью в то время.

Несколько большей детализацией отличается план Омской крепости, подготовленный инженером де Гранжем в 1722 г. для ее перестройки (Омское Прииртышье…, 2015, л. 9). Здесь условной штриховкой показаны берега Иртыша и Оми в районе существующей крепости и предполагаемого строительства. Хорошо читаемы контуры низкой террасы, образующие острый мыс на южном берегу устья Оми, и высокой стрелки, отстоящей на 550 м к востоку, если ориентироваться на масштаб карты. По северному берегу Оми вторая надпойменная терраса сливается с первой у самого устья, образуя высокий холм, на котором и предлагалась постройка крепости. Еще более наглядную картину дает «План Омской крепости» 1745 г., отображающий долину р. Омь в нижнем течении и часть ее древнего устья (Кочедамов, 1960, с. 5). На указанном документе хорошо читается приустьевая пойма Иртыша, сформированная изменением его русла, и высокая терраса долины Оми, которая и формирует «Алоярский яр», отмеченный на плане С.У. Ремезова. Планы Омской крепости 1746 и 1755 гг. не добавляют ничего нового к вышеописанному, а на плане 1785 года под террасой показана неширокая песчаная отмель, которая на более поздних картах будет отчетливо прорисовываться. Любопытный элемент фиксируется на карте Омского уезда 1821 г., где на стрелке мыса отчетливо показаны три уступа террасы, возвышающиеся над песчаной косой. Указанные элементы рельефа отображены контурной линией и перпендикулярной штриховкой с последующей растушевкой, как это было принято в топографии XVIII — начала XIX в. На карте 1884 г. рельеф передан уже в более привычном для нас виде — горизонталями, но для обозначения обрыва используется утолщенная линия (Retromap, «План города…, 1884»). Здесь в приустьевой зоне показаны песчаная коса, контур первой надпойменной террасы в целом, повторяющий русловый изгиб Иртыша и Оми, и обвод второй надпойменной террасы, коррелирующий с очертаниями современной Ленинской (Ильинской) Горки, пересекающий угол сквера им. Борцов революции и выходящий в обрывистый берег за зданием кадетского корпуса. Примечательно, что на описываемой карте детали природного рельефа частично перекрыты элементами городской инфраструктуры, что позволяет полагать начало антропогенной модификации ландшафта. Наконец, максимальной подробностью отличается «План города Омска с окрестностями», составленный при военно-топографическом отделе штаба Омского военного округа в 1917 г. (Retromap, «План города…, 1917»). Указанный документ горизонталями изображает песчаную косу, склон и обрывистую бровку первой надпойменной террасы, а альтитуды показывают выраженный уклон второй, но уже без уступов. Это можно рассматривать как свидетельство того, что к началу XX столетия рельеф приустьевой зоны в значительной мере был выположен. Более поздние карты рассматриваемой территории уже не содержат изображения рельефа за исключением крупных форм — края береговых террас, большие овраги и т.п.

Таким образом, исторические документы зафиксировали естественный рельеф теми средствами, которые были приняты в топографии соответству-

ющего периода, но прямое наложение этих данных на современную карту затруднено рядом обстоятельств. В первую очередь при масштабировании относительно базовых точек не удается добиться точного совпадения контуров элементов рельефа и современной ситуации. Это может быть обусловлено как неточностью съемки местности в прошлом, вызванной несовершенством методики и инструментария того времени, так и результатами трансформации территории в ходе природопреобразующей деятельности человека. Кроме того, по имеющимся данным невозможно установить абсолютные или относительные превышения, крутизну и характер склонов и даже однозначно определить количество ступеней террас.

Вторую группу источников составляют исторические фотографии, значительная часть которых выложена на общедоступных ресурсах. Первый фотосалон в Омске был открыт в 1855 г. А.Г. Тёмкиным, а в 1862 г. он снял первую фотопанораму г. Омска, которая сохранилась до наших дней. На фото запечатлен вид с каланчи городской управы в направлении юг–юго-восток, правая часть снимка захватила некоторые детали, интересные в рамках заявленной темы. Вероятно, ему же принадлежит и снимок с той же точки в северо-западном направлении, на котором виден мыс правого берега Оми, валы Усть-Омского и Ильинского полубастионов, Омские ворота и строения на территории крепости. Терраса левого берега Оми запечатлена в центре композиции фотоснимка рубежа 1860–1870-х гг., сделанного от Иртышских ворот. Уже на указанных фотографиях заметны следы деятельности человека по изменению природного рельефа — проложены дороги из поймы на террасы, для чего прорезаны крутые склоны, сооружены искусственные насыпи, обустроены причалы. Кроме того, известны снимки 2-й половины XIX — середины XX в., по которым можно проследить трансформацию рельефа приустьевой зоны до современного состояния. Использование видимых на фотоснимках исторических зданий в качестве топографических привязок и хронологических реперов позволяет определить направление съемки и соответственно совместить картографические данные с конкретным изображением. Визуализация местности на фотографии позволяет, с одной стороны, детализировать особенности рельефа, отраженные на топографических картах, а с другой — уточнить хронологию этапов преобразования местности.

Следующая группа источников сформирована в результате археологических работ, выполнявшихся авторами в центре Омска начиная с 2010 г. Сеть шурфов и зачисток, заложенных в разные годы, накрывает территорию первой надпойменной террасы правого берега и поймы р. Иртыш общей площадью более 58 га на север и юг от устья Оми вдоль долины Иртыша, охватывая как территорию, когда-то занимаемую первой и второй Омскими крепостями, так и ближайшие окрестности. Стратиграфические наблюдения зафиксировали как естественные, так и искусственно сформированные почвенные структуры, что позволило установить степень и форму воздействия на рельеф, а картографирование раскрытий — определить его границы. Топографическая съемка современной поверхности, выполненная на изучаемой

территории с помощью электронного тахеометра и приемника GNSS, позволила получить опорные точки для совмещения данных, полученных при анализе вышеописанных групп источников, с современными картами.

Таким образом, в ходе многолетних исследований был сформирован представительный корпус источников, состоящий из историко-топографических, историко-фотографических, современных топографических и археологических данных. В основу исследования положен ретроспективный метод, исходной точкой для которого станут материалы топографической съемки современной поверхности. С помощью указанных данных и результатов стратиграфического анализа будет определен уровень крыши материка и проведено зонирование степени его сохранности (уже сейчас можно говорить о значительной площади повреждения этого уровня). Кроме того, необходимо выполнить картографирование культурного слоя с разными хронологическими и технологическими характеристиками. Результаты стратиграфических наблюдений также позволят оценить нижний уровень залегания почвенного слоя, что даст возможность рассчитать, с учетом характерного для изучаемой местности типа почв, вероятные высотные отметки древней дневной поверхности.

Полученные данные лягут в основу цифровой модели реконструируемой исторической поверхности, детали и элементы которой будут уточнены на основе анализа исторических карт и фотоматериалов.

Список источников

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Неизвестные страницы истории Омска: археологические данные // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. №2. С. 185–196.

Кочедамов В.И. Как рос и строился город. Омск, 1960. 112 с.

Омское Прииртышье на картах и чертежах XVI — начала XIX века. Приложение. Тобольск; М., 2015. 24 л.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году [Карты]. СПб., 1882. 1 л. текст, 24 сдв. л. карт. URL: https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/51520/1/MTgxMDAwNDVfUmVtZXpvdiwgU2VtZW4gVWwneWFub3ZpY2ggKDE2NDItMTcyMCkuIENoZXJ0ZXpobmEucGRm

Ремезов С.У. Карта Сибири от границ Китайских. 1698. URL: https://kartaremezova.rgo.ru/

Ремезов С.У. Хорографическая книга Сибири (1698–1711). URL: https://archive.org/details/atlas_remizova/page/n113/mode/2up (дата обращения: 19.01.2026).

Retromap «План города Омска с окрестностями, 1884 год». URL: https://retromap.ru/14188414_55.022542,73.312180&w=pv1304161&leftfull=100&p=68 (дата обращения: 19.01.2026).

Retromap «План города Омска с окрестностями, 1917 год». URL: https://retromap.ru/1419179_z18_55.022542,73.312180&w=pv1304161&leftfull=100&p=68 (дата обращения: 19.01.2026).

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Герасимов, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия, научный консультант; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, http://orcid.org/0000-0002-5066-576X, ngajapti@yandex.ru

Yuri V. Gerasimov, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia, Scientific Consultant; 644024, Omsk, Russia, Karl Marx Ave. 15, PhD in history, http://orcid.org/0000-0002-5066-576X, ngajapti@yandex.ru

Максим Юрьевич Здор, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, https://orcid.org/0000-0002-1842-101X, m-zdor@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer, 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, master, https://orcid.org/0000-0002-1842-101X, m-zdor@yandex.ru

Михаил Андреевич Корусенко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия, старший научный консультант; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-7004-1287, otto.link@gmail.com

Michael A. Korusenko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia, Senior Scientific Consultant, 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, PhD in History, https://orcid.org/0000-0001-7004-1287, otto.link@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 398.332.2:299.4(571.15)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.05
EDN: AFAZCM

РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ОБРЯДА «КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ УМЕРШИХ» У АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ

Авдинаби Кадыров
Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан

Резюме. В статье рассматриваются материалы полевых исследований автора на Алтае, а также археологические данные из южных регионов Кыргызстана, выявлены их параллели и сходства. Несмотря на значительное географическое расстояние между Кыргызстаном и Алтаем, обрядовые традиции сохраняются в кыргызском обществе и по сей день, некоторые из них трансформировались под влиянием ислама, обрели новые формы, что подверглось научному анализу. Показано, что аналогичные ритуалы до сих пор практикуются среди кыргызов, монголов, якутов и японцев, при этом исследованы как общие черты, так и культурные различия между ними. Особое внимание уделено значению этих ритуалов в сохранении духовной связи между живыми и миром предков, в обеспечении преемственности традиций и в формировании культурной идентичности народов.

Ключевые слова: алтайские народы, шаманизм, духи, приношение пищи, религия, традиция

Для цитирований: Кадыров А. Религиозно-культурная природа обряда «кормления духов умерших» у алтайских народов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 35–40. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.05

RELIGIOUS AND CULTURAL NATURE OF THE RITUAL "FEEDING THE SPIRITS OF THE DECEASED" AMONG THE ALTAIC PEOPLES

Avdinabi Kadyrov
Batken State University, Batken, Kyrgyzstan

Abstract. This article examines materials from the author's field research conducted in the Altai region, as well as archaeological data from the southern regions of Kyrgyzstan, identifying their parallels and similarities. Despite the considerable geographical distance between Kyrgyzstan and Altai, ritual traditions have been preserved in Kyrgyz society up to the present day. Some of these practices have undergone transformation under the influence of Islam and have acquired new forms, which are subjected to scholarly analysis in this study. The article demonstrates that similar rituals continue to be practiced among the Kyrgyz, Mongols, Yakuts, and Japanese, while both their common features and cultural differences are comparatively examined. Particular attention is paid to the role of these rituals in maintaining the spiritual connection between the living and the world of the ancestors, ensuring the continuity of traditions, and shaping the cultural identity of these peoples.

Keywords: Altaic peoples, shamanism, spirits, food offering, religion, tradition

For citation: Kadyrov A. Religious and Cultural Nature of the Ritual "Feeding the Spirits of the Deceased" among the Altaic Peoples. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:35–40. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.05

В мировоззрении тюркоязычных народов, проживающих в Алтайском регионе, важное место занимает вера в то, что дух умершего человека (в алтайской традиции — *сүр, күн, тос*), даже перейдя в иной мир, продолжает оказывать непосредственное влияние на жизнь живых. В связи с этим с древних времен существовала практика проведения специальных обрядов, направленных на установление и поддержание так называемой «этической связи» с миром духов. В соответствии с традицией алтайцев во время поминок на третий, седьмой и сороковой день совершается обряд *чачылга* (кормление душ умерших). Обряд чачылга направлен на мир предков, умерших, но которые продолжают жить — «в том Алтае» (Тадышева, 2017, с. 216).

В современном кыргызском обществе традиция поминовения умерших схожа с алтайской. Поминки на третий и седьмой день после принятия ислама были перенесены на четверги, а сороковой день остался прежним. Во время таких поминок забивали животных и подавали мясо и другие блюда приглашенным гостям, а затем священник читал стихи из Корана, чтобы благословить души усопших.

Культ умерших и предков занимал одно из центральных мест в доисламском мировоззрении кыргызов. Он был широко распространен среди всех групп кыргызского общества и имел устойчивую форму. Основу культа умерших и предков составляли анимистические представления, согласно которым духи умерших и предков продолжают реально существовать, оказывая влияние на мир живых (Абрамзон, 1999, с. 221).

Археологические раскопки, проведенные в 2024–2025 гг. в Андыгенском массиве Баткенского района Кыргызской Республики, выявили керамические сосуды и кости животных из захоронений, датируемых II–IV вв. н.э. Предварительные исследования позволяют предположить, что в сосудах находились пищевые продукты и кости животных. Аналогичные находки относятся к культуре Кара-Булак в этом же регионе. Нет сомнений, что подобные церемонии проводились с целью угощения духов умерших (Отчет об исследованиях..., 2025).

Мир древних кыргызов был наполнен памятью о предках. Считалось, что умершие всегда влияют на дела и жизнь живых. «Арбаки», или духи, образы умерших предков, могли помогать или вредить коллективу — роду, племени. Арбаков пытались умилостивать, приносили им в жертву скот. «Когда арбаки будут довольны, живым будет легче жить», — говорит кыргызская народная пословица. Дух предков и умерших часто призывали в качестве арбитра. Арбаков всегда уважали: о человеке, которому всегда сопутствует удача, говорили, что его поддерживает арбак (Токпаева, 2013).

Однако по сей день церемонии изучения Корана на разных уровнях не обходятся без еды и на нее приглашают и угощают нескольких человек, а в некоторых случаях и сотен.

Обряд «кормления духов умерших», как правило, включает в себя следующие основные элементы:

— приготовление ритуальной пищи — преимущественно из мясных и молочных продуктов (чаще всего используется мясо овцы или быка);

— призывание умершего — шаман или старейшина рода называет имя покойного и символически «извещает» его о совершаемом обряде;

— акт подношения пищи — первая доля еды предназначается огню, воде или земле и носит символический характер, обозначая жертву духам;

— мольба (обращение) — шаман исполняет ритуальное песнопение либо произносит специальные заклинательные формулы («алгыш сөздөр»), сопровождаемые благопожеланиями;

— разделение пищи — оставшаяся часть ритуальной еды распределяется между участниками обряда, что символизирует социальную сплоченность и коллективное единство.

«Данный обряд направлен на установление непрерывной связи с предками и поддержание духовного порядка в обществе» (Мерцалова, 2010, с. 84, 192).

Истоки данного ритуала восходят к шаманским традициям древних тюркских народов. Подобные жертвоприношения, связанные с почитанием умерших, зафиксированы также у скифов, гуннов и в обществах древних тюрков периода Кок Тюркского каганата (Потапов, 1969, с. 304).

В культе умерших и предков, в обрядах погребения и поминальной трапезы (аш берүү) как элементах поминально-ритуального комплекса эти древние черты поразительно сближают религиозные представления кыргызов с верованиями ряда народов Центральной Азии и народов Саяно-Алтая. Эта сторона мировоззрения кыргызов отражает не только общую стадию развития религиозного мышления, через которую прошли указанные наро-

ды, но и свидетельствует о существовании между некоторыми из них историко-культурных, а на определенных этапах — и этногенетических связей. (Абрамзон, 1999, с. 232).

В нижеприведенной таблице сопоставлены схожие ритуалы у различных народов.

Народ	Аналогичный ритуал	Содержание
Якуты	Ырыа түүлөө	Обряд посвящения кумыса и мяса духам
Киргизы	Аш берүү	Коллективное поминальное угощение, посвященное духам предков
Монголы	Овоо той	Подношение утреннего молока или мяса духам у сакральных каменных сооружений (овоо)
Японцы	Фестиваль Обон	Обычай зажигать свечи и ставить пищу в честь душ умерших

Как видно из данного сравнения, обычай подношения пищи духам связан с аналогичными метафизическими представлениями у народов, живущих в разных частях света. Эти ритуалы отражают универсальную для человечества веру в невидимый мир и в возможность взаимодействия между живыми и умершими. Несмотря на различия в формах исполнения, все они выражают уважение к предкам, стремление к гармонии с миром духов и поддержанию духовной связи между поколениями. Подобные обряды играют важную роль в культурной идентичности народов и обеспечивают преемственность традиций.

Представления о загробной жизни и продолжении существования души после смерти являются универсальным элементом традиционных мировоззрений большинства народов мира. Этнографические и религиоведческие исследования показывают, что вера в активное присутствие духов предков, способных оказывать влияние на судьбу живых, характерна как для кочевых обществ Евразии, так и для оседлых земледельческих культур Азии, Африки и Америки. В этом контексте подношение пищи выступает как символический и практический способ поддержания коммуникации между миром живых и миром умерших.

После смерти человека его благополучие в загробном мире зависело от того, каким образом родственники выполняли обряд поминального угощения — аш. Если поминки проводились должным образом, считалось, что умерший пребывает в покое и оказывает покровительство всем своим родственникам; в противном случае он мог проявлять недоброжелательность и даже враждебность. Таким образом, между культом предков и последовательностью проведения поминальных обрядов аш, входящих в традиционный погребальный культ кыргызов, сформировалась тесная связь (Валиханов, 1961, с. 472).

Во многих традиционных культурах подношения пищи, напитков или иных даров духам предков интерпретируются как форма благодарности за защиту, здоровье, плодородие и удачу. Одновременно они несут в себе характер просьбы — о благополучии семьи, успешной охоте, скотоводстве или

урожае. Таким образом, ритуал приобретает двусторонний характер: он сочетает элементы благодарственного жертвоприношения и магико-религиозного обращения за помощью.

Характерной особенностью подобных практик является их коллективный характер. У многих народов Центральной и Северной Азии ритуалы подношения пищи совершаются не индивидуально, а всем родом или общиной. Это придает обряду важное социальное измерение: он укрепляет внутриобщинные связи, формирует чувство солидарности и коллективной ответственности перед предками. Через совместное участие в сакральных действиях воспроизводятся нормы поведения, иерархия и моральные ценности, лежащие в основе традиционного общества.

Особое значение в данных обрядах имеет их приуроченность к природным и сезонным циклам. У кочевых народов Евразии жертвоприношения и подношения пищи часто совершаются весной или летом — в периоды обновления природы и активной хозяйственной деятельности. Это подчеркивает тесную связь ритуала с экологическим контекстом и зависимость человека от природных ресурсов. Ритуал в данном случае становится формой символического обмена между человеком, природой и сакральным миром.

Пища и огонь занимают центральное место в ритуальной символике. Пища символизирует жизненную силу, изобилие и жертву, тогда как огонь выступает медиатором между мирами, «проводником» для душ умерших. В ряде восточноазиатских традиций огонь выполняет функцию ориентира для духов предков, временно возвращающихся в мир живых. Подобная символика подчеркивает представление о проницаемости границы между мирами в сакральное время ритуала.

Ритуалы подношения пищи духам предков выполняют важную функцию сохранения культурной преемственности. Через них передаются язык, мифологические представления, молитвы, песни, кулинарные традиции и нормы поведения. Участие молодежи в обрядах выступает как форма неформального образования, в процессе которого усваиваются базовые ценности этнической культуры и модели мировосприятия.

В обобщенном виде данные ритуалы выполняют следующие ключевые функции:

— духовное равновесие — поддержание гармонии с миром духов и обеспечение их благосклонности к живым;

— социальное единство — коллективное проведение обряда укрепляет чувство общности и взаимной поддержки;

— историческая память — сохраняется сакральная связь с предками, формирующая устойчивую идентичность и преемственность поколений;

— метафизическое осмысление жизни и смерти — смерть интерпретируется не как конец, а как продолжение жизненного пути в ином измерении.

Таким образом, традиция подношения пищи духам предков предстает как многослойное культурно-ритуальное явление, выходящее за рамки сугубо религиозного акта. Она отражает устойчивые космологические и этические

представления алтайских и других традиционных обществ о взаимосвязи мира живых и мира предков. Сформированные в контексте древнего шаманского мировоззрения, подобные ритуалы продолжают функционировать как элемент культурной памяти, обеспечивая целостность и устойчивость традиционной системы ценностей в условиях исторических и социокультурных трансформаций.

Список источников

Абрамзон С.М. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1999. С. 221, 232.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961. 472 с.

Мерцалова Т.А. Традиционные верования и обрядность алтайцев. Новосибирск, 2010. 208 с.

Отчет об исследованиях могильника Андыген в Баткенском районе в 2024–2025 гг. Бишкек, 2025.

Потапов Л.П. Очерки по истории и этнографии алтайцев. М.; Л., 1969. 304 с.

Тадышева Н.О. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Народы Евразии: История. Культура. Языки. Горно-Алтайск, 2017. 216 с.

Токпаева З.Т. Историко-философский генезис миропонимания древних кыргызов: file:///C:/Users/User/Downloads/istoriko-filosofskiy-genezis-miroponimaniya-drevnih-kyrgyzov.pdf // Вестник КНУ имени Ж. Баласагына. 2013. №1. С. 211–219.

Информация об авторе / Information about the Author

Авдинаби Кадыров, Баткенский государственный университет, кафедра социально-экономических наук, профессор кафедры; 715100, Кыргызстан, г. Баткен, ул. Жусупова 19, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.0000-0003-0306-3579, avdinabi@mail.ru

Avdinabi Kadyrov, Batken State University, Department of Social and Economic Sciences, Professor of the Department; 715100, Kyrgyzstan, Batken, 19 Jusupov Street, Candidate of Historical Sciences (PhD in History), Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-0306-3579, avdinabi@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 94:502.8
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.06
EDN: AOMVAF

СТАНОВЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИиК (1965–1966 гг.): ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЭТАП

София Сергеевна Кальченко
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается начальной этап формирования Алтайского краевого Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1965–1966 гг. На основе анализа архивных документов реконструируется процесс создания

регионального отделения — от решения крайисполкома до проведения учредительной конференции. Особое внимание уделяется персональному составу краевого Совета, который представлял симбиоз партийно-советской номенклатуры, культурной и научно-творческой интеллигенции. Включение в состав Совета ведущих специалистов края обеспечило эффективную деятельность организации, превратив ее в реальный механизм сохранения и популяризации памятников истории и культуры на Алтае.

Ключевые слова: ВООПИиК, охрана памятников, Алтайский край, начальный этап, общественная инициатива

Для цитирований: Кальченко С.С. Становление Алтайского краевого отделения ВООПИиК (1965–1966 гг.): организационный этап // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 40–45. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.06

FORMATION OF THE ALTAI REGIONAL BRANCH OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS (1965–1966): THE ORGANIZATIONAL STAGE

Sofia S. Kalchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the initial stage of the formation of the Altai Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1965–1966. Based on the analysis of archival documents, the process of establishing the regional branch is reconstructed, from the decision of the Regional Executive Committee to the holding of the founding conference. Special attention is given to the personal composition of the Regional Council, which represented a symbiosis of the party-Soviet nomenclature, the cultural and scientific intelligentsia. The inclusion of leading specialists from the region in the Council ensured the effective operation of the organization, turning it into a real mechanism for the preservation and promotion of historical and cultural monuments in Altai.

Keywords: All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, protection of monuments, Altai Territory, initial stage, public initiative

For citation: Kalchenko S.S. Formation of the Altai Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (1965–1966): the Organizational Stage. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:40–45. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.06

После Великой Отечественной войны под влиянием общественности отношение советской власти к сохранению историко-культурного наследия меняется. С 1960-х гг. охрана памятников истории и культуры представляет собой сложный феномен, в котором переплетаются государственная политика, идеология и общественная инициатива. Такой подход способствовал формированию и развитию новых советских охранных практик. Примером переплетения становится созданное в 1965–1966 гг. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Важную роль в продвижении идеи общественного участия сыграла Комиссия по памятникам и музеям при Советском комитете защиты мира

(СКЗМ) — общественная по форме, но тесно связанная с академическими и партийными кругами структура, работающая в первой половине 1960-х гг. Ею выдвигались идеи о создании добровольных охранных обществ по всей территории РСФСР, а также об издании Закона по охране памятников. Именно эта деятельность подготовила почву для публикации в 1965 г. статьи заместителя председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасова «Памятники Отечества» в газете «Правда» и последующего принятия Постановления Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. №882, юридически оформившего создание ВООПИиК. Таким образом, Общество с момента своего основания представляло собой классический пример санкционированной сверху общественной инициативы, где инициатива «снизу» была институционализирована и поставлена под государственный контроль (Филимонов, 2018, с. 45).

Учредительный съезд ВООПИиК в мае 1966 г. утвердил Устав (ГААК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 26), определивший его как добровольную массовую общественную организацию с четко прописанной иерархической структурой, повторявшей административно-территориальное деление страны. Эта структура, включавшая Центральный совет, Президиум, ревизионную комиссию, а также сеть местных и первичных отделений, обеспечивала как централизованное руководство, так и возможность мобилизации ресурсов на местах. Постановление Президиума ЦС ВООПИиК от 5 июля 1966 г. предписывало создание региональных отделений, что запустило процесс формирования его краевых и областных ячеек по всей России. Алтайское отделение ВООПИиК, созданное по единому для всей страны образцу, позволяет увидеть, как общие правила и принципы адаптировались к условиям конкретного региона (ГААК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 13).

Целью данной статьи является реконструкция процесса организационного этапа создания Алтайского краевого отделения ВООПИиК в период с 1965 по 1966 г.

Основу источниковой базы исследования составили неопубликованные архивные документы фонда Р-1594 (Алтайское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). В ходе работы были проанализированы организационно-распорядительные документы (постановления, решения учредительных конференций), протоколы заседаний, а также документы центральных органов ВООПИиК.

Создание Алтайского отделения стало прямым следствием реализации общесоюзной директивы, выраженной в Постановлении Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. №882, предписывавшем создание региональных отделений «Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» (первоначальная аббревиатура — ВДООПИиК). По документу ответственными за образование организационных комитетов по подготовке учредительных конференций региональных отделений назначились крайисполкомы, облисполкомы (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 77). Данный факт иллюстрирует характер будущего Общества как института, создаваемого «сверху» по инициативе и под контролем исполнительной власти.

История Алтайского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры начинается с Решения Алтайского крайисполкома от 13 августа 1965 г. №482 «Об образовании оргкомитета по подготовке и проведению краевой учредительной конференции», по которому собирался организационный комитет по учреждению Алтайского отделения ВДООПИиК.

Организационный процесс был двухступенчатым. 10 декабря 1965 г. состоялась учредительная конференция Барнаульского городского отделения, избравшая Совет из 17 чел., ревизионную комиссию в составе 5 чел. (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 49). Ключевым событием стала краевая учредительная конференция 6 января 1966 г. В ее постановлении констатировалось: «Заслушав и обсудив доклад тов. Бородкина П.А., конференция постановляет: создать в Алтайском крае отделение Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». Документально была закреплена главная уставная цель — активное содействие государственным органам в деле охраны, восстановления и использования памятников.

По результатам конференции избрали краевой Совет общества охраны памятников истории и культуры в составе 29 чел.: Анисимова Т.И. — директор краевого краеведческого музея; Антонов П.А. — зав. отделом культуры редакции газеты «Алтайская правда»; Бессмертных Я.П. — ответ. секретарь краевого отделения общества «Знание»; Бородкин П.А. — зав. архивным отделом крайисполкома; Булыгина Л.П. — инспектор по музеям и памятникам управления культуры; Дорофеева К.А. — зам. начальника управления культуры; Дресвянкин В.Я. — начальник политотдела крайвоенкомата; Егоров Г.В. — писатель; Ельков Ф.П. — научный сотрудник партархива; Журавлев В.Н. — зам. председателя краевого комитета радиовещания и телевидения; Иващенко П.И. — ректор пединститута; Кандауров И.Т. — инструктор крайкома КПСС; Карначев М.П. — пенсионер; Неверов В.И. — зав. кафедрой истории КПСС политехнического института; Оборин П.С. — пенсионер; Осипова С.В. — инструктор крайкома КПСС; Панин Ю.Н. — художник; Панова З.Е. — директор Горно-Алтайского краеведческого музея; Рымаренко З.Л. — лит. сотрудник газеты «Молодежь Алтая»; Салосин С.Г. — пенсионер (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 107); Сергеев А.Д. — директор детской туристической станции; Сиронова Е.Ф. — зам. директора краевой библиотеки; Тазняков В.В. — начальник Горно-Алтайского областного управления; Уманский А.П. — археолог, преподаватель пединститута; Химочко Е.К. — зав. крайОНО; Цыбочкин Г.П. — ответственный секретарь крайкома профсоюза работников культуры; Чуев В.Ф. — зам. директора Рубцовской телестудии; Швец И.М. — зам. председателя крайисполкома; Шуба Н.Ф. — зав. отделом культуры крайсовпрофа (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 88).

Избранный состав представлял собой срез региональной партийно-советской, управленческой и интеллектуальной элиты. Его состав можно классифицировать по нескольким группам:

Партийно-советские и хозяйственные работники (8 чел., 28%): зам. председателя крайисполкома И.М. Швец, инструкторы крайкома КПСС И.Т. Кандуров и С.В. Осипова, зав. архивным отделом П.А. Бородкин.

Представители учреждений культуры, науки и образования (11 чел., 38%): ректор пединститута П.И. Иващенко, директора краеведческих музеев Т.И. Анисимова и З.Е. Панов, зам. начальника управления культуры К.А. Дорофеева.

Представители творческой и научной интеллигенции (6 чел., 21%): писатель Г.В. Егоров, археолог А.П. Уманский, художник Ю.Н. Панин, журналисты П.А. Антонов, З.Л. Рымаренко.

Общественники (4 чел., 13%): пенсионеры М.П. Карначев, П.С. Оборин, С.Г. Салосин.

Анализ состава совета показывает, что его формирование было неслучайным. Включение представителей партийного аппарата гарантировало Обществу необходимую легитимность и обеспечивало каналы для согласования инициативы. Одновременное привлечение ведущих специалистов края — историков, музейных работников — было необходимо для содержательной и профессиональной работы. Такой дуализм был отличительной чертой многих официальных общественных организаций позднесоветского периода: сочетание «административных ресурсов» и «профессиональной компетенции» способствовало достижению государственных целей и обеспечивало контроль со стороны власти.

Первым председателем Совета был избран Петр Антонович Бородкин (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 93) — зав. архивным отделом крайисполкома, историк-архивист. Эта кандидатура была закономерной: он сочетал статус советского работника с пониманием сохранения историко-культурного наследия. Также был утвержден состав Ревизионной комиссии, куда вошли: Буренин М.И. — пенсионер, председатель комиссии; Иванова Л.М. — инструктор Барнаульского горкома КПСС; Панаев Г.И. — директор Бийского музея; Анохина Е.Н. — бухгалтер Дома народного творчества; Давыдова Л.А. — старший научный сотрудник Горно-Алтайского музея (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 109).

В первый состав краевого Совета 1966 г. были включены уникальные личности, которые внесли огромный вклад в развитие Алтая.

А.П. Уманский — археолог, преподаватель Барнаульского государственного педагогического института. К середине 1960-х гг. становится ведущим специалистом по археологии, проводит совместно со студентами археологические раскопки, направленные на изучение истории Алтая с древнейших времен.

Т.И. Анисимова — директор Алтайского государственного краеведческого музея. Под ее руководством музей проводил экспедиционную и собирательскую работу, направленную на сохранение предметов старины.

А.Д. Сергеев — директор краевой станции юных туристов. Под его руководством станция юных туристов становится центром массового школьного краеведения, учащиеся совершали походы, брали шефство над памятниками, составляли летописи и т.д.

Таким образом, известные личности края показали, что Алтайское отделение ВООПИиК — это не формально действующая общественная органи-

зация, а реальный механизм, который выявлял, учитывал памятники истории и культуры, воспитывал молодое поколение краеведов.

Постановлением краевой учредительной конференции о создании в Алтайском крае отделения Всероссийского добровольного общества охраны истории и культуры от 6 января 1966 г. определялись первоначальные задачи: создать в Горно-Алтайской автономной области, во всех городах и районах края местные отделения общества, а также на предприятиях, в учреждениях, во всех государственных и общественных организациях, колхозах, совхозах и учебных заведениях — первичные организации. Необходимо совместно с органами культуры и местными Советами депутатов и трудящихся в 1966–1967 гг. к 50-летию Советской власти привести в порядок памятники историко-революционные, памятники боевой славы, связанные с героической историей завоевания и защиты Советской власти на Алтае, и памятники, связанные с именем В.И. Ленина (ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Л. 77). Основные задачи также включали в себя привлечение широких слоев населения к активному участию в охране памятников истории и культуры; активное содействие государственным органам по их изучению.

Таким образом, создание Алтайского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры стало следствием общесоюзной политики. Алтайский крайисполком выступил в роли инициатора, сформировав учредительную конференцию, что наглядно демонстрирует санкционированную общественность. Состав краевого Совета является симбиозом партийно-советской номенклатуры, управленцев от культуры и научно-творческой интеллигенции.

Список источников

ГААК. Ф.Р-1594. Д. 2. Лл. 49, 77, 88, 93, 107, 109.

Об учреждении местных отделений Всероссийского общества памятников истории и культуры и открытии в местных отделениях Госбанка хозрасчетных спецсчетов Общества: Постановление Президиума Центрального Совета ВООПИиК от 05.07.1966 г. // ГААК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // ГААК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

Филимонов С.Б. Хранители наследия: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры в 1965–1991 гг. Очерки истории. М., 2018. 448 с.

Информация об авторе / Information about the Author

София Сергеевна Кальченко, Алтайский государственный педагогический университет, Институт истории, социальных коммуникаций и права, кафедра отечественной истории, студент 4 курса; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, love.sosa2004@mail.ru

Sofia S. Kalchenko, Altai State Pedagogical University, Institute of History, Social Communications and Law, Department of Applied History, 4rd year student; 656031, Russia, Barnaul, 55 Molodezhnaya str., love.sosa2004@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 719:351.853.1
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.07
EDN: BBBXNT

ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ЗДАНИЕ КОНТОРЫ БАРНАУЛЬСКОГО СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА XIX ВЕКА», КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО ЗАВОДСКОЙ КОНТОРОЙ

Аркадий Васильевич Контев
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье пересматриваются содержащиеся в охранных документах сведения об объекте федерального значения бывшем Барнаульском сереброплавильном заводе. На основании анализа документальных и картографических источников автор приходит к выводу, что здание, которое в охранных документах называется конторой завода, было построено в 1810-е гг. и первоначально представляло собой вторую обжигальную фабрику. Однако сравнительно быстро здание было перепрофилировано в мастерскую и в ней стали размещаться подсобные помещения завода. Только в советское время в данном здании разместилось заводоуправление (контора) лесопильного завода №13. Видимо, это обстоятельство привело к ошибочной атрибуции здания как конторы Барнаульского металлургического завода.

Ключевые слова: Барнаульский сереброплавильный завод, памятники федерального значения, промышленная архитектура

Для цитирований: Контев А.В. Объект культурного наследия федерального значения «Здание конторы Барнаульского сереброплавильного завода XIX века», которое никогда не было заводской конторой // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 46–54. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.07

A CULTURAL HERITAGE SITE OF FEDERAL SIGNIFICANCE “OFFICE BUILDING OF THE BARNAUL SILVER SMELTER, 19TH CENTURY” WHICH WAS NEVER A FACTORY OFFICE

Arkady V. Kontev
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article reexamines the information contained in the protected documents regarding the former Barnaul Silver Smelter, a federally significant site. Based on an analysis of documentary and cartographic sources, the author concludes that this building was constructed in the 1810s and originally served as a second kiln. Based on the analysis of documentary and cartographic sources, the author concludes that the building, which is called the factory office in official documents, was built in the 1810s and was originally a second factory for firing silver semi-finished. However, it was relatively quickly converted into a workshop and began housing the plant’s auxiliary facilities. It was only during the Soviet era that the building became home to the plant administration (office) of Sawmill No. 13. This circumstance likely led to the erroneous attribution of the building to the Barnaul Metallurgical Plant.

Keywords: Barnaul Silver Smelter Plant, monuments of federal significance, industrial architecture

For citation: Kontev A.V. A Cultural Heritage Site of Federal Significance "Office Building of the Barnaul Silver Smelter, 19th Century" Which Was Never a Factory Office. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:46–54. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.07

В охранных документах начиная с 1980-х гг. данное здание фигурирует под названием «Здание конторы» или «Контора Барнаульского сереброплавильного завода, кон. XIX — нач. XX в.». В паспорте объекта сообщается, что «здание конторы Барнаульского сереброплавильного завода построено в 70-е годы XIX в. Автор проекта неизвестен» (ГААК. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 520. Л. 2–2об.). При этом источник этих сведений ни в одном обосновании не представлен.

Между тем контора Барнаульского сереброплавильного завода находилась в XVIII в. в одном здании с Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства. В начале XIX в. примерно в том же месте на улице Петропавловской было построено каменное здание — «вновь построенная канцелярия и заводская контора» (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 840. Л. 3). Это здание до сих пор находится на улице Ползунова и является памятником истории. Именно здесь на протяжении всей истории Барнаульского сереброплавильного завода XIX столетия располагалась контора предприятия.

По нашему мнению, ошибка связана с неверной интерпретацией архивных документов. В Государственном архиве Алтайского края имеется чертеж 1870 г., названный в описи «Генеральный план и чертеж фасада здания Барнаульской заводской конторы и квартиры при ней (до и после перестройки)» (ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 261). Однако его изучение показывает, что, во-первых, на самом документе нигде не значится, что это здание конторы Барнаульского завода; во-вторых, сама архитектура здания и его объемы не соответствуют зданию, которое является объектом охраны; в-третьих, здание представляет собой типовую постройку по проекту, утвержденному Строительной конторой Министерства Императорского двора для казенных предприятий (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 863. Л. 62). В ходе изучения документов удалось установить, что это нереализованный проект переустройства здания конторы Колыванской шлифовальной фабрики (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2995. Л. 38, 72). В Барнауле подобного здания никогда не строилось.

Единственное здание с башенкой на крыше, которое имелось в Барнауле, — это двухэтажное кирпичное здание Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, где располагалась и контора Барнаульского завода, занимавшая четыре комнаты первого этажа. В оценочной ведомости казенных строений Барнаульского сереброплавильного завода оно значится как «Канцелярия с конторой и кладовой» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1964. Л. 75об.). В описании Барнаульского завода 1878 г. среди каменных зданий первой на-

звана «Горная контора, двухэтажное здание, крытое железом — 1010 руб. 4¾ коп.» (РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165. Л. 30). После того как Канцелярия горного начальства была переименована в Алтайское горное правление, здание стали называть «горным правлением» (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5179. Л. 24; Д. 9069. Л. 439; Ф. 50. Оп. 13. Д. 5). Причем заводская контора находилась здесь до самого закрытия металлургического предприятия (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1514. Л. 22). Таким образом, в здании, которое в охранных документах фигурирует под названием «конторы Барнаульского сереброплавильного завода», никогда не располагалась контора этого предприятия.

Одной из рабочих версий при проверке сведений охранных документов было предположение, что объект получил такое название, поскольку там после закрытия металлургического предприятия действовала контора лесопильного завода. Однако она тоже не подтвердилась. Контора лесопильного завода №1, созданного в 1897 г. на базе упраздненного сереброплавильного завода, первоначально располагалась не в этом здании. В документах за 1896 г. говорится о необходимости строительства «нового помещения конторы Барнаульского лесопильного завода». В обосновании сообщается, что «временно устроенное помещение конторы при Барнаульском лесопильном заводе и мельнице совместно с конторой заведующего ремонтом казенных зданий не удовлетворяет своему назначению в настоящем его виде». Здесь же находились конторы мукомольной и лесопильной мельниц, а также «два канторщика по отчетности завода и центрального магазина, и помощник заведующего ремонтом с табельщиком» (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 59. Л. 21). Сопоставление перечисленных структур позволяет утверждать, что контора лесопильного завода располагалась в одной из комнат бывшей первой плавильной фабрики. На плане 1903 г. в левой части передних помещений главного корпуса лесопильного завода отмечена «канцелярия лесопильного завода и мельницы» (ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 817). Возможно, так названа заводская контора. Властями в 1896 г. было принято решение «устроить для конторы помещение в одноэтажной каменной постройке, примыкающей с одной стороны к центральному магазину, а с другой к въездным воротам из заводской ограды» (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 59. Л. 21), т.е. на ул. Петропавловской. Стоимость южной пристройки к инструментальному магазину (складу) составила 2879 руб.

Анализ старинных чертежей привел нас к неожиданному выводу о том, что памятник, датируемый концом XIX в., на самом деле старше корпусов плавильных фабрик Барнаульского сереброплавильного завода. Это здание впервые появляется на планах Барнаульского завода в период между 1807 и 1813 гг. (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 840. Л. 5; ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1368). На плане 1813 г. постройка значится как кирпичная и названа «обжигальня новая» (рис. 1, №15). Два здания — старой и новой обжигательных фабрик также встречаются в документах. В «оценочной ведомости казенных строений Барнаульского сереброплавильного завода» за 1817 г. указаны две «обжигальных фабрик»: одна «с тремя кальценир-офенными корпусами» стои-

мостью 4260 руб., а вторая — «без корпусов», оцененная в 2300 руб. (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1964. Л. 75об.). В другой ведомости того же года поясняется, что первая из них является новой, а вторая — старой (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1964. Л. 444об.). Согласно журналу строительных работ 1825–1826 гг., перестройка велась «в старой обжигательной фабрике» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2д. Д. 101. Л. 145об.).

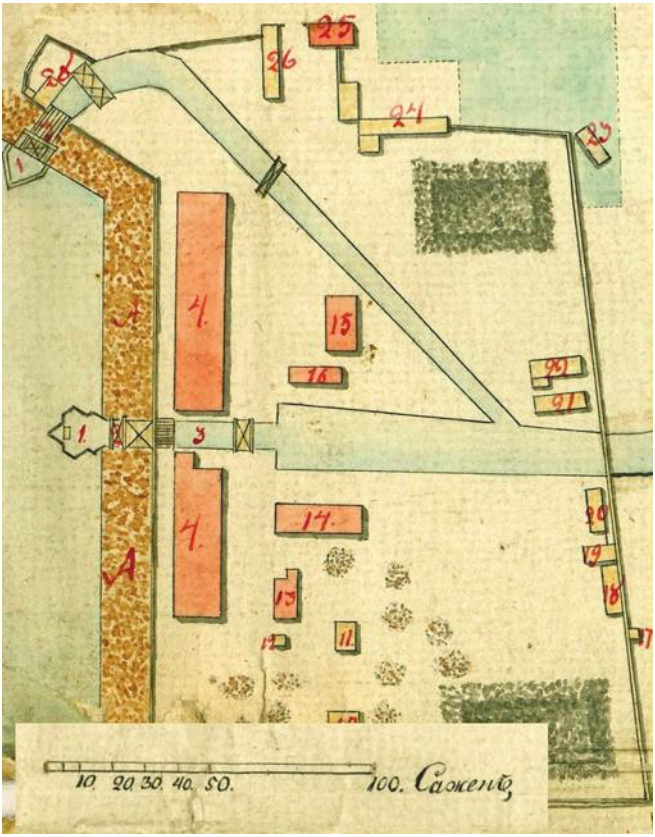

Рис. 1. Фрагмент плана Барнаульского завода 1813 г. с указанием казенных каменных строений (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1368)
Fig. 1. Fragment of the plan of the Barnaul plant of 1813 with indication of state-owned stone buildings (SAAK. F. 50. In. 21. C. 1368)

Итак, на планах завода с 1813 г. фигурируют две обжигальные фабрики: первая (старая), располагавшаяся в правобережной части заводской территории с 1780-х гг. и в охранных документах называемая зданием «склада», и вторая (новая), находившаяся на правобережной территории завода, на-

против первой плавильной фабрики, и фигурирующая в охранных документах под названием «заводская контора».

Если обобщить сведения разных планов, на которых, конечно, мелкие детали прорисовывались очень приблизительно, но в масштабе, можно констатировать, что первая фабрика имела размер 24×10 саженей (51,2×21,3 м), а вторая — 19×11 саженей (40,5×23,5 м). Единственным документом, где указаны размеры бывшей второй обжигальной фабрики, является «Список зданий и сооружений, находящихся в ограде Барнаульского лесопильного завода и мельницы и на заводском пруду» 1914 г. В нем «здание каменное, занятое чертежными землеустройства, крытое железом» имело размеры 19,65×9,85 саженей (42×21 м) (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1960. Л. 4об.–5). По современным обмерным чертежам размер здания составляет 43×22 м (ГААК. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 520. Л. 10).

Сопоставление первой и второй обжигальных фабрик на планах Барнаульского завода
Comparison of the first and second kiln factories on the plans of the Barnaul plant

Год	Размеры первой (старой) фабрики		Размеры второй (новой) фабрики		Источник
	саженей	метров	саженей	метров	
1813	26×10	55,5×21,3	16×10	34×21,3	ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1368
1835	21×10	45×21,3	20×11	42,7×23,5	ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360
1837	21×9	45×19,2	18×11	38,4×23,5	ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 5
1856	26×10	55,5×21,3	19,5×11	41,6×23,5	ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7
1876	24×9	51×19,2	19×10	40,5×21	ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 11
1897	21×9	45×19,2	19×11,5	40,5×24,5	ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 4

Самое раннее изображение здания имеется на рисунке томского художника Павла Михайловича Кошарова, опубликованном в 1861 г. (рис. 2). На нем здание показано на дальнем фоне и его детали не прорисованы. Тем не менее можно увидеть ряд из четырех труб печных корпусов, расположенных в центре производственного зала. Северо-восточный фасад имеет восемь окон, в юго-восточной стене видна одна дверь. Более детально можно разглядеть здание на фотографии панорамы Барнаула конца 1860-х гг. Здесь видно, что задний (северо-восточный) фасад в центре имел вход, по обе стороны которого располагалось по три высоких окна, а дальше по краям размещалось по четыре менее высоких окна (рис. 3). Всего имелось 14 окон. Но самое главное, что показывает данная фотография, — наличие характерного возвышения в средней части крыши. Это так называемая «медведка» — приподнятая часть на самом верху кровли, за счет чего образовалась щель для выхода дыма и паров (Спасский, 1841, с. 246). Ее наличие доказывает, что изначально здание строилось и функционировало как плавильное производство.

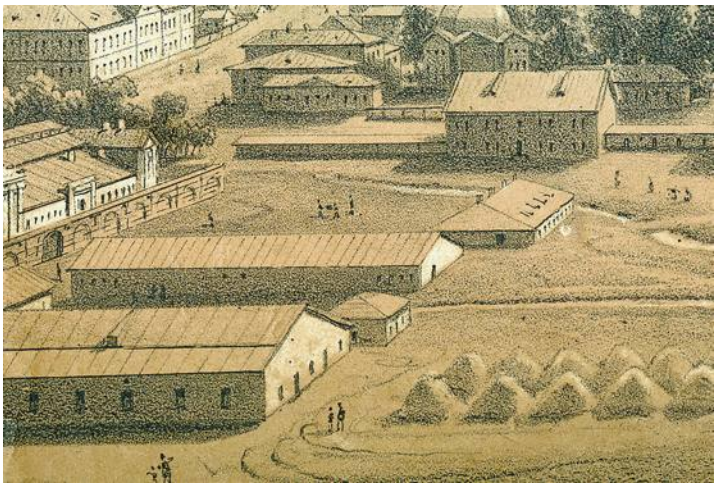

Рис. 2. Здание бывшей обжигальной фабрики на рисунке П.М. Кошарова (Серебро- и золотоплавильный завод в Барнауле, 1861)
Fig. 2. Factory for firing silver semi-finished on the drawing by P.M. Kosharov (Silver and gold smelter in Barnaul, 1861)

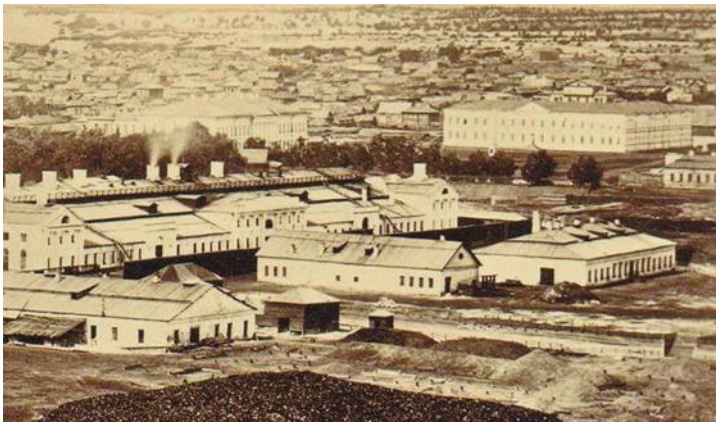

Рис. 3. Фрагмент фотографии конца 1860-х гг. Вторая обжигальня на общем фото Барнаульского завода. Вид с востока
Fig. 3. Fragment of a photograph of the late 1860s. The second Factory for firing silver semi-finished in the general photo of the Barnaul plant. View from the east

Однако на планах 2-й половины XIX в. это здание уже не называли обжигальней: в списке имущества Барнаульского сереброплавильного завода за 1858 г. оно названо «Каменная мастерская для частных работ о 9-ти ком-

натах»; в списках 1878–1883 гг. уже фигурирует как «столярная, слесарня и гиттен-шрейберская, одноэтажная, крытая тесом», а в оценочной ведомости лесопильного завода за 1914 г. — «здание каменное, занятое чертежными землеустройства, крытое железом» (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9069. Л. 439; РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165. Л. 30об.; ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1514. Л. 22; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1960. Л. 4об.–5). Во всех оценочных ведомостях XIX в. стоимость здания составляла 1114 руб. 28 коп., что позволяет отождествить его, несмотря на то что оно фигурировало в документах под разными названиями. При обследовании осенью 1914 г. его оценили уже в 10175 руб. 66 коп. Однако о том, что это то же самое здание, говорят как приведенные размеры (19,65×9,85 саж.), так и указание на чертежные землеустройства. На «Плане заводского места бывшего Барнаульского сереброплавильного завода» 1903 г. это здание подписано как «чертежная 1-й и 2-й Землеустроительных партий» (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 44).

Таким образом, уже во 2-й половине XIX в. в здании бывшей обжигальни располагались столярная и слесарная мастерские (на плане 1900 г. часть подписей сдвинута, но если их вернуть на правильные места, то бывшая обжигальня названа «мастерские») (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 67в). Здесь же располагалась гиттен-шрейберская. Затем, во времена функционирования лесопильного завода, сюда перевели чертежную 1-й и 2-й землеустроительных партий. Всего при Управлении землеустройства Алтайского округа, созданном в мае 1899 г. (Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1899, №86, ст. 1113), было учреждено шесть землеустроительных партий (ГААК. Ф. 137, 183, 210, 211, 212, 240). Для чертежной первых двух было выделено помещение бывших мастерских. В паспорте объекта указано, что чертежная первой и второй землеустроительных партий располагались в здании с 1894 г. (ГААК. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 520. Л. 2об.) Мы считаем, что примерно тогда же оно было существенно перестроено за счет надстройки мезонина в центральной части одноэтажного строения.

С тех пор здание приобрело знакомый внешний вид — это одноэтажное симметричное строение с мезонином в средней части. Сравнение фотографий 1870-х и 1920-х гг. показывает, что северо-восточный фасад здания претерпел некоторые изменения: если в XIX в. мы видели, что от входа симметрично располагалось по три высоких окна, а дальше шло по четыре прямоугольных окна, то теперь по бокам были устроены широкие арочные проемы с оконной рамой из 18 фрагментов. Таким же фасад остается до сих пор, причем в кладке видны элементы прежних оконных проемов.

В январе 1917 г. был сделан «ремонт обстановки», т.е. проведены внутренние работы, но внешний вид здания не изменился. После установления советской власти и ликвидации Управления землеустройства Алтайского округа в здании разместилась контора Барнаульского лесопильного завода. Завод был национализирован в 1920 г. и до 1923 г. находился в ведении Алтайгубсовнархоза, в 1923–1928 гг. — в составе Алтлестреста, а в 1930–1941 гг. — Западно-Сибирского треста деревообрабатывающей промышленности (Запсибдревтреста). Видимо, с 1930 г., после того как предприятию подчинили Сидоровский

лесозавод и Б-Казаряскую шпалорезку, он стал называться Лесопильный завод №13 имени С. Казанцева (ГААК. Ф. Р-353). О том, что в здании находилась контора предприятия, свидетельствует фотография митинга рабочих и служащих Барнаульского лесозавода 22 июня 1941 г. (рис. 4). На этой же фотографии видно, что вход на второй этаж шел по внешней деревянной лестнице.

Рис. 4. Митинг рабочих и служащих Барнаульского лесопильного завода у здания заводской конторы. 22 июня 1941 г. (Алтайская правда. 1941. №148)
Fig. 4. Rally of workers and employees of the Barnaul sawmill near the factory office building. June 22, 1941 (Altai Truth. 1941. No. 148)

В ноябре 1941 г. на базе лесопильного завода разместилась эвакуированная из г. Речица спичечная фабрика (Гомельская область БСФСР). Видимо, тогда же в помещениях здания разместилась ее администрация. С тех пор строение стало называться заводоуправлением.

Таким образом, проведенное исследование показало, что здание, фигурирующее в охранных документах как контора Барнаульского сереброплавильного завода, никогда не являлось таковой. Сравнение описаний имущества завода с чертежами приводит к выводу, что оно было построено во втором десятилетии XIX в. как вторая обжигальная фабрика. Проблема заключается в том, что пока не найдено ни одного достоверного чертежа этой постройки, как и документов о таком строительстве. Визуальный осмотр 2007 г. показал, что здание сильно перестроено внутри. Очевидно, такие перестройки происходили несколько раз, что отражают фотографии разных периодов существования здания. Пока даже неизвестно, когда в корпусе была закрыта обжигальная фабрика и оно было приспособлено для мастерских и административных структур. В любом случае, все исторические сведения, содержащиеся в охранных документах, не соответствуют действительности.

Список источников

Алтайская правда. 1941. №148. 25 июня.
Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1964.

ГААК. Ф. 1. Оп. 2д. Д. 101.
ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2995; 5179; 9069.
ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1514.
ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 59; 1960.
ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 261; 817.
ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 4; 5; 7; 11; 44; 67в.
ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360; 1368.
ГААК. Ф. 137, 183, 210, 211, 212, 240.
ГААК. Ф. Р-353.
ГААК. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 520.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165.
РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 840; 863.
Серебро и золото-плавильный завод в Барнауле (Томск. губ.). С рисунков художника Кошарова // Русский художественный листок. СПб., 1861. №13, между с. 54 и 55.
Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1899 г., второе полугодие [№79–96]. СПб., 1899. С. [3], 4534–5870.
Спасский Г.И. Горный словарь / сост. Григорием Спасским, обер-берггауптманом 5 класса и кавалером. Часть 1: А–Н. СПб., 1841. [2], XII. 284 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Аркадий Васильевич Контев, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра историко-культурного наследия и туризма, заведующий кафедрой; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-7630-1067, arkkont@mail.ru

Arkady V. Kontev, Altai State Pedagogical University, Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Head of Department; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya St., 55, Ph.D. in History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-7630-1067, arkkont@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 94(470)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.08
EDN: BDTJSX

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РОЛЬ АЛТАЯ В СУДЬБЕ РОССИИ И СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Данил Иванович Мамыев
Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати», с. Онгудай, Республика Алтай, Россия

Резюме. В настоящей статье формулируется обобщенное видение уходящей эпохи и обосновывается необходимость выстраивания новой стратегии развития, исходя из этнокультурной духовно-экологической общности народов российского пространства и его геопланетарной роли в наступающем периоде, предсказанной

многими духовными лидерами. Алтай предлагается в качестве духовно-экологического источника новых знаний в наступающем времени и как «университетское» пространство для подготовки новых управленцев территориями на основе «природосообразности культур» и «ноосферности» целостного знания. Автор, основываясь на философских идеях и комплексных исследованиях, предлагает в форме манифеста свой взгляд на современную социально-политическую и этнокультурную ситуацию и обозначает возможные перспективы духовного развития, в котором Алтай может выполнять важную метафизическую роль и спасительную миссию в судьбе России.

Ключевые слова: Алтай, метафизическая роль, культура, духовно-экологическая общность, природоподобные технологии, ноосферное развитие, комплексные исследования

Для цитирований: Мамыев Д.И. Метафизическая роль Алтая в судьбе России и современных социально-политических процессах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 54–62. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.08

THE METAPHYSICAL ROLE OF ALTAI IN THE DESTINY OF RUSSIA AND CONTEMPORARY SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Danil I. Mamyev
"AruSvati" Ethnocultural Research and Educational Center,
p. Ongudai, Altai Republic, Russia

Abstract. This article formulates a generalized vision of the departing era and substantiates the necessity of building a new development strategy, based on the ethno-cultural spiritual-ecological community of the peoples of the Russian space and its geoplanetary role in the coming period, as predicted by many spiritual leaders. Altai is proposed as a spiritual-ecological source of new knowledge in the coming time and as a "university" space for training new territorial managers based on the "nature-conformity of cultures" and "noosphericity" of holistic knowledge. The author, drawing on philosophical ideas and comprehensive research, presents in the form of a manifesto his view on the current socio-political and ethno-cultural situation and outlines possible prospects for spiritual development, in which Altai can play an important metaphysical role and a salvific mission in the destiny of Russia.

***Keywords*:** Altai, metaphysical role, culture, spiritual and ecological community, nature-like technologies, noospheric development, comprehensive studies

For citation: Mamyev D.I. The Metaphysical Role of Altai in the Destiny of Russia and Contemporary Socio-Political Processes. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:54–62. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.08

Согласно древним космологическим представлениям, многие из которых в настоящее время нашли подтверждение в науке, человеческая цивилизация развивается в соответствии с природными циклами. Эта мысль звучит в трудах Л.Н. Гумилева, утверждавшего, что «ландшафт формирует культуру»; у В.И. Вернадского, разрабатывавшего теорию ноосферы, и других философов. В этом же ряду стоят и работы Н.К. Рериха. Древнее знание

о космологической цикличности представлено в индуистском понятии «Маха-юги» (эры), связанном с положением земной оси вращения в своем прецессионном движении по отношению к центру нашей галактики. Маха-юга делится на четыре юги, сменяющие друг друга в определенной последовательности. В каждой из последующих юг (внутри цикла Маха-юги) в человеческом обществе снижается понимание истины и уменьшается уровень нравственности, а невежество растет. Конец Кали-юги (4-й в цикле, когда земная ось максимально удалена от центра нашей галактики, которую она прошла в 2000-х гг.) должен ознаменоваться появлением Калки, 10-го аватара Вишну, очищающего мир и начинающего новый цикл, требующего от людей Нравственности и Совести.

В рамках этой теории современное международное политическое противостояние в соответствии с наступлением нового космо-планетарного цикла — ничто иное, как требование природных сил об изменении политики (как «искусства управления») и восстановления норм взаимоотношений как между народами, так и между человечеством и природой. Об этом достаточно четко высказался президент РФ В.В. Путин на Саммите АТЭС 15 ноября 2000 г., ссылаясь на слова великого китайского философа Лао Цзы: «Чем больше человек делает для других, тем больше у него остается для себя». И пояснил эту цитату применительно к сегодняшним реалиям, где в понятиях «политика» и «государство» утрачены понятия «искусства» и «совести»: «Философию взаимосвязи всего в этом мире особенно глубоко чувствуешь на Востоке с его древними традициями, где торговля строилась на основе строгих этических принципов. И рассматривалась как общение уважающих друг друга партнеров. Наш соотечественник Владимир Вернадский еще в начале XX века создал учение об объединяющем человечество пространстве — ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природа и общество, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития» (http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21117).

К настоящему времени положение «политика как искусство управления» превратилось в понятие «разделения и властвования» на основе написанных догматов (правил), которыми управлялись общества сотни поколений назад, в те времена, когда вибрации Вселенной соответствовали эре «Кали-юга». Наступившее третье тысячелетие требует от нас новых принципов, которые по закону цикличности возвращают нас к необходимости восхождения к естественным ценностям Сатья-Юги, которые уже были сформулированы в древние времена: в славянской культуре называемые «КОН» — «порядок, правило, жизнь в согласии с Совестью Вселенной» (Хиневич, Иванов, 2005), а в тюркской культуре — «Тенгри» — Небо, Космос. Это подтверждается и повышающейся с 1985 г. так называемой «частотой Шумана» — частотой вибрации планеты Земля. Возможно, об этом осторожно намекал международному сообществу В.В. Путин на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прошедшей в США 28 сентября 2015 г., рассуждая на тему

изменения климата: «Однако предлагаю посмотреть на эту проблему шире. Да, устанавливая квоты на вредные выбросы, используя другие по своему характеру тактические меры, мы, может быть, на какой-то срок и снимем остроту проблемы, но, безусловно, кардинально ее не решим. Нам нужны качественно иные подходы. Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой» (http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385).

Итак, напрашивается вывод о необходимости и целесообразности изменения всей существующей доныне политико-управленческой парадигмы. Не забывая о провидческих высказываниях философов и культурологов о пути и значимости России в будущем, следует особо бережно относиться к новому содружеству государств БРИКС, которые сплачивает Россия. С одной стороны, здесь страны так называемого «глобального юга», которые по сей день сохраняют Знания Предков и ограждают от «евроцентристского» давления «севера». С другой стороны, мы должны признать, что современная Россия в своей политико-управленческой системе пока еще сама находится под сильным влиянием европейской ментальности, хотя и обладает уникальным этнокультурным духовно-экологическим ресурсом. И сегодняшнее политико-управленческое противостояние с «Западом» необходимо воспринимать как «знак» или «зов» Предков к своим традиционным истокам, в которых понятие Совести было выше написанных «правил-догм», а окружающая среда воспринималась не только как «место добывания пропитания», но и место поклонения, духовного роста и информационного обмена с ноосферой — сферой разума Земли.

И Алтай в контексте этой теории обладает древним философским (читайте — логико-интуитивным, Срединным) Знанием, которое, как «глубинное и тайное», сохранилось в целостности и сохранности, несмотря на столетние притязания с многих сторон. И, что примечательно, оно сохранилось не в силу военно-политического противостояния, а в силу принятия всего и всех, предоставляя возможность выбора «Духу Алтая», который знает больше и видит дальше, а значит — может определить «предназначение», предложить нужное «время» и оценить «меру». Уходящая социальная система основана на противопоставлении и поиске отличий, а наступающая — на поиске общего, схожести и единении.

Поэтому, воспринимая сегодняшнюю действительность как данность, мы должны уметь увидеть в ней другую, если хотите, «хорошую» сторону: как гласит традиционная философия — «нет худа без добра». Хорошее в настоящем времени — это то, что нам дается возможность «примерить на себя» незаслуженно забытое Знание Предков. Оно даст России, как обладателю источника этого Знания, называемого по-разному: духовно-экологическое, ноосферное, природоподобные технологии и т.д., — возобновить международную Декларацию о правах коренных народов (2007 г., ООН) как духов-

но-экологическую платформу нового содружества БРИКС. Эта Декларация осталась почти забытой, на уровне декларации, в силу преобладания в ООН «западной» системы мировоззрения. И Россия, в то время считавшая себя «западной» страной, воздержалась от подписания Декларации.

Теперь же, в целях реализации межпоколенческого и межкультурного предназначения Алтая, предлагается организовать эту территорию как «планетарный Университет ноосферного развития» со своей научно-исследовательской и социально-экономической инфраструктурой и с соответствующей политико-административной управленческой системой. Эта территория, как нетронутая «западной» системой развития, где в целостности сохранилась «генетическая память» славяно-тюркской культуры, а также с которой культурно-генетически связаны многие культуры Евразии и «глобального юга», может стать площадкой исследования и отработки модели нового социально-экономического развития, основанного на принципах коэволюции (со-развития) Человека и Природы, как «экосистема священных ландшафтов». Эти этнокультурные и духовно-экологические принципы должны стать идейной платформой в стратегии развития Республики Алтай, в результате которого Алтай может быть стратегически организован и всемирно представлен как особая «акупунктура» планетарного масштаба, в образе международного эколого-экономического комплекса, формирующего и генерирующего идею «Всемирной Лиги Культур» для нового содружества государств БРИКС.

Есть сведения, что прообразом сегодняшней Организации Объединенных Наций была Лига наций, организованная Н.К. Рерихом. Однако преобладание в ней западнических идей вынудило его выступить с предложением о преобразовании этой организации во «Всемирную Лигу Культур», ресурсным центром которой он видел Россию, как поликультурную страну, объединившую более 100 народов под общим Духом.

Подобные высказывания русских космистов и философов подтверждают особенность Алтая в наступившей эпохе Водолея, характеризующейся царствованием гармонии, ощущением единства, которое поспособствует совместной работе для всеобщего блага.

Вышесказанная особенность наступившей эпохи подтверждается и некоторым ощущением «финальности» всех процессов, происходящих на Земле и во Вселенной: возможные варианты формирования кристаллов выбраны, земная кора в своем постоянном круговороте исчерпала возможности обновления вещества. Грядет период обновления всей материи.

Создается впечатление, что природа провела земное вещество через все известные комбинации и в настоящее геологическое время исчерпала их. Современная геологическая эпоха оказывается исключительной в истории Земли, ее поворотным моментом (Друянов, 1989).

Исключительность современного геологического периода подтверждает и анализ важнейших геологических этапов в жизни Земли. По данным геолога А. Гроздилова, известны следующие рубежи этапов осадконакопления:

3600, 3025, 2500, 2025, 1600, 1225, 900, 625, 400, 225, 100, 25 млн лет. Отсюда видно, что продолжительность каждого этапа короче предыдущего на 50 млн лет. А последний этап — его продолжительность 25 млн лет — не сокращается на эту величину.

Л. Смирнов указывает, что потеря элементов симметрии наблюдается и в живой природе: происходит развитие от шаровой симметрии к радиально-лучевой. С другой стороны, усложняется уровень организации живого вещества. Закономерность, подмеченная для косной природы, проявляется и в живой? Можно заметить, что органическая и неорганическая жизнь достигли какого-то важного рубежа одновременно. Можно заметить также, что и живая, и «неживая» материя прошли до этого рубежа принципиально схожий путь развития. Во всем этом просматривается действительно «общая теория материи», которая подробно описана в трудах Е.В. Ушаковой (1992).

Но, так или иначе, все сказанное выше и предлагаемые догадки являются базовой основой традиционного философского знания коренных народов, которое зародилось задолго до появления науки и находилось в виде интуитивного (ноосферного) знания. Поэтому современные открытия, осуществляемые в науке, только подтверждают значимость этого знания, которое в течение многих веков оставалось не востребованным современниками. И сегодняшние открытия в различных областях науки требуют более детального и серьезного изучения традиционного знания в комплексе с ними, так как познать космо-планетарное состояние окружающей среды и представить его путь развития в дальнейшем возможно, лишь используя «диалектический синтез» знаний. В противном случае неадекватные действия человека в огромном вселенском взаимодействующем мире могут привести к непоправимым социальным и экологическим последствиям (https://eurazistvo.ru/vipusk4/sakralnaya-geometriya-svyashhennyih-zemelaltaya/?ysclid=mm91ckhu8f304736581). Вспомним Пояснения Е.П. Блаватской к ее «Тайной доктрине»: «…фольклор и народные традиции, хотя порою и странные, будучи тщательно изучены, могут привести к открытию давно утраченных, но важных тайн природы…».

Настала пора совместной работы научных сотрудников и посвященных носителей традиционного знания, как авангарда современной и традиционной культур. Разработка методологии адаптирования и интеграции двух разнополюсных систем миропонимания, или, по определению Е.В. Ушаковой (1992), «диалектического синтеза», должна проводиться на территориях с особыми историко-культурными и физико-географическими характеристиками, которые обозначены традиционными культурами как Священные земли.

Одной из таких земель является Каракольская долина, которая с 2001 г. относится к особо охраняемым природным территориям Республики Алтай. Долгосрочной миссией парка является выработка стратегии и моделирование устойчивого развития Священной территории как единого природно-социо-культурного образования.

Но в силу вышеупомянутой остаточной приверженности сегодняшних управленцев к «евроцентризму» многие стратеги и эффективные менеджеры, привлеченные в Республику Алтай в целях выработки политики и стратегической системы развития, в настоящее время пытаются лишь «скопировать» уже существующие модели развития из других территорий, с другими природно-культурными условиями, и самое главное — эти стратегии не ориентированы на будущее России. Это в лучшем случае даст краткосрочный условный эффект в процентах, а в глобальном масштабе — мы упустим возможность реализации предназначения России как целостной системы природно-культурных ландшафтов, вмещающих в себя все многообразие ее культур. Выдающийся русский историк, географ и культуролог Л.Н. Гумилев сформулировал эту идею в константе: «ландшафт формирует культуру». Это означает, что каждая культура отражает законы (принципы, энергоемкость и т.д.) того ландшафта, в котором она формировалась. Это, в свою очередь, означает то, что территорию многоландшафтной и, как следствие, поликультурной России невозможно устойчиво развивать теми «экономическими лекалами», которые формировались в совершенно других социокультурных и природно-ландшафтных условиях.

Для Алтая, как духовно-экологического трансформатора России (накопителя или хранителя, преобразователя и транслятора энергии Жизни) в наступающей эпохе, необходимо разработать такую стратегию развития, которая основана не на устаревших принципах уже отмирающей системы, а на выявлении, оценке и внедрении в мировое содружество забытых понятий, таких как Человечность, Совесть, Предки, Приличие, Созидание и т.д., дающих любому Человеку возможность осуществить предназначение своей Жизни, не будучи отстраненным от нее; отрицая искусственно созданные критерии, такие как «мировые и немировые религии», «успешный и неуспешный человек», «развитые и отсталые страны», которые разрушают синергию целостного мира.

Идейную основу этой стратегии, построенной на базовых концептах традиционной этнофилософии, составляет глубокая символическая связь рериховской и традиционной философем: «Знамя Мира» (Три круга в Круге, символизирующие единство науки, философии и искусства в пространстве Культуры) и священной горы «Уч Энмек» в Республике Алтай («Три теменных Родничка» планеты Земля). Выявление семиотического родства «Знамени Мира» Н.К. Рериха и мифологемы священной горы «Уч Энмек» обосновывает этнофилософский базис под организацию и развитие ноосферно-познавательного туризма, основанного на этических принципах этнокультурного паломничества к священным местам. Такая тематика подтверждает в работах русского ученого и философа Н.К. Рериха особую значимость Алтая, как особого ландшафта, с которым связана древняя культура России и с которого начинается новая эпоха международного сотрудничества на основе новой интерпретации Декларации прав коренных народов мира, основанной на «природосообразности» культур, так как одно из определений коренных народов утверждает неразрывную связь этих народов с землей, где они проживают. С этой точки зрения Россия представляет собой огромную платформу,

где сохранилась глубинная связь ландшафтного разнообразия с многообразием традиционных культур, их населяющих (включая и русскую культуру), объединенных общим понятием «Земля Предков» и «Родина». С этой точки зрения и в контексте международной формулировки «коренные народы», Россия — это конфедерация коренных культур Мира.

Многочисленные результаты комплексных исследований в священной для коренного населения Алтая долине Каракол подтверждают, что образный язык Предков, сохраняющий древние знания, подтверждается естественно-научными данными; а привлечение работ выдающегося русского философа и художника Н.К. Рериха к интерпретации некоторых тайн долины раскрывает новые грани этих знаний при изучении с применением высокотехнологичной аппаратуры в контексте современной научной духовно-экологической парадигмы. Все это также открывает широкие перспективы для развития особого вида не только в туризме, но и в стратегии социоэкономического развития региона в целом — ноосферного.

Объединение традиционного знания коренных народов на платформе экосистемы священных ландшафтов позволит России восстановить свою древнюю историко-культурную природосообразную идентичность, сформировав свою вселенскую миссию в наступающей эпохе Водолея, когда активно формируется интуитивно-психическая энергия, которой сильна женская половина человечества, но которую европейский логический мир, интерпретировав дословно древнее предсказание о наступающей эпохе как «эпохе Женщины», впал в мир трансгендеров и гомосексуализма. Эта реальность должна для нас стать не просто предметом отрицания и сарказма, но и ярким подтверждением необходимости изменения собственных социокультурных, а вслед за ними и политико-экономических приоритетов.

Восточная медицина рассматривает человека как систему энергетических каналов, связывающих человека с Небом и Землей. И эти каналы имеют выходы на поверхности тела человека в виде акупунктурных точек, которые являются точками доступа ко всем системам человеческого организма. Аналогичную структуру имеют и Вселенная, и планета Земля, где любая мысль-информация передаются по таким же каналам. Исходя из данных постулатов, учитывая сложившиеся социокультурные тенденции в мировом цивилизационном процессе и духовно-экологическую общность народов евразийско-российского пространства, а также провидческие высказывания многих философов о многополярности будущих систем управления, в которых России, видимо, предназначена особая функция, можно сформулировать образ наступающей эпохи. Генерируется энергия новой эпохи, которая трансформирует все российское историко-культурное пространство, объединенное понятием «Дух Предков» через «активизацию» акупунктурной точки евразийского пространства — Алтай. Эта «Родничковая» часть планеты действует как «сахасрара» — высшая чакра в индуистской терминологии, соединяющая Планету с Вселенной. Так наступает «Время России», о чем, возможно, пытались донести свою Весть тибетские мудрецы через Рерихов.

К таким выводам мы пришли, проводя комплексные исследования, учитывающие привязку археологических объектов к геолого-геофизическим структурам священной для алтайцев земле Каракольской долины, результаты которых подтверждают, что экосистема сакрального ландшафта долины оказывает корректирующее воздействие на нарушения в организме человека путем предоставления этому организму информационных ресурсов для достижения состояний саморегуляции, самовосстановления.

Список источников

Друянов В.А. Загадочная биография Земли: 3-е изд., перераб. и доп. М., 1989. 160 с.

Мамыев Д.И. Сакральная геометрия священных земель Алтая // Евразийство: Электронный научный журнал. 2012. Вып. 4 https://eurazistvo.ru/vipusk4/sakralnaya-geometriya-svyashhennyih-zemel-altaya/?ysclid=mm91ckhu8f304736581

Ушакова Е.В. Общая теория материи (Основы построения): в 3 ч. Барнаул, 1992. 284 с.: ил., табл.

Хиневич А.Ю., Иванов Н.И. Славяно-Арийские Веды. Ч. 1–4 // Древнерусская инглиистская церковь православных староверов-инглингов: 2-е изд. Омск, 2005.

Информация об авторе / Information about the Author

Данил Иванович Мамыев, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати», директор; 649440, Республика Алтай, с. Онгудай, ул. Ленина, 39/2, danil-mamyev@yandex.ru

Danil I. Mamyev, Ethnocultural Scientific and Educational Center "AruSvati", Director; 649440, Altai Republic, p. Ongudai, st. Lenina, 39/2, danil-mamyev@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 908(470)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.09
EDN: BWKPEK

В.Я. ШИШКОВ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧУЙСКОГО ТРАКТА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОДНОГО ЭПИЗОДА

Лариса Николаевна Мукаева
Национальная библиотека Республики Алтай имени М.В. Чевалкова, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В статье анализируется культурно-историческое наследие Чуйского тракта, в частности его археологические древности, отложившееся в литературном творчестве выдающегося русского писателя и автора-проектировщика современной автомагистрали Республики Алтай (Горного Алтая) В.Я. Шишкова, впечатленного уникальными археологическими объектами, расположенными вдоль трассы. В качестве ключевого примера рассматривается описанная писателем в путевых заметках Ининская стела — древний памятник, утраченный для научного сообщества в после-

военное время (XX в.), но, тем не менее, нуждающийся в охране со стороны властей региона и заслуживающий изучения археологами, историками и краеведами.

Ключевые слова: Чуйский тракт, Ининская стела, В.Я. Шишков

Для цитирований: Мукаева Л.Н. В.Я. Шишков и культурно-историческое наследие Чуйского тракта: интерпретация одного эпизода // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 62–67. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.09

V.YA. SHISHKOV IN THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE CHUISKY TRACT: INTERPRETATION OF ONE EPISODE

Larisa N. Mukaeva

M.V. Chevalkov National Library of the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article analyzes the cultural and historical heritage of the Chuisky tract, in particular its archaeological antiquities, deposited in the literary work of the outstanding Russian writer and author-designer of the modern highway of the Altai Republic (Gorny Altai) V.Ya. Shishkov, impressed by the unique archaeological sites located along the highway. The Ininskaya stele, described by the writer in his travel notes, is considered as a key example. It is an ancient monument that was lost to the scientific community in the post–war period (the 20th century), but nevertheless needs protection from the authorities of the region, and deserves to be studied by archaeologists, historians and local historians.

Keywords: Chuisky tract, Ininskaya Stele, V.Ya. Shishkov

For citation: Mukaeva L.N. V.YA. Shishkov in the Cultural and Historical Heritage of the Chuisky Ttract: Interpretation of One Episode. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:62–67. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.09

В связи с актуализацией темы современной автомагистрали «Чуйский тракт» в 2022–2026 гг. (100-летие обретения статуса дороги государственного значения в 1922 г., 150-летний юбилей автора правобережного варианта Чуйского тракта В.Я. Шишкова в 2023 г., 90-летие введения Чуйского тракта в эксплуатацию на всем его протяжении от Бийска до Ташанты в 2025 г. и 90-летие создания Ининского (Цаплинского, или Дембельского) моста в 2026 г.) существенно вырос интерес к историко-культурному и нематериальному наследию дороги, с незапамятных времен пересекающей Алтайские горы с северо-запада на юго-восток. В настоящее время Чуйский тракт — единственная красивая автомобильная дорога России, включенная в список 10 красивейших дорог мира по версии журнала «National Geographic» (2014 г.) и занимающая в этом списке 5-е место, пропустив вперед Вердонскую дорогу, Памирский тракт, Далтон-хайвей и Трансфэгэрашское шоссе. В наше время сложилось устойчивое убеждение: если хочешь посмотреть Россию за один день, то поезжай по Чуйскому тракту. Исторически название «Чуйский тракт» связано с территорией Горного Алтая, с рекой Чуей, Чуйской степью, где проходили первые ярмарки китайских, монгольских и русских торговых людей; не случайно в 1-й половине XIX в. русских купцов, ведущих торговлю с китайцами и монголами, стали именовать «чуйцами». Дорога объединяет

неповторимые горные и высокогорные ландшафты, уникальные объекты природы, геологические памятники, археологические древности, современные этнокультурные и туристические комплексы. В настоящее время эта тема обрела второе рождение в связи с популяризацией историко-культурного наследия Республики Алтай через образ Чуйского тракта — пролегающей через время и пространство дороги, подчеркивающей неповторимость локальной идентичности и являющейся символом Горного Алтая, который для россиян в настоящее время стал уникальным «местом красоты», наиболее популярным брендом Горного Алтая, самой узнаваемой «визитной карточкой» Республики Алтай и важнейшим туристическим кластером региона (Мукаева, Шастина, 2023а, с. 4, 7; 2023б, с. 38).

Целью статьи является рассмотрение такого уникального археологического памятника Горного Алтая, как Ининская каменная стела, утраченного для науки в послевоенное время, сведения о котором находятся только в одном источнике — в путевых очерках российского и советского писателя и автора-проектировщика современного Чуйского тракта В.Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (Шишков, 2018б, с. 90–119).

Уже первые российские путешественники, проехавшие по Чуйской верховой тропе, оставили красочные описания курганов, каменных изваяний и других рукотворных памятников древности и средневековья. Тюрколог В.В. Радлов в своем путешествии по Алтаю в 1860 гг. первым обратил внимание на множество курганов Урсульской долины (Мукаева, Шастина, 2023а, с. 31). Геолог М. Басов, побывавший на главной дороге Горного Алтая в составе экспедиции томского губернатора Г.Г. Лерхе в 1864 г., описал урсульские каменные изваяния (другое название — кезеры), высеченные из гранито-сиенитовой породы, с человеческими лицами, обращенными на восток (Мукаева, Шастина, 2023а, с. 31). Путешественники, следовавшие по Чуйскому тракту в XIX в. и в раннесоветское время, не могли не заметить каменные изваяния Чуйской и Курайской степей. Самое знаменитое из них — это изваяние раннетюркского воина (Курайский кезер), располагавшееся на берегу р. Тете в Курайской степи. Первыми его упомянули российский географ В.П. Семенов-Тян-Шанский и исследователь С.П. Швецов в 1897 г.; алтайский землеустроитель П.М. Бочкарев в 1906 г. кезер сфотографировал, а художник Г.П. Гуркин нанес его на полотно в 1912 г.

К сожалению, В.Я. Шишков не упоминал этот интересный памятник, его внимание привлекли другие археологические объекты, расположенные вдоль линии торгового пути.

Чуйский тракт в начале XX в. представлял собой плохо устроенный колесный путь, непроезжий во время весенней и осенней распутиц. После его перевода в 1911 г. в ведение Министерства путей сообщения Российской империи на повестку дня встал вопрос о коренной реконструкции дороги, к разработке которой привлекли инженера-дорожника В.Я. Шишкова. Интересна биография этого видного российского и советского писателя, труды которого навсегда вошли в культурное, историческое и нематериальное на-

следие Чуйского тракта и Алтая. Он уроженец небольшого провинциального города Бежецка, в 1893 г. окончил Вышневолоцкое техническое строительное училище, приобретя престижную по тем временам профессию «кондуктор» (т.е. «чертежник и художник в инженерных управлениях по устройству водных путей, грунтовых и шоссейных дорог»). На следующий год Шишков уехал в далекую Сибирь, где устроился техником в Томское управление путей сообщения. На этой должности он приобрел первый опыт дорожных изысканий. После сдачи в 1900 г. экзамена на право самостоятельного осуществления инженерных работ он уже на должности старшего техника-инженера возглавлял экспедиции по техническому обследованию Енисея, Лены, Иртыша, Оби, Чарыша и других рек Сибири. В 1910 г. В.Я. Шишков прибыл в Горный Алтай для исследования Бии от ее истоков до слияния с Катунью и изучения ее судоходности. Результатами экспедиции стали технический отчет, топографическая карта реки и небольшая заметка «Любителям красот природы», опубликованная в газете «Сибирская жизнь» (издавалась в Томске), развернутая затем в рассказ «На Бии» (Шишков, 1914, с. 137–162).

Министерство путей сообщения в 1913–1914 гг. организовало полное техническое обследование Чуйского торгового тракта от Бийска до границы с Монголией для разработки нового проекта колесной дороги (Чуйский тракт…, 2022, с. 24). Руководителем Чуйской партии министерство назначило старшего техника Томского управления путей сообщения В.Я. Шишкова. Для лучшего осуществления изысканий Чуйская партия была поделена на два отряда: первый вел изыскания из торговой фактории Кош-Агач, второй — с левого берега Бии (Грехова, 2013, с. 10). В.Я. Шишков осуществлял координационную деятельность между двумя отрядами, курсируя между ними «по убийственным кручам верхом» (Шишков, 2018а, с. 34).

В Горном Алтае Шишкова впечатлили величественные горы, бурные реки, живописные перевалы, опасные бомы, умопомрачительной красоты пейзажи, своеобразие традиционной культуры алтайского и русско-старожильческого населения, зарождающаяся религия — бурханизм и археологические памятники. Начиная с Туехты он наблюдал древние курганы, остатки фортификационных сооружений, каменные изваяния. «Все эти памятники, — писал В.Я. Шишков, — попадающиеся то здесь, то там вплоть до монгольской границы, свидетельствуют о когда-то живших здесь и ушедших отсюда иных насельниках, седая память о которых сохранилась лишь в местных былинах» (Шишков, 2018б, с. 115). Он обратил внимание на два хорошо сохранившихся кезера, расположенных за Туехтой примерно в 100 м от тракта. Зарабатывавшие извозным промыслом возчики, по свидетельству Шишкова, упражнялись в метании камней по «каменных носам» этих изваяний (Шишков, 2018б, с. 116).

Больше всего Вячеслава Яковлевича поразил удивительный памятник, оставшийся с глубокой древности, — Ининская стела (данное название условно). О нем нам известно из литературного наследия писателя — путевых очерков «По Чуйскому тракту». По его описанию эта стела, которую он назвал «камень-баба», представляла огромную тонкую плиту квадратной формы, ка-

ждая сторона которой была около 3 м. Писатель недоумевал, как мог древний человек притащить на катунскую террасу огромную плиту весом в 300 пудов (около 5 тонн) и, поставив ее на ребро, врыть глубоко в землю (Шишков, 2018б, с. 115). Сопровождавший Шишкова проводник сообщил интересную легенду, из которой следовало, что когда-то через эти места на Чую проезжал богатырь, не зная брода, он чуть было не утонул в Катуни, но выплыл, при этом замочив потник, лежавший под седлом коня. Высушить потник на ровной речной террасе без деревьев и кустов он не мог, тогда богатырь взобрался на ближайшую гору, вывороти на вершине огромную каменную плиту и бросил ее с горы. Рухнув с огромной высоты, плита на сажень воткнулась в землю (Шишков, 2018б, с. 115). Из описания Вячеслава Яковлевича видно, что на стеле древние рисунки и «письмена» отсутствовали, за исключением высеченного изображения ножа, зато на ней расписались белилами проехавшие по тракту «братья Климовы». Уже тогда скалы и камни вдоль дороги исписывались «автографами проезжающих вперемешку с непотребными словами, во что бы то ни стало нацарапать которые так зудится хулиганская рука» (Шишков, 2018б, с. 116). Экспедиция 1913–1914 гг., как известно, блестяще выполнила все работы по трассировке дороги, Шишков разработал три варианта строительства тракта, один из которых (Правобережный) и был осуществлен советской властью в 1930-х гг., а свои впечатления от увиденного и пережитого он увековечил на страницах книг (Чуйский тракт…, 2022, с. 24).

Ининская стела, так заинтересовавшая В.Я. Шишкова, запечатлена в фотодокументах двух этнографических экспедиций, побывавших в Горном Алтае в 1931–1932 гг. На фотографии из собрания А.И. Новикова (1931 г.) этот археологический памятник обозначен как «намогильный памятник», на фотографии из коллекции советского ученого-этнографа С.А. Токарева (1932 г.) он назван менгиром, установленным над погребением. Как видно, научным изучением Ининской стелы археологи в 1920–1930-х гг. не занимались, а в послевоенное время этот интереснейший археологический объект был разрушен. В 1950-х гг., по свидетельству онгудайского краеведа П.Ч. Бабитова, местный бульдозерист снес плиту, может, шутки ради, сломав ее основание. Сейчас эта стела в поверженном виде лежит рядом с дорогой (Чуйский тракт…, 2022, с. 49).

Итак, современная автомагистраль «Чуйский тракт» — красивейшая дорога России и «визитная карточка» Горного Алтая (Республики Алтай) является одним из важнейших по своей значимости объектов историко-культурного и нематериального наследия региона, концентрируя вокруг себя богатую историю и культуру древности, средневековья и современности. Чуйский тракт в Горном Алтае аккумулировал вокруг себя множество памятников истории и культуры древнего, средневекового, Нового и Новейшего времени. Современная Чуйская автомагистраль — это музей под открытым небом, представляющий значительную часть историко-культурного наследия народов Алтая (Мукаева, Шастина, 2023а, с. 25), одним из ценных экспонатов которого является Ининская каменная стела, увиденная В.Я. Шишковым во время трассировки дороги в 1913–1914 гг. и описанная им в путевых

заметках «По Чуйскому тракту». Полуразрушенный археологический памятник нуждается в охране со стороны муниципальных и республиканских органов власти и в изучении археологами, историками и краеведами.

Список источников

Грехова Е.А. Алтай идет на вас // Культура Алтайского края. 2013. №1. С. 8–10.

Мукаева Л.Н., Шастина Т.П. Историко-культурное наследие Чуйского тракта в трудах российских путешественников XIX — начала XX в. // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. 2023а. №2. С. 24–34.

Мукаева Л.Н., Шастина Т.П. Чуйский тракт — дорога через время и пространство (из опыта работы над проектом) // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. 2023б. №2. С. 35–42.

Шишков В.Я. На Бии // Алтайский альманах. СПб., 1914. С. 137–162.

Шишков В.Я. Автобиография // Шишков В.Я. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Барнаул; Кемерово, 2018а. С. 23–36.

Шишков В.Я. По Чуйскому тракту // Шишков В.Я. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Барнаул; Кемерово, 2018б. С. 90–119.

Чуйский тракт — дорога через время и пространство: книга-альбом передвижной информационно-иллюстративной выставки. Горно-Алтайск, 2022. 112 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Лариса Николаевна Мукаева, Национальная библиотека Республики Алтай имени М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева 16, 38, кандидат исторических наук, доцент, https:// orcid.org/0000-0001-9409-3217, larnika777@yandex.ru

Larisa N. Mukaeva, M.V. Chevalkov National Library of the Altai Republic, Scientific and Methodological Department, Researcher; 649000, Gorno-Altaysk, Russia, Ulagasheva St., 16, 38, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, https:// orcid.org/0000-0001-9409-3217, larnika777@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.08(575.4)»18/19»:39
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.10
EDN: DBCPTH

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТУРКМЕНСКОГО КОВРОДЕЛИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Мяхри Курбанмурадовна Перделиева
Туркменский государственный университет имени Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан

Резюме. В статье раскрывается глубокий интерес к туркменскому ковру со стороны ученых, путешественников, военных чиновников и искусствоведов всего мира. В конце XIX — начале XX в. зарубежные исследователи высказывали различные мне-

ния о туркменских коврах: одни отмечали их древность и исторические корни, другие — неповторимую красоту, изящество и утонченность, третьи обращали внимание на гармонию орнаментов, а иные — на богатство и переливы цветовой гаммы. Конец XIX — начало XX в. можно назвать начальным этапом научного изучения туркменского ковра. Обращение к историческим материалам данного периода показывает, что туркменские ковры и ковровые изделия являлись одними из наиболее ценных экспонатов всемирных выставок, организованных в рамках сохранения национального наследия.

Ключевые слова: туркменский ковер, искусство, этнография, первые исследователи, выставки

Для цитирований: Перделиева М.К. Из истории этнографического изучения туркменского ковроделия в конце XIX — начале XX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 67–73. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.10

FROM THE HISTORY OF THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF TURKMEN CARPET WEAVING IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

Mahri K. Perdeliyeva
Magtymguly Turkmen State University, Ashgabat, Turkmenistan

Abstract. This article examines the profound interest shown in Turkmen carpets by scholars, travelers, military officials, and art historians from around the world. In the late nineteenth and early twentieth centuries, foreign researchers expressed diverse views on Turkmen carpets: some emphasized their antiquity and historical origins, others highlighted their exceptional beauty, refinement, and elegance, while still others focused on the harmony of ornamentation and the richness and tonal complexity of their color schemes. The late nineteenth and early twentieth centuries may be regarded as the initial stage of the scholarly study of the Turkmen carpet. An analysis of historical sources from this period demonstrates that Turkmen carpets and carpet products were among the most valuable exhibits at international exhibitions organized in connection with the preservation and presentation of national heritage.

Keywords: Turkmen carpet, art, ethnography, early researchers, exhibitions

For citation: Perdeliyeva M.K. From the History of the Ethnographic Study of Turkmen Carpet Weaving In the Late 19th — Early 20th Centuries. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:67–73. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.10

Туркменский народ является одним из тех народов, которые созданными ими национальными ценностями оказали влияние на развитие мировой культуры и искусства. Одним из важнейших материальных достижений прошлого, составляющих основу национального наследия, является туркменский ковер. Ковер по праву считается предметом национальной гордости туркменского народа. Среди различных видов туркменского декоративно-прикладного искусства наибольшую известность и развитие получило ковроткачество. Туркменский ковер представляет собой неотъемлемую часть национальной культуры.

Художественная ценность туркменского ковроделия обусловлена не только гармонией цветовых решений, но и строгой архитектоникой компо-

зиции. Единство центрального поля и гелей свидетельствует о завершенности эстетической системы, которая формировалась в течение многих тысячелетий. Исследователи подчеркивают, что современный облик ковра является результатом длительного художественного отбора, где каждый элемент орнамента подчинен общей логике композиционного единства.

Археологические и искусствоведческие данные подтверждают гипотезу о глубокой древности этого ремесла на территории Туркменистана. Ключевым доказательством исторической преемственности служит орнаментальный параллелизм: геометрические мотивы (кресты, многоугольники, ромбы), обнаруженные на керамике эпохи энеолита на памятниках культуры Анау, Кара-депе, Намазга-депе и Гексюрского оазиса (V–IV тыс. до н.э.), находят прямые аналогии в современных ковровых узорах, таких как «гушлы гель», «пенди гель» и «габса гель» и др. Таким образом, совершенствование этих форм на протяжении пяти тысячелетий позволяет рассматривать туркменский ковровый орнамент как устойчивый уникальный код культурной идентичности, связывающий древнейшие земледельческие культуры региона с современным народным искусством.

Древние ковровые гели, берущие начало в глубине тысячелетий, в разные исторические периоды находились в центре внимания различных народов. Поэтому туркменский ковер вызывал большой интерес у ученых, путешественников и искусствоведов всего мира. В конце XIX — начале XX в. зарубежные исследователи по-разному оценивали туркменские ковры: одни рассматривали их древность и исторические истоки, другие — их исключительную красоту и изящество, третьи — гармонию орнаментальных композиций и богатство цветовых решений.

Исследователи подчеркивают, что туркменский ковер — это не просто обычный предмет быта, а концентрированное выражение народной жизни. Так, академик А.Е. Ферсман рассматривал ковровый орнамент как художественную летопись природы, в которой зашифрованы образы пустыни, фауны и ландшафта. По мнению ученого, гармония ковра сопоставима по своей системности с научными классификациями, однако превосходит их по эмоциональному воздействию, представляя собой завершенный художественный шедевр (Курбанова, Чарыева, 2008, с. 77–78).

Иностранные наблюдатели XIX в. уделяли особое внимание специфике производства, которая коренным образом отличалась от европейских мануфактур. Арминий Вамбери акцентирует внимание на математической точности и чувстве пропорции туркменских мастериц. Это свидетельствует о наличии развитой системы передачи знаний «от старших к младшим» и глубоком понимании геометрии рисунка (Вамбери, 2003, с. 186–187).

Французский путешественник Генри де Блоквиль детально реконструирует технологический цикл создания ковра, акцентируя внимание на поразительном контрасте между простотой используемого инструментария и сложностью конечного художественного продукта. Блоквиль подчеркивает мобильность и адаптивность коврового промысла: использование

элементарного станка из четырех вкопанных кольев позволяло женщинам организовывать рабочий процесс на открытом воздухе при благоприятных погодных условиях. С научной точки зрения это свидетельствует о глубокой интеграции ремесла в кочевой и полукочевой уклад жизни.

Кроме того, исследователь фиксирует важный аспект нематериального культурного наследия: жесткую закрепленность орнаментальных канонов за конкретными семьями. Передача уникальных узоров от матери к дочери на протяжении поколений превращала каждый ковер в визуальный маркер родовой идентичности. Таким образом, по наблюдениям Блоквиля, ковроткачество в туркменской среде выступало не только как бытовое занятие, но и как механизм сохранения социальной памяти и семейных традиций (Генри де Блоквиль, 1992, с. 58).

В записках европейских путешественников и офицеров 2-й половины XIX в., таких как Мозер и Э. Буланже, туркменское ковроделие однозначно классифицируется не как ремесло, а как «подлинное произведение искусства». Буланже, анализируя изделия текинских мастериц, выделяет три ключевых критерия их превосходства: мягкость, красивые рисунки и яркие цвета. Как отмечает Л.Е. Дмитриев-Кавказский, базары Мерва в конце XIX в. превратились в центры притяжения для европейских ценителей, готовых приобретать даже антикварные фрагменты ковровых тканей (Гундогдыев, 2008, с. 50–53).

Анализ свидетельств С.Р. Фрейзера и В.М. Туган-Мирза-Барановского позволяет сделать вывод о значительной экспортной роли туркменского ковра. Промысел выступал не просто как домашнее занятие, а как фундаментальный источник дохода региона. Высокая себестоимость изделий и их востребованность в крупнейших торговых узлах того времени — от Персии до Бухарского эмирата — подтверждают высокий статус туркменских мастериц в сегменте премиального текстиля Центральной Азии (Туган-Мирза-Барановский, 1993, с. 74).

Российские авторы также высоко оценивали произведения туркменских мастериц. Ф.А. Михайлов и Н. Латкин фиксируют исключительную специализацию туркменских женщин в области ковроделия. Констатация отсутствия «соперниц» в этом деле указывает на достижение технологического предела мастерства в работе с шерстью и бархатными тканями. Прочность и изящество изделий, отмечаемые Латкиным, служили гарантом долговечности, что в сочетании с искусной вышивкой делало труд женщины ключевым фактором материального благополучия семьи. (Гундогдыев, 2008, с. 53).

В начале XX в. известный искусствовед, художник и исследователь С.М. Дудин, посетивший Туркменистан и изучавший традиции и ковровое искусство туркмен, написал одну из первых научных статей о ковроделии — «Ковровые изделия Центральной Азии». Ученый подчеркивал высокое мастерство исполнения туркменских ковров, своеобразие их орнаментов, оригинальность цветовых и композиционных решений, принципиально отличающих их от иранских, кавказских и других восточных ковров, а также утверждал их более древнее происхождение. Он особо отмечал, что туркмен-

ские женщины ткали ковры прежде всего для украшения собственного жилища (Дудин, 1928, с. 71).

В XIX–XX вв. туркменские ковры привлекали внимание не только путешественников, но и военных исследователей, таких как капитан Ф.А. Михайлов и генерал А.А. Боголюбов. В этнографических очерках этих авторов, дается обзор ковроделия и производства ковровых изделий наряду с другими традиционнами занятиями туркмен. Исследователи отходят от чисто эстетического описания, предлагая функциональную классификацию изделий, полностью интегрированных в жизнеобеспечение народа. Согласно их анализу, ковер в туркменском быту выполнял универсальную роль: от сакральных объектов («намазлык») до мобильных архитектурных элементов («энси») и систем хранения («чувал», «торба», «хурджун»), заменявших стационарную мебель. Такой подход подчеркивает предельную рациональность и технологическую завершенность коврового промысла как фундаментального элемента в жизни туркменского народа (Михайлов, 1900, с. 69–70).

Значительный вклад в изучение туркменского ковроделия внесла этнограф В.Г. Мошкова. В книге «Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX века» она дала высокую оценку ковровым изделиям региона, отметив, что на протяжении многих поколений они совершенствовались и прошли путь от ремесла к подлинному искусству. Работа основана на материалах научных экспедиций 1920–1945 гг., а ее третья часть полностью посвящена туркменским коврам (Мошкова., 1970, с. 255).

В XIX веке в связи с международными связями Российской империи и Великобритании, стран Центральной Азии восточные ковры приобрели широкую известность. Сотни военных чиновников и торговцев вывозили ковры в Европу, где они привлекали внимание искусствоведов и коллекционеров. Туркменские ковры и ковровые изделия стали ценными экспонатами музеев многих стран мира. В частности, различные образцы хранятся в Российском этнографическом музее, Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже и других музеях Санкт-Петербурга.

В конце XIX — начале XX в. туркменские ковры активно участвовали в международных выставках, посвященных национальному наследию, где неоднократно удостаивались наград. Они экспонировались на Всероссийских выставках 1869 г. в Санкт-Петербурге и Ходженте, на выставке 1870 г. в Ташкенте, Всемирной выставке 1873 г. в Вене, выставках 1875 г. в Санкт-Петербурге и Самарканде, выставке 1876 г. в Самарканде, выставках 1878 г. в Ташкенте и Париже, выставках 1879 и 1882 гг. в Москве, выставке 1886 г. в Ташкенте, выставке 1888 г. в Копенгагене (где был представлен альбом Н.Е. Симаковой «Искусство Центральной Азии»), Всемирной выставке 1889 г. в Париже, Всемирной выставке 1890 г. в Вене, выставках 1891 г. в Москве и Ташкенте, экспозиции 1892 г. в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, выставках 1894 г. в Ташкенте, Самарканде и Фергане, Всемирной выставке 1900 г. в Париже, выставке 1909 г. в Санкт-Петербурге, выставках 1910 г. в Париже, Мюнхене и Ташкенте, а также на выставках 1914 г. в Берлине и Лондоне.

Примечательно, что на этих выставках представлялись не только музейные коллекции Европы: после образования Закаспийской области в 1881 г. туркмены, проживавшие в Ахале, Мерве и Серахсе, также начали участвовать в выставках со своими произведениями искусства и неоднократно удостаивались высоких наград (Гундогдыев, 2008, с. 89–90).

Ковроткачество является одним из важнейших материальных достижений туркменского народа. Ковер занимает исключительно значимое место в жизни туркмен, поскольку с момента рождения ребенка он сопровождает человека с первых дней жизни: младенец растет в колыбели, украшенной специальным ковровым изделием. Ковры и ковровые изделия широко использовались во внутреннем убранстве туркменского жилища, и эта традиция сохраняется по сей день.

Ковровыми изделиями украшались свадебные кибитки, домашнее имущество хранилось в ковровых мешках и чувалах; существовали специальные ковровые изделия для верблюдов и породистых скакунов, а также разнообразные сумы и мешки, отличавшиеся богатством орнаментов и художественным разнообразием. Красота туркменских ковров, насыщенность их цветовой гаммы и высокое качество являются результатом творческого мастерства туркменских женщин. На протяжении многих веков туркменские мастерицы благодаря своему таланту, художественному воображению и неустанному труду украшали жизнь своих семей и общества в целом великолепными коврами и ковровыми изделиями.

Ковер в туркменской культуре представляет собой священный образец красоты, наделенный глубоким символическим значением. Мудрые матери и бабушки вкладывали в создаваемые ими ковры представления о красоте, гуманизме, справедливости и добродетели, а также любовь к родине, священной земле и родителям. Именно поэтому искусство, рожденное женской душой, занимает особое место в туркменской литературе и народном творчестве.

Как показывают исторические источники, туркменское ковровое искусство в конце XIX — начале XX в. стало одним из объектов пристального внимания зарубежных путешественников, ученых и военных исследователей. По этой причине данный период можно считать начальным этапом научного изучения туркменского ковра. Анализ исторических материалов свидетельствует о том, что туркменские ковры и ковровые изделия являлись одними из наиболее ценных экспонатов международных выставок, посвященных национальному наследию. Туркменский ковер — одно из древнейших культурных достояний народа, прошедшее путь от ремесленного производства к уровню высокого искусства.

Список источников

Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. 319 с.

Генри де Блоквиль. В плену туркменов. Ашхабад, 1992. 85 с. (на туркм. яз.)

Гундогдыев О. Из истории туркменского ковроделия. Ашхабад, 2008. 110 с.

Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1928. Т. 7. С. 71–158.

Курбанова О., Чарыева О. Туркменский ковер — древнее ремесло и вечное искуство // Туркменский ковер — эталон красоты нашей цветущей родины. Ашхабад, 2008. С. 77–78.

Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь: этногр. очерк. Асхабад, 1900. 79 с.

Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1970. 255 с.

Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке 1879 г. Ашхабад, 1993. 168 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Мяхри Курбанмурадовна Перделиева, Туркменский государственный университет имени Махтумкули, кафедра археологии и этнологии, заведующий кафедрой; 744000, Туркменистан, г. Ашхабад, пр. С. Туркменбаши, 31, кандидат исторических наук, htpp://orcid.org/0009-0001-7303-6683, mahrigurbanmyradowna@gmail.com

Makhri K. Perdeliyeva, Magtymguly Turkmen State University, Head of the Department of Archeology and Ethnology, Candidate of Historical Sciences; 744000, Turkmenistan, Ashgabat, Saparmyrat Turkmenbashy Ave., 31, htpp://orcid.org/0009-0001-7303-6683, mahrigurbanmyradowna@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 069.51:379.85(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.11
EDN: DDYIRI

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАЗЫРЫКСКОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (на примере экспозиций Национального музея им. А.В. Анохина)

Надежда Алексеевна Тадина, Тенгис Степанович Ябыштаев
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В статье на основе анализа собранного материала освещен вопрос о сохранении и популяризации пазырыкского наследия в условиях активного развития этнокультурного туризма в Республике Алтай. На примере музейных экспозиций Национального музея рассмотрены способы актуализации пазырыкской темы в виде реконструированного войлочного ковра и собранного сруба-усыпальницы из пятого кургана. Обращено внимание на результаты научно-исследовательского сотрудничества Национального музея, Горно-Алтайского госуниверситета и Эрмитажа. Отмечено, что для развития этнокультурного туризма в Республике Алтай важно включение памятников пазырыкской культуры в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: республика, музей, пазырыкское наследие, реставрация, этнокультурный туризм

Для цитирований: Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Об использовании пазырыкского наследия в сфере этнокультурного туризма Республики Алтай (на примере экспозиций Национального музея им. А.В. Анохина) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 73–77. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.11

THE USE OF THE PAZYRYK HERITAGE IN THE SPHERE OF ETHNOCULTURAL TOURISM IN THE ALTAI REPUBLIC (using the example of the exhibits of the A.V. Anokhin National Museum)

Nadezhda A. Tadina, Tengis S. Yabyshtaev
Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia

Abstract. Based on an analysis of material collected, the article addresses the issue of preserving and promoting Pazyryk heritage in the context of the active development of ethnocultural tourism in the Altai Republic. Using the National Museum's exhibits as examples, it examines ways to bring the Pazyryk theme to life, using a reconstructed felt carpet and a reassembled log burial vault from the fifth burial mound. The article also highlights the results of research collaboration between the National Museum, Gorno-Altaisk State University, and the Hermitage Museum. It is noted that the inclusion of Pazyryk cultural monuments on the UNESCO World Heritage Tentative List is crucial for the development of ethnocultural tourism in the Altai Republic.

Keywords: Republic, museum, Pazyryk heritage, restoration, ethnocultural tourism
For citation: Tadina N.A., Yabyshtayev T.S. The Use of the Pazyryk Heritage in the Sphere of Ethnocultural Tourism in the Altai Republic (using the example of the exhibits of the A.V. Anokhin National Museum). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:73–77. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.11

В массовом сознании современного общества сложился образ Республики Алтай как уникального места с неповторимой пазырыкской культурой. Пазырыкская археологическая культура, названная по курганам Горного Алтая (VI–IV вв. до н.э.), стала широко известна в середине прошлого века. Ее скифо-сибирский звериный пазырыкский стиль характеризуется особой манерой исполнения изображений животных, которые можно увидеть на находках из пазырыкских курганов — войлочных коврах, кожаных сосудах, седлах, сбруе, одежде, татуировках погребенных (Руденко, 1953). Этот древний «звериный» стиль, созданный 2,5 тыс. лет назад, приобрел вторую жизнь в работах художников-оформителей и народных умельцев, изготовляющих сувениры. В результате широкой популярности пазырыкские образы становятся не только декором, но и этнополитическим символом региона (Тадина, Ябыштаев, 2013).

Вопрос об использовании пазырыкского наследия в культурном туризме является многогранным. В этом отношении можно рассмотреть деятельность одного из государственных учреждений региона — Национального музея имени А.В. Анохина, ставшего достопримечательностью в развитии культурного туризма благодаря популяризации сосредоточенного в его фондах исторического наследия. После проведенной реставрации в 2012 г. музей приобрел важный археологический артефакт — мумию «Принцесса Укока», экспонируемую в специальной пристройке в форме погребального кургана. Изменился фасад музея, оформленный пазырыкским «небесным» оленем с откинутыми ветвистыми рогами. Представленные для обозрения музейные предметы и коллекции привлекают внимание туристов.

В экспозициях имеется копия пазырыкского войлочного ковра, подаренная Национальному музею в 2018 г. — в год его 100-летия. Этот ковер был изготовлен мастерицами Ассоциации народных художественных промыслов, работавшими по проекту «Наследие кочевников». Об их труде было образно сказано следующее: «Благодаря усилиям и неимоверному терпению 60 мастериц-валяльниц из сел Ело и Каярлык Онгудайского района сваляли войлочное полотно. А мастерицы Кош-Агачского района сшили ковер, аутентичный древнему пазырыкскому войлочному ковру» (Современная копия…, 2018). Предварительно группа мастериц по войлоку посетила Государственный Эрмитаж в г. Санкт-Петербурге, для того чтобы увидеть оригинал, изучить состав использованного материала, примененную технику валяния и особенности окрашивания. Ковер имеет большие габариты: размер 4,5×6,5 м и вес около 20 кг. По словам мастериц, чтобы изготовить войлочное полотнище таких размеров, древним мастерам пришлось настричь шерсть предварительно со 100 овец (Современная копия…, 2018).

Древний войлочный ковер, найденный в пятом пазырыкском кургане, описал С.И. Руденко в книге «Культура населения Горного Алтая в скифское время». Его трактовка рисунка войлочного ковра такова: изображена богиня, восседающая на троне, с коронообразным головным убором и цветущей ветвью в руке и всадник на коне, обращающийся к ней с просьбой. Им был поставлен вопрос: «…кто же создал все эти вещи? Было ли это делом рук специалистов-художников, находящихся при ставках вождей? Что творчество было общенародным, свидетельствует насыщенность всей бытовой обстановки художественно оформленными вещами... Этому благоприятствовала доступность материала, в котором воплощались художественные мотивы» (Руденко, 1953, с. 323). На сайте Национального музея им. А.В. Анохина размещена информация о том, что первым реставратором найденного в пазырыкском кургане войлочного ковра стал Николай Семенович, имевший мировое признание. С 1950 г. этот ковер был выставлен в экспозиционном зале «Древности Сибири», и с тех пор сохранивший свои первоначальные цвета ковер в повторной реставрации не нуждался (Войлочный ковер…, 2018).

Проблема изучения пазырыкского войлочного ковра стала одним из вопросов сотрудничества с Эрмитажем. О необходимости иметь копию древнего ковра, найденного в середине прошлого века в Улаганском районе, мастерицы сказали следующее: «Ведь не все из нас имеют возможность посмотреть древний ковер в Эрмитаже. Точная копия такого масштабного и красочного ковра в Национальном музее им. А.В. Анохина даст возможность жителям республики осознать высокоразвитую культуру своих предков и гордиться своей историей» (Уникальный сруб…, 2019).

Другая пазырыкская экспозиция связана с реконструкцией усыпальницы, представляющей двойной сруб с полом и двойным потолком, которая была раскопана экспедицией С.И. Руденко в 1949 г. в долине Пазырык Улаганского района. Это наружный сруб, оставшийся после проведенных раскопок в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В 2019 г. совместная экспедиция Горно-Алтайского

госуниверситета и сотрудников Эрмитажа извлекла срубную камеру пятого кургана и доставила в г. Горно-Алтайск для передачи в фонд Национального музея. Ее научная работа была выполнена по проекту «Музеефикация и популяризация царских курганов Пазырыка». По словам исследователей, «это самая древняя и самая большая деревянная конструкция среди представленных в музеях нашей страны сооружений такого плана. Нам важно сохранить его для будущих поколений, которые будут восхищаться мастерством древнего населения Алтая. Для правильного хранения древнейшего памятника необходимо фондохранилище с соблюдением климат-контроля. При этом открытое фондохранилище для сруба будет использоваться и как экспозиционный зал. А также нужны реставрационные мастерские» (Собрали сруб…).

В связи с активным развитием туризма в Республике Алтай проводятся различные мероприятия, популяризующие историко-культурное наследие региона (Культурное наследие Алтая, 2025). Большую роль в этом играют экспозиции Национального музея им. А.В. Анохина. На примере реконструкции войлочного ковра и собранного лиственничного сруба из пятого пазырыкского кургана представлены уникальные артефакты, привлекающие туристов и любознательных посетителей. Сотрудники музея разработали и подготовили экскурсии и выставки на пазырыкскую тему. В Горно-Алтайском госуниверситете периодически проводятся научно-практические конференции, посвященные проблеме сохранения и популяризации пазырыкской культуры. В июне 2025 г. состоялся круглый стол «Сокровища пазырыкской культуры: состояние и перспективы развития», посвященный 140-летию со дня рождения археолога, исследователя Пазырыкских курганов С.И. Руденко. По вопросу сохранения пазырыкского наследия в Республике Алтай проводится просветительская и законодательная работа, результатом чего стало включение археологических курганов Пазырык, а также петроглифов на скале Калбак-Таш в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в составе единого объекта «Сокровища пазырыкской культуры».

Список источников

Войлочный ковер пазырыкского наследия теперь в музее // Национальный музей Республики Алтай. 23.11.2018. URL: https://www.musey-anohina.ru/index.php/novosti/item/884-vojochnyj-kover-pazyrykskogo-naslediya-teper-v-muzee?ysclid=mlzbv54nfq1711943 (дата обращения: 25.02.2026).

Культурное наследие Алтая // Инвезт. 01.08.2025. URL: https://altays.ru/blog/tpost/olr5ct8xp1-kulturnoe-nasledie-alta (дата обращения: 25.02.2026).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Собрали сруб пазырыкской усыпальницы // Национальный музей Республики Алтай. URL: https://www.musey-anohina.ru/index.php/novosti/item/1132-pazyrykskuyu-usypalnitsu-gotovyat-dlya-eksponirovaniya (дата обращения: 25.02.2026).

Современная копия пазырыкского войлочного ковра будет храниться в Национальном музее // Новости Горного Алтая. 27.11.2018. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/96887?ysclid=mlzbskd9jl562148551 (дата обращения: 25.02.2026).

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Пазырыкский стиль символьной атрибутики Республики Алтай в контексте картины мира алтайцев // Вестник ТГУ. История. 2013. №3 (23). С. 167.

Уникальный сруб гробницы пазырыкских вождей передан Национальному музею // Новости Горного Алтая. 02.08.2019. URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/106038 (дата обращения: 25.02.2026).

Информация об авторах / Information about the Authors

Надежда Алексеевна Тадина, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, доцент; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0003-1363-8735, ntadina@yandex.ru

Nadezhda A. Tadina, Gorno-Altaisk State University, Department of History and Archaeology, Associate Professor; 649000, Gorno-Altaisk, Lenkina St., 1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-1363-8735, ntadina@yandex.ru

Тенгис Степанович Ябыштаев, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, старший преподаватель; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-9200-5954, teng7891@mail.ru

Tengis S. Yabyshtaev, Gorno-Altaisk State University, Department of History and Archaeology, Senior Lecturer; 649000, Gorno-Altaisk, Lenkina St., 1, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-9200-5954, teng7891@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.2(571.13)»17/19»
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.12
EDN: DGHWTQ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ XVIII — 1-Й ЧЕТВЕРТИ XX в. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ

Константин Николаевич Тихомиров
Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
Омский государственный историко-культурный
музей-заповедник «Старина Сибирская», Большеречье, Россия

Резюме. На основе анализа данных археологических исследований существующих с XVIII в. и заброшенных населенных пунктов татар, расположенных в северной части Среднего Прииртышья, рассматриваются некоторые элементы их практически не изученной культуры. В результате изучения традиционных для этого населения жилищ, их интерьера, коллекций, полученных в результате раскопок (фрагментов орнаментированной лепной и неорнаментированной круговой керамики, фарфора, фаянса, металлических и костяных изделий) делаются выводы о материальной культуре этого населения в XVIII — 1-й половине XIX в. Сопоставление имеющихся данных с предме-

тами, полученными при исследовании культурных слоев существующих или разъехавшихся во 2-й половине XIX — 1-й четверти XX в. поселений, приводит к выводу о ее трансформации в этом регионе в результате различных исторических процессов.

Ключевые слова: археология, татары, культура, XVIII–XX вв., Западная Сибирь

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания № FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

Для цитирований: Тихомиров К.Н. Материальная культура татар Тарского Прииртышья XVIII — 1-й четверти XX в. по результатам исследований поселений // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 77–82. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.12

MATERIAL CULTURE OF THE TATARS OF THE TARA IRTSYSH REGION IN THE 18th — FIRST QUARTER OF THE 20th CENTURY BASED ON THE RESULTS OF THE SETTLEMENTS' RESEARCH

Konstantin N. Tikhomirov

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russia
Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Antiquity Siberian", Bolsherechye, Russia

Abstract. Based on the analysis of archaeological research data existing since the 18th century and the desolate settlements of the Tatars located in the northern part of the Middle Irtysh region, some elements of their practically unexplored culture are considered. By examining the traditional dwellings of this population, their interiors, and excavation collections (fragments of ornamented molded pottery and unornamented pottery made on a potter's wheel, porcelain, faience, metal and bone artifacts), the article draws conclusions about the material culture of this population in the 18th and first half of the 19th century. A comparison of the available data with artifacts detected from the study of the cultural layers of settlements existing or those that dispersed in the second half of the 19th and first quarter of the 20th centuries leads to the conclusion that this culture in this region underwent transformation as a result of various historical processes.

Keywords: archeology, Tatars, culture, the 18th–20th centuries, Western Siberia

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment, topic number FWZG-2025-0014 "Population of the South of the West Siberian Plain: Socio-Cultural Dynamics and Cultural Heritage".

For citation: Tikhomirov K.N. Material Culture of the Tatars of the Tara Irtysh Region in the 18th — First Quarter of the 20th Century Based on the Results of the Settlements' Research. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:77–82. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.12

История разных народов изучена неравномерно и часто в определенных периодах она практически не известна. Так, малоизученной до наших дней остается история и материальная культура западносибирских татар XVIII — 1-й четверти XX в., несмотря на то что ее различные аспекты исследовались этнографическими методами (Томилов, 1981, 1996). Необходимо указать, что

полученные материалы относились к концу XIX — XX в., а ее более ранние периоды остались без внимания. При отсутствии данных письменных источников и этнографических данных основным источником информации становятся археологические раскопки, которые редко выходят за рамки XVIII в. Тем не менее такие работы на комплексах указанной территории проводились, однако среди них доминировали раскопки могильников. Поселенческий же комплекс татар XVIII — 1-й четверти XX в. остался практически не известным.

Для анализа материальной культуры указанного населения в этой работе были привлечены материалы с Тарского Прииртышья. Под этим термином здесь понимается северная часть исторического Тарского уезда Тобольской губернии. В наши дни это территории Большереченского, Знаменского, Муромцевского, Седельниковского, Тарского, Тевризского и Усть-Ишимского районов Омской области. Населенные пункты татар на этой территории впервые упоминаются в письменных источниках 1-й четверти XVII в. (Томилов, 1981, с. 120, 123, 136, 137; 1996, с. 190; Долгих, 1960, с. 53). Часть из них была оставлена в середине — 2-й половине XIX — 1-й четверти XX в., а культура жителей, населявших их, не изучалась ни этнографическими, ни археологическими методами, в результате чего сведения о ней минимальные.

Анализ результатов археологических работ на таких объектах западносибирских татар на указанной территории предоставил сведения, позволяющие получить обоснованное представление об их традиционной материальной культуре.

В период развитого — позднего средневековья на территории Среднего Прииртышья по археологическим данным в качестве жилища доминировали землянки и полуземлянки (Коников, 2007, с. 64), наземные каркасно-столбовые конструкции (Соболев, 2008, с. 93), в том числе обмазанные глиной и сооруженные из дерна (Соболев, 2008, с. 94). В наши дни их остатки фиксируются в виде подпрямоугольных невысоких насыпей с понижением в центре и ямами, расположенными по их контуру. Они широко распространены на поселениях этого периода (Бергамак XX, Алексеевка XIII, Окунево XV (Здор, Татауров, Тихомиров, 2000, с. 45, 62, 78) и др.). Часть из них была незначительно (5–20 см) углублена в материк (Коников, 2007, с. 52). Как правило, жилище отапливалось очагом открытого типа, расположенным в центре (Коников, 2007, с. 61, 63, 67; Герасимов, Здор, Корусенко, 2022, с. 191), или закрытым очагом в виде чувала, как на городище Усть-Тамак-II (Тихомиров, 2014) или поселении Черталы-I (Герасимов, Здор, Корусенко, 2022, с. 195), датируемых XVII–XVIII вв. Раскопки на части подобных комплексов свидетельствуют об устройстве в них вдоль стен материковых полочек, которые часто интерпретируются как основа для нар (Соболев, 2008, с. 83, 95).

К концу XIX в. доминирующими строениями в татарских деревнях становятся рубленые дома с печами русского типа. Однако встречались и жилища в виде срубных полуземлянок (д. Черталы), земляных строений из дерна и мазанок (Титов, 2007, с. 24).

Археологические работы на поселенческих объектах указанного населения в этот период свидетельствуют об отдельных аспектах их повседневного быта. Наиболее массовым материалом, как и для других периодов, являются фрагменты изделий из грубой лепной керамики, большинство которой составляют обломки посуды. В комплексах XVI–XVII вв. доминируют фрагменты лепных сосудов, орнаментированные горизонтальными рядами наклонных оттисков палочки (Бараба в эпоху…, 1990, с. 16–34; Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с. 169–178). Позже широкое распространение получает посуда из и круговой неорнаментированной керамики, фарфора и фаянса (Тихомиров, Тихомирова, 2022, с. 764).

Культурные слои конца XIX — 1-й четверти XX в. содержат и изделия из традиционных материалов, свидетельствующие о материальной культуре этого населения. Маркером развитого рыболовства может считаться расположение поселений (особенно летников) в местах, и до наших дней удобных для данного вида получения ресурсов, на берегах р. Иртыш и крупных озер и др., наличие в культурных слоях острог, глиняных грузил, крючков ручного производства, рыбьих костей, жаберных крышек и чешуи (д. Атак, Усть-Тамак, Ашеваны с. Большие Туралы, городище Усть-Тамак-II, поселения Бергамак-III Таборы XIV (быв. д. Летняя) и др.). Многочисленные металлические и костяные наконечники стрел свидетельствуют об охоте и навыках обработки указанных материалов. Это подтверждает факт обнаружения металлических топоров-тесел с несомкнутой втулкой, широко распространенных на этой и сопредельных территориях в смежные хронологические периоды (Здор, Татауров, Тихомиров, 2000, с. 71, рис. 42.-1–3; Коников, 2007, с. 395–396; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 79, рис. 58.-1–4). Постепенно они заменяются плоскообушными проушными топорами, которые полностью их вытесняют.

Следует отметить, что в культурных слоях поселений татар часто встречаются изделия из кости и их обломки: проколки, ложки из кости и рога и др., которые свидетельствуют о широком использовании предметов из этого материала в материальной культуре татар этого периода. Навыки изготовления пряжи иллюстрируют находки пряслиц, изготовленных из камня и кости, например, на городище Усть-Тамак-II (Тихомиров, 2013, с. 348). А ложки, выполненные из кости или рога, обнаруженные как в слоях XVIII в. (Тихомиров, 2013, с. 348), так и начала — 1-й половины XX в. (Тихомиров, Тихомирова, 2022, с. 760), сообщают о палеодиете и культуре питания. Кроме того, в материалах раскопок встречаются детали украшений, в основном импортные.

В целом наблюдается традиционность в материальной культуре. В слоях конца XIX — 1-й половины XX в. наряду с новыми изделиями встречаются традиционные. Так, при шурфовке в настоящее время практически заброшенной д. Казатово Большереченского района Омской области были обнаружены детали обуви из бересты со следами швов, которые показывают использование жителями деревень таких изделий кустарного производства (Тихомиров, Тихомирова, 2022, с. 761). Местный уроженец (1951 г.р.), на ме-

сте расположения усадьбы которого был заложен шурф, рассказал, что он помнит, что у его бабушки была обувь с деталями из бересты.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на поселениях, существовавших в XVIII в, содержащих слои 2-й половины XIX — 1-й трети XX в., наряду с уменьшающимся количеством традиционных изделий (артефактов из кости, круговой керамики, традиционных украшений) местного производства все в чаще встречаются и начинают доминировать импортные товары ремесленного производства из железа, фарфора и фаянса, чугуна и др. Широкое распространение вышеуказанных изделий в этот период маркирует тот факт, что наряду с возросшей покупательской способностью населения стали доступны подобные вещи, массовое производство которых удешевило их.

Таким образом, следует отметить, что сложившаяся к XVIII в. материальная культура, отраженная в материалах раскопок поселений татар, в конце XIX — 1-й четверти XX в. значительно трансформируется под влиянием различных исторических процессов.

Список источников

Здор М.Ю., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н. Археологическая карта Муромцевского района Омской области. Омск, 2000. 135 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Поселение Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги изучения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, №4. С. 186–199.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая / Академия наук СССР. Новая серия. Т. LV).

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск, 2007. 466 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др. Новосибирск, 2001. 256 с.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008. 356 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 10).

Титов Е.В. Жилище татар Тарского Прииртышья в конце XIX — XX в. // Омский научный вестник. Исторические науки. 2007. №4 (58). С. 22–25.

Тихомиров К.Н. Новые памятники коренного населения Среднего Прииртышья XVI–XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 345–349.

Тихомиров К.Н. Новые материалы о строительстве у населения северных районов Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2014. С. 115–117.

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Археологический инвентарь с поселений татар Среднего Прииртышья Нового и Новейшего времени (по материалам полевых исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск, 2022. С. 757–765. Doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0757-0765.

Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 188–197.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981. 276 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Константин Николаевич Тихомиров, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», р.п. Большеречье, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т К. Маркса, 15, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0003-1159-1603, ktikhomirov@gmail.com

Konstantin N. Tikhomirov, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Antiquity Siberian", Bolsherechye, Senior Researcher; 644024, Russia, Omsk, K. Marx Ave., 15, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0003-1159-1603, ktikhomirov@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 930.85(575.4)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.13
EDN: EHQHJB

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТУРКМЕНСКОЙ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ И ЕЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ (на примере деятельности Национального общества соколиных охотников)

Тойлы Бабагельдыевич Хоммыев
Туркменский государственный университет имени Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан

Резюме. В статье подробно рассматривается становление и многогранная деятельность Национального общества сокольников Туркменистана. Несмотря на сравнительно недавнее основание, данная организация обладает уникальной и самобытной историей, тесно переплетенной с национальными корнями. Ключевая роль в развитии структуры принадлежит ее руководителю Ата Эебердыеву — признанному эксперту, который делом доказывает глубокое уважение к туркменскому сокольничеству. Благодаря его инициативам и регулярному участию в престижных международных фестивалях традиции туркменских мастеров получили широкое признание за рубежом. Общество реализует комплексный подход: от возрождения древних методов охоты с ловчими птицами и разведения элитных собак породы тазы до проведения глубоких изысканий в области охотничьего наследия.

Ключевые слова: соколиная охота, Национальное общество сокольников Туркменистана, публикация

Для цитирований: Хоммыев Т.Б. Возрождение туркменской соколиной охоты и ее популяризация в мировом масштабе (на примере деятельности Национального

общества соколиных охотников) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 82–88. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.13

REVIVAL OF TURKMEN FALCONRY AND ITS GLOBAL POPULARIZATION (Based on the Activity of the National Falconers' Society)

Toyly B. Hommyyev
Turkmen State University Named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the formation and multifaceted activities of the National Falconers' Society of Turkmenistan. Despite its relatively recent establishment, the organization possesses a unique and distinctive history, deeply intertwined with the nation's cultural roots. A pivotal role in the development of the society is played by its head, Ata Eyeberdyev, a renowned expert whose work demonstrates a profound commitment to Turkmen falconry. Through his initiatives and regular participation in prestigious international festivals, the traditions of Turkmen masters have gained wide international recognition. The Society implements a holistic approach, encompassing the revival of ancient hunting methods with birds of prey, the breeding of elite Tazi hounds, and extensive research into hunting heritage.

Keywords: falconry, National Falconers' Society of Turkmenistan, scholarly publications
For citation: Hommyyev T.B. Revival of Turkmen Falconry and Its Global Popularization (Based on the Activity of the National Falconers' Society). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:82–88. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.13

В годы независимости уважение к культурному наследию предков — охоте с собаками породы тазы и ловчими птицами — значительно возросло, ее слава распространилась далеко за пределы страны. Национальное общество сокольников Туркменистана, известное своими выдающимися достижениями на международном уровне, было основано в 1998 г. В 2000 г. общество было принято в члены Всемирной ассоциации охоты с ловчими птицами, после того как на международных соревнованиях по охоте с беркутами и тазы в Астане (Казахстан) завоевало первое место. Сертификат о членстве стал символическим подарком к пятилетию Постоянного нейтралитета Туркменистана. Всемирная ассоциация охоты с ловчими птицами была основана в 1948 г.

Национальное общество сокольников Туркменистана подняло традиции охоты с ловчими птицами до уровня искусства и успешно популяризирует их в мире. Работа общества ведется по трем основным направлениям.

Первое направление — орнитологическое, которым руководит Джума Сапармурадов. Данный отдел занимается учетом мест гнездования ловчих птиц в природных условиях, консультирует сокольников по вопросам подготовки птиц к охоте и оказывает поддержку новым членам общества.

Второе направление — разведение и селекция тазы, возглавляемое Татьяной Атаджановой. Отдел организует племенную работу с тазы, отличившимися в охоте высокой скоростью и выносливостью, проводит соревнования и выставки, а также ведет племенную документацию по каждой собаке.

Третье направление — историко-культурное, посвященное изучению традиций охоты с ловчими птицами. Его возглавляет Ата Эебердыев. Деятельность отдела направлена на исследование отражения соколиной охоты в туркменской литературе, искусстве, этнографии, фольклоре, песенной культуре и изобразительном искусстве, а также на сбор и систематизацию соответствующих материалов.

Многолетний опыт членов общества в работе с ловчими птицами позволяет глубже изучать их повадки, места обитания и периоды размножения. Среди членов общества — скульптор Максат Тугуров, предприниматели Джепбар Гутлымурадов и Александр Кузнецов, пастух Айдогды Черкезов и другие представители различных профессий. В целом общество насчитывает 197 членов. Помимо беркута и ястреба, в Туркменистане обитают и другие виды хищных птиц — сокол, балобан, сапсан, что делает работу энтузиастов по их изучению и учету чрезвычайно важной для сохранения природного и культурного наследия страны.

Для того чтобы ловчей птице (беркуту) поймать добычу — полевку или зайца, вовсе не обязательно подниматься высоко в небо. Поднявшись на высоту 1,5–2 км, беркут способен различать малейшие движения на площади до 5 тыс. кв. м. Завидев добычу, птица стремительно пикирует вниз, подобно выпущенному камню, развивая скорость до 200–270 км/ч. Она способна заметить добычу даже тогда, когда спокойно сидит на руке у своего хозяина. Во время преследования голубей скорость полета достигает 200 км/ч (Эебердыев, 2007, с. 21–22).

С древнейших времен туркмены обучали ловчих птиц охоте на зайцев, и эта традиция сохраняется по сей день. В марте самка откладывает яйца, и спустя 40 дней появляются птенцы. Птенцов забирают из гнезда, когда им исполняется две недели, однако если в кладке всего один птенец, существует обычай не трогать его, поскольку именно он должен будет защищать гнездо в будущем. Взрослые птицы спокойно переносят присутствие лишь одного птенца в гнезде.

Человек, ставший для птенца одновременно и «отцом», и «матерью», ухаживает за ним с середины мая до конца августа, то есть около 3,5 месяцев, до тех пор, пока не вырастет оперение. В этот период птенцу дают разнообразную пищу — голубей, ворон и других мелких птиц, мясо которых содержит вещества, укрепляющие перьевой покров.

Семья Эебердыевых, несмотря на то что проживает в городе, создала для ловчих птиц и тазы все необходимые условия. В одном из помещений оборудована клетка для птицы, а тазы по кличке Мелегуш, происходящий из известной охотничьей линии, содержится на летней площадке. Ата Эебердыев представляет пятое поколение охотников: его отец Нурберди Эебердыев и дед Рали Аннабердыев были известными охотниками Ахалского велаята. Один из них был чабаном, другой — конюшим, оба имели ловчих птиц и тазы и передали внуку знания и секреты охоты с беркутом (Соколиная охота…).

В настоящее время специалисты отдела «Тазы» Национального общества сокольников Туркменистана следуют древним традициям в отборе выносливых и быстрых охотничьих собак. При этом особое внимание уделяет-

ся телосложению, чувствительности и окраске животных. Об этом подробно рассказывает председатель общества Ата Эебердыев.

Глубокие знания о повадках ловчих птиц и тазы побудили Ату Эебердыева к написанию серии научно-популярных статей. Его первая публикация о ловчих птицах появилась в середине 1980-х гг. в газете «Туркменская искра». В 1988 г. его статья была опубликована за пределами Туркменистана — в российском издании «Правильная охота». В период с 2006 по 2008 г. в журнале «Сафари» вышло 14 его статей. Редакционный совет издания отметил ашхабадского сокольника как одного из лучших авторов, пишущих о ловчих птицах и тазы (Соколиная охота…).

В 2014 г. украинский журнал «Охота» опубликовал статью туркменского исследователя, а в 2015 г. три его статьи о хищных птицах вошли в ежегодный каталог Германии. За почти 30 лет его творчества в отечественной и зарубежной прессе было опубликовано около 70 статей. Мировая общественность впервые познакомилась с туркменскими сокольниками в конце XIX в. — благодаря фотографии, сделанной в 1890 г. На ней изображен мужчина средних лет в национальной одежде с ловчей птицей на руке. Снимок был сделан французским фотографом Полем Наданом на Всемирной сельскохозяйственной выставке в Ташкенте. В 2016 г. исследователь истории туркменского соколиного промысла Ата Ахмедов обнаружил этот ценный снимок в интернете.

В 1921 г. была сделана вторая известная фотография, которая под названием «Туркменские сокольники в гостях у узбекских сокольников» включена в каталог лондонского музея «Человек и природа». В 2009 г. во время участия делегации туркменских сокольников во Всемирном смотре охотников с ловчими птицами была организована экскурсия в данный музей, где Ата Эебердыев случайно обнаружил эту фотографию.

В 1927 г. на II Всероссийской выставке охотничьих собак, организованной Московским обществом охотников, была сделана фотография туркменской борзой — тазы. В 1967 г. данный снимок был опубликован в журнале «Охота и охотничье хозяйство». В настоящее время он хранится в Центральной библиотеке Туркменистана. Изучив этот материал, Ата Эебердыев подготовил статью о значении охотничьих собак, в том числе тазы, в традиционной охоте различных стран (Соколиная охота…).

Охота с ловчими птицами у туркмен является одной из наиболее совершенных форм общечеловеческих охотничьих традиций. Истоки туркменского соколиного промысла уходят в глубочайшую древность. Согласно данным исследований, проведенных ООН, Туркменистан входит в число четырех мировых центров, где охота с ловчими птицами сохраняется и развивается с древнейших времен (Несил, 2005).

Первое зарубежное путешествие Национального общества туркменских сокольников состоялось вскоре после его создания. Делегация общества была приглашена казахстанскими коллегами на Международный фестиваль сокольничества в Астане. В 2000 г. в городе Амарилло (штат Техас, США) Национальное общество сокольников Туркменистана было официально за-

регистрировано в Международной ассоциации охоты с ловчими птицами и охраны хищных птиц. На 48-й Генеральной Ассамблее Всемирной ассоциации охоты с ловчими птицами представители Туркменистана, соревнуясь с участниками из 16 стран, заняли первое место и были удостоены членства и Почетной грамоты организации.

Эта международная ассоциация занимается сохранением древнего искусства соколиной охоты и его традиций, а также содействует защите естественной среды обитания хищных птиц и других животных. Организация оказывает помощь в проведении экологических и ветеринарных исследований, а также способствует размножению редких видов ловчих птиц — соколов, балобанов, ястребов и других — во всех уголках мира.

После успеха туркменских сокольников в США в 2000 г. их искусство получило еще большее признание. Из разных стран начали поступать приглашения с предложениями об обмене опытом и изучении традиционного туркменского соколиного промысла. Одно из таких приглашений пришло в конце 2000 г. из Объединенных Арабских Эмиратов — от клиники по лечению ловчих птиц имени Зайда, расположенной в городе Эль-Айн. По приглашению этого центра Ата Эебердыев более месяца принимал участие в совместной работе с арабскими специалистами.

10 декабря 2000 г. А. Эебердыев приступил к стажировке в клинике «Эйт». Ее руководитель, главный сокольничий ОАЭ Эйт аль-Шамси, занимался разведением и лечением ловчих птиц с 1965 г. Клиника специализировалась на лечении птиц, содержащихся у населения. Основным методом терапии являлось использование химических препаратов, однако туркменский специалист привез с собой лекарственные травы и применил традиционные методы лечения. Так, при воспалении лап он использовал смесь льняного масла и травы юзэрлик, а паразитов в желудке и печени удалял при помощи растения tarp kesen (лекарственная трава, известная в туркменской народной медицине) (Абаев, 2001).

Поскольку ловчие птицы питаются сырым мясом, у них часто возникают паразитарные заболевания. Туркменские сокольники традиционно дают птице проглатывать пучок шерсти, который, находясь в желудке, собирает непереваренные остатки пищи и тем самым предотвращает болезни. Арабские специалисты отметили высокую эффективность туркменских методов, подчеркнув, что птицы быстро выздоравливали. Им особенно понравился туркменский способ приучения птицы к руке, который они впоследствии включили в собственную практику. Следует отметить, что арабские сокольники также обладают высоким мастерством в разведении и дрессировке ловчих птиц. Особый интерес представляет их метод восстановления сломанных крыльев. Арабские сокольники ухаживают за своими птицами круглый год, независимо от сезона. Почти в каждом доме, где держат ловчую птицу, содержится от 300 до 400 перепелов — основной корм для беркутов и соколов.

Во время работы в ветеринарной клинике для хищных птиц имени Эйта А. Эебердыев организовал специальную выставку, на которой продемонстрировал фотографии, сделанные во время охоты, а также представил

охотничьи принадлежности, используемые при соколиной охоте. Арабы, посетившие выставку, были глубоко поражены туркменским способом охоты с тазы, так как в их странах эта порода собак не используется. Посетители высоко оценили увиденное, отметив свое восхищение древними традициями туркменского народа (Абаев, 2001).

В 2001 г. в Париже на заседании Международной ассоциации по охране ловчих птиц и развитию соколиной охоты председатель Национального общества охотников с ловчими птицами Туркменистана Ата Эебердиев выступил с докладом о древних традициях туркменской охоты с хищными птицами. В сентябре 2005 г. за вклад в возрождение древних обычаев первый Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши был удостоен звания Почетного члена Ассоциации по защите хищных птиц Болгарии (Туркменистан, 2005).

В 2013 г. на Международном фестивале соколиной охоты, проходившем в Дании, видеоматериалы о туркменской охоте с ловчими птицами (оператор — Ата Эебердиев, композитор — Сердар Хайдаров) были признаны лучшими среди 45 представленных видеоработ. Публикации, посвященные традициям охоты с ловчими птицами и тазы, регулярно выходят в зарубежных средствах массовой информации. В декабре 2014 г. работа туркменских специалистов была удостоена первого места на конкурсе фотографий, посвященном соколиной охоте, проходившем на Украине (Иламанов, 2015).

Национальное общество охотников с ловчими птицами Туркменистана активно пропагандирует традиции соколиной охоты и тазычества на международном уровне. В 2014 г. статьи, посвященные этим древним обычаям, были опубликованы в 36 иностранных журналах и 12 газетах, что вызвало большой интерес среди зарубежных сокольников и читателей. Такое внимание объясняется глубокими историческими корнями данного искусства — еще в 1847 г. ташкентский журнал «Природа» писал: «Если хочешь увидеть грациозное, благородное и добродушное создание — взгляни на туркменского тазы», высоко оценивая древнее и совершенное искусство туркменского народа.

Одним из значительных трудов в этом направлении стала книга Ата Эебердиева «Туркменский сокольник», изданная в 2007 г. Государственным издательством Туркменистана на трех языках — туркменском, русском и английском — и украшенная уникальными фотографиями, посвященными соколиной охоте (Эебердыев, 2007, с. 264). С 11 по 13 декабря 2014 г. представители Национального общества охотников с ловчими птицами Туркменистана приняли участие в IV Международном фестивале соколиной охоты в городе Абу-Даби (ОАЭ). Делегацию возглавил 88-летний мастер соколиной охоты Аннаман Мевламов, признанный самым опытным и возрастным участником среди представителей более чем 70 стран. Демонстрация туркменской традиционной охоты вызвала особый интерес у участников, а видеоматериалы, посвященные этому искусству, были переданы в дар представителям более 20 государств. Фотографии и публикации о туркменских ловчих птицах и охотниках украсили страницы многих арабских изданий, вызвав живой отклик у читателей (Иламанов, 2015).

В 2016 г. ЮНЕСКО включило искусство соколиной охоты в список нематериального культурного наследия человечества. В декабре 2017 г. представители Национального общества охотников с ловчими птицами Туркменистана приняли участие во Всемирном фестивале молодых сокольников в Абу-Даби.

Несмотря на сравнительно короткий период существования, Национальное общество охотников с ловчими птицами Туркменистана проделало значительную работу по сохранению и развитию древних традиций соколиной охоты, разведению тазы, исследованию охотничьего наследия и созданию научных трудов, посвященных этому уникальному культурному феномену.

Список источников

Абаев Б. Далекие страны — близкие друзья // Ватан. 2001. 13 янв. №13. С. 4 (на туркм. яз.).

Иламанов С. С соколом в руке и с тазы рядом // Эдебият ве сунгат. 2015. 30 янв. №4. С. 4 (на туркм. яз.).

Несил. 2005. 4 июнь. №69. С. 2.

Туркменистан. 2005. 23 сент. №252. С. 1.

Соколиная охота: традиции и современность. URL: htpp://turkmenistan.gov.tm/ru/post/29275/sokolinaya-okhota:-traditsii-i-sovremennost (дата обращения: 23.01.2026).

Эебердиев А. Туркменский сокольник. Ашхабад, 2007. 264 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Тойлы Бабагельдыевич Хоммыев, Туркменский государственный университет им. Махтумкули, старший преподаватель; 744000, Туркменистан, Ашхабад, пр-т С. Туркменбаши, 31, https://orcid.org/0009-0006-5641-9734, hommyyewt@mail.ru

Toyly B. Hommyyev, Turkmen State University Named after Magtymguly, Senior Lecturer; 744000, Turkmenistan, Ashgabat, Saparmurat Turkmenbashy Ave., 31, https://orcid.org/0009-0006-5641-9734, hommyyewt@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 94:728.22(571.150-25)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.14
EDN: EOCYLX

ЖИЛОЙ ДОМ СО ВСТРОЕННЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ ЭЛЕМЕНТОМ АНСАМБЛЕВОЙ ЗАСТРОЙКИ ПРОСПЕКТА ЛЕНИНА В г. БАРНАУЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Марина Александровна Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

Резюме. В связи с приспособлением помещений бывшего магазина на первом этаже под офисы банка, архитектурная мастерская выполнила научно-проектную

документацию «Проект ремонта и приспособления объекта культурного наследия регионального значения, расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 82». Автор приняла участие в работе коллектива в части написания исторической записки на основе проведенных архивно-библиографических изысканий. В статье впервые будут представлены архивные материалы о начальном этапе строительства четырехэтажного кирпичного здания. Объект культурного наследия является примером жилого дома со встроенными помещениями общественного назначения, имеет градообразующее значение, так как является акцентом застройки пл. Октября и элементом ансамблевой застройки пр. Ленина.

Ключевые слова: жилой дом, магазин, банк, памятник архитектуры, объект культурного наследия

Для цитирований: Целищева М.А. Жилой дом со встроенными помещениями общественного назначения, являющийся элементом ансамблевой застройки проспекта Ленина в г. Барнауле: история и современное использование // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 88–97. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.14

RESIDENTIAL BUILDING WITH BUILT-IN PUBLIC PREMISES AS AN ELEMENT OF ENSEMBLE DEVELOPMENT OF LENIN PROSPEKT IN BARNAUL: HISTORY AND MODERN USE

Marina A. Tselishcheva
Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

Abstract. The architectural workshop provided scientific and design documentation for the adaptation of the premises of an old shop on the ground floor to accommodate bank offices. The project is titled 'Project of Repairing and Adapting a Cultural Heritage Item of Regional Importance that is located in Altai Krai, Barnaul, Lenin prospect 82'. The author took part in the group work, writing a historical note based on the archival and bibliographic research. The article presents for the first time archival materials about the initial stage of construction of this four-story brick building. The cultural heritage site is an example of a residential building with built-in public premises. It has city-forming significance, being an emphasis of the October Ploschad development and an element of the ensemble of Lenina Prospekt.

Keywords: residential house, store, bank, architectural monument, cultural heritage site

For citation: Tselishcheva M.A. Residential Building with Built-In Public Premises as an Element of Ensemble Development of Lenin Prospekt in Barnaul: History and Modern Use. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:88–97. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.14

После Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Барнаул переживал увеличение числа населения и бурный промышленный рост, что наложило огромный отпечаток на архитектурный облик города. В 1951 г. под руководством архитектора Якова Николаевича Додицы в московском «Гор-

стройпроекте» на основе второго генерального плана Барнаула был разработан проект детальной планировки пр. Ленина, который вошел в состав плана строительства ближайших лет. Правила застройки пр. Ленина в г. Барнауле были утверждены Приказом Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР от 21 декабря 1951 (№233) (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 4. Д. 1. Л. 29). Схема строительства первой очереди была составлена главным архитектором г. Барнаула В.Л. Казариновым. Экспертная комиссия рекомендовала одобрить проект к окончательной разработке (Целищева, 2020, с. 261). Застройку в первую очередь планировалось производить по фронту пр. Ленина, преимущественно в границах от Центральной площади до Семафорной (Пионерской) улицы крупными жилыми зданиями повышенного качества, а также важнейшими общественными зданиями (вузы, техникумы и др.) с применением отделочных материалов — цветной штукатурки и облицовочных плит. Этажность застройки по пр. Ленина устанавливалась в 4–5 этажей с повышением этажности отдельных зданий до шести и выше этажей в соответствии с разработанными в проекте развертками фасадов зданий.

Строительство завода №521 началось в Барнауле со 2-й половины 1947 г. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 122. Л. 3), который в 1951 г. переименовали в Барнаульский завод искусственного волокна, в 1953 г. — в Барнаульский завод искусственного и синтетического волокна. Изменение профиля по Постановлению Совета министров СССР от 6 августа 1953 г. повлекло за собой необходимость разработки нового проектного задания и составление технических проектов реконструкции существующих корпусов. В августе 1963 г. завод был переименован в Барнаульский комбинат химических волокон (БКХВ). Выпускали здесь «волокна и нити химические, ткани кордные, ткани шелковые, ковровые изделия из химических волокон». Предприятие было крупное — в лучшие годы здесь трудилось около 4 тыс. чел. Поэтому необходимость в постройке многоквартирных домов для своих работников была большая. В 1949 г. исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос от 25 июля 1949 г. (№252) об отводе земельного участка заводу №521 для строительства многоэтажных домов (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 5. Д. 15. Л. 29). В 1950-х гг. трестом «Стройгаз» был создан комплекс из трех жилых зданий: пр. Ленина, 78, пр. Ленина, 80 и пр. Ленина, 82, удачно оформлявший угол Октябрьской площади и Ленинского проспекта. Заказчиком выступил завод №521.

Строительство здания по пр. Ленина, 82 в г. Барнауле начали в ноябре 1952 г., работы были выполнены по чертежам, разработанным институтом «Горстройпроект» (г. Москва), автор проекта Я.Н. Додица. В основу планового решения жилого дома были приняты типовые жилые секции. Проект был утвержден заместителем министра легкой промышленности СССР. Из объяснительной записки к годовому отчету за 1952 г. мы можем узнать, что в этом году завод №521 выполнял работы по двум 16-квартирным жилым домам (кв. 2), общежитию на 24 комнаты и трем многоэтажным домам по пр. Ленина. По многоэтажным домам были выполнены фундаменты, перекрытия над

подвалами, проводилась кладка стен первых этажей (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 114. Л. 3, 10). В составленном акте за ноябрь 1953 г. (№505) отмечено, что в сентябре были выполнены следующие работы: проведен наружный водопровод, устройство песчаного основания под будущее а/бетонное покрытие на участке траншей. Всего было выполнено работ на сумму 20 135 руб. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 168. Л. 110). 31 декабря 1953 г. государственная приемочная комиссия подписала акт-приемки здания по пр. Ленина, генподрядчик — БСУ-1 тр. «Стройгаз». Общая площадь здания составляла 4253 м^2, жилая площадь — 2617 м^2. Здание было расположено с отступом от красной линии пр. Ленина и пл. Октября. Главным северо-западным фасадом оно формирует юго-восточную границу одной из центральных площадей города — пл. Октября, юго-западным ориентировано на пр. Ленина. Четырехэтажное здание с подвалом, в плане близкое к П-образному, усложнено восточным торцевым объемом, развернутым под углом, является многоквартирным жилым домом со встроенными торговыми помещениями на первом этаже. Главные входы в магазины размещены по уличным фасадам, входы в жилые помещения находятся со стороны двора. На первом этаже был расположен продовольственный магазин (площадь торгового зала — 678,0 м^2) и частично жилые квартиры. Под всем зданием сделан подвал, в котором были размещены подсобные помещения для магазина и хозяйственные кладовые для квартир. Здание было оборудовано центральным отоплением от местной котельной, водопроводом, канализацией, электросетью и радиофикацией. Со стороны пл. Октября здание имело пятый жилой этаж, переходящий в башенное завершение (спец. назначения), увенчанное шпилем. Фундаменты в здании были ленточные бутобетонные, стены кирпичные, перекрытия — ж/бетонные, над квартирами — из деревянного наката по деревянным балкам, уложенным по сборным ж/бетонным прогонам. Полы — паркетные, дощатые и из метлахской плитки. Перегородки — деревянные из трехслойных щитов. Лестницы — ступени по металлическим косоурам. Кровля из волнистой асбефанеры, стропила деревянные. Карнизы — сборные железобетонные плитки с лепными деталями, перемычки — сборные железобетонные. Внутренняя отделка — штукатурка, окраска жилых комнат и кухонь — колерная с тянутой филенкой. В ванных комнатах и уборных — панель на 2 метра из белой плитки. Главные фасады были отделаны терразитовой штукатуркой с мраморной крошкой, балконы отделаны лепными цементными (оштукатуренными) деталями. Дворовые фасады не оштукатурены, покрашены в цвет штукатурки. Цоколь оштукатурен цементным раствором с гранитной крошкой (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 22). На 1 января 1954 г. предприятие составило список из 18 жилых домов, принадлежащих заводу №521. В него вошел и жилой дом №1 по пр. Ленина, где была указана жилая площадь 2617 м^2 (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 16. Л. 109). После сдачи здания в эксплуатацию еще в течение двух лет, в 1954 и 1955 гг., производились небольшие строительные работы на объекте. Полная сметная стоимость строительства дома составляла 5 296,6 тыс. руб. На 1 января 1954 г. было выполнено работ на сумму

4354,0 тыс. руб. План на 1954 г. составил 760,0 тыс. руб., в том числе строительных работ — 760,0 тыс. руб. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 123. Л. 42). Решением исполкома Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся от 8 января 1954 г. (№48) был утвержден акт государственной приемочной комиссии о приемке в эксплуатацию четырехэтажного 69-квартирного жилого дома №1 по пр. Ленина завода №521 и разрешили заводу заселение жилого дома №1 с 29 января 1954 г. (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 22). В акте за февраль 1954 г. (№116) было отмечено, что проведены следующие работы: внутриквартальный проезд — устройство мостовой из грубоколотого рваного камня, устройство бетонных бордюров и др. Всего на сумму 46 231 руб. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 168. Л. 90). Из годового отчета за 1954 г. мы можем узнать, что в течение года в квартале застройки трех многоэтажных домов была выполнена часть работ по прокладке инженерных сетей и благоустройству (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 122. Л. 11). В мае 1955 г. директором завода была утверждена расшифровка титула «Жилищное строительство» на 1955 г. По 69-квартирному дому №1 по пр. Ленина была указана полная сметная стоимость 5296,6 тыс. руб., выполнено на 1 января 1955 г. по сметной стоимости — 5163,0 тыс. руб. План на 1955 г. составил 133,0 тыс. руб., в том числе строительные работы — 133,0 тыс. руб. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 123). В марте 1959 г. был составлен акт от 28 марта 1959 (№302) по приемке работ по внутриквартальному благоустройству и инженерных сетей. Были проведены следующие работы: тротуары — однослойное покрытие из мелкозернистой асфальтовой смеси, подготовка участков для озеленения, подготовка почвы для газонов с насыпкой растительной земли. Всего на сумму 3311 руб. Работы по водопроводу: прокладка из чугунных и стальных водопроводных труб. Были выполнены колодцы круглые кирпичные для водопровода глубиной до 3 м. Всего на сумму 5695 руб. Также проведена телефонная линия на сумму 5929 руб. (ГААК. Ф.Р. 1430. Оп. 1. Д. 168. Л. 15, 15об.). В этом же году на первом этаже в здании по пр. Ленина, 82 разместился магазин №9 «Горпищеторга», в 1965 г. — магазин №1 «Горпищеторга» (ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 4. Д. 94. Л. 54). «Гастроном под шпилем» или просто «Под шпилем» стал символом города в 1971 г., когда фотография здания вышла в серии фотокарточек «Города СССР». В 1973 г. на здание был составлен технический паспорт БТИ, в который в дальнейшем несколько раз вносились изменения. В 1990 г. специалистами по охране памятников Алтайского края был составлен и утвержден в Министерстве культуры РСФСР исторический паспорт здания. В разделе «Перестройки и утраты, изменившие первоначальный облик памятника» было отмечено, что ограждения балконов фасадов были заменены на алюминиевые пластины. В 1994 г. здание поставили на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет оно находилось на балансе ПО «Химволокно», использовалось под квартиры, а на первом этаже располагался магазин «Под шпилем». В 1999 г. на здании установили часы. Первоначально гастроном занимал все торговые помещения в здании. В 1990-х гг. помещения магазина продали в частные руки. В 2002–2003 гг. часть помещений была отделена

перегородкой. В 2003 г. разработали проект реконструкции части магазина и цеха полуфабрикатов ООО «Шпиль», владевшего нежилыми помещениями магазина и складами с 1996 г., фирма-разработчик — ООО «Архпроект». В этом же году помещения гастронома были приспособлены под магазин самообслуживания, в результате чего несколько выходов были заложены, в том числе и центральный вход, фасады были обработаны каменной штукатуркой с применением слюды. В 2004 г. специалистами НПЦ «Наследие» на часть нежилых помещений на первой этаже и в подвале был составлен акт технического состояния. В результате осмотра в акте отметили следующее: фундаменты — железобетонные монолитные, цоколь кирпичный оштукатуренный, отмостка асфальтобетонная. Стены — из керамического кирпича, по главным фасадам — каменная штукатурка с применением слюды, боковые фасады — цементно-песчаная штукатурка, дворовые фасады не оштукатурены. По главному фасаду первый этаж имеет руст, штукатурное декоративное обрамление больших арочных окон и лепные полуколонны в оформлении входов окрашены в белый колер. Перекрытия — железобетонные, на первом этаже металлические и железобетонные балки обшиты деревянными коробами. Стены — оштукатурены, окрашены масляной краской, в торговом зале имеет место непервоначальная отделка панелями из деревоплиты, стеклоплиткой, а также оцинкованной сталью. В торговом зале два ряда кирпичных колонн квадратного сечения были облицованы мраморной плиткой. Оконные арочные проемы — первоначальное заполнение, металлические витражи снаружи имели фрагменты коррозии, внутренние деревянные рамы имели большой процент износа, на окнах были установлены поздние кованые металлические решетки. Дверные проемы утратили первоначальное заполнение. В торговых залах было штукатурное обрамление проемов между залами, полы в торговых залах — из мозаичного бетона, в подсобных помещениях и подвале — бетонные с металлическим настилом. Наблюдалась незначительная коррозия металлического настила. В торговых залах — потолочные тянутой формы и лепные карнизы были окрашены масляной краской, наблюдалось отслоение окрасочного слоя. Специалисты центра рекомендовали проведение текущего ремонта один раз в два года (Акт технического состояния…, 2004). В 2005 г. был проведен мониторинг объекта культурного наследия «Дом жилой “Дом под шпилем”». На момент составления карты обследования в графе «Вид документа о передаче объекта собственнику (распорядителю)» специалисты НПЦ «Наследие» отметили следующее: решение Малого Совета Барнаульского городского Совета народных депутатов от 15 июня 1993 г. (№163), Постановление администрации города Барнаула о переводе квартиры в нежилое помещение от 7 февраля 1996 г. (№78), Договора купли-продажи нежилого фонда от 22 июня 1994 г. (№5) и от 16 января 2004 г., пользователями были указаны МУП «ПЖЭТ №2 Октябрьского района», ООО «Шпиль» и два частных лица. Специалистами АФСИ «Сибспецпроектреставрация» в 2005 г. на основании рабочих чертежей была составлена смета на реставрацию шпиля жилого дома по пр. Ленина, 82 в

г. Барнауле. В пояснительной записке к сметной документации на реставрацию шпиля было указано, что в связи с недоступностью завершающей части шпиля (высота 46 м), возможно, возникнут дополнительные объемы работ, в смете не были учтены перевозка, монтаж высотного крана и ограждение строительной площадки. В 2007 г. часть помещений на первом этаже (магазин) купила новосибирская компания «Альфа Ритейл Компания». В 2010 г. специалистами НПЦ «Наследие» была проведена инвентаризация памятников — объектов муниципальной собственности г. Барнаула и определено их техническое состояние. В данный список попало и здание по пр. Ленина, 82. В заключении было указано, что «Дом жилой "Дом под шпилем"», четырехэтажное оштукатуренное здание на момент осмотра имело частичное отслоение окрасочного слоя и затертости декоративных элементов. В августе 2011 г. на сайте администрации г. Барнаула появилась заметка, что началась реставрация главного символа Барнаула — здания «Под шпилем». На начало октября был запланирован срок окончания ремонтных работ по пр. Ленина, 82. Расположенное по этому адресу здание входило в число объектов, которые планировалось отремонтировать в этом году в рамках адресной муниципальной программы «Капитальный ремонт и благоустройство жилищного фонда».

В мае 2012 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии представителя ООО ЖЭУ-45 провели осмотр и составили акт обследования о причинении (не причинении) вреда объекту культурного наследия. В результате осмотра было выявлено, что по главным фасадам объекта ансамблевой застройки в 2011 г. производились ремонтные работы в виде окраски фасадов. Основная плоскость фасадов была окрашена фасадной краской серого колера, декоративные элементы — белой краской. В результате проведенных работ внешний облик здания частично был искажен: утрачен внешний вид декоративной каменной штукатурки под окрасочным слоем, ремонт штукатурного и лепного декора выполнен низкого качества, где геометрическая форма деталей, фактура рустованной поверхности была искажена, окраска деталей выполнена небрежно. Ремонтные работы проводились комитетом жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула на основе дефектной ведомости и сметы без проектной документации, согласованной с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу. В заключение специалисты центра рекомендовали очистить фасады от окрасочного слоя, выполнить реставрацию фасадов по первоначальному образцу, предварительно подготовить и согласовать в Госоргане проектную документацию (Акт обследования…, 2012). В этом же году был объявлен Открытый аукцион в электронной форме, опубликованный 16 апреля 2012 г., на капитальный ремонт зданий в г. Барнауле, в том числе и капитальный ремонт крыши жилого дома по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 82. Ко Дню города в 2013 г. специалисты «Барнаулгорсвета» отреставрировали часы и установили подсветку. Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 12 декабря 2013 г. (№704) были утверждены предмет охра-

ны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия. Приказом Министерства культуры РФ от 31 декабря 2014 г. (№2664) Объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 231410037010005.

В июле 2015 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии Компании по обслуживанию многоквартирных жилых домов ООО «Прогресс-Плюс» и председателя совета дома вновь составили акт обследования о причинении (не причинении) вреда объекту культурного наследия. Специалистами центра был произведен визуальный осмотр объекта культурного наследия «Дом жилой "Дом под шпилем"». Внешний вид объекта культурного наследия на момент осмотра в целом был сохранен. Здание по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 82 эксплуатировалось как многоквартирный жилой дом со встроенными нежилыми помещениями на первом этаже, обращенными на главные фасады и имеющими дополнительные выходы во двор. В акте было выявлено отслоение штукатурного и окрасочного слоев цокольной части, со стороны дворовых фасадов местами наблюдались сколы и выпадение отдельных кирпичей. Состояние отделочного слоя бетонных плит балконов со стороны главных фасадов было неудовлетворительным, имелись отслоения и обрушения штукатурного и окрасочного слоев. На момент осмотра торговые помещения первого этажа и подвала не эксплуатировались, общая площадь нежилых помещений была разделена на пять площадей с отдельными входами со стороны пр. Ленина и пл. Октября. В итоге специалисты центра рекомендовали провести реставрацию фасадов по первоначальному образцу, проектную документацию предварительно подготовить и согласовать в управлении Алтайского края по культуре и архивному делу. В соответствии с условиями охранного обязательства, заключенного собственниками (пользователями), ремонтно-реставрационные работы должны выполняться организацией, имеющей реставрационную лицензию на основе проектной документации, разрешение на производство работ необходимо получить в Госоргане. Собственникам нежилых помещений необходимо было демонтировать пристройки, примыкающие к дворовым фасадам, для восстановления первоначального облика (Акт обследования…, 2015).

Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 23 сентября 2015 г. (№432) было утверждено охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. К приказу прилагался акт технического состояния здания от 23 сентября 2015 г., выполненный сотрудниками Управления. В акте специалисты управления Алтайского края по культуре и архивному делу рекомендовали выполнить проектную документацию по демонтажу одноэтажных пристроек со стороны дворовых фасадов, провести ремонт фасадов (декоративных

элементов), ремонт цокольной части, восстановление теплоизоляции труб центрального отопления, произвести демонтаж кондиционеров. Еще в середине года новосибирская компания «Альфа Ритейл Компани» продала трем новым собственникам помещения магазина на первом этаже. В этом же году в Барнауле начали восстанавливать фасад магазина по пр. Ленина, 82. Владельцы помещений получили разрешение на реставрационные работы в соответствии с согласованными проектами. Со стороны пр. Ленина в доме «Под шпилем» на месте окон появились дверные проемы. Кроме того, архитекторы продолжали настаивать на том, чтобы фасад дома очистили от краски, уничтожившей красивую терразитовую штукатурку, и восстановили исторический облик здания. На первом этаже после реставрации должны были открыться четыре бутика. В 2017–2018 гг. ремонт был закончен. Интерьеры магазинов были выполнены в традициях классической архитектуры, сохранены аутентичные детали и декор.

Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 15 ноября 2019 г. (№448) были утверждены границы территории и режим использования территории объекта культурного наследия. В акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны 214 объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Барнауле и Алтайском крае, от 26 декабря 2019 г. входит и памятник архитектуры «Дом жилой "Дом под шпилем"» по пр. Ленина, 82 в г. Барнауле. Заказчиком экспертизы выступило ООО «Алтайгипрозем». Приказом Управления Алтайохранкультуры от 20 ноября 2020 г. (№1177) были установлены зоны охраны объекта культурного наследия. В 2023 г. в здании появилось два новичка — кофейня и буфет. В 2025 г. в связи с приспособлением помещений бывшего магазина «Орион» на первом этаже по пр. Ленина под офисы банка Алтайохранкультура выдала собственнику помещений задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Автор приняла участие в работе коллектива по выполнению Проекта ремонта и приспособления объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой "Дом под шпилем"» в части проведения архивно-библиографических изысканий и написания исторической записки. На главном фасаде, обращенном на площадь Октября, установлена информационная табличка с текстом: «Здание построено в 1953 г. трестом "Стройгаз" по проекту архитектора Додица Ф.К.» (ошибка в инициалах).

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 82 является объектом культурного наследия регионального значения «Дом жилой "Дом под шпилем"», 1956 г., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. (№169). Объект культурного наследия является примером жилого дома со встроенными помещениями общественного назначения, имеет градообразующее значение, так как является акцентом застройки пл. Октября и элементом ансамблевой застройки пр. Ленина.

Объект культурного наследия регионального значения «Дом жилой "Дом под шпилем"», 1956 г., расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 82. Общий вид. Фото 2026
Cultural heritage site of the regional significance The residential house — The house under the spire built in 1956, at: Lenin prospekt 82, Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2026

Список источников

Акт технического состояния памятника истории и культуры и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории от 02.02.2004 // Архив НПЦ «Наследие».

Акт обследования о причинении (не причинении) вреда объекту культурного наследия от 17.05.2012 // Архив НПЦ «Наследие».

Акт обследования о причинении (не причинении) вреда объекту культурного наследия от 08.07.2015 // Архив НПЦ «Наследие».

Целищева М.А. Барнаульский строительный техникум: история учебного здания в монументальных формах советского классицизма // Баландинские чтения. Новосибирск, 2020. Т. XV. С. 260–267.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage" (Barnaul), Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 72(571.150-25):502.8
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.15
EDN: EVBGML

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ, РАСПОЛОЖЕННОГО В ЦЕНТРЕ г. БАРНАУЛА И ПРЕДЛАГАЕМОГО СПЕЦИАЛИСТАМИ К ПОСТАНОВКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОХРАНУ КАК ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ

Марина Александровна Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена истории двухэтажного полукаменного здания конца XIX в., подаренного Одигитриевской церкви под квартиру священника, расположенного на ул. Л. Толстого, одной из немногих улиц в г. Барнауле, где история сохранилась практически в первоначальном виде, своего рода музей под открытым небом. Прошел век, однако улица практически не изменила своего облика. В прошлом здесь располагались лавки, шла бойкая торговля, сейчас здесь тоже открыты магазины, а рядом находится рыночная площадь. Практически каждое здание на ул. Л. Толстого стоит на государственной охране. По заказу специалистов автор собрала документальные материалы, обнаруженные в ходе историко-архивных и библиографических изысканий для написания исторической справки, необходимой для постановки на государственную охрану рассматриваемого в статье здания.

Ключевые слова: дом жилой, Одигитриевская церковь, квартира священника, городской отдел ЗАГС, типография

Для цитирований: Целищева М.А. История здания, расположенного в центре г. Барнаула и предлагаемого специалистами к постановке на государственную охрану как памятник архитектуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 98–104. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.15

THE HISTORY OF THE BUILDING IN THE CENTER OF BARNAUL THAT WAS OFFERED BY SPECIALISTS FOR STATE PROTECTION AS AN ARCHITECTURAL MONUMENT

Marina A. Tselishcheva
Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

Abstract. The focus of this article is on the history of a semi-stone two-stories building that was built in the late 19th century and acquired by the Hodegetria Church as a priest's apartment at the beginning of the 20th century. The building is located on L. Tolstoy ul., one of the few streets in Barnaul where history has been preserved almost in its original form. This street is a kind of open-air museum that has remained unchanged for over a hundred years. In the past, there were shops in this area, and there was a steady flow of business. Currently, there are also shops open here and a market square is close by. Nearly every building on L. Tolstoy ul. is protected by the state. During historical, archival, and bibliographic

research, the author gathered documentary materials and wrote the historical information necessary for the building to be protected under state protection, according to the order of specialists.

Keywords: Residential House, the Hodegetria Church, Priest's Apartment, City Department of Civil Acts Registration Bureau, Printing Office

For citation: Tselishcheva M.A. The History of the Building in the Center of Barnaul that was Offered by Specialists for State Protection as an Architectural Monument. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:98–104. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.15

На рубеже XIX–XX вв. Барнаул превращается в крупный торговый купеческий центр Сибири. В городе сформировалась развитая торговая инфраструктура. Улица Льва Толстого — практически ровесница города. В документах 1746–1748 гг. упоминается, что главная проезжая башня барнаульского плавильного завода выходила от заводской конторы на ул. Ряпосовскую. Со временем улица протянулась еще на версту в сторону Оби и получила название Большая, затем была переименована в ул. Большую Тобольскую (в честь главного города Сибирской губернии). Все здания на ул. Л. Толстого представляют собой плавно переходящие друг в друга фасады, разделенные арками, небольшими проходами или брандмауэрами — мощными противопожарными стенками. Ведь именно здесь были сосредоточены магазины известных барнаульских 1 гильдии купцов Смирнова, Морозовых (Целищева, 2012, с. 69–75), Суховых (Целищева, 2016, с. 270–280), дворянина Платонова (Целищева, Слуцкий, 2013, с. 429–437) и арендовавшего у последнего здание под магазин купца А.Ф. Второва (Целищева, 2018, с. 311–317). Прошел век, однако улица практически не изменила своего облика.

Исследуемое здание расположено в исторической части г. Барнаула, включено в ряд непрерывной застройки торговой улицы Л. Толстого (до 1910 г. — ул. Большая Тобольская). С одной стороны находилась усадьба купца Сухова, с другой — братьев Морозовых. Изначально дом использовался как жилой, позже — в качестве административного и торгового помещения.

Каменный одноэтажный дом чиновника Василия Федоровича Великосельского на ул. Большой Тобольской был построен в XIX в., он отмечен на планах г. Барнаула за 1856 г. (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7) и за 1894 г., на последнем показан каменный дом Великосельского (Барнаул, 2007, с. 53). В дальнейшем дом принадлежал дочерям чиновника. В феврале 1906 г. прихожане Одигитриевской церкви на общем собрании слушали письменное заявление дочерей умершего чиновника Глафиры Васильевны Великосельской и ее родной сестры, жены чиновника Евдокии Васильевны Гуляевой — наследниц каменного дома по ул. Б. Тобольской, 27 (Целищева, Дышлюк, 2016, с. 283). Первая сестра дарила церкви свою долю в доме и все надворные постройки на усадьбе, а вторая продавала свою долю имущества за 5,0 тыс. руб. Было принято решение приобрести данный дом для второго священника И.П. Долинина. При доме находились погреб и амбар (ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 41; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 67).

В феврале 1909 г. строения, принадлежащие Одигитриевской церкви, находящиеся в г. Барнауле, 17-го благочиннического округа, Барнаульского уезда Томской епархии, были застрахованы на сумму 184 тыс. 115 руб. (ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 38). В 1913 г. городская Управа за дом по ул. Л. Толстого, 27б начислила налог на имущество в сумме 5,39 руб. (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1330. Л. 14; Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–18). В 1915 г. дом был перестроен — надстроили второй деревянный этаж. Об этом мы можем узнать из Ведомости разрешений на постройки, выданных Барнаульской городской Управой в 1915 г. (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 279об.). Так, 16 ноября 1915 г. Барнаульская городская Управа направила податному инспектору 1-го участка Барнаульского уезда Томской губернии сведения о разрешениях на постройки, выданных Управой жителям г. Барнаула в течение 1915 г. (с апреля по октябрь). Одигитриевской церкви разрешили (№158) по ул. Л. Толстого надстроить второй этаж. На фронтоне в центре солярного знака вырезана дата «1915 г.» (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 40об.). В декабре 1916 г. на заседании Барнаульского городского по налогу с недвижимых имуществ Присутствия был рассмотрен вопрос о заявлениях, поданных владельцами недвижимых имуществ на пятилетие с 1917 г. по 1921 г. В итоге было вынесено решение — за неподачу заявлений наложить взыскание. В списке под №251 значилась Барнаульская Одигитриевская церковь, ул. Л. Толстого, 27 (оклад №2056), которой необходимо было заплатить штраф в сумме 10 руб. (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 49. Л. 406). В списке домовладельцев, проживавших по ул. Л. Толстого, 27 в г. Барнауле за период 1917–1920 гг., числился Долинин (за Одигитриевской церковью).

В 1918–1919 гг. податной инспектор 1-го участка Барнаульского уезда составил списки владельцев недвижимых имуществ по г. Барнаулу. По ул. Л. Толстого, 27 (оклад 2056) числилось имущество Барнаульской Одигитриевской церкви — двухэтажный дом, службы (полуразвалившиеся), имущество было оценено в 538 руб. (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 189). В 1920 г. у Одигитриевской церкви было национализировано следующее имущество: одноэтажный дом по ул. Гоголевской, 64 (баня, навес, амбар, погреб, колодец), торговый одноэтажный корпус с подвалом и одноэтажный корпус с жилым помещением на Базарной площади, каменный корпус с жилым помещением по ул. Л. Толстого (во дворе). А также дом Долинина — двухэтажный с дровяником, конюшней и уборной по ул. Л. Толстого, 27, который по книгам городского УФ отдела числился за Одигитриевской церковью (ГААК. Ф. Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 29об., 36, 38–39). В этом же году были составлены списки домохозяев, проживавших в 9-м квартале г. Барнаула. Так, по ул. Л. Толстого, 27 значилось, что дом занимает уездная милиция (хозяин неизвестен) (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 5).

Еще 12 марта 1920 г. было опубликовано постановление ЦК об организации Крестьянских домов. В 1921 г. был подготовлен доклад об учреждении Крестьянских домов в г. Барнауле и составлены акты обследования

данных зданий. 1 августа 1921 г. был составлен акт осмотра Крестьянского дома №3 по ул. Л. Толстого, 27, который передавался от Губпометпросвета на баланс Губкомотдела. В акте было отмечено, что дом двухэтажный, крытый железом, нижний этаж каменный, верх — деревянный, печей утермарковских — 6, русских — 2 и плита 1 шт. В доме было три теплых уборных, имелся двор на 200 подвод, на первом этаже было шесть комнат и кухня, на втором этаже — шесть комнат, освещение электрическое. Пристройки — конюшня с сеновалом (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 105. Л. 2). В выписке из протокола от 29 августа 1921 г. (№5) по ул. Л. Толстого, 27 также отмечен Крестьянский дом №3 (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 5). Часть помещений в это время занимал Центральный рабочий кооператив (ЦРК) под магазин и контору. Эти данные мы можем узнать из карточки учета торговых предприятий по г. Барнаулу за 1921 г. (ГААК. Ф. Р. 212. Оп. 1. Д. 1235. Л. 1, 1об.). В списках учреждений г. Барнаула, занимающих жилые площади, составленных в 1922 г., значится, что здание по ул. Л. Толстого, 27 занимает Крестьянский дом Алтайгубсоюза (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 68об.). В акте от 28 мая 1924 г. (№9), составленном инспектором отдела охраны труда, по данному адресу находилось Алтайское губернское управление Центрального рабочего кооператива (ЦРК) (ГААК. Ф. Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). В 1925 г. часть помещений занимал Всекобанк (Всероссийский Кооперативный Банк) и правление ЦРК (Вся Сибирь…, 1925, с. 322, 324). Из переписки с отделом ГПУ Алтайгубисполкома по организационно-массовым и административным вопросам в марте 1925 г. также следует, что в это время часть помещений занимала контора ЦРК (ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 47. Л. 116). В газете «Красный Алтай» от 5 января 1926 г. было дано объявление, что в здании по ул. Л. Толстого, 27 находится зам. секция ОМХа (отдел местного хозяйства) лесной комиссии при ГорСовете (Красный Алтай, 1926, с. 4). В этом же году инспектор отдела охраны труда обследовал здания, занимаемые гос. учреждениями, и составил акты. Так, в акте от 16 октября 1926 г. (№318) было указано, что строение по ул. Л. Толстого, 27 занимал барнаульский райисполком (ГААК. Ф. Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 138). В 1927 г. из составленного Контрольного списка домовладений, облагаемых местными налогами, под №414 указан дом по ул. Л. Толстого, 27, состоящий в ведении ОМХа, сумма основной ренты которого составляла 3,46 руб. (ГААК. Ф. Р. 105. Оп. 1. Д. 217. Л. 30).

В дальнейшем нумерация домов изменилась. Из составленного списка зданий и сооружений барнаульского Горкомхоза на 1 октября 1928/29 г. следует, что здание по ул. Л. Толстого, 37 (27), ранее принадлежавшее Долинину, было оценено в 18 387,28 руб. (ГААК. Ф. Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 91). В составленном в 1928 г. списке муниципализированных домов барнаульского Горкомхоза указано, что двухэтажный дом по ул. Л. Толстого, 37 имел жилую площадь 192,8 м^2, в нем располагался административный отдел (ГААК. Ф. Р. 166. Оп. 1. Д. 140. Л. 3об.). Из карточки, составленной Барнаульским

окружным статистическим отделом от 20 сентября 1929 г., мы можем узнать, что по данному адресу также числится административный отдел (ГААК. Ф. Р. 328. Оп. 1. Д. 92. Л. 6).

Из составленного списка домовладений муниципализированного фонда г. Барнаула от 8 декабря 1936 г., закрепленных за учреждениями и организациями в бессрочное и безвозмездное пользование, следует, что здание по ул. Л. Толстого, 37 занимал городской отдел ЗАГС (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 10. Л. 445). 1 октября 1938 г. в связи с окончательным строительством кинотеатра по ул. Л. Толстого депутаты Барнаульского городского Совета приняли решение (№558) прирезать для него земельный участок, ранее принадлежащий ЗАГСу, в пределах 11,5 м^2. А 31 октября на своем заседании городской Совет присвоил новому кинотеатру название «Октябрь» (Целищева, 2017, с. 38). В 1940 г. было принято решение Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся от 9 июня 1940 г. (№355) о приведении в порядок нумерации домов в г. Барнауле (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 50. Л. 408). В 1942 г. Барнаульский горисполком вновь рассмотрел вопрос от 26 января 1942 г. (№49) о приведении в порядок нумерации домов и наименований улиц г. Барнаула (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 81). В 1946 г. был составлен список домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. ЗАГСу по ул. Л. Толстого, 29 предписывалось отремонтировать тротуар (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 123. Л. 27). Одно время часть помещений в доме занимало Алтайское книжное издательство (Раппопорт, 1958, с. 15).

Позже здание отдали под типографию. Так, решением исполкома Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1959 г. (№418) разрешили Типографии №1 осуществить пристройку производственных цехов и реконструкцию существующего помещения на ул. Л. Толстого (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 6. Д. 3. Л. 255). В 1969 г. исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся принял Решение от 21 апреля 1969 (№228) «О передаче с баланса Управления жилищного хозяйства на баланс Типографии №1 арендуемого помещения по ул. Л. Толстого, 29», а именно передать нежилые помещения общей площадью 220 м^2 (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 7. Д. 206. Л. 208). И далее шло пояснение, что Типография №1 Управления по печати с 1947 г. арендовала помещение у Управления домами №3 Горжилуправления (ГЖУ), общей площадью 220 м^2, по ул. Л. Толстого, 29. За период с 1948 г. по 1964 г. типография произвела реконструкцию арендуемых помещений и пристроила к нему двухэтажное каменное здание общей площадью 940 м^2, согласно Решению ГИК от 23 июля 1959 г. (№418). На реконструкцию и пристройку затраты составили 155,0 тыс. руб. (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 7. Д. 206. Л. 209). В 1990-х гг. на первом этаже главного фасада из окна проделали дверной проем. Это отражено на фотографии за этот период. В 2005 г. филиалом ФГУП «Ростехинвентаризация — БТИ» по г. Барнаулу был составлен технический паспорт на данное здание. На момент составления техпаспорта в здании находилась типография, но было отмечено, что здание используется частично.

Двухэтажный полукаменный дом по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 29. Общий вид. Фото 2026 г.
A semi-stone house with two stories, at: L. Tolstogo ul. 29, Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2026

В дальнейшем дом использовался различными коммерческими фирмами. В ноябре 2013 г. Фонд имущества Алтайского края выставил здание по ул. Л. Толстого, 29 на торги, которые были назначены на 15 января 2014 г. Ранее данное имущество уже выставлялось на торги, однако аукцион не состоялся из-за отсутствия заявок. На момент объявления о торгах по этому адресу находились хозяйственные магазины. В декабре 2014 г. на аукцион в очередной раз было выставлено здание и прилегающая к нему территория на ул. Льва Толстого, 29. Это два нежилых помещения: учебный корпус с котельной площадью 1155,1 м^2 и навес типографии с гаражами площадью 58,1 м^2. Здание на Л. Толстого, 29 не является памятником архитектуры, но оно расположено в исторической части города, где к застройке предъявляется ряд требований — здесь нельзя строить высотные здания. В марте 2015 г. в прессе было отмечено, что аукцион по продаже исторического здания по адресу: ул. Л. Толстого, 29, не состоялся из-за отсутствия заявок. По мнению экспертов, ремонт помещений и здания в целом превысит сумму его покупки: капремонт в здании по адресу: ул. Л. Толстого, 29, не проводился давно. В июне 2023 г. СМИ писали, что в старом центре г. Барнаула, на ул. Л. Толсто-

го, 29, продают двухэтажное здание, построенное из дерева и кирпича. Несколько лет назад в нем располагалось несколько магазинов, сейчас остался лишь отдел обоев. С 2014 по 2019 г. краевой Фонд имущества неоднократно выставлял объект на торги. Последний раз — в мае 2019 г. По информации фонда аукцион не состоялся, заявок на участие в процедуре не было. В апреле 2025 г. акционерное общество «Колос» вновь выставило на торги имущество, расположенное по адресу: г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 29. И наконец-то у здания появился новый собственник.

За более чем 100-летнию историю здание, находящееся в центре г. Барнаула, прожило свою интересную жизнь, и специалисты предлагают данный объект (литер А) поставить на государственную охрану как памятник архитектуры.

Список источников

Барнаул: научно-справочный атлас. Новосибирск, 2007. 111 с.

Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г. М., 1925. 607 с.

Красный Алтай. 1926. №31. С. 4.

Раппопорт Г.П. Барнаул: краткий справочник. Барнаул, 1958. 93 с.

Целищева М.А. 140 лет со времени постройки зданий, входящих в комплекс усадьбы купца А.Г. Морозова // Барнаульский хронограф, 2013 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2012. С. 69–75.

Целищева М.А. Усадьба купцов Суховых в г. Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 270–280.

Целищева М.А. Кинотеатр «Октябрь» — здание магазина в бывшей усадьбе купца В.Д. Сухова // Алтай в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве. Барнаул, 2017. С. 37–40.

Целищева М.А. «Магазин Второва» в Барнауле — памятник архитектуры конца XIX — начала XX века: история и современное использование // Баландинские чтения. Новосибирск, 2018. Т. XIII. С. 311–317.

Целищева М.А., Дышлюк М.А. Барнаульская Одигитриевская церковь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 280–287.

Целищева М.А., Слуцкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 429–437.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage" (Barnaul), historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 728(571.150-25)»19»
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.16
EDN: FGEVRW

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ДЕРЕВЯННОГО ЖИЛОГО ДОМА НАЧАЛА XX ВЕКА В ЭКЛЕКТИЧНЫХ ФОРМАХ В г. БАРНАУЛЕ

Марина Александровна Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

Резюме. В 2023 г. автор приняла участие в работе коллектива по разработке проекта реставрации деревянного здания — памятника архитектуры регионального значения «Дом жилой», расположенного в г. Барнауле. На основе использования впервые привлекаемых архивных материалов и других источников была подготовлена историческая записка. В статье представлены сведения об истории и первом владельце здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта с начала XX в. и по настоящее время. За время эксплуатации внешний облик здания практически не изменился. В 1990 г. многоквартирный жилой дом поставили на государственную охрану. Объект культурного наследия является примером городского деревянного жилого дома начала XX в. в эклектичных формах. Несколько лет назад здание было признано аварийным и подлежащим реконструкции. Жилые помещения были переведены в нежилые.

Ключевые слова: деревянный жилой дом, памятник архитектуры, объект культурного наследия в эклектичных формах, реставрация памятника

Для цитирований: Целищева М.А. История и современное приспособление деревянного жилого дома начала XX века в эклектичных формах в г. Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 105–113. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.16

THE HISTORY AND MODERN USAGE OF THE WOODEN HOUSE MADE IN ECLECTIC STYLE IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Marina A. Tselishcheva
Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

Abstract. In 2023 author participated in the teamwork on the restoration project of the wooden monument which belongs to the architecture of the regional significance, situated in Barnaul and named "Residential house". On the basis of the new archival materials and other sources, a historical note has been prepared. This article describes the history and first owner of the building, as well as the further use of this object from the beginning of the 20th century until today. The building has barely changed its appearance during this time. The house has been protected by the state since 1990. The cultural heritage object is an illustration of a wooden residential building that was designed in an eclectic style at the beginning of the

20th century. A few years ago, the building was deemed unsafe and required renovation. The living apartments became non-residential spaces.

Keywords: wooden residential house, monument, cultural heritage site in eclectic style, monument restoration

For citation: Tselishcheva M.A. The History and Modern Usage of the Wooden House Made in Eclectic Style in the Beginning of the 20th Century. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:105–113. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.16

Двухэтажный деревянный дом, близкий квадратному в плане, имеет угловую композицию фасадов, акцентом которой является срезанный угол, расположен в исторической части г. Барнаула, на пересечении ул. Пушкина и пл. Свободы (бывшей Соборной). Ранее дом замыкал угол квартала, прилегающего к территории Петропавловского собора (ныне утраченного) и принадлежал барнаульскому купцу В.Ф. Сухову.

Улица Пушкина — одна из первых улиц Барнаула. Она находится в Центральном районе города в его исторической части. Свое современное название в честь Александра Сергеевича Пушкина улица получила в 1899 г. в связи со 100-летием со дня рождения поэта. До этого носила название Иркутской линии (затем Иркутской улицы), появилась практически сразу после основания города в 1730–1740-х гг. и указана на планах Барнаула 1748 и 1752 гг. Во 2-й половине XIX — начале XX в. Иркутская (Пушкинская) улица считалась очень престижным районом в центре города, где любили селиться богатые предприниматели. На улице располагались: женская прогимназия (затем первая женская гимназия), богадельня, приходы церкви Дмитрия Ростовского и Петропавловского собора, дома купцов Бочкаревых, Судовских, Кожевниковых. Купеческие магазины и казенные здания строились преимущественно из кирпича, остальные жилые дома — деревянные, в один или два этажа.

В XIX в. на месте будущего дома Сухова находилось здание городовой Ратуши. Это отражено на плане первой части г. Барнаула за 1843 г. (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 435. Л. 7), а также на плане г. Барнаула за 1856 и 1902 гг. (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 43). На плане г. Барнаула за 1907 г. на месте будущего дома Сухова показано пустое место, а ниже, в проулке между ул. Пушкинской и ул. Петропавловской, под №12 указана соборная церковная школа.

Василий Федорович (1858–1913) и Александр Федорович (1861–1911) Суховы — барнаульские купцы 2 гильдии. Василий Федорович избирался гласным городской Думы (Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 93). В торгово-промышленных календарях и справочниках за 1898 и 1899 гг. указано, что Суховы Александр и Василий Федоровичи торговали железными, кожевенными и скобяными товарами (Сибирский торгово-промышленный…, 1899, с. 163). Из алфавитного списка промышленных предприятий по Барнаульскому уезду, составленного городской Управой в 1902 г., мы можем узнать, что братья Суховы (товарищество) имели пиво-медоваренный завод в Барнауле (ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 5. Л. 19об.). В 1904 г. в городскую Управу

было подано заявление от Т/Д «Братья Суховы и К в Барнауле», в которое входили барнаульские 2 гильдии купцы Василий и Александр Федоровичи Суховы, основной вид деятельности — пиво-медоваренный завод, расположенный в Барнауле (ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 77).

В списках владельцев торговых предприятий за 1905 г. значится, что Александр Федорович и Василий Федорович Суховы, барнаульские купцы, имели свои торговые лавки на Базарной площади с кожевенными и железными товарами (ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 21). В адресной и справочной книге «Москва — Сибирь» за 1908 г. указано, что братья Суховы торговали скобяными товарами, а также изготавливали сундуки (Москва — Сибирь, 1908, с. 179). В 1909 г. городская Управа предоставила в Томскую казенную Палату список товариществ, находящихся в Барнауле. Так, под №2 указан Торговый дом «Братья Суховы и К-во в Барнауле»: род товарищества — полное, полные товарищи — барнаульские 2 гильдии купцы Василий и Александр Федоровичи Суховы, товарищество заявлено в Барнауле, род деятельности — пиво-медоваренный завод в Барнауле Томской губернии (ГААК. Ф. 237. Оп. 2. Д. 18; Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 77).

В этом же году городская Управа своим постановлением от 12 ноября 1909 г. (№518) разрешила Василию Федоровичу Сухову постройки (литер А и К) на усадьбе во 2-й части Барнаула на ул. Пушкинской (ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10. Л. 124об.). В заявлении плательщиков квартирного налога, поданного в городскую Управу в декабре 1909 г., В.Ф. Сухов указал, что по адресу: ул. Пушкинская, 45, проживает сам (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1904. Л. 75). В дальнейшем первый этаж сдавался под торговые лавки, а на втором этаже были жилые комнаты. В Сибирском торгово-промышленном календаре за 1910 г. было указано, что В.Ф. Сухов имел дрожжевой и мыловаренный заводы, а его брат А.Ф. Сухов торговал кожевенными, железными и скобяными товарами, имел сундучное заведение (Сибирский торгово-промышленный…, 1910, с. 10).

В составленных городской Управой списках разрешенных и вновь возведенных построек в 1914 г. есть и Н-ки В.Ф. Сухова, которые на своей усадьбе по ул. Пушкинской, 45 построили каменный магазин, оцененный в 1914 г. в сумму 89,94 руб., а в 1915 г. — в сумму 178,77 руб. В этом же году рядом по ул. Пушкинской, 45а барнаульский купец 1 гильдии И.Ф. Смирнов построил двухэтажный каменный магазин с оценкой в 1914 г. в сумму 432,0 руб., а в 1915 г. — 785,04 руб. (ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 76об., 79; Ф. 52. Оп. 1. Д. 27. Л. 281об.). Данные магазины отражены на старых фотографиях г. Барнаула. В 1915 г. городская Управа разрешила Н-кам В.Ф. Сухова провести капитальный ремонт дома по ул. Пушкинской, 45 (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 280). В это время на усадьбе наследников В.Ф. Сухова, в их доме, располагался электротеатр «Иллюзион» Лебзиной, что следует из объявления в газете с указанием адреса театра. В составленном городской Управой списке для Томской казенной Палаты от 6 июля 1916 г. по ул. Пушкинской, 45 указаны Сухова В.Ф. Н-ки (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 52. Л. 155). Из списка домовладельцев г. Барнаула за 1917 г. по взиманию подоходного налога по ул. Пушкинской, 45

указаны Н-ки купца В.Ф. Сухова (жена и двое его сыновей), которые занимали одну квартиру, две квартиры они сдавали в аренду, а на первом этаже сдавали помещения под торговлю (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 107. Л. 84, 84об., 86).

2 мая 1917 г. в г. Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек (Целищева, Слуцкий, 2013, с. 433). В составленных списках построек г. Барнаула, пострадавших от пожара 2 мая, числится и строение В.Д. Сухова по ул. Пушкинской, 45 (возможно, отчество в документах указано ошибочно) (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 57об.). Дом и надворные постройки не сильно пострадали, так как в составленных списках владельцев недвижимых имуществ на 1917–1919 гг. по ул. Пушкинской, 45 числится имущество В.Д. Сухова с доходностью в 100,0 тыс. руб. в год, налог на имущество составлял 480,0 руб. (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 61. Л. 67). В инвентарной книге недвижимого городского имущества, составленной в 1918 г., по ул. Пушкинской, 45 у В.Д. Сухова (Н-ки) указано следующее имущество: дом деревянный двухэтажный, два амбара, погреб, бараки, баня, каменная лавка, каменное одноэтажное торговое помещение (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358. Л. 212; Ф. 52. Оп. 1. Д. 189. Л. 7об.).

В 1919 г. у Н-ков В.Ф. Сухова была задолженность по налогу в сумме 226,99 руб. (с этого времени отчество в документах указано правильно) (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 18об.). В этом же году, по документам справочного бюро, часть дома занимал ж/д отдел отчуждения (ГААК. Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 16). В составленных списках домохозяев г. Барнаула в 1920 г. дом по ул. Пушкинской, 45 принадлежал Степаниде Александровне Суховой (вдове купца В.Ф. Сухова) (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 5об.). В конце 1920 г. имущество Суховых было национализировано. В составленных списках национализированных домов г. Барнаула под №161 указаны Василия Федоровича Сухова Наследники, у которых по ул. Пушкинской, 45 было следующее имущество: корпус электротеатра, флигель, лавочка, причина национализации — крупновладелец (ГААК. Ф. Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 31об.).

13 декабря 1920 г. в клубе «Урицкого» (угол ул. Пушкинской и пер. Соборного) прошло собрание председателей и секретарей ком. ячеек всех частей и учреждений, которые подведомственны Погубу (Политическому губернскому управлению). А 14 декабря в том же клубе прошло собрание военкомов (ГААК. Ф. Р. 593. Оп. 4. Д. 48. Л. 342). В списках учреждений г. Барнаула, занимающих жилые площади, составленных в 1922 г., значится и здание по ул. Пушкинской, 45 (кв. 17), в нем в трех комнатах размещался клуб (9 чел.), в котором показывали кино (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 33). Из составленных сведений о числе военнослужащих 63-го стрелкового Шуйского полка по состоянию на 18 ноября 1922 г. мы можем узнать, что в здании по ул. Пушкинской, 45 находился гарнизонный клуб (ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 67).

В 1924 г. был выполнен проект приспособления дома №45 по ул. Пушкинской — быв. «Иллюзион», каменное одноэтажное строение, под художественно-промышленную артель «1 мая». На генеральном плане с двух сторон

по ул. Пушкинской отмечены горелые усадьбы. Это одно из зданий, располагавшихся по данному адресу (ГААК. Ф. Р. 29. Оп. 1. Д. 72. Л. 3). В 1925 г. в доме проживали два врача — А.И. Богословский и И.А. Выборов (Вся Сибирь…, 1925, с. 313). На техническом совещании при Управлении барнаульского окружного инженера от 30 ноября 1926 г. (№19) рассмотрели Проект устройства кинопрофсоюзов в существующем здании быв. «Иллюзион» по ул. Пушкина, 45, в итоге проект утвердили, с тем чтобы общее количество мест было не более 374, балкон был исполнен лишь для лож, вместимостью не более 32 мест, и чтобы была устроена вентиляция как из зала, так и из фойе (ГААК. Ф. Р. 529. Оп. 1. Д. 109. Л. 35).

В конце 1920-х гг. нумерация домов в г. Барнауле изменилась. В списках зданий и сооружений барнаульского Горкомхоза на 1 октября 1928/1929 гг. по ул. Пушкинской, 53(45) числился бывший дом Сухова, который был оценен в 39 260,53 руб. (ГААК. Ф. Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 92). В конце 1920-х — начале 1930-х гг. на втором этаже были жилые помещения, а на первом находился магазин кинофототоваров, принадлежавший новосибирской конторе. Это видно на фотографии г. Барнаула того времени.

В дальнейшем здание использовалось под жилье. На карте г. Барнаула за 1930 г. дом указан под №57, угловой со срезанным углом и большим проулком от ул. Пушкинской до ул. Республики (ГААК. Ф. Р. 490. Оп. 2. Д. 9). Это отражено и на фотографии конца 1920-х гг.

В 1936 г. здание по ул. Пушкинской, 53 занимал ТЮЗ (современный адрес: ул. Пушкина, 41, Театр кукол) (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 10. Л. 443–444). Мы приводим эти данные, так как у краеведов возник спор о принадлежности исследуемого дома исходя из нумерации домов. На старых дореволюционных фотографиях видно, что одноэтажный дом стоит близко к ограде Петропавловского собора, за ним в сторону Московского проспекта идет двухэтажный дом, затем дом с башней (Сухова). Как уже указывалось выше, в 1915 г. наследники Сухова капитально отремонтировали свой дом. В то же время Барнаульская городская Дума разрешила еще в 1912 г. (№26) от 17 апреля 1912 г. построить на углу ул. Пушкинской и пер. Соборного электротеатр Лебзиной, по соседству с оградой Петропавловского собора (ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 46). Из списка владельцев недвижимого имущества в 1917–1919 гг. следует следующее : «от пр. Московского (пр. Ленина) в сторону пл. Соборной (пл. Свободы) по нечетной стороне: по ул. Пушкинской, 39 — принадлежало барнаульскому мещанскому обществу — горелое, передано городу; №45/2 /45/6 — Смирнов И.Ф. — доходность 69 600 руб.; №45 — Сухов В.Д. — 100,0 тыс. руб.; №47 — Жилин И.С. (полукаменный 2-х этажный дом)— 47,5 тыс. руб.; №49/1 — Лебзина Е.И. — горелое пустое место; №49/2 — Макаров Н.Ф. — горелое пустое место; №49/3 Куприянов С.И. — горелое пустое место» (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 61. Л. 67). По нашему мнению, исследуемое здание двухэтажное деревянное, со срезанным углом, вновь стало угловым (карта г. Барнаула 1930 г.), на ул. Пушкинской/пр. Социалистическом после пожара 1917 г.

Решение Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся о приведении в порядок нумерации домов в г. Барнауле было принято 9 июня 1940 г. (№355) (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 50. Л. 408). Барнаульский горисполком вновь рассмотрел вопрос 26 января 1942 г. (№49) о приведении в порядок нумерации домов и наименований улиц г. Барнаула (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 81). В 1961 г. был составлен проект детальной застройки Центральной части г. Барнаула (эскизный проект), где в том числе указано здание по ул. Пушкина, 45 (Музей истории…, ФГС. Оп. 4. Л. 50. Ф. 1). Решением горисполкома от 16 августа 1962 г. (№429) был утвержден список домов местных Советов, подлежащих капитальному ремонту в текущем году, в том числе ремонт был проведен и в доме по ул. Пушкина, 45 (ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 6. Д. 12. Л. 322).

В 1989 г. был выполнен исторический Паспорт здания по ул. Пушкина, 45, в котором специалисты отметили, что на момент составления документа в здании было заложено окно (дверь) на срезанном углу, планировка этажей — коридорного типа, коридор проходит вдоль капитальной стены, которая делит объем на две части, расположенных зеркально. В интерьере сохранились печи. Проведена частичная перепланировка этажей, на дворовом фасаде на первом этаже пробит оконный проем. В 1990 г. многоквартирный жилой дом поставили на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет он находился на балансе Управления домами №2 Центрального района.

В ноябре 2012 г. специалисты НПЦ «Наследие» обследовали здание и отметили в акте натурного обследования, что цоколь из керамического кирпича оштукатурен, обнаружено массовое отпадение штукатурки, разрушения наружной версты кладки, выветривание швов; скрыт по ул. Пушкина культурным слоем. Бревенчатые стены рублены в лапу с обшивкой, деформаций сруба не наблюдалось, обшиты тесом, окрашены, имелись нарушения наружной обшивки, продувание стен, массовые отслоения окрасочного слоя. Часть декоративных элементов фасадов была утрачена (балкон, подзоры карнизов, фриз, ограждение балкона, часть наличников). Оконное заполнение частично заменено не по первоначальному образцу, имеющееся заполнение окон в ограниченно работоспособном состоянии (имеется гниль), наружные первоначальные двери сохранились со стороны ул. Пушкина, не использовались, вход, находившийся на срезе угла здания, был заложен, парадный вход осуществлялся через дворовый фасад. В итоге специалисты определили, что фактический износ памятника, его общее техническое состояние составляет 60%, и рекомендовали проведение комплексной реставрации и приспособления здания с условием сохранения объемно-планировочного решения и декора фасадов (Акт натурного обследования…, 2012).

В 2013 г. филиалом ФГУП «Ростехинвентаризация — Федеральное БТИ» по Алтайскому краю был составлен технический паспорт объекта по адресу: г. Барнаул, ул. Пушкина, 45, в котором отмечено, что жилое двухэтажное здание, общей площадью 220,7 м^2, в том числе жилой — 125,2 м^2, было построено

в 1915 г. В доме располагалось шесть квартир — четыре однокомнатных (64,6 м^2) и две двухкомнатных (60,8 м^2). На территории, обнесенной забором с воротами, находилось пять сараев, гараж, баня (Технический паспорт БТИ…, 2013).

В сентябре 2013 г. решением межведомственной комиссии дом, расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пушкина, 45, был признан аварийным и подлежащим реконструкции. Жилые помещения были переведены в нежилые. Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 28 мая 2014 г. (№237) были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия (ОКН). Приказом Министерства культуры РФ от 15 октября 2015 г. (№9253-р) объект был зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221410141380005. В этом же году специалисты НПЦ «Наследие» провели мониторинг объекта и отметили следующее: состояние работоспособное, состояние отделки неудовлетворительное. В итоге было рекомендовано плановое проведение ремонтно-реставрационных работ по фасадам с воссозданием утраченного декора и устройство водостока.

В дальнейшем жильцов дома расселили, дом опустел, а окна заколотили. И вот уже несколько лет здание стоит заброшенное и постепенно разрушается. Со временем начал разваливаться балкон, он крепился на кованые ажурные кронштейны. В 2019 г. специалисты Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) обследовали здание по ул. Пушкина, 45 и составили акт технического состояния ОКН (от 13.09.2019 №02-14/551), в котором отметили, что общее состояние неудовлетворительное. Стены бревенчатые, по периметру здание обшито горизонтальным тесом, имеются продольные трещины, поражение гнилью, растрескивание и отслоение окрасочного слоя. Крыша чердачная с металлическим фальцевым покрытием усложнена щипцами. Стропильная система деревянная, зафиксированы массовые протечки, следы увлажнения, замачивания, поражение гнилью. Водосток не организован. Утрачены элементы декоративной пропильной резьбы. На момент осмотра здание было отключено от инженерных сетей. В итоге специалисты рекомендовали выполнить проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия для современного использования, выполнить реставрацию и приспособление ОКН, разместить на фасаде информационную надпись и обозначение об объекте культурного наследия. Приказом Управления Алтайохранкультуры от 17 октября 2019 г. (№257) были утверждены границы территории и режим использования ОКН. В 2019–2020 гг. здание несколько раз пытались продать с торгов, но желающих его купить так и не нашли. Постановлением Правительства Алтайского края от 20 февраля 2020 г. (№74) были установлены зоны охраны ОКН.

Специалисты Управления Алтайохранкультуры вновь составили акт технического состояния от 18 ноября 2021 г. (№02-06/306) на здание по ул. Пушкина, 45. В заключении было рекомендовано правообладателю объ-

екта культурного наследия заключить договор подряда на разработку проектной документации с организацией, имеющей лицензию на деятельность по сохранению ОКН. Выполнить реставрацию и приспособление объекта культурного наследия для современного использования, в том числе реставрацию ограды на основании проектной документации.

Управление Алтайохранкультуры своим Приказом от 23 ноября 2021 г. (№1147) утвердило охранное обязательство на ОКН. В марте 2023 г. городской комитет по культуре разыграл тендер на разработку эскизного проекта для дальнейшей работы по сохранению исторического здания. За время своего существования здание неоднократно меняло нумерацию дома — первоначально оно было под номером ул. Пушкинская, 45, затем в конце 1920-х гг. — ул. Пушкинская, 53, в 1930-х гг. — ул. Пушкинская, 57, после войны вновь находилось по адресу: ул. Пушкина, 45.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пушкина, 45, является объектом культурного наследия регионального значения «Дом жилой», конец XIX — начало XX в., согласно Решению Алтайского краевого Совета народных депутатов от 21 августа 1990 г. №327. Является примером городского деревянного жилого дома начала XX в. в эклектичных формах.

Объект культурного наследия «Дом жилой» по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пушкина, 45. Общий вид. Фото 2023 г.
Cultural Heritage Site "The Residential Building", at: Pushkina ul. 45, Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2023

Список источников

Акт натурного обследования объекта культурного наследия (памятника деревянного зодчества) от 11.11.2012 // Архив НПЦ «Наследие».

Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г. М., 1925. 606 с.

Москва — Сибирь: Адресная и справочная книга: Посредник — указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1909 г. М., 1908. 586 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Томск, 1898. 288 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск, 1899. 1182 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 год. СПб., 1910. 128 с.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.

Технический паспорт БТИ от 24.01.2013.

Целищева М.А., Слуцкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. 488 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage" (Barnaul), historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, https://orcid.org/0000-0002-2208-2831, c.marina64@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 94(571.150-25):070.23(1-21)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.17
EDN: DWZCAW

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ БАРНАУЛА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЖИЗНЬ АЛТАЯ» (1911–1916)

Оксана Ивановна Чекрыжова
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В качестве источника настоящего сообщения выступают публикации о событиях художественной жизни Барнаула в газете «Жизнь Алтая» за 1911–1916 гг. Материалы эти имеют различный объем и в зависимости от характера информации помещаются на разных страницах газеты, встраиваясь в ее структуру. Анализ текстов публикаций позволяет выделить следующие виды информации о художественной жиз-

ни: рекламные объявления, короткие заметки о художественных событиях и персоналиях и большие тематические статьи. Наибольшее число публикаций касается творчества Г.И. Гуркина. Информационные поводы к публикациям — в основном выставки в г. Барнауле, предстоящие или прошедшие, в меньшей степени внимание уделяется участию алтайских художников в выставках, организованных в других городах.

Ключевые слова: периодическая печать, газета «Жизнь Алтая», Барнаул, художественная жизнь, выставки

Для цитирований: Чекрыжова О.И. Художественная жизнь Барнаула на страницах газеты «Жизнь Алтая» (1911–1916) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 113–118. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.17

BARNAUL'S ARTISTIC LIFE IN THE NEWSPAPER "ZHIZN ALTAYA" (1911–1916)

Oksana I. Chekryzhova
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The source of this report is publications on Barnaul's artistic life in the newspaper " Zhizn Altaya " from 1911 to 1916. These materials vary in length and, depending on the nature of the information, are placed on different pages of the newspaper, integrating into its structure. An analysis of the publications' texts allows us to identify the following types of information on the artistic life: advertisements, short notes on artistic events and personalities, and longer thematic articles. The largest number of publications concerns the work of G.I. Gurkin. The informational sources for the publications are primarily exhibitions in Barnaul, either upcoming or past; less attention is paid to the participation of Altai artists in exhibitions organized in other cities.

Keywords: periodicals, newspaper "Zhizn Altaya", Barnaul, artistic life, exhibitions

For citation: Chekryzhova O.I. Barnaul's Artistic Life in the Newspaper "Zhizn Altaya" (1911–1916). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:113–118. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.17

На страницах барнаульской газеты «Жизнь Алтая», издаваемой с 1 января 1911 г., на регулярной основе публиковалась различного рода информация, касающаяся художественной жизни в Барнауле и на Алтае. Материалы эти имеют различный объем и в зависимости от характера информации помещаются на разных страницах газеты, встраиваясь в ее структуру. За время существования газеты с 1911 по 1918 г. удалось выявить публикации по теме за период с 1911 по 1916 г., среди которых возможно выделить следующие виды информации о художественной жизни: рекламные объявления, короткие заметки о художественных событиях и персоналиях, большие статьи, часто публикуемые с продолжением в нескольких номерах.

Заметки и объявления информационного характера обычно располагаются на первой, реже на второй странице газеты в ряду других рекламных публикаций, часто оформлены в рамочки и содержат краткую информацию о предстоящих событиях, месте и времени проведения и стоимости посещения.

Короткие заметки, как правило, расположены на третьей или четвертой странице газеты, часто помещаются в разделе «Хроника», представляют собой лаконичную информацию о мероприятии, иногда уже после его завершения, с определенными итогами и выводами.

Объемные статьи, касающиеся творчества художника или мероприятий, печатаются зачастую не в одном номере, а с продолжением в последующих выпусках и являются наиболее полными и информационно емкими сообщениями о художественных событиях и явлениях. Собственно, в самом первом номере газеты, вышедшем в свет 1 января, мы встречаем заметку «Алтай на саратовской художественной выставке» об участии в экспозиции талантливого художника Андрея Осиповича Никулина. В статье содержатся ссылки на саратовские издания «Саратовский Листок» №258 и «Саратовский Вестник» №259; по всей вероятности, автор заметки основывался именно этих изданиях, поскольку приводит аргументы о красоте форм и гармонии тонов в представленных на выставке работах «Вечный снег» и «Отзвуки минувшего» и неудачу в передаче грозового состояния в работе «Гроза», однако отмечает, что мы, безусловно, гордимся нашим талантливым земляком (Алтай на саратовской…, 1911, №1, с. 3).

Сообщается 22 марта о художественной выставке в Красноярске, где заметно выделяются работы Г.И. Гуркина «Корона Катуни» и А.О. Никулина «Рыбаки» и «Немые громады Алтая» (Еще о передвижной выставке…, 1911, №64, с. 4).

Наиболее значимые для города события художественной жизни сопровождались всеми типами публикаций. В качестве показательного примера возможно привести выставку Г.И. Гуркина, состоявшуюся в Барнауле с 10 по 24 апреля 1911 г. в Народном доме. Это событие явилось рекордсменом по количеству разнообразных публикаций в газете, ни одно другое мероприятие не повлекло столько разнообразных упоминаний о нем на ее страницах. Накануне выставки в нескольких номерах газеты последовательно публиковалось рекламное объявление на первой или второй странице.

Но еще раньше в разделе «Хроника» за несколько недель до предполагаемого открытия стали печатать сообщения о готовившемся мероприятии. В №68 от 28 марта сообщалось, что выставка состоится на пасхальной неделе и там будет представлено до 16 картин довольно большого размера, написанных художником, а также этюды и эскизы углем — около 250 штук, которые выставлялись им в Томске и Красноярске (Выставка картин Г.И. Гуркина, 1911, №68, с. 4). В № 70 от 30 марта 1911 г. короткое сообщение о том, что третьего дня в Барнаул прибыл художник Г.И. Гуркин для устройства выставки вместе со своим братом, который будет продавать на выставке фото с видами Горного Алтая (Приезд Г.И. Гуркина, 1911, №70, с. 3).

Наибольший интерес для исследователя представляет опубликованная до начала выставки в номерах с 72-го по 75-й большая статья из четырех частей «Алтай и его художник» А.В. Андрианова (К выставке картин художника Г.И. Гуркина в Барнауле) в которой подробнейшим образом описыва-

ется первая выставка художника, характеризуются наиболее интересные его произведения, особенно отмечаются картины «Хан Алтай» и «Река Катунь весною», мнения о выставке известных современников, например Г.Н. Потанина: статья содержит ссылку на публикации в газете «Сибирская Жизнь» №197 и 199 за 1907 и №2 и 198 за 1908 со статьей Г.Н. Потанина об этнографической составляющей выставки в Томске.

В третьей части описываются подробности организации экспозиции и результаты. Томскую выставку посетило около 3 тыс. чел., что для сибирского города значительно, и, кроме сборов с выставки, художнику было заказано более 50 копий картин и куплено картин на сумму 3300 руб. Самая дорогая картина, проданная на томской выставке, «Хан Алтай», ушла за 300 рублей, но были и картины, оцененные в более скромные суммы, начиная от 1 рубля. Подводится итог о материальном и нравственном успехе выставки.

И далее автор публикации переходит на описание последней выставки художника, проходящей в 1910 г., на которой экспонировалось 23 картины и около 200 этюдов. В последних частях публикации внимание уделяется биографии художника, автор описывает его непростой путь в искусство (Приезд Г.И. Гуркина, 1911, №70, с. 3; Алтай и его художник, 2011, №72; Алтай и его художник (продолжение), 1911, №73–75). С 5 апреля начинают публиковаться рекламные объявления на первой или второй страницах газеты, в которых сообщается, что «выставка продолжится две недели с 10 по 24 апреля и будет открыта ежедневно с 10 часов утра до 7 вечера. Плата за вход с взрослых 35 коп, учащихся по форме 20 коп, нижних воинских чинов 10 коп… При выставке братом художника Ст. Ив. Гуркиным будут продаваться стереоскопические и простые виды горного Алтая, а также фотографические копии выставляемых картин» (Алтай, 1911, №76, с. 2).

Со дня начала выставки регулярно выходили короткие заметки-отчеты о выставке, более или менее подробные, обычно публикуемые в разделе «Хроника». Так, в номере за 14 апреля говорится, что выставку публика стала посещать спустя полчаса после ее открытия и, несмотря на праздник, в первый день ее посетило 80 человек, во второй день — 120, в третий — 90 человек. «За эти три дня продано и заказано пять маленьких картин и этюдов. Под выставку заняты две смежные комнаты в нижнем этаже Народного дома, в которых размещены на 12 отдельных щитах 175 этюдов, 52 рисунка пером и 32 картины повешены над щитами. Выставку картин Гуркина с 10 по 24 апреля посетило около 900 человек. Выручено от входной платы 293 руб. 10 копеек, расход по устройству выставки выразился в 200 рублей. Продано картин с выставки на 370 рублей, принято художником заказ на две картины средних размеров. Сравнительно с выставкой картин А.О. Никулина, устроенной летом прошлого года, которая дала сбору 70 рублей при 380 посетителях, выставка Гуркина посещалась в общем хорошо…» (На выставке Г.И. Гуркина, 1911, №79, с. 3; Выставка картин Г.И. Гуркина, 1911, №88, с. 4; Краткий отчет…, 1911, №95, с. 3).

Публикации, касающиеся личности и творчества Г.И. Гуркина, безусловно, наиболее часты в сюжетах художественной жизни, отраженных на

страницах газеты. Не обошла вниманием газета и выставку Г.И. Гуркина, которая открылась 15 марта 1915 г. в Томске. В номере за 28 марта небольшая статья, в которой отмечается, что по размерам картин и содержанию они не достигают значения выставки 1910 г., ни одна из новых картин не достигла уровня «Хан Алтай» и «Озера горных духов» (Выставка картин Г.И. Гуркина, 1915, №65, с. 4).

Гораздо скромнее на страницах газеты были представлены другие сюжеты, даже, на первый взгляд, значимые для художественной жизни нашего города.

Таким примером является открывшаяся 1 мая 1916 г. в Народном доме выставка московских и петроградских художников: «Выставка будет открыта 10–16 час ежедневно. Вход 50 копеек, дети и учащиеся 30 коп. Часть сбора от продажи картин поступит в пользу раненых и военнопленных в Германии» (Сегодня открывается…, 1916, №95, с. 1). Необходимо отметить, что в годы Первой мировой войны на страницах газеты значительная часть публикаций касалась прямо или опосредованно военной тематики, тем самым другие темы были менее востребованы. Но даже в этих условиях присутствуют публикации о художественных событиях. Рекламные объявления публиковались за несколько дней до начала выставки и в некоторых номерах во время экспозиции, которая продлилась до 9 мая. В газете за 5 мая вышла большая статья К. Порфирьева, в которой отмечаются такие маститые участники выставки, как Репин, Шишкин, и в качестве «гвоздя» выставки называется две небольшие картины Нестерова, в том числе «Скитанник». Главной особенностью выставки отмечается преобладание пейзажной живописи над прочими жанрами и значительное количество натюрмортов при чрезвычайной малочисленности исторического жанра и портрета (Выставка картин московских…, 1916, №98, с. 3).

Иногда появлялись единичные публикации о малоизвестных в художественном мире персонах, таких, например, как о художнике-самоучке Николае Плотникове из села Боровой Форпост, приехавшем в Барнаул с десятком своих картин искать признания (Самоцветные камни, 1911, №100, с. 3), или тяжело заболевшем в армии художнике Белослюдове (Болезнь художника Белослюдова, 1916, №65, с. 4).

Страницы газеты «Жизнь Алтая» регулярно отдавались под материалы, иллюстрирующие художественную жизнь в г. Барнауле. Наибольшее внимание уделялось творчеству Г.И. Гуркина, пользовавшегося заслуженной любовью как публики, так и прессы, публикующей объемные статьи о художнике. Однако в целом тематика сообщений о художественной жизни оставалась достаточно разнообразной и публикации регулярно появлялись в газете.

Список источников

Алтай // Жизнь Алтая. 1911. №76. 6 апреля. С. 2.
Алтай и его художник // Жизнь Алтая. 1911. №72. 1 апреля. С. 2.
Алтай и его художник (продолжение) // Жизнь Алтая. 1911. №73. 2 апреля. С. 2.

Алтай и его художник (продолжение) // Жизнь Алтая. 1911. №74. 3 апреля. С. 3.
Алтай и его художник (продолжение) // Жизнь Алтая. 1911. №75. 5 апреля. С. 3.
Алтай на саратовской художественной выставке // Жизнь Алтая. 1911. №1. 1 января. С. 3.
Болезнь художника Белослюдова // Жизнь Алтая. 1916. №65. 22 марта. С. 4.
Выставка картин Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1915. №65. 28 марта. С. 4.
Выставка картин Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1911. №68. 30 марта. С. 4.
Выставка картин Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1911. №88 от 24 апреля. С. 4.
Выставка картин московских и петроградских художников // Жизнь Алтая. 1916. №98. 5 мая. С. 4.
Еще о передвижной выставке // Жизнь Алтая. 1911. №64. 22 марта. С. 4.
Краткий отчет о выставке картин Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1911. №95. 3 мая. С. 3.
На выставке Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1911. №79 от 14 апреля. С. 3.
Приезд Г.И. Гуркина // Жизнь Алтая. 1911. №70. 30 марта. С. 3.
Самоцветные камни // Жизнь Алтая. 1911. №100. 8 мая. С. 3.
Сегодня открывается выставка Московских и Петроградских художников // Жизнь Алтая. 1916. №95. 1 мая. С. 1.

Информация об авторе / Information about the Author

Оксана Ивановна Чекрыжова, Алтайский государственный университет, кафедра отечественной истории, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-9089-5404, niigi@yandex.ru

Oksana I. Chekryzhova, Altai State University, Department of Russian History; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; PHD History, https://orcid.org/0000-0002-9089-5404, niigi@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 82-31(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.18
EDN: FQPCJB

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА: Н.П. СМИРНОВ

Татьяна Петровна Шастина
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова,
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В системе работы Алтайского государственного природного биосферного заповедника по сохранению историко-культурного наследия подчеркивается внимание к личностям и в персоносфере вычленяется образ Н.П. Смирнова, создателя сада на юго-восточном берегу Телецкого озера. В нем наиболее отчетливо воплотилась идея заповедности как особого отношения к природе. Автор предполагает, что одной из причин появления этого человека на берегах Алтын-кёля могло быть зна-

комство с литературными произведениями 1-й половины 1920-х гг., в которых местом действия было Телецкое озеро на Алтае. Переход Смирнова в статус человека-легенды рассматривается на основе произведений Г. Горышина, В. Распутина, В. Чивилихина.

Ключевые слова: Телецкое озеро, заповедник, Николай Павлович Смирнов, дневник, сад, Павел Низовой, Валентин Распутин

Для цитирований: Шастина Т.П. Заповедные легенды Телецкого озера: Н.П. Смирнов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 118–125. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.18

SACRED LEGENDS ABOUT LAKE TELETSKOYE: N.P. SMIRNOV

Tatiana P. Shastina

National Library of the Altai Republic named after M.V. Chevalkov,
National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin

Abstract. The Altai State Nature Biosphere Reserve's system for preserving historical and cultural heritage emphasizes personalities, and the figure of N.P. Smirnov, the creator of a garden on the southeastern shore of Lake Teletskoye, is prominent within this sphere of personalities. He most clearly embodied the idea of protection as a special relationship with nature. The author suggests that one of the reasons for this man's appearance on the shores of Altyn-Kul may have been his familiarity with literary works from the first half of the 1920s, which set the events on Lake Teletskoye in Altai. Smirnov's rise to legendary status is examined through the works of G. Goryshin, V. Rasputin, and V. Chivilikhin.

Keywords: Lake Teletskoye, Altyn-kyol, natural reserve, Nikolai Pavlovich Smirnov, diary, garden, Pavel Nizovoy, Valentin Rasputin

For citation: Shastina T.P. Sacred Legends about Lake Teletskoye: N.P. Smirnov. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:118–125. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.18

Алтайский заповедник с водоохранной зоной Телецкого озера в 1998 г. был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе объекта «Золотые горы Алтая». Получение территорией данного статуса свидетельствовало о признании ценности для всего человечества уникального по красоте и биоразнообразию природного комплекса. В 2009 г. заповедник вошел во Всемирную сеть биосферных резерватов. Выполняя природоохранные задачи, это федеральное государственное учреждение ведет значительную работу и по сохранению культурного наследия, что декларировано в миссии заповедника: «Храним всемирное природное наследие, ценим нашу историю».

История заповедника началась 16 апреля 1932 г. В ту эпоху слово «заповедный» имело несколько иное значение, нежели в современном русском языке: «1. Состоящий под запретом, неприкосновенный. 2. Очень близкий, интимный, а потому драгоценный, тщательно оберегаемый» (Толковый словарь…, 1935, стлб. 1006).

Ныне для коллектива заповедника особенно драгоценна память обо всех, кто когда-либо трудился ради сохранения биоразнообразия его территории (площадь — 871 206 га, акватория Телецкого озера — 11 400 га). Под

руководством С.В. Трифановой, заместителя директора по историко-культурному наследию и развитию биосферной территории, на сайте постоянно дополняется раздел «Историко-культурное наследие», ведутся страницы «Заповедные люди», «Заповедные династии», «Заповедное село». На центральной усадьбе — в селе Яйлю есть Музей патрульной группы (музей госинспектора), его на общественных началах создал начальник охраны заповедника С.П. Ерофеев, в апреле 2021 г. вошедший в первую десятку рейнджеров мира. Еще один житель заповедного Яйлю — хранитель заповедной истории Е.Д. Веселовский, специалист отдела экологического просвещения и познавательного туризма (дипломант Национальной Экологической премии «Экомир-2007»), в наши дни создает у себя на усадьбе необычный сельский музей, каждый экспонат которого сопровождается рассказом о человеке — его владельце. Такими рассказами он щедро делится с читателями Национальной библиотеки Республики Алтай имени М.В. Чевалкова («Писатели — читатели»).

В заповеднике есть династия Смирновых-Штыковых. Ее основателем был человек-легенда Телецкого озера — Николай Павлович Смирнов (1902–1994). «Почти каждый, кто побывал на Телецком озере, безусловно, слышал о Николае Павловиче Смирнове. С 1927 г. живет он на юго-восточном берегу озера в устье реки Чири. Начиная с 1929 г. Н.П. Смирнов бессменно работает наблюдателем на водомерном посту Западно-Сибирского управления Гидрометслужбы. Зимой и летом круглые сутки ведутся наблюдения <…> Он не только гидрометеоролог, но и известный всему краю энтузиаст-садовод» (Селегей В.В., Селегей Т.С., 1974). Начиная с 1960-х гг. подобные утверждения будут проходить практически через все научно-популярные издания о Телецком озере и туристические справочники. Первоначально в них отчетливо слышатся отголоски мичуринских лозунгов советской эпохи: «На скалистом косогоре он укрепил кедровые сваи, привез земли и насыпал искусственные террасы, на которых вырастил фруктовый сад»; «доказана полная возможность выращивания плодов и ягод в довольно суровых условиях» (Иоганзен и др., 1966, с. 58–59). Легендарности формирующемуся образу придаст и небольшая деталь из чисто научного издания — В. Селегей, в «Предисловии» к своей монографии выражая благодарность «техническому персоналу станции, участвовавшему в полевых работах в сложных условиях горно-таежной местности», назовет Н.П. Смирнова «старейшим наблюдателем Гидрометслужбы СССР» (Селегей В.В., Селегей Т.С., 1978). До нашего времени эпитет «легендарный» сопровождает статьи и новостные упоминания о Смирнове: «120 лет назад родился Николай Павлович Смирнов — гидрометеонаблюдатель и легендарный садовод Телецкого озера» (Алтайский государственный…, 2022).

История появления Н.П. Смирнова на берегу озера воссоздавалась писателями, сотрудниками заповедника и Телецкой озерной станции с его слов, и во всех текстах остается ощущение недосказанности. Малышев в романе «Встреча ветров», посвященном кедроградцам, тоже уже ставшим легендарными, пишет: «На озеро Николай Павлович попал в конце двадцатых годов. Ушел со второго курса рабфака, его мучило какое-то нервное заболевание.

Врачи сказали: «Вам может помочь только природа». В поисках глухого уголка девственной природы он направился в глубину алтайской тайги, на Алтын-коль» (Малышев, 1982, с. 102). «Николай Павлович родом из Костромской губернии. Революцию он встретил в Петрограде. Юношей работал курьером в типографии питерской газеты. В двадцатые годы уехал в Москву, поступил на рабфак… Эти биографические данные о наблюдателе поста гидрометеослужбы в Кыгинском заливе я получил из первых рук. Хотя вообще Смирнов рассказывал о себе скупо, многое в его жизни осталось неведомым мне, темным» (Горышин, 1989, с. 114).

Н.П. Смирнов заинтересовал Горышина в первые годы его журналистской деятельности на Алтае, начавшейся в 1954 г. Образ садовода-энтузиаста прошел через все его творчество — от прототипа персонажа раннего рассказа «Бельфлер-китайка» (опубликован в сборнике 1958 г. «Хлеб и соль») до последней авторской книги «Гора и берег» (1989). В ней Горышин собственный алтайский дневник 1976 г. «объединил с многолетними дневниковыми записями своего героя — Николая Павловича Смирнова. В этом не столько литературный прием, сколько признание особой близости с ним, родственности в любви к алтайской природе, в пристальной наблюдательности, в склонности к ежедневным записям и размышлениям "не только о погоде"», — пишет дочь писателя (Гродецкая). Горышин много раз возвращался на Алтай, неоднократно бывал на усадьбе Смирновых и отчетливо чувствовал в его рассказах о появлении на Алтае необходимость «резкого перелома» в биографии. Болезнь как причина такого перелома — совершенно нейтральное объяснение: «Потребность унести свой недуг как можно дальше с глаз людских победила иные его намерения. Надеждой избавиться от недуга ему светила уединенная жизнь в великом безмолвии сибирских, таежных пространств. Уехать — затеряться — и выдюжить!» (Горышин, 1989, с. 114). Ключевое слово здесь, на наш взгляд, — «затеряться».

Именно такое стремление затеряться в 1919 г. привело на берега Телецкого озера столичного писателя Павла Низового (Тупикова). В автобиографии он писал: «…Я не думал тогда (в 1918 г. — *Т.Ш.*), что год спустя сам буду чем-то вроде президента республики, ведать территорией в несколько тысяч квадратных верст. Буду ходить в самодельных сапогах из оленьей шкуры, самодельных кожаных штанах и такой же шапке. Владения мои простирались от истоков р. Бии до границ Монголии — непроходимая горная черневая тайга с ледниковыми и каменными хребтами, с бесчисленными горными озерами и реками. И посредине — чудесное, 90-верстное «Алтын-коль» (Золотое Озеро). А я всего был только старший объездчик-лесник Телецкого лесничества, куда меня от колчаковских улан надежно вклинили надежные товарищи.

Неделями гостил я в юртах первобытного народа — черневых кочующих татар, дружил с камами (шаманы), пил «священную» араку и ел жертвенное мясо только что задушенного коня. В одиночестве безумно тосковал по далекой, горящей в горне, родной Москве» (Низовой, 1927, с. 25–26).

Впечатления, полученные Низовым за год, проведенный в окрестностях Телецкого озера, были положены в основу нескольких произведений. Создате-

ли пятитомной антологии «Образ Алтая в русской литературе» отмечают, что Низовой, «вернувшись в Москву, по алтайским впечатлениям создал повесть "В горах Алтая" (1925), рассказы "В горных ущельях" (1924), "Золотое озеро" (1924)» (Образ Алтая в русской литературе). Исследователи практически не обращались к другим его произведениям об этом периоде — натурфилософским повестям «Язычники» (1920–1921, Алтай-Москва) и «Пути моего духа» (1922, Москва). В первой безымянный персонаж-урбанист (Я-повествователь) оказывается на берегу Телецкого озера ранней весной и наблюдает жизнь природы до осени. Впервые он сталкивается лицом к лицу с естественным ходом природных процессов и начинает ощущать себя их органической частью, язычником; видит зачатие, рождение и смерть мириадов живых существ и растений; самым естественным образом и сам включается в этот природный ритм, встретив женщину и пропев гимн человеческому телу.

Лучшее объяснение сути «Язычников», не укладывавшихся в рамки пролетарской литературы, перед высылкой на «философском пароходе» успел сделать Ю. Айхенвальд в предисловии к читинской публикации повести 1922 г.: «Жить лицом к лицу с природой, душа в душу с ней, слышать биение ее сердца, так в такт совпадающее с биением твоего личного сердца, принимать ее простоту, пить ее любовь, греться на ее солнце, пребывать не в мировоззрении, а в мироощущении, быть непосредственным, радоваться на Животе земли, чувствовать себя каплей в зеленой крови естества, — вот что значит быть язычником» (Айхенвальд, 1922, с. 8). Конечно, критик не преминул подчеркнуть совпадение мотивного комплекса «Язычников» Низового с «Паном» особо популярного в России эпохи Серебряного века Кнута Гамсуна — «их объединила общая тема: человек на лоне природы, в объятьях этой вечно юной язычницы <…> Низовой любовно входит во все подробности природы, испытывает к ней восторженную благодарность и от всей души благословляет ее и ту душу ее, тот венец ее, который называется любовью» (Айхенвальд, 1922, с. 9).

В ту историческую эпоху молодая советская страна активно обсуждала вопросы пола, популярной была теория «стакана воды», а ее «претворение в жизнь» в Сибири было описано В. Зазубриным в повести «Общежитие» (1923). Подобной человеческой грязи и противопоставляет Низовой своего язычника на фоне величественных картин Телецкого озера, где все пронизано светом и радостью жизни.

Герой повести «Пути моего духа» тоже приходит извне в маленький монастырь на берегу Чулышмана. «Монастырь песчинкой осел в огромной извилистой распластанной каменной трубе… Зеленое радостное царство с людьми и животными протянулось недалеко. За ним вниз — стоверстное озеро в чаше мертвых гор: вверх — голый, вечный камень, без кустиков зелени. Узкая труба там еще больше суживается, долины нет. Река с ревом скачет по порогам и зубцам, в тесной расщелине неся свои воды с недалеких ледников» (Низовой, 1928, с. 146). Природному буйству «Язычников» в этом произведении противостоит строгий аскетизм монастырского служения,

и суровость пейзажей Чулышманской долины как бы обрамляет мысли повествователя, не допускает праздности души. «Эта повесть тоже о революции. Не о той, которая выросла из экономических противоречий, а о другой, также глубокой, болезненной и более вечной, — выросшей из противоречий, заключенных в самом человеке. Эти две революции (а может быть, две стороны одной) переплетаются между собой, питают друг друга и обе ведут к одной цели — к раскрепощению личности от экономических, религиозных и прочих пут, к торжеству Разума» (Низовой, 1928, с. 144).

Мы допускаем, что именно эти произведения Низового могли оказаться в кругу чтения московского рабфаковца Н. Смирнова, которому явно необходимо было разобраться в себе, для чего он решил покинуть Москву. В поисках подходящего места для этого процесса он оказывается в Сибири, на Байкале, а затем в 1927 г. перебирается на Телецкое озеро — его нередко называют «младшим братом Байкала».

Он выбирает на жительство место на берегу, неподалеку от впадения в озеро р. Чулышман, от Чулышманского монастыря, где был разведен первый в тех местах яблоневый сад, начинает работать наблюдателем только что созданного гидрометеорологического поста, находит жену из коренных жителей долины и вдали от людей буквально с чистого листа начинает новую жизнь.

Читая у Г. Горышина, В. Чивилихина (Дневники…, 1961, 1963) описания титанических усилий Смирнова по возведению искусственной террасы для сада-огорода на берегу озера, утверждаешься в мысли, что этот человек что-то в себе гасил, глушил тяжким физическим трудом. Дневники Смирнова, частично вошедшие в названную книгу Горышина, фиксируют факты и действия (фенологические наблюдения, труд, постоянная забота о хлебе насущном), но не открывают внутренней жизни их создателя, старающегося не нарушать ни природных ритмов, ни законов социума.

Создание сада среди девственного леса — длительный, трудный, сложный процесс. Причем Смирнову пришлось это сделать дважды — т.е. возродить сад после того, как горный поток смыл и дом, и сад в озеро. И в каждом случае это можно символически трактовать как обретение потерянного рая и достижение «духовной гармонии, прощения и блаженства» (Тресиддер, 2001, с. 319). Человек исполнил свое предназначение: построил дом, вырастил сотни деревьев, поднял 17 детей (самолично принимая их в момент рождения) и с миром упокоился в своем саду, самолично же выдолбив в скале для себя могилу…

На наш взгляд, наиболее близок к пониманию духовных начал личности Смирнова был Валентин Распутин, назвавший гидрометеоролога-садовода «опростившимся патриархом» (Распутин, 1991, с. 194), а результаты его труда — «телецким эдемом»: «…Глядя на высокую каменную подперть, ровную и отделанную, протяжением на глаз метров в триста, пытался представить, сколько же здесь, под ногами, натаса земли. Земля эта стала уж родной, но ее не было здесь — был здесь камень на камне, такой же, как по склону, и сколько же надо было сил, которые называем мы лошадиными, чтобы выземлить,

возделать и восплодородить этот телецкий эдем. Все на руках. Месяц за месяцем, метр за метром, год за годом, слой за слоем» (Распутин, 1991, с. 194).

Настала пора воздать должное трудам Н.П. Смирнова и возвести на созданных его руками террасах достойный памятник человеку-легенде Телецкого озера.

«Сад на горе над чудо-озером сам по себе — рукотворное дивное диво. Он вошел в ожерелье драгоценностей Алтая» (Г. Горышин).

Список источников

Айхенвальд Ю. Предисловие // П. Низовой. Язычники. Чита, 1922. С. 5–13.

Алтайский государственный природный биосферный заповедник: официальный сайт. URL: https://www.altzapovednik.ru/news/2022/08/Smirnov-120.aspx (дата обращения: 04.02.2026).

Горышин Г. Не только о погоде. Алтайские дневники // Г. Горышин. Гора и Берег. М., 1989. С. 109–223.

Гродецкая А.Г. Горышин Глеб Александрович (1931–1998). URL: https://altlib.ru/personalii/goryishin-gleb-aleksandrovich-1931–1998/ (дата обращения: 04.02.2026)

Дневники Владимира Чивилихина 1961, 1963 гг. URL: https://chivilihin.ru/%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8/ (дата обращения: 04.02.2026).

Иоганзен Б.Г., Гундризер А.И., Кафанова В.В., Кривощеков Г.М. Телецкое озеро: изд. 2-е. Барнаул, 1966. 112 с.

Малышев А. Встреча ветров. М., 1982. 256 с.

Низовой П. Рассказы. М., 1927. 231 с.

Низовой П. Пути моего духа // П. Низовой. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 144–228.

Образ Алтая в русской литературе. URL: https://akunb.altlib.ru/obraz-altaya-v-russkoy-literature-xix-xx-vekov/#%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B01917 (дата обращения: 04.02.2026).

Писатели — читатели. URL: https://nbra.ru/biblioteke-105-let/4681-literaturnyj-podkast-chitateli-kak-pisateli-vypusk-1 (дата обращения: 04.02.2026).

Распутин В.Г. Горный Алтай // В.Г. Распутин. Сибирь, Сибирь… М., 1991. С. 155–196.

Селегей В.В., Селегей Т.С. Телецкое озеро. Л., 1974.

Селегей В.В., Селегей Т.С. Телецкое озеро. Л., 1978. 142 с. (Гидрометеорологический режим озер и водохранилищ СССР).

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1: А — Кюрины. М., 1935. 1562 стб.

Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М., 2001. 448 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Татьяна Петровна Шастина, Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, просп. Коммунистический, 32; Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, научный сотрудник; Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46, кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-2687-8036, tshliteratura@mail.ru

Tatiana P. Shastina, National Library of the Altai Republic named after M.V. Chevalkov, Research and Methodological Department, Researcher, 649000, Russia, Gorno-Al-

taisk, Kommunistichesky Ave., 32; National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin, Researcher, Gorno-Altaisk, Choros-Gurkin St., 46, Candidate of Sciences in Philology, Docent, https://orcid.org/0000-0002-2687-8036, tshliteratura@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 908:726.825.2(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.19
EDN: GZZHGZ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА ГОРНОЗАВОДСКИХ ЦЕНТРОВ АЛТАЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Лидия Сергеевна Яковлева
Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. В статье анализируется историография по некрополистике населенных пунктов Алтая, которые в XVIII–XIX вв. являлись горнозаводскими центрами. Обозначены достигнутые результаты и пробелы в исследованиях исторических кладбищ Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Локтя и Павловска. Рассказано о важных мемориальных объектах в фондах музеев. На основе архивных материалов уточнены опубликованные сведения о некоторых надгробиях Змеиногорского кладбища. Впервые приведены результаты осмотра досоветских памятников Павловского и Локтевского некрополей. Обозначены перспективные задачи дальнейших исследований в сфере некрополистики Алтайского края: расширение географии и хронологии изысканий, инвентаризация памятников с верификацией по метрическим книгам, создание базы данных с фото, координатами и эпитафиями.

Ключевые слова: некрополь, приходское кладбище, Змеиногорский рудник, Барнаульский завод, Локтевский завод, Павловский завод, историко-культурное наследие

Благодарности: автор благодарит Е.А. Синеокую (Павловский историко-художественный музей) и краеведа В.А. Чуликову за помощь при осмотре Павловского некрополя.

Для цитирований: Яковлева Л.С. Исторические кладбища горнозаводских центров Алтая: проблемы изучения и сохранения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 125–132. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.19

HISTORICAL CEMETERIES OF ALTAI MINING CENTERS: PROBLEMS OF STUDY AND PRESERVATION

Lidia S. Yakovleva
Independent Researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the historiography of necropolises in the Altai settlements that were mining centers during the 18th and 19th centuries. It highlights research

achievements and gaps for cemeteries in Barnaul, Zmeinogorsk, Kolyvan, Lokot, and Pavlovsk. The paper also covers important memorial objects from museum repositories. Based on the archival materials, the study clarifies previously published information regarding certain headstones at the Zmeinogorsk cemetery. First-time findings from surveys of pre-Soviet monuments of Pavlovsk and Lokot necropolis are also presented. The article outlines prospective directions for advancing research of necropolis in the Altai region, including: expanding the geographical and chronological scope of study, conducting monument inventories with cross-referencing to metrical books, and developing a comprehensive database containing photographs, geographical coordinates, and epitaphs.

Keywords: necropolis, church cemetery, Zmeinogorsk Mine, Barnaul Plant, Loktevsky Plant, Pavlovsky plant, historical and cultural heritage

Acknowledgments: the author thanks Elena A. Sineokaya (Pavlovsk Museum of History and Art) and local history researcher Valentina A. Chulikova for their assistance during the survey of the necropolis in Pavlovsk.

For citation: Yakovleva L.S. Historical Cemeteries of Altai Mining Centers: Problems of Study and Preservation. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:00–00. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.19

Некрополи горнозаводских населенных пунктов — важные компоненты историко-культурного и мемориального наследия Алтая. Их изучение способно не только обогатить наши знания о прошлом (через восстановление забытых имен, биографических сюжетов и уточнение исторических фактов), но и помочь в сохранении надгробных памятников, разработке музейных проектов и туристических маршрутов, популяризирующих историю региона. Однако исторические кладбища бывших горнозаводских центров, к сожалению, остаются на периферии научного и общественного интереса. Исключением является организованное в 1772 г. и утраченное в 1930-х гг. Нагорное кладбище г. Барнаула, история которого представлена в работах Ф.В. Гришаева (1995), А.В. Контева (1995), В.Б. Бородаева (2020) и Е.И. Красильниковой (2013). На его территории также проводились археологические раскопки (например, Калашников и др., 2016, с. 238–241; Калашников, Ситников, 2020, с. 290–296; и др.). Их результаты были опубликованы и помогли определить место захоронения французского путешественника и археолога Гюстава Менье (†1861). В 2025 г. благодаря усилиям историков, журналистов и неравнодушных горожан его надгробие было воссоздано и торжественно установлено, а в столице Алтайского края появился новый историко-культурный и туристический объект.

На примере Нагорного кладбища можно видеть, что разрушение некрополей не исключает возможности их научного исследования. Еще два утраченных барнаульских кладбища — у Петропавловского собора и Крестовоздвиженское — также нуждаются в изучении. О Крестовоздвиженском публикации отсутствуют. Что касается старейшего барнаульского кладбища у собора, то его история затронута лишь в статье А.Д. Сергеева (1995, с. 224–226), посвященной захоронению первого начальника Колывано-Вос-

кресенских заводов А.Б. Беэра (†1751). В этой же работе упоминается и яшмовая надгробная плита Марии Качка (†1794) — супруги другого руководителя алтайских кабинетских предприятий, похороненной около того же собора. Этот памятник хранится в Алтайском государственном краеведческом музее и заслуживает детального изучения. В фондах музея есть и другие мемориальные объекты, например надгробие Анфизы Илларионовой Пазниковой (†18.04.1878) в виде железного креста (Инв. №В7289), а также фотографии памятников Нагорного кладбища. Большинство из них принадлежали выдающимся личностям: К.Д. Фролову (†1800), Ф.В. Геблеру (†1850), Н.И. Журину (†1891), Н.М. Ядринцеву (†1894) и др. Однако есть среди них и памятник трехлетнему мальчику Пете (†8.08.1910) — сыну коллежского советника Ивана Матвеевича Матвеева (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1586. Л. 266об.–267). Таким образом, музейные собрания содержат важные источники для исследований в области некрополистики.

В нашей работе по историческому кладбищу п. Колывань мы использовали материалы Томского областного художественного и краеведческого музеев, а именно: заметки, зарисовки и акварели архитектора А.Л. Шиловского, созданные в ходе его визита в Колывань в 1919 г. (Исаева, Яковлева, 2025, с. 195–207). Эти материалы и многократное обследование кладбища в течение последних трех лет позволили: установить, как выглядели разрушенные надгробия столетие назад; определить, какие из изображенных архитектором памятников не сохранились; описать колыванский прицерковный некрополь, разрушенный в 1930-х гг. На историческом кладбище в п. Колывань нами зафиксировано 32 досоветских надгробия (Яковлева, 2025, с. 541–551). Несмотря на закрепленный более 30 лет назад статус памятника истории и культуры, колыванский некрополь функционирует в режиме действующего кладбища. Отсутствие информационных знаков и должной маркировки ценных надгробий в условиях продолжающейся эксплуатации создает угрозу невосполнимой утраты исторического мемориального фонда.

Еще один старинный некрополь сохранился в г. Змеиногорске. Как и барнаульское Нагорное, змеиногорское кладбище было учреждено в 1772 г. на основании сенатских указов, запрещающих хоронить умерших в городе при церквях, как это практиковалось прежде. Горное начальство Колывано-Воскресенских заводов сочло численность прихожан Преображенской церкви Змеиногорского рудника сопоставимой с городскими приходами. Прицерковное кладбище, действовавшее до 1772 г., было признано тесным и непригодным для похорон из-за твердой и каменистой почвы, не позволявшей выкапывать достаточно глубокие могилы, что порождало в летнее время «тяжелый и смердительный воздух» (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21. Л. 24об.–25). Так было организовано кладбище на окраине Змеиногорска под Караульной сопкой, которое функционировало более 230 лет. В 2006 г. оно было закрыто для новых захоронений. Впоследствии объект был обследован энтузиастами, учителями и учащимися школы №1 во главе с историком Ю.П. Алехи-

ным. В результате этой большой работы было сделано несколько интересных и значимых находок. Например, надгробие супруги выдающегося изобретателя, горного администратора, сенатора П.К. Фролова. Благодаря этой находке в 2025 г. Змеиногорское кладбище было оборудовано информационными табличками.

Змеиногорскому историческому кладбищу посвящены две публикации, где описаны наиболее интересные надгробия (Алехин, 2013, с. 346–350; Алехин, Кунгуров, Шевская, 2013, с. 147–154). Они имеют важное значение, так как до этого кладбище никогда не становилось объектом изучения. Положено хорошее начало, однако пока не опубликован весь список найденных досоветских надгробий с эпитафиями, координатами местоположения, описаниями физического состояния и, по возможности, со сверкой надгробных надписей с метрическими записями. Пока такая сверка была сделана только для памятника М.И. Фроловой. Она выявила, что месяц смерти в эпитафии указан неверный. 1857 год не был високосным, поэтому Мария Ивановна не могла скончаться 29 февраля. Согласно метрической книге Преображенской церкви за 1857 г. вдова тайного советника Петра Фролова скончалась 29 ноября в возрасте 72 лет от старости, то есть на 8 месяцев позже указанной на памятнике даты (ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 603. Л. 114об.–115). Примечательно, что фамилия мужа скончавшейся написана в метрике как «Флоров». Так подписывался и сам Петр Козьмич, например, на своем экслибрисе (Шелестюк, 2025, с. 30–31).

На Змеиногорском кладбище похоронен и еще один член семьи Фроловых — внук К.Д. Фролова берггауптман Петр Степанович Зубарев (сын Татьяны Козьминой Фроловой и ее супруга Степана Алексеева Зубарева) (Бабарыкин, Пережогин, 2017, с. 37–38). На надгробной плите П.С. Зубарева очень плохо различимы возраст и последняя цифра в годе смерти, поэтому они были неверно прочитаны и опубликованы (†1858, в 74 года). Согласно метрической записи берггауптман Петр Зубарев скончался в 1852 г. в 83 года (ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 470. Л. 77об.–78).

К сожалению, проверить сведения с надгробий удается не всегда из-за неполной сохранности метрических книг. В таком случае эпитафии самих памятников при их хорошей сохранности способны восполнить некоторые пробелы метрик и направить исследователя на поиск дополнительных материалов в других архивных источниках. К таким случаям относится, например, надгробная плита княжон Ротеевых и майорши Хоновіосъ (Хоновюсъ), которую описал Ю.П. Алехин. Они скончались в 1841 и 1849 гг., а метрические книги Змеиногорской церкви за эти годы не сохранились. В 1818 г. одна из сестер упоминается в метрической книге Николаевской церкви форпоста Убинского: в записи о рождении и крещении младенца в восприемниках фигурирует жена дворового человека князя Ротеева дочери Натальи Егоровой (ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 48. Л. 632об.). Возможно, князь Ротеев служил на Иртышской оборонительной линии. Интересна история сестры милосердия Крестовоздвиженской общины Метельской (†1872), похороненной в Змеино-

горске. Метрические записи за этот год также не удалось найти. А ведь Крестовоздвиженская община — одна из первых организаций женской помощи больным и раненым на поле битвы, учрежденная 5 ноября 1854 г. в самом начале Крымской войны под патронажем великой княгини Елены Павловны (Соколова, 2013, с. 41). Как видно, змеиногорский исторический некрополь является настоящим музеем под открытым небом и для его сохранения должен получить статус памятника истории и культуры.

Надгробия рядовых горнозаводских жителей Алтая доходят до наших дней очень редко, так как изготавливались в основном из дерева. Потому каждая находка каменного или металлического памятника, принадлежавшего человеку из непривилегированной социальной группы, очень ценна и должна быть изучена, а сведения о ней опубликованы. Несколько таких надгробий найдены нами на кладбище в с. Локоть, где с 1783 по 1893 гг. работал Локтевский завод. Точная дата организации локтевского кладбища не известна. Впервые оно зафиксировано на плане завода 1835 г. (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360. Л. 14). Локтевское кладбище никогда не становилось самостоятельным объектом изучения. Приведем несколько имен, чьи надгробия нам удалось идентифицировать: Николай Андреевич Устьянцев (†2.03) и его сын Григорий (†1.06.1878) (51°11′31″N 81°12′23.3″E) (рис.-*А*); урядник Локтевской горной конторы Михаил Клементов Борцов (†29.07.1878) (51°11′30.8″N 81°12′23.5″E), жена Змеиногорского обывателя Пелагея Петрова Попова (†6.12.1880) (51°11′28.9″N 81°12′23.8″E) (рис.-*В*); жена Локтевского обывателя Парасковья Михайлова Земерова (†26.02.1900) (51°11′31.8″N 81°12′26.7″E); Харитон Алексеев Захаров (†1909) (51°11′32.2″N 81°12′26.2″E); Лидия Штифановых (†1915) (51°11′29.4″N 81°12′27.6″E) (рис.-*С*) и др. За редким исключением памятники выглядят слабо обработанными глыбами камней, на плоской поверхности которых выбиты имена и даты смерти. Мы встретили только два красивых памятника, выполненных профессионально: Лидии Штифановых и один разобранный на фрагменты, атрибутировать который пока не удалось. Цилиндрический фрагмент от этого памятника был использован вторично для более позднего захоронения Лосева Александра (†15.06.1947) (рис.-*D*). Многие памятники заросли лишайником, что затрудняет прочтение на них и без того нечетких эпитафий. Из-за плохой погоды нам не удалось обследовать все кладбище, но даже эти находки говорят о том, что оно является интересным объектом для изучения.

Мы осмотрели еще один горнозаводской некрополь, незаслуженно оставленный без внимания исследователей, а именно Павловское кладбище. Дата его основания точно не установлена, но первый план Павловского завода, на котором оно обозначено, датируется 1830 г. (ГААК. Ф. 50. Оп. 18. Д. 3208). Самое раннее надгробие относится к 1835 г. и принадлежит дочери управляющего Павловского завода Василия Ивановича Тистрова Александре, которая скончалась в младенчестве (рис.-*F*). Мама этой девочки и супруга управляющего Александра Гавриловна приходилась внучкой К.Д. Фролову (Бабарыкин, Пережогин, 2017, с. 76). Надгробная пли-

та хорошо сохранилась, а надпись на ней легко читается (53°18′46.76″N 82°59′52.5″E). Рядом с плитой расположен еще один памятник в виде квадратной клумбы, в которой растет дерево (53°18′46.8″N 82°59′53.5″E) (рис.-Ɛ). Он принадлежит отставному канцелярскому служителю Павловского завода Василию Яковлеву Безсонову (†6.07.1890) (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 69. Л. 18об.–19). Павловское кладбище выглядит переполненным, поэтому несколько лет назад оно было закрыто для новых захоронений. На его территории встречается много старых обветшалых деревянных крестов, скорее всего 1-й половины XX в. Складывается ощущение, что именно дерево было здесь главным материалом для надгробий, поэтому так мало удалось найти каменных досоветских памятников. Чтобы убедиться в этом, нужно исследовать кладбище более тщательно.

Надгробия Локтевского кладбища (A–D); надгробия Павловского кладбища (Ɛ–G)
Tombstones of the Lokot cemetery (A–D); tombstones of the Pavlovsk cemetery (Ɛ–G)

В собрании Павловского историко-художественного музея хранится большая металлическая табличка с надгробия 1864 г. О ней сообщила заведующая музеем Елена Александровна Синеокая, предоставившая возможность ее осмотреть. Табличка содержит эпитафию: «Здесь лежит тело Евдокии Ивановой Пылковой скончавшейся 26 Апреля 1864 года. Покойся милый прах до радостного утра. Мир праху твоему» (рис.-*9*). Метрическая запись Павловской Введенской церкви подтверждает дату смерти Евдокии, а также сообщает, что она была супругой канцелярского служителя Алексея Пылкова и скончалась в 65 лет от горячки (ГААК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 42. Л. 315об.–316).

Таким образом, изучение некрополей горнозаводских центров Алтая — важный инструмент исторического познания, связывающий прошлое и настоящее через конкретных людей и способствующий сохранению историко-культурного наследия. Проведенный анализ степени изученности исторических кладбищ Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Локтя и Павловска позволяет наметить дальнейшие векторы работы. К ним относятся расширение географических и хронологических рамок изысканий, углубленное изучение прицерковных погостов, а также системная инвентаризация памятников с опорой на массив метрических книг. Перспективным направлением является создание базы данных некрополей Алтая, включающей фотофиксацию, координаты и расшифровку эпитафий. Практическим шагом в реализации этой задачи выступает наша текущая работа по формированию электронной коллекции по некрополистике Алтая совместно с Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова.

Список источников

Алехин Ю.П. Змеиногорский исторический некрополь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 346–350.

Алехин Ю.П., Кунгуров А.Л., Шевская О.В. Достояние земли Змеиногорской: археологическое и историческое наследие. Змеиногорск; Барнаул, 2013. 182 с.

Бабарыкин Б.В., Пережогин А.А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1474–1917). Барнаул, 2017. 270 с.

Бородаев В.Б. Места захоронений известных граждан Барнаула как объекты культурного наследия: история, проблемы, перспективы // Краеведение и туризм. Барнаул, 2020. С. 68–90.

Гришаев В.Ф. Барнаульский некрополь: к истории Нагорного кладбища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5, ч. 1. С. 171–177.

Исаева Л.Ю., Яковлева Л.С. Памятники колыванского исторического некрополя в работах томского архитектора А.Л. Шиловского (1887–1921 гг.). Ч. 1 // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. №59. С. 195–207.

Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М., Чекрыжова О.И. Некоторые находки религиозного характера с территории Нагорного кладбища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 238–241.

Калашников Д.С., Ситников С.М. Определение имени владельца нагрудного знака выпускника Горного института из захоронения Нагорного кладбища г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 290–296.

Контев А.В. Материалы по истории Нагорного кладбища г. Барнаула. Вып. 5, ч. 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 178–185.

Красильникова Е.И. Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 — начало 1941 года) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №1: в 2 ч. Ч. I. С. 109–113.

Сергеев А.Д. Где искать могилу А.В. Беэра? // Алтай. 1995. №1–2. С. 224–226.

Соколова В.А. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного креста (1854–1918 гг.) // Клио. 2013. №4. С. 40–50.

Шелестюк К. Библиотека Фролова // Культура Алтайского края. 2025. №1. С. 30–32.

Яковлева Л.С. Некрополи старейшего горнозаводского поселка Алтая (п. Колывань, Курьинский район) // Краеведение и туризм. Вып. 3. Барнаул, 2025. С. 541–551.

Информация об авторе / Information about the Author

Лидия Сергеевна Яковлева, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Барнаул, https://orcid.org/0000-0003-3302-3682, tikhobaevaASU@gmail.com

Lidia S. Yakovleva, Candidate of the Historical Sciences, Independent Researcher, Barnaul, https://orcid.org/0000-0003-3302-3682, tikhobaevaASU@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

РАЗДЕЛ 2
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Article
УДК 902.3(575.2)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.20
EDN: HMGJZR

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКОВ ТАМГА-ТЕРЕК-1 И 2 В 2025 ГОДУ (предгорья Ферганской долины, Кыргызстан): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аида Абдыканова[1], Асан Торгоев[2], Арген Эмиль уулу[3], Эмил Султанов[4], Аскат Жумабаев[5], Турарбек Абдыракманов[6]
[1]Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан
[2]Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
[3]Независимый исследователь
[4]Независимый исследователь
[5]Дом-музей М.В. Фрунзе, Бишкек, Кыргызстан
[6]Отдел культуры Узгенского района, Узген, Кыргызстан

Резюме. Статья посвящена предварительным результатам спасательных раскопок курганов на памятниках Тамга-Терек-1 и 2, выявленных в долине р. Кок-Арт Сузакского района Жалал-Абадской области Кыргызской Республики. Могильники в значительной степени были снивелированы и примечательны тем, что представляют собой пласт культуры раннесакского (раннескифского) времени в предгорьях Ферганской долины с наскальными изображениями и «оленными» камнями в архитектуре курганной насыпи. Наличие «оленных» камней саяно-алтайского облика (изначально, видимо, близких по типу к «оленным» камням 3-го типа или типа 2 (подтипа 1) по Д.Г. Савинову) в количестве не менее чем пять экземпляров прямо указывает на связи с указанным регионом. В настоящий момент могильник Тамга-Терек-2, расположенный в долине р. Кок-Арт, следует считать самым западным пунктом распространения «оленных» камней в Центральной Азии.

Ключевые слова: Фергана, могильники Тамга-Терек-1–2, раскопки, «оленные» камни, ранние саки, наконечники стрел, нож

Благодарности: работы были проведены благодаря финансовой поддержке Филиала ГП НК «Кыргыз Темир Жолу» по МТО.

Для цитирований: Абдыканова А., Торгоев А., Эмиль уулу А., Султанов Э., Жумабаев А., Абдыракманов Т. Раскопки могильников Тамга-Терек-1 и 2 в 2025 году (предгорья Ферганской долины, Кыргызстан): предварительные результаты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 133–140. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.20

EXCAVATIONS OF THE TAMGA-TEREK-1 AND 2 BURIAL GROUNDS IN 2025 (Foothills of the Fergana Valley, Kyrgyzstan): PRELIMINARY RESULTS

Aida Abdykanova[1], Asan Torgoev[2], Argen Emil uulu[3], Emil Sultanov[4], Askat Jumabaev[5], Turarbek Abdyrakmanov[6]
[1]American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic
[2]State Hermitage, St. Petersburg, Russia
[3]Independent Researcher
[4]Independent Researcher
[5]M.V. Frunze Museum, Bishkek, Kyrgyz Republic
[6]Department of culture of the Uzgen rayon, Uzgen, Kyrgyz Republic

Abstract. This article presents the preliminary results of rescue excavations at the Tamga-Terek-1–2 burial mounds, discovered in the Kok-Arat River valley in the Suzak rayon of the Jalal-Abad oblast. The burial mounds are largely leveled but represent an important layer of the Early Saka (Early Scythian) culture in the foothills of the Fergana Valley. The sites are notable for incorporating rock art and deer stones into the architectural structure of the mounds. At least five "deer" stones of the Sayan-Altai type were identified at the site, which directly indicates cultural connections with that region. In terms of typology, these stones appear to correspond to type 3 or type 2 (subtype 1) according to the classification proposed by D.G. Savinov. At present, the Tamga-Terek 2 burial mound in the Kok-Art River valley represents the westernmost known point of distribution of "deer" stones in Central Asia.

Keywords: Fergana, Tamga-Terek-1–2 burial grounds, excavations, "deer" stones, Early Sakas, arrowheads, knife

Acknowledgments: these works were financially supported by the Branch of the State Enterprise National Company Kyrgyz Temir Jolu on Material and Technical Support

For citation: Abdykanova A., Torgoev A., Emil uulu A., Sultanov E., Jumabaev A., Abdyrakmanov T. Excavations of the Tamga-Terek-1 and 2 Burial Grounds in 2025 (Foothills of the Fergana Valley, Kyrgyzstan): Preliminary Results. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:133–140. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.20

В рамках строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан в долине р. Кок-Арт (Сузакский район Жалал-Абадской области Кыргызстана) на могильниках Тамга-Терек-1 и 2 в 2025 г. были проведены спасательные археологические работы (рис. 1). Снивелированные курганы были расположены на высокой правой террасе реки между селами Калмак-Кырчын и Таран-Базар. Памятники расположены относительно недалеко друг от друга (рис. 2).

Могильник Тамга-Терек-1 состоял из пяти курганов, четыре (№2–5) из которых располагались строго по линии Ю–С. Из-за распашки насыпи выделялись лишь выступающими камнями, не превышая высоты 0,2 м.

Курган №1. После зачистки насыпи обозначилась каменная ограда подквадратной формы со сторонами длиной 5,4–5,5 м по внешнему краю. Внутри нее выявлен круг диаметром 4,6 м. К северной стороне ограды примыкала конструкция трапециевидной формы (длина основания составляла 11,3 м). В юго-западной части ограды была расчищена каменная прямоугольная выкладка (1,6×1,5 м). Могильная яма, вытянутая по линии З–В, овальной формы, размерами 2,1×1 м и глубиной 0,42 м, находилась в центре ограды. В ней ничего не найдено.

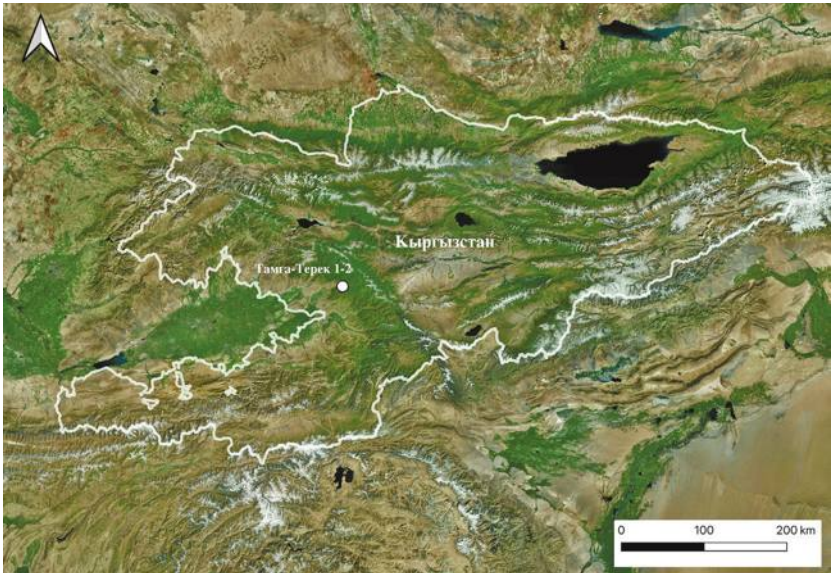

Рис. 1. Общая карта-схема расположения памятников Тамга-Терек-1 и 2
Fig. 1. General schematic map of the location of the Tamga-Terek-1 and 2 sites

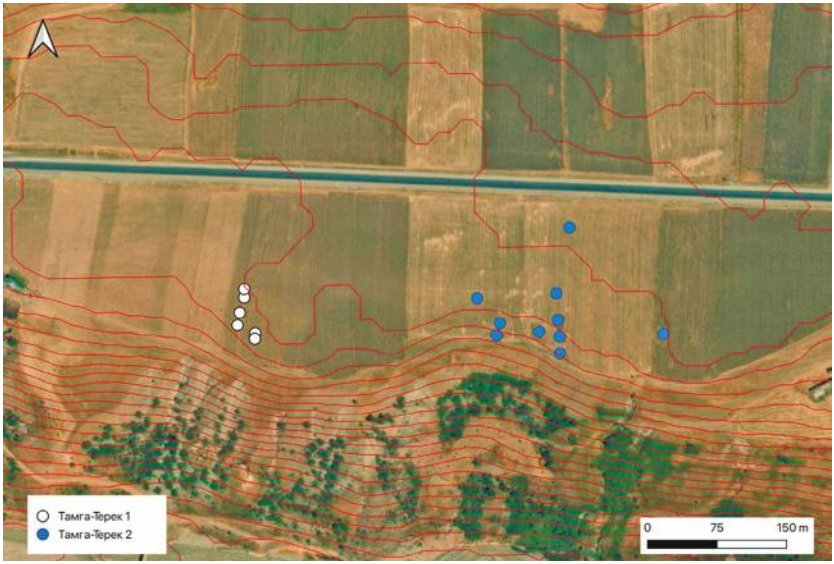

Рис. 2. Карта-схема расположения курганов на памятниках Тамга-Терек-1 и 2
Fig. 2. Schematic map of the location of kurgans at the Tamga-Terek-1 and 2 sites

Курган №2, как и предыдущий, имел однослойную насыпь (диаметром 5,2 м). В ней обнаружен камень с изображением горного козла. В центре находилась могильная яма размерами 1,7×0,95 м и глубиной 0,36 м. На дне ямы у южной стенки обнаружена керамическая круглодонная чаша закрытого типа с венчиком, профилированным наружу. Кости человека не найдены.

Курган №3 имел диаметр 8,8 м, ограблен. Кольцо ограды было сложено преимущественно из мелкого камня. В могильной яме размерами 2,3×1,3 м и глубиной около 0,5 м ничего оказалось.

Курган №4. После снятия каменной насыпи диаметром 6 м была выявлена кольцевая ограда. В могильной яме (длиной 2,2 м и шириной 1,2 м) на глубине 0,5 м от древней дневной поверхности выявлен плохо сохранившийся скелет человека. Погребенный был уложен на спину, головой на север. Руки вытянуты вдоль тела, чуть согнуты в локтях. Инвентарь отсутствовал.

Курган №5 (диаметром 7 м) имел кольцевую широкую ограду из мелкого камня. В заполнении могильной ямы размерами 2,2×1,1 м и глубиной 1,1 м выявлены мелкие фрагменты, скорее всего, берцовой кости человека.

Могильник Тамга-Терек-2 располагался на высокой обрывистой правой надпойменной террасе р. Кок-Арт, в 630 м к западу от окраины с. Калмак-Кырчын. Распашка сильно нарушила каменные насыпи.

Курган №1. Насыпь диаметром 15,7 м была сложена целиком из валунов в три слоя. Отчетливо прослеживались кольца внешней и внутренней ограды. Когда курган был сформирован, он представлял собой уплощенную усеченно-коническую насыпь. При ее разборе на 16 валунах выявлены петроглифы с изображениями горных козлов, оленей, извилистых линий, очковидных знаков и других изображений, типичных для эпохи бронзы. Из них наиболее примечательна фигура жертвенного оленя (№15) на камне, лежавшем у северного края могильной ямы. Также обнаружена верхняя часть «оленного» камня №4 с выбитыми кольцами на четырех сторонах. Контуры могилы не были выявлены. Раскопки велись в яме размерами 2,5×2,1 м. На глубине 1,35 м от вершины кургана найден «оленный» камень №2, а немного ниже зафиксирован фрагмент верхней части другого изваяния, примыкавший к крупному обломку «оленного» камня №3. Эти находки, вероятно, находились на вершине кургана, а после грабительских работ их сбросили в яму (рис. 3).

Курган №2 был сильно распахан, насыпь диаметром 10,4 м повреждена. В неразрушенной части просматривались три концентрических ряда кольца ограды. Над могилой размерами 2,4×0,9 м и глубиной 0,4 м находился провал, заполненный камнями. В ней находились лишь мелкие фрагменты костей человека.

Курган №3 имел овальную ограду размерами 7,2×6,3 м, сложенную из одного ряда валунов. В заполнении могильной ямы подпрямоугольной формы (размерами 2,1×0,9 м) попадались мелкие обломки человеческих костей и фаланга лошади.

Курган №4. Насыпь сформирована из двух слоев относительно мелких камней, среди которых найден валун с неопределенным изображением. С внешней стороны кольцевой ограды (диаметром 6,8 м) лежал «оленный»

камень №1 (рис. 4) На противоположной стороне найден обломок прямоугольного камня, явно принадлежавший какой-то стеле. С западной стороны к ограде примыкала прямоугольная выкладка размерами 2,9×1,3 м в один слой камней. В ее заполнении зафиксирован валун с выбитым петроглифом. Могильная яма размерами 1,65×0,6 м, ориентированная по линии З–В, имела глубину 0,2 м. На дне оказались следы черного органического тлена, в котором были заметны переплетенные растительные волокна. Никаких вещей или костей не обнаружено.

Рис. 3. Могильник Тамга-Терек-2, курган №1, расположение «оленных» камней и петроглифов
Fig. 3. Tamga-Terek-2 burial ground, kurgan No. 1, location of "deer" stones and petroglyphs

Рис. 4. Могильник Тамга-Терек 2, курган №4, «оленный» камень №1
Fig. 4. Tamga-Terek-2 burial ground, kurgan No. 4, "deer" stone No. 1

Курган №5 имел насыпь из валунов диаметром 7,2 м с кольцевой оградой из крупных булыжников. В могильной яме овальной формы (размерами 1,8×0,8 м и глубиной 1,5 м) найден потревоженный скелет человека. Покойный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Никакого инвентаря не было.

Курган №6 имел валунную насыпь и кольцевую ограду диаметром 5,5 м. В могильной яме (длиной 1,9 м, шириной до 0,9 и глубиной 1,19 м) выявлено погребение подростка, который был уложен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Сохранность костей очень плохая. Слева от погребенного найдена круглодонная лепная чаша диаметром 15,5 см и высотой 11 см. В районе левого уха оказалась железная проволочная кольцевая гнутая серьга с сомкнутыми концами.

Курган №7 имел однослойную каменную насыпь с оградой в виде неправильного овала (7×5,5 м). Могила сверху разрушена большой грабительской воронкой. У дна ее размеры 1,6×1 м. На глубине 0,7 от уровня современной поверхности в заполнении найдена лишь передняя берцовая кость лошади.

Курган №8 имел двухслойную насыпь и ограду яйцевидной формы (11×10 м). В заполнении могильной ямы овальной формы (размерами 2,1×1,4 м) в беспорядочном положении и на разных глубинах найдены три наконечника стрел и нож (рис. 5). Реальная глубина ямы составляла около 0,6 м от поверхности древнего горизонта. Найденные фрагменты костей человека оказались в плохой сохранности.

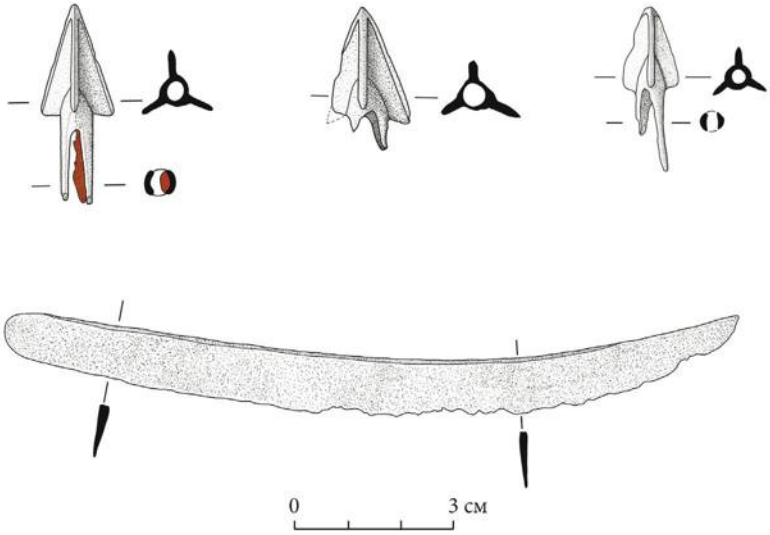

Рис. 5. Могильник Тамга-Терек-2, курган №8, бронзовые трехлопастные наконечники стрел с «разрезанной» втулкой (зажимные с двумя лапками) и бронзовый изогнутый нож
Fig. 5. Tamga-Terek-2 burial ground, kurgan No. 8, bronze three-bladed arrowheads with a "cut" socket (clamping) and a bronze curved knife

Курган №9. Насыпь, по всей видимости, была разобрана для устройства более поздних захоронений либо ее частично убрали в ходе хозяйственных работ. В кольцевой ограде на одном удлиненном камне выявлены изображения двух кругов. По центру находилась могила длиной 2,1 м, шириной до 1,6 м и глубиной 0,95 м. На дне ямы выявлены длинные кости ноги человека. Более никаких находок в яме не было. Еще одна пустая яма выявлена в юго-восточном секторе под редкими камнями ограды.

Курган №10. Насыпь отсутствовала, а кольцо ограды было сложено из мелкого камня и снаружи облицовано более крупными валунами. В северной части найден отдельный камень, на котором имеется выбивка в виде горного козла в момент прыжка, стоящего на подставке. Также выявлен камень с изображением кольца на макушке, который можно классифицировать как «оленный» камень №5. В центре кургана находилась пустая могильная яма.

По всей видимости, оба представленных памятника начали формироваться в раннесакский период. Курган №8 могильника Тамга-Терек-2 может датироваться, вероятнее всего, в пределах VIII–VI вв. до н.э. Об этом свидетельствуют находки наконечников трехлопастных стрел с раздвоенным насадом, которые имеют датированные аналогии в памятниках раннескифского времени Тувы (Чугунов, 2000, с. 220, 227). Наличие «оленных» камней саяно-алтайского облика (изначально, видимо, близких к типу 3 или 2 (подтип 1) по Д.Г. Савинову (1994, с. 75–80)) в количестве не менее чем пять экземпляров указывает на связи с восточными регионами. В настоящий момент могильник Тамга-Терек-2, расположенный в предгорьях Ферганской долины, следует считать самым западным пунктом распространения «оленных» камней в Центральной Азии.

Курган №5 могильника Тамга-Терек-2, судя по находке керамической чаши, сходной по форме с изделиями эйлатанско-актамской культуры Ферганы, наряду с находкой железной серьги с сомкнутыми концами, вероятней всего, следует относить ко времени не ранее рубежа IV–III в. до н.э. Прямые аналогии чаше по форме имеются в сакских комплексах Памира (Литвинский, 1972, табл. 6.-18–21). Хотя сама форма сосуда не характерна для керамики местных ферганских культур.

Список источников

Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши Мира. М., 1972. 272 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213–238.

Информация об авторах / Information about the Authors

Аида Абдыканова, Американский университет в Центральной Азии, программа антропологии, руководитель; 720060, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Аалы Токомбаева, 7/6, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-7238-9065, abdykanova_a@auca.kg

Aida Abdykanova, American University of Central Asia, Department of Anthropology, Head of Department; 720060, Kyrgyz Republic, Bishkek, Aaly Tokombaeva St., 7/6, Candidate of History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-7238-9065, abdykanova_a@auca.kg

Асан Торгоев, Государственный Эрмитаж, отдел Востока, ведущий научный сотрудник; 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-6403-8046, torgoevasan@mail.ru

Asan Torgoev, The State Hermitage, Department of the East, Leading Researcher; 190000, Russia, St. Petersburg, Dvortzovaya St., 34, Candidate of History, https://orcid.org/0000-0002-6403-8046, torgoevasan@mail.ru

Арген Эмиль уулу, независимый исследователь, https://orcid.org/0009-0001-3690-5915, argen.emiloff@gmail.com

Argen Emil uulu, Independent Researcher, https://orcid.org/0009-0001-3690-5915, argen.emiloff@gmail.com

Эмиль Султанов, независимый исследователь, https://orcid.org/0000-0001-7617-3723, emil0782@mail.ru

Emil Sultanov, Independent Researcher, https://orcid.org/0000-0001-7617-3723, emil0782@mail.ru

Аскат Жумабаев, Дом-музей М.В. Фрунзе, научный сотрудник; 720021, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Фрунзе, 364, https://orcid.org/0009-0003-0919-5692, askatjuma@mail.ru

Askat Jumabaev, The M.V. Frunze Museum, Research Fellow; 720021, Kyrgyz Republic, Bishkek, Frunze St., 364, https://orcid.org/0009-0003-0919-5692, askatjuma@mail.ru

Турарбек Абдыракманов, отдел культуры Узгенского района, сотрудник; 723600, Кыргызская Республика, г. Узген, ул. Ленина, 123, urarbekabdrakmanov@gmail.com

Turarbek Abdyrakmanov, Department of Culture of the Uzgen Region, Research Fellow; 723600, Kyrgyz Republic, Uzgen, Lenin St., 123, urarbekabdrakmanov@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902(571.150-25):94(571.150)»17/18»
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.21
EDN: HNEBTQ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БАРНАУЛА XVIII–XIX ВЕКОВ

Вадим Борисович Бородаев
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается история изучения культурного слоя Барнаула XVIII–XIX вв. Рассказывается о двух попытках присвоить ему юридический статус объекта археологического наследия, в конце XX и начале XXI в. Сформулирован тезис о сохранении в культурном слое исторического центра города остатков Барнаульской крепости XVIII в. Приведены доказательства существования археологического культурного слоя бывшего Барнаульского сереброплавильного завода. Об этом свидетельствуют результаты раскопок 1991 г. и археологические находки XIX в., обнаруженные во время строительных работ летом 2025 г. Основной проблемой назван отказ государственных органов придать культурному слою города XVIII–XIX вв. статус объекта археологического наследия.

Ключевые слова: город Барнаул, культурный слой, археологическое наследие XVIII–XIX вв., Барнаульская крепость, сереброплавильный завод, промышленная археология

Для цитирования: Бородаев В.Б. Проблемы археологии Барнаула XVIII–XIX веков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 140–146. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.21

ARCHAEOLOGICAL PROBLEMS OF BARNAUL IN THE 18TH–19TH CENTURIES

Vadim B. Borodaev
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines the history of the study of Barnaul's 18th–19th century cultural layer. It describes two attempts to grant it legal status as an archaeological heritage site in the late 20th and early 21st centuries. A thesis is formulated regarding the preservation of the remains of the 18th – century Barnaul Fortress in the cultural layer of the city's historic center. Evidence is presented of the existence of an archaeological cultural layer of the former Barnaul silver smelter. This is supported by the results of excavations in 1991 and archaeological finds from the 19th century discovered during construction in the summer of 2025. The main problem is identified as the refusal of state authorities to grant the city's 18th–19th century cultural layer the status of an archaeological heritage site.

Keywords: city of Barnaul, cultural layer, archaeological heritage of the 18th–19th centuries, Barnaul fortress, silver smelter, industrial archeology

For citation: Borodaev V.B. Archaeological Problems of Barnaul in the 18th–19th Centuries // *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:140–146. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.21

Скрытые под землей остатки построек и культурные слои градообразующих деревень, заводского поселка медеплавильного предприятия Акинфия Демидова 1739–1745 гг., поселка Барнаульского сереброплавильного завода и города Барнаула XVIII–XIX вв. до сих пор не имеют юридического статуса археологического наследия. Уже почти забылось, что первая попытка обозначить эту проблему перед краевой властью и предложить ее решение была сделана более 30 лет назад.

Вопрос о сбережении и изучении невидимых на поверхности объектов архитектуры горнозаводского периода, сохранившихся в недрах исторического центра Барнаула, был поднят после проведенных мною в 1991 г. раскопок на территории действовавшей тогда Барнаульской спичечной фабрики. Заказ на эти работы поступил в Барнаульский государственный педагогический институт в связи с проектированием транспортной развязки и подъезда к строящемуся мосту через реку Обь. Новая автодорога должна была отчасти перекрыть плотину бывшего Барнаульского сереброплавильного завода, поэтому основное внимание при раскопках летом 1991 г. было обращено именно на плотину. Однако попутно изучались и прилегающие постройки, в первую очередь остатки разобранной части кирпичного здания второй сереброплавильной фабрики.

Тогда же мною была сделана попытка совместить архивный чертеж с современной топографической основой и таким путем рассчитать на мест-

ности расположение деревянной постройки 1-й половины XVIII в., а затем попробовать обнаружить остатки этого архитектурного объекта в раскопе. Для такого эксперимента было выбрано бревенчатое здание конюшни, обозначенное поблизости от плотины на раннем чертеже Барнаульского завода, фотокопия которого была специально заказана в столичном архиве. В результате в отдельно заложенном раскопе удалось выявить бревна нижнего венца деревянной постройки. Они лежали на нетронутой почве поймы реки Барнаулки, что подтверждает ранний возраст обнаруженного здания.

Итоги исследования скрытых в земле остатков архитектурных сооружений Барнаульского сереброплавильного завода XVIII–XIX вв. показали хорошую сохранность таких объектов и возможность корреляции графических сведений на чертежах того времени с археологическими реалиями наших дней. Вместе с тем была выявлена резкая неравномерность насыщенности культурного слоя. Слой этот представлял толщу грунта, в той или иной мере содержащего сереброплавильный шлак — искусственный продукт, полученный при промышленной переработке полиметаллических руд алтайских месторождений. Естественным путем куски такого шлака, как и обломки керамических сосудов, не возникают. Культурный слой в виде горизонта с металлургическим шлаком фиксировался на бывшем заводе повсеместно, однако находки (помимо шлаков) были сосредоточены около построек, а на удалении от зданий и сооружений, как правило, все ограничивалось только шлаком.

В целом результаты раскопок 1991 г. позволяли утверждать, что материальные остатки заводского поселка и города Барнаула XVIII–XIX вв. достаточно хорошо сохранились в толще напластований исторического центра и преимущественно могут быть отождествлены с постройками, обозначенными в архивных документах прошлых столетий. Это побудило представителей двух исторических вузов краевой столицы — Барнаульского государственного педагогического института и Алтайского государственного университета — выступить с совместной инициативой о придании историческому центру Барнаула статуса памятника археологии.

В то время вопрос о включении вновь выявленных объектов в государственный реестр памятников истории и культуры местного значения решался депутатами краевого Совета, а необходимый пакет документов готовился в Управлении культуры Алтайского крайисполкома. На этот адрес было составлено письмо за подписью трех известных барнаульских ученых, докторов исторических наук А.П. Уманского, Ю.Ф. Кирюшина и В.А. Скубневского. В тексте обращения описывалась ситуация с постройками Барнаула XVIII–XIX вв., которые не сохранились в виде зримых сооружений и поэтому не включены в списки памятников архитектуры. Авторы обращения просили краевую власть признать наличие в центре Барнаула археологических остатков российской истории XVIII–XIX вв. и присвоить им юридический статус памятника археологии местного значения.

Реакция представителей власти на описанную инициативу была отрицательной. Очевидно, как нежелательное последствие рассматривалось ус-

ложнение согласования различных земляных работ в историческом центре города. Вопреки закрепленному правилу отправки ответов на обращения граждан, на это предложение барнаульских ученых никакого официального ответа не последовало. Возможно, какие-то пояснения давались в частном порядке. Как бы то ни было, повторное обращение не посылалось. Единственным результатом безуспешной инициативы стала постановка проблемы: впервые было четко указано, что исторический центр Барнаула имеет археологический культурный слой, которому необходимо придать юридический статус наследия, охраняемого государством.

Вторая попытка вернуться к обсуждению указанного вопроса была предпринята автором этих строк спустя 20 лет, в 2011 г. За это время мои профессиональные интересы претерпели значительную трансформацию, на первый план выдвинулись архивные изыскания, в том числе исследование сибирских картографических материалов конца XVII — середины XVIII столетия. В результате изучения наиболее ранних планов поселка Барнаульского сереброплавильного завода была написана совместно с Аркадием Васильевичем Контевым статья «Барнаульская крепость на чертежах Пимена Старцова 1748 и 1752 годов». В ней сформулирован вывод о том, что следы Барнаульской крепости «безусловно, сохранились до наших дней под землей в культурном слое исторического центра Барнаула». Поскольку чертежи Пимена Старцова позволяют с большой точностью определять расположение изображенных объектов на современном топографическом плане и на местности, «это обстоятельство необходимо учитывать органам охраны памятников и городским властям при утверждении проектов застройки в старой части города» (Бородаев, Контев, 2011, с. 141).

В развитие этого тезиса А.В. Контев составил совмещенный план современной городской топоосновы и крепости на чертежах П.Е. Старцова. Были определены места расположения башен Барнаульской крепости, а также прокопанных по ее периметру обводненных каналов-рвов, с внешней стороны которых устанавливались рогатки. Следы перечисленных военно-инженерных сооружений должны сохраниться в толще напластований исторического центра Барнаула как археологические объекты. Поэтому я обратился в государственный орган охраны объектов культурного наследия (в то время — Научно-производственный центр «Наследие») с просьбой придать остаткам Барнаульской крепости официальный юридический статус памятника археологии. Речь шла не о всей территории исторического центра города, как в начале 1990-х гг., а лишь об остатках городской крепости, расположение которых ясно показывал совмещенный чертеж А.В. Контева.

Однако и в этом случае реакция представителей госоргана охраны памятников была решительно негативной. Мне объяснили, что для придания статуса памятника археологии необходима государственная экспертиза, она стоит немалых денег, и оплачивать ее никто не намерен. А без такой экспертизы включение в соответствующий реестр невозможно. Вновь и городским

властям, и государственному органу по сохранению культурного наследия оказалось проще не заметить археологическую составляющую в российской истории краевой столицы.

Справедливости ради следует отметить, что в процессе согласования строительных проектов, связанных с земляными работами в историческом центре Барнаула, периодически выдавались предписания на проведение предварительных археологических изысканий. В конце XX — 1-й четверти XXI в. такие исследования проводились на территории Барнаульской спичечной фабрики (бывшего сереброплавильного завода), в Нагорном парке, в районе Демидовской площади и на отдельных участках по ул. Ползунова. Как правило, для подобных работ требовалось наличие Открытого листа. Организация работ, их документальное подкрепление и система отчетности — все указывало на то, что в историческом центре Барнаула проводятся специальные научные исследования археологических объектов XVIII–XIX вв. Однако юридического статуса археологического наследия такие объекты никогда не получали. Горький парадокс!

С весны 2025 г. по инициативе нынешних собственников земельного участка с комплексом зданий бывшего Барнаульского сереброплавильного завода начались подготовительные работы по реконструкции этих построек, имеющих статус федеральных памятников архитектуры. Прежде всего перемены коснулись зданий первой и второй плавильных фабрик, которые в советское время были дополнены и обезображены различными пристройками производственного назначения. Теперь все позднейшие сооружения из кирпича и бетона начали планомерно демонтировать.

В процессе этих необходимых и правильных действий было разобрано двухэтажное кирпичное здание, примыкавшее с юго-запада к внутренней стене второй плавильной фабрики. В XIX в. здесь находился главный цех производственного корпуса, где размещались все металлургические печи. В начале XX столетия эта часть постройки была разобрана, архитектурно сохранилась только треть первоначального объема здания второй фабрики: главный фасад и расположенная за ним анфилада подсобных помещений. В советское время на месте прежнего металлургического цеха возвели новый корпус для переработки древесины. При устройстве его фундамента по периметру стен были выкопаны траншеи, прорезавшие культурный слой сереброплавильного цеха XIX в.

Демонтаж позднейшей пристройки велся с помощью строительной техники. В июле 2025 г., когда после разрушения стен экскаватор раскрыл траншею, в которой залегал фундамент, из подземных глубин были извлечены изделия XIX в. производственного назначения, часть которых экскаваторщик отделил от общего строительного мусора и отложил в сторону. Среди этих изделий особый интерес вызывают две полусферические чаши, по-видимому, чугунные, с внешним диаметром около 80 см и толщиной стенок 7–9 см (рис. 1). При обнаружении они были наполнены своеобразной ошлакованной массой серого цвета.

Рис. 1. Чугунная чаша XIX в., найденная в траншее, — часть оборудования серебро-плавильного цеха второй плавильной фабрики Барнаульского завода. Длина линейки 25 см. На дальнем плане куски шлака из заполнения чаши. Июль 2025 г. Фото А.В. Контева
Fig. 1. A 19th – century cast-iron bowl found in a trench — part of the equipment in the silver-smelting shop of the second smelting factory at the Barnaul plant. The ruler is 25 cm long. In the background are pieces of slag from the bowl's filling. July 2025. Photo by A.V. Kontev

Рис. 2. Разрез части разрушенной металлургической печи XIX в. Вид в стенке траншеи, прокопанной внутри сереброплавильного цеха второй плавильной фабрики Барнаульского завода. Сентябрь 2025 г. Фото В.Б. Бородаева
Fig. 2. Sectional view of a destroyed 19th – century metallurgical furnace. View through the wall of a trench dug inside the silver-smelting shop of the second smelting factory at the Barnaul plant. September 2025. Photo by V.B. Borodaev

Не менее интересные наблюдения были сделаны и в котловане, образовавшемся после извлечения подземных частей разобранного здания. В стенке одной из траншей просматривался разрез части разрушенной металлургической печи с остатками кирпичной кладки и внутренним заполнением в виде горизонтального слоя шлака, интенсивно пропитанного зелеными окислами меди (рис. 2). Подобного шлака в заводских отвалах не встречено; вероятно, это какой-то полуфабрикат, который должен был пойти на переработку. То же можно сказать и о заполнении полусферических чаш.

В настоящее время у металлургического цеха второй фабрики нет статуса объекта культурного наследия. Юридически определенный предмет охраны здания второй плавильной фабрики сейчас ограничивается внутренней стеной цеха (Об утверждении предмета охраны…, 2023, с. 2, 6), тогда как сереброплавильный комплекс расположен за пределами этого контура. Вскрытые летом 2025 г. остатки сереброплавильного производства XIX в. формально не являются ни архитектурным, ни археологическим объектом, подлежащим государственному надзору. Хотя законом установлена обязанность передачи выкопанных из земли находок XIX в. в государственный музейный фонд, однако такие предписываемые действия никем не контролируются и пока не исполняются. Культурный слой нашего города с находками XVIII–XIX вв. Росохранкультура до сих пор отказывается признать археологическим наследием. В этом мне видится основная проблема.

Не приходится сомневаться, что в 2026 г. будут выделены какие-то средства для проведения археологических изысканий на территории бывшего сереброплавильного завода. Получит ли эта территория в результате проведенных работ статус объекта археологического наследия? Вряд ли.

Список источников

Бородаев В.Б., Контев А.В. Барнаульская крепость на чертежах Пимена Старцова 1748 и 1752 годов // Краеведческие записки. Вып. 9. Барнаул, 2011. С. 131–153.

Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Производственный корпус», 20–30-е гг. XIX в., расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ползунова, 37а, реестровый номер 221710465780056: Приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) №4 от 09.01.2023. С. 1–6.

Информация об авторе / Information about the author

Вадим Борисович Бородаев, Алтайский государственный педагогический университет, учебная научно-исследовательская лаборатория исторического краеведения; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; https://orcid.org/0000-0001-9543-0596, borodaev_vb@altspu.ru

Vadim B. Borodaev, Altai State Pedagogical University, Educational Research Laboratory for Regional History; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya st., 55; https://orcid.org/0000-0001-9543-0596, borodaev_vb@altspu.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.21(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.22
EDN: HQNBCS

МАТЕРИАЛЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ В ОКРЕСТНОСТЯХ с. КРАСНОЯРСКОЕ (Поспелихинский район Алтайского края)

Иван Александрович Вальков[1, 2], Сергей Петрович Грушин[2], Михаил Александрович Демин[3], Илья Андреевич Савко[2–4], Святослав Сергеевич Радовский[2], Виолетта Олеговна Сайберт[2]
[1]Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
[4]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В статье представлены материалы, полученные в ходе проведения разведки на территории Поспелихинского района Алтайского края. Часть коллекции составляют находки, переданные местным жителем с. Красноярское. На основании полученных сведений о местах их обнаружения были проведены полевые работы с закладкой разведочных шурфов, в результате которых были выявлены два памятника эпохи бронзы на р. Башмачиха — поселения Новый Мир и Башмачиха. С данных поселений в виде подъемного материала и находок в шурфах были получены фрагменты лепных и станковых керамических сосудов, отщепы и каменные орудия. Характер керамических комплексов позволил соотнести данные памятники с саргаринско-алексеевской культурой позднего бронзового века.

Ключевые слова: Алейская степь, Поспелихинский район, поселение Новый мир, поселение Башмачиха, эпоха бронзы, ранний железный век, эпоха средневековья

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (№ гос. регистрации 1023032300037-2-6.1.2).

Авторы выражают благодарность заведующей Поспелихинским районным краеведческим музеем Елене Николаевне Савенковой за помощь в работе с материалами коллекций.

Для цитирований: Вальков И.А., Грушин С.П., Демин М.А., Савко И.А., Радовский С.С., Сайберт В.О. Материалы разведочных работ в окрестностях с. Красноярское (Поспелихинский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 147–157. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.22

MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL SURVEY INVESTIGATIONS IN THE VICINITY OF THE VILLAGE OF KRASNOYARSKOYE (Pospelikhinsky District, Altai Krai)

Ivan A. Valkov [1, 2], Sergei P. Grushin[2], Mikhail A. Demin[3], Ilya A. Savko[2–4], Svyatoslav S. Radovskiy[2], Violetta O. Saybert[2]

[1]*Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia*

[2]*Altai State University, Barnaul, Russia*

[3]*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

[4]*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

Abstract. The article presents materials obtained during an archaeological survey conducted in the Pospelikhinsky District of Altai Krai. Part of the collection consists of finds handed over by a local resident of the village of Krasnoyarskoye. Based on information concerning the locations where these items were discovered, field investigations were carried out, including the excavation of test pits. As a result, two Bronze Age sites were identified on the Bashmachikha River — the settlements of Novy Mir and Bashmachikha. Surface finds and materials recovered from the test pits at these settlements include fragments of hand-made and wheel-made ceramic vessels, stone flakes, and stone tools. The characteristics of the ceramic assemblages make it possible to attribute these sites to the Sargarinsko-Alekseevskaya culture of the Late Bronze Age.

Keywords: Aleysk Steppe, Pospelikhinsky District, Novy Mir settlement, Bashmachikha settlement, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

For citation: Valkov I.A., Grushin S.P., Demin M.A., Savko I.A., Radovskiy S.S., Saybert V.O. Materials from Archaeological Survey Investigations in the Vicinity of the Village of Krasnoyarskoye (Pospelikhinsky district, Altai Krai). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:147–157. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.22

Территория Поспелихинского района Алтайского края, расположенная в среднем течении р. Алей, к настоящему времени остается достаточно слабо изученной по сравнению с сопредельными районами. Основная часть известных здесь памятников была выявлена в 1960–1990-х гг. в ходе полевых работ А.П. Уманского, А.Б. Шамшина, А.А. Тишкина, Е.В. Григорова и др. (Уманский, Неверов, 1982; Тишкин, Григоров, 1995; Тишкин, 1996), а единственные стационарные раскопки археологического объекта были проведены А.П. Уманским еще в 1962 г. (Уманский, Неверов, 1982). Характерной особенностью археологической изученности района является выраженный дисбаланс в структуре памятников: преобладают курганные могильники при почти полном отсутствии выявленных поселенческих комплексов.

В 2023 г. авторами настоящей статьи была проведена археологическая разведка в окрестностях с. Красноярское. Поводом к ее организации послужила передача местным жителем А.И. Шабановым нескольких археологических находок, обнаруженных, по его сведениям, на правом берегу р. Башмачиха. Следует отметить, что данный водоток, обозначаемый на картах как река, фактически представляет собой протоку р. Алей. Среди переданных предметов два бронзовых наконечника стрел (рис. 1.–*1–2*), бляха-накладка (рис. 1.–*4, 6*) и распределитель (рис. 1.–*3, 5*).

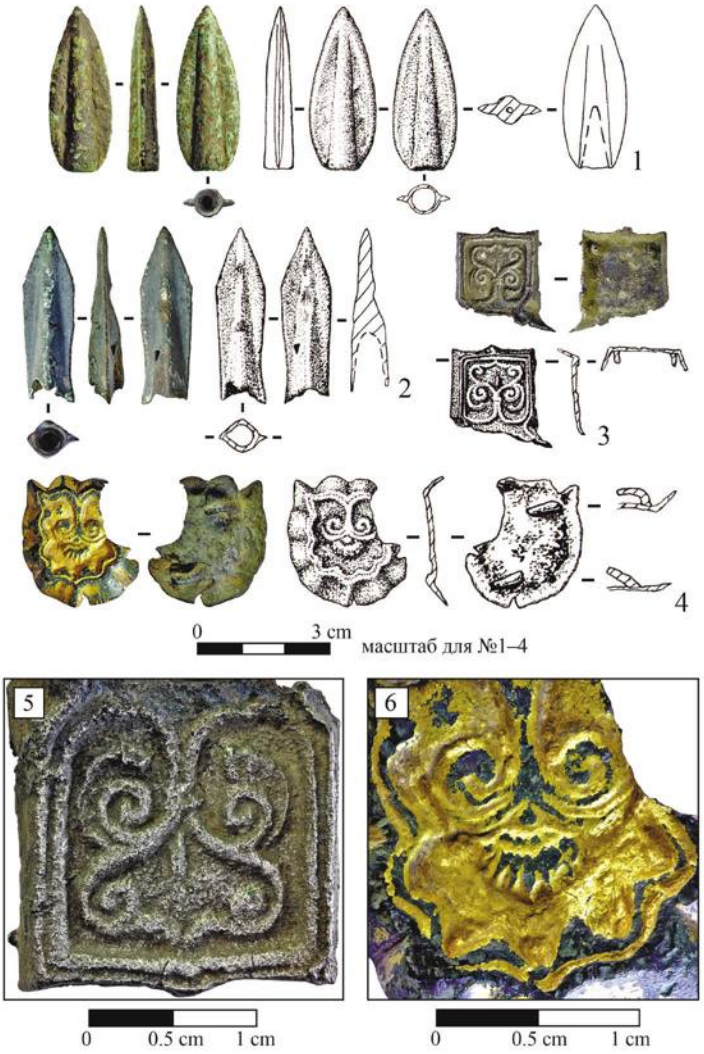

Рис. 1. Случайные находки из окрестностей с. Красноярское (Поспелихинский района Алтайского края), сделанные местным жителем: 1–2 — бронзовые наконечники стрел (фото и рисунок); 3, 5 — распределитель ремней из серебра (или посеребренный?) (фото и рисунок); 4, 6 — бронзовая бляха-накладка (фото и рисунок)
Fig. 1. Random finds from the vicinity of the village of Krasnoyarskoye (Pospelikhinsky District, Altai Krai) discovered by a local resident: 1–2 — bronze arrowheads (photograph and drawing); 3, 5 — silver (or silver-plated?) strap distributor (photograph and drawing); 4, 6 — bronze plaque-mount (photograph and drawing)

Первый наконечник — двухлопастной, листовидной формы, со скрытой круглой втулкой, не выступающей за пределы лопастей (рис. 1.–*1*). Длина изделия — 3,5 см, ширина — 1,4 см, диаметр втулки — 0,6 см. Предмет покрыт сильной патиной. Лопасти заострены. Двухлопастные листовидные наконечники со скрытой втулкой достаточно распространены в лесостепном Алтае и сопредельных регионах и датируются в широком хронологическом диапазоне — от эпохи бронзы до начала раннего железного века (Тереножкин, 1962, с. 279–280, рис. 2.-1–4; Грушин, Дашковский, 2002, с. 14; Ситников, 2015, с. 43–44, рис. 84.-7, 85.-5; Лихачева, 2020, с. 49, рис. 5.-11; и др.). Близкие по морфологии экземпляры известны в материалах ирменской и саргаринско-алексеевской культур позднего бронзового века (Ситников, 2015, с. 43–44, рис. 84.-7, 85.-5; История Алтая, 2019, с. 164, рис. 2.59.-6; Лихачева, 2021, с. 323, 329, ил. 1.-17). Хронология бытования наиболее близких рассматриваемому нами наконечнику определяется исследователями несколько по-разному — в рамках XII–VIII вв. до н.э. (Ситников, 2015, с. 43–44) или XIII–XI вв. до н.э. (Лихачева, 2021, с. 329).

Второй наконечник — двухлопастной, асимметрично-ромбической формы, со скрытой либо слабо выступающей втулкой (рис. 1.–*2*). Длина изделия — 3,6 см, ширина — 1,1 см, диаметр втулки — 0,7 см. На втулке фиксируются следы литейного брака. От основания втулки отходит отросток — по-видимому, недолитый шип, в который плавно переходит одна из лопастей. Предмет покрыт «благородной» патиной. Лопасти заострены. В центральной части на втулке имеется «свежая» вмятина, возможно, полученная при обстоятельствах находки. Подобные наконечники были распространены в раннескифское время на территории степного пояса Евразии (Смирнов, 1961, с. 41, рис. 11.-3; Хабдулина, 1994, табл. 9.-1; 50.-1; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60.-10; 62; и др.). Близкие аналогии происходят с территории Верхнего Приобья и степного Алтая и могут датироваться в рамках VIII–VII вв. до н.э. (Грязнов, 1956, табл. XVIII.-4, XXI.-25; Фролов, 2008, рис. 144.-12; Лихачева, 2020, с. 49–50, рис. 5.-2–3; и др.).

Еще два полученных от находчика артефакта из металла — фрагмент Т-образного распределителя ремней со шпеньковым креплением (рис. 1.–*3*) и бляха-накладка (рис. 1.–*4*). Первое изделие изготовлено из серебра (или посеребренной бронзы?) и покрыто растительным орнаментом. Лопасть уплощенной в разрезе формы, с прямым бортиком. Распределители такого типа распространялись на территории Алтая и Минусинской котловины на протяжении IX–XI вв. (Кызласов, 1978, с. 38-56; Тишкин, 1991, с. 16–19; Могильников, 2002; Фокин, 2023, с. 230–240). Второй предмет изготовлен из бронзы с позолотой, имеет щитовидную форму с волнообразным оформлением бортиков, и также покрыт растительным орнаментом. Подобные изделия встречены на памятниках Алтая, Кемеровской области, Минусинской котловины. Хронологически может датироваться IX–X вв. (Горбунов, Тишкин, 2025, с. 33–176).

Кроме того, находчиком были переданы в Поспелихинский районный краеведческий музей фрагменты керамики, обнаруженные по его информации на месте, где впоследствии был выявлен памятник Башмачиха, описанный ниже. Анализ показал, что большая часть фрагментов принадлежит к одному сосуду елунинской культуры, который удалось практически полностью реконструировать (рис. 2). Плоскодонный сосуд баночной формы с прямыми стенками, сужающимися ко дну. Стенки сосуда полностью орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «отступающей палочки». Зона под венчиком отделена от тулова рядом пальцевых защипов. В самой широкой части — пояс зигзага. На сосуде фиксируются следы починки, просверлены отверстия для скрепления в зоне под венчиком в придонной части. Керамика, украшенная «отступающей палочкой», находит многочисленные аналогии в памятниках елунинской культуры периода ранней бронзы (XXII–XIX вв. до н.э.). Относительно большой объем сосуда и его сохранность позволяет связать его с поминальными объектами елунинской культуры, подобные комплексы исследованы на могильнике Телеутский Взвоз-1 (Грушин и др., 2016, с. 98).

В ходе первичного обследования указанных мест обнаружения находок был собран подъемный материал — фрагменты керамических сосудов и каменные отщепы. Закладка серии разведочных шурфов с целью уточнения характера культурного слоя и границ его распространения позволила выявить и поставить на государственный учет два поселенческих памятника эпохи бронзы — «Новый Мир, поселение» и «Башмачиха, поселение».

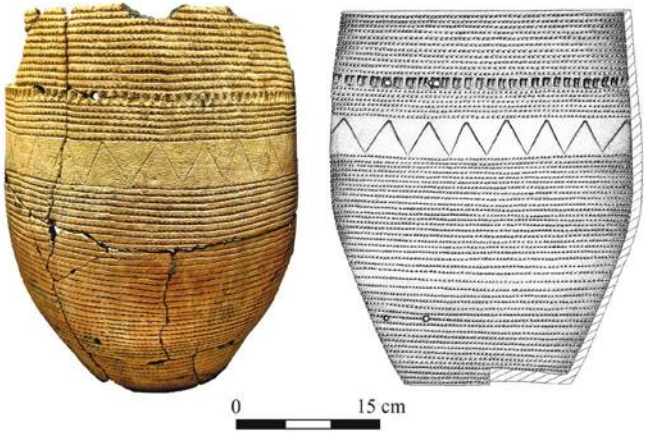

Рис. 2. Керамический сосуд из окрестностей с. Красноярское (Поспелихинский района Алтайского края), обнаруженный местным жителем (фото и рисунок)
Fig. 2. Ceramic vessel from the vicinity of the village of Krasnoyarskoye (Pospelikhinsky District, Altai Krai), discovered by a local resident (photograph and drawing)

Поселение Новый Мир. Объект археологического наследия «Новый Мир, поселение» расположен на правом берегу старицы р. Башмачиха и приурочен к участку высокой поймы. В геоморфологическом отношении площадка неоднородна: в северо-восточной части фиксируется отчетливый уступ, возвышающийся над остальной поверхностью поймы на 1,5–2 м. Именно к этому повышенному участку приурочена зона наиболее мощного культурного слоя. Вместе с тем его распространение прослеживается и по более низкой части поймы в юго-западном направлении.

С северо-востока, востока и юга площадка ограничена высоким коренным берегом. В северо-восточной части проходят русла двух водотоков, впадающих в старицу. Современные нарушения представлены лишь грунтовой дорогой, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад; иных следов разрушения не зафиксировано. Выраженные в рельефе сооружения и западины отсутствуют.

В результате полевых работ на поселении была получена коллекция, состоящая из фрагментов керамической посуды (рис. 3.–*1–10*), орудий из камня и каменных сколов, а также костей животных. Находки были обнаружены в виде подъемного материала, а также в четырех из шести заложенных шурфов (№1–4). Мощность культурного слоя варьирует от 0,3 до 1,0 м, что, вероятно, связано как с особенностями хозяйственной активности в пределах памятника, так и с микрорельефом пойменной поверхности. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют об однослойном характере поселения.

Для орнаментации обнаруженных фрагментов керамической посуды использовались штампование и вдавления (накалывания). Отпечатки орнамента позволяют реконструировать несколько видов инструментов, с помощью которых наносился декор: зубчатый штамп; гладкий штамп; инструменты с коротким округлым или приостренным рабочем краем; оттиски ногтя. Отмечено несколько элементов орнамента: валик, вдавления и насечки различной конфигурации, косопоставленные оттиски штампа; треугольник или ромб. Срез обнаруженных фрагментов венчиков имеет округлую и прямую форму. Наиболее близкие аналогии данной керамике можно найти в материалах саргаринско-алексеевской культуры Кулундинской степи и северо-западных предгорий Алтая (Жарково-1, 3, Рублево-6, Чекановский Лог-1, Советский Путь-1 и др.) (Ситников, 2015, рис. 16-23, с. 163–169; рис. 71–83, с. 217–229; Папин, Степанова, Федорук, 2018, рис. 2–3, с. 21–24; Савко, Телегин, 2021). Кроме того, в радиусе 5–6 км от выявленного поселения известно еще три поселенческих комплекса, относящихся к кругу саргаринско-алексеевских древностей (Гончарова, 2000; Папин и др., 2013).

Поселение Башмачиха. Памятник расположен в правобережной пойме р. Башмачиха, вблизи ее условного «истока», и приурочен к распаханной песчаной дюне. Подобные дюны на территории Алтайского края нередко именуются елбанами. В результате многолетней распашки дюна значительно нивелирована в рельефе; ее современная высота над окружающей пойменной

поверхностью составляет не более 1–2 м. Полевые исследования показали, что поселение характеризуется маломощным культурным слоем и занимало не всю площадь дюны, а концентрировалось преимущественно в ее северо-восточной части, вплоть до уровня подошвы. Несмотря на разрушительное воздействие распашки, на отдельных участках сохранились фрагменты непотревоженного культурного слоя.

В результате проведенных полевых работ с закладкой восьми шурфов и одной зачистки края старой барсучьей норы на территории памятника была получена коллекция археологического материала, состоящая из фрагментов лепной и станковой керамической посуды (рис. 3.–*11–17*), орудий из камня и каменных сколов (рис. 3.–*18–20*), а также костей животных. Находки были обнаружены в виде подъемного материала на пашне, а также при закладке шурфов №1, 2, 7, а также в зачистке №1. Частично непотревоженный культурный слой порядка 0,25–0,3 м зафиксирован только в шурфе №7.

По характеру фрагментов керамической посуды (форма и орнаментация) поселение датируется поздним бронзовым веком и связано с саргаринско-алексеевской археологической культурой (XII–VIII вв. до н.э.). Венчики сосудов имеют округлую и приостренную форму. Орнаментация выполнена в техниках штампования, штампования с протаскиванием, отступания с протаскиванием и вдавления. По отпечаткам реконструируются зубчатые и гладкие штампы, инструменты с коротким округлым рабочим краем. В орнаментации также отмечены налепные валики, вдавления различной конфигурации, ряды штампа и горизонтальный зигзаг. Ближайшие аналогии выявлены в материалах саргаринско-алексеевской культуры Кулундинской степи (Чекановский Лог-1, Жарково-1, Гольцовка-1 и др. (Ситников, 2015, Савко, Папин, Радовский, 2022). Отдельный фрагмент сосуда с налепным валиком по венчику (рис. 3.–*14*) соотносится с донгальским типом керамики, характерным для финального этапа развития саргаринско-алексеевской культуры (Ломан, 1987). В шурфе №7 обнаружена стенка сосуда, изготовленного на гончарном круге, что является типичной особенностью степных памятников позднего бронзового века.

В целом материалы поселения «Башмачиха» находят устойчивые аналогии в комплексах саргаринско-алексеевской культуры степного Алтая (Ситников, 2015). Характерно для нее и присутствие станковой посуды. Кроме того, на расстоянии чуть более 1 км к западу (на левом берегу р. Алей) находится поселение саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской археологических культур Песьянов Мыс (Папин и др., 2013), а в северо-восточном направлении от выявленного памятника по долине р. Башмачихи располагаются еще два памятника, относящихся к кругу саргаринско-алексеевских древностей (Гончарова, 2000), в том числе выявленный в 2023 г. памятник «Новый Мир, поселение». Можно сделать вывод, что выявленные памятники Башмачиха и Новый Мир являются частью системы синхронных поселений позднего бронзового века в среднем течении р. Алей.

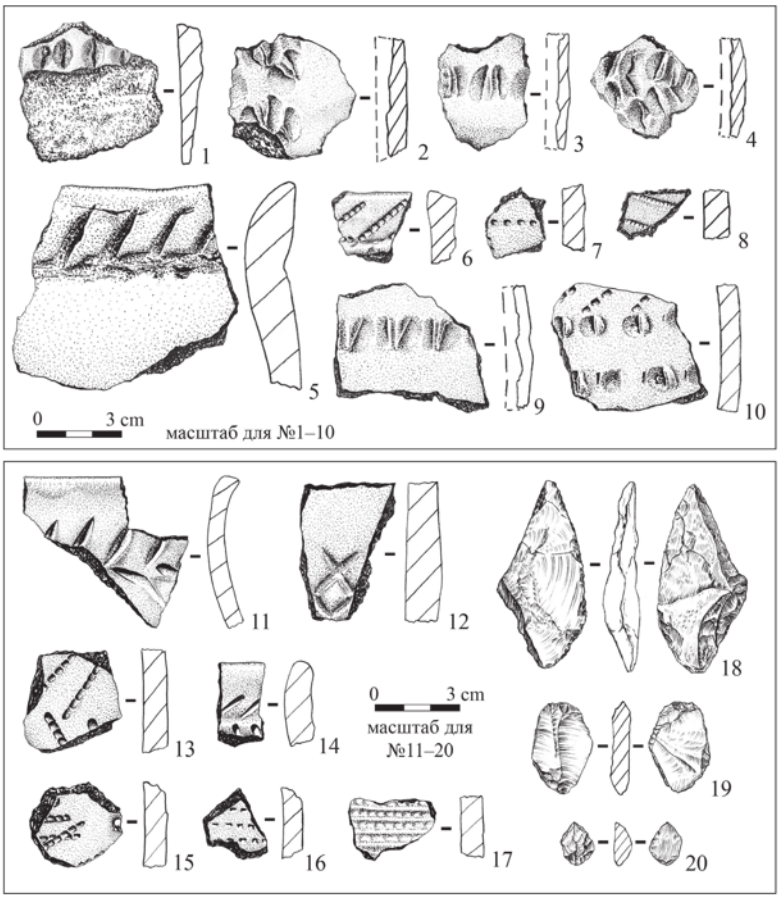

Рис. 3. Рисунки артефактов, полученных в результате полевых работ на поселениях Новый Мир (1–10) и Башмачиха (11–20): 1–17 — фрагменты керамических сосудов; 18–20 — каменные предметы

Fig. 3. Drawings of artifacts obtained during fieldwork at the settlements of Novy Mir (1–10) and Bashmachikha (11–20): 1–17 — fragments of ceramic vessels; 18–20 — stone artifacts

Таким образом, переданные местным жителем находки относятся к разным хронологическим периодам — от ранней бронзы до раннего средневековья. При этом один из бронзовых наконечников стрел, вероятно, может быть связан и с поздним бронзовым веком. В то же время материалы, полученные в ходе исследований на поселениях Новый Мир и Башмачиха, на данном этапе уверенно датируются поздним бронзовым веком и соотносятся с саргаринско-алексеевской культурой. На поселении Башмачиха присут-

ствуют два фрагмента керамики, близкие по орнаментации к елунинским (рис. 3.–*16–17*). Однако с высокой степенью вероятности елунинский сосуд, а также средневековые бляха-накладка и распределитель ремней, обнаруженные А.И. Шабановым, происходят из погребальных, а не поселенческих комплексов. Следовательно, оснований для прямого соотнесения основной части переданных артефактов с выявленными поселениями Новый Мир и Башмачиха не имеется. Исключение, возможно, составляет лишь один листовидный наконечник стрелы, который может быть связан с кругом саргаринско-алексеевских древностей.

Вопрос местонахождения переданных артефактов требует уточнения, что позволяет говорить об актуальности дальнейших полевых исследований в районе проведения разведки с целью выявления как новых средневековых погребальных комплексов, так и памятников елунинской культуры, которые ранее на территории Поспелихинского района не выявлялись.

Список источников

Гончарова А.И. К археологической карте Поспелихинского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 53–56.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Сросткинская культура. Казань, 2025. 224 с.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Предметы вооружения с территории Угловского района Алтайского края // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 11–16.

Грушин С.П., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. и др. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул, 2016. 270 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА. №48)

История Алтая. Том 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Белгород, 2019. 391 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кызласов Л.Р. Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестник Московского государственного университета. Серия VIII. История. М., 1978. Вып. 6. С. 38–56.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Лихачева О.С. Эволюция бронзовых наконечников стрел эпохи палеометалла из Лесостепного Алтая // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Десятой Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. Ч. II. С. 318–334.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002. 362 с.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов

этнокультурного взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №3. С. 19–31.

Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А. Поселение эпохи поздней бронзы Песьянов Мыс // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. № 5. С. 14–22.

Савко И.А., Папин Д.В., Радовский С.С. Новые материалы периода поздней бронзы на Верхнем Алее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 317–326.

Савко И.А., Телегин А.Н. Большепанюшево-1 — новое поселение позднебронзового века в Алейской степи (подъемные сборы керамики 2020 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №16. Барнаул, 2021. С. 143–149.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (МИА. №101).

Тереножкин А.И. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента // Советская археология. 1962. №3. С. 279–281.

Тишкин А.А. Некоторое итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. II. Барнаул, 1991. С. 16–19.

Тишкин А.А. Поспелихинский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 140–142.

Тишкин А.А., Григоров Е.В. Обследование археологических памятников в Поспелихинском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 199–203.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки погребений IX–X вв. в долине р. Алей на Алтае // Советская археология. 1982. №2. С. 176–184.

Фокин С.М. Средневековый набор накладных бляшек на конскую узду (Сухая Ерба, Минусинская котловина) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. №2. С. 230–240.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Иван Александрович Вальков, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, лаборатория археологии, ведущий инженер; 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18; Алтайский государственный университет, отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; https://orcid.org/0000-0003-2104-5542, valkow92@mail.ru

Ivan A. Valkov, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Archaeology Laboratory, Senior Engineer, 650000, Russia, Kemerovo, Sovetsky av., 18; Altai State University, Department for the Support of Research and Development, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61; https://orcid.org/0000-0003-2104-5542, valkow92@mail.ru

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-5404-6632, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, https://orcid.org/0000-0002-5404-6632, gsp142@mail.ru

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор кафедры; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0003-0954-9297, mademin52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of National History, Professor of the Department; 656031, Russia, Barnaul, st. Molodezhnaya 55, Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0003-0954-9297, mademin52@mail.ru

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири; младший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», ведущий специалист по УМР; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Ilia A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademika Lavrentiev Ave. 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61; Altai State Pedagogical University, UNIL "Historical Local History", Leading Specialist in Educational and Methodological Work; 656031, Russia, Barnaul, st. Molodezhnaya 55, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотрудник; Музей археологии и этнографии Алтая, хранитель фондов; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Junior Research Fellow; Altai Museum of Archaeology and Ethnography, Custodian of Collections; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Виолетта Олеговна Сайберт, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-5408-935X, vita77792@mail.ru

Violetta O. Saybert, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave., Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-5408-935X, vita77792@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.5
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.23
EDN: HUEHWQ

КЕРАМИЧЕСКИЕ КУРИЛЬНИЦЫ МОГИЛЬНИКА КАМЕНЬ-2

Николай Николаевич Головченко
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена комплексному археологическому анализу керамических курильниц, выявленных В.А. Могильниковым и А.П. Уманским на могильнике Камень-2 в ходе исследований совместной экспедиции Института археологии СССР и Барнаульского государственного педагогического института 1974–1976 гг. Представлены уточненные сведения о морфологии и контексте обнаружения пяти керамических курильниц. Определен круг их ближайших аналогий. Проведенный анализ позволил зафиксировать во внешнем виде курильниц и специфике их использования в погребальной обрядности различные аспекты, связанные не только с явным заимствованием, но и с адаптацией данных предметов в местный социокультурный контекст. Автор приходит к выводу о том, что керамические курильницы могут быть отнесены к группе предметов, важных для поликультурной диагностики могильника Камень-2.

Ключевые слова: эпоха раннего железа, Верхнее Приобье, курганный могильник Камень-2, керамические курильницы

Для цитирований: Головченко Н.Н. Керамические курильницы могильника Камень-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 158–165. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.23

CERAMIC INCENSERS OF THE KAMEN-2 BURIAL GROUND

Nikolai N. Golovchenko
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article presents a comprehensive archaeological analysis of ceramic incense burners discovered by V.A. Mogilnikov and A.P. Umansky at the Kamen-2 burial ground during the 1974–1976 research of a joint expedition of the USSR Institute of Archaeology and Barnaul State Pedagogical Institute. This article presents updated information on the morphology and context of discovery of five ceramic incense burners and identifies their closest analogies. This analysis allowed us to identify various aspects of the incense burners' appearance and the specifics of their use in funerary rites, including not only obvious borrowing but also the adaptation of these objects to the local sociocultural context. The author concludes that the ceramic incense burners can be classified as objects important for the policultural diagnosis of the burial ground Kamen-2.

Keywords: Early Iron Age, Upper Ob region, burial mound Kamen-2, ceramic incense burners

For citation: Golovchenko N.N. Ceramic Incensers of the Kamen-2 Burial Ground. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation*

and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2026; XXXI:158–165. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.23

Курганный могильник Камень-2, располагавшийся в окрестностях города Камень-на-Оби (Каменский район, Алтайский край), исследовался в 1974 и 1975 гг. совместной экспедицией Института археологии СССР и Барнаульского государственного педагогического института под руководством В.А. Могильникова и А.П. Уманского. В ходе раскопок было вскрыто 11 курганов скифского времени, содержавших 70 погребений. В 1976 г. изучение памятника продолжили В.А. Могильников и А.В. Куйбышев, вскрыв еще 14 курганов, 13 из которых, содержавших 47 погребений, также были датированы эпохой раннего железа, а конкретно IV–III вв. до н.э. (Могильников, Куйбышев, 1982; Памятники истории…, 1990; Могильников, 1997; Шульга, Головченко, 2025).

Среди полученного в ходе данных раскопок представительного погребального инвентаря одной из привлекающих внимание исследователей категорией находок являются керамические курильницы. Цель данной статьи — комплексный археологический анализ керамических курильниц, выявленных на могильнике Камень-2.

В погребениях могильника Камень-2 выявлено пять изготовленных из глины небольших толстостенных вместилищ с отверстием в придонной части (табл.), слегка наклоненными стенками и округло-уплощенным или плоским дном. Зачастую в работах отечественных археологов подобные изделия рассматриваются совместно с каменными алтариками или «блюдами-алтариками» (Могильников, Куйбышев, 1982, с. 132; Могильников, 1997, с. 91; Зах, 2021). Однако на наш взгляд они достойны особого аналитического осмысления.

Три из пяти обнаруженных на могильнике Камень-2 курильницы зафиксированы в женских погребениях (рис. 1, 3)[1]. Первая в могиле-6 кургана №6 лежала вдоль восточной стенки могилы и имела размеры 10×7 см, диаметр отверстия 8–9 мм (рис. 1.-*1*; 3.-*2*). Вторая в могиле-8 кургана №6 выявлена в заполнении могильной ямы в 10 см выше костей стопы левой ноги погребенной, ее размеры — диаметр 8 см, высота 4 см, боковое отверстие диаметром 8–9 мм (рис. 1.-*2*; 3.-*1*). Первоначальное ее положение не ясно. Можно допустить, что курильница изначально располагалась на перекрытии и опустилась вниз вместе с ним. Третья выявлена в могиле-4 кургана №15 на непотревоженном участке в ногах умершей у восточной стенки погребальной камеры, ее размеры — диаметр 9 см, боковое отверстие диаметром 8–9 мм (рис. 1.-*3*; 3.-*3*). Данное изделие обладает правильными формами и по качеству исполнения несколько выше остальных, что, вероятно, маркирует социальный статус захороненной с ней особы.

[1] Предварительные половозрастные определения погребенных на могильнике Камень-2 для В.А. Могильникова и А.П. Уманского были подготовлены В.А. Дремовым, они же отражены в многочисленных последующих публикациях М.П. Рыкун (2005).

Керамические курильницы могильника Камень-2
Ceramic censors from the Kamen-2 burial ground

	Курган №6 могила-6	Курган №6 могила-8	Курган №15 могила-4	Курган №12 могила-7	Курган №25 могила-2
Форма	Овальная	Круглая	Круглая	Круглая	Круглая
Дно	Плоское	Плоское	Плоское	Плоское	Округло-уплощенное
Диаметр	10×7 см	8 см	9 см	8 см	8 см
Высота	4 см	4 см	4 см	3,7 см	3,7–4 см
Диаметр отверстия	8–9 мм	8–9 мм	8–9 мм	1) 5–7 мм 2) 5–7 мм	6–9 мм
Контекст обнаружения	У восточной стенки могилы, у ног	В заполнении могилы, выше костей ног	У юго-восточной стенки могилы, у ног	У восточной стенки могилы, у ног	У северной стенки могилы, у ног
Пол погребенного	Женский	Женский	Женский	Мужской	Мужской
Сопутствующий инвентарь	Заколка, серьги, бусины, алтарик, пряслице, сосуд, нож	Серьги, фрагменты ткани, браслет, алтарик, пряслице, сосуд, нож	Серьга, зеркало, пряслице, сосуд, нож, оселок	Сосуд	Гривна, заколка, набалдашник нагайки, пронизка

Две курильницы обнаружены в мужских погребениях (рис. 2). Первая в могиле-7 кургана №12 выявлена в 20 см от левой ступни погребенного. Она имела диаметр 8 см, высоту около 3,7 см (рис. 2.-*1*; 3.-*4*). Особенностью этой курильницы является наличие двух отверстий диаметром 5–7 мм, расположенных под углом относительно друг друга. Вторая выявлена в могиле-2 кургана №25, с нестандартной комплектацией инвентаря (Головченко, 2025), слева от стопы левой ноги погребенного, ее диаметр около 8 см, высота 3,7–4 см, диаметр отверстия 6–9 мм (рис. 2.-*2*). К сожалению, в ходе нашей работы с музейными коллекциями Алтайского государственного краеведческого музея и Историко-краеведческого музея АлтГПУ данный экземпляр выявлен не был, его описание приведено по сведениям, отраженным в полевой документации и отчете В.А. Могильникова.

В целом серия керамических курильниц из могильника Камень-2 представляется достаточно однородной и даже стандартизированной. Определенной морфологической спецификой в рассматриваемой выборке обладают овальная курильница из могилы-6 кургана №6 и курильница с двумя отверстиями из могилы-7 кургана №12. Данные особенности могут свидетельствовать о наличии разных практик изготовления и использования подобного рода изделий, сложившихся в результате контактов различных

групп населения, оставившего могильник Камень-2. В данном отношении особо примечательно обнаружение отличающихся друг от друга курильниц в погребениях кургана №6.

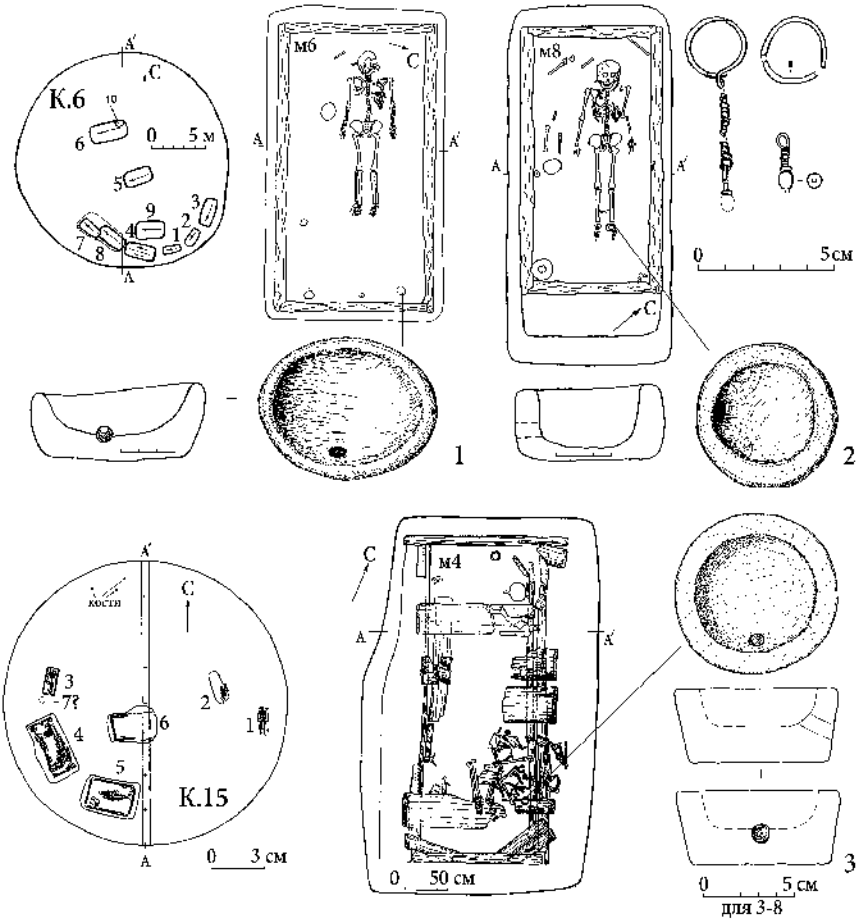

Рис. 1. Керамические курильницы из женских погребений могильника Камень-2: 1 — курган №6 могила-6; 2 — курган №6 могила-8; 3 — курган №15 могила-4
Fig. 1. Ceramic incense burners from female burials at the Kamen-2: 1 — mound no. 6 grave-6; 2 — mound no. 6 grave-8; 3 — mound no. 15 grave-4

В Верхнеобском регионе керамические курильницы выявлены на памятниках Новый Шарап-1 и Милованово-2 (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXI.-30), Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 17.-6), Но-

вотроицкое-1[1] (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 42.-6) и Новотроицкое-2 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 67.-12).

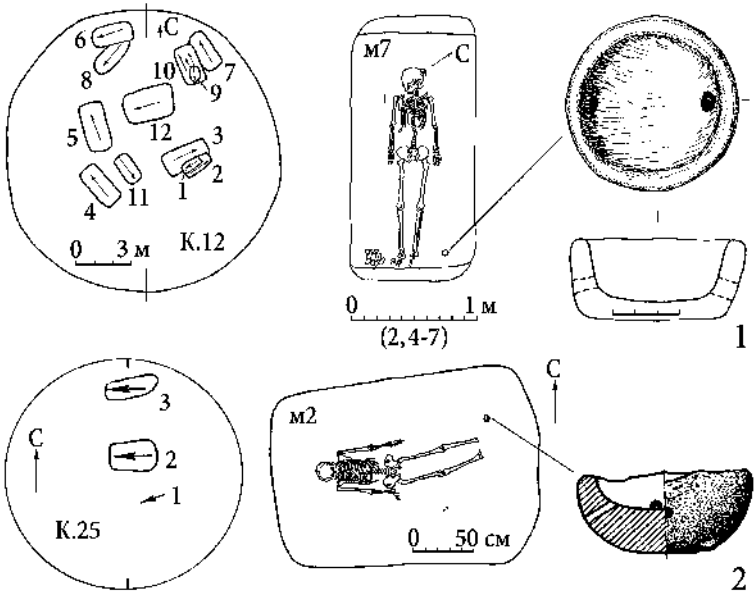

Рис. 2. Керамические курильницы из мужских погребений могильника Камень-2: 1 — курган №12 могила-7; 2 — курган №25 могила-2
Fig. 2. Ceramic incense burners from male burials at the Kamen-2: 1 — mound no. 12 grave-7; 2 — mound no. 25 grave-2

Обнаружение курильниц совместно с каменными алтариками, заколками, серьгами и другими предметами, ассоциируемыми с женским убранством, сформировало среди исследователей устойчивое гендерное восприятие данной категории находок. Вместе с тем на памятниках эпохи раннего железа Верхнего Приобья курильницы отмечены и в мужских погребальных комплексах — в могиле-5 кургана №1 Милованово-2 и могиле-2 кургана №25 Камня-2.

В.А. Могильников предполагал, что часть курильниц своими морфологическими особенностями (такими как сосцевидные выступы) отражает распространение влияния саргатской культуры на территорию Верхнего Приобья (Могильников, 1997, с. 91). В качестве аналогий автор приводил курильницы из могилы 1 кургана №5 и могилы 1 кургана №7 Марково-1 (Полосьмак, 1987, с. 84, рис. 65.-2), к ним можно добавить и находку из Са-

[1] Яркой морфологической особенностью этой курильницы является наличие сосцевидного выступа и отсутствие отверстий.

виновского могильника (Матвеева, 1993, рис. 4.-16). Отмечая при этом, что в целом курильницы Верхнего Приобья своеобразны, но плоскодонные напоминают курильницы типа IV по М.Г. Мошковой (по К.Ф. Смирнову I тип (Смирнов, 1973, рис. 1), а круглодонные — тип II прохоровской культуры (Мошкова, 1963, табл. 11, 14, 23–25).

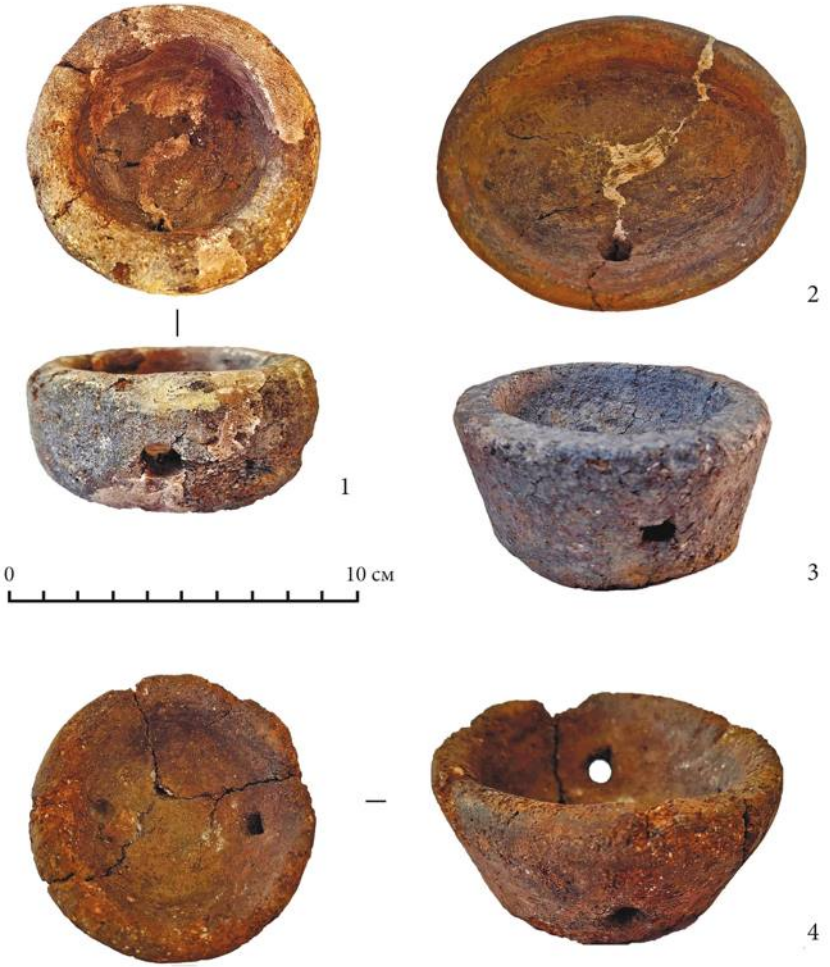

Рис. 3. Керамические курильницы могильника Камень-2: 1 — курган №6 могила-8; 2 — курган №6 могила-6; 3 — курган №15 могила-4; 4 — курган №12 могила-7 (фото Н.Н. Головченко)

Fig. 3. Ceramic incense burners of the Kamen-2: 1 — mound no. 6 grave-8; 2 — mound no. 6 grave-6; 3 — mound no. 15 grave-4; 4 — mound no. 12 grave-7 (photo by N.N. Golovchenko)

Насколько нам известно, последняя крупная сводка цилиндрических керамических курильниц саргатской культуры была опубликовала В.А. Захом (2021, с. 66–82). Как отмечает В.А. Зах, основное количество цилиндрических курильниц обнаружено в западной части саргатского ареала, единичные находки происходят из Приишимья, Прииртышья и Барабы. Восточнее аналогичные изделия неизвестны, но определенное сходство с этим типом имеют экземпляры с низкими стенками, иногда с отверстиями и одним выступом на внутренней части дна или без него, присутствующие в материалах большереченской культуры: на поселении Ордынское-9, могильниках Милованово-2, Новый Шарап-1 и Быстровка-1 (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. III.-9; XXVI.-16; XXIX.-14; XXXVII.-12–14); опустив дискуссионность культурных определений, к их числу следует причислить и курильницы из могильника Камень-2. Близкий «прообраз» этих изделий В.А. Зах усматривает в изделии, выявленном в слое переходного от бронзы к раннему железу времени Красногорского городища (Зах, 2021, с. 66–82; Матвеев, Аношко, 2009, рис. 19.-14).

Рассматриваемые изделия из Камня-2 имеют определенные параллели и в материалах, подробно охарактеризованных Э.Б. Вадецкой (1986, с. 50–59). Дискуссионные варианты функциональной интерпретации курильниц в контексте погребального обряда отражены в работах О.Д. Дашевской (1980), А.В. Фрибуса (2014) и В.А. Заха (2021). Чаще всего в них речь идет об использовании данных изделий в процессе неких ритуальных действий, связанных с воскуриванием трав, ароматических и галлюциногенных веществ. В частности, В.А. Захом предпринята попытка реконструкции такого способа использования курильниц, при котором последняя помещается на тлеющие в плоскодонном сосуде угли (Зах, 2021, рис. 2.-8). Однако надо признать, что процесс использования курильниц остается вопросом дискуссионным. Во всяком случае, следов нагара и копчения ни на внутренней, ни на внешней стороне курильниц из Камня-2 не зафиксировано.

Подводя итог, необходимо отметить, что керамические курильницы, обнаруженные на могильнике Камень-2, должно быть, служили функциональными атрибутами для каких-то обрядовых действий. Морфологический и контекстуальный анализ позволяет зафиксировать во внешнем виде курильниц и специфики их использования в погребальной обрядности различные аспекты, связанные не только с явным заимствованием, но и с адаптацией данных предметов под «местные реалии». Учитывая широкую практику распространения этой категории изделий среди представителей различных культур эпохи раннего железа юга Западной Сибири, можно с уверенностью отнести керамические курильницы к группе предметов, важных для поликультурной диагностики могильника Камень-2.

Список источников

Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 50–59.

Головченко Н.Н. Т.Н. Троицкая и вопросы интерпретации мужских погребений Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря // Культурно-антропологические исследования. 2025. №2. С. 31–50.

Дашевская О.Д. О скифских курильницах // Советская археология. 1980. №1. С. 18–29.

Зах В.А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №2. С. 66–82.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 175 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–135.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. Т. Д1-10. М., 1963. 56 с.

Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул, 1990. 132 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 126 с.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 294 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 166–179.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Фрибус А.В. Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №3–2. С. 48–52.

Шульга П.И., Головченко Н.Н. Могильник скифского времени Камень-2. Барнаул, 2025. 180 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение»; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, https://orcid.org/0000–0002–1498–0367, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL "Historical Local Lore"; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, https://orcid.org/0000–0002–1498–0367, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(571.15)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.24
EDN: ISYVHB

НАХОДКИ СКУЛЬПТУРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛОШАДЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ: ОБЗОР ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ

Виктория Алексеевна Гражданкина
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Образ лошади занимает центральное место в материальной культуре ранних кочевников Алтая V–III вв. до н.э. Статусные различия погребенных подчеркивались через включение разнообразных скульптурных элементов в одежду, поясные комплекты и погребальный инвентарь. Статья представляет обзор накопленных сведений о находках скульптурных изображений лошадей в памятниках пазырыкской культуры Алтая. Рассмотрена история обнаружения и публикации этих артефактов, их современное местонахождение, а также обозначены пробелы в информации, требующие уточнения. Обзор подготовлен в рамках работы по систематизации корпуса находок для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Алтай, пазырыкская культура, древние кочевники, лошади, скульптура, находки

***Благодарности*:** работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Для цитирования: Гражданкина В.А. Находки скульптурных изображений лошадей в памятниках пазырыкской культуры Алтая: обзор информации для создания базы данных // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 166–169. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.24

FINDINGS OF SCULPTURAL IMAGES OF HORSES FROM THE PAZYRYK CULTURE SITES IN ALTAI: REVIEW OF INFORMATION FOR DATABASE CREATION

Victoria A. Grazhdankina
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The image of the horse occupies a central place in the material culture of the early nomads of the Altai region from the 5th to the 3rd centuries BC. The status distinctions of the buried individuals were emphasized through the inclusion of various sculptural elements on their clothing, in their belt sets, and among their burial equipment. This article provides an overview of the accumulated information regarding the discovery of sculptural representations of horses at Pazyryk culture sites in the Altai region. It examines the history of the discovery and publication of these artifacts, their current locations, and identifies gaps

in the information that require further research. This review is part of a systematic effort to organize the collection of findings for future studies.

Keywords: Altai, Pazyryk culture, ancient nomads, horses, sculpture, findings

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00470-P "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research of Material Culture, Statues, and Economy", https://rscf.ru/project/22-18-00470/

For citation: Grazhdankina V.A. Findings of Sculptural Images of Horses from the Pazyryk Culture Sites in Altai: Review of Information for Database Creation. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:166–169. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.24

Образ лошади занимает центральное место в материальной культуре ранних кочевников Алтая V–III вв. до н.э. Скульптурные изображения лошадей из дерева, бронзы и серебра представляют ценность для реконструкции технологий производства, символики и функций изделий. Такие артефакты интегрировались в костюм, поясные наборы, парадное и погребальное убранство, выступая маркерами социального статуса. Настоящий обзор подготовлен с целью сбора и систематизации информации о корпусе находок скульптурных изображений лошадей пазырыкской культуры, что послужит основой для формирования специализированной базы данных. Создание информационного ресурса необходимо для проведения корректного статистического анализа, сравнительного изучения региональных особенностей и обеспечения сохранности научных сведений об артефактах.

История обнаружения материалов берет свое начало во 2-й половине XIX в. Впервые деревянные фигурки коней стали известны благодаря раскопкам Большого Катандинского кургана, проведенным В.В. Радловым в 1865 г. Тогда были обнаружены шесть фигурок лошадей с остатками ткани на конечностях и без вставных деталей (Радлов, 1989, с. 448). В дальнейшем эти фигурки подробно описал археолог А.А. Захаров (1926, с. 93).

Важное значение имеют деревянные фигурки коней, происходящие из археологических памятников, раскопанных В.Д. Кубаревым. В период с конца 1960-х по 1980-е гг. им осуществлялись масштабные исследования в Юго-Восточном Алтае. В результате в курганах Уландрык-I (№1, 4, 6, 7, 11); Уландрык-II (№2, 7, 8); Уландрык-III (курган №3); Уландрык-IV (№1, 2) и Уландрык-V (курган №2) была обнаружена целая серия скульптурных фигурок коней из дерева: 20 целых, шесть фрагментарных и четыре резные конские головы (Кубарев, 1978, с. 243). Вклад в формирование корпуса находок также внесли работы Д.Г. Савинова на археологическом комплексе Узунтал-VI, исследованном ученым в 1973 г., где в кургане №4 была найдена деревянная фигурка лошади с частично сохранившейся золотой фольгой (Савинов, 1993, с. 9, рис. 9).

В 1974–1975 гг. В.Д. Кубаревым при обследовании памятников Ташанта-I (курган №1) и Ташанта-II (курганы №1, 3) было выявлено пять деревян-

ных фигурок лошадей. В 1978 г. в ходе раскопок могильника Барбургазы-I (курганы №18, 22, 25, 30) им были зафиксированы семь деревянных фигурок коней вместе с обрывками золотой фольги (Кубарев, 1987, с. 4–5). На протяжении 1970–1980-х гг. исследователь открыл еще 20 аналогичных скульптур в комплексах археологических памятников Юстыд-XII (курганы №6, 7, 8, 11, 12, 15, 19, 22, 23, 27) и Юстыд-XXII (курган №1), подтвердив массовый характер подобных находок в регионе (Кубарев, 1991, с. 15–21).

Важны также археологические работы А.С. Суразакова на могильнике Кош-Тал-I, раскопанном им в 1982 г.: в кургане №3 обнаружена деревянная фигурка головы лошади, а также сломанная фигурка коня без головы, разделенная на три почти равные части. В кургане №6 этого же памятника зафиксированы две золотые обкладки для фигурок лошадей и несколько обкладок для фигурок оленей (Суразаков, 1993, с. 27, 29).

Новый этап накопления материалов связан с археологическими работами на плато Укок. В 1990 г. В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак были раскопаны курганы могильников Ак-Алаха-1 (курган №1) и Ак-Алаха-5 (курган №1), откуда происходят три деревянные фигурки лошадей (Полосьмак, 2001, с. 92, 156). В 1994 г. в ходе исследований самого большого из пяти курганов Кутургунтаса было выявлено четыре деревянных фигурки коней, а в могильнике Верх-Кальджин-2 (курган №3) — еще две (Полосьмак, 2001, с. 105–107).

На памятнике Мойнак-II, исследованном В.И. Молодиным в 1992 г., в кургане №2 была найдена часть деревянной фигурки лошади, покрытая золотой фольгой (МИКНС ОФ 4889/1). Стоит отметить, что в 2006 г. международной экспедицией под руководством В.И. Молодина, Г. Парцингера и Д. Цэвэндоржа при раскопках кургана Олон-Курин-Гол-10 в Монгольском Алтае были обнаружены две деревянные фигурки лошадей (Полосьмак, Поздняков, 2012, с. 526).

Что касается изделий, выполненных не из дерева, то стоит отдельно выделить две серебряные подвески и деревянное кнутовище нагайки с изображением лошади, обнаруженные С.И. Руденко при раскопках Второго Пазырыкского кургана в 1947–1948 гг. (Руденко, 1948, с. 120). Им были описаны также кожаные аппликации из Пятого Пазырыкского кургана с изображением лошадей (Руденко, 1953, с. 125).

В.Д. Кубарев в статье о курганах Юстыда, вышедшей в 1978 г., расширил круг скульптурных находок с изображениями лошадей, включив в него золоченую фигурку коня на бронзовой игле из могильника Уландрык-IV (курган №2), служившую маркером статуса в женской прическе, описание которой было опубликовано ученым в своей книге о курганах Уландрыка (Кубарев, 1978, с. 243–244; 1987, с. 96, рис. 37.-1).

В настоящее время автором работы выявлено более 90 предметов, которые относятся к скульптурным изображениям лошадей пазырыкской культуры. Артефакты рассредоточены по различным музейным собраниям: в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), Музее истории и культу-

ры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и Национальном музее Республики Алтай имени А.В. Анохина (Горно-Алтайск).

На данном этапе необходимо провести целенаправленную работу с указанными музеями для уточнения информации об артефактах и оценки их состояния. Это позволит верифицировать разрозненные сведения, полученные из публикаций разных лет. Начиная с XIX в. и по настоящее время накоплен значительный корпус материалов, характеризующий иконографию лошади в искусстве пазырыкской культуры. Переход от первичного накопления к созданию сводного учета в формате базы данных является логическим шагом в развитии данной темы. Систематизация всех имеющихся находок — от ранних раскопок В.В. Радлова до новейших открытий XXI в. — создаст надежный фундамент для дальнейших комплексных исследований художественных традиций ранних кочевников Алтая.

Список источников

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. Разряд археологический. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда // Археологические открытия 1977 года. 1978. С. 242–243.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 304 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 194 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Полосьмак Н.В., Поздняков Н.В. Мужской костюм из кургана Олон-Курин-Гол-10 // Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай): коллективная монография / под ред. В.И. Молодина и Г. Парцингера. М., 2012. С. 524–529.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 749 с.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л., 1948. 64 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 4–18.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 24–45.

Информация об авторе / Information about the Author

Виктория Алексеевна Гражданкина, Алтайский государственный университет, лаборант-исследователь Отдела сопровождения НИОКР; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0009-0003-3788-4989, grazhdankina_v0607@mail.ru

Victoria A. Grazhdankina, Altai State University, Research Assistant at the R&D Support Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Avenue, 61, https://orcid.org/0009-0003-3788-4989, grazhdankina_v0607@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2 (571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.25
EDN: JFRAMX

ПОДЪЕМНЫЕ МАТЕРИАЛЫ С АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УРОЧИЩЕ БАЛЧИКОВА

Сергей Петрович Грушин[1], Артур Леонидович Кунгуров[2], Юрий Михайлович Мороз[1]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматриваются материалы, собранные на археологическом комплексе Урочище Балчикова на левом берегу р. Сентелек. Обнаруженный материал хронологически подразделяется на четыре эпохи. Каменная индустрия эпохи мустье представлена тремя артефактами, наиболее показательным из которых является подтреугольный площадочный скол леваллуазского облика. Коллекция верхнего палеолита включает восемь каменных изделий, в том числе сколы первичного расщепления. Наибольшую долю в коллекции представляют материалы эпохи неолита с выраженным призматическим характером каменной индустрии. Комплекс находок эпохи раннего железного века включает каменный точильный брусок, фрагменты керамики, каменное и керамическое пряслица. Материалы эпохи мустье — верхнего палеолита территориально могут соотноситься с памятником Урочище Балчикова-5. Находки неолита и раннего железного века — с возможным новым памятником данного археологического микрорайона.

Ключевые слова: палеолит, каменная индустрия, подъемный материал, ранний железный век, неолит, керамика

Благодарности: научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026-0008 (тема «Применение цифровых технологий и естественно-научных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников»).

Для цитирований: Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Мороз Ю.М. Подъемные материалы с археологического комплекса Урочище Балчикова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 170–177. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.25

SURFACE FINDS FROM THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AT THE BALCHIKOVA SITE

Sergei P. Grushin[1], Artur L. Kungurov[2], Yuri M. Moroz[1]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Independent researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines materials collected at the Urochishche Balchikova archaeological complex on the left bank of the Sentelek River. The recovered materials are

chronologically attributed to four cultural periods. The mousterian lithic industry is represented by three artifacts, the most diagnostic of which is a subtriangular levallois platform flake. The upper paleolithic assemblage comprises eight lithic artifacts, including primary reduction flakes indicative of initial core exploitation. The largest portion of the collection consists of neolithic-eneolithic materials and characterized by a distinctly prismatic core reduction strategy. The early iron age complex includes a sharpening stone, ceramic fragments, and both stone and ceramic spindle whorls. The mousterian and upper paleolithic materials may be territorially associated with the site of Urochishche Balchikovo-5. The neolithic-eneolithic and early iron age finds may correspond to a previously unidentified archaeological site within this local archaeological microdistrict.

Keywords: paleolithic, lithic industry, surface finds, early iron age, neolithic-eneolithic, ceramics

For citation: Grushin S.P., Kungurov A.L., Moroz Yu.M. Surface Finds from the Archaeological Complex at the Balchikova Site. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:170–177. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.25

Материалы. Комплекс археологических памятников в урочище Балчикова расположен в 3 км выше по течению р. Сентелек от одноименного села, на левом берегу реки в месте впадения в нее ручья Балчиков Ключ (рис. 1). К настоящему времени известно не менее шести археологических памятников (Урочище Балчикова-1–6), представленных курганными могильниками и стоянками (Шульга, 1991; Шульга, Демин, 2021).

В течение 2023–2025 гг. Чарышской археологической экспедицией Алтайского государственного университета проводятся работы на курганном могильнике Урочище Балчикова-3. В результате было исследовано несколько курганов, относящихся к различным историческим периодам, от эпохи неолита до раннего средневековья. Участниками экспедиции в окрестностях памятника систематически собирался подъемный материал, в основном на полевой дороге, ведущей от моста через р. Сентелек вдоль левого берега, выше по течению.

Археологические материалы насчитывают несколько десятков артефактов, представленных каменными предметами и фрагментами керамических сосудов. Публикации данных материалов посвящена настоящая статья. В хронологическом плане рассматриваемые материалы разделяются на четыре группы: мустьерская эпоха, верхний палеолит, неолит — энеолит и ранний железный век.

Скопление 1. Наиболее ранний комплекс, относящийся к эпохе мустье или началу верхнего палеолита, представлен тремя характерными артефактами. Наиболее показательным является подтреугольный площадочный скол леваллуазского облика с краевой дорсальной и вентральной оббивкой. Остаток ударной площадки скошен с дорсальной стороны на вентральную (рис. 2.-*1*). Представлены также два обломка бифасиальных изделий небольших размеров (рис. 2.-*2, 3*). Особенностью ранних орудий является легкая патинированность и сглаженность кромок.

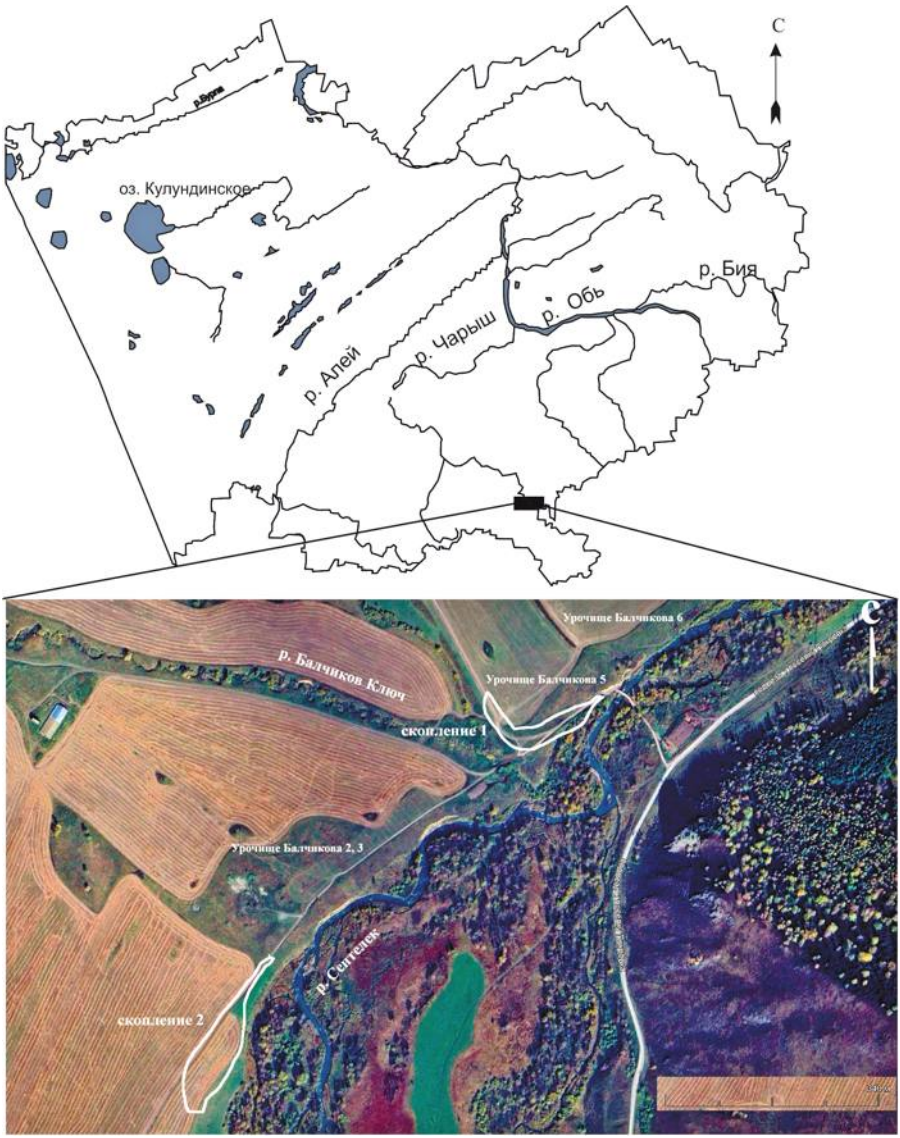

Рис. 1. Урочище Балчикова. Местонахождение на карте Алтайского края и микрорайона долин р. Сентелек
Fig. 1. The Balchikova Urochishe. Locations on the map of the Altai Territory and the Sentelek River valley microdistrict

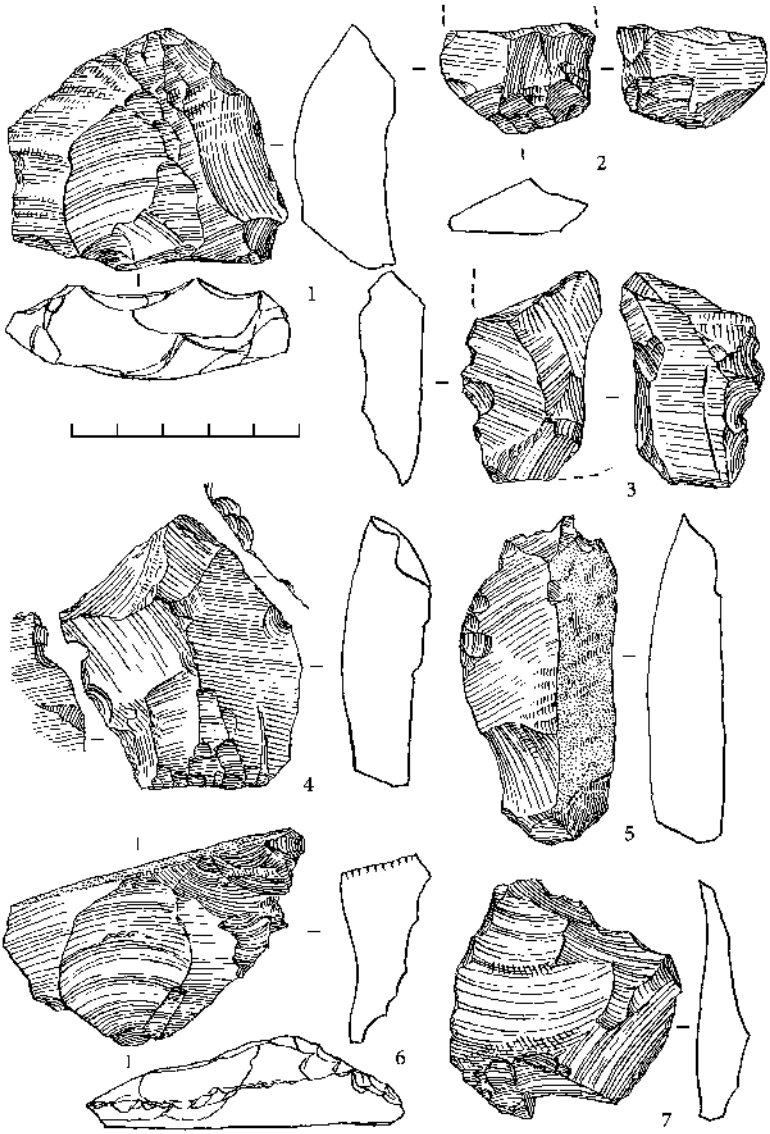

Рис. 2. Урочище Балчикова. Скопление 1. Каменные изделия эпохи мустье (1–3) и верхнего палеолита
Fig. 2. The Balchikova Urochishe. Cluster 1. Stone products of the Mustier epoch (1–3) and the Upper Paleolithic

Коллекция эпохи верхнего палеолита представлена восемью предметами. Патинированность и окатанность артефактов отсутствует. Техника первичного расщепления представлена двумя пластинчатыми сколами и нуклевидным обломком мелких размеров. Пластинчатые снятия имеют крупные параметры и значительную массивность. Оба артефакта сохраняют остатки фасетированных ударных площадок. Более широкий скол имеет на кромках эпизодическую обработку оббивкой и крутыми выемками (рис. 2.-*4*). Второй скол кроме эпизодической ретуши по кромкам с дорсальной и вентральной сторон имеет обработку по дистальному краю, формирующую острие. Правая грань скола сохраняет валунную корку (рис. 2.-*5*). Остальные изделия представлены крупными отщепами — один без обработки и четыре с эпизодической оббивкой и ретушью (рис. 2.-*6, 7*; 3.-*1, 2*).

Материалы, относящиеся к верхнему палеолиту, концентрировались вдоль левого борта рч. Балчиков Ключ, в месте впадения его в Сентелек, отмеченного на рис. 1 как скопление 1. Находки приурочены к мысовидному участку по левому берегу р. Сентелек, представляющему собой делювиальный шлейф г. Воскударная Теплуха. Здесь уже проводились сборы подъемного материала данного времени. Комплекс известен как местонахождение Урочище Балчикова-5 (Шульга, 1991; Харевич, Бочарова, Колобова, 2021). Новые материалы подтверждают наличие археологического памятника периода верхнего палеолита на обозначенной территории, наличие нескольких артефактов мустьерского облика позволяет предположить наличие более раннего комплекса памятника.

Скопление 2. Материалы данного скопления типологически можно разбить на несколько культурно-хронологических комплексов. Самый представительный относится к периоду неолита — энеолита. Основная масса каменных артефактов изготовлена из серого и светло-серого мелкозернистого кварцита, единично встречаются артефакты из красноватой и бурой яшмы. Каменная индустрия имеет призматический характер (пластинчатые сколы неровные, разноразмерные, часто фрагментированы). Снятия мелких (5 экз.), средних (4 экз.) и крупных (2 экз.; рис. 3.-*6, 7*) размеров несут на кромках эпизодическую ретушь с вентральной и дорсальной стороны. В коллекции имеется также крупная массивная усеченная пластина с дорсальной ретушью по двум кромкам. Ретушь разнофасеточная, регулярная, притупляющая (рис. 3.-*5*). В коллекции также представлен мелкий вторичный скол с выделенным острием (рис. 3.-*3*) и вторичный отщеп с ретушью (рис. 3.-*4*). Остальной индустриальный комплекс неолитического времени представлен отщепами, обломками и одним техническим реберчатым сколом: отщепы вторичные мелкие (10 экз.); отщепы вторичные средние (5 экз.); обломки мелкие (2 экз.); отщеп первичный мелкий (1 экз.); отщеп первичный средний (1 экз.). Данный комплекс может быть связан с афанасьевской культурой, объекты которой были открыты на близрасположенном курганном могильнике Урочище Балчикова-3. Этому не противоречит и наличие в коллекции небольшого фрагмента керамики, украшенного параллельными оттисками палочки (рис. 3.-*12*).

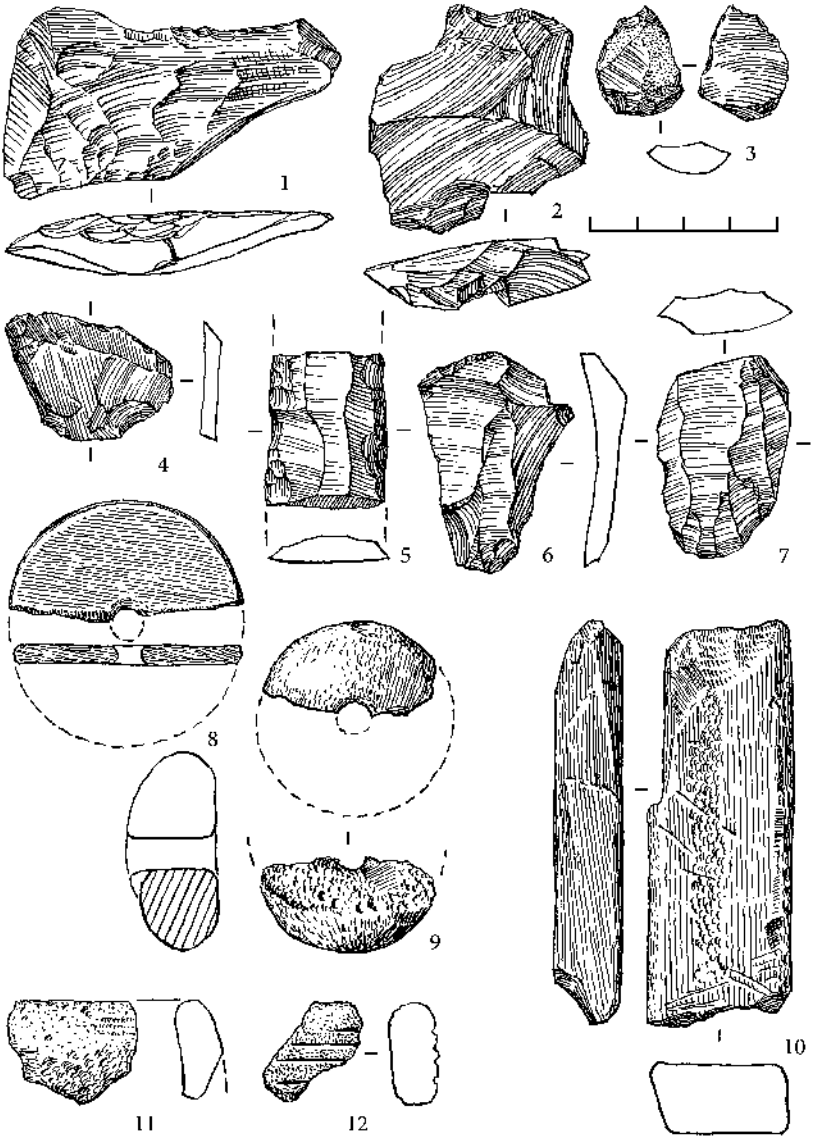

Рис. 3. Урочище Бальчикова. Каменные изделия верхнего палеолита из скопления 1 (1–2). Находки неолита — энеолита (3–7, 12), раннего железного века (8–12)
Fig. 3. The Balchikova Urochishe. Upper Paleolithic stone products from cluster 1 (1-2). Finds of the Neolithic-Eneolithic (3-7, 12), Early Iron Age (8-12)

Поздний комплекс Балчикова представлен керамикой, каменным и керамическим расколотыми пряслицами и каменным точильным бруском. Большая часть керамики — обломки тулова без орнамента. Представлены фрагменты сосудов четырех параметров: толстостенный фрагмент мощностью 1,9 см; обломки четырех сосудов с толщиной стенок около 1 см; шесть обломков сосудов толщиной 0,8–0,9 см; девять обломков сосудов толщиной 0,6–0,7 см. Цвет фрагментов светло-коричневый, обжиг восстановительный, достаточно качественный. Как отощитель использованы мелкий кварцевый песок и слюда. Судя по форме обломков, все сосуды имели баночную форму.

Три мелких фрагмента имеют следы орнаментации: обломок с четырьмя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 3.-*12*), два очень мелких фрагмента с плохо читаемыми оттисками мелкого гладкого штампа. Одним фрагментом представлен обломок небольшой чаши без орнамента (рис. 3.-*11*). Также тремя экземплярами представлены небольшие обломки, видимо, литейных форм. Поскольку они не имеют краевых плоскостей, определить характер форм не представляется возможным.

Двумя экземплярами представлены каменные изделия, выполненные в технологии оббивки и шлифовки. Первое орудие представляет собой точильный брусок подпрямоугольного сечения и формы. Все грани бруска имеют как следы шлифования и заточки, скорее всего, металлических изделий, так и выщерблины от ударного воздействия (рис. 3.-*10*). Сырье — черный плотный кремнистый материал. Второй предмет — фрагмент пряслица из светло-серого мрамора. Диаметр около 5 см, толщина 0,4 см, диаметр срединного отверстия около 0,6 см. Поверхность и кромки изделия тщательно отшлифованы (рис. 3.-*8*). Одним экземпляром представлен обломок керамического пряслица диаметром около 4 см и максимальной толщиной около 2 см. Общая форма сглаженно-цилиндрическая. Центральное отверстие диаметром 0,6 см. Одна сторона уплощена и имеет остатки орнамента в виде наколов (рис. 3.-*9*). Возможная датировка керамических и каменных изделий данного комплекса — ранний железный век. Находки неолита — энеолита и раннего железного века концентрировались вдоль по дороги и на пашне к юго-востоку от элитного кургана могильника Урочище Балчикова-3 — скопление 2 (рис. 1). Они приурочены к первой надпойменной террасе левого берега р. Сентелек. Их концентрация может свидетельствовать о наличии в этом районе археологического памятника. Судя по характеру находок, они могут происходить с поселенческого комплекса, предварительно его можно обозначить как Урочище Балчикова-7.

Таким образом, в ходе работ получены новые разновременные материалы с археологического комплекса Урочище Балчикова. Ранние палеолитические артефакты можно связать с уже известим памятником Урочище Балчикова-5, поздние материалы эпохи неолита — энеолита и раннего железного века — с новым памятником. Целенаправленное изучение мест подъемного материала в будущем позволит подтвердить наличие археологических слоев памятников, определить их границы и уточнить историко-культурную характеристику.

Список источников

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Местонахождение Урочище Балчикова V — новый объект раннего верхнего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск, 2021. С. 294–299.

Шульга П.И. Памятники археологии. Чарышский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1991. С. 228–234.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-5404-6632, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, https://orcid.org/0000-0002-5404-6632, gsp142@mail.ru

Артур Леонидович Кунгуров, кандидат исторических наук, доцент; https://orcid.org/0009000322911729; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0009000322911729; artur.kungurov@mail.ru

Юрий Михайлович Мороз, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0009-0008-6902-4197, yuramorozvuz@mail.ru

Yuri M. Moroz, Altay State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave., https://orcid.org/0009-0008-6902-4197, yuramorozvuz@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.43(571.15):624.131.47
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.26
EDN: JNNMGJ

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИГРАФИИ ГОРОДИЩ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сергей Петрович Грушин, Виолетта Олеговна Сайберт, Антон Александрович Редников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена результатам междисциплинарного изучения городищ. В ходе исследования была проведена геодезическая съемка памятников МГК-2/3, 2/4, 2/11, Акутиха-1, Усть-Лосиха-1, 2 для уточнения их планиграфии и выявления новых

данных. Получены топографические планы объектов, в которых было определено количество жилищных и хозяйственных построек, форма и размер фортификационных сооружений. На городище МГК-2/3 проведена геофизическая съемка и составлена магнитная карта аномалий, которая подтвердила ранее составленные топографические планы. В настоящей статье определены перспективы использования методов топо- и магнитной съемки для составления более четкого представления о планиграфии и фортификационных особенностях рассматриваемых объектов.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, эпоха средневековья, городища, геофизические исследования, топографическая съемка, магнитная съемка

Благодарности: научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания, проект FZMW-2026-0008.

Для цитирований: Грушин С.П., Сайберт В.О., Редников А.А. Особенности планиграфии городищ раннего средневековья Лесостепного Алтая в контексте топографических и геофизических исследований // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 177–185. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.26

FEATURES OF THE PLANIGRAPHY OF EARLY MEDIEVAL HILLFORTS IN THE FOREST-STEPPE ALTAI IN THE CONTEXT OF TOPOGRAPHIC AND GEOPHYSICAL STUDIES

Sergey P. Grushin, Violetta O. Saybert, Anton A. Rednikov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of an interdisciplinary study of hillforts. During the research, a geodetic survey was carried out at the sites MGK-2/3, 2/4, 2/11, Akutikha-1, and Ust-Losikha-1 and 2 to refine their planigraphy and obtain new data. Topographic plans of the sites were produced, which made it possible to determine the number of residential and household structures, as well as the form and dimensions of the fortification features. A geophysical survey was conducted at the MGK-2/3 hillfort, and a magnetic anomaly map was compiled, which confirmed the previously prepared topographic plans. The present article outlines the prospects for applying topographic and magnetic survey methods in order to obtain a clearer understanding of the planigraphic structure and fortification characteristics of the sites under study.

Keywords: Forest-Steppe Altai, Early Middle Ages, Hillforts, geophysical research, topographic survey, magnetic survey

Acknowledgments: the research work was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the state assignment, project FZMW-2026-0008.

For citation: Grushin S.P., Saybert V.O., Rednikov A.A. Features of the Planigraphy of Early Medieval Hillforts in the Forest-Steppe Altai in the Context of Topographic and Geophysical Studies. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:177–185. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.27

На территории Лесостепного Алтая известно более 40 городищ раннего средневековья, степень их изученности различна. Большая часть памятников исследована частично, полностью изучены только два городища. В ходе многолетних исследований были составлены глазомерные планы памятников,

которые на сегодняшний день требуют существенной доработки и уточнения. Значительно обновить информацию о планиграфии городищ позволит составление точных инструментальных топографических планов, а также применение геофизических методов.

Использование методов геомагнитной съемки ранее не применялось в исследовательской практике археологических экспедиций при изучении городищ Лесостепного Алтая. На сопредельных территориях такие исследования проводятся и демонстрируют интересные для изучения городищ данные (Балков и др., 2023; Позднякова и др., 2024). Фиксация уникальных объектов при топо- и магнитной съемке на сопредельных территориях делает актуальным применение этих методов и для городищ рассматриваемой в настоящей статье территории.

Для установления планиграфических особенностей памятников впервые были сняты топографические планы городищ МГК-2/3, 2/4, 2/11, Акутиха-1, Усть-Лосиха-1, 2, которые демонстрируют наличие объектов, не зафиксированных при глазомерной съемке. На городище Акутиха-1, открытом в 1988 г. А.А. Казаковым в Быстроистокском районе Алтайского края (Казаков, 2014, с. 5–7), в ходе топосъемки зафиксировано 45 котлованов подквадратной формы, условно определенных нами как жилища. Котлованы расположены очень близко друг к другу, некоторые вплотную, что дает основание предполагать, что постройки были соединены одной крышей, но таких вариантов строительства ранее не фиксировалось. Интересным в планировке городища является «сопровождение» части жилищ котлованами округлой в плане формы, интерпретированных нами как «хозяйственные» объекты. Такие же объекты зафиксированы и на других участках городища (рис. 1.-*1*).

Топографическая съемка была проведена на комплексе городищ Усть-Лосиха-1, 2, открытых в 1984 г. А.Л. Кунгуровым в Первомайском районе Алтайского края (Кунгуров, 2006, с. 352). Ограниченная площадка городища Усть-Лосиха-1 подтреугольной формы, его окружает система ров-вал, которая слабо фиксируется на поверхности из-за незначительной глубины. Фортификационная линия имеет въезд центральной части, который на топоплане зафиксирован в виде «разрыва» рва. Западины жилищ (13 объектов) расположены вдоль рва в один ряд. У края террасы пять хаотично расположенных объектов, на центральной площадке городища зафиксированы четыре округлых в плане объекта. За пределами городища с западной стороны обнаружены две западины подквадратной формы, которые могли относиться к городищу. Второй исследованный памятник в комплексе — это городище Усть-Лосиха-2, которое ранее при глазомерной съемке описывалось как «ромашковидное» (Кунгуров, 2006, с. 352; Казаков, 2014, с. 26). Топографическая съемка показала, что городище имеет классическую незамкнутую систему ров–вал овальной формы. Через городище проходит полевая дорога, а у оконечности рва образовался овраг. Шесть жилищных западин зафиксировано вдоль рва и четыре — вдоль края террасы. В центре укрепленной площадки городища отмечены два округлых в плане объекта,

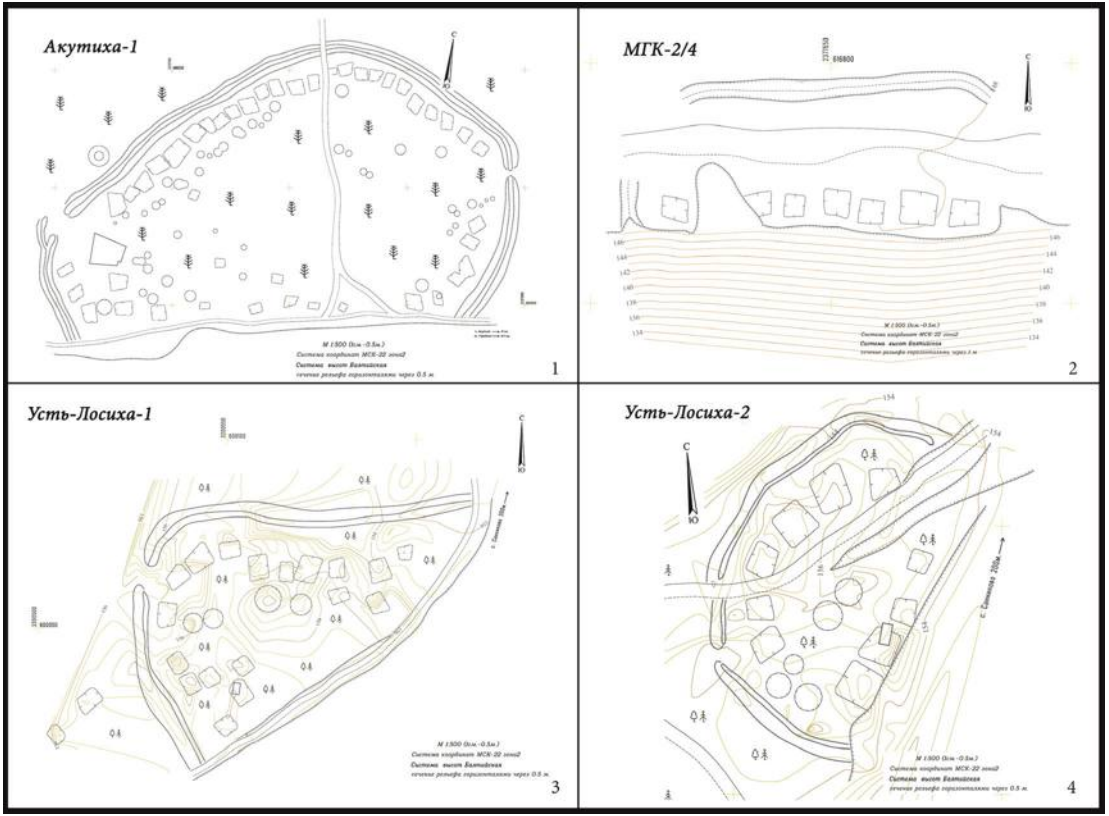

Рис. 1. Топографические планы городищ
Fig. 1. Topographic plan of Hillforts

такие же объекты сняты у южной части рва. Возможно, это менее глубокие котлованы построек, стенки которых оплыли и слабо читаются на задернованной поверхности (рис. 1.-*3, 4*).

Был исследован также комплекс городищ и поселений Малый Гоньбинский Кордон-2, открытый в 1978 г. Ю.Ф. Кирюшиным, детальное обследование этого комплекса проведено А.А. Казаковым в 1991 г. (Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68–72). Комплекс состоит из 10 отдельных городищ и поселений, расположенных на краю боровой террасы, возвышающейся над поймой на 5–10 м. Осуществленный мониторинг продемонстрировал, что памятники находятся в неудовлетворительном состоянии и их расположение на кромке террасы в скором времени приведет к разрушению. По краю комплекса памятников МГК-2 проходит полевая дорога, что приводит к его разрушению в этой части (Сайберт, 2017). Исчезновению памятников также способствуют противопожарные траншеи, которые регулярно обновляются, благодаря этому часть памятников уже невозможно визуально зафиксировать.

Топографические планы были сняты для трех объектов из комплекса, на которых сохранились все элементы городища (ров, вал, жилища). Так, например, на городище МГК-2/11 выявлена трехрядная система расположения жилищных сооружений, что является редкостью для таких городищ, материалы исследования этого объекта были ранее опубликованы (Сайберт, 2022).

Исследование городища МГК-2/4 показало, что оно почти полностью разрушено грунтовой дорогой, проходящей вдоль края террасы. Сохранилась небольшая часть рва и семь жилищ, расположенных вдоль террасы. Одно из жилищ разрушено оврагом. Ров, окружающий городище, примыкает к краю террасы с одной стороны, с другой — разрушен (рис. 1.-*2*).

Городище МГК-2/3 было исследовано двумя методами. На первоначальном этапе исследования был снят топографический план памятника с использованием точной измерительной техники (GNNS-приемник). В результате топосъемки выявлено, что городище имеет округлую форму и окружено незамкнутым рвом. На укрепленной площадке выделено 11 западин, шесть из них вдоль террасы и пять — вдоль рва. Городище частично разрушено грунтовой дорогой, которая проходит вдоль террасы и разрушает котлованы, расположенные по краю террасы, размеры сохранившихся западин от 6×5 до 12×10 м (рис. 2.-*2*).

Вторым этапом изучения городища МГК-2/3 стало проведение магнитной съемки для уточнения планиграфии (рис. 2.-*1*). Для работы был размечен участок размером 50×30 м, ориентированный по кромке террасы. Съемка проводилась феррозондовым магнитометром-градиентометром Foerster Ferex 4.032DLG. Измерения проводились по длинной оси размеченного участка, параллельными профилями, разнос датчиков 2 м, расстояние от земли 0,4 м, с шагом 1 м. На полученных картах вертикального градиента видно, что магнитный фон не засорен железными предметами, и это дает возможность адекватно проанализировать полученную картину.

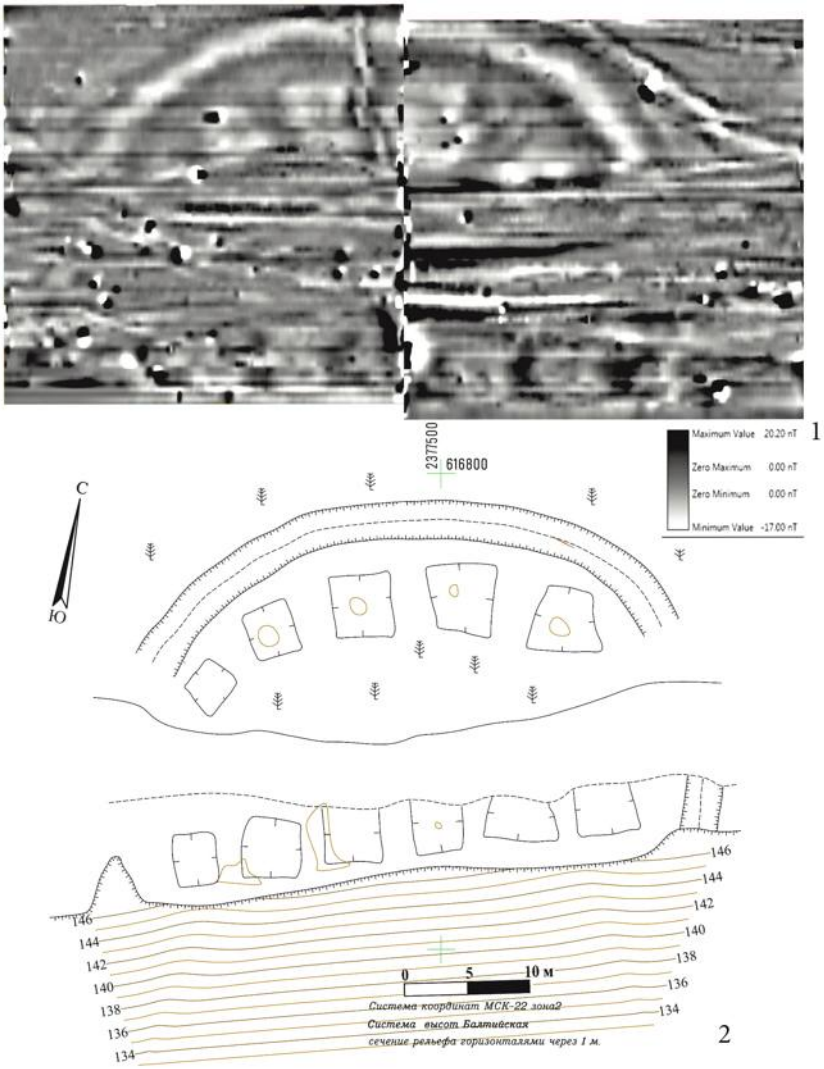

Рис. 2. Городище МГК-2/3: 1 — карта магнитных аномалий; 2 — топографический план городища
Fig. 2. Hillfort MGK-2/3: 1 — magnetic anomaly map; 2 — topographic plan of Hillfort

В результате сопоставления данных магнитной и топографической съемки стало возможным соотношение конкретных объектов с выявленными аномалиями на городище (рис. 3).

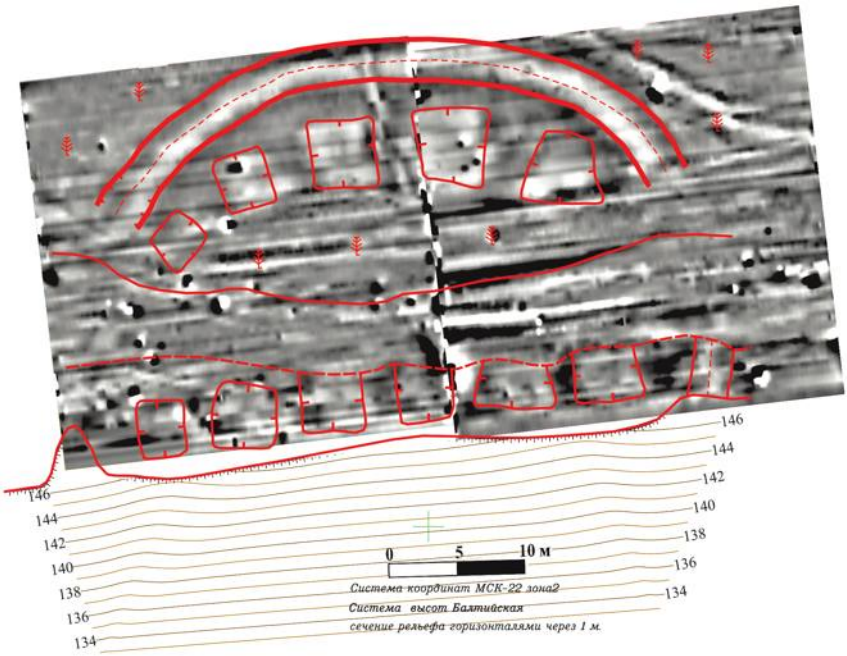

Рис. 3. Результаты сопоставления геомагнитных и топографических данных
Fig. 3. Results of comparison of geomagnetic and topographic data

Так, четко, по отрицательным аномалиям, с амплитудой от 0 до –17 нТл/м, фиксируется ров, окружающий городище, который перерезан полевой дорогой, проходящей по всей протяженности городища. Вдоль рва выявлены четыре котлована жилищ, два из которых частично разрушены дорогой. Также необходимо отметить, что на магнитной карте фиксируются внутренний и внешний валы, окружающие городище, по небольшой положительной амплитуде от 0 до +10 нТл/м. Дорога фиксируется смешанным магнитным фоном. По кромке террасы зафиксированы пять жилищ и оконечность рва, здесь аномалии около 0 нТл/м. Стоит отметить, что при топографической съемке зафиксированы шестое жилище и разрушенная оконечность рва. Эти объекты нечетко фиксируются на магнитной карте, что связано с наличием резкого обрыва в этом месте.

Выполненные геофизические работы показали, что применение магнитной съемки для дистанционного изучения городища является перспективным направлением. С их помощью уточнена планиграфия и обновлена информация об известных объектах. Но получение четкой карты магнитных аномалий на городищах Лесостепного Алтая затрудняет расположение этих объектов в сосновых лесах, которые не позволяют беспрепятственно пере-

двигаться с магнитометром. Городище МГК-2/3 стало наиболее показательным, так как растительность на этом объекте реже, чем на других городищах, в том числе и входящих в комплекс памятников МГК-2. Дальнейшее изучение городищ Лесостепного Алтая с применением междисциплинарного подхода позволит сформировать более четкое представление о планиграфии и фортификационных особенностях рассматриваемых объектов.

Список источников

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Фадеев Д.И., Шапаренко И.О. Комплексирование аэрофотосъемки, электромагнитного профилирования и электротомографии для изучения древних археологических поселений и городищ Новосибирской области // Геофизика. 2023. №1. С. 26–33.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 68–72.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 327–385.

Позднякова О.А., Егорченко С.Е., Кулешов Д.А., Марочкин А.Г. Первые результаты археолого-геофизических исследований городища «Лебеди-III» // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №3. С. 95–108.

Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017. С. 44–48.

Сайберт В.О. Планиграфия городищ комплекса Малый Гоньбинский Кордон-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 326–331.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-5404-6632, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, associate professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, gsp142@mail.ru

Виолетта Олеговна Сайберт, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-5408-935X, vita77792@mail.ru

Violetta O. Saybert, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, vita77792@mail.ru

Антон Александрович Редников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-5408-935X, ant-rednikov@mail.ru

Anton A. Rednikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Junior Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-5408-935X, ant-rednikov@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.53
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.27
EDN: JNRARC

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНА №37 СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II

Петр Константинович Дашковский, Александр Николаевич Ожиганов
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены предварительные результаты изучения кургана №37 могильника Чинета-II, входящего в состав Чинетинского археологического микрорайона (Северо-Западный Алтай). В процессе исследования обнаружено захоронение женщины, которая была уложена в вытянутом положении на спине со слегка согнутыми в коленях ногами и ориентирована головой на восток. Из сопроводительного инвентаря обнаружены железный пластинчатый нож с обушком и с невыделенной рукояткой, керамический сосуд и бронзовая заколка, которая имела основу — стержень круглого сечения с рифлением в верхней части в виде двух попарно соединенных валиков с ложечковидным навершием и с острым концом. Курган №37 могильника Чинета-II предварительно может быть датирован самым концом IV — III в. до н.э., вероятнее даже III в. до н.э.

Ключевые слова: Алтай, скифо-сакская эпоха, курган, инвентарь
Для цитирований: Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты изучения кургана №37 скифского времени на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 185–192. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.27

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF KURGAN NO. 37 OF THE SCYTHIAN PERIOD AT THE CINETA-II BURIAL GROUND

Peter K. Dashkovskiy, Alexander N. Ozhiganov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. This article presents preliminary results from a study of Mound No. 37 at the Chineta-II burial ground, part of the Chineta archaeological microdistrict (Northwestern Altai). The study uncovered the burial of a woman laid in an extended position on her back with her knees slightly bent and her head facing east. Among the burial goods found were an iron blade with a back and an unmarked handle, a ceramic vessel, and a bronze hairpin with a round rod base, ribbed at the top in the form of two paired rollers with a spoon-shaped top

and a sharp tip. Mound No. 37 at the Chineta-II burial ground can be tentatively dated to the late 4th–3rd centuries BC, or more likely, the 3rd century BC.

Keywords: Altai, Scythian-Saka era, burial mound, inventory

For citations: Dashkovskiy P.K., Ozhiganov A.N. Preliminary Results of the Study of Kurgan No. 37 of the Scythian Period at the Cineta-II Burial Ground. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:185–192. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.27

В 2025 г. состоялся юбилейный 25-й экспедиционный полевой сезон Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи. Работа экспедиции направлена на изучение памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенных в окрестностях одноименного села (Дашковский, 2023; Тишкин, Дашковский, 2002; и др.). Северо-Западный Алтай к моменту масштабного научного изучения археологических памятников оказался наименее изученным. Только в 1978 г. впервые здесь достоверно были картографированы пять курганных могильников В.А. Посредниковым (Кирюшин, Казаков, Караваев, 1996). При этом отдельное внимание путешественников, краеведов и ученых археологические и исторические памятники стали привлекать еще с XVIII в. В то же время никаких документальных сведений о проведении здесь археологических раскопок не имеется, хотя в полной мере этого исключать тоже нельзя. Последнее предположение связано с тем, что осмотр двух элитных насыпей показал наличие больших по размеру и глубине воронок, которые в большей степени напоминают особенности методики раскопок курганов в дореволюционный период, чем следы грабительных лазов или осквернения объектов. За многолетний период работы Краснощековской археологической экспедиции в ней приняли участие студенты разных направлений Алтайского государственного университета (историки, религиоведы, теологи, музеологи и др.), Барнаульского государственного педагогического университета (историки), Алтайской государственной академии культуры и искусства (музееведы), учащиеся школы-лицея №86 и краевого педагогического лицея г. Барнаула, а также разных школ Алтайского края.

В рамках работы экспедиции проводились не только научные изыскания, но и осуществлялась учебная практика для школьников и студентов. Кроме того, ежегодно на базе экспедиции функционировала Летняя этнокультурная школа Алтая, в рамках которой студенты и школьники могли ознакомиться с новейшими результатами научных исследований, прослушать научно-популярные лекции и сформировать компетенции молодого исследователя древностей. Летняя этнокультурная школа Алтая в некоторые годы проводилась при поддержке гранта губернатора.

В работе экспедиции кроме ученых и учащихся из разных городов России в разные годы принимали участие коллеги и студенты из Китая, Казахстана, Таджикистана, Германии, Франции. Особую благодарность нужно выразить коллегам, которые на протяжении многих лет, особенно на начальном этапе работы экспедиции, оказывали значительную поддержку в реализации

плана научных исследований памятников Чинетинского археологического микрорайона: д.и.н. А.А. Тишкину, д.и.н. В.В. Горбунову, д.и.н. М.А. Демину, к.и.н. А.Л. Кунгурову, к.и.н. С.С. Тур, д.и.н. Е.А. Шершневой, к.и.н. И.А. Мейкшану, к.и.н. И.А. Усовой, к.и.н. С.С. Матренину, к.и.н. Е.В. Шелеповой, д.и.н. Н.Н. Серегину, А.Н. Ожиганову, О.А. Семибратовой и многим другим коллегам. Финансирование экспедиционных работ в разные годы осуществлялось при частичной поддержке РГНФ, РФФИ, РНФ, Фонда Президента РФ, а также в рамках выполнения хоздоговорных тем. С 2025 г. в рамках соглашения между Алтайским государственным университетом и Северо-Западным университетом г. Сиань (КНР) начался новый этап в работе экспедиции, которая теперь сосредоточила свои усилия на изучении преимущественно памятников скифо-сакской эпохи Внутренней Азии.

В настоящее время в пределах указанного микрорайона обнаружено более 200 объектов на девяти разновременных памятниках, среди которых Верхнечинетинский пещерный комплекс, семь курганных могильников (Чинета-I–III, Ханхаринский Дол, Инской Дол, Черный Камень, Усть-Ханкара-I) и поселение (Гора Листвяжная-I) (Дашковский, 2017а, 2023; и др.). Обнаружены еще три курганных могильника на левом берегу Ханхара в районе устья реки при в падение ее в реку Иня, а также в 5 км югу от некрополя Ханхаринский Дол. Однако эти объекты не картографированы в полной мере и не поставлены на государственный учет органами охраны культурно-исторического наследия. Кроме того, в районе с. Талый Ключ, находящегося в 7 км к юго-востоку от с. Чинета, на правом берегу р. Иня, на территории маральника зафиксирован одноименный могильник, который может быть отнесен к Чинетинскому археологическому микрорайону.

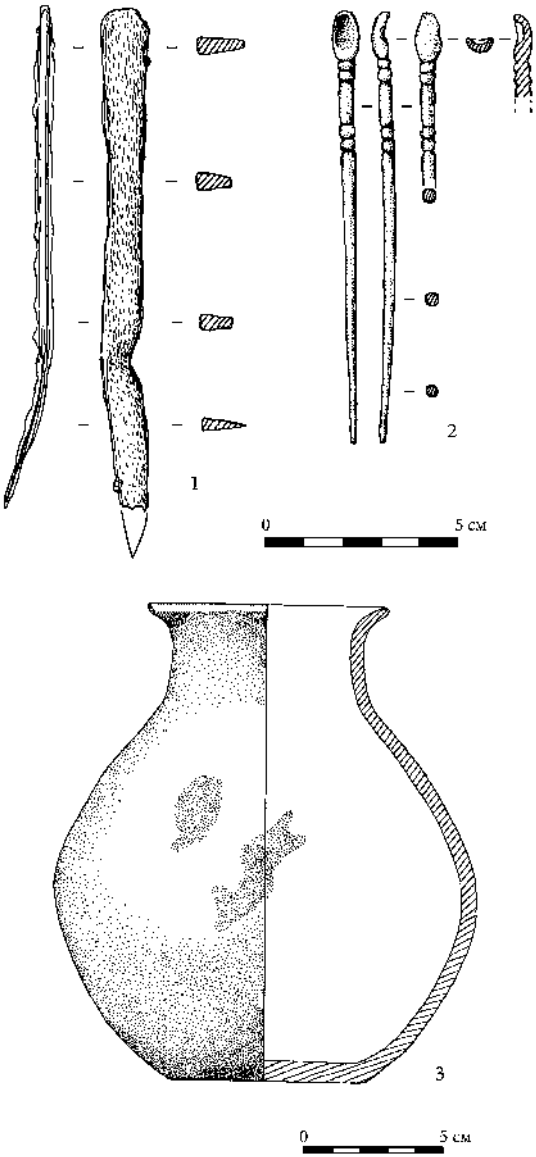
За четверть века работы Краснощековской археологической экспедиции АлтГУ было выявлено и раскопано более 110 объектов разных исторических периодов от эпохи энеолита до средневековья. Кроме того, были зафиксированы находки оленных камней и стел раннескифского времени, а также ритуальные сооружения раннего железного века и средневековья (Дашковский, 2023). При этом могильник Инской Дол исследован полностью, а на некрополях Ханхаринский Дол и Чинета-II остались не раскопанными всего несколько объектов. На могильнике Ханхаринский Дол остался не раскопанным один курган, который находится в северной части памятника прямо под дорогой, соединяющей с. Чинету и с. Тигирек. На памятнике Чинета-II не раскопанными остались три больших кургана, в центральной части которых зафиксированы значительные воронки, вероятно, от грабительского проникновения. Во всяком случае, длительное исследование в этой части Алтая позволило выработать определенную методику поиска археологических объектов в долине, на современной поверхности которой они не идентифицировались. Применение такой методики позволило как раз выявить около 100 курганов, в то время как первоначально на территории могильников Ханхаринский Дол и Чинета-II при первой археологической разведке В.А. Посредниковым было картографировано всего около 20 курганов (Кирюшин, Казаков, Караваев, 1996).

Кроме учета топографических и планиграфических особенностей расположения курганов, специфики горно-долинной растительности на протяжении многих лет проводилось планомерное обследование территории рассматриваемой долины с помощью металлического щупа. Сплошное обследование долины позволяло выявлять каменные кладки насыпей курганов, которые не видны на современной поверхности. При этом надо отметить, что данная методика, несмотря на свою результативность, может быть успешно применена не во всех частях Алтая. В случае если под слоем грунта находится речной аллювий или близкое залегание скальной породы, то вероятность успешного обнаружения курганов существенно снижается. В этом мы смогли убедиться при изучении долины, в которой находится могильник Золотое Поле. При обследовании территории могильника Золотое Поле как раз был выявлен практически сплошной слой речной гальки под слоем грунта, что осложнило поиски объектов, которые не видны на уровне современного горизонта.

В статье изложены некоторые результаты раскопок кургана №37 на могильнике Чинета-II. Указанный некрополь выявлен в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к югу–юго-востоку от с. Чинета. Указанный памятник расположен в той же речной долине, что и некрополи Ханхаринский Дол и Инской дол, но ближе к восточному краю террасы.

Курган №37 находился в восточной части могильника, почти на самом краю речной террасы. Данный объект входил в состав микрогруппы из двух курганов, один из которых, №36, ранее раскопан и датирован периодом существования пазырыкской культуры. После зачистки каменной насыпи кургана №37, сложенной 1–3 слоя из мелких и средних по размеру камней, установлен ее диаметр, который был с севера на юг — 5,5 м, а с запада на восток — 5,75 м. Высота кургана вместе со слоями камней и грунта составляла 0,55 м.

В центральной части под насыпью кургана выявлена могила подпрямоугольной формы с округлыми углами, которая была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Она имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 2,8×2,1×2,03 м. Глубина могилы дана от нулевого репера. В могиле на глубине 1,92–2,03 м обнаружено погребение человека. Умерший был уложен в вытянутом положении на спине со слегка согнутыми в коленях ногами и «скрещенными» стопами. Ориентирован умерший в могиле был головой на восток. В 10 см к востоку от черепа человека обнаружена бронзовая заколка. Она имела основу — стержень круглого сечения с рифлением в верхней части в виде двух попарно соединенных валиков с ложечковидным навершием и с острым концом. Заколка имела размеры 11×0,6×0,3 см. Возле лучевой кости скелета человека находилась ритуальная пища (кости барана), а в 10 см западнее от них найден железный нож пластинчатой формы с обушком и с невыделенной рукояткой. Размеры изделия: 13×1×0,3 см. Рядом с ритуальной пищей найден развал керамического сосуда с плоским дном без орнамента. В процессе реставрации сосуда удалось определить его первоначальные размеры: 17×16×15 см.

Инвентарь из кургана №37 могильника Чинета-II:
1 — железный нож; 2 — бронзовая заколка; 3 — керамический сосуд
Inventory from burial mound No. 37 of the Chineta-II burial ground:
1 — iron; 2 — knife bronze mirror; 3 –ceramic vessel

Для классического погребального обряда пазырыкской культуры Алтая характерна традиция помещения умершего в скорченном положении на правом боку с ориентацией головой на восток или юго-восток (Кубарев, 1987; 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Суразаков, 1989; и др.). В кургане №37 могильника Чинета-II умерший был положен в могилу в вытянутом положении на спине со слегка согнутыми в коленях ногами. Такая поза умершего не является классической, но, тем не менее, встречается в горных районах Алтая пазырыкского периода. При этом фиксируется и вариация в ориентации умершего головой в могиле в восточный (юго-восточный) или реже в западный сектор. В данном случае подчеркнем, что сочетание таких признаков выявлено преимущественно в районе нижнего и среднего течения р. Катунь, что объясняется локальными особенностями культурно-исторических процессов (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–167; Кирюшин, Степанова, 2004).

Необходимо подчеркнуть, что на могильнике Чинета-II, в отличие от близко расположенного некрополя Ханхаринский Дол (Дашковский, 2011), в пределах которого раскопаны преимущественно курганы пазырыкского типа с классическими признаками, как раз довольно часто фиксируются погребения, в которых умершие положены в вытянутом положении с ориентацией на восток или иногда на запад (Дашковский, 2017б). Так, объекты такого типа с восточной ориентацией умершего в вытянутом положении на спине обнаружены ранее в курганах №19, 22, 23, 26, 27, 34. Кроме того, в аналогичной позе, но с западной ориентацией погребенного выявлены захоронения в курганах №16, 28 (могила-1), 30, 32 на этом же могильнике (Дашковский, Ожиганов, Шершнева, 2020). Выявленные на некрополе Чинета-II захоронения, совершенные как по классическим канонам пазырыкского погребального обряда, так и с отступлениями от него, свидетельствуют об определенных этнокультурных процессах в скифо-сакское время.

Среди обнаруженных предметов инвентаря в кургане №37 могильника Чинета-II особого внимания заслуживает бронзовая заколка с ложечковиным навершием. Наиболее близкой аналогией данному изделию является заколка, обнаруженная в могиле 4 кургана №8 могильника Быстровка-I (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 33, рис. XXXIV.-18). В определенной степени по некоторым признакам близкого типа заколки известны и в могиле-3 кургана №15 могильника Новотроицк-I (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 176–177, рис. 123.-6; Могильников, 1997, с. 79). Указанные курганы относятся одними исследователями к большереченской, а другими — к каменской культуре. При этом подчеркивается, что бронзовые заколки ложечковидного типа появляются в III–II вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 78). Такого типа изделия известны и за пределами Верхнего Приобья, в частности в памятниках кушанского времени в Северной Бактрии (Мандельштам, 1975, табл. XXXIX.-2–3). Отметим также, что бронзовая заколка с рифлением в виде соединенных двух и четырех валиков, но без ложечковидного навершия, обнаружена в кургане №28 могильника Чинета-II, который судя по инвентарю и погребальному обряду (две могилы под одной насыпью и другие признаки), отражал, вероятно, влияние каменской культуры (Дашковский, Ожиганов, 2019), на формирование которых,

в свою очередь, оказали влияние сакские племена (Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.).

Другие предметы — железный нож и керамическая посуда из кургана №37 могильника Чинета-II имеют аналогии в памятниках пазырыкской и каменской культур Алтая в рамках V–III вв. до н.э. (Могильников, 1997; Суразаков, 1989; и др.).

Таким образом, курган №37, раскопанный на памятнике Чинета-II, предварительно может быть датирован самым концом IV — III в. до н.э., вероятнее даже III в. до н.э. По погребальному обряду и инвентарю данный объект имеет аналогии в памятниках пазырыкской и каменской культур Алтая. При этом в большей степени прослеживаются черты именно пазырыкской культуры, хотя данный объект и отличается от классических канонов ее погребального обряда. Дальнейшее изучение материалов данного кургана, а также других объектов скифо-сакского времени, раскопанных на памятниках Чинетинского археологического микрорайона, позволит получить дополнительную информацию культурно-хронологического характера.

Список источников

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2017а. С. 83–87.

Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул, 2017б. С. 112–116.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6).

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты исследования курганов №28 и 33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2019. С. 57–62.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Шершнева Е.А. Предварительные итоги изучения кургана №32 на могильнике Чинета-II в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 36–41.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваев А.В. Краснощековский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 36–49.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. 228 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 165 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск, 2002. С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Петр Константинович Дашковский, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-4933-8809, dashkovskiy@fpn.asu.ru

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Head of the Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of Historical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-4933-8809, dashkovskiy@fpn.asu.ru

Александр Николаевич Ожиганов, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России национальных и государственно-конфессиональных отношений, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, ozhiganov@bk.ru

Alexander N. Ozhiganov, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, ozhiganov@bk.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2:623.1(571.13)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.28
EDN: JSWFNL

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТОРЖНОГО ОСТРОГА ВТОРОЙ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ: ИТОГИ РАБОТ

Дарья Петровна Загородникова, Дмитрий Николаевич Павлов
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. Статья посвящена основным результатам историко-археологического изучения каторжного острога второй Омской крепости. Полевые и архивные иссле-

дования ведутся на протяжении пяти лет. За этот период получены интересные археологические материалы, связанные с «жизнью» каторжного острога и города Омска в XVIII–XIX вв. Анализ исторических документов позволил установить датировку начала строительства острога. В статье подробно описаны технические особенности строительства фундаментов, выявленные в 2025 г. Даны также результаты совмещения взаиморасположения фундаментов и чертежа каторжного острога Омской крепости 1847 г. На основе всех полученных нами данных планируется разработка проекта музеефикации выявленного объекта археологического наследия.

Ключевые слова: Омская крепость, каторжный острог, археологические раскопки, фундамент, находки

Благодарности: работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Для цитирования: Загородникова Д.П., Павлов Д.Н. Археологические исследования каторжного острога второй Омской крепости: итоги работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 192–198. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.28

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE CONVICT PRISON OF THE SECOND OMSK FORTRESS: RESULTS OF WORK

Daria P. Zagorodnikova, Dmitry N. Pavlov
Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. This article presents the principal results of the historical and archaeological investigation of the convict prison of the second Omsk Fortress. Fieldwork and archival research have been ongoing for five years. During this time, significant archaeological materials have been recovered, shedding light on the functioning of the penal stockade and the urban life of Omsk in the eighteenth and nineteenth centuries. The analysis of historical documentation has made it possible to establish the timing of the initial construction phase of the stockade. The article provides a detailed description of the technical characteristics of the foundations, identified during the 2025 excavation season. It also presents the results of overlaying the excavated foundation layout with the 1847 architectural plan of the penal stockade of the Omsk Fortress. On the basis of the data obtained through both archaeological and archival research, the development of a musealization project for the identified archaeological heritage site is planned.

Keywords: Omsk fortress; a convict prison; archaeological excavations; foundation; remains

Acknowledgments: the work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

For citation: Zagorodnikova D.P., Pavlov D.N. Archaeological Research of the Convict Prison of the Second Omsk Fortress: Results of Work. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:192–198. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.28

На протяжении ряда лет мы сообщаем полученные результаты археологического исследования каторжного острога второй Омской крепости на данной научно-практической конференции. В 2025 г. подвели общие итоги полевым археологическим работам, которые и представим в данной статье.

Работы начались в 2021 г. с изучения истории строительства второй Омской крепости и каторжного острога в частности, с ознакомления с литературными источниками, основой послужило творчество Ф.М. Достоевского, часть жизни которого прошла в стенах омского каторжного острога, со сбора архивных материалов и попытки наложения старых планов и чертежей на современный городской ландшафт. Единственным полным графическим источником о расположении строений острога является «Чертеж Каторжного острога Омской крепости», выполненный в 1847 г. кондуктором 2-го класса Ершовым (Достоевский, 2020, л. 2, 3) и опубликованный В.С. Вайнерманом. Данный чертеж и ранее вскрытые во время благоустроительных работ по улице П. Некрасова сотрудниками Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) части фундаментов позволили сделать топографические привязки и установить предварительные границы острога на местности.

Полевые работы начались с археологической разведки на территории объекта культурного наследия (достопримечательное место) «Место, где в Степном бастионе бывшей Омской крепости размещался каторжный острог и отбывал в 1850–1854 гг. ссылку Ф.М. Достоевский». Важным результатом первого года работ стало обнаружение в заложенных шурфах культурного слоя XVIII–XIX вв., относящегося ко времени функционирования второй Омской крепости и города Омска, а также фиксация элементов фундаментов строений кухни и казармы каторжного острога. Главным итогом стало установление места расположения стены ограды острога с северной и западной сторон. Южный и восточный контуры расположены под современными зданиями и, скорее всего, полностью уничтожены строительными котлованами в XX в.

Проведенные работы позволили установить границы выявленного нами объекта археологического наследия и присвоить ему наименование «Культурный слой Второй Омской крепости. Степной бастион и каторжный острог». За последующие четыре года археологических раскопок на указанном объекте вскрыто около 400 кв. м.

В период с 2022 по 2024 г. расчищена и исследована сохранившая часть фундамента казармы, где содержали ссыльных каторжан, и частично кухни острога, итоги работ отражены в серии публикаций.

Кухня занимает центральную часть раскопа, длинной стороной ориентирована по линии восток — запад, параллельно стене ограды острога. На доступной для исследования территории вскрыты и изучены западное, центральное и частично восточное помещения здания. Во внутреннем пространстве зафиксированы остатки развалов двух глинобитных печей, расположенных у северной стены в западном и восточном помещении. Для проведения полного обследования сооружения работы осложняли некоторые препятствия технического характера, которые были устранены к началу полевого сезона 2025 г.

Уникальной находкой стало обнаружение сохранившихся кирпичных плиток и слоя «спрессованного» кирпича, что позволило сделать предположение о мощении свободной территории двора каторжного острога.

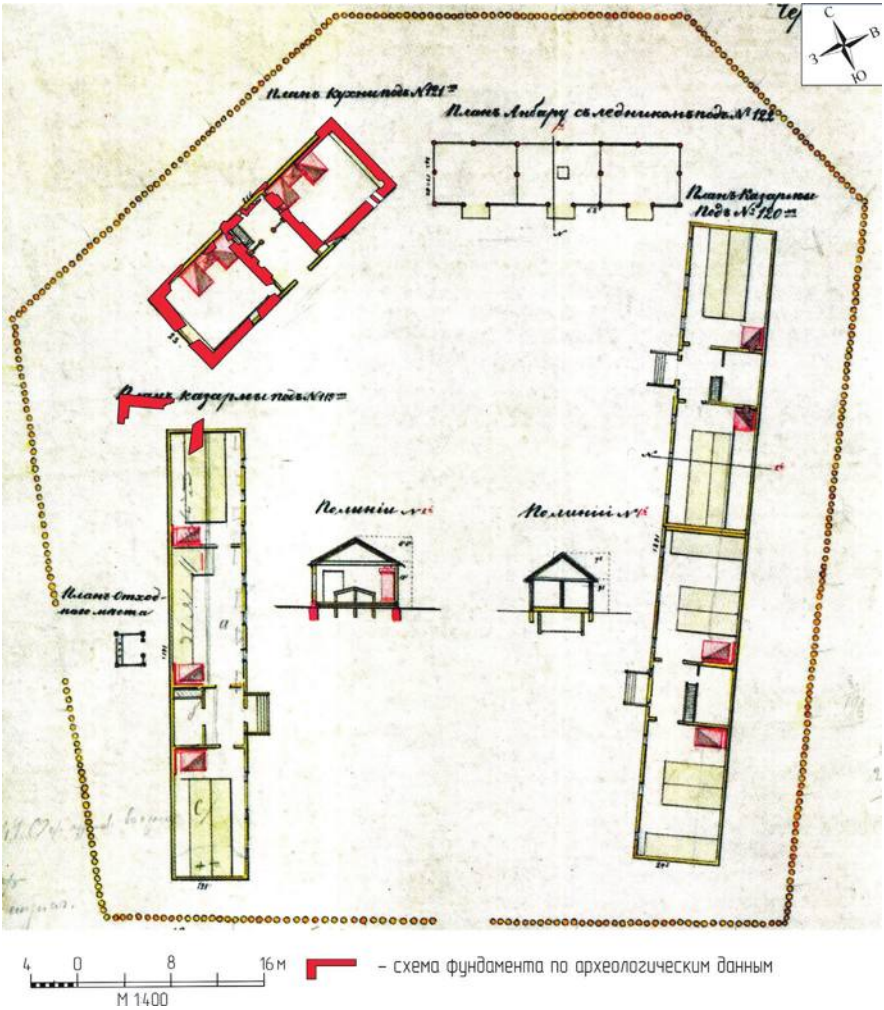
Казарма зафиксирована в 4 м к юго-западу от кухни, длинной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Сохранилась часть северного угла фундамента, она имеет Г-образную форму, длина его лент составляет 2,9 м и 4,32 м, ширина — до 0,95 м, так же частично зафиксирована лента юго-восточного фасада протяженностью 2,6 м при той же ширине. Остальная часть фундамента казармы расположена южнее, под пешеходным тротуаром и автомобильной дорогой улицы П. Некрасова.

Подробное описание, анализ и характеристика конструктивных особенностей обнаруженных элементов строений каторжного острога, открытых в 2022–2024 гг., нами представлена в ранее опубликованной статье (Герасимов и др., 2025, с. 32–39). Ниже более подробно остановимся на новых материалах, полученных в 2025 г.

Работы продолжены в восточной части территории. Были открыты и детально исследованы северо-восточный и юго-восточный углы фундамента кухни, а также участок между ними. Кроме того, в западной части фундамента были удалены следы деятельности членов ВООПИК, перекрывшие оригинальный кирпич и препятствующие его сохранению. Зафиксированы схема кладки и элементы конструкции, не обнаруженные ранее. Так, у юго-восточного угла в фундаменте обнаружена особенность кладки, размерами 0,5×0,5 м, названная нами «колодец», который представляет собой участок в форме квадрата, заполненный раствором и кирпичной крошкой. Аналогичная структура обнаружена на юго-западном углу кладки. Вероятно, данные объекты использованы для компенсации смещения рядов, возникающего и накапливающегося из-за разницы в размерах кирпича, изготовляемого вручную. Оба «колодца» расположены на фундаменте юго-восточной стены. Возможно, здание кухни изначально было меньше и со временем расширилось. Фундаменты зданий строятся из одной точки и сводятся так же в одну, второй «колодец» может тоже являться следствием расширения здания. В пользу этой версии говорят и другие конструктивные особенности фундамента, выявленные при детальном исследовании и отображенные в предыдущих статьях.

В 2025 г. в восточном помещении кухни были зафиксированы столбовые ямки. Часть ямок относится к системе опор пола, аналогичной системе опор, обнаруженной в центральном помещении в 2024 г.

Все эти годы не останавливалась работа и с архивными материалами, в ходе которой удалось установить, что строительство каторжного острога второй Омской крепости началось в мае 1770 г. (Суздаль, 2025, с. 137), ранее данная информация отсутствовала. Дату же завершения строительства пока можем только предположить благодаря сопоставлению материалов, обнаруженных в процессе археологических раскопок, и информации, полученной из исторических карт, это рубеж 1770–1780-х гг.

Совмещение вскрытых частей фундаментов и чертежа каторжного острога 1847 г.
Combining the opened parts of the foundations and the drawing of the convict prison of 1847

За годы работ собрана показательная коллекция нумизматического материала от 1739 г. до современных монет, фрагменты керамической посуды XVIII–XIX вв., аптекарские флаконы, железное колоколообразное било, оловянный свисток, нательные кресты, пуговицы, гильзы и пули конца XIX — середины XX в. и многое другое, что нашло свое место в качестве экспонатов в музейно-выставочном проекте «В городе есть крепость, в крепости — острог».

Археологическое изучение каторжного острога второй Омской крепости позволило значительно уточнить и расширить имеющуюся информацию о внешнем виде острога, его размерах и конструктивных особенностях. Сохранившаяся часть фундамента жилой казармы позволяет оценить ширину здания в 7,16 м, что соответствует 10 аршинам. Оценочный размер фундамента кухни по промерам между уцелевшими углами составляет 7,13 м по ширине и 21,4 м по длине, что соразмерно 10 и 30 аршинам. Приведенные данные показывают, что в процессе строительства острога опирались на русскую систему мер длины, традиционно применяемую на Руси и в Российской империи. На метрическую систему мер перешли в XX в., к этому времени вторая Омская крепость была уже упразднена.

Исходя из точно установленных размеров исследованных сооружений, совмещая их с историческим чертежом, мы попытались масштабировать архивный план с целью уточнения планиграфии строений. Ведь зачастую представленная информация на планах и чертежах имеет вид наброска, показывая информацию только ориентировочно и имея мало общего с реальным расположением объектов.

Совмещение проводилось по опорной точке, представляющей собой юго-западный угол кухни. Для совмещения использовался чертеж каторжного острога Омской крепости 1847 г. (рис.). При совмещении фундамента кухни и фрагмента фундамента казармы с чертежом выяснилось, что расстояние между кухней и казармой было меньше, чем указано. Казарма находилась западнее места, отмеченного на чертеже. Здания располагались более развернуто, образуя угол в 145°, на чертеже же угол составляет 132°. Размеры фундамента кухни по археологическим данным 21,4×7,13±0,1 м; размеры, вычисленные Е.Е. Огородниковой на основании чертежа 1847 г. — 21,79×7,62 м (Огородникова, 2020, с. 115). Разница в данных обусловлена методиками съемки середины XIX в., на основании которой составлен чертеж.

Проведенная работа с архивными данными «раскрыла тайну» даты начала строительства острога.

За пятилетний период археологических исследований проделана большая работа по выявлению и подготовке элементов каторжного острога второй Омской крепости для их дальнейшей музеефикации. Были расчищены и исследованы уцелевшие элементы казармы и кухни, прослежены особенности кладки и конструкции здания, не отображенные в архивных материалах. Наложение выявленного фундамента на чертеж 1847 г. показало неточность чертежа в отображении взаиморасположения зданий и общей площади территории острога. Остается актуальным вопрос сохранения и публичной демонстрации выявленного объекта археологического наследия в связи с его расположением в условиях современной городской застройки. Неизменным остается то, что важно максимально сохранить целостность руин каторжного острога, являющего частью истории города Омска и тесно связанного с именем Ф.М. Достоевского. Разработка и утверждение программы музеефикации запланированы на 2026 г. в рамках проекта «Омск — земля Достоевского».

Список источников

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Загородникова Д.П., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Некоторые итоги археологического изучения каторжного острога Омской крепости // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 32–39.

Достоевский Ф.М. в Омске: комплект открыток / авт.-сост. В.С. Вайнерман. Омск, 2020. 21 л.

Огородникова Е.Е. Каторга Достоевского в математическом исчислении // Неизвестный Достоевский. 2020. №1. С. 101–117.

Суздаль И.Е. Музеефикация недвижимого объекта культурного наследия на примере каторжного острога Второй Омской крепости // Молодежь третьего тысячелетия. Омск, 2025. С. 136–139.

Информация об авторах / Information about the Authors

Дарья Петровна Загородникова, Омский научный центр СО РАН, лаборатория историко-культурных экспертиз, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, https://orcid.org/0000-0003-1748-8535, Darja2007@mail.ru

Daria P. Zagorodnikova, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Historical and Cultural expertise, Lead Engineer; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, Master, https://orcid.org/0000-0002-2676-9841, Darja2007@mail.ru

Дмитрий Николаевич Павлов, Омский научный центр СО РАН, лаборатория историко-культурных экспертиз, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, https://orcid.org/0000-0002-2676-9841, nvp-omsk@mail.ru

Dmitry N. Pavlov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of Historical and Cultural Expertise, Lead Engineer; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, Master, https://orcid.org/0000-0002-2676-9841, nvp-omsk@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.29
EDN: JZLMSB

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИТКУЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Александр Альбертович Казаков[1], Ярослав Владимирович Фролов[2], Александр Сергеевич Федорук[2, 3], Дмитрий Валентинович Папин[2, 3]
[1]Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В статье проведен анализ состояния охраны памятников одного из наиболее значимых в познавательном отношении археологических микрорайонов Алтайского края, Иткульского, расположенного в Троицком и Зональном районах. В насто-

ящее время все памятники этого микрорайона являются объектами государственной охраны, но несмотря на это, те из них, которые расположены в зоне строительства различных баз отдыха, находятся в зоне риска и требуют постоянного мониторинга. Кроме того, некоторые памятники, как и прежде, разрушаются в результате волновой эрозии береговой кромки. Впервые введен в научный оборот сосуд с поселения Дергач, поднятый с береговой кромки, который позволил уточнить культурно-хронологическую интерпретацию комплекса раннего средневековья с этого поселения. Намечены перспективы дальнейшего исследования Иткульского археологического микрорайона.

Ключевые слова: археологический микрорайон, охрана, поселение, сосуд, перспективы исследования, Иткуль

Благодарности: работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» (FWZG-2025-0012).

Для цитирований: Казаков А.А., Фролов Я.В., Федорук А.С., Папин Д.В. Состояние охраны и перспективы исследования Иткульского археологического микрорайона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 198–205. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.29

STATE OF PROTECTION AND RESEARCH PROSPECTS OF THE ITKUL ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

Aleksandr A. Kazakov[1], Yaroslav V. Frolov[2], Aleksandr S. Fedoruk[2,3], Dmitrii V. Papin[2,3]

[1]Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia
[2]Altai State University, Barnaul, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article analyzes the state of monument protection in one of the most cognitively significant archaeological areas of the Altai Territory, Itkul, located in the Troitskii and Zonalnyi Districts. Currently, all the sites of this microdistrict are objects of state protection, but despite this, those located in the construction area of various recreation centers are at risk and require constant monitoring. In addition, some sites continue being destroyed because of wave erosion of the coastal edge. For the first time, a vessel from the Dergach settlement, found at the coastal edge, has been put into scientific use, which made it possible to improve the cultural and chronological interpretation of the early medieval complex from this settlement. Prospects for further research of the Itkul archaeological microdistrict have been outlined.

Keywords: archaeological microdistrict, protection, settlement, vessel, research prospects, Itkul

Acknowledgements: the work was carried out within the framework of the IAET SB RAS state task "Patterns of Distribution and Source Aspects of the Preservation of Archaeological Heritage Sites in the Context of Man-Made Changes in the Landscapes of Eurasia" (FWZG-2025-0012).

For citation: Kazakov A.A., Frolov Ya.V., Fedoruk A.S., Papin D.V. State of Protection and Research Prospects of the Itkul Archaeological Microdistrict. *Sohranenie i izuchenie*

kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2026; XXXI:198–205. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.29

Вклад Юрия Федоровича Кирюшина в развитие археологии Алтая трудно переоценить. Кроме создания алтайской археологической школы, базирующейся на прочном фундаменте научной школы Томского государственного университета, в список его несомненных достижений входит и исследование памятников археологии на территории Алтайского края. Им открыты, описаны и исследованы сотни памятников. Алтайская археологическая школа, созданная Юрием Федоровичем в Алтайском государственном университете, стоит и у истоков так называемой новостроечной археологии, являющейся основой охраны культурного наследия народов Российской Федерации от разрушения в ходе различных хозяйственных, прежде всего строительных работ. Вдохновителем и организатором этой инициативы также является Юрий Федорович.

Неоценимым вкладом в археологию Алтайского края являются и работы Юрия Федоровича в Иткульском археологическом микрорайоне, где им как совместно с выдающимся археологом-краеведом Борисом Хатмиевичем Кадиковым, так и самостоятельно исследовано большое количество памятников. Изучение материалов этих многолетних работ сделало Иткульский археологический микрорайон одним из самых известных археологических комплексов не только среди специалистов Алтайского края, но и во всей России.

Наиболее полно история исследования этого микрорайона, в которой отражена и роль Юрия Федоровича, описана в работе, вышедшей более 20 лет назад (Абдулганеев и др., 2003, с. 50–51). В ней же дан наиболее полный на сегодняшний день свод памятников Иткульского микрорайона, состояние их изученности, а также определены его границы. Они охватывают берега озер Большой и Малый Иткуль и верхнее течение р. Иткуль от ее истока из оз. Малый Иткуль до с. Комарово. В административном отношении этот микрорайон входит в состав Троицкого и Зонального районов.

Насыщенность площади микрорайона археологическими памятниками большая. В настоящее время их известно 56. Материалы этих памятников представляют почти все периоды древней истории Алтая, за исключением эпохи палеолита (Абдулганеев и др., 2003, с. 60). Подобных микрорайонов на всей территории лесостепного Алтая известно всего два. Кроме Иткульского микрорайона это комплекс памятников Ближние Елбаны (Грязнов, 1956). Имеются еще два достаточно компактных местонахождения с плохо стратифицированными или нестратифицированными слоями и материалам со сборов, которые представляют столь же широкий хронологический диапазон: Кипринский Борок (Казаков и др., 2022, с. 59) и Чудацкая Гора (Казаков, Казакова, 2024, с. 67).

Достаточно полно опубликованы материалы только одного микрорайона — Ближние Елбаны. Материалы Иткульского микрорайона обработаны и введены в научный оборот фрагментарно, что не позволяет составить целостную картину его формирования.

В этом плане особую значимость приобретают вопросы охраны памятников, расположенных в Иткульском микрорайоне. С оживлением экономики, появлением средств у населения России и развитием внутреннего туризма началось интенсивное освоение берегов озера Большой Иткуль с рекреационными целями. Для строительства баз отдыха, как правило, выбирают возвышенные места у прибрежной кромки, на которых как раз и располагаются памятники археологии. Само строительство этих баз происходит с грубыми нарушениями законодательства, связанными с оформлением и согласованием разрешений на строительство и их легитимизацией уже после ввода в эксплуатацию, что приводит к безвозвратной утере памятников археологии, разрушаемых при строительстве.

В настоящее время все памятники Иткульского микрорайона имеют необходимый для их государственной охраны правовой статус и зарегистрированы в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (http://ukn22.ru/kulturnoe-nasledie/obekty-kulturnogo-naslediya/perechen-obektov-arkheologicheskogo-naslediya/). К сожалению, единообразие в этих документах отсутствует и можно наблюдать, что в одних случаях на учете стоят как отдельные памятники, так и ансамбли, в состав которых они входят, в других же памятники, входящие в состав ансамблей, не указаны. Например, помимо ансамбля «Комплекс поселений на сев. берегу оз. Бол. Иткуль (Дмитриевская Грива, Перейма-1, 2, хут. Вершинино)», в списке объектов археологического наследия отдельно отражены как самостоятельные единицы с собственными номерами все входящие в состав ансамбля памятники. Та же картина и в другом ансамбле — «Комплекс поселений и городищ на оз. Мал. Иткуль (Мал. Иткуль-1–6, Кивок-1)». При этом для ансамблей «Комплекс археологических памятников (свыше 40 городищ, стоянок, курганных и грунтовых могильников) от эпохи неолита до периода позднего железа» составляющие их объекты не указаны (https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/).

Несмотря на такой разнобой, можно констатировать, что все памятники этого микрорайона стоят на государственном учете и имеют статус объекта государственной охраны. Надеемся, что с учетом значимости этого микрорайона органами охраны памятников ему будет уделяться приоритетное внимание.

Мониторинг состояния отдельных памятников сотрудниками Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (НПЦ «Наследие») проводился в 2004 и 2013 гг. Информация о памятниках, входящих в состав Иткульского микрорайона, в 2011 г. внесена в Схемы территориального планирования Зонального и Троицкого районов, в 2013 г. — в Генеральный план МО «Плешковский сельсовет» (http://зональный-район.рф/shema-territorial-nogo-planirovaniya-mo-zonalnyy-rayon.html; https://troalt.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/gradostroitelstvo/shema-territorialnogo-planirovaniya/novosti_209.html).

Осенью 2017 г. сотрудниками АлтГУ был осмотрен ряд памятников Иткульского микрорайона, в том числе поселение Дергач, расположенное на мысовидном выступе северного берега залива Дергач озера Большой Иткуль (рис.), в осыпи берега был поднят развал сосуда, вероятнее всего (судя по стратиграфии), выпавший из разрушающегося жилищного котлована, который удалось почти полностью реконструировать (рис.).

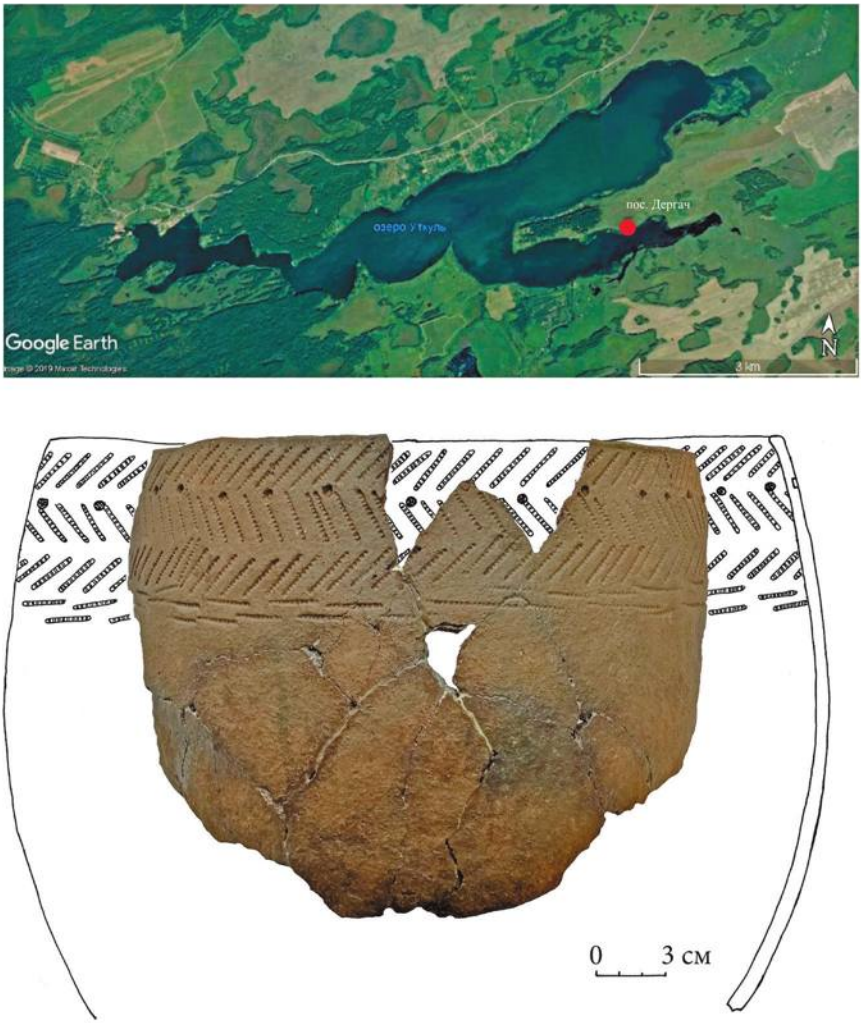

Схема расположения поселения Дергач и сосуд с этого поселения
Layout of the Dergach settlement and a vessel from this setlement

Сосуд баночной формы (закрытая банка), с прямой шейкой, на которой нет даже намека на профилировку. Венчик прямой, с горизонтальным неорнаментированным срезом. Отсутствие фрагментов плоского дна при неплохой сохранности сосуда позволяет предположить его круглодонность. Верхняя часть сосуда украшена отпечатками косопоставленного гребенчатого штампа, образующего орнаментальную композицию «елочка». Орнамент нанесен тремя строками. Верхняя строка отделена от двух нижних горизонтальным рядом ямок. Орнаментальная композиция снизу ограничена двумя горизонтальными рядами отпечатков того же штампа. Ямки неглубокие, жемчужины на внутренней стороне сосуда полностью заглажены.

Почти прямые аналогии этому сосуду имеются с исследованных памятников Иткульского микрорайона, относящихся к сошниковскому этапу одинцовской культуры, который датируется 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. (Казаков, 2014, с. 21, рис. 14; с. 32, рис. 23; с. 33, рис. 34). Следует отметить, что другие материалы этого комплекса, происходящие с поселения Дергач (Казаков, Казакова, 2025, с. 41, рис. 7), не противоречат предложенной интерпретации этого сосуда.

Говоря о познавательном потенциале Иткульского микрорайона, следует отметить, что он исследован достаточно неравномерно. Большая часть памятников выявлена благодаря наличию визуальных признаков, таких как жилищные западины, рвы. Другие найдены благодаря наличию подъемного материала на берегах, разрушаемых волновыми процессами. Лишь немногие найдены благодаря шурфовке перспективных для расположения памятников мест, а сплошного, достаточно плотного исследования подобных мест никем не проводилось.

Участок от истоков реки Иткуль до с. Комарово в настоящее время является белым пятном, его еще предстоит обследовать и он должен дать интереснейшие результаты.

Практически все исследователи, занимающиеся различными культурно-хронологическими периодами, рассматривали материалы Иткульского микрорайона только в рамках отдельных этапов древней истории Алтая, но комплексного осмысления развития древних культур на рассматриваемой локальной территории так и не появилось. В связи с этим далеко не все археологические материалы этого микрорайона введены в научный оборот.

В этом плане хочется обратить внимание на состояние хранения коллекций, происходящих с памятников Иткульского микрорайона. Практически все они сосредоточены в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. К сожалению, площадей, отведенных для хранения археологических коллекций, там явно не хватает. Специалистов-археологов, которые бы занимались этими коллекциями, в музее нет. В связи с этим в хранилище материалы одного памятника могут лежать в различных местах, некоторые коллекции разрознены, некоторые абсолютно безосновательно объединены, и теперь разобраться, с какого памятника происходят материалы, бывает крайне сложно.

Еще одна проблема, о которой уже говорилось, но на которую еще раз хочется обратить внимание, — это отсутствие комплексной публикации материалов с этих памятников.

Список источников

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 50–78.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л, 1956. 256 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; №48).

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Казаков А.А., Казакова О.М. Керамика саровского этапа алтайского варианта кулайской культуры с Чудацкой горы (по материалам Государственного Эрмитажа) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №3 (137). С. 66–71. DOI: 10.14258/izvasu(2024)3-08

Казаков А.А., Казакова О.М. Памятники алтайского варианта кулайской культуры иткульского археологического микрорайона // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 32–47. https://doi.org/: 10.14258/tpai(2025)37(2).-02

Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудометов П.Л., Степанова Н.Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и Средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65. https://doi.org/: 10.14258/tpai(2022)34(4).-03

Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Официальный сайт Министерства культуры РФ. Электронный ресурс: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/.

Перечень объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Официальный сайт Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. URL: http://ukn22.ru/kulturnoe-nasledie/obekty-kulturnogo-naslediya/perechen-obektov-arkheologicheskogo-naslediya/

Схема территориального планирования МО Зональный район. Официальный сайт Администрации муниципального округа Зональный район Алтайского края. URL: http://зональный-район.рф/shema-territorial-nogo-planirovaniya-mo-zonal-nyy-rayon.html

Документы территориального планирования — схема территориального планирования. Официальный сайт Администрации Троицкого района. URL: https://troalt.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/gradostroitelstvo/shema-territorialnogo-planirovaniya/novosti_209.html

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Альбертович Казаков, Барнаульский юридический институт МВД России, кафедра истории и философии, профессор кафедры; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0003-2652-2002, kaa-2862@mail.ru

Aleksandr A. Kazakov, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of History and Philosophy, Professor of the Department; 656038, Russia, Barnaul, 49 Chkalova St., Doctor of Historical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0003-2652-2002, kaa-2862@mail.ru

Ярослав Владимирович Фролов, Алтайский государственный университет, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета,

директор музея; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, кандидат исторических наук, https://orcid.org/ 0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Yaroslav V. Frolov, Altai State University, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, Director of the Museum; 656049, Barnaul, Russia, Dimitrova St. 66, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/ 0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Александр Сергеевич Федорук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, научный сотрудник; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-9825-1822, fedorukas@mail.ru

Alexander S. Fedoruk, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Researcher; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-9825-1822, fedorukas@mail.ru

Дмитрий Валентинович Папин, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, заведующий; Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org//0000-0002-2010-9092, papin@email.asu.ru

Dmitry Valentinovich Papin, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of South Siberia; Altai State University, Laboratory of the Interdisciplinary Study of Archaeology of Altai and Western Siberia; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org//0000-0002-2010-9092, papin@email.asu.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.21(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.30
EDN: KACDXX

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ЖЕЛЕЗНЫХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УДИЛ НА СЕМИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Сергей Михайлович Киреев[1], Мерген Семенович Челтанов[2]
[1]Национальный музей Республики Алтай им. А.А. Анохина, Горно-Алтайск, Россия
[2]Свободный исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В сообщении вводится в научный оборот интересный артефакт эпохи раннего средневековья — железные удила с псалиями и кольцевыми окончаниями звеньев достаточно редкой конструкции. Предмет относится к категории случайных

находок и был обнаружен при ограниченных земляных работах одним из авторов на территории Шебалинского района Республики Алтай на юго-западном склоне одного из отрогов Семинского хребта к востоку от одноименного перевала. Удила датируются в пределах VIII в., относятся к катандинскому этапу тюркской культуры Горного Алтая и принадлежат к типу двухсоставных удил с кольчатым соединением звеньев, их двойными кольчатыми окончаниями, расположенными в одной плоскости, и S-видными подвижными псалиями со скобчатой фиксацией.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, раннее средневековье, тюркская культура, удила железные

Для цитирований: Киреев С.М., Челтанов М.С. Случайная находка железных раннесредневековых удил на Семинском перевале в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 205–211. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.30

A RANDOM FIND OF THE EARLY MEDIEVAL IRON BITS AT THE SEMINSKY PASS IN THE MOUNTAINOUS ALTAI

Sergey M. Kireev[1], Mergen S. Cheltanov[2]
[1]National Museum of Altai Republic named after A.V. Anokhin, Gorno-Altaisk, Russia
[2]Freelance Researcher, Gorno-Altaisk, Russia

Abstract. The message introduces into scientific circulation an interesting artifact from the early medieval period — iron bits with psalms and ring-shaped ends of the links of a rather rare design. The item belongs to the category of chance finds and was discovered during limited earthworks by one of the authors in the territory of the Shebalinsky District of the Altai Republic, on the southwestern slope of one of the spurs of the Seminsky Range, east of the eponymous pass. The bits are dated to the 8th century, belong to the Katanda stage of the Turkic culture of the Mountain Altai, and are of the type of two-piece bits with ring-shaped link connections, their double ring ends located in one plane, and S-shaped movable psalms with bracket fixation

Keywords: Altai Mountains, archaeology, early Middle Ages, Turkic culture, iron bits

For citation: Kireev S.M., Cheltanov M.S. A Random Find of the Early Medieval Iron Bits at the Seminsky Pass in the Mountainous Altai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:205–211. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.30

Наряду с материалами поселенческих и погребальных комплексов так называемые случайные находки часто являются важными и значимыми артефактами, позволяющими внести новую дополнительную информацию и расширить представления о различных сторонах хозяйственной, технологической, культовой и иной деятельности населения древних культур. На поселениях, как правило, встречаются лишь отходы производственной жизнедеятельности людей, а в погребениях было не принято помещать многие категории обыденных предметов. Поэтому часто случайные находки являются вещами, которые не встречаются в первых двух обозначенных категориях памятников или представляют собой редкие экземпляры. Одним из таких

примеров являются железные удила, о которых пойдет речь. Они были найдены случайным образом 20 октября 2025 г. на глубине около 60 см во время земляных работ при строительстве сарая-омшаника на пасеке травника Ивана Александровича Крухмалева. Строительные работы проводились в логу Обутак, находящемся на Семинском хребте между г. Сарлык и Семинским перевалом, ниже бывшей воинской части, к юго-востоку от с. Топучая Шебалинского района. Координаты находки: 51.0771856, 85.6477632. (рис. 1).

Рис. 1. Место находки железных удил
Fig. 1. The location of the iron bits

Описание удил. Удила железные, двухсоставные, гладкие, с расположенными в одной плоскости двухкольчатыми восьмерковидными окончаниями без перегиба, с вертикально-стержневыми слабоизогнутыми S-видными вставными подвижными псалиями прямоугольного и овального сечения со скобчатым креплением во внутренних кольцах звеньев (рис. 2).

Сохранность: удила покрыты коркой соединений корродированного железа, кальциевой патины и суглинистой массы, имеется частичное выкрашивание корродированного материала. У одного из звеньев удил обломлена часть крайнего кольца окончания, переломлен посередине один из псалиев,

на котором отсутствует соединительная скоба. На обоих окончаниях звеньев удил нет колец для уздечного повода.

Рис. 2. Железные удила с Семинского перевала
Fig. 2. Iron bits from the Seminsky Pass

Звенья удил: стержневые, гладкие, с квадратным сечением стержней, постепенно сужающиеся от внешней стороны к внутренней. Одно звено целое длиной 9,0 см, второе — частично обломленное по краю внешнего окончания длиной 9,2 см. Звенья сочленены между собой подвижным шарнирным соединением: одно из свернутого в кольцо и приваренного к стержню его окончания, второе звено продето в это кольцо и также загнуто в виде кольца. Как пишет Б.Б. Овчинникова, «самой изменчивой» деталью удил является «внешний конец: кольца, скобы, щитки, псалии, при помощи которых осуществлялось крепление удил с ремнями и управление конем» (Овчинникова, 1990, с. 90). Окончания звеньев удил с Семинского перевала двухкольчатые «восьмерковидные», выкованные в одной плоскости и отделенные друг от друга перемычкой в 0,6 см, диаметром: внутреннее круглое для продевания псалия 1,5 см, внешнее овальное, обычно служащее для крепления кольца уздечного повода, 1,1×1,3 см (рис. 3).

Рис. 3. Деталь удил: соединение звена и псалия
Fig. 3. Bit part: connection of the link and psalium

Во внутренние кольца окончаний звеньев удил вставлены железные псалии S-видной формы, слабоизогнутые, оба плеча примерно одного размера, в завершении сужаются и слегка приострены к концам. Длина обоих псалиев 18,8 см, их сечения различные: одно прямоугольно-уплощенное, сечение второго псалия овальное, наибольшая ширина изделий по центру 1,2 см. Способ соединения псалиев со звеньями осуществляется при помощи железных скоб прямоугольной полуовальной формы, из которых сохранилась лишь одна скоба. Для этого в центре каждого псалия с торцевой стороны изготовлено два небольших прямоугольных вертикальных сквозных отверстия для крепления стоек скобы. В полном комплекте звена, псалия и скобы в эти отверстия продеты обе стойки скобы, конец их слегка выходит и загибается на противоположной стороне псалия. Размер выступающей части скобы 2,8×2,6 см. Как уже указывалось, второй псалий был поврежден: пере-

ломлен как раз по одному из отверстий для скобы, сама скоба отсутствует, от нее остался лишь небольшой стерженек, закрепленный во втором отверстии, скрытом слоем коррозии. Внешние отверстия звеньев удил не имеют традиционных колец для повода, возможно, они утрачены или же конструкция данных удил не предусматривала их, а уздечный повод крепился непосредственно к внешнему отверстию звеньев.

Данные удила по всем отмеченным критериям, по классификации Г.В. Кубарева, относятся к группе 2 «двухкольчатые удила», типу 1 «удила с S-образными псалиями», которые получили распространение с VIII в. (Кубарев, 2005, с. 121). Как отмечал Д.Г. Савинов, «взаимное расположение колец на двукольчатых удилах — в горизонтальной или вертикальной плоскости — не имеет хронологического значения. В принципе все эти типы удил и псалий характерны для III стадии развития удил со стержневыми псалиями по периодизации А.А. Гавриловой (VIII–IX вв.)» (Савинов, 1982, с. 116). В.В. Горбунов и А.А. Тишкин со ссылкой на Б.Б. Овчинникову и С.В. Неверова, подтвержденной собственными наблюдениями и исследованиями, отмечают, что «двухкольчатые удила появились во 2-й половине VII в. и бытовали у многих народов Евразии (в отдельных районах до XII в.)… На Алтае первые такие находки фиксируются в памятниках катандинского этапа (2-я половина VII — 1-я половина VIII в.) тюркской культуры, видимо, ближе к рубежу VII–VIII вв.» (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 65). А.А. Гаврилова не исключала возможности, «что этот тип удил заимствован от кыргызов… псалии со скобой изготавливаются на Алтае и вне Алтая для двухкольчатых удил в течение всего периода VII–VIII вв.» (Гаврилова, 1965, с. 82).

Таким образом, удила с псалиями с Семинского перевала Горного Алтая по всем своим конструктивным особенностям и показателям составных деталей четко укладываются в рамки хорошо обоснованного исследователями катандинского и туэктинского этапов тюркской культуры Алтая и могут быть датированы в пределах VIII в. Что касается оригинальной конструкции устройства и технологии изготовления окончаний внешних восьмеркообразных невитых колец, расположенных в одной плоскости, это может быть еще одним вариантом в классификационных схемах данного вида предметов конской упряжи раннего средневековья.

Удила в качестве безвозмездного дара переданы находчиком в частное учреждение культуры — музей «Конь и всадник — Эрдинелу Эр», основатель и владелец музея Э.А. Белекова, адрес: Республика Алтай, поселок Турбаза «Юность».

Список источников

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 87 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул, 2022. 320 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Михайлович Киреев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, старший научный сотрудник; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Г.И. Чорос-Гуркина, 46, https://orcid.org/0000-0001-6850-6647, kireevsm2013@yandex.ru

Sergey M. Kireev, National Museum of Altai Republic named after A.V. Anokhin, Research Aassociate; 649000, Russia, Gorno-Altaisk, Choros-Gurkin St., 46, https://orcid.org/0000-0001-6850-6647, kireevsm2013@yandex.ru

Мерген Семенович Челтанов, свободный исследователь; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46, mergen-cheltanov@yandex.ru

Mergen S. Cheltanov, Freelance Researcher; 649000, Russia, Gorno-Altaisk, Choros-Gurkin St., 46, mergen-cheltanov@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2:903.5
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.31
EDN: KKOSYK

МОГИЛЬНИК ХОМУТИНКА-I. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

Александр Денисович Корнилов
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В статье рассматривается история исследований памятника Хомутинка-I, относящегося к раннему средневековью. Полевые работы 1990–1992 гг. освещаются в контексте строительства оросительной системы, в ходе которого были выполнены спасательные археологические раскопки. Исследование памятника проводилось сотрудниками хоздоговорной лаборатории Среднеиртышской археологической экспедиции ОмГУ, существенно повлиявшей на изучение региона. Материалы, которые до сих пор остаются не опубликованными, представляют большую ценность для изучения эпохи средневековья в Омском Прииртышье. На примере конкретного случая в статье освещается проблема переходного этапа в развитии спасательных археологических работ в 1990-х гг. в связи с региональными строительными проектами.

Ключевые слова: раннее средневековье, спасательные археологические работы, курганный могильник, оросительная система

Благодарности: работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Для цитирований: Корнилов А.Д. Могильник Хомутинка-I. История одного памятника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 211–216. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.31

KHOMUTINKA-I BURIAL GROUND. THE HISTORY OF ONE SITE

Alexandr A. Kornilov
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of RAS, Omsk, Russia

Abstract. This article explores the history of research at the Khomutinka-I Early Medieval site. The salvage excavations of 1990–1992 were necessitated by the construction of the irrigation system**.** The work was carried out by researchers from the contract-based team of the Middle Irtysh Archaeological Expedition of OmSU, an institution pivotal to the study of the Middle Irtysh region. The findings from these excavations, which have not yet been published, are a valuable source of information for understanding the medieval period in the Omsk Irtysh region. This specific case study sheds light on a transitional stage in the practice of salvage archaeology during the 1990s, a period defined by reactive work dri ven by regional construction projects.

Keywords: early Middle Ages, rescue archaeology, burial mound, irrigation system

Acknowledgments: The work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

For citation: Kornilov A.D. Khomutinka-I Burial Ground. The History of One Site. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:211–216. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.31

Период наивысшей активности охранных раскопок в XX в. относится к 1970–1980 гг. и характеризуется масштабными новостроечными работами, ростом числа охранных экспедиций и ведущей ролью экспедиций ИА АН СССР (Энговатова, 2012, с. 142). К 1990-м гг. происходит закономерное сокращение работ на новостройках, которое объясняется как общим кризисом, так и коренными изменениями в законодательстве и экономике страны (Соловьева, 2013, с. 246). Однако спасательные раскопки не прекратились, и среднее Прииртышье в этом смысле не стало исключением. Со 2-й половины 1980-х и до середины 1990-х гг. в Омской области реализовывался ряд крупных строительных проектов, археологическое обеспечение которых производилось созданной на основе научно-исследовательского сектора ОмГУ группой под руководством Л.И. Погодина и А.Я. Труфанова.

Период работы этой группы ограничивается 1987–1997 гг. Она, охватив своей деятельностью наиболее экономически и политически сложный период в истории страны, внесла неоценимый вклад в археологию Среднего Прииртышья. В археологических отчетах (хранящихся в музее археологии и этнографии ОмГУ, далее — МАЭ ОмГУ), легших в основу данной работы, их авторы называют свое объединение по-разному: отрядом Среднеиртышской экспедиции ОмГУ; сотрудниками НИСа ОмГУ; хоздоговорным отрядом; хоздоговорной лабораторией; единожды — экспедицией хоздоговорной лаборатории И-54. Это соотносится с непостоянным, изменчивым институциональным статусом группы, специализировавшейся на хоздоговорной деятельности в рамках ОмГУ. Однако по ряду причин справедливым и обоснованным представляется выделение лаборатории как целостной и единой

группы исследователей. Во-первых, в ее рамках сложился в той или иной степени постоянный профессиональный кадровый состав, включавший помимо руководителей Н.П. Довгалюк, А.В. Полеводова, А.Е. Плешкова, С.В. Бульбакова, А.В. Халтурина и др. Во-вторых, хоздоговорная направленность лаборатории сохранялась вне зависимости от актуального наименования. И наконец, научные интересы лаборатории, а в первую очередь ее руководителей, в большей степени совпадали и концентрировались на эпохах раннего железного века и финальной бронзы. Ими были раскопаны знаменитые памятники Исаковка-I, Стрижево-I, Кокоповка-III, основательно повлиявшие на изучение саргатской культуры раннего железного века, и многие другие.

В связи с вниманием к хоздоговорной деятельности лаборатории в Омске необходимым видится обращение к проектам, реализации которых в 1990-е гг. обязаны сопутствующие открытия. Ее силами производилось археологическое обеспечение стройки газопровода Омск — Новосибирск — Кузбасс, нефтепровода Усть-Балык — Омск, а также уникального для Омской области случая реализации целевой программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» согласно договору с ИА РАН, включившей обследование Крутинского района. Долгосрочными же направлениями хоздоговорных тем в работе лаборатории были программы паспортизации, инвентаризации памятников и программа мелиорации засушливых районов области. Собственно «новостроечные» раскопки в этот период в массе своей были спровоцированы именно последней — программой мелиорации. В 1987 и 1988 гг. в Омской области реализовывалось сооружение ирригационной системы совхоза «Береговой» — совр. с. Старомалиновка Нижнеомского района (Погодин, 1988, 1989), в 1989 и 1990 гг. — строительство Иртышской оросительной системы (далее — ОС) в Нижнеомском, Горьковском районах (Погодин, 1990, 1991), в 1992-м — Хомутинской ОС в Нижнеомском и Сибирской ОС в Нововаршавском и Черлакском районах (Погодин, 1993; Труфанов, 1993). Эти работы позволили получить богатый материал, относящийся к разным эпохам, но, что, к сожалению, характерно для научного наследия новостроечных экспедиций, далеко не все было опубликовано.

На протяжении трех лет, начиная с 1990 г., сотрудниками хоздоговорного отряда проводились полевые работы в Нижнеомском районе Омской области, связанные со строительством оросительной системы. В 1990 г. Н.П. Довгалюк в ходе разведки с целью последующей паспортизации обнаружила 16 новых памятников в Нижнеомском районе (4 поселения, 11 курганных могильников, 1 грунтовый могильник), среди которых и расположенный на южном берегу оз. Байбулак (на левом берегу Оми, к юго-востоку от с. Хомутинка) грунтовый (как выяснится позже — курганный) могильник Хомутинка-I.

При обследовании основательно распаханного берега озера были обнаружены человеческие кости, фрагменты керамики и бронзовый кинжал с обломанной рукоятью, позднеандроновского облика. Учитывая отсутствие выраженных в микрорельефе признаков и ориентируясь на характерные ма-

териалы, исследователи обозначили памятник Хомутинка-I грунтовым могильником эпохи бронзы (Довгалюк, 1991). Позже, уже в 1991 г., из-за технической ошибки при составлении заявки на Открытый лист его и вовсе назовут поселением (Труфанов, 1992, с. 8).

В 1991 г. памятник, раскрывший себя столь заманчивой находкой, попал в зону реконструкции Хомутинской ОС и тем самым под угрозу окончательного уничтожения. Как и годом ранее, на поверхности было обнаружено множество человеческих костей, фрагменты керамики, а также обломок железного ножа. «Рекогносцировочные» раскопки, направленные на определение перспективности дальнейшего исследования, включали в себя заложение траншеи длиной 21 м и шириной 1 м, в ней были обнаружены два могильных пятна, при исследовании которых после прирезки в 3 м^2 были обнаружены могилы ребенка и взрослого.

Могила-1 содержала непотревоженное захоронение ребенка в положении вытянуто на спине, головой на юг–юго-запад. Сопроводительный инвентарь: астрагалы овцы (5 шт.), один из которых орнаментирован, располагавшиеся в районе таза; сверленые фаланги животного (7 шт.), располагавшиеся на левой половине грудной клетки.

Могила-2 содержала захоронение взрослого человека в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Сопроводительный инвентарь: костяные наконечники стрел (6 шт.); неорнаментированные фрагменты керамики; железное тесло со свернутой втулкой; изделие из кости; железная пряжка; костяная накладка на лук; кусок войлока; железное шило; костяная рукоять железного ножика; железная заклепка; пять фрагментов костяных изделий, которые автор отчета обозначил накладками (Труфанов, 1992).

В результате первых земляных работ исследователи утвердились во мнении о том, что памятник является грунтовым могильником, в связи с единообразием почв близ могил и во всей траншее. Датировка же изменилась, выявленные могилы относятся к раннему средневековью. Что касается бронзового кинжала, его принадлежность к памятнику не подтвердилась. В коллекции кинжал обнаружить не удалось (МАЭ ОмГУ. НА. Ф. VI. №264-1, 264-2).

В 1992 г. в продолжившейся работе над Хомутинской ОС хоздоговорным отрядом производятся полноценные раскопки на двух памятниках: Хомутинка-I и Хомутинка-IV, представляющих интерес и находящихся под угрозой уничтожения. Раскоп общей площадью 1152 м^2 привязан к сетке координат и реперу предыдущего года, продолжается от могилы-2 в западном направлении. Большая часть находок была обнаружена в пахотном слое. Выделены две могилы, обозначенные в продолжение нумерации раскопа 1991 г. как №3, расположенная в материковом слое, разграбленная, и №4, условно выделенная по скоплению костей на уровне материка и выше, протяженностью 6,3 м.

Могила-3 — разграбленная, содержала два костяка в вытянутом положении на спине. Головой один направлен на север, второй — на юг–юго-запад. У второго костяка сохранился участок перекрытия в виде досок длиной 0,25 м, шириной 0,2 м, покрытых берестой. Сопроводительный инвентарь: развал сосуда.

Могила 4 содержала останки не менее чем пяти человек, среди которых ребенок, кости черепа которого были прокалены до черноты, и подросток. Большая часть костей были расположены разрозненно, отдельные части же трех скелетов сохранились в непотревоженном состоянии: I — левая бедренная и тазовая кости; II — плечевая и локтевая кости в сочленении; III — пары бедренных, большеберцовых, малоберцовых и тазовая кости. Помимо человеческих костей обнаружены: фрагмент изделия из кости; два фрагмента неорнаментированной керамики; нашивная полусферическая штампованная бляшка из бронзовой фольги; каменное пряслице; бронзовое кольцо; бронзовая бляшка с «усиками». В слое раскопа в отдалении от могил были обнаружены: фрагмент костяного наконечника стрелы; фрагменты стенки керамического сосуда (3 шт.); фрагмент роговой концевой накладки на лук, отнесенный автором отчета к гуннскому типу; костяной двудырчатый псалий. Полученный за два года раскопок материал позволил отнести памятник к VI–VIII вв. и определить, что он является не грунтовым, а курганным могильником в связи с группировкой погребений и стратиграфией (повышением уровня дневной поверхности и увеличением слоя гумуса в районе могилы) (Погодин, 1993).

Датировка Хомутинки-I, по-видимому, была довольно затруднительна. Так, в отчетах 1991 и 1992 гг. предложены два варианта — IV–VI вв. (на основании орнаментации астрагала овцы из могилы-1; костяных наконечников стрел, накладки на лук и, по предположению авторов, от колчана из могилы-2) и VI–VIII вв. н.э. соответственно. В более позднем отчете отмечается, что «…по аналогии с могилой-2, можно предполагать, что памятник относится к VI–VIII вв. н.э.», и так как в ряде отчетов упоминается совместная работа авторов над подготовкой текстов, а датировка в более раннем отчете обозначена предварительной, следует считать второй вариант (VI–VIII вв.) итоговым. Интересными являются и другие памятники в комплексе близ оз. Байбулак. Так, фрагменты керамики, ассоциированные Н.П. Довгалюк с эпохой бронзы, Л.И. Погодин относит к материалам соседствующих (согласно карте-схеме расположения памятников на р. Оми, Хомутинка-V, Хомутинка-II, Хомутинка-I, Хомутинка-III, Хомутинка-IV в соответствующем порядке располагаются с запада на восток по южному берегу оз. Байбулак) поселений Хомутинка-II и Хомутинка-III. Вполне возможно аналогичное заключение и в отношении бронзового кинжала, что объясняется многолетней распашкой территории. А расположенная к северо-востоку и раскопанная параллельно с Хомутинкой-I Хомутинка-IV близка ей хронологически и относится к VIII–IX вв. н.э.

К сожалению, авторский коллектив приведенных выше работ не опубликовал в сколько-нибудь целостном виде материалы раскопок (в том числе памятника Хомутинка-IV». Упоминание памятника до сих пор было встречено лишь единожды (Ахметова, Погодин, Толпеко, 2001, с. 162). Вероятно, это можно связывать с научными интересами авторов работ, хронологически отдаленных от исследованных памятников. Собранная коллекция, тем

не менее, имеет большой исследовательский потенциал и прямое отношение к теме тюркизации Среднего Прииртышья в раннем средневековье. Рассмотрение памятника Хомутинка-I является первым шагом в исследовании деятельности лаборатории и введении в научный оборот неопубликованных материалов. Роль хоздоговорной лаборатории, как и влияние большого строительства в Омской области на местную археологию, предполагается в дальнейшем исследовать в контексте истории науки 1990-х гг.

Список источников

Ахметова Ш.К., Погодин Л.И., Толпеко И.В. Процессы тюркизации южных территорий Среднего Прииртышья (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 162–163.

Довгалюк Н.П. Отчет об археологических разведках в Нижнеомском районе Омской области, проведенных в 1990 г. Омск, 1991. 25 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 75-1б.

Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 году. 1990. 111 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 65-1.

Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Горьковском и Нововаршавском районах Омской области в 1990 году. 1991. 73 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 72-1.

Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском районе Омской области в 1992 году. 1993. 58 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 86-1.

Погодин Л.И. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского-II и Стрижевского-III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 году. 1988. 86 с. (МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 53-1)

Погодин Л.И. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1988 году. 1989. 134 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 53-1.

Соловьева Н.Ф. Отдел охранной археологии // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 243–260.

Труфанов А.Я. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском, Нововаршавском и Таврическом районах Омской области в 1991 г. 1992. 45 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 79-1.

Труфанов А.Я. Отчет о работах в Крутинском, Нововаршавском и Большереченском районах Омской области в 1992 г. 1993. 86 с. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 83-1.

Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // Российская археология. 2012. №4. С. 141–150.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Денисович Корнилов, Омский научный центр СО РАН, Лаборатория историко-культурных экспертиз, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр. Карла Маркса, 15, https://orcid.org/0009-0005-2752-1185, k0rniloss.s@yandex.ru

Alexandr A. Kornilov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of RAS, Laboratory of Historical and Cultural Expertise, lead engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marks Ave. 15, https://orcid.org/0009-0005-2752-1185, k0rniloss.s@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2:903.27
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.32
EDN: LGVCTD

СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ВОСТОЧНОГО ПАМИРА

Муборакқадам Султонкадамович Магзумов
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. С 1950-х гг. археологические исследования Восточного Памира получили значительное развитие, во многом благодаря полевым работам В.А. Ранова. Последующий этап изучения региона связан с углублением таджикско-российского научного сотрудничества. В ходе этих исследований неоднократно ставилась проблема сохранности памятников наскального искусства. В настоящей статье представлен системный анализ современного состояния сохранности ключевых памятников наскального искусства Восточного Памира. На основе сравнительного анализа архивных и современных фотоматериалов, а также данных полевых наблюдений последних лет выявляются основные угрозы для целостности изображений, оценивается степень их сохранности и предлагаются конкретные меры по консервации и музеефикации объектов. Особое внимание уделяется необходимости международного признания уникальности этих памятников и их включения в программы по защите культурного наследия.

Ключевые слова: Восточный Памир, наскальное искусство, В.А. Ранов, грот Шахты, грот Куртеке

Благодарности: Светлане Владимировне Шнайдер за предоставленную возможность участвовать в археологической экспедиции в 2025 г.

Для цитирований: Магзумов М.С. Степень сохранности памятников наскального искусства Восточного Памира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 217–219. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.32

THE STATE OF PRESERVATION OF ROCK-ART MONUMENTS OF THE EASTERN PAMIRS

Muborarqadam S. Magzumov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Since the 1950s, archaeological research in the Eastern Pamirs has advanced considerably, largely owing to the fieldwork of V.A. Ranov. A subsequent phase of investigation is associated with the deepening of Tajik–Russian scientific cooperation. These studies repeatedly highlighted the issue of conservation of rock-art monuments. This article presents a systematic analysis of the current state of preservation of key rock art monuments in the Eastern Pamirs. Based on a comparative analysis of archival and contemporary photographic materials, as well as field observation data from recent years, the main threats to the integrity of the images are identified, the degree of their preservation is assessed, and specific measures for conservation and museumification of the sites are proposed. Particular attention is given to the need for international recognition of the uniqueness of these monuments and their inclusion in cultural heritage protection programs.

Keywords: Eastern Pamirs; rock art; V.A. Ranov; Shakhty Grotto; Kurteke Grotto

Acknowledgements: I am grateful to Svetlana Vladimirovna Schneider for providing the opportunity to participate in the 2025 archaeological expedition.

For citation: Maghzumov M.S. The State of Preservation of Rock-Art Monuments of the Eastern Pamirs. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:217–219. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.32

Несмотря на высокогорье и суровый климат Восточного Памира, данная территория привлекала людей с глубокой древности, так, на настоящий момент наиболее ранние эпизоды заселения региона фиксируются порядка 14 тыс. л.н. (Шнайдер и др., 2024, с. 167–170). Если говорить об истории археологического изучения данного региона, то условно можно выделить два этапа. Первый этап связан с исследованиями В.А. Ранова. В ходе его работ в регионе было обнаружено более 60 археологических объектов (Ранов, 2016, с. 13), также были обнаружены и основные объекты наскального искусства, такие как Койкуй-бель, Шахты, Куртеке, Казан-куль, Зоркуль, Базар-дара (Элги-Сай) (Бубнова, 2015, с. 279). Позже к этому списку добавились грот Найзаташ, Акджилга, рисунки у перевала Акташа, Джаланг, Хавраздара и Кокуйбель-VI (Ранов, 2016, с. 17; Бубнова, 2015, с. 109–115).

Второй этап активного изучения ранних периодов заселения Восточного Памира связан с работой международной археологической экспедиции PaleoCentralAsia. Изучение региона данной группой было начато в 2018 г., за годы работы данной экспедиции в регионе было найдено более 20 новых объектов с наскальными росписями.

Грот Шахты
Shakhty Grotto

На настоящий момент проводится программа по изучению данных объектов с применением методов абсолютного датирования и химического анализа красок. Также в рамках данных работ проводится и изучение росписей, открытых В.А. Рановым. Наиболее полные работы проведены по гроту Шахты, они включают в себя изучение росписей с использованием методов фотограмметрии, цветовой фильтрации фотографий изображений (Зоткина и др., 2022, с. 3–5). Также проводились работы по определению степени сохранности росписей в гроте на основе сопоставления фотоматериалов работ В.А. Ранова и новых данных (Аболонкова и др., 2021, с. 10).

Международной экспедицией ведется ежегодный мониторинг сохранности росписей. В полевом сезоне 2025 г. было зафиксировано повреждение нижней части изображения из-за сожжения факела, который был закреплен непосредственно под изображением (рис.). На росписях отмечается воздействие высоких температур и, как следствие, разрушение скальной поверхности в ходе термического воздействия. Также часть изображения оказалась под копотью.

Данный археологический памятник был открыт В.А. Рановым в 1958 г. и считается самым высокорасположенным комплексом наскального искусства в мире (4200 м над у.м.). Необходимо принимать меры по его сохранению, как минимум необходима установка ограждения, табличек-памяток на нескольких языках (таджикский, кыргызский, русский, английский, китайский). И необходимо поставить вопрос о внесении данного объекта в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Список источников

Аболонкова И.В., Зоткина Л.В., Сайфулоев Н.Н., Каримова Г.Р. История изучения наскального искусства восточного Памира // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 5–10.

Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века — XX в.). Душанбе, 2015. 279 с.

Зоткина Л.В., Аболонкова И.В., Алишер кызы С., Сайфуллоев Н.Н. Наскальное искусство Восточного Памира: аналогии и концепции о возрасте рисунков // Stratum plus. 2022. №2. С. 1–16.

Ранов В.А. Бегущие по скалам. Наскальные рисунки Памира. Душанбе, 2016. 411 с.

Шнайдер С.В., Алексейцева В.В., Сайфулоев Н.Н., Наврузбеков М., Бобомулоев Б., Рендю У. Ранее заселение человеком Памира // Археология и палеогеография Центральной Азии. Памяти выдающегося археолога В.А. Ранова: материалы международной научно-практической конференции. Душанбе, 2024. С. 167–170.

Информация об авторе / Information about the Author

Муборакқадам Султонкадамович Магзумов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент 4 курса; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, muborakk1103@gmail.com

Muborarqadam S. Magzumov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, fourth-year student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 6, muborakk1103@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.15
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.33
EDN: LHUKKY

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПРОТОТИПЫ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ НА ДИАДЕМЕ ИЗ КАРГАЛИНКИ

Леонид Сергеевич Марсадолов
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. В статье проанализирована сложная композиция из изобразительных образов на каргалинкской диадеме. Изображения реальных и «сверхъестественных» образов на этой диадеме позволяют предполагать, что это была единая сакральная композиция, связанная с общей «моделью мира» евразийских кочевников, с их зодиакальными и календарными представлениями. На диадеме четыре раза показан образ антропоморфного крылатого медиатора — посредника между противостоящими явлениями или объектами, который не поддерживает ничью сторону, но способствует успешному переходу от одного к другому. «Истоки» для сакральных и художественных образов на диадеме из Каргалинки выявлены на более ранних объектах древних кочевников Евразии I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Каргалинка, диадема, золото, семантика, медиатор, календарь, сезоны
Для цитирований: Марсадолов Л.С. Центральноазиатские прототипы и семантика образов на диадеме из Каргалинки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 220–228. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.33

CENTRAL ASIAN PROTOTYPES AND IMAGERY SEMANTICS ON THE DIADEM FROM KARGALINKA

Leonid S. Marsadolov
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes a complex composition of pictorial images on the diadem from Kargalinka. Images of real and "supernatural" images on this diadem suggest that it was a single sacred composition associated with the general "model of the world" of Eurasian nomads, with their zodiac and calendar representations.4 times the diadem shows the image of an anthropomorphic winged mediator — an intermediary between opposing phenomena or objects, which does not support any side, but contributes to the successful transition from one to another. The "origins" for sacred and artistic images on the diadem from Kargalinka were revealed on earlier objects of the ancient nomads of Eurasia of the 1st millennium BC.

Keywords: Kargalinka, diadem, gold, semantics, mediator, calendar, seasons
For citations: Marsadolov L.S. Central Asian Prototypes and Imagery Semantics on the Diadem from Kargalinka. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:220–228. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.33

Введение

За длительный период изучения Каргалинкской диадемы, найденной в Казахстане при случайных обстоятельствах в 1939 г., рядом ученых были высказа-

ны интересные наблюдения и обобщения по археологическому, искусствоведческому, хронологическому и семантическому анализу этого предмета — работы А.Н. Бернштама, М.И. Артамонова, К.А. Акишева, А.К. Акишева, Е.Е. Кузьминой, В.И. Сарианиди, М.А. Чернова и др. Самое подробное описание всех изображений на диадеме из Каргалинки было дано А.Н. Бернштамом (1940), поэтому стоит остановиться лишь на деталях диадемы, важных для этой статьи (рис. 1).

Рис. 1. Прорисовка изображений на диадеме из Каргалинки и распределение их по сезонам. По материалам А.Н. Бернштама (1940), с дополнениями Л.С. Марсадолова
Fig. 1. Drawing images on the diadem from Kargalinka and their distribution by seasons. Based on the materials by A.N. Bernstam (1940), with additions by L.S. Marsadolov

Описание и общая семантика сакральных образов на диадеме

На диадеме четыре раза встречается образ крылатого антропо-зооморфного существа, которого археологи называют «человеком-птицей», «шаманкой», «жрицей» или другими именами. Изображения женщины-богини, которая сидит на льве/хищнике; иногда держится руками за ручки трона в виде головок львов или находится на повозке, которую тянут львы; но наиболее часто стоит и в руках держит двух побежденных хищников, были широко распространены в странах Азии и Средиземноморья. Многие ученые часто отождествляют образ этой богини с Кибелой — Владычицей зверей, культ которой был широко распространен во многих странах. В Келермесском кургане на Кубани было найдено серебряное зеркало 2-й половины VII в. до н.э. На одной из его обкладок из электра была изображена стоящая крылатая богиня с двумя леопардами/барсами в руках (рис. 2.-*6*). Изображения на этом сакральном зеркале имели и календарную подоснову, а образ богини, вероятно, был связан с осенним созвездием Девы, которая вместо Весов держит за лапы двух хищников (Марсадолов, 2015).

В I тыс. до н.э. учеными-жрецами разных регионов было осознано, что для успешного функционирования сакральных и календарных систем необходим образ посредника, например между природными сезонами, которого в современных терминах можно назвать медиатором.

Медиатор — это посредник между противостоящими явлениями или объектами, который не поддерживает ничью сторону, но способствует успешному переходу от одного к другому. На татуировке вождя-жреца из кургана Пазырык-2 связи между природными сезонами выполнял зооморфный медиатор в виде существа, объединявшего образы копытного животного и хищника (Марсадолов, 2021). В странах Передней Азии функцию медиатора иногда выполняли антропо-зооморфные существа с крыльями, которых ученые иногда называют «гениями» или «ангелами», типа изображенных на зеркале из Келермеса (рис. 2.-*6*, верх). В эпоху бронзы образы «человека-птицы», «солнцеголового существа», орла, козерога и «чашевидные» ямки-углубления были изображены на плите 5 из погребения 2 в Караколе на Алтае (Кубарев, 2009, с. 18).

Современные ученые часто не могут объективно оценить уровень научно-сакральных знаний древних ученых-жрецов, в том числе и у кочевых народов. Не только в оседлых цивилизациях были пирамиды и обсерватории, но и у кочевников в 1-й половине I тыс. до н.э. были свои крупные курганы-храмы (Аржан-1, Большой Салбыкский курган и др.), а также наблюдательные астропункты (Семисарт, Тархата, Акбаур), частичные карты звездного неба и календари, которые восходят к сакральным объектам эпохи бронзы и ранее.

Календарные представления кочевников и соседних народов имели свои опорные временные точки, основанные на зодиакальных созвездиях. Наряду с годичными и многолетними календарями для древних кочевников были важны сезонные временные периоды, связанные с их хозяйственной

и сакральной деятельностью: весна — лето — осень — зима и вновь — весна и т.д. Каждый сезон был связан с определенным созвездием: весна — созвездие Овна/Барана, лето — созвездие Льва, зима — созвездие Козерога/Козла (Марсадолов, 1982, 2015, 2021).

На диадеме с двух сторон показаны *разные фазы движения образов к центру* (рис. 1). На одной из сторон пластины показаны прикрепленные *к нижней планке спокойно стоящий олень с повернутой назад головой* и начинающая движение вперед олениха (?) *с приподнятой левой ногой*. На последующей сцене изображен *хищник в прыжке* и сидящий на нем медиатор *с повернутой назад головой* и поднятой вверх левой рукой (рис. 1.-*3*).

На другой стороне изображены прикрепленные *к верхней планке* смотрящий вперед медиатор с цветком лотоса (?) *в правой руке*, сидящий на баране/овне *с поднятой вверх правой ногой*, в фазе *готовности к движению*. На следующих сценах — медведь приподнял три лапы, а медиатор изображен *на бегущем козле* (рис. 1.-*5*).

В центре диадемы находится самая крупная по размерам сцена *с летящим драконом* и с устойчиво сидящим на нем медиатором, который правой рукой держится за рог дракона, а левой — за его шею (рис. 1.-*4*). В драконе объединены признаки разных образов: туловище хищника, рог козла или антилопы и крылья птицы. Одно из центральных небесных созвездий — Дракон — было изображено красной краской на стене грота в святилище Акбаур на Западном Алтае, на фрагменте карты звездного неба, которую можно датировать концом II — началом I тыс. до н.э. (Марсадолов, 2002).

Как хорошо известно, Полюсами Мира называют условные неподвижные точки на небесном своде — на Севере и Юге, вокруг которых можно наблюдать видимое движение звезд и небесной сферы. Еще в древности астрономы заметили *постоянное положение Полюсов Мира*, что было огромным достижением в области навигации и для ориентирования на местности. В течение года «космическая ось» постоянно смещается по кругу, примерно на 20 угловых секунд. Это происходит из-за прецессии — кругового смещения земной оси.

Северный Полюс Мира в период 1200–300 гг. до н.э. находился между Бета Малой Медведицы и Каппа Дракона (в его хвосте). Современная Полярная звезда (Альфа Малой Медведицы) еще только к апрелю 2102 г. (через 75 лет) ближе всего приблизится к Полюсу Мира, и то будет отстоять от него на 32,5 минуты. Поэтому в древности разные наблюдатели могли помещать Северный Полюс Мира около одной из звезд Малой Медведицы или Дракона. Следует отметить, что в связи с постоянным движением звезд на небе в этот период и позднее *неподвижной опорной точкой в центре ночного звездного неба* служила не Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы, а точка в созвездии Дракона. Особенно четко это осознали древние ученые-жрецы, правители и представители разных слоев общества к концу I тыс. до н.э., когда образ дракона появился на многих сакральных предметах в разных регионах Евразии (Руденко, 1962; Тишкин, Матренин, 2017; и др.).

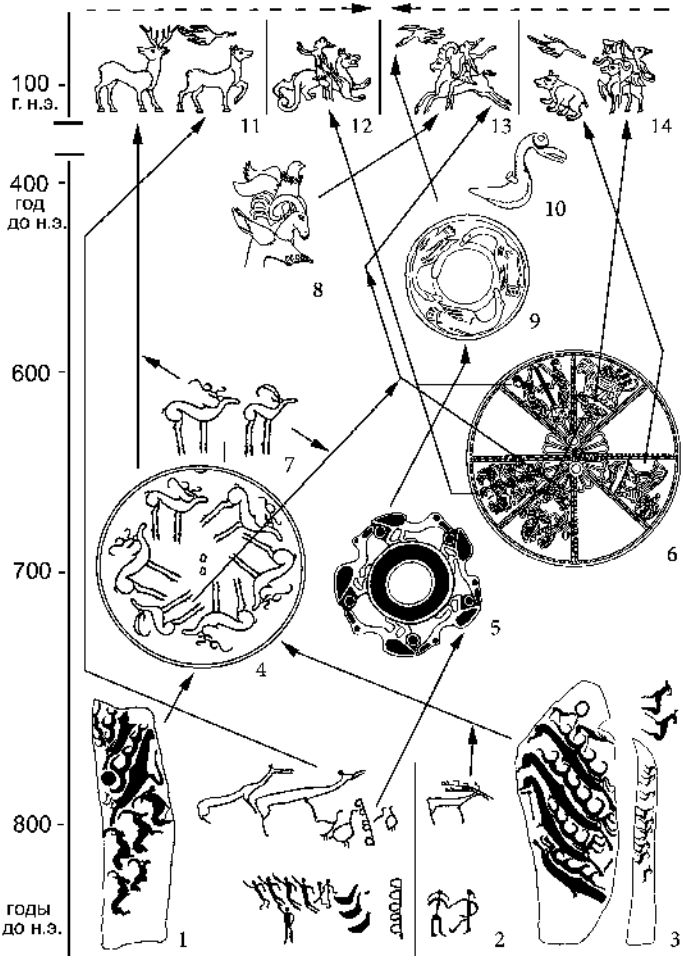

Рис. 2. Хронологическая схема изменений изобразительных образов. Объекты: 1–3 — «оленные» камни и оградка (2), Монголия; 4, 7 — зеркало, Усть-Бухтарма, Алтай; 5 — изделие из Сибирской коллекции Петра I; 6 — зеркало, Келермес, Кубань; 8 — маска коня, Пазырык-2, Алтай; 9 — налобная бляха коня, коллекция М.П. Погодина, Алтай; 10 — украшение для узды коня, Пазырык-3, Алтай; 11–14 — диадема из Каргалинки, Казахстан. По материалам многих авторов, составлено Л.С. Марсадоловым

Fig. 2. Chronological scheme of changes in visual images. Objects: 1–3 — "deer" stones and fencing (2), Mongolia; 4, 7 — mirror, Ust'-Bukhtarma, Altai; 5 — a artifact from the Siberian collection of Peter I; 6 — mirror, Kelermes, Kuban; 8 — horse mask, Pazyryk-2, Altai; 9 — head plaque of a horse, collection of M.P. Pogodin, Altai; 10 — decoration for the bridle of a horse, Pazyryk-3, Altai; 11–14 — diadem from Kargalinka, Kazakhstan. Based on materials from many authors, compiled by L.S. Marsadolov

Центральную композицию на Каргалинкской диадеме с двух сторон ограничивают фигурки крылатых коней — Пегасов, стоящих на высоких алтарях. Обращенные головой друг к другу, Пегасы имеют разные размеры. *Низкий* по размерам Пегас находится в точке *захода солнца* в дни равноденствий и обращен головой к передней части дракона. Другой, более *высокий* Пегас расположен в точке *восхода солнца* в дни равноденствий. Не исключено, что образы коней с крыльями символизировали точки восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия (?).

Более ранние изобразительные прототипы для образов на диадеме

Археологи проделали большую работу по изучению художественных образов и сакральных композиций у древних кочевников Евразии I тыс. до н.э. и позднее. Предварительное построение хронологической схемы для выявления истоков разных по стилям и регионам художественных образов и композиций позволяет проследить изменения за относительно длительный временной период (рис. 2).

Сакральные изображения на «оленных» камнях Азии оказали большое влияние на синхронные и более поздние стилистические и композиционные решения не только на изваяниях, но также и на многочисленных предметах евразийских кочевников I тыс. до н.э. и позднее. Образ стоящего оленя проходит сквозь века и эволюционирует в разных стилистических традициях, иногда на весьма удаленных территориях (рис. 2.-*1, 3–4, 7, 11)*.

Образ лебедя на диадеме из Каргалинки имеет изобразительные прототипы на предметах с эпох палеолита (Мальта), неолита (петроглифы Карелии), бронзы и скифского времени. Наиболее близкую «эволюционную цепочку» образов можно построить начиная с IX–VII вв. до н.э., с изображений на плитах каменной оградки в местности Дэлийн уул в Монголии (Волков, 2002, с. 101–102, табл. 125), а также украшения из золота из Сибирской коллекции Петра I, когда лебедей изображали рядом с их яйцами (рис. 2.-*2, 5*; Руденко, 1962, табл. III.-4), где показаны фигурки лебедей и пять яиц, что, вероятно, было связано с тем, что в одной кладке лебеди в среднем откладывают пять яиц и по очереди их высиживают в течение 40 дней. Поэтому образ лебедя можно связать как с новой жизнью, так и с погребальным обрядом (Пазырык-5) и поминками на 40-й день, когда душа погребенного уходит на небо, а затем и с новым возрождением к жизни через «яйца птиц». Вероятно, не случайно на восточной стенке плиточной могилы из Дэлийн уула контуром, что могло ассоциироваться с «белым цветом» и жизнью, выбиты две крупные фигуры лебедей, пять «яиц» и небольшие фигурки двух птенцов, а на западной стенке, ассоциируемой со смертью, полетом души, сплошной выбивкой («черным цветом») показаны три фигурки птиц с длинной шеей (рис. 2.-*2*).

На деревянной бляхе-налобнике для погребальной узды коня из коллекции М.П. Погодина, относящейся к пазырыкской культуре Алтая и датируемой 2-й половиной V в. до н.э., по кругу изображены три лебедя с длинными шеями (рис. 2.-*9*; 3.-*3*; Руденко, 1960, рис. 134). На более поздней каргалинк-

ской диадеме, датируемой хуннуским или усуньским временем, в движении показаны четыре лебедя (рис. 2.-*11–14*; 3.-*2*). Вероятно, число 3 больше было связано с тремя мирами — небесным, земным и подземным, а число 4 — с четырьмя природными сезонами и четырьмя сторонами света.

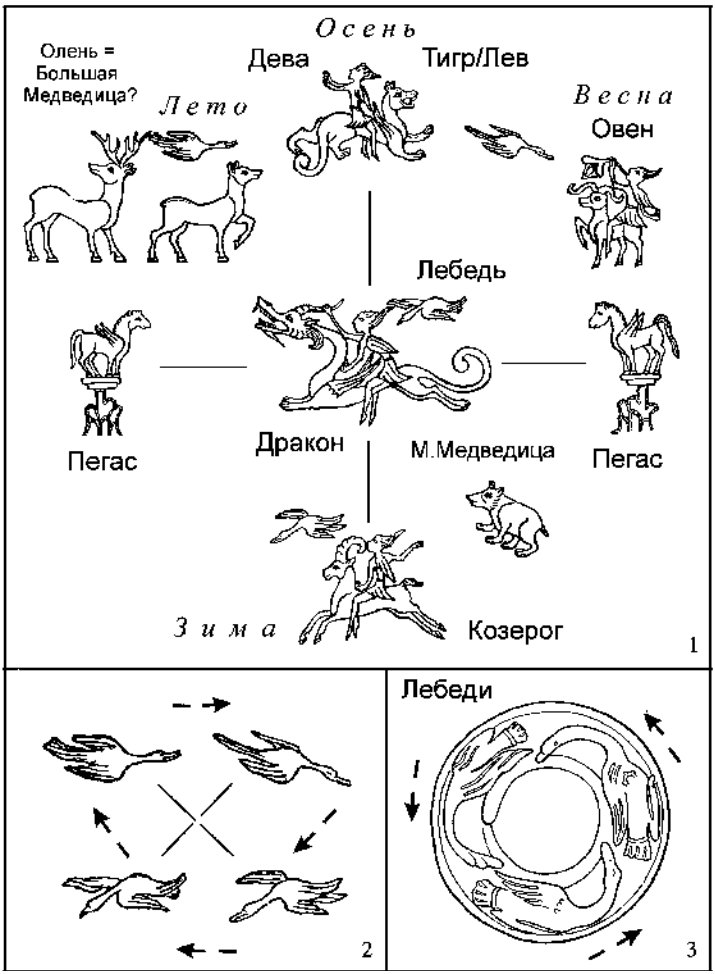

Рис. 3. Круговые композиции и семантические связи изобразительных образов с сезонами и небесными созвездиями: 1–2 — диадема из Каргалинки; 3 — налобная бляха от узды коня из коллекции М.П. Погодина, Алтай. Составлено Л.С. Марсадоловым
Fig. 3. Circular compositions and semantic connections of pictorial images with seasons and celestial constellations: 1–2 — diadem from Kargalinka; 3 — head plaque from the bridle of a horse from the collection of M.P. Pogodin, Altai. Compiled by L.S. Marsadolov

Одни и те же образы-знаки часто имели строго ориентированное место в календарных системах разных народов. Например, изображение барана, весеннего созвездия Овна, помещено в северо-восточном секторе келермесского зеркала VII в. до н.э. (рис. 2.-*6*, верх), а более ранние, конца IX в. до н.э., бронзовые навершия в виде барана были найдены также в северо-восточной части кургана Аржан-1 в Туве (Марсадолов, 2012). Образы козла, созвездия Козерога, находящегося в противоположной самой низкой точке заката солнца в день зимнего солнцестояния на юго-запад, изображены в нижней части на зеркалах из Усть-Бухтармы в Казахстане и из Келермеса на Кубани, на «оленных» камнях Монголии (рис. 2.-*1, 4, 6*) и на других объектах.

Изображенные на диадеме фигуры с двух сторон движутся к центру — к дракону с медиатором на спине (рис. 1). Учитывая, что у древних кочевников есть ряд композиций, отражающих движение образов по кругу (рис. 2; 3), и помня, что ряд животных в круговых композициях имеют относительно строго ориентированное место в круге, можно попытаться представить, как могла выглядеть круговая развертка диадемы из Каргалинки (рис. 3.-*1*). Круговая композиция изображений на диадеме позволяет более четко осознать связи всех образов с природными сезонами и зодиакальными созвездиями в форме своеобразной календарной системы.

Сезонно-фенологические аспекты. Вероятно, наряду с небесными созвездиями — Овна/Барана, Козерога, Дракона, Пегаса и др., на диадеме также отражены и фенологические аспекты с опорой на смену основных сезонных природных и хозяйственных явлений (рис. 3). На диадеме изображены четыре птицы в разных фазах движения (рис. 1; 3.-*1–2*). Весна — прилетает птица, просыпается медведь, медиатор на Овне с цветком в руке. Зима — птица улетает, медиатор на Козероге и т.д. Фенологические календари у многих народов мира предшествуют зодиакальным. В Центральной Азии, в Китае и других странах долгое время бытовали фенологическо-зодиакальные календари (Марсадолов, 2015).

Заключение

В разновременных изобразительных образах из разных регионов Евразии — на диадеме из Каргалинки в Казахстане, на зеркалах из Бухтармы на Алтае и Келермеса на Кубани, на «оленных» камнях Монголии, нашли отражение крупнейшие сакрально-научные Открытия и Озарения древних ученых-жрецов, а также замечательных мастеров, запечатлевших Сумму Знаний об окружающем Мироздании и о «Модели Мира». В целом семантически сложные сакральные композиции на каргалинкской диадеме и на ряде предшествующих объектов отражают слитое в природно-сакральном круговороте единое мифологизированное Пространство и Время, в форме разных по полноте и изобразительности зодиакально-сезонных календарей.

Список источников

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23–31.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 30–33.

Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 228–234.

Марсадолов Л.С. Жертвоприношения на сакральных путях-направлениях у древних кочевников Саяно-Алтая // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель. СПб., 2012. С. 87–115.

Марсадолов Л.С. Сакральная семантика келермесского зеркала VII в. до н.э. // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2015. С. 198–211.

Марсадолов Л.С. «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из кургана Пазырык-2 на Алтае // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 265–273.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. 52 с. + 27 табл. (Археология СССР. Свод археологических источников; Вып. Д 3-9).

Тишкин А.А., Матренин С.С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннуского времени (по материалам памятника Яломан-II) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 74–86.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, доктор культурологии, https://orcid.org/0000-0002-0480-2225, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Scientist; 191186, St. Petersburg, Russia, Palace nab., 34; Doctor of Cultural Studies, https://orcid.org/0000-0002-0480-2225, marsadolov@hermitage.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.25-032.42
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.00
EDN: LVNWQB

НОВОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИНИАТЮРНЫХ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КУРГАНА ЧИЛИКТА-5

Леонид Сергеевич Марсадолов, Екатерина Арнольдовна Шаблавина, Сергей Владимирович Хаврин
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. В статье рассмотрены новые результаты анализа золотых изделий из бисера и подвесок, найденных в кургане Чиликта-5 в Южном Казахстане. Этот курган раннескифского времени был раскопан экспедицией известного археолога С.С. Чер-

никова в 1960 г. Материалы из этого памятника хранятся в Государственном Эрмитаже и ныне датируются 4-й четвертью VIII — 1-й четвертью VII в. до н.э. Три группы миниатюрных золотых изделий были изучены методами трасологического и рентгено-флюоресцентного анализов. Количество анализов золотых изделий кочевников Евразии постепенно накапливается, совершенствуются методы их структурного и количественного изучения, что со временем позволит перейти на новые уровни познания и обобщения археологического материала.

Ключевые слова: курган, Чиликта-5, золото, анализы, хронология, Государственный Эрмитаж

Для цитирований: Марсадолов Л.С., Шаблавина Е.А., Хаврин С.В. Новое изучение миниатюрных золотых изделий из кургана Чиликта-5 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 228–238. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.34

A NEW STUDY OF MINIATURE GOLD ARTIFACTS THE CHILIKTA-5 BARROW

Leonid S. Marsadolov, Ekaterina A. Shablavina, Sergei V. Khavrin
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article considers new results of analysing gold bead and pendants found in the Chilikta-5 barrow in South Kazakhstan. This barrow of early Scythian's time was excavated by the expedition of the famous archaeologist S.S. Chernikov in 1960. Materials from this barrow are stored in The State Hermitage Museum and date from the 4th quarter of the 8th — 1st quarter of the 7th centuries BC. Three groups of miniature gold products were studied by methods of trasological and X-ray fluorescence analyzes. The number of analyses of gold products of nomads of Eurasia is gradually accumulating, methods for their structural and quantitative study are being improved, which over time will allow moving to new levels of knowledge and generalization of archaeological material.

Keywords: barrow, Chilikta-5, gold, analyses, chronology, The State Hermitage Museum

For citation: Marsadolov L.S., Shablavina E.A., Khavrin S.V. A New Study of Miniature Gold Artifacts from the Chilikta-5 Barrow. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:228–238. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.34

Введение

Чиликтинские курганы в Казахстане были сооружены в древности на юго-востоке сакского мира, в пограничье с Китаем и Монголией. Восточно-Казахстанская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Сергея Сергеевича Черникова начиная с 1949 по 1971 гг. (с перерывами) производила исследования в Чиликтинской долине.

Одним из уникальных памятников древних кочевников Азии является 5-й Чиликтинский курган, раскопанный в 1960 г., который С.С. Черников назвал Золотым. Материалы этого кургана получили наибольшую известность, хранятся в Государственном Эрмитаже и неоднократно экспонировались на временных выставках в разных музеях мира. Курган был ограблен еще в древности, но сохранились разные бляшки с изображениями — в виде оленей с подогнутыми ногами, украшавших колчан, фигурок орлов с повернутой назад

головой; в виде птицы с распростертыми крыльями; свернувшихся в кольцо хищников; вырезанных из фольги фигурок кабанов; образа рыбы со вставками из бирюзы и зернью (Черников, 1965; Марсадолов, Хаврин, Гук, 2013).

Среди других предметов в кургане Чиликта-5 выделяются три группы миниатюрных золотых изделий, которые были проанализированы при написании данной статьи (рис. 1.-*1*):

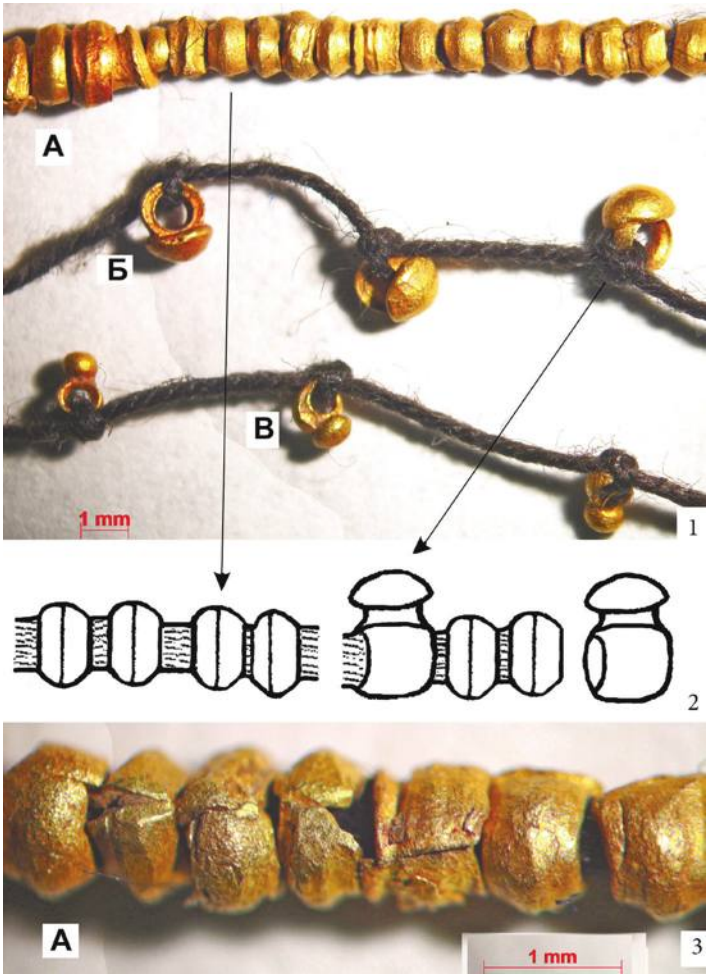

Рис. 1. Изделия из золота и бронзы: 1 — курган Чиликта-5, три группы изделий из золота (А — бисер, инв. №2326-14; Б — подвески со «шляпкой», инв. №2326-15; В — подвески с «шариком», инв. №2326-23); 2 — курган Солонечный Белок, бронзовые предметы для узды коня, Западный Алтай; 3 — курган Чиликта-5, бисер, увеличено, инв. №2326-14

Fig. 1. Artifacts from gold and bronze: 1 — the Chilikta-5 barrow, three groups of gold products (А — beads, inv. No. 2326-14; Б — pendants with a "hat," inv. No. 2326-15; В — pendants with a "ball," inv. No. 2326-23); 2 — the Solonechnyj Belok barrow, bronze objects for the bridle of a horse, Western Altai; 3 — the Chilikta-5 barrow, beads, enlarged, inv. No. 2326-14

1) мелкий бисер с центральной гранью (длина одной бусины — ок. 1 мм; инв. №2326-14); 2) подвески в виде «полушария с петлей-ушком» (со «шляпкой» полусферической формы) — 60 шт. (длина до 1,5 мм; инв. №2326-15); 3) подвески в форме «шарика с кольцом» — 17 шт. (длина ок. 1 мм; инв. №2326-23).

Методы и результаты исследования

Трасологический анализ. Различные по технике изготовления три группы миниатюрных изделий из Чиликты-5 были исследованы с помощью оптического микроскопа (Leica M60, Stemi 508, Zeiss), с разной степенью увеличения.

Мелкий бисер был изготовлен из тонкой золотой полоски шириной ок. 1 мм с предварительно нанесенной центральной гранью. Вероятно, такие полоски накручивали на тонкий круглый в сечении стержень (Минасян, 2018). Затем такую заготовку последовательно и аккуратно разрезали на отдельные колечки-бисеринки. От тщательности нарезания бусин зависела их форма и соединение двух краев, которые иногда бывают неровными, с заусеницами и с расслоением металла (рис. 2).

Две группы разных по размерам подвесок были изготовлены с применением близких по технике приемов (рис. 3). Для каждой из подвесок древний мастер вначале брал шарик из золота определенного размера. Для более крупной по размерам подвески шарик вначале наполовину расплющивали орудием с закругленным концом в округлом гнезде-матрице до образования «шляпки-полусферы». Для более мелкой по размерам подвески брали целый округлый шарик, а второй такой шарик расплющивали и пробивали насквозь остроконечным инструментом для получения «кольца-ушка» (Семенов, 1965, с. 161).

Затем к каждой подвеске, вероятно, с помощью специально изготовленного припоя, к «шляпке» припаивали из тонкой золотой пластинки «петлю-ушко», а к «шарику» — «кольцо-ушко» (рис. 3.-*1–3*), которые были предназначены для крепления к одежде или украшению.

Как правильно отметил Р.С. Минасян (2018, с. 395), «*секрет древней микропайки ищут ювелиры уже полтора столетия*». Достоверный состав припоя и способ его применения для соединения деталей изделия пока пытаются определить многие ученые и ювелиры. Новое трасологическое изучение миниатюрных золотых изделий из кургана Чиликта-5 показало, что в мелких деталях есть небольшие расхождения между предшествующими изучениями чиликтинских предметов С.А. Семеновым (1965) из раскопок С.С. Черникова и близких по времени изделий из кургана Байгетобе некро-

поля Шиликты, раскопанного А.Т. Толеубаевым и изученных Р.С. Минасяном (2018), но в целом они правильно реконструировали технику изготовления таких предметов.

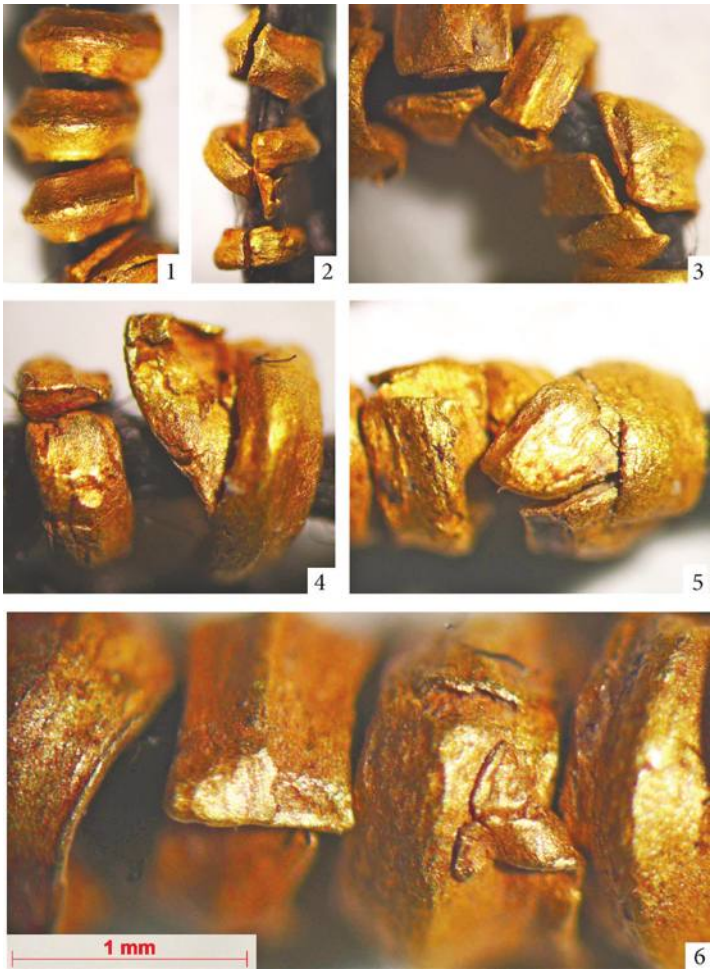

Рис. 2. Курган Чиликта-5: 1–6 — золотой бисер с разным увеличением, инв. №2326-14
Fig. 2. The Chilikta-5 Barrow: 1–6 — gold beads with different magnification, inv. No. 2326-14

Л.С. Марсадолов предполагает, что форма миниатюрных золотых изделий из кургана Чиликта-5 конструктивно восходит к перстням и украшениям эпохи бронзы и *предшествует ряду более крупных по размерам бронзовых предметов узды коня VII в. до н.э.* (рис. 1.-*2*; Солонечный Белок и др.).

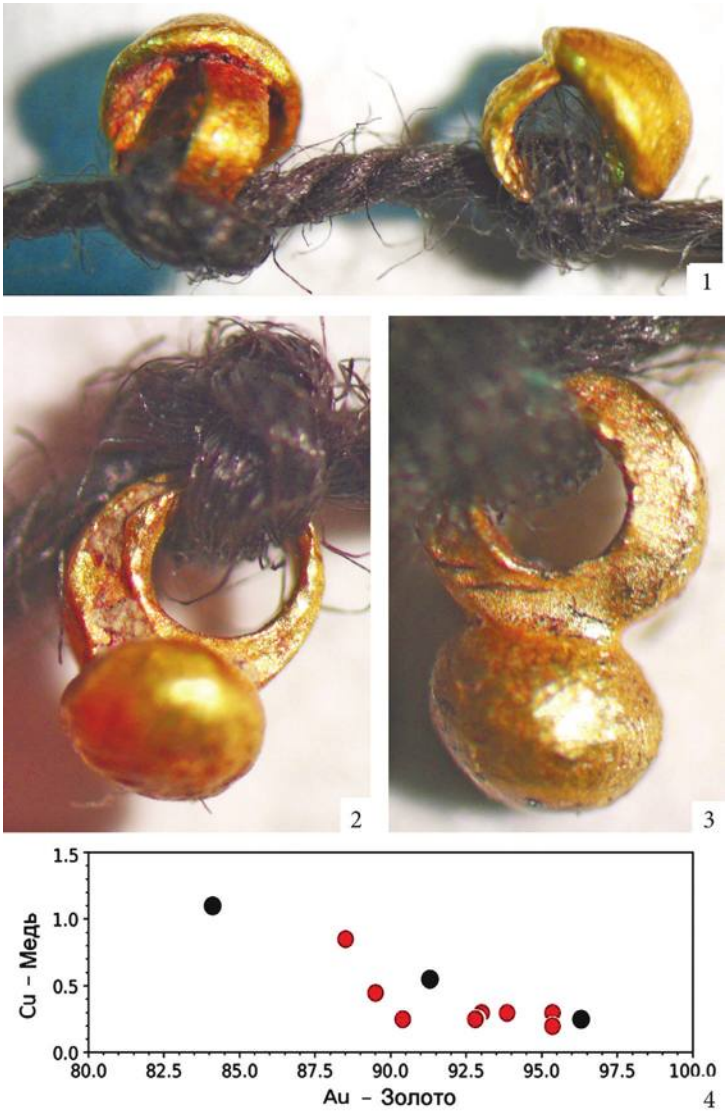

Рис. 3. Курган Чиликта-5: 1 — подвески со «шляпкой», инв. №2326-15; 2–3 — подвески с «шариком», инв. №2326-23; 4 — двойная диаграмма Au-Cu изделий из золота (бисер, подвески — черные кружки; изделия с изображениями — красные кружки; табл. 3)
Fig. 3. The Chilikta-5 Barrow: 1 — pendants with a "hat," inv. No. 2326-15; 2–3 — pendants with a "ball," inv. No. 2326-23; 4 — double Au-Cu diagram of gold products (beads, pendants — black circles; artifacts with images — red circles; Tab. 3)

Рентгено-флюоресцентный анализ. Бисер и подвески из кургана Чиликта-5 были исследованы в Отделе научно-технологической экспертизы Эрмитажа методом рентгено-флюоресцентного анализа (*РФлА = RFlA*) на спектрометре ArtTAX (Brüker) по отработанной методике (Тишкин, Хаврин, 2006). Исследовано три набора бисера по нескольку изделий из каждого типа: 2326-14 — 5 шт., 2326-15 — 4 шт., 2326-23 — 6 шт. При этом каждая бисеринка, несмотря на размеры, исследовалась в 2–4 точках. Исследование показало близость состава металла внутри каждого типа изделий и различие по пробности между группами (табл. 1). То есть номера 2326-14 и 2326-15 — *высокопробные* (950–970⁰ и 900–925⁰), а подвески с «шариком» 2326/23 — *среднепробные* (825⁰–860⁰), по общепринятой шкале пробности золота (Петровская, 1973).

Таблица 1

Результаты РФлА бисера и подвесок из кургана Чиликта-5. Основа

Tab. 1

Results of RFlA beads and pendants from the Chilikta-5 barrow. Basis

№	Предмет	Au, %	Ag, %	Cu, %
2326-14	Бисер	**95,7–96,9**	2,9–3,9	0,1–0,4
2326-15	Подвески со «шляпкой»	**90,4–92,2**	7,3–8,9	0,3–0,8
2326-23	Подвески с «шариком»	**82,7–85,5**	13,0–15,4	0,8–1,4

При этом на подвесках 2326-15 и 2326-23 имеются участки, «загрязненные» припоем, которые показывают повышенное содержание меди и серебра (табл. 2), т.е. при их изготовлении применялся медь-серебросодержащий припой.

Таблица 2

Результаты РФлА подвесок из кургана Чиликта-5. Точки с припоем

Tab. 2

Results of RFlA suspensions from the Chilikta-5 barrow. Solder points

№	Предмет	Au, %	Ag, %	Cu, %
2326-15	Подвески с припоем	**84,3–89,3**	12,6–14,4	0,9–3,5
2326-23	Подвески с припоем	**79,5–83,5**	14,8–18,0	1,2–2,6

Ранее нами исследовались и другие изделия из золота из кургана 5 могильника Чиликта (Марсадолов, Хаврин, Гук, 2013, рис. 1; табл. 3), которые также показали преобладание высокопробного золота (бляшки в виде оленя, пластина в виде рыбы и подвеска — 920–960⁰) и наличие изделий из среднепробного золота (бляшки орлиноголовые — 875⁰–899⁰), а также то, что при пайке зерни на пластине в виде рыбы применялся медь-серебросодержащий припой. Важно отметить, что золотые изделия из соседних курганов могильника Чиликты (Шиликты), исследованные нашими коллегами, оказались

также выполненными из высокопробного золота (Таиров и др., 2015, рис. 4; Зайков и др., 2016, табл. 3.5 №18–20, с. 109), что выделяет этот археологический комплекс (наряду с Каргалинкским кладом) на фоне других скифских памятников Казахстана (Зайков и др., 2016, рис. 6.8).

Таблица 3

Результаты РФлА золотых изделий из кургана Чиликта-5

Tab. 3

Results of RFlA of gold *artifact* from the Chilikta-5 barrow

№	Предмет		Au	Ag	Cu
2326/1-1	Бляшка в виде оленя		**92,7–93,3**	6,5–7,0	0,2–0,4
2326/1-2	Бляшка в виде оленя		**92,6–93,1**	6,7–7,1	0,1–0,4
2326/1-3	Бляшка в виде оленя		**94,9–95,8**	3,9–4,8	0,2–0,4
2326/1-6	Бляшка в виде оленя		**92,4–93,2**	6,5–7,4	0,1–0,4
2326-3	Бляшка орлиноголовая		**89,4–91,4**	8,4–10,4	0,1–0,4
	Бляшка орлиноголовая		**87,8–89,2**	10,1–11,2	0,6–1,1
	Бляшка орлиноголовая		**89,1–89,9**	9,7–10,4	0,3–0,6
2326-6	Пластина в виде рыбы	Пластина	**93,1–94,6**	5,2–6,5	0,1–0,5
		Зернь	**86,5–92,3**	6,7–11,9	0,8–1,6
2326-9	Подвеска	Подвеска	**95,1–95,6**	4,2–4,8	0,1–0,3
		Петля	**94,6–95,0**	4,6–5,0	0,3–0,4

Хронология кургана Чиликта-5

Даты каждого археологического памятника и предмета очень важно то, что позволяет определить место объекта среди других близких по времени памятников и наметить синхронные связи не только между ними, но и другими регионами.

После раскопок 5-го Чиликтинского кургана С.С. Черников тщательно проработал археологические аналогии бронзовым наконечникам стрел, предметам с изображениями и в целом датировал этот объект «*рубежом VII–VI вв. до н.э.*» (Черников, 1965, с. 65). Последующий длительный и сложный процесс датирования кургана Чиликта-5 разными авторами можно свести в общую таблицу 4, чтобы лишний раз не критиковать археологов за высказанные ими в предшествующие годы разные датировки этого кургана, которые они уже изменили или, возможно, пересмотрели бы на уровне современного датирования раннескифских объектов Евразии, как это неоднократно делали многие ученые при появлении новых датирующих фактов.

На уровне современных археологических знаний относительная дата кургана Чиликта-5 *позднее дат* курганов Аржан-1, Туннуг, Гришкин Лог I; Знаменка, Подгорное Озеро, Есино, Казановка-3, к. 3; *близка по времени* к Турану-II, к. 3, м. 2, Байгетобе, Тигею, Большому Гумаровскому кургану; *предшествует датам* ранней группы Келермесских, Большого Салбыкского кур-

ганов, Аржану-2, Колок, к. 3, м. 3; Кобяк, к. 5, м. 2; Большому Полтаковскому, Новомихайловке, Солонечному Белку и др., т.е. находится в интервале — ок. 4-й четверти VIII — 1-й четверти VII в. до н.э. (Марсадолов, 2015, 2020).

Таблица 4

Датирование кургана Чиликта-5 по данным разных авторов

Tab. 4

Dating of the Chilikta-5 barrow according to different authors

№ п/п	Автор, год	Дата (до н.э.)	Основания для датировки
1	С.С. Черников, 1965, с. 65	Рубеж VII–VI вв.	Наконечники стрел, предметы с изображениями
2	Л.С. Марсадолов, 1985, с. 11	VII в.	Комплекс предметов, аналогии с другими регионами
3	Р.Б. Исмагилов, 1988, с. 45	Конец VIII в.	Наконечники стрел
4	Л.С. Марсадолов, 1996, с. 54	2-я половина VIII — начало VII в.	Комплекс предметов
5	Н.Л. Членова, 1997, с. 31	VII–VI вв.	Аналогии с предметами из разных регионов
6	Л.С. Марсадолов, 2002, с. 40	2-я половина VIII — начало VII в.	Наконечники стрел
7	К.В. Чугунов, 2006, с. 70	Верхняя дата не может выходить за пределы VII в.	Набор втульчатых двухлопастных стрел
8	А.Ю. Алексеев, 2012, с. 50–55	VII в.	Предметы с изображениями
9	К.В. Чугунов, 2015, с. 462	«Не позже рубежа VIII–VII вв.»	Наконечники стрел
10	Л.С. Марсадолов, 2020, с. 41, 48	4-я четверть VIII — 1-я четверть VII в.	Комплекс предметов, аналогии с другими регионами

В настоящее время синхронизация объектов должна производиться не только по археологическим культурам и этапам (в основном это уже сделано), а по конкретным комплексам, планам объектов, предметам вооружения, искусства и другим категориям предметов. Если это необходимо, то должна производиться проверка сходства по музейным предметам, научной литературе и архивным материалам.

Заключение

Если в 1970–2000 гг. многие археологи датировали курган Чиликта-5 в основном VII–VI вв. до н.э., то ныне никто не датирует VI в. до н.э. и постепенно его дата все более приближается к VIII в. до н.э.

При анализе золотых предметов выявлено, что они были сделаны из золота разной пробы. Не исключено, что более низкопробное золото с более

высоким содержанием меди могло использоваться в качестве припоя для зерни, как более легкоплавкий материал.

Самые миниатюрные предметы в Чиликте-5 трудно различимы обычным глазом и к тому же к таким изделиям была припаяна петля, что свидетельствует о том, что древние мастера-ювелиры владели технологий микропайки. Остаются открытыми вопросы о технике древней пайки и о том, возможно ли такую работу выполнить без увеличительного стекла.

Список источников

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012. 272 с.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 29–47.

Зайков В.В., Зайкова Е.В., Котляров В.А., Таиров А.Д., Юминов А.М. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Центральной Евразии. Челябинск, 2016. 320 с.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX — IV в. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 36–43.

Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1. С. 9–33.

Марсадолов Л.С. Об абсолютных датах Большого Салбыкского кургана и салбыкского этапа тагарской культуры (ответ на статью Н.Ю. Кузьмина) // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 30. С. 43–53.

Марсадолов Л.С., Хаврин С.В., Гук Д.Ю. Проба древнего золота Казахстана и Саяно-Алтая как временной и социальный индикатор // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2. С. 129–141.

Минасян Р.С. Технология и некоторые вопросы техники изготовления золотых украшений из кургана Байгетобе некрополя Шиликты // Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы, 2018. С. 390–403.

Петровская Н.В. Самородное золото (общая характеристика, типоморфизм, вопросы генезиса). М., 1973. 347 с.

Семенов С.А. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (по данным микроанализа) // Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. С. 156–176.

Таиров А.Д., Бейсенов А.З., Зайков В.В., Зайкова Е.В., Блинов И.А. Древнее золото Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 320–335.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. 2006. Вып. 2. С. 74–85.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 189 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 69–71.

Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб., 2015. С. 457–486.

Информация об авторах / Information about the Authors

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, доктор культурологии, https://orcid.org/0000-0002-0480-2225, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Scientist; 191186, Russia, St. Petersburg, Palace nab., 34, Doctor of Cultural Studies, https://orcid.org/0000-0002-0480-2225, marsadolov@hermitage.ru

Екатерина Арнольдовна Шаблавина, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, старший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0003-3333-3015, arnoldovna@yandex.ru

Ekaterina A. Shablavina, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Senior Researcher; 191186, Russia, St. Petersburg, Palace nab., 34, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0003-3333-3015, arnoldovna@yandex.ru

Сергей Владимирович Хаврин, Государственный Эрмитаж, отдел научно-технологической экспертизы, заместитель заведующего отделом; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 34, https://orcid.org/0000-0001-8388-0899, sergekhavrin@yandex.ru

Sergey V. Khavrin, The State Hermitage Museum, Department of Scientific and Technological Expertise, Deputy Head of Department; 191186, Russia, St. Petersburg, Palace nab., 34; https://orcid.org/0000-0001-8388-0899, sergekhavrin@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902:3:069.015(571.17)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.35
EDN: LYFLJU

ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИРМЕНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИСТОК В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (материалы раскопок 2005–2006 гг.)

Сергей Степанович Онищенко[1], Елена Васильевна Бибик[2]
[1]Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия
[2]Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия

Резюме. В статье представлены результаты инвентаризации зооархеологических материалов раскопок 2005–2006 гг. поселения Исток (Кемеровская область — Кузбасс, Промышленновский муниципальный округ, эпоха поздней бронзы,

ранний железный век). Зооархеологическая часть музейной коллекции поселения Исток объемом 1664 экз. состоит из остатков 15 видов домашних и диких животных, птиц. В статье приведена характеристика видовой структуры зооархеологического комплекса, выявленных патологий и артефактов. К научно-вспомогательному фонду (КМАЭЭ ФМАП 190) были отнесены 1643 экз., являющихся кухонными остатками и элементами скелета, вероятно, выброшенными при разделке туш животных. В состав основного фонда включены 20 артефактов и фаланга верблюда (КМАЭЭ ВА 156/1698-1719).

Ключевые слова: археологические музейные коллекции, зооархеология, ирменская культура

Для цитирований: Онищенко С.С., Бибик Е.В. Зооархеологическая коллекция ирменского поселения Исток в Кемеровской области (материалы раскопок 2005–2006 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 238–244. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.35

ZOOARCHEOLOGICAL COLLECTION OF THE IRMEN SETTLEMENT ISTOK IN THE KEMEROVO REGION (Excavation Materials of 2005–2006)

Sergey S. Onishchenko[1], Elena V. Bibik[2]
[1]Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia
[2]Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article presents the results of an inventory of zooarchaeological materials from excavations carried out in 2005–2006 at the Istok settlement (Kemerovo Oblast — Kuzbass, Promyshlennovsky Municipal District, Late Bronze Age, Early Iron Age). The zooarchaeological part of the Istok settlement museum collection, comprising 1664 specimens, consists of the remains of 15 species of domestic and wild animals, and birds. The article provides a description of the species structure of the zooarchaeological complex, as well as the pathologies and artifacts identified. The scientific auxiliary collection (KMAEE MFAP 190) included 1643 specimens, consisting of kitchen remains and skeletal elements, likely discarded during the butchering of animal carcasses. The main collection includes 20 artifacts and a camel phalanx (KMAEE VA 156/1698-1719).

Keywords: archaeological museum collections, zooarchaeology, Irmen culture

For citation: Onishchenko S.S., Bibik E.V. Zooarcheological Collection of the Irmen Settlement Istok in the Kemerovo Region (excavation materials of 2005–2006). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:238–244. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.35

Поселение Исток находится в Промышленновском муниципальном округе Кемеровской области — Кузбассе, юго-восточнее озера-пруда Танай. В 2005–2006 гг. под руководством В.В. Боброва были проведены раскопки на площади 2260 м^2 (Бобров и др., 2005, 2006). Выявлены девять захоронений и культовое место, зольник, два жилища и 47 объектов хозяйственного назначения. Материалы памятника относятся к нескольким культурно-хронологическим периодам: к постандроновскому времени — керамика, эпохе поздней бронзы (ирменская культура) — жилища, зольник, хозяйственные

ямы и артефакты, раннему железному веку — погребения и керамика, средневековью — единичные находки фрагментов керамических сосудов.

При ревизии остеологических материалов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ) с целью постановки их на учет в государственный музейный фонд была изучена остеологическая коллекция поселения Исток. В ее составе были обнаружены как разрозненные остатки скелетов погребенных (164 экз.), так и зооархеологические находки (1643 экз.), которые, судя по маркировке, были локализованы в границах объектов ирменской культуры или рядом с ними.

Опись каждой зооархеологической находки проводилась по следующему протоколу: место локализации (раскопочный квадрат, объект, слой); краткое анатомическое описание, размеры фрагментов; вид (или идентификационная группа), возраст, пол животного; текущее состояние (наличие следов коррозии, деформации, режущих/рубящих инструментов, воздействия высоких температур, погрызов, патологий). Определение вида, возраста, патологий и модификаций проводилось с использованием эталонных коллекций и специализированных источников (Громова, 1950, 1960; Корневен, Лесбр, 1932; Bartosiewicz, Gál, 2013; Ellingham et al., 2015; Fernández-Jalvo, Andrews, 2016; Grant, 1982; Prummel, Frisch, 1986; Silver, 1963; Zeder, Lapham, 2010; Zeder, Pilar, 2010).

Зооархеологическая коллекция (1643 единицы хранения) состоит из костей, их фрагментов и разрозненных зубов 15 видов животных: лось (*Alces alces*) — 156 экз. (9,5%), бык домашний (*Bos taurus*) — 507 экз. (30,9%), собака (*Canis familiaris*) — 13 экз. (0,8%), бобр (*Castor fiber*) — 2 экз. (0,1%), косуля сибирская (*Capreolus pygargus*) — 44 экз. (2,7%), козел домашний (*Capra hircus*) — 3 экз. (0,2%), лошадь домашняя (*Equus caballus*) — 501 экз. (30,5%), заяц-беляк (*Lepus timidus*) — 2 экз. (0,1%), соболь (*Martes zibellina*) — 1 экз. (0,1%), азиатский барсук (*Meles leucurus*) — 1 экз. (0,1%), баран домашний (*Ovis aries*) — 232 экз. (14,1%), бурый медведь (*Ursus arctos*) — 6 экз. (0,4%), лисица обыкновенная (*Vulpes vulpes*) — 1 экз. (0,1%), краснощекий суслик (*Spermophilus erythrogenys*) — 1 экз. (0,1%), верблюд (*Camelus* sp.) — 1 экз. (0,1%). К не определенным до вида относятся 26 экз. (1,6%), мелкому рогатому скоту — 19 экз. (1,2%), крупным по размерам животным — 100 экз. (6,1%), к средним по размерам животным — 23 экз. (1,4%) и неопределенного вида птицам — 4 экз. (0,2%).

К уникальным относится находка в границах жилища 1 (кв. У5) первой фаланги верблюда (рис. 1.-*1*). На территории региона единичные остатки скелетов верблюда обнаружены только на памятниках развитого и позднего средневековья: городище Маяк, Кузнецкая крепость (Онищенко, Ширин, 2017, с. 74), ритуальная площадка Торопово-7А (неопубликованные сведения). К специфическим особенностям видовой структуры относится сравнительно высокая совокупная доля диких копытных (более 10%), что не прослеживается в составе остеологических материалов близлежащих поселений позднего бронзового века (Танай-4, Танай-4а, Калтышино-V) и других

районов Кузнецкой котловины (Красная Горка, Медынино-1). Доминирование и примерно равная доля остатков *B. taurus* и *E. caballus* в составе коллекции является типичным для изученных поселенческих комплексов позднего бронзового века района расположения поселения Исток.

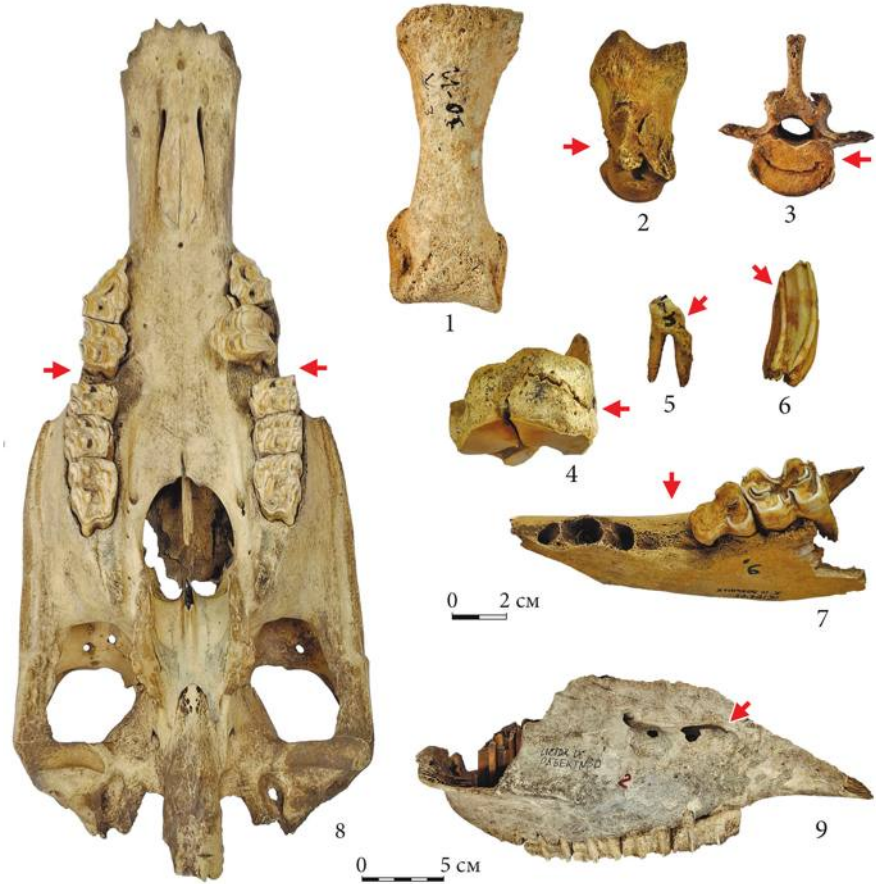

Рис. 1. Первая фаланга Camelus sp. (1), патологии зубов и костей (локализация показана красной стрелкой) B. taurus (2, 4–7), O. aries (3), E. caballus (8, 9)
Fig. 1. The first phalanx of Camelus sp. (1), pathologies of teeth and bones (localization is shown by the red arrow) B. taurus (2, 4–7), O. aries (3), E. caballus (8, 9)

В составе зооархеологической коллекции поселения Исток выделена небольшая серия экземпляров с патологиями (рис. 1). Часть из них относится к заболеваниям суставов, проявляющихся в наличии костных новообразований (экзостозов) у дистального сустава путовой кости *B. taurus* (рис. 1.-*2*),

поясничного позвонка *O. aries* с поперечной трещиной на каудальном эпифизе (рис. 1.-*3*), слиянии костей заплюсны (артропатия) правой задней конечности *B. taurus* (рис. 1.-*4*). Ненормально сточенной была дистальная часть коронки у левого p4 *B. taurus* (рис. 1.-*5*), а у левого верхнего моляра *B. taurus* была редуцирована дистальная часть (рис. 1.-*6*). Более значительные изменения в зубочелюстном аппарате связаны с потерей последних премоляров, сопровождающейся зарастанием их альвеол, изменением положения или ненормальным износом коронок у примыкающих зубов. Так, например, на левой зубной кости *B. taurus* у m1 сточена мезиальная часть коронки (рис. 1.-*7*), а у взрослой самки *E. caballus* левый P3 был отклонен в лингвальную сторону (рис. 1.-*8*). Следствием прижизненной травмы черепа является наличие небольшого костного нароста и округлого углубления в правой верхнечелюстной кости перед предглазничным отверстием у *E. caballus* 2,5 года (рис. 1.-*9*).

Достаточно обширна серия изделий и костей со следами обработки, которые вошли в состав основного фонда коллекции. Среди них выделяется группа таранных костей (астрагалов) с ровно сточенными дорзальной (рис. 2.-*1–4)* и плантарной (рис. 2.-*5)*, медиальной (рис. 2.-*6–8*) сторонами. Помимо этих модификаций, у левого астрагала C. *pygargus* на пяточную фасетку была нанесена гравировка в виде сетки (рис. 2.-*6а*), а у бугорка внутреннего гребня имелось несквозное отверстие (рис. 2.-*6б*). Два астрагала (подвески?) были со сквозными отверстиями диаметром 2–4 мм, располагающимися в центре борозды верхнего суставного блока (рис. 2.-*9*) и на медиальной стороне (рис. 2.-*10*). К инструментам со следами износа относятся кочедыги, выполненные из ветвей нижней челюсти *B. taurus* и *E. caballus* (рис. 2.-*18–19*), лощила из пластин компактной кости (рис. 2.-*12–13*), вентральная часть ребра *E. caballus* (рис. 2.-*17*), диафиз правой большеберцовой кости *O. aries* (рис. 2.-*11*) с заостренным и изношенным дистальным концом (орнаментир?), правая центральная кость заплюсны *B. taurus* с отверстием диаметром 5 мм (рис. 2.-*15*). Дистальная часть диафиза центральной метатарзалии *A. alces* (рис. *2.-14*) с насечками вдоль средней линии на плантарной стороне кости представляет собой заготовку для последующего раскалывания кости на две половины.

Таким образом, зооархеологические материалы поселения Исток состоят из двух групп находок. Состав наиболее обширной из них представлен так называемыми «кухонными остатками», малоценными в пищевом отношении элементами скелета, вероятно, выброшенными при разделке туш забитых животных (коллекция КМАЭЭ ФМАП 190, 1643 единиц хранения). В состав другой входят изделия из кости, инструменты и заготовки, а также фаланга верблюда (КМАЭЭ ВА 156, 21 единица хранения).

Список источников

Бобров В.В., Фрибус А.В., Корепанов К.С., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Комплекс раннего железного века на памятнике Исток в Танайском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 223–227.

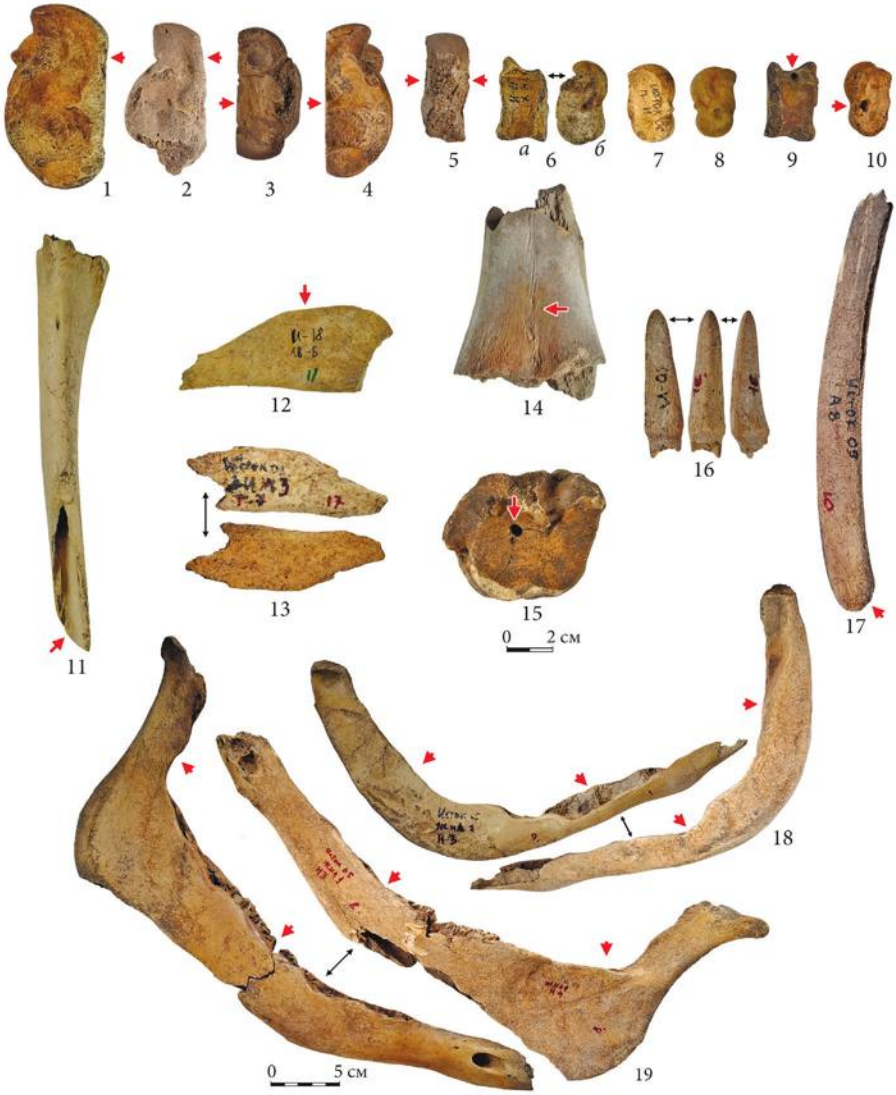

Рис. 2. Предметы из костей B. taurus (1–5, 14, 18), C. pygargus (6, 7), O. aries (8–11), A. alces (14), E. caballus (17, 19), крупного животного (12 13) и рога C. pygargus (16)
Fig. 2. Objects made from the bones of B. taurus (1–5, 14, 18), C. pygargus (6, 7), O. aries (8–11), A. alces (14), E. caballus (17, 19), a large animal (12, 13) and the antler of C. pygargus (16)

Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. 1. Новосибирск, 2006. С. 274–279.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 1: Определитель по крупным трубчатым костям. М.; Л., 1950. 240 с.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 2: Определитель по крупным костям заплюсны. М., 1960. 118 с.

Корневен Ш., Лесбр Ф.-К. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия: лошади, коровы, овцы, свиньи, верблюда, собаки, кошки и домашних птиц. М., Л., 1932. 254 с.

Онищенко С.С., Ширин Ю.В. О некоторых результатах зооархеологических исследований по материалам раскопок Кузнецка XVII–XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №2. С. 67–77.

Bartosiewicz L., Gál E. Shuffling Nags, Lame Ducks: the Archaeology of Animal Disease. Oxford, 2013. 264 p.

Ellingham S.T.D., Thompson T.J.U., Islam M., Taylor G. Estimating Temperature Exposure of Burnt Bone — A methodological Review // Science and Justice. 2015. V. 55, Is. 3. P. 181–188.

Fernández-Jalvo Y., Andrews P. Atlas of Taphonomic Identifications. 1001+Images of Fossil and Recent Mammal Bone Modification. Netherlands, 2016. 359 p.

Grant A. The Use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulate // Ageing and Sexing Animal Bones from archaeological sSites / Edt. Wilson B., Grigson C., Payne S. BAR British Series 109. 1982. P. 91–108.

Prummel W. Frisch H.-J. A Guide for the Distinction of Species, Sex and Body Side in Bones of Sheep and Goat // Journal of Archaeological Science. 1986. V. 13. P. 567–577.

Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals. In Science in Archaeology // A Comprehensive Survey of Progress and Research. New York, 1963. P. 250–268.

Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the Reliability of Criteria Used to Identify Postcranial Bones in Sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. V. 37. P. 2887–2905.

Zeder M.A., Pilar S.E. Assessing the Reliability of Criteria Used to Identify Mandibles-and Mandibular Teeth in sSheep, Ovis, and Goats, Capra // J. of Archaeological Science. 2010. V. 37. P. 225–242.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Степанович Онищенко, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Гуманитарный научный центр, научный сотрудник; 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, кандидат биологических наук, https://orcid.org/0000-0002-2314-3683, onis65@mail.ru

Sergey S. Onishchenko, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Humanitarian Research Center, Researcher; 650000, Kemerovo, Vesennaya St., 28, Candidate of Biological Sciences, https://orcid.org/0000-0002-2314-3683, onis65@mail.ru

Елена Васильевна Бибик, Кемеровский государственный медицинский университет, кафедра морфологии и судебной медицины, ассистент; 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а, https://orcid.org/0009-0009-0247-6911, elena_bibik@mail.ru

Elena V. Bibik, Kemerovo State Medical University, Department of Morphology and Forensic Medicine, assistant; 650056, Kemerovo, Voroshilov St., 22a, https://orcid.org/0009-0009-0247-6911, elena_bibik@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.21(571.150)»6323»
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.36
EDN: MWVAVH

КАМЕННЫЕ РЕТУШЕРЫ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Даниил Романович Плотников[1, 2], Максим Борисович Козликин[2], Михаил Васильевич Шуньков[2]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

Резюме. Представлены первые результаты анализа каменных ретушеров начальной стадии среднего палеолита из коллекций Денисовой пещеры, датируемых в интервале от 240 до 170 тыс. л.н. Рассмотрены основные стратегии отбора заготовок для ударно-абразивных инструментов, прослежены устойчивые подходы к организации рабочих зон. Впервые в среднем палеолите Северной Азии выявлены ретушеры на отщепах и модифицированных сколах, отмечены случаи реутилизации сработанных формальных орудий в качестве инструментов для расщепления камня. Ближайшие аналогии таким предметам известны в ашело-ябрудийских комплексах на Ближнем Востоке. Показано, что в древнейших на Алтае среднепалеолитических индустриях уже существовала функциональная дифференциация и типологическая вариабельность инструментов для обработки камня.

Ключевые слова: Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, ударно-абразивные инструменты, каменные ретушеры, реутилизация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

Для цитирований: Плотников Д.Р., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Каменные ретушеры начальной стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 245–251. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.36

STONE RETOUCHERS OF THE EARLY MIDDLE PALEOLITHIC FROM THE DENISOVA CAVE

Daniil R. Plotnikov[1, 2], Maxim B. Kozlikin[2], Michael V. Shunkov[2]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article discusses the initial results of an analysis of the Early Middle Paleolithic stone retouchers, dated between 240,000 and 170,000 years ago, from Denisova Cave collections. The main strategies for selecting blanks for stone percussion and abrasive tools are examined, and consistent approaches to organizing work areas are traced. Retouchers on flakes and secondary modified blanks have been identified for the first time in North-

ern Asia, and instances of the reuse of formal tools as stone percussion tools are noted. The closest analogs to such objects are known from Acheulo-Yabrudian complexes in the Middle East. It is shown that the earliest Middle Paleolithic industries in the Altai Mountains already exhibited functional differentiation and typological variability in their toolkits.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Paleolithic, stone percussion and abrasive tools, stone retouchers, recycling of tools

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

For citation: Plotnikov D.R., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Stone Retouchers of the Early Middle Paleolithic from the Denisova Cave. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:245–251. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.36

Инструменты ударной обработки камня — важный компонент палеолитических индустрий, позволяющий реконструировать специализацию первобытного человека к разным подходам в утилизации каменного сырья. В рамках исследования среднепалеолитических памятников Алтая проблематика, связанная с инструментами для обработки камня, остается одной из наименее изученных. Такие работы связаны в основном с материалами двух объектов — пещер Чагырская (Kolobova et al., 2020; Селецкий и др., 2021) и Денисова, при этом в последней изучались главным образом костяные ретушеры (Козликин и др., 2019). В то же время представительные коллекции Денисовой пещеры, отражающие самую продолжительную среднепалеолитическую последовательность на территории Северной и Центральной Азии, включают многочисленные образцы ударно-абразивных орудий из камня. Анализ этой категории инвентаря важен для изучения сырьевых и технологических стратегий палеолитического населения Алтая. В данной работе впервые рассматриваются каменные ретушеры из нижних культуросодержащих слоев пещеры.

Материалы

В ходе анализа коллекции из 97 орудий ударной обработки камня было выявлено 28 ретушеров из древнейших культуросодержащих подразделений Денисовой пещеры – 4 экз. из отложений слоев 18 и 17 в южной галерее и 24 экз. из слоя 14 в восточной галерее. Формирование этих слоев проходило в благоприятной природно-климатической обстановке эпохи МИС 7 (Jacobs et al., 2025). Идентификация ретушеров проводилась на основании конфигурации следов износа в рабочих зонах — наличии линейных засечек и удлиненных выщербин. Аналогичные признаки утилизации, связанные с краевой оббивкой каменных заготовок, характерны также для костяных ретушеров из среднепалеолитических индустрий Денисовой пещеры.

Большинство инструментов (24 экз.) имеет одну рабочую зону, реже — две (3 экз.), а в одном случае — три. Степень утилизации варьирует от слабого износа с образованием неглубоких выемок на поверхности до относительно сильного изменения рельефа исходной заготовки и ее частичного разрушения.

Конфигурация рабочих зон представлена в двух вариантах — плоском и реберчатом. К плоским формам относятся ретушеры, у которых рабо-

чие зоны расположены на уплощенной или слабовыпуклой поверхности (рис. 1.-*3*), к реберчатым — у которых сработанные участки приурочены к ребрам между естественными или образованными негативами сколов гранями заготовки (рис. 1.-*2, 4*).

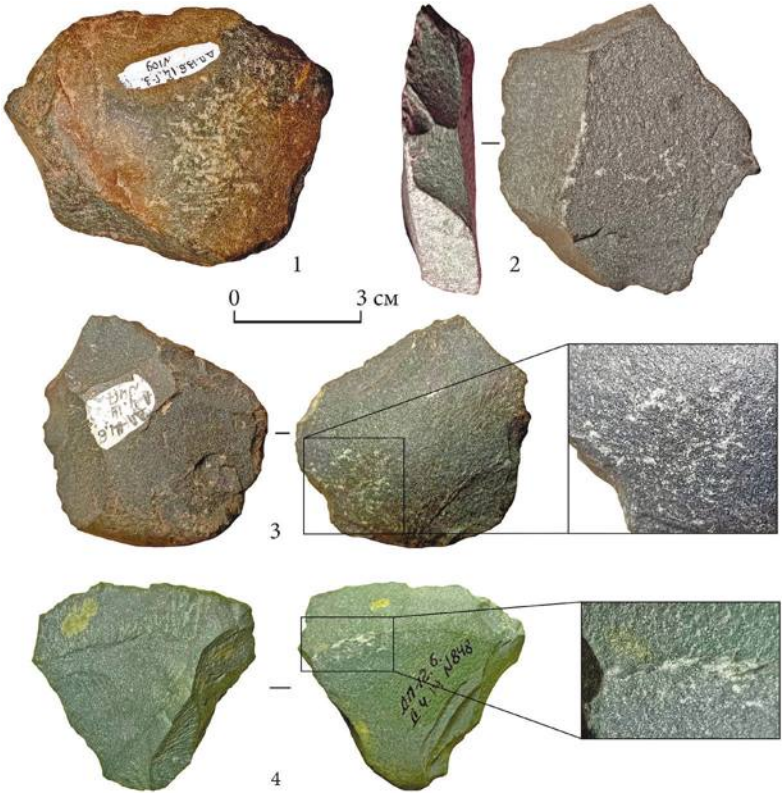

Рис. 1. Каменные ретушеры из слоя 14 в восточной галерее Денисовой пещеры
Fig. 1. Stone retouchers from layer 14 in the East Chamber of Denisova Cave

Заготовками для большинства ретушеров (15 экз.) служили отщепы. Они включают как первичные (рис. 1.-*1*), так и вторичные снятия, в том числе модифицированные формы — вентрально-утонченные (2 экз.) и базально-тронкированные (2 экз.) сколы. Конфигурация рабочих зон также разнообразна: участки утилизации реберчатые или плоскостные, с использованием поверхности ударного бугорка заготовки (рис. 1.-*3*). Среди изделий реберчатого типа отмечены образцы с расположением следов утилизации в точке схождения латерали и остаточной ударной площадки, а также на ребре, образованном сильно выпуклым передним краем ударного бугорка и площадки.

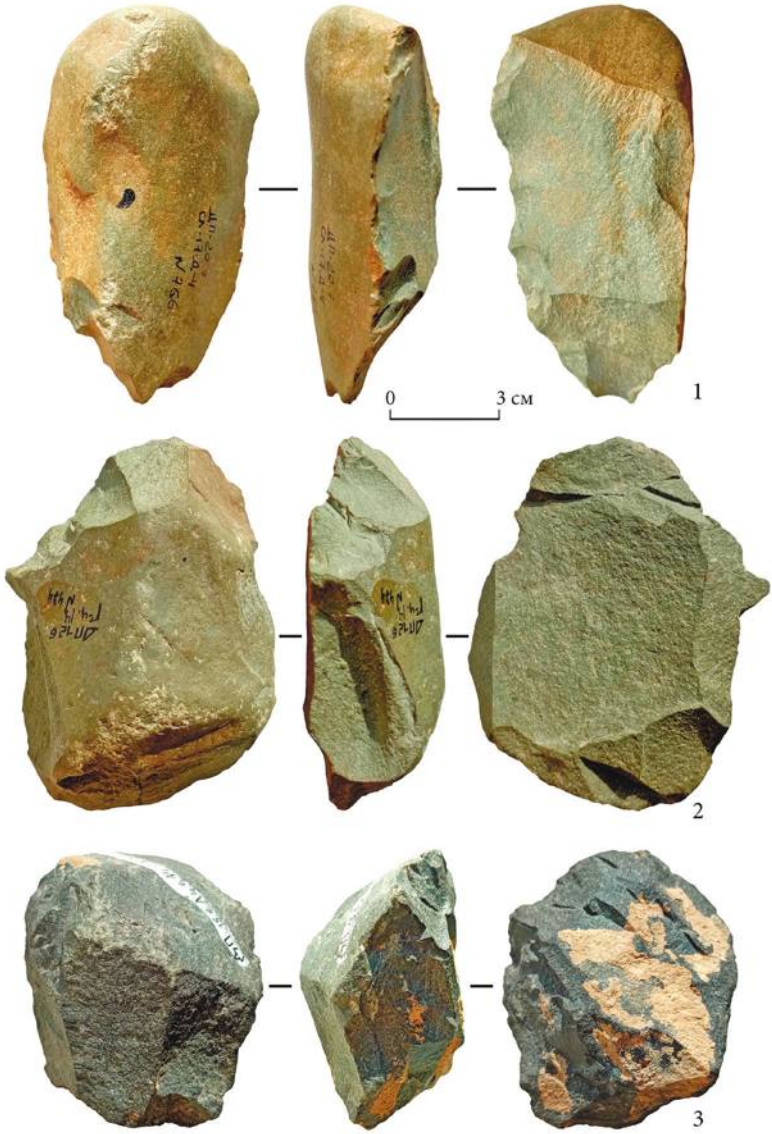

Рис. 2. Каменные ретушеры из слоя 17 (1) в южной галерее и слоя 14 (2, 3) в восточной галерее Денисовой пещеры
Fig. 2. Stone retouchers from layer 17 (1) in the South Chamber and layer 14 (2, 3) in the East Chamber of Denisova Cave

В коллекции представлены ретушеры, основой которых служили не только слабомодифицированные отщепы, а также формальные орудия — долотовидное изделие и скребло.

Первое из этих изделий представляет собой короткий массивный скол, у которого вентральная поверхность была уплощена крупным снятием со стороны проксимального края. Затем противолежащие поперечные края отщепа подверглись контрударному воздействию, вследствие чего на его выпуклой дорсальной поверхности образовались серии разноразмерных встречных снятий и забитость с множеством мелких коротких ступенчатых заломов. При использовании этого изделия в качестве ретушера рабочим участком служило естественное ребро остаточной галечной поверхности на дорсале заготовки. Степень утилизации средняя, следы сгруппированы плотно, часто перекрывая друг друга. При этом часть из них заходит на ребро между галечной поверхностью и дистальным участком одного из негативов снятий, образовавшихся в результате контрударного воздействия (рис. 2.-*2*).

Второе орудие — скребло типа кина на стадии переоформления. Лезвие орудия слабовыпуклое, зубчатое, с негативами нескольких крупных снятий и ряда мелких сколов. Орудие сильно модифицировано, поэтому тип заготовки неопределим. На его галечной стороне расположены две рабочие зоны слабой степени утилизации, одна из которых плоскостная, а другая приурочена к естественному ребру (рис. 2.-*1*). Признаки достаточно сильной сработанности и следы пикетажа, перекрывающие сколы оформления или использования, свидетельствуют о реутилизации этих орудий.

Основой еще одного ретушера служил нуклевидный обломок, скорее всего, сильно истощенное радиальное монофронтальное ядрище (рис. 2.-*3*). Рабочая зона расположена на ребре между негативом скола и остаточной галечной поверхностью контрфронта. Для остальных ретушеров в качестве заготовок использовались крупные обломки, а в одном случае — небольшая галька. На этих инструментах нет следов преднамеренного аккомодационного оформления, отмеченных в более поздних среднепалеолитических индустриях пещеры (Козликин и др., 2025).

Заключение

Каменные ретушеры из базальных отложений Денисовой пещеры существенно дополняют сведения о подходах ее древнейших обитателей к утилизации каменного сырья и характере использования инструментов для его обработки. Среди ретушеров по морфологии зоны утилизации выделены две основные группы — плоскостные и реберчатые. Обе группы представлены в сопоставимом количестве — 13 и 12 изделий соответственно. На трех изделиях отмечены обе разновидности рабочих участков. В настоящее время сложно установить, являются варианты способов организации рабочих участков функциональным отражением или свидетельствуют о различиях в индивидуальных подходах к обработке камня. Впервые в алтайских среднепалеолитических комплексах были выделены ретушеры на отщепах и на

формальных орудиях. Аналогичные изделия на сколах известны в ашельских и ашело-ябрудийских комплексах Ближнего Востока (Centi et al., 2019; Mathias et al., 2023) и Западной Европы (Cyril et al., 2023), где они представлены в основном предметами с рабочими участками на ударном бугорке заготовки. Таким образом, каменные ретушеры начальной стадии среднего палеолита из среднеплейстоценовых отложений Денисовой пещеры представляют собой древнейшее проявление специализированного подхода к выбору и использованию инструментов для обработки камня на территории Алтая.

Список источников

Козликин М.Б., Михиенко В.А., Францева Е.А., Шуньков М.В. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 7–14.

Козликин М.Б., Плотников Д.Р., Шуньков М.В. Инструменты среднего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXXI. Новосибирск, 2025. С. 144–148.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, №2. С. 23–31.

Centi L., Groman-Yaroslavski I., Friedman N., Oron M., Prevost M., Zaidner Y. The bulb retouchers in the Levant: New insights into Middle Palaeolithic retouching techniques and mobile tool kit composition // PLoS ONE. 2019. №14 (7). e0218859.

Cyril V., Cyrielle M. Nucleus percutants et percuteurs débités: choix techniques au Paléolithique moyen dans le site de l'ancien aérodrome (Brive-la-Gaillarde/Saint Pantaléon-de-Larche, Corrèze, France) // Paleo. 2023. Vol. 33. P. 164–182.

Jacobs Z., Zavala E.I., Li B., O'Gorman K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Uliyanov V.A., Goldberg P., Agadjanian A.K., Vasiliev S.K., Brink F., Peyrégne S., Slon V., Pääbo S., Kelso J., Meyer M., Roberts R.G. Pleistocene Chronology and History of Hominins and Fauna at the Denisova Cave // Nature Communications. 2025. No. 16. P. 1–19.

Kolobova K.A., Chistyakov P.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Kolyasnikova A.S., Chabai V.P., Baumann M. Middle Paleolithic bone retouchers: size or proportions // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2020. Vol. 48. № 4. P. 14–26.

Mathias C., Lemorini C., Marinelli F., Sanchez-Dehesa Galan S., Shemer M., Barkai R. Bulb Retouchers Half a Million Years Ago: New Evidence from Late Acheulean Jaljulia, Israel // Journal of Archaeological Science. 2023. Vol. 47. 103821.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Максим Борисович Козликин, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17, доктор исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-5082-3345, kmb777@yandex.ru

Maxim B. Kozlikin, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ak. Lavrentieva Ave., Doctor of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0001-5082-3345, kmb777@yandex.ru

Михаил Васильевич Шуньков, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, https://orcid.org/0000-0003-1388-2308, shunkov77@gmail.com

Michael V. Shunkov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ak. Lavrentieva Ave., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, https://orcid.org/0000-0003-1388-2308, shunkov77@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.23(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.37
EDN: NCCXHB

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ГЛИНЯНОГО СОСУДА С НОСИКОМ ИЗ КАЛМАНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Ирина Васильевна Подшивайлова[1], Ульяна Николаевна Григорьева[1], Кристина Олеговна Базарная[2], Илья Андреевич Савко[2–4]

[1]Калманская средняя общеобразовательная школа им. Г.А. Ударцева, Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
[4]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена исследованию найденного в селе Калманка глиняного сосуда с носиком и ушками-налепами, представляющего интерес для изучения истории русской керамики Верхнего Приобья. Основной целью публикации является введение новых материалов в научный оборот. Подобные керамические изделия содержатся в этнографических коллекциях Западной Сибири XVIII–XIX вв. Исследования такого рода находок помогают анализировать и выявлять особенности гончарного производства в регионе. Статья расширяет источниковую базу для дальнейшего анализа особенностей развития гончарного ремесла в Верхнем Приобье.

Ключевые слова: Калманка, русская керамика, случайная находка, сосуд с носиком, ушки-налепы

Благодарности: технико-технологический анализ керамики проведен в рамках проекта РНФ №25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — средневековье)».

Авторы выражают благодарность сотрудникам Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН Н.Ф. Степановой и А.С. Федо-

руку за консультации по технологии изготовления и помощь в первоначальной культурно-хронологической атрибуции сосуда.

Для цитирований: Подшивайлова И.В., Григорьева У.Н., Базарная К.О., Савко И.А. Случайная находка глиняного сосуда с носиком из Калманского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 251–260. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.37

ACCIDENTAL DISCOVERY OF A SPOUTED CLAY VESSEL FROM THE KALMANSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

Irina V. Podshivailova[1], Ulyana N. Grigorieva[1], Kristina O. Bazarnaya[2], Ilya A. Savko[2–4]

[1]Kalmanka Secondary School named after G.A. Udartsev, Barnaul, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[3]Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia
[4]Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines a clay vessel with a spout and applied lug handles found in the village of Kalmanka. It is of interest for the study of the history of Russian ceramics in the Upper Ob region. The main purpose of the publication is to introduce new materials related to this area of research into scholarly circulation. Similar ceramic artifacts are found in ethnographic collections from Western Siberia dating to the 18th–19th centuries. Research on this type of ceramic ware helps analyze and identify the characteristics of pottery production in the region. The article expands the source base for further analysis of the development of the pottery craft in the Upper Ob region.

Keywords: Kalmanka, Russian ceramics, accidental find, vessel with a spout, studded ears

For citation: Podshivailova I.V., Grigorieva U.N., Bazarnaya K.O., Savko I.A. Accidental Discovery of a Spouted Clay Vessel from the Kalmansky District of the Altai Territory. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:251–260. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.37

Введение

Одним из перспективных направлений научных поисков является исследование русской керамики Верхнего Приобья, поэтому любые материалы, имеющие к ней отношение, должны своевременно публиковаться. Целью статьи является введение в научный оборот результатов анализа экспоната, находящегося в экспозиции музея Калманской средней общеобразовательной школы им. Г.А. Ударцева. Это небольшой глиняный сосуд, который был передан жителем А.Б. Брагиным в 2009 г.

Находка сделана в с. Калманка Калманского района Алтайского края. Село Калманка было основано в 1745 г. и в настоящее время является административным центром Калманского района (Булыгин, 1974, с. 122). Наиболее старая часть села с 1918 г. носит название Троицк. Части глиняного сосуда с носиком и ушками были обнаружены в 2009 г. на возвышенности луга около р. Калманка (приток р. Обь) в 4 км на восток от главного въезда в с. Калманка

с федеральной трассы А-322, в 680 метрах к юго-западу от слияния р. Калманки и старого русла р. Алей, в 1,8 км на северо-восток от автомобильного моста через р. Калманка (рис. 1).

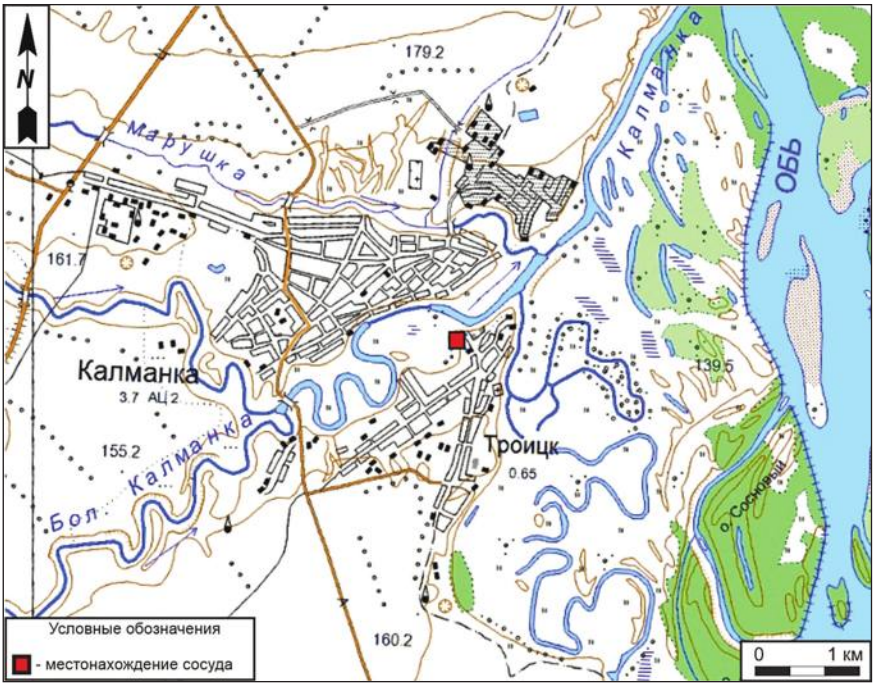

Рис. 1. Место обнаружения глиняного сосуда
Fig. 1. The location of the clay vessel

На этой территории верхний слой почвы — перегной, который активно перевозили жители села на свои участки. Вероятно, во время этих работ сосуд оказался на поверхности. По устному сообщению старожила А.Б. Брагина когда-то на этой местности располагались пристань, конюшни, недалеко находился мост, дом. Время бытования информатор относит к концу XIX — началу XX в. Неподалеку от места находки глиняного сосуда А.Б. Брагиным были обнаружены остатки сооружения, которые он определил, как печь для обжига посуды, так как в толще склона были видны остатки свода со следами воздействия огня. На плане земельного надела с. Калманка 1912 г., выполненном топографом Рейхлингом (ГААК. Ф. 50. Оп. 17. Д. 181), на месте, указанном информантом, обозначены усадьбы, выходящие к р. Калманка.

Исследование технологии изготовления сосуда проведено в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского (1978, 1999). В задачи входило выявление специфики исходного сырья и подготовки фор-

мовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались изломы и поверхности образцов. При изучении особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, использование одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин дополнительно нагревались небольшие фрагменты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Результаты исследования

Случайно найденная находка представляет собой плоскодонный сосуд с туловом округлой формы в верхней части, плавно переходящим к слегка зауженному дну (рис. 2). Сосуд имеет носик, два обломанных ушка и сквозное отверстие.

Рис. 2. Глиняный сосуд с носиком (фото с разных ракурсов)
Fig. 2. Clay vessel with a spout (photos from different angles)

Метрические и морфологические параметры сосуда. Общая высота — 10,5 см, максимальный внешний диаметр по венчику — 11,3 см, максимальный внутренний диаметр по венчику — 10,1 см, диаметр донца снаружи — 9,2 см, диаметр изнутри — 7,8 см. Максимальная длина носика — 5,2 см, минимальная — 2,4 см, диаметр носика изнутри — 1,4 см, снаружи — 2,7 см. Сосуд имеет два ушка. У обоих не сохранилась верхняя часть. Рядом с одним ушком расположено отверстие. Ушко без отверстия рядом — шириной 4,6 см, диаметр ушка справа — 1,6 см, слева — 1,3 см, расстояние от края до левой части ушка — 0,6 см, до правой части — 0,4 см, до выемки от отверстия на ушке — 1,1 см. Ушко с отверстием рядом: ширина — 4,6 см, диаметр ушка справа — 1,7 см, слева — 1,8 см, расстояние от края до левой части ушка — 0,9 см, до правой части — 0,8 см, до выемки от отверстия на ушке — 0,7 см.

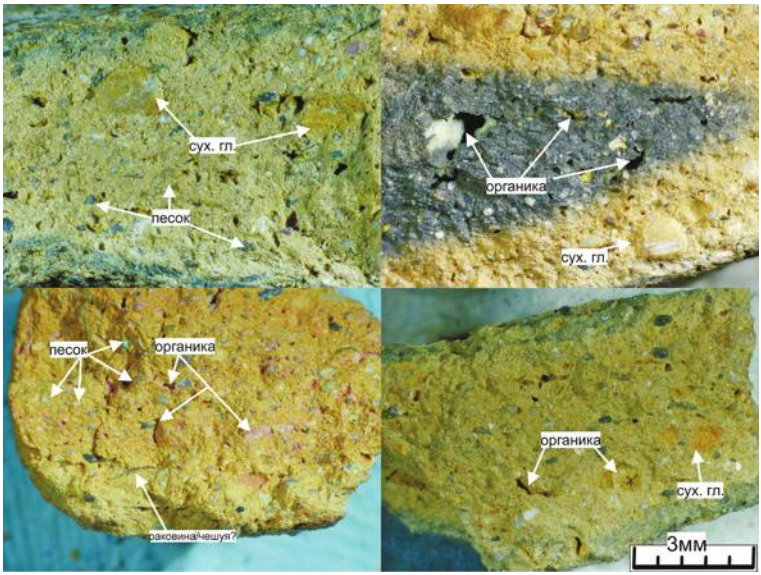

Рис. 3. Особенности исходного сырья и естественных примесей керамики (микрофотографии)
Fig. 3. Characteristics of raw materials and natural inclusions in the ceramic paste (micrographs)

Сведения по особенностям гончарной технологии получены не полностью.

Исходное сырье (рис. 3). Для изготовления сосуда использовалось среднеожелезненное, сильнозапесоченное (низкопластичное) сырье. Песок преимущественно окатанный, пылевидный, прозрачный, цвет варьирует от темно-серого и серо-бежевого до светло-красноватого и светло-желтого. Средний размер песчаных частиц составляет 0,4 мм, диапазон размеров — от пылевидных до 0,6 мм. Среднее количество частиц на см^2 — 150–200 шт., которые распределе-

ны в изломе равномерно. Концентрация песка в формовочной массе не менее чем 1:3. Встречаются естественные включения: округлые частицы сухой глины размером от 0,2 до 1,75 мм (чаще около 0,2 мм), оплывшие, в количестве от 1 до 6 шт. на см^2, единично выявлен фрагмент раковины или чешуи рыбы длиной до 1 мм, представленный в виде щелевидной (дуговидной) пустоты с остатками от выгоревших обломков. Зафиксированы единичные растительные остатки и органика неясного происхождения (искусственного или естественного), представляющая собой в необожженном состоянии пустоты с блеском и желтоватым налетом, в обожженном — блестящим оранжевым. Присутствуют также отпечатки от длинных растительных волокон. Особенности исходного сырья указывают на водный характер его происхождения, что позволяет предположительно отнести его к илистым глинам (Бобринский, Васильева, 1998).

Рис. 4. Особенности технологии изготовления сосуда: 1 — жгуты на внутренней стенке сосуда; 2 — следы обработки поверхности твердыми инструментами и пятна от послеобжиговой обработки (обваривание?); 3 — излом ушка сосуда; 4 — дно сосуда с песчаной подсыпкой

Fig. 4. Technological features of the vessel: 1 — coils on the inner wall of the vessel; 2 — traces of surface treatment with hard tools and spots from post-firing treatment (scalding?); 3 — fracture of the vessel's lug; 4 — bottom of the vessel with sand padding

Конструирование (рис. 4.-*1, 3)*. Сосуд изготовлен скульптурной лепкой на плоскости. Наличие мелкого песка (до 0,5 мм) может указывать на подсыпку на месте конструирования емкости (рис. 4.-*4)*. Полое тело изготовлено из шести уровней жгутов. Способ наращивания — кольцевой, жгуты не деформированы[1], наращивались в торец, линии спая верхних жгутов в изломе практически параллельны друг другу[2]. Разница положения краев жгута составляет до 0,1 см, что при вычислении геометрии на обломке может также указывать на кольцевое наращивание жгутами (Бобринский, 1978, с. 177–178).

Обработка поверхности (рис. 4.-*2)*. Механическая обработка внешней поверхности сосудов осуществлялась простым заглаживанием с помощью твердых инструментов, оставлявших на поверхности борозды одинаковой ширины (костяные или деревянные скребки/шпатели). На верхней части сосуда зафиксированы следы от заглаживания мягкими материалами (пальцы, кожа или ткань). Внутренняя поверхность практически не заглаживалась, фиксируются лишь следы обработки мягкими материалами (кожа, ткань или пальцы).

Обжиг. Цветовые особенности излома[3] позволяют сделать вывод, что обжиг проводился в условиях полувосстановительной среды (смешанный окислительно-восстановительный режим) при непродолжительном воздействии температуры каления (не ниже 650 °С) глины с последующим быстрым извлечением изделия из обжигового устройства.

Послеобжиговая обработка (рис. 2; 4.-*2)*. На внешней и внутренней поверхностях сосуда фиксируются следы послеобжиговой обработки, предположительно обваривания (Цетлин, Волкова, 2025, с. 256). Отдельные темно-коричневые пятна на внутренней и внешней поверхности небольших размеров, до 1 см в диаметре, и толщиной менее 0,5 мм и занимают небольшую площадь поверхности.

Также на сосуде имеется одно округлое сверленое сквозное отверстие, выполненное после изготовления и обжига. Диаметр отверстия: с внешней стороны — 0,9 см, с внутренней — 0,7 см. Отверстие расположено в 3,5 см от венчика в районе налепа ушка сосуда. Вероятно, оно функционально заменяло ушко сосуда, которое было обломано.

Обсуждение результатов и выводы

На основании типологического сходства можно предложить два варианта функционального назначения сосуда. Среди археологических находок Нового времени в Западной Сибири встречаются сосуды с носиком. В То-

[1] Особенности деформации строительных элементов схожи с лентами, так как в верхних двух жгутах в изломе линия спая нижнего края строительного элемента не достигает линии спая верхнего края, что более свойственно для ленточного налепа (Бобринский, 1978, с. 174). Однако размер и очертания явно говорят об использовании жгутов.

[2] Также не исключена спиралевидная траектория наращивания с «наводом» (Бобринский, 1978, с. 164–165), которая характеризуется винтообразной траекторией с очень маленьким углом подъема стенок после каждого оборота.

[3] Цвет внешней и внутренней поверхности неравномерный, имеет пятнистость, цвет излома на венчике трехслойный, внутри темный, с внутренней и внешней стороны осветленный слой от 1 до 2,5 мм.

больске обнаружены горшки со сливом. Они могли иметь широкий круг применения и относиться как к столовой посуде — топникам для перетапливания масла, так и к технической — рукомойникам (Балюнов, 2018, с. 124). В этнографических коллекциях встречаются сосуды похожей формы, однако большего размера. Например, в коллекции музея-заповедника «Старина Сибирская» в р.п. Большеречье (Омская область) зафиксирован подобный рукомойник. Находки фрагментов похожей керамики происходили в Павловском и Первомайском районах Алтайского края (Мамонтова, Толкацкая, 2016, с. 159–160). По размеру сосуд из Калманки более подходит к топникам, но характерных следов его использования по назначению не обнаружено.

Особенности исходного сырья свидетельствуют о том, что оно было собрано на берегу реки. Традиционно (в рамках историко-культурного подхода) данное сырье называют илистыми глинами (Бобринский, Васильева, 1998). Подобные случаи сбора сырья у воды русскими гончарами Алтая представлены нередко и являлись относительно распространенной практикой (Мамонтова, 2014, с. 75–76, 80–82).

Конструирование полого тела сосуда осуществлялось скульптурной лепкой на плоскости без применения гончарного круга. Формование производилось из жгутов, предположительно по кольцевой траектории, что также находит многочисленные аналогии в русской этнографии Алтая. По данным этнографии известно, что кольцевой налеп из жгутов был распространен в селениях старообрядцев и казаков предгорной и горной местностей Западной Сибири, также встречался в Забайкалье и Восточной Сибири (Липинская, 1980, с. 43–44). Данный прием выявлен у старожилов, переселившихся в Сибирь в XVIII в., которые использовали в качестве поворотного столика плоский предмет или ручной гончарный круг (Там же). По материалам Восточной Европы способы изготовления полого тела с помощью кольцевого налепа из лент или спиралевидного налепа из жгутов известны с раннего железного века (с I тыс. н.э.) (Бобринский, 1978, с. 163–165). Сам способ изготовления, зафиксированный в Сибири, представляет собой смешение двух технологий: кольцевого налепа из лент и спирального налепа из жгутов (Бобринский, 1978, с. 164, 167–169). Смешанные способы изготовления, в том числе трудно различимый способ изготовления полого тела наводом, характерны с начала развитого средневековья: по материалам Новгорода зафиксированы на образцах керамики XIII–XIV вв. (Бобринский, 1978, с. 164). К концу XIX — началу XX в. подобные архаичные способы встречались лишь в отдельных русских селениях Восточной Европы (отмечались в Вятской, Тверской, Ярославской губерниях и в Смоленской области), в то же время у старожилов Сибири, по имеющимся сведениям, они сохранялись как основные (Липинская, 1980, с. 43–44; Мамонтова, 2014, с. 26–27).

Место обнаружения сосуда на правом берегу р. Калманка, согласно архивным данным, соответствует району проживания старожильческого населения (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3678). Выявленная техника ручной лепки находит прямые аналогии в этнографических описаниях гончарства Сибири.

Как отмечается в литературе, сохранение подобных архаичных технологий являлось одной из причин, сдерживавших развитие гончарного промысла в Барнаульском округе в начале XX в. (Кустарные промыслы…, 1909).

Обстоятельства находки и технологические особенности изготовления позволяют охарактеризовать особенности гончарного производства. Согласно строительным нормам того времени, открытие гончарни требовало согласия сельского схода и отвода участка, как правило, на границе селения у водоема (Мамонтова, 2012). Однако на плане с. Калманка 1912 г. в месте обнаружения сосуда какие-либо обозначения гончарного производства отсутствуют. Это дает основание предположить, что изготовление посуды здесь носило подсобный характер. Вероятно, оно являлось приработком семьи, использовавшей свой прибрежный земельный участок, либо было рассчитано только на собственные нужды или заказы односельчан. Сама технология изготовления сосуда остается архаичной, что вполне объяснимо: умение сделать лепной сосуд было обычным навыком в сибирской деревне. Лепная посуда, в отличии от других регионов, была широко распространена в Сибири. Таким способом могло изготавливаться до половины всей керамики (Фролов, Мамонтова, 2006, с. 262), именно поэтому современники фиксировали, что «редкая сибирячка не сумеет собственными руками смастерить простую крынку или горшок; к покупному обращается редко» (Алтай: историко-статистический сборник…, 1890, с. 101).

Выявленный сосуд расширяет источниковую базу по культуре повседневности русских переселенцев Сибири, однако подобные находки до сих пор остаются малоисследованными. Поскольку культурный слой на месте обнаружения продолжает разрушаться, для получения более полной информации необходимо проведение рекогносцировочных работ на территории с. Калманка с целью поиска новых артефактов и возможных остатков гончарного производства.

Список источников

Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. 436 с.

Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI — XVII века: опыт классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, №5: Археология и этнография. С. 120–129.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193–217.

Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.

Кустарные промыслы Томской губернии. СПб., 1909. 50 с.

Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования института этнографии. 1978. М., 1980. С. 38–46.

Мамонтова О.С. Кустарное гончарство Алтайского (горного) округа в конце XIX — начале XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2012. №4. С. 258–260.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX — первой половине XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 258 с.

Мамонтова О.С., Толкацкая А.С. Новые комплексы русской археологии Алтайского края в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. С. 156–163.

Фролов Я.В., Мамонтова О.С. Русский керамический комплекс XVIII–XX веков поселения Елбанка II (Усть-Пристанский район Алтайского края) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 260–263.

Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. Проблемы обжига глиняных сосудов (историко-культурное исследование). М., 2025. 327 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ирина Васильевна Подшивайлова, Калманская средняя общеобразовательная школа им. Г.А. Ударцева, учитель истории, руководитель школьного музея; 659040, Россия, Алтайский край, Калманский район, с. Калманка, ул. Первомайская, 40–3, irpo69@mail.ru

Irina V. Podshivailova, Kalmanskaya Secondary School named after G.A. Udartsev, History Teacher, Head of the School Museum; 659040, Russia, Altai Krai, Kalmansky District, Kalmanka Village, Pervomayskaya St., 40–3, irpo69@mail.ru

Ульяна Николаевна Григорьева, Калманская средняя общеобразовательная школа им. Г.А. Ударцева, ученица 8 класса; 659040, Россия, Алтайский край Калманский район, с. Калманка, ул. Советская 7-1, ulyana210811@gmail.com

Ulyana N. Grigorieva, Kalmanskaya Secondary School named after G.A. Udartsev, 8th Grade Student; 659040, Russia, Altai Krai, Kalmansky District, Kalmanka Village, Sovetskaya str., 7-1, ulyana210811@gmail.com

Кристина Олеговна Базарная, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория, младший научный сотрудник; 644024, Россия, Омск, пр. Карла Маркса, 15, https://orcid.org/0000-0001-8563-1319, sopova.kr@gmail.com

Kristina O. Bazarnaya, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk Laboratory, Junior Researcher, 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15, https://orcid.org/0000-0001-8563-1319, sopova.kr@gmail.com

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири; младший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, ассистент; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Ilia A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademik Lavrentiev Ave., 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Pedagogical University, Department of Russian History, Assistant; 656031, Russia, Barnaul, st. Molodezhnaya, 55, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.3:903.57
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.38
EDN: NDHTMM

ГРЕБНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ БИЙСК-I

Святослав Сергеевич Радовский
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения костяных гребней быстрянской культуры скифо-сакского времени из некрополя Бийск-I (северные предгорья Алтая). Анализируются два экземпляра из курганов №3 и №6. Проводится сравнение изделий с гребнями майэмирской и пазырыкской культур Алтая, а также с материалами скифской эпохи Минусинской котловины и Тувы. Установлено, что в раннескифское время население этих территорий укладывало в погребения наборы, состоящие из зеркал, гребней, игольниц. В материалах пазырыкской культуры Горного Алтая VI–III вв. до н.э. чаще встречаются деревянные гребни. Отмечено, что для быстрянской культуры, как и для других общностей Алтая, помещение гребней в захоронения нехарактерно. Делается вывод о вариативности символического значения гребней, не связанного с полом погребенного.

Ключевые слова: гребень, Алтай, скифо-сакское время, быстрянская культура, погребальный комплекс

Для цитирований: Радовский С.С. Гребни из некрополя быстрянской культуры Бийск-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 261–266. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.38

COMBS FROM BIYSK-I — THE BYSTRYANSKAYA CULTURE NECROPOLIS

Svyatoslav S. Radovsky
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of bone combs belonging to the Bystryanka culture of the Scythian-Saka period from the Biysk-I necropolis (northern foothills of the Altai Mountains). Two specimens from burial mounds 3 and 6 are analyzed. Comb artifacts from the Mayemir and Pazyryk cultures of Altai are compared, so as the materials from the Scythian era in the Minusinsk Basin and Tuva. It has been established that, in the early Scythian period, people buried sets consisting of these mirrors, combs, and needle cases. Wooden combs are more common in materials from the Pazyryk culture of the Altai Mountains from the 6th–3rd centuries BC. It is noted that the placement of combs in burials was uncommon for the Bystryanka culture, as well as for other communities in the Altai Mountains. A conclusion is made about the variability of the symbolic meaning of the combs, not associated with the breakage of the buried person.

Keywords: comb, Altai, Scythian-Saka period, Bystryanskaya culture, burial complex

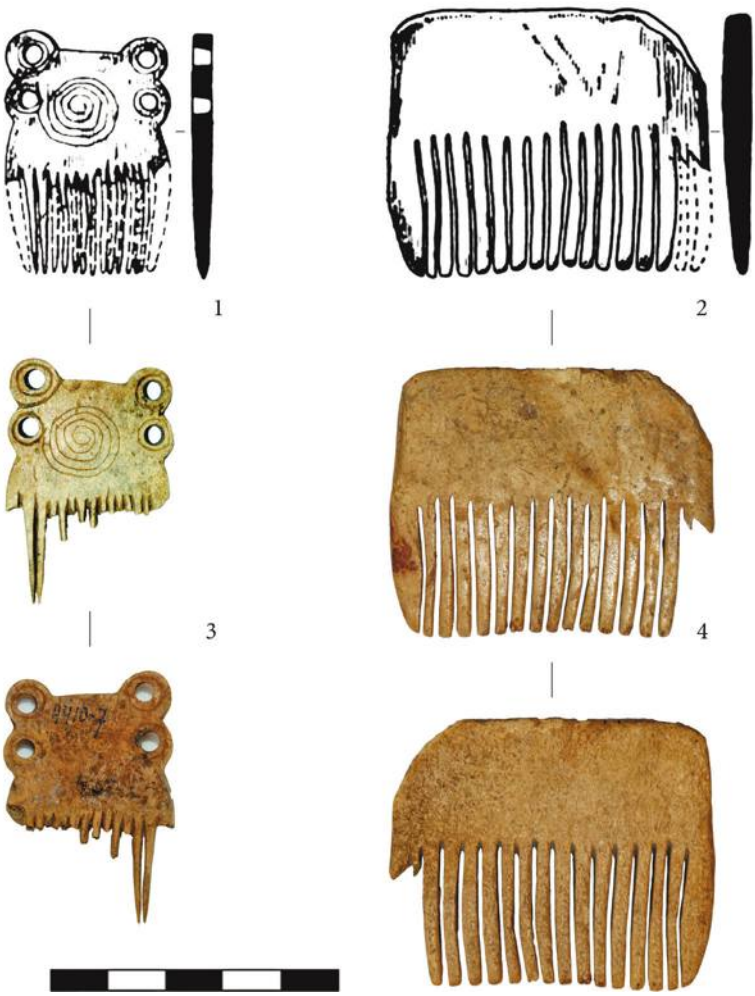
For citations: Radovsky S.S. Combs from Biysk-I — the Bystryanskaya Culture Necropolis. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:261–266. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.38

Изучение предметов личного обихода является неотъемлемой частью реконструкции культуры населения Алтая древности и средневековья. Среди таких изделий достаточно редкими и наименее изученными находками остаются гребни. Специальных работ, посвященных данной категории вещей из памятников рассматриваемого региона, практически нет. В основном они упоминаются при анализе сопроводительного инвентаря конкретных погребений, в контексте наборов туалетных принадлежностей (зеркала, заколки, игольницы) и как примеры предметов с орнаментом. Единственной обобщающей публикацией, включающей некоторые материалы обозначенной территории, является статья по типологии составных гребней Саяно-Алтая эпохи ранних кочевников (Жогова, 2014, с. 116–142). В настоящей работе нами представлена характеристика двух костяных гребней быстрянской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, обнаруженных в ходе раскопок памятника Бийск-I.

Согласно определению словаря современного русского литературного языка, гребень представляет собой пластинку с рядом зубьев по одной или обеим сторонам для расчесывания волос или для скрепления и украшения прически (Ефремова, 2006). Костяные (роговые) изделия данной категории зафиксированы в инвентаре погребений населения быстрянской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени только в двух экземплярах. Оба пластинчатых цельных (односоставных) предмета происходят из некрополя Бийск-I, расположенного в Бийском районе Алтайского края. Первое изделие обнаружено в кургане №3, содержащем захоронение мужчины 50 лет в сопровождении двух лошадей (Завитухина, 1961, с. 90, рис. 4.-8). Заостренные зубцы гребня сильно повреждены, многие из них отсутствуют. Рукоять снабжена четырьмя отверстиями, расположенными по верхнему краю с обеих сторон и оформленными в виде полуколец. В центре находится прочерченный узор, выполненный в форме спирали (меандра) (рис.-*1, 3*). Ширина гребня — 2,9 см, длина вместе с зубьями — 4,2 см.

Второй предмет найден в кургане №6, содержащем погребение женщины с ребенком 1–2 лет и сопроводительное захоронение лошади. Практически целый (за исключением двух зубцов) пластинчатый гребень находился у левой кисти взрослого человека (Завитухина, 1961, с. 91, рис. 4.-6). Отверстия для подвешивания или украшения на предмете отсутствуют (рис.-*2, 4*). Ширина изделия — 5,5 см, длина вместе с зубьями — 4,7 см.

Гребни отличаются размером и оформлением, возможно, отражающим конкретное назначение (уход за волосами головы или бородой) и принадлежность предметов умершим определенного пола. Курган №6, помимо рассматриваемого предмета, практически не содержал другого инвентаря, а в объекте №3, напротив, обнаружено множество изделий конской сбруи, золотая пластинка и поясная обойма. Однако перечисленные вещи позволяют датировать комплекс только в широких рамках — V–III вв. до н.э.

Гребни из некрополя Бийск-I: 1, 3 — курган №3 (по: Завитухина, 1961, рис. 4.-8; фото автора); 2, 4 — курган №6 (по: Завитухина, 1961, рис. 4.-6; фото автора)
Combs from the Biysk-I necropolis: 1, 3 — burial mound No. 3 (after: Zavitukhina, 1961, figs. 4-8; photo by the author); 2, 4 — burial mound No. 6 (after: Zavitukhina, 1961, figs. 4-6; photo by the author)

На Алтае костяные (роговые) гребни не были широко распространены, однако иногда встречаются в захоронениях представителей некоторых общностей. В раннескифское время данные предметы бытовали у населения майэмирской культуры. В ряде случаев фиксируются наборы, состоящие из

зеркал, гребней, игольниц и некоторых других предметов (Адрианов, 1916, с. 37, рис. 19; Демин, Ситников, 2007, с. 109–110, рис. 90, 91; Шульга, Демин, 2021, с. 73, рис. 60).

Для населения пазырыкской культуры более характерны гребни из дерева (Кубарев, 1987, с. 93, рис. 35.-2–3; 1991, рис. 24.-2–4, табл. V.-67, XLV.-23; 1992, с. 86–88, рис. 26.-8–9; Суразаков, 1989, рис. 36.-5). Гораздо реже фиксируются роговые (костяные) изделия (Руденко, 1953, с. 131, рис. 77.-а; Кубарев, 1987, с. 93, рис. 35.-1; 1991, рис. 24.-1, табл. LVII.-30; Кочеев, 1990, с. 213, 217, 222, рис. 4.-8; возможно: Полосьмак, 2001, с. 57, рис. 33[1]). Подобная находка с барельефным орнаментом в виде спирали («вихря», меандра) обнаружена в кургане №5 некрополя Яконур, по многим характеристикам отличающегося от большинства комплексов населения Горного Алтая скифо-сакского времени (Грязнов, 1940, с. 17–18, рис. 2).

В памятниках Верхнего Приобья раннего железного века роговые гребни практически не встречаются. Единственная известная нам находка обнаружена на памятнике Фирсово-XI, датированном I в. до н.э. — I в. н.э. (Фролов, Шамшин, 1999, с. 224–225, рис. 2.-8). Начиная с гунно-сарматского времени костяные гребни нередко фиксируются в Горном Алтае (Соенов, 1998, с. 559–563; Серегин и др., 2023, с. 172–173, табл. 90).

Гребни, подобные быстрянским, зафиксированы также на сопредельных и более отдаленных территориях. Достаточно близкие аналогии обнаружены в погребальных комплексах скифской эпохи Минусинской котловины и Тувы (Грач, 1980, рис. 109.-3, 5; 110; Мандельштам, 1983, с. 30–31, рис. 2.-33; Вадецкая, 1986, с. 92, табл. VII.-8, VIII.-2; Степная полоса…, 1992, табл. 77.-5–6, 87.-1, 4, 13–14; и др.). Как и для майэмирской культуры Алтая, для населения данных областей характерны наборы предметов, укладывающиеся в погребения совместно с гребнями (Вадецкая, 1986, с. 92; Семенов, 2016, с. 17–26).

Таким образом, для населения быстрянской культуры, как и для других синхронных общностей Алтая, помещение костяных гребней в захоронение не характерно. Единственные две находки скифо-сакского времени с территории северных предгорий Алтая происходят из комплекса Бийск-I. Ближайшей аналогией изделию из кургана №3 данного могильника является находка из Яконура. Предмет из кургана №6 ближе к гребням без отверстий для подвешивания из некрополей Айрыдаш-III и Уландрык-II, но выполнен значительно качественнее. По-видимому, гребни у населения быстрянской культуры не были атрибутом мужчин или женщин, так как фиксируются в погребениях умерших обоих полов. В отличие от традиций культур раннескифского времени они не составляют определенные наборы вещей в захоронениях. В заключение необходимо отметить важность изучения материалов северных предгорий Алтая скифо-сакского периода, в ряде случаев демонстрирующих показательные, а также редкие предметы.

[1] В другой публикации гребень обозначен как изготовленный из дерева (Полосьмак, 1994, с. 37, рис. 31).

Список источников

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической комиссии. Петроград, 1916. Вып. 62. 92 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1. С. 17–21.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. I. Барнаул, 2007. 274 с.

Жогова (Кушакова) Н.А. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая // Археологические Вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 116–142.

Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 89–108.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. М., 2006. 1165 с.

Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш III // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 210–224.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 150 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983. С. 25–33.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Семенов Вл.А. Ножи, шилья, зеркала, гребни в женских погребениях скифского времени на территории Тувы // Научные труды. 2016. Вып. 37. С. 17–32.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023. 432 с.

Соенов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 559–563.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотруд-

ник; Музей археологии и этнографии Алтая, хранитель фондов; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Junior Research Fellow; Altai Museum of Archaeology and Ethnography, Custodian of Collections; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.21(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.39
EDN: PALSTE

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА СУРТАЙКА–1 (Красногорский район Алтайского края)

Илья Андреевич Савко[1–3], Дмитрий Валентинович Папин[2, 3], Ярослав Владимирович Фролов[3]

[1]Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[3]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В 2024 г. в результате строительных работ местных жителей было обнаружено новое погребение скифо-сакского времени на могильнике Суртайка-1, расположенном в северных предгорьях Алтая, в Бие-Катунском междуречье. Погребальный обряд и инвентарь из погребения позволяют отнести захоронение к VI–III вв. до н.э. Оно вписывается в общий комплекс могил раннего железного века памятника. Положение умершего вытянуто на спине головой на запад характерно для быстрянского погребального обряда, каменная обкладка или ящик, обнаруженный в могиле, связывается с кара-кобинской традицией. Достаточно разнородный комплекс могильника Суртайка-1 свидетельствует о сложной картине межкультурных взаимодействий, происходивших в скифо-сакское время в северных предгорьях Алтая.

Ключевые слова: скифо-сакское время, быстрянская культура, Красногорский район, погребальный обряд, керамика

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ №25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — средневековье)».

За выполнение антропологических определений авторы выражают благодарность канд. ист. наук, зав кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета Светлане Семеновне Тур.

Для цитирований: Савко И.А., Папин Д.В., Фролов Я.В. Новые находки из разрушенного погребения скифо-сакского времени могильника Суртайка–1 (Красногорский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 266–273. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.39

NEW FINDS FROM A DISTURBED SCYTHIAN-SAKA PERIOD BURIAL OF THE SURTAIKA-1 BURIAL GROUND (Krasnogorsky District, Altai Krai)

Ilya A. Savko[1–3], Dmitry V. Papin[2, 3], Yaroslav V. Frolov[3]
[1]Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia
[2]Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[3]Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. In 2024, construction work by local residents uncovered a new burial dating to the Scythian-Saka period at the Surtaika-1 cemetery, located in the northern foothills of the Altai Mountains, in the Biya-Katunsky interfluve. The burial rite and grave goods suggest that it dates to the 6th–3rd centuries BC. It fits within the general complex of Early Iron Age graves at the site. The position of the deceased, extended on his back with his head to the west, is characteristic of the Bystryan burial rite, while a stone covering or box found in the grave is associated with the Kara-Kobinsky tradition. The heterogeneous assemblage at the Surtaika-1 cemetery testifies to the complex pattern of intercultural interactions that took place during the Scythian-Saka period in the northern foothills of the Altai Mountains.

Keywords: Scythian-Saka period, Bystryanka culture, Krasnogorsky District, burial rite, ceramics

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00775 "Comprehensive Chronology of Archaeological Sites of Altai (Stone Age — Middle Ages)".

The authors express their gratitude to Svetlana S. Tur, Candidate of Historical Sciences, Head of the Anthropology Office of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, for conducting the anthropological determinations.

For citation: Savko I.A., Papin D.V., Frolov Ya.V. New finds from a Disturbed Scythian-Saka Period Burial of the Surtaika-1 Burial Ground (Krasnogorsky district, Altai krai). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:266–273. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.39

Могильник Суртайка-1 находится на территории с. Старая Суртайка в Красногорском районе Алтайского края. Большая часть его площади застроена, только несколько насыпей сохранились на краю террасы к северу от сельского кладбища. Памятник занимает пологую террасу высотой 20–25 метров на правом берегу реки Катунь. В ходе исследования могильника С.М. Сергеевым в 1932 г. было выявлено около 70 курганных насыпей, которые образовывали цепочки, ориентированные по линии юг–юго-восток — север–северо-запад вдоль берега Катуни либо составляли небольшие группы из двух-четырех объектов (Абдулганеев, 2005, с. 42–43). В полевые сезоны 1932, 1934 гг. С.М. Сергеевым, А.Т. Марковым и в 1969 г. Н.Л. Членовой на территории могильника было исследовано 30 курганов, относящихся к различным хронологическим периодам от поздней бронзы до средневековья (Членова, 1973; Абдулганеев, 2005, 2006).

В конце июня 2024 г. с территории могильника Суртайка-1 получены новые находки. Во время археологических раскопок на могильнике Усть-Иша-5

нам поступила информация от лейтенанта полиции ОМВД России по Красногорскому району В.И. Сметанникова о том, что на территории с. Старая Суртайка были обнаружены человеческие костные останки и развал керамического сосуда. По имеющейся информации кости были найдены местным жителем Р.Г. Гурьевым по адресу: ул. Садовая, д. 26, в ходе выкапывания хозяйственной ямы на заднем дворе участка (рис. 1).

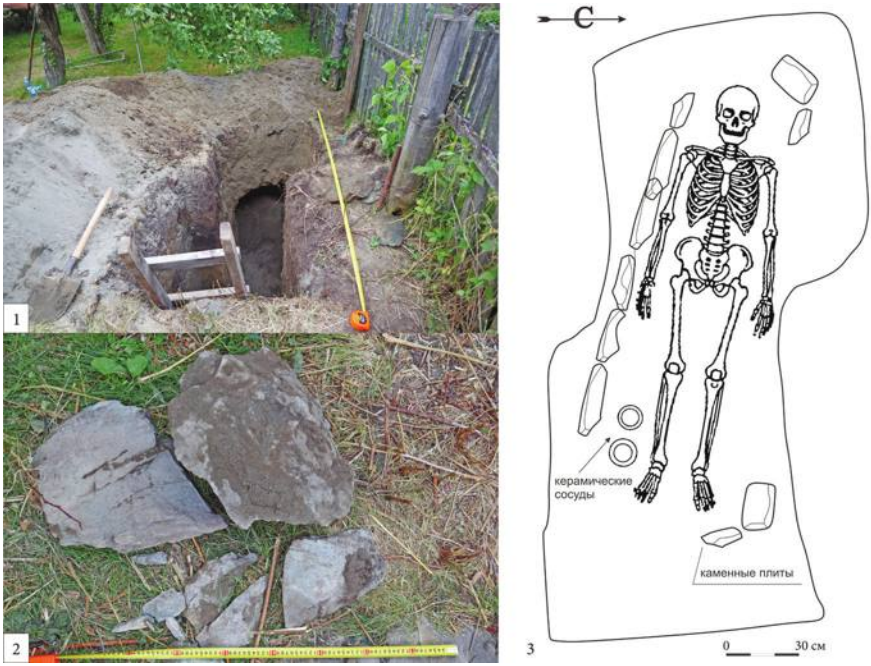

Рис. 1. Местонахождение погребения могильника Суртайка-1 (2024 г.): 1 — общий вид участка выявленного погребения; 2 — каменные плиты, зафиксированные в конструкции погребения; 3 — реконструированный план погребения (по сведениям, полученным со слов сотрудников полиции)
Fig. 1. Location of the Surtaika-1 burial ground (2024): 1 — general view of the burial discovery area; 2 — stone slabs recorded within the burial structure; 3 — reconstructed burial plan (based on information provided by police officers)

К моменту нашего прибытия сотрудниками полиции Красногорского района уже были завершены земляные работы (рис. 1.-*1*). Кости человека обнаружены в прямоугольной яме 1,1×1,1 м. Затем сотрудниками полиции яма была расширена по расположению костей скелета и был сделан небольшой подбой. Раскоп представлял собой подпрямоугольную яму неправильной формы, ориентированную по линии З–В. Ее размеры 2,40×1,10 м, глубина — 1,90 м от современной дневной поверхности (рис. 1.-*1, 3*). Визуально по стенкам и дну раскопа контуры погре-

бальной камеры не фиксировались. Со слов сотрудников полиции удалось понять общую картину расположения костных останков и реконструировать отдельные элементы погребального обряда. На рисунке приведена вероятная реконструкция расположения костяка и каменной конструкции (рис. 1.-*3*). Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на северо-запад. Костные останки принадлежали взрослому субъекту мужского пола возрастом 23–30 лет (определения С.С. Тур). Вдоль южной и в углах северной стенки ямы вплотную от выявленного костяка находились стоящие на ребре плиты из рваного камня, по-видимому, остатки обкладки (рис. 1.-*2*). Размеры отдельных плит достигали 30×30 см. В восточной части ямы в районе ног погребенного находились два керамических сосуда.

В западной стенке ямы была зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация. Под слоем дерна прослеживался коричнево-каштановый гумусированный суглинок мощностью до 1 м, ниже отмечена супесь серого цвета мощностью до 70 см, между ними на небольшом участке располагался слой темно-серого суглинка мощностью до 0,5 м (предположительно край недобранной части могильной ямы), ниже слоя супеси до дна ямы находился слой песка мощностью до 0,5 м.

Инвентарь погребения представлен двумя сосудами. Первый (№1) — это небольшой сосуд кувшиновидной формы с округлым уплощенным дном, низко расположенным туловом, длинным предплечьем, короткой шейкой и отогнутым венчиком (диаметры: венчик — 10,3 см, шея — 9,3 см, тулово — 12,1 см; высоты: тулово — 4,7 см, плечо — 4,6 см; шея — 1,4 см; общая высота — 10,8 см) (рис. 2.-*1*). Сведения по особенностям гончарной технологии получены фрагментарно[1]: в формовочной массе зафиксированы остроугольные части кварцевой дресвы; конструирование осуществлялось предположительно на форме-основе лоскутным налепом в один слой, по донно-емкостной программе, смена наложения строительных элементов в зоне перехода плеча свидетельствует о раздельном изготовлении этих частей емкости. Формообразование происходило за счет выдавливания пальцами. Обработка внешней поверхности сосуда осуществлялась с помощью лощения по подсушенной поверхности сосуда, о чем свидетельствуют отсутствие блеска и желобки, оставляемые от инструмента на стенках. Внутренняя поверхность заглаживалась мягкими материалами (кожа, ткань или пальцы). Цветовые особенности излома[2] позволяют сделать вывод, что обжиг осуществлялся в условиях полувосстановительной среды при непродолжительном воздействии температуры каления глины и быстром извлечении изделия из обжигового устройства. На внутренних стенках сосуда фиксируется нагар. Орнамент нанесен на верхней части плечика и шейке сосуда. Это широкий бордюр, ограниченный двумя узкими желобками, заполненный сеткой, образующей ромбы. Внутри

[1] Исследование технологии изготовления посуды проведено в рамках методики историко-культурного подхода, разработанной А.А. Бобринским (1978, 1999).

[2] Цвет внешней и внутренней поверхности неравномерный, имеет пятнистость, цвет излома в верхней части сосуда темный на всю толщину стенки, на тулове осветленный слой до 2 мм расположен на внутренней стороне, граница с темной массой четкая.

каждого ромба нанесены вдавления округлой полой трубочкой диаметром 3 мм. В большей части ромбов имеется по два вдавления сеткой. Реже встречены одиночные вдавления и по три и четыре ямки. В расположении ямочных вдавлений прослеживается некоторая системность, что может говорить об определенной смысловой нагрузке данной орнаментальной композиции.

Рис. 2. Керамические сосуды из погребения могильника Суртайка-1 (2024 г.): 1 — сосуд №1; 2 — сосуд №2
Fig. 2. Ceramic vessels from the burial of the Surtaika-1 burial ground (2024): 1 — Vessel No. 1; 2 — Vessel No. 2

Второй (№2) небольшой кувшиновидный сосуд имеет плоское дно, низкое тулово, длинное плечо, короткую шею и отогнутый край венчика (диаметры: венчик — 7,5 см, шея — 6,7 см, тулово — 10,2 см, дно — 5,4; высоты: тулово — 3,5 см, плечо — 5,3 см; шея — 1,1 см; общая высота — 9,9 см). Орна-

мента на сосуде нет (рис. 2.-*2*). Изучить особенности исходного сырья, формовочных масс и способов конструирования сосуда, не разрушая изделие, не представлялось возможным, поэтому данные об этих ступенях гончарного производства получены фрагментарно. Формообразование сосуда происходило при помощи выдавливания пальцами и выбивания, о применении которого свидетельствуют следы в виде уплощенных площадок на внешней поверхности сосуда в районе придонной части и тулова. Обработка внешней поверхности сосуда (а также внутренней части венчика) осуществлялась с помощью заглаживания твердым инструментом с гладкой рабочей поверхностью (костяной шпатель / нож / галька), внутренняя поверхность заглаживалась пальцами. Цвет внешней и внутренней поверхности неравномерный, имеет пятнистость, которая выражается в сочетании участков оранжевого, темно-коричневого, черного или серого цвета, что свидетельствует о том, что обжиг осуществлялся в условиях полувосстановительной среды.

Сосуд №1 имеет редкую форму и нетипичный орнамент для керамики из погребальных комплексов раннего железного века Алтая. Орнамент на этом сосуде аналогий не имеет, но среди керамики скифо-сакского времени известны несколько сосудов с орнаментацией в виде полос из групп ямочных вдавлений в разных комбинациях, образующих некоторую систему (Грушин и др., 2019, рис. 2.-2, 3, 5, 6). Сосуд №2 находит массу аналогий среди керамики некрополей скифо-сакского периода из северных предгорий Алтая, горной долины Нижней Катуни и лесостепного Алтая. Датируются оба сосуда в широких пределах — VI–III вв. до н.э.

Погребальная обрядность захоронения, обнаруженного в 2024 г., находит аналогии среди захоронений скифо-сакского времени, обнаруженных на этом же могильнике. Это такие признаки, как положение вытянуто на спине головой на северо-запад и обкладка стенок могилы из камней и плитняка, вероятно, имитирующая каменный ящик. Похожий обряд обнаружен в курганах №29 и 2/10 этого же могильника (Абдулганеев, 2005, с. 42–43). Каменные ящики и обкладка погребений скифо-сакского времени обнаружены на расположенном рядом могильнике Быстрянка-1 (Завитухина, 1966, с. 64, 68). Место обнаружения выявленного в 2024 г. погребения при сравнении с планом С.М. Сергеева предположительно попадает на южный край памятника и входит в общий комплекс памятника.

Основная часть погребений скифского времени могильника Суртайка-1 (курганы №26, 27, 1/9, 4/12, 5/13, 6/14, 2/10, 7/15) изучена в 1932 и 1934 гг. С.М. Сергеевым и А.Т. Марковым (Абдулганеев, 2005, с. 42–43). Дополнительным свидетельством присутствия комплексов раннего железного века служит находка сосуда указанного периода в насыпи кургана №30, исследованного в 1969 г. (Членова, 1973). По-видимому, этот же сосуд из кургана №30 и сосуд из кургана №29 (ирменская культура) были опубликованы С.С. Радовским и Е.А. Нарудцевой, как полученные в ходе работ Б.Х. Кадикова и В.А. Могильникова (Радовский, Нарудцева, 2022, с. 74). Вероятно, сосуды из раскопок Н.Л. Членовой были переданы в Алтайский государственный кра-

еведческий музей через Б.Х. Кадикова или В.А. Могильникова, в результате чего в музейной документации произошла путаница. Погребения скифо-сакского времени могильника Суртайка-1 имеют достаточно разнообразный погребальный обряд, что не позволяет их однозначно соотнести с той или иной культурой. М.Т. Абдулганеев считал, что на могильнике присутствуют захоронения разных групп населения, которые можно связать с северо-алтайским вариантом пазырыкской культуры и «быстрянцами» (Абдулганеев, 2005, с. 42–47). Изученное в 2024 г. захоронение, также сложно отнести к той или иной группе захоронений северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Положение на спине, ориентация на запад — быстрянская традиция, каменная обкладка (каменный ящик) — черты кара-кобинских комплексов. Данное погребение, как и весь могильник скифо-сакского времени Суртайка-1, демонстрирует достаточно сложную картину межкультурных взаимодействий в северных предгорьях Алтая, где происходили интенсивные миграционные процессы и устойчивые коллективы, достаточно продолжительное время существовавшие на этой территории, не формировались.

Список источников

Абдулганеев М.Т. Курганы скифского времени могильника Суртайка-I // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 42–47.

Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи средневековья из северных предгорий Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 180–193.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В. Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1. С. 86–98.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. №8. Л., 1966. С. 62–77.

Радовский С.С., Нарудцева Е.А. Коллекции керамики из раскопок В.А. Могильникова в Красногорском районе Алтайского края (по материалам Алтайского государственного краеведческого музея) // Известия Алтайского государственного университета. 2022. №2. С. 72–77.

Членова Н.Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 12. С. 114–121.

Информация об авторах / Information about the Authors

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири; младший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, ассистент; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Ilia A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademik Lavrentiev Ave., 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Pedagogical University, Department of Russian History, Assistant; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya St., 55, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0002-7463-7333, savko.ilia2016@yandex.ru

Дмитрий Валентинович Папин, Алтайский государственный университет, лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, ведущий научный сотрудник; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория, заведующий; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, papindv@mail.ru

Dmitry V. Papin, Altai State University, Laboratory of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Leading Researcher; Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory, Head of the Laboratory; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, papindv@mail.ru

Ярослав Владимирович Фролов, Алтайский государственный университет, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, директор музея; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Yaroslav V. Frolov, Altai State University, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai of Altai State University, Director of the Museum; 656049, Barnaul, Russia, Dimitrova St., 66, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.3
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.40
EDN: PAMAIW

РИТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э. ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ

Николай Николаевич Серегин, Никита Александрович Константинов, Татьяна Сергеевна Паршикова
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок одного из ритуальных объектов, исследованных в составе погребально-поминального комплекса Катанда-I. Данный памятник расположен близ одноименного села в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Последние несколько лет систематические работы на обозначенном комплексе проводятся участниками археологической экспедиции АлтГУ. Публикуемое сооружение (№11) представляет собой небольшую ограду округлой формы, к северо-западу от

которой находился поваленный крупный камень (стела?). На основе результатов анализа выявленных конструкций, аналогии которым имеются в материалах ряда памятников в разных частях Алтая, а также с учетом особенностей расположения данного сооружения на площади комплекса Катанда-I ритуальный объект №11 предварительно отнесен к раннетюркскому времени.

Ключевые слова: ритуальный объект, Алтай, раннетюркское время, эпоха Великого переселения народов, погребально-поминальный комплекс, культурно-хронологическая интерпретация

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Внутренняя Азия в эпоху Великого переселения народов: междисциплинарный анализ археологических материалов» (№26-18-00357).

Для цитирований: Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Паршикова Т.С. Ритуальный объект середины I тыс. н.э. из Центрального Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 273–280. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.40

RITUAL OBJECT OF THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM A.D. FROM CENTRAL ALTAI

Nikolai N. Seregin, Nikita A. Konstantinov, Tatyana S. Parshikova
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article concerns a cultural-chronological interpretation of excavation materials from one of the ritual objects studied within the Katanda-I burial and memorial complex. This site is located near the village of the same name in the Ust-Koksinsky District of the Altai Republic. Over the past several years, systematic excavations at this complex have been conducted by members of the Altai State University archaeological expedition. The structure (No. 11) is a small, rounded enclosure, to the northwest of which was a fallen large stone (a stele?). Based on the analysis of the identified structures, which have analogies in materials from a number of sites in various parts of the Altai, and taking into account the specific location of this structure within the Katanda-I complex, ritual object №11 has been tentatively dated to the Early Turkic period.

***Keywords*:** ritual object, Altai, Early Turkic period, Great Migration Period, burial and memorial complex, cultural and chronological interpretation

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project «Inner Asia during the Great Migration Period: an interdisciplinary analysis of archaeological materials» (№26-18-00357).

For citation: Seregin N.N., Konstantinov N.A., Parshikova T.S. Ritual Object of the Middle of the 1st Millennium AD from Central Altai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:273–280. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.40

Одним из важных направлений полевых исследований археологических экспедиций АлтГУ в последние годы являются работы на погребально-поминальном комплексе Катанда-I. Данный памятник расположен на левом берегу р. Малая Катанда, в 4,1 км к северу от р. Катунь, в 2,7 км на восток от с. Катанда Усть-Коксинского района Республики Алтай. Первые раскопки обозначенного комплекса проведены в 1865 г. В.В. Радловым. Судя по имеющимся сведениям, в ходе этих изысканий были исследованы захоронения эпохи Великого переселения народов, несколько тюркских оградок, а также поминальные объекты

скифо-сакского времени (Захаров, 1926; Радлов, 1989). Какой-либо информации о размещении этих сооружений на площади комплекса нет. Современное состояние памятника Катанда-I не позволяет идентифицировать раскопанные конструкции в связи с высокой степенью задернованности, а также учитывая разграбленность значительного количества объектов. К настоящему времени участниками экспедиции АлтГУ на данном комплексе раскопана серия погребальных сооружений раннего железного века и средневековья. В настоящей статье представлены результаты исследования одного из ритуальных объектов.

Объект №11 расположен в северо-восточной части погребально-поминального комплекса Катанда-I, в 36 м к северу — северо-востоку от крупного кургана скифской эпохи и в 38 м к востоку от силосной ямы. До раскопок он представлял собой сильно задернованную каменную насыпь. В центральной части объекта фиксировались отдельные камни, очевидно, вывернутые при попытке распашки данного участка памятника. После вскрытия площади раскопа и зачистки насыпи объекта №11 выявлена наземная конструкция неопределенной формы, более напоминающей округлую (рис. 1). По ее периметру фиксировалась ограда, целостность которой в западной части оказалась нарушена, очевидно, также в результате хозяйственного освоения восточной периферии комплекса Катанда-I. К северо-западу от ограды, в 0,3 м от края насыпи, находился крупный камень, возможно, представлявший собой стелу.

Общие размеры наземной конструкции объекта №11 составили 2,9×2,7 м, высота — до 0,45 м. Насыпь была сложена из камней разных размеров — главным образом, из небольших и средних галек и рваных камней. Параметры крупного камня, лежавшего к северо-западу от края насыпи: 1,22×0,38×0,29 м.

Структура объекта прослежена по разрезу А-А` (рис. 2): общая длина насыпи 2,9 м; глубина в материке до 0,4 м. Разрез состоит из слоя дерна, гумусированного слоя темно-серого цвета и материка — супесь серо-коричневого цвета. В него попадают каменные элементы конструкции насыпи. Часть насыпи заполнена мелкой галькой вперемешку с землей. В разрезе по краю насыпи фиксировались средние камни, маркирующие ограду. Глубина раскопа в точке А до уровня материка составила 0,20 м, в точке А` — 0,21 м.

В ходе разборки наземной конструкции по ее периметру выявлена ограда из средних и крупных камней, которая имела неправильную, близкую к округлой форму (рис. 3.-*1*). Ее размеры составили 3,55×3,2 м, высота наиболее крупных камней — до 0,28 м. В центральной части данной конструкции фиксировались отдельные просевшие камни. Свидетельства нарушения материка на площади раскопа, а также во внутренней площади ограды не выявлены. Также не обнаружены какие-либо дополнительные конструкции и находки. Связь крупного камня (стелы?) (рис. 3.-*2*) с объектом №11 представляется неоднозначной. Принимая во внимание отсутствие следов обработки, а также то, что на площади раскопа не зафиксированы следы ямы, в которой он мог бы находиться, не исключено, что данный камень не являлся стелой, а был вывернут и перемещен при распашке из какого-либо другого сооружения.

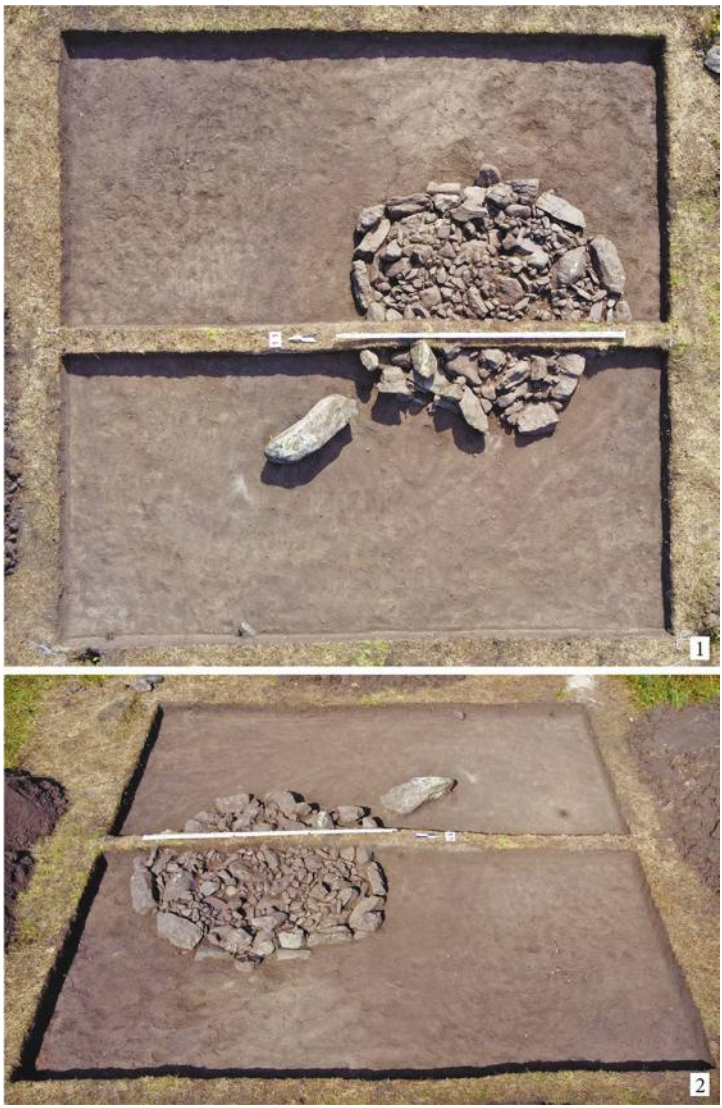

Рис. 1. Объект №11 комплекса Катанда-I
Fig. 1. Object No. 11 of the Katanda-I complex

Ключевой характеристикой расположения объекта №11 является его локализация в непосредственной близости от группы подквадратных оград, часть которых содержала одиночные захоронения лошадей без сопроводительного

инвентаря. Принимая во внимание известные аналогии в материалах раскопок серии памятников эпохи Великого переселения народов (Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992, с. 60, рис. 1; Соенов, Эбель, 1992, с. 23; Соенов, 1999, с. 134–135; Самашев и др., 2016, с. 245–247, 249; Серегин, Матренин, 2016, с. 33, 73, 163–164; и др.), а также учитывая результаты радиоуглеродного анализа, обозначенные сооружения предварительно можно отнести к позднему этапу булан-кобинской археологической культуры и датировать в рамках 2-й половины V — 1-й половины VI в. н.э. С другой стороны, в 15 м на юго-восток от объекта №11 исследована раннетюркская оградка с характерными находками, особенностью которой была довольно аморфная наземная конструкция, отличавшаяся от «классических» подквадратных сооружений носителей данной общности.

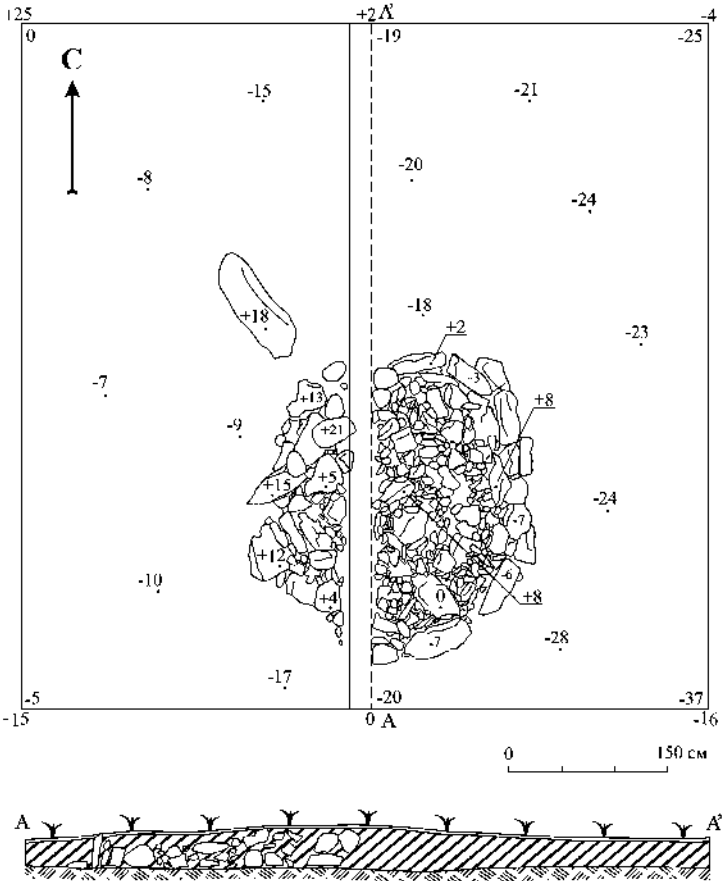

Рис. 2. Объект №11 комплекса Катанда-1: план и разрез наземной конструкции
Fig. 2. Object No. 11 of the Katanda-1 complex: plan and section of the ground structure

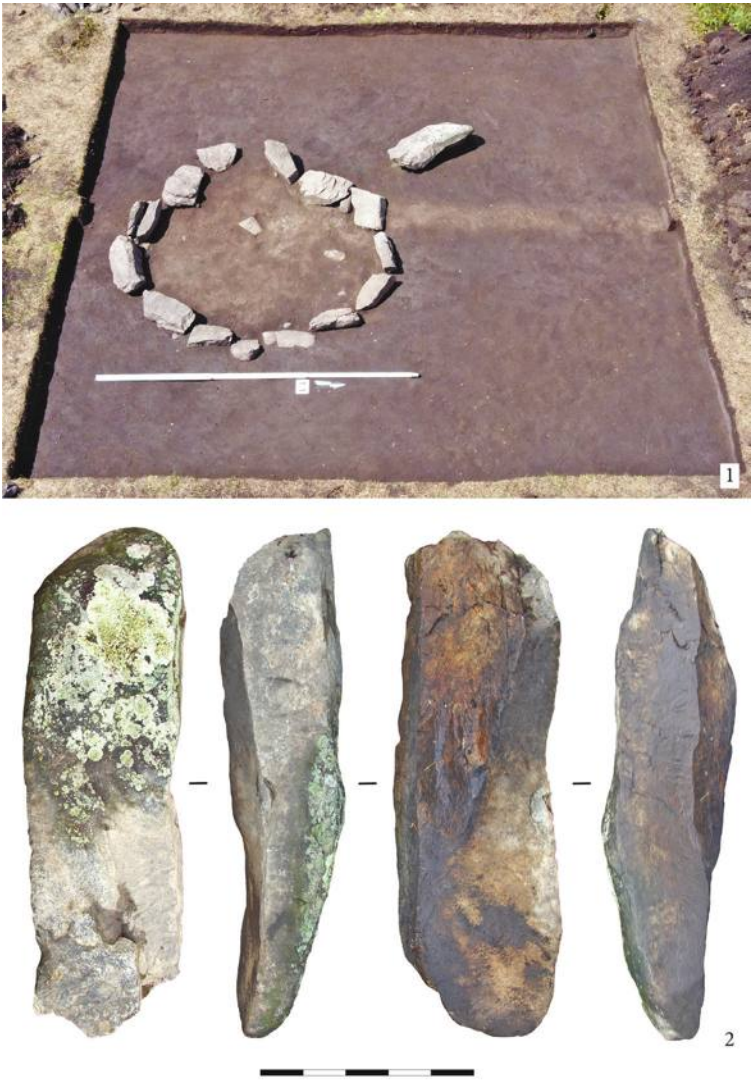

Рис. 3. Объект №11 комплекса Катанда-I:
1 — фото округлой оградки; 2 — фото стелы (?)
Fig. 3. Object No. 11 of the Katanda-I complex:
1 — photo of a rounded enclosure; 2 — photo of a stele (?)

Возможности культурно-хронологической интерпретации объекта №11 связаны с анализом зафиксированных конструкций в контексте имеющихся ма-

териалов раскопок ритуальных сооружений различных хронологических периодов на территории Алтая, а также с определением его места в системе других комплексов, выявленных и исследованных в составе памятника Катанда-I.

Обратим внимание на то, что объекты округлой формы, представленные как оградками, так и простыми насыпями, неоднократно фиксировались ранее в ходе раскопок раннесредневековых комплексов (Могильников, 1994, с. 106–108, 112–113; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 207; Кубарев, 2018, с. 87; Серегин, Васютин, 2020, с. 133–135; и др.). Большая часть таких сооружений, судя по обнаруженным находкам и единичным результатам радиоуглеродного датирования, относится к раннетюркскому времени (Кубарев, 1979, рис. 19; Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI.24–25; Соенов и др., 2009, с. 80–81, рис. 13–23; Серегин, Горбунов, 2024; и др.). Если допустить, что крупный камень у объекта №11 представляет собой стелу, то его расположение с северо-западной стороны от насыпи находит аналогии именно в памятниках начального этапа в развитии культуры тюрок с той поправкой, что в ходе раскопок обозначенных комплексов чаще фиксировались невысокие балбалы (Мамадаков, 1994, с. 59, рис. 2.-10; Могильников, 1994, рис. 6–7, 16; Серегин, Васютин, 2021, рис. 165; и др.).

Таким образом, ритуальный объект №11 погребально-поминального комплекса Катанда-I может быть предварительно отнесен к раннетюркскому времени. Дальнейшие исследования обозначенного памятника, а также междисциплинарный анализ полученных материалов будут способствовать пониманию специфики подобных сооружений, которые демонстрируют сложные процессы, происходившие в Центральном Алтае в середине I тыс. н.э.

Список источников

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 59–61.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.

Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки КызылШина (ЮгоВосточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №2. С. 79–89.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 58–63.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника КатандаIII // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы КараКобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 751 с.

Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмаджиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболастов С. Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай — колыбель тюркского мира. Усть-Каменогорск, 2016. С. 234–252.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника КокПаш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. №1. С. 123–143.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул, 2021. 296 с.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Раннетюркский ритуальный объект из Северного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 239–245.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 134–152.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып. 1–2. С. 74–95.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Никита Александрович Константинов, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, старший научный сотрудник; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-8897-8454, nikita.knstntnv@gmail.com

Nikita A. Konstantinov, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-8897-8454, nikita.knstntnv@gmail.com

Татьяна Сергеевна Паршикова, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, старший научный сотрудник; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0001-5078-8244, taty-parshikova@yandex.ru

Tatyana S. Parshikova, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0001-5078-8244, taty-parshikova@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.652(517.3)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.41
EDN: PIXOGQ

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ МОНГОЛИИ

Николай Николаевич Серегин[1], Лхагвасурэн Эрдэнэболд[2], Тумур-Очир Идэрхангай[3]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Институт истории и этнологии АН Монголии, Улан-Батор, Монголия
[3]Монгольский национальный университет, Улан-Батор, Монголия

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот результатов радиоуглеродного датирования небольшой серии образцов из археологических комплексов раннего средневековья, исследованных на территории Монголии. Изучены материалы из двух поминальных сооружений, расположенных в местности Дунд оорцог (Архангайский аймак), и два образца из погребения с конем Бугат (Булганский аймак). Установлено, что смежные оградки, раскопанные на первом из обозначенных памятников, датируются в рамках последней четверти VI — 1-й половины VII в. н.э. На сегодняшний день полноценно исследованные объекты данного периода в Монголии остаются единичными. Полученные результаты радиоуглеродного анализа позволили скорректировать предложенную ранее предварительную хронологическую атрибуцию овальной оградки №1 комплекса Дунд оорцог и с высокой долей уверенности отнести данное поминальное сооружение к монгольскому времени. Уточнена датировка погребения с конем на комплексе Бугат. Этот объект был сооружен в период утраты тюрками Монголии политической самостоятельности. Зафиксированный погребальный обряд подтверждает, что кочевники данной общности сохранили свои традиции после включения их в состав каганатов уйгуров и кыргызов.

Ключевые слова: радиоуглеродный анализ, Монголия, раннее средневековье, поминальный объект, погребение, культурно-хронологическая интерпретация

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации проекта «Тюркское наследие Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (№6666-25).

Для цитирований: Серегин Н.Н., Эрдэнэболд Л., Идэрхангай Т.-О. Новые результаты радиоуглеродного датирования раннесредневековых комплексов Монголии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 281–286. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.41

NEW RESULTS OF RADIOCARBON DATING OF EARLY MEDIEVAL COMPLEXES IN MONGOLIA

Nikolay N. Seregin[1], Lkhagvasuren Erdenebold[2], Tumur-Ochir Iderkhangai[3]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Institute of History and Ethnology, Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
[3]National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. The article concerns the results of radiocarbon dating of a small series of samples from early medieval archaeological complexes investigated in Mongolia. The materials studied are from two memorial structures located in the Dund Oortsog area (Arkhangai aimag) and two samples from a horse burial in Bugat (Bulgan aimag). It was established that adjacent enclosures excavated at the former site date to the last quarter of the 6th to the first half of the 7th century AD. To date, objects from this period remain rare in Mongolia. The obtained radiocarbon dating results allowed us to correct the previously proposed preliminary chronological attribution of oval enclosure No. 1 of the Dund Oortsog complex and, with a high degree of certainty, attribute this object to the Mongolian period. The dating of the late Turkic burial in the Bugat complex was also refined. This structure was built during the period when the Turks of Mongolia lost their political independence. The recorded burial rite confirms that the nomads of this community retained their traditions even after their incorporation into the Uyghur and Kyrgyz Khaganates.

***Keywords*:** radiocarbon dating, Mongolia, early Middle Ages, memorial object, burial, cultural-chronological interpretation

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the project «Turkic heritage of the Great Altai: unity and diversity in history and modernity» (№6666-25).

For citation: Seregin N.N., Erdenebold L., Iderkhangai T.-O. New Results of Radiocarbon Dating of Early Medieval Complexes in Mongolia. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:281–286. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.41

Несмотря на заметное повышение внимания к археологии раннесредневековых тюрок Центральной Азии, наблюдаемое в последние годы, важной проблемой остается ограниченное количество качественно раскопанных и полноценно введенных в научный оборот памятников, расположенных в центре политических объединений кочевников — на территории Монголии. Наряду с этим сохраняется необходимость построения хронологии комплексов, выступающей основой для исторических реконструкций, особенно актуальных для обозначенного периода. Важной частью работы в рамках данного направления исследований является получение абсолютных дат, в настоящее время рассматриваемых как обязательная составляющая программы междисциплинарного изучения археологических материалов. В данной статье представлены новые результаты радиоуглеродного анализа небольшой серии образцов, происходящих из погребальных и поминальных объектов.

Первый блок материалов, включающий два образца, получен в 2012 г. в ходе раскопок археологической экспедиции Улаанбаторского университета под руководством Т.-О. Идэрхангая в местности Дунд оорцог (территория бригады Хоног Батцэнгэл сомона Архангайского аймака) (рис.). В результате проведенных работ были исследованы пять оградок, расположенных на левом берегу ручья Булгийн шууд. Материалы раскопок этих сооружений полностью опубликованы (Идэрхангай, 2014, с. 122–126, рис. 1, 2). В указанной статье отдельно стоящие округлые или овальные оградки (объекты №1–3) и смежные подквадратные конструкции (объекты №4, 5) отнесены к кругу поминальных комплексов раннесредневековых тюрок. В одной из оградок зафиксированы предметы, которые не имеют узкого периода бытования

и не позволяют уточнить время возведения сооружений (Идэрхангай, 2014, рис. 2). При этом в части объектов были обнаружены следы тризны в виде костей мелкого рогатого скота и лошадей, что позволило отобрать материалы для радиоуглеродного датирования.

Расположение памятников Дунд оорцог и Бугат
Location of the Dund oortsog and Bugat sites

Радиоуглеродный анализ образцов осуществлен в лаборатории ^{14}ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания). Приводимые здесь и далее калибровочные показатели получены при использовании программы RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV8.20.

UBA-44840. Дунд оорцог, оградка №1, кости мелкого рогатого скота. Радиоуглеродный возраст — 732±26 л.н. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 1269–1287 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 1229–1377 (1.000).

UBA-44841. Дунд оорцог, оградка №4, кости лошади. Радиоуглеродный возраст — 1441±26 л.н. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 605–642 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 582–652 (1.000).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что смежные оградки №4 и 5 действительно относятся к археологической культуре раннесредневековых тюрок. Рассматриваемые поминальные объекты с высокой долей вероятности были возведены в последней четверти VI — 1-й половине VII в. н.э. Это подтверждает и выявленная конструкция в виде двух подквадратных построек, имеющих одну общую стенку. Анализ имеющихся материалов показывает, что такие сооружения получили распространение главным образом

на территории Алтая (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 209–210; Серегин, Шелепова, 2015, с. 70, 72). В данном регионе изучена довольно представительная серия подобных комплексов с датирующими находками, свидетельствующими о том, что большая часть смежных оградок относится к раннетюркскому времени (Гаврилова, 1965, табл. III–IV; Могильников, 1992, рис. 1; Соенов, Эбель, 1997, рис. I–IV; Кубарев, 2011, рис. 2–3; и др.).

Датировка второго изученного образца из комплекса Дунд оорцог указывает на совершенно другой хронологический интервал. Судя по полученным результатам, либо оградка №1 сооружена в развитом средневековье (наиболее вероятный период — 2-я половина XIII в. н.э.), либо данный объект был переиспользован в то время для реализации каких-то ритуальных действий, предполагающих употребление мясной пищи. С учетом нетипичности четко выраженной овальной формы рассматриваемого комплекса для традиций раннесредневековых тюрок и при этом широкого распространения подобных наземных конструкций в монгольское время более обоснованным представляется первый из представленных вариантов.

Второй блок материалов, также включающий два образца, получен в 2014 г. в ходе спасательных археологических раскопок на территории, попадающей в зону строительства водохранилища гидроэлектростанции на р. Эгийн-гол в Булганском аймаке (рис.). Участниками экспедиции Монгольского университета науки и технологий под руководством Л. Эрдэнэболда исследована серия погребальных и поминальных сооружений различных хронологических периодов, в том числе одно раннесредневековое захоронение на памятнике Бугат. Материалы раскопок обозначенного комплекса планируется представить в отдельной публикации, поэтому в настоящей статье ограничимся его краткой характеристикой. Рассматриваемый объект представлял собой курган средних размеров. Под центральной частью насыпи выявлено ограбленное погребение. Судя по зафиксированной ситуации, в могиле находился умерший мужчина, рядом с которым была захоронена лошадь. Сохранившийся фрагментарно сопроводительный инвентарь практически не включал хронологически выразительных предметов, за исключением отдельных элементов конского снаряжения и вооружения, свидетельствующих о датировке комплекса в широких рамках последней четверти I тыс. н.э.

Радиоуглеродный анализ двух образцов, осуществленный в той же лаборатории, позволил получить следующие результаты.

UBA-43238. Бугат, некондиционные кости человека. Радиоуглеродный возраст — 1245±38 л.н. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 684–863 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 674–881 (1.000).

UBA-43242. Бугат, кости лошади. Радиоуглеродный возраст — 1194±30 л.н. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 775–884 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 707–950 (1.000).

Судя по приведенным данным, которые соответствуют облику сопроводительного инвентаря, наиболее вероятной является датировка погребения Бугат в рамках 2-й половины VIII — IX в. н.э. Данный комплекс относится

к периоду утраты тюрками Монголии политической самостоятельности. Зафиксированный погребальный обряд, характерный для тюркских племен, подтверждает, что кочевники данной общности сохранили свои традиции после включения их в состав каганатов уйгуров и кыргызов.

Представленные данные радиоуглеродного датирования показывают важность подобных исследований. Одним из ключевых результатов стало подтверждение времени сооружения смежных оградок комплекса Дунд оорцог эпохой Первого Тюркского каганата. На сегодняшний день объекты данного периода в Монголии остаются единичными, хотя очевидно, что именно в политическом центре державы кочевников следует ожидать концентрации основной массы памятников. Важно также то, что радиоуглеродный анализ позволил скорректировать предложенную ранее предварительную хронологическую атрибуцию овальной оградки №1 и с высокой долей уверенности отнести данный объект к монгольскому времени. Уточнена датировка погребения с конем на комплексе Бугат, демонстрирующего поздний период в истории тюрок. Продолжение целенаправленной работы по расширению серии радиоуглеродных дат, полученных по материалам раннесредневековых комплексов Монголии, будет способствовать построению системы абсолютной хронологии памятников, выступающей основой для их корректной интерпретации.

Список источников

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Идэрхангай Т.-О. Результаты раскопок тюркских оградок в местности Дунд Оорцог (Центральная Монголия) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. №4/2(84). С. 121–127.

Кубарев Г.В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Сокон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Лхагвасурэн Эрдэнэболд, Институт истории и этнологии АН Монголии, директор; 13330, Монголия, г. Улан-Батор, пр-т Мира, 54б, кандидат исторических наук, профессор, erdenebold_l@mas.ac.mn

Lkhagvasuren Erdenebold, Institute of History and Ethnology of Academy of Sciences of Mongolia, Director; 13330, Mongolia, Ulaanbaatar, Mira Ave., 54b, Doctor of Archaeology, Professor, erdenebold_l@mas.ac.mn

Тумур-Очир Идэрхангай, Монгольский национальный университет, Улаанбаатарский парк науки и технологий, кафедра технологии и инновации, старший преподаватель; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээн, 5-р хороо, Баянзурх район, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-5077-1100, iderkhangai2022@gmail.com

Tumur-Ochir Iderkhangai, Mongolian National University, Department of Technology and Innovation, Lecturer; 13343, 5th khoroo, Bayanzurkh District, Luvsantseveen St., Ulaanbaatar, Mongolia, Doctor of Archaeology, Associate Professor, https://orcid.org/ 0000-0001-5077-1100, iderkhangai2022@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.023(571.150)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.42
EDN: PLMWDK

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ С ПАМЯТНИКА КИПРИНСКИЙ БОРОК (Лесостепной Алтай)

Надежда Федоровна Степанова[1, 2], Павел Леонидович Рудометов[3], Дмитрий Валентинович Папин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[3]Кипринская средняя школа, с. Киприно, Алтайский край, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения керамики переходного времени от позднебронзового века к раннему железному веку с памятника Кипринский Борок, расположенного в Шелаболихинском районе Алтайского края (Лесостепной Алтай). Проведен технико-технологический анализ образцов в рамках историко-культурного подхода. Выявлено, что для изготовления глиняной посуды использовалось ожелезненное сырье с включениями очень мелкого песка и бурого железняка. Из искусственно введенных минеральных примесей выявлен только шамот. По выбору исходного сырья и использованию минеральных примесей исследованная коллекция не отличается от других с этого памятника, датируемых эпохой раннего железного века и средневековья. Полученные результаты подтверждают сделанный ранее вывод, что древние гончары предпочитали использовать шамот, если поблизости не было выходов камня.

Ключевые слова: керамика, формовочные массы, исходное сырье, сосуд, орнамент, Алтай

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии», выполняемого в ИАЭТ СО РАН.

Для цитирований: Степанова Н.Ф., Рудометов П.Л., Папин Д.В. Результаты изучения керамики переходного времени от позднебронзового века к раннему железному веку с памятника Кипринский Борок (Лесостепной Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 286–292. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.42

THE RESULTS OF STUDYING CERAMICS OF THE TRANSITION PERIOD FROM THE LATE BRONZE AGE TO THE EARLY IRON AGE FROM THE KIPRINSKY BOROK SITE (Forest-Steppe Altai)

Nadezhda F. Stepanova[1, 2], Pavel L. Rudometov[3], Dmitriy V. Papin[1, 2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University, Barnaul, Russia
[3]Kiprinskaya Secondary School, Kiprino village, Altai Krai, Russia

Abstract. The article presents the results of studying ceramics of the transitional period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age from the Kiprinsky Borok site located in the Shelabolikhinsky district of the Altai Territory (Forest-Steppe Altai). A technical and technological analysis of the samples was carried out within the framework of the historical and cultural approach. It was revealed that for the manufacture of pottery, ferruginous raw materials with inclusions of very fine sand and brown ironstone were used. Of the artificially introduced mineral impurities, only chamotte was detected. In terms of the choice of raw materials and the use of mineral impurities, the studied collection does not differ from others from this site dating back to the Early Iron Age and the Middle Ages. The results obtained confirm the earlier conclusion that ancient potters preferred to use chamotte if there were no stone outcrops nearby.

Keywords: ceramics, pottery paste, raw materials, vessel, ornament, Altai

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the project FWZG-2025-0012 "Regulations of Distribution and Source Study Aspects of Preservation of Objects of Archaeological Heritage in the Conditions of Technogenic Changes in the Landscapes of Eurasia", carried out at the IAET of the SB RAS.

For citation: Stepanova N.F., Rudometov P.L., Papin D.V. The results of Studying Ceramics of the Transition Period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age from the Kiprinsky Borok Site (Forest-Steppe Altai). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:286–292. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.42

Значение керамики как исторического источника сложно переоценить, поэтому любая новая информация, полученная посредством современных методов, имеет большое значение и дополняет базу данных о древнем населении. Ранее были отмечены особенности исходного сырья из горной, предгорной и равнинной зон, а также зависимость в выборе минеральных примесей, которые добавляли в формовочные массы от наличия или отсутствия поблизости от места, где проживал гончар, выходов камня (Степанова, 2015,

2017). Особый интерес представляют коллекции керамики с одного памятника, относящиеся к разным археологическим культурам или периодам, так как это позволяет проследить специфику выбора залежей глин и минеральных примесей для конкретных поселков в хронологическом срезе и пополняет базу данных по исходному сырью и традициям составления формовочных масс в целом. К таким памятникам относится памятник Кипринский Борок.

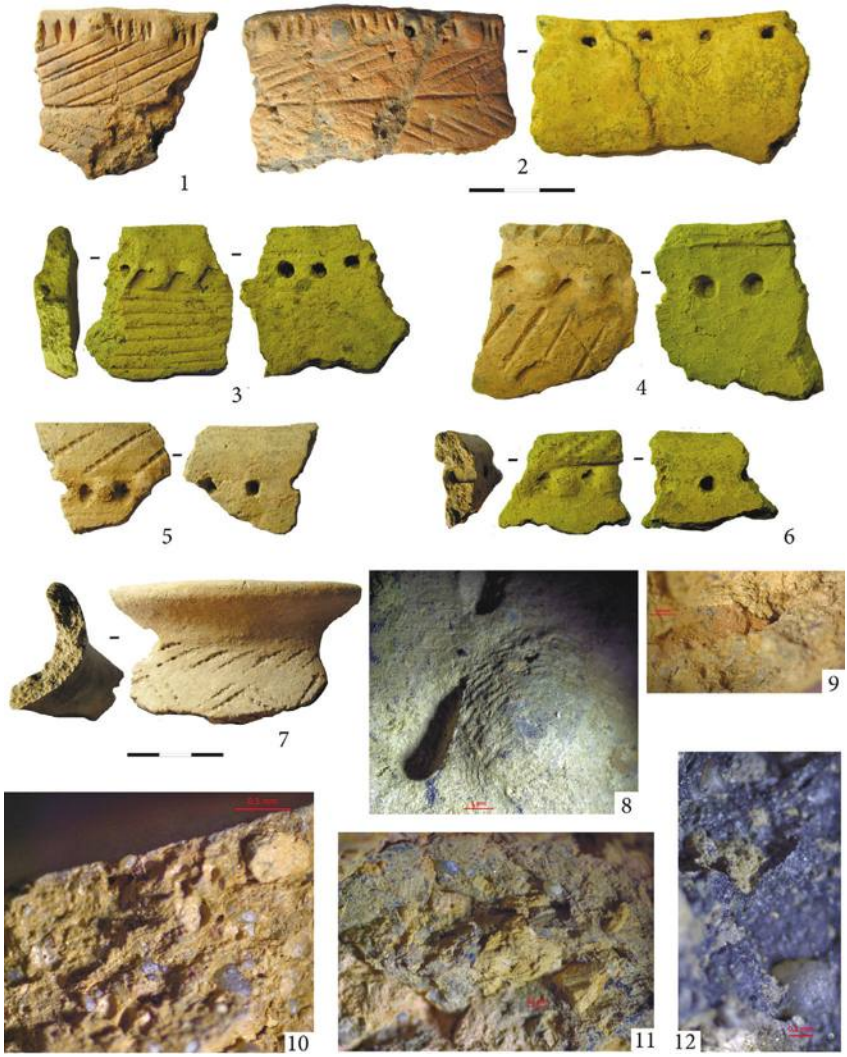
Кипринский Борок является важным объектом для изучения ранних периодов древнего прошлого Барнаульского Приобья. С момента его открытия учеными была отмечена поликультурность обнаруженных артефактов. Длительная история изучения данного поселения была подробно рассмотрена ранее (Комарова, 1956; Рудометов, 1991, 1995; Казаков и др., 2022; и др.). В настоящей статье продолжается публикация материалов, полученных с этого памятника, хранящихся в Алтайском государственном университете, куда они были переданы одним из авторов данной публикации. Все артефакты с Кипринского Борка, рассматриваемые в настоящей работе, являются сборами с поверхности дюн, разрушаемых ветрами, поэтому их невозможно соотнести с культурными слоями, которые можно наблюдать в обрывах (Казаков и др., 2022, рис. 1).

Памятник расположен на крупном елбане (останце коренного берега) в пойме Оби, примерно в 800 м к северо-востоку от окраины с. Киприно Шелаболихинского района Алтайского края. Возвышенность вытянута с востока на запад приблизительно на 1500 м, ее ширина — до 500 м. Северная сторона занята соснами, а перенесенные пески — редкой травянистой растительностью. Южная и юго-западная часть елбана разрушается ветровой эрозией.

Цель данной работы — ввести в научный оборот неопубликованные материалы и провести сравнительный анализ этих образцов по исходному сырью и составу формовочных масс с ранее изученными, но относящимися к более поздним периодам (ранний железный век — средневековье) (Казаков и др., 2022).

Исследования выполнены в рамках историко-культурного подхода. Технико-технологический анализ выполнен с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C, по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978, 1999; Цетлин, 2012). Изучались изломы и поверхности образцов с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении коллекции устанавливались особенности исходного сырья, характер содержащихся в них примесей, традиции отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. Для определения степени ожелезненности глин небольшие фрагменты дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °C. Для технико-технологического анализа было представлено семь образцов (венчики) от шести сосудов.

Изучение орнамента показывает, что для нанесения узора использовались разнообразные инструменты. Рабочий край мог быть с зубцами и гладким, в виде трубочки. Отпечатки наносились тонкой поверхностью рабочего края (штампованием) и уголком (рис.-*1–7*). На одном из венчиков на жемчужине сохранились отпечатки пальца гончара (рис.-*4, 8*).

Кипринский Борок. Фрагменты керамики (1–7). Фрагмент отпечатка пальца гончара (8), микрофотографии с шамотом и песком (9–12)
Kiprinsky Borok. Fragments of ceramics (1–7). Fragment of a potter's fingerprint (8), micrographs with chamotte and sand (9–12)

С позиции формального описания рассматриваемая здесь коллекция демонстрирует определенную гомогенность. Для нее характерно использование жемчужника с разделителем, причем размещение жемчужника по верхнему

краю венчика является уникальным индикатором переходного времени от бронзового века к железному (рис.-*1–3*). В качестве разделителя используются отпечатки подтреугольного гладкого штампа и вертикальные насечки (рис.-*1–6*), пространство ниже жемчужника заполнено «горизонтальной елочкой» и прочерченными линиями (рис.-*1–4*). В одном случае орнаметирован срез венчика (рис.-*4*), а также используется такой элемент декора, как имитация воротничка (рис.-*6*). Описанная орнаментальная схема находит точные аналогии в кругу памятников переходного времени от бронзового века к железному большереченской культуры Барнаульского Приобья. Наибольшую схожесть демонстрируют материалы поселения Аллак-III, расположенного на правом берегу в 40 км ниже по течению р. Обь и также открытого впервые новосибирской экспедицией М.П. Грязнова (Папин, Шамшин, 2001). Определенное отличие демонстрирует фрагмент (рис.-*7*), прежде всего это выражается в сильной профилированности и использовании мелкогребенчатого штампа. Подобный набор признаков вызывает ассоциации, связанные с ирменскими узкогорлыми сосудами, но подобные реминисценции в переходное время от бронзы к железу хорошо известны в материалах поселения Мыльниково (Мыльникова, Папин, Шамшин, 2005). Таким образом, изученная коллекция относится к большереченской культуре переходного времени Барнаульского Приобья.

В результате проведенных исследований установлено, что все сосуды изготовлены из среднеожелезненных глин, которые различаются по количеству и составу естественных примесей. Их можно разделить на слабозапесоченные (3 экз.), среднезапесоченные (2 экз.) и сильнозапесоченные (1 экз.) (табл.). Основную группу составляет слабо- и среднезапесоченное исходное сырье, в котором размер песчинок около 0,1 мм и редко крупнее. Песчинки диаметром более 0,5 мм встречаются как исключение. В этом отношении выделяется один образец (рис.-*7*), где концентрация песка ок. 1:4 (в остальных 1:6 и меньше) и размер песчинок от 0,2 мм и больше. Песчинки обычно прозрачного и белого цвета. Бурый железняк зафиксирован во всех образцах, но исходное сырье различается количеством частиц и их размерами (диаметр 0,1–0,5 мм; 1 и 3 мм). В одном образце зафиксировано несколько мельчайших обломков костей рыбы.

Зафиксирован один рецепт: глина + шамот + органика. Отмечены различия в размерах и концентрации частиц шамота (рис.-*9–12*). Размер частиц преимущественно 1–2 мм, реже — 3 мм. Концентрация 1:4 и 1:4–5. Шамот в одном сосуде мог быть от разных изделий, состоящих часто из глин, отличающихся по цвету между собой и от формовочных масс сосуда, в который они введены. В некоторых случаях в шамоте есть мелкие песчинки. Поскольку в шамоте зафиксирован мелкий песок, такой же, как в формовочной массе сосудов, не исключено, что часть песка в формовочной массе в некоторых случаях может быть связана с шамотом. Характер органики (искусственная или естественная) не ясен. Отмечены отдельные отпечатки растительности, иногда в полостях следы от жидкого концентрата. Однако таких следов недостаточно, чтобы считать их искусственно введенными примесями, в то же время подобные остатки нередко и в большем количестве встречаются в исходном сырье.

Исходное сырье и состав формовочных масс
Raw material and composition of pottery paste

	Запесоченность			Средне-ожелезненная	Рецепт г+ш+о	
	слабо	средне- / сильно-запесоченная	размер песка, мм		размер частиц	концентрация
1		+/	0,1 мм и меньше	+	1–2 мм	1:4–5
3	+		0,1	+	1 мм и больше	1:4–5
4	+		0,1	+	2–3	1:4
6		+/	0,1; 0,3 и 1 мм	+	2	1:4–5
5	+		0,5 и меньше	+	1–2 мм	1:4
7		Сильнозапесоченная (1:4)	0,1–1 мм	+	≈1	1:4
Всего	3	2/1		6		

Подводя итог, отметим, что выявлена одна традиция в составлении формовочных масс (добавлять шамот), но исходное сырье брали из разных источников, в большинстве случаев похожих между собой. По естественным примесям значительно выделяется один сосуд (рис.-*7*), который выделяется и по другим признакам. Сравнивая результаты изучения керамики разных эпох с этого памятника, отметим, что коллекция переходного периода от позднебронзового к раннему железному веку по составлению формовочных масс не выделяется от ранее изученных эпохи раннего железа и средневековья (Казаков и др., 2022). Отмечены те же традиции в выборе исходного сырья (среднеожелезненное, слабо- и среднезапесоченное исходное сырье, добавление шамота в формовочные массы). На памятнике выделяется коллекция керамики каменской культуры, для которой зафиксировано смешение традиций, сложившихся в разных ландшафтных зонах. В целом результаты изучения керамики с памятника Кипринский Борок подтверждают сделанное ранее наблюдение: исходное сырье с подобными естественными примесями (очень мелкий окатанный песок) и добавление шамота в формовочные массы характерно для лесостепных районов Алтая.

Список источников

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудометов П.Л., Степанова Н.Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65. https://doi.org/: 10.14258/tpai(2022)34(4).-03

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Мыльникова Л.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселение Аллак-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 122–126.

Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 44–47.

Рудометов П.Л. Новые находки с Кипринского Борка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 21–22.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита — раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск, 2017. С. 401–404.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 384 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Надежда Федоровна Степанова, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0003-4017-5641, nstepanova10@mail.ru

Nadezhda F. Stepanova, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, https://orcid.org/0000-0003-4017-5641, nstepanova10@mail.ru

Павел Леонидович Рудометов, Кипринская средняя школа, учитель; Россия, Алтайский край, с. Киприно, https://orcid.org/0000-0002-0838-7794 rudometov.p@mail.ru

Pavel L. Rudometov, Kiprinskaya Secondary School, Teacher; Russia, Altai Krai, Kiprino Village, https://orcid.org/0000-0002-0838-7794 rudometov.p@mail.ru

Дмитрий Валентинович Папин, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, заведующий; Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org//0000-0002-2010-9092, papin@email.asu.ru

Dmitry V. Papin, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of South Siberia; Altai State University, Laboratory of the Interdisciplinary Study of Archaeology of Altai and Western Siberia; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org//0000-0002-2010-9092, papin@email.asu.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.53
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.43
EDN: PLPFJK

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА КУРГАНОВ НА КРУПНОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ УЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ: ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НА ОСНОВЕ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Алексей Алексеевич Тишкин
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В настоящее время археологические раскопки на территории Республики Алтай существенно ограничены из-за противодействия научным исследованиям со стороны части местного населения. В данной ситуации основное внимание уделяется изучению результатов предыдущих экспедиционных работ, а также использованию дистанционных методов обследований и внедрению геоинформационных разработок. Крупный археологический комплекс Улита возле с. Ело в Онгудайском районе уже давно известен специалистам Алтайского государственного университета. Во 2-й половине 1980-х гг. там проводились раскопки разновременных объектов. Имеющийся полуинструментальный план памятника и спутниковые карты (Google Maps, Google Earth) позволили впервые локализовать группу курганов, которые могут быть датированы хуннуским временем. Планиграфический анализ и визуальный осмотр подтвердили ранее отмеченные характерные признаки организации некрополя. Полученные сведения позволяют дополнить перечень памятников усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Центральный Алтай, Улита, археологические памятники, курганы, планиграфический анализ, сюннуское время, булан-кобинская культура

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», проект №22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Для цитирований: Тишкин А.А. Юго-западная группа курганов на крупном археологическом комплексе Улита в Центральном Алтае: возможности культурно-хронологической идентификации на основе планиграфических особенностей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 293–299. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.43

THE SOUTHWESTERN GROUP OF KURGANS AT THE LARGE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF ULITA IN THE ALTAI MOUNTAINS: OPPORTUNITIES FOR CULTURAL-CHRONOLOGICAL IDENTIFICATION BASED ON PLANIGRAPHIC FEATURES

Alexey A. Tishkin
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Currently, archaeological excavations in the Altai Republic are significantly limited due to opposition to scientific research from a portion of the local population. In

this situation, the main focus is on studying the results of previous expeditionary work, as well as utilizing remote sensing methods and implementing geoinformation developments. A large archaeological complex Ulita near the village of Yelo in the Ongudaysky district has long been known to specialists from Altai State University. In the second half of the 1980s, excavations of objects from different periods were conducted there. The existing semi-instrumental plan of the site and satellite maps (Google Maps, Google Earth) for the first time have allowed for the localization of a group of kurgans that may be dated to the Xiongnu period. Planigraphic analysis and visual inspection have confirmed previously noted characteristic features of necropolis organization. The obtained information allows for the supplementation of the list of sites from the Ust`-Edigan stage of the Bulan-Koby culture.

Keywords: Central Altai, Ulita, archaeological sites, kurgans, planigraphic analysis, Xiongnu period, Bulan-Koby culture

Acknowledgments: this research was funded by a grant from the Russian Science Foundation "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research of Material Culture, Sculptures, and Economy", project No. 22-18-00470-P, https://rscf.ru/project/22-18-00470/

For citation: Tishkin A.A. The Southwestern Group of Kurgans at the Large Archaeological Complex of Ulita in the Altai Mountains: Opportunities for Cultural-Chronological Identification Based on Planigraphic Features. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:293–299. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.43

Памятники булан-кобинской археологической культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — 1-я половина V в. н.э.) известны во всех горных районах Алтая. Топографические и планиграфические особенности погребальных комплексов указанного периода неоднократно рассматривались С.С. Матрениным и в обобщенном виде опубликованы (Серегин, Матренин, 2016, с. 10–22). Отмеченные закономерности, а также другие наблюдения позволяют выявлять объекты разных исторических этапов. К раннему этапу булан-кобинской культуры относятся курганы, которые обнаружены пока на пяти некрополях: Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа) и Пазырык (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 31). Поэтому актуальной задачей является выявление погребально-поминальных комплексов, датируемых в рамках II в. до н.э. — I в. н.э. Несмотря на небольшую численность таких памятников на Алтае, уже имеющиеся их характеристики позволяют приступить к целенаправленному поиску аналогичных объектов, используя ранее полученные результаты экспедиционных работ и дистанционные способы обследований. Важным фактором для осуществления намеченной цели является собственный опыт проведения разведок и раскопок, полученный автором публикации на протяжении нескольких десятилетий, начиная со студенческих лет. При этом особое значение имеют исследования в долине Катуни на участке от впадения Большого Ильгуменя до устья Ини (Тишкин, 2007; Тишкин, Серегин, Матренин, 2016; и др.), в ходе которых раскапывался уже хорошо известный памятник Яломан-II, давший материалы хуннуского и жужанского времени (Тишкин, Мыльников, 2016). На обозначенной основе и в рамках выполнения проекта РНФ

намечена программа выявления новых и картографирование известных памятников булан-кобинской культуры с помощью современных геоинформационных систем. Один из результатов такой деятельности представлен в данной статье.

Во 2-й половине 1980-х гг. под руководством Ю.Т. Мамадакова в Центральном Алтае на памятниках булан-кобинской культуры активно работала археологическая экспедиция Алтайского госуниверситета. Обобщение полученных многочисленных материалов нашло отражение в кандидатской диссертации (Мамадаков, 1990). Среди них более 30 курганов, датированных III–IV вв. н.э., раскопаны на крупном археологическом комплексе Улита, который находится в 4 км к югу–юго-западу от села Ело Онгудайского района Республики Алтай (рис. 1–3) и занимает территорию левой надпойменной террасы р. Каерлык от впадения в нее притока, обозначенного на современных картах как р. Улюта. Памятник состоит из более 350 видимых разновременных объектов. При этом часть конструкций сильно задернована, и визуально их выявить затруднительно.

Рис. 1. Месторасположение археологического комплекса Улита на карте-схеме Алтая
Fig. 1. Location of the Ulita archaeological complex on a schematic map of Altai

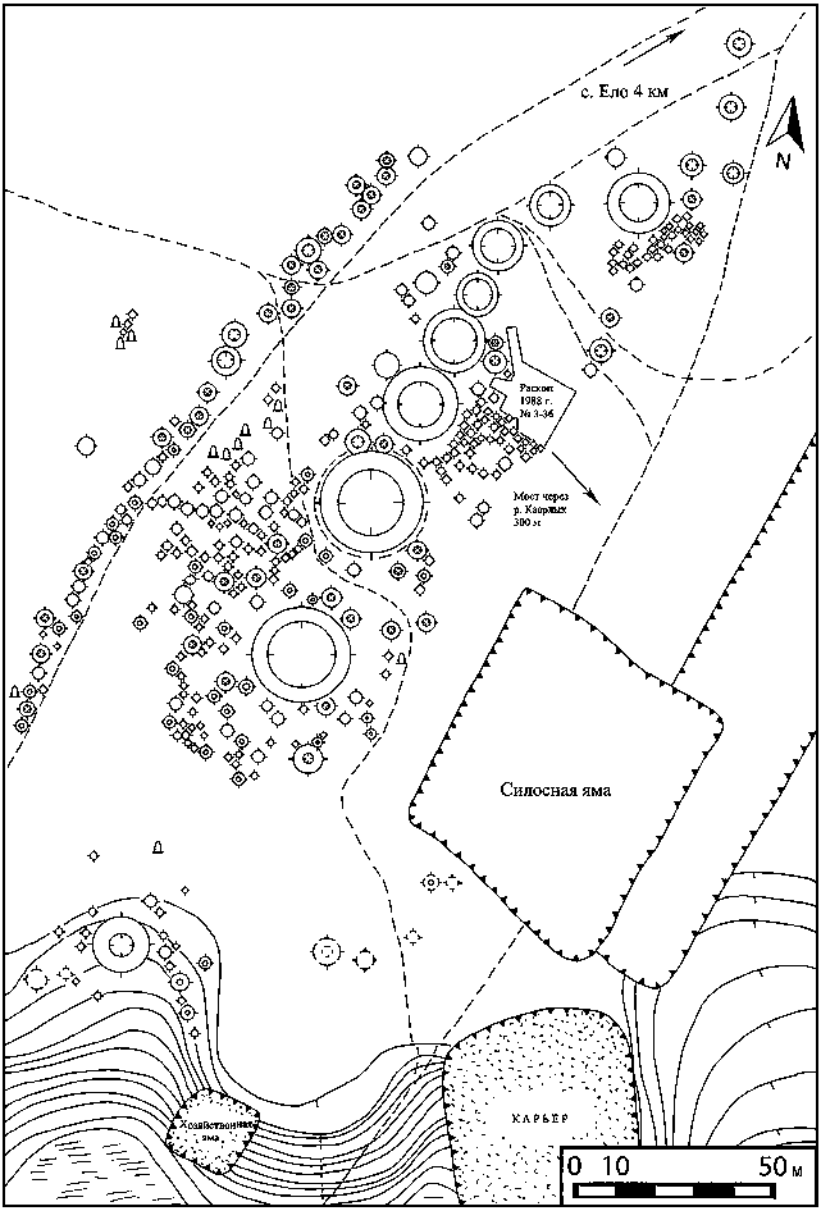

Рис. 2. Полуинструментальный план памятника Улита
Fig. 2. Semi-instrumental plan of the Ulita site

Рис. 3. Современный вид памятника Улита на космическом снимке с выделенной группой курганов, отнесенных к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры
Fig. 3. Modern view of the Ulita site on a satellite image, with a highlighted group of kurgans attributed to the Ust-Edigan stage of the Bulan-Koby culture

В 1987 г. мне пришлось делать полуинструментальную съемку представленного комплекса (рис. 2), который включает различимые курганы афанасьевской, пазырыкской, булан-кобинской и тюркской культуры, хотя не стоит исключать наличие сооружений других периодов. Важно отметить опубликованные результаты раскопок одной из оград в южной части памятника (Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998). Были выявлены две ограбленные могилы и каменный ящик. Обнаруженные материалы отражают специфику исследованного объекта, предварительно отнесенного к эпохе бронзы. Остальные полученные результаты пока в полной мере не введены в научный оборот.

В ходе анализа плана памятника, а также при изучении онлайн-спутниковых карт (рис. 3) особое внимание привлекла довольно представительная группа курганов, расположенных к юго-западу от погребений булан-кобинской культуры, раскопанных в 1987–1988 гг. (рис. 2). Данная ситуация напоминала планиграфию курганного могильника Яломан-II (Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 7), что обозначило необходимость визуальной идентификации компактно выделяющихся объектов. Такая возможность представилась во время экскурсионной поездки по Алтаю осенью 2024 г. Осмотр территории, отмеченной на рис. 3 красной линией, позволил подтвердить сделанное предположение о наличии относительно крупного некрополя раннего этапа булан-кобинской культуры. Кроме системы расположения курганов и характерных надмогильных сооружений, важными маркерами стали невысокие каменные столбики с восточной стороны насыпей. Аналогичная ситуация была зафиксирована на памятнике Яломан-II, где такие столбики располагались у мужских погребений. Проверить сделанное заключение о наличии некрополя хуннуского времени в ближайшее время путем раскопок, к сожалению, не представляется реальным из-за незаконного противодействия части местного населения археологической научно-исследовательской деятельности. При этом на территории Республики Алтай памятники историко-культурного значения массово застраиваются и постоянно уничтожаются из-за отсутствия должного контроля, а также из-за нехватки специалистов-археологов. Для современной фиксации комплекса Улита пока имеются возможности. Необходимо с помощью дистанционных средств сформировать детальный ортофотоплан, который позволит осуществить комплексный анализ.

Такую же работу стоит проделать и на других разновременных комплексах булан-кобинской культуры, так как тахеометрические планы получены лишь при съемке отдельных памятников. Важность реализации обозначенного направления, в частности, подтверждает полученный ортофотоплан крупного комплекса Нижняя Соору, где хорошо фиксируются курганы позднего этапа булан-кобинской культуры.

В заключение стоит кратко уточнить топографические и планиграфические особенности расположения на Алтае некрополей хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Так, на ряде памятников погребальные объекты раннего (усть-эдиганского) и позднего (верх-уймонского) этапов могут соседствовать, как, например, на комплексах Яломан-II, Чендек и Улита. Мо-

гильники сяньбийского времени (бело-бомский этап) чаще всего локализуются отдельными группами и сформированы из разного числа курганов. Многие памятники булан-кобинской культуры располагаются на высоких террасах. Часто они массово пристраивались к цепочкам пазырыкских курганов и в непосредственной близости, в отличие от единичных или парных тюркских захоронений, расположенных на некотором отдалении. Более широкая информация рассматриваемого плана будет изложена после реализации программы геоинформационного и дистанционного документирования памятников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

Население булан-кобинской культуры довольно плотно освоило территорию Алтая, а многокурганные могильники свидетельствуют о длительном проживании. Имевшиеся человеческие, материальные и природные ресурсы позднее использовались тюрками в ходе своих многочисленных военных завоеваний.

Список источников

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.: ил.

Тишкин А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Т. I. Горно-Алтайск, 2007. С. 94–98.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул, 2016. 192 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический микрорайон (Центральный Алтай). Барнаул, 2016. 208 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 1).

Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 22–28.

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(517.3)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.44
EDN: PVMQRH

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В УРОЧИЩЕ ИХ НУУЛЭГТ (Северная Монголия) ЛЕТОМ 2025 ГОДА

Алексей Алексеевич Тишкин[1], Идэрхангай Тумур-Очир[2], Сергей Юрьевич Бондаренко[1], Цэнд Дул[3], Эрдэнэпурэв Пурэвдорж[1], Хуслэн Лхагвасурэн[2], Уянга Хасбаатар[3]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Монгольский национальный университет, Улаанбаатар, Монголия
[3]Музей природы и истории Гоби, Даланзадгад, Монголия

Резюме. В 2025 г. совместной археологической экспедицией Монгольского национального университета и Алтайского государственного университета осуществлялись комплексные исследования в местности Их нуулэгт (территория Орхонтуул сомона в Сэлэнгэ аймаке Монголии). Они включали съемку ранее выявленных девяти курганных групп с использованием беспилотного летательного аппарата для получения детальных ортофотопланов, которые отражают особенности формирования зафиксированных погребально-поминальных объектов. Также проводились раскопки двух курганов со следами грабительских проникновений на памятнике Их нуулэгт-I. В одном из них обнаружен деревянный сруб, перекрытый накатом из уложенных поперек нетолстых бревен. Внутри находился ящик из досок с крышкой для погребения человека. Северо-восточная часть этих внутримогильных сооружений оказались сильно разрушена при ограблении. Кроме костей человека и животных обнаружены изделия и многочисленные обломки разных предметов, среди них стоит отметить железные наконечники стрел. Остатки китайской лаковой посуды, две костяные палочки для еды и емкость из железа оказались непотревоженными в небольшом подбое хозяйственного отсека. Второй курган был сильно ограблен. В могиле на разном уровне найдены кости человека и животных, а также отдельные железные предметы. Результаты экспедиции дополняют ранее полученные сведения о культуре северных хунну (сюнну).

Ключевые слова: Северная Монголия, Их нуулэгт, ортофотоплан, археологические раскопки, курган, хуннуское время, погребение, находки

Благодарности: полевые исследования и подготовка статьи частично осуществлялись за счет РНФ, проект №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», https://rscf.ru/project/22-18-00470/; вся экспедиционная работа выполнялась в рамках реализации меморандума о сотрудничестве между Алтайским государственным университетом (Россия) и Монгольским национальным университетом (Монголия).

Для цитирований: Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Бондаренко С.Ю., Цэнд Д., Хуслэн Л., Уянга Х. Комплексное изучение археологических памятников в урочище Их нуулэгт (Северная Монголия) летом 2025 года // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 300–308. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.44

COMPREHENSIVE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE IKH NUULEGT TRACT (Northern Mongolia) IN THE SUMMER OF 2025

Alexey A. Tishkin[1], Iderkhaigai Tumur-Ochir[2], Sergey Yu. Bondarenko[1], Tsend Dul[3], Erdenepurev Purevdorj[1], Khuslen Lkhagvasuren[2], Uyanga Khasbaatar[3]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Museum of Nature and History of Gobi, Dalanzadgad, Mongolia

Abstract. In 2025, a joint archaeological expedition of the Mongolian National University and Altai State University conducted comprehensive research in the Ikh Nuulegt area (Orkhontuul soum territory in Selenge aimag, Mongolia). This included surveying nine previously identified kurgan groups using a unmanned aerial vehicle to obtain detailed orthophotomaps reflecting the formation features of the recorded burial and memorial objects. Excavations of two kurgans with evidence of tomb raiding were also carried out at the Ikh Nuulegt-I site. In one of them, a wooden log structure was discovered, covered by a ceiling of laid transverse thin logs. Inside, there was a wooden plank box with a lid for human burial. The northeastern part of these in-grave structures was severely damaged during the robbery. In addition to human and animal bones, artifacts and numerous fragments of various objects were found, among which iron arrowheads are noteworthy. Remains of Chinese lacquerware, two bone chopsticks, and an iron container were found undisturbed in a small sub-chamber of the utility compartment. The second kurgan was heavily looted. Human and animal bones, as well as individual iron items, were found at different levels in the grave. The expedition's results supplement previously obtained information about the culture of the Northern Xiongnu.

Keywords: Northern Mongolia, Ikh Nuulegt, orthophotomap, archaeological excavations, kurgan, Xiongnu period, burial, finds

Acknowledgments: the Field research and preparation of the article were partially supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00470-П "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures, and Economy," https://rscf.ru/project/22-18-00470/; all expedition work was carried out within the framework of the implementation of the Memorandum of Cooperation between Altai State University (Russia) and the National University of Mongolia (Mongolia).

For citation: Tishkin A.A., Iderkhangai T-O., Bondarenko S.Yu., Tsend D., Khuslen L., Uyanga Kh. Comprehensive Study of Archaeological Sites in the Ikh Nuulegt Tract (Northern Mongolia) in the Summer of 2025. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:300–308. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.44

В августе 2025 г. были продолжены плановые комплексные исследования в местности Их нуулэгт, которая располагается в 18 км к западу от пос. Орхонтуул в одноименном сомоне Сэлэнгэ аймака Монголии, на правом берегу р. Орхона, возле южного склона горы Өгөөмөр уул. Экспедиционные работы, организованные сотрудниками Монгольского национального университета и Алтайского государственного университета (рис. 1), осуществлялись на основании разрешения, которое было выдано 25 апреля 2025 г. Министерством культуры, спорта, туризма и по делам молодежи Монголии Т. Идэрхангаю и Д. Цэнду. Результаты предыдущих исследований на памят-

никах изучаемого микрорайона частично опубликованы (Идэрхангай и др., 2019; Тишкин и др., 2020, 2022; и др.).

Для получения ортофотопланов девяти курганных групп, ранее выявленных в урочище Их нуулэгт, проводилась съемка с использованием беспилотного летательного аппарата квадрокоптерного типа DJI Mavic 3 Pro, оснащенного флагманской трехкамерной системой, способной осуществлять фиксацию в различных сценариях без физического приближения к объекту, с высоким качеством цвета и детализации. На начальном этапе дрон последовательно поднимали на различную высоту, и делали калибровочные снимки, которые позволили вычислить оптимальное пространственное разрешение (Ground Sample Distance— GSD). На основе анализа результатов тестовых полетов была определена необходимая высота для дальнейшей системной съемки – 30 м. При таком параметре расчетное разрешение конечного ортофотоплана составило 1 см/px, что позволяет обозначать и изучать все видимые археологические объекты без возникновения спорных или неоднозначно интерпретируемых моментов. Указанная высокая детализация оказалась необходима из-за разных особенностей местности. Так, поверхность некоторых участков с курганами была почти полностью покрыта растительностью в виде невысоких (около 30 см), но густых кустарниковых форм. Для определения границы каждого кургана нельзя было упускать небольшие просветы между ними, поскольку потеря даже нескольких сантиметров разрешения привела бы к слиянию растительных зон с заросшими каменными насыпями.

Дальнейшая съемка каждого памятника проводилась в автоматическом режиме по запрограммированному полетному заданию с перекрытием снимков в 75% и при скорости движения дрона не более 2 м/с, которая была выбрана для минимизации возможного смаза изображения (motion blur) при заданной выдержке камеры с гарантией максимально четких фотографий. Полученные результаты включали для каждого снимка растровое изображение, метаданные с GPS-координатами его центра и телеметрическими параметрами. Весь этот массив данных обрабатывался в программе Agisoft Metashape Professional с получением как ортофотоплана, привязанного к координатной системе местности съемки, так и цифровой модели поверхности (ЦММ), включающей рельеф, перепады высот, элементы застройки, растительность и другие объекты, находящиеся на исследуемой территории. Причем ЦММ была сформирована без фильтрации растительности, что позволило сохранить все биогенные и антропогенные элементы для последующего комплексного анализа.

Зафиксированные многочисленные курганы на девяти памятниках, исходя из опыта проведенных раскопок и обследований, в основном являются погребениями северных хунну (сюнну) разных рангов (от рядовых до «элитных»). Они сгруппированы в отдельные некрополи, которые отличаются числом, размерами и устройством. Наблюдается тотальное ограбление курганов. Кроме сюннуских захоронений, в урочище Их нуулэгт есть археологические объекты других исторических периодов. Зафиксированная ситуация отражает наличие одного из сакральных центров северных сюнну (хунну).

Рис. 1. Лагерь экспедиции рядом с памятником Их нуугэт-I (1) и участники археологических исследований (2)
Fig. 1. Expedition camp near the Ikh nuuglet-I site (1) and participants of the archaeological research (2)

В ходе экспедиционных работ на некрополе Их нуулэгт-I исследованы два участка общей площадью 88 кв. м. На одном из них изучался курган №26. Он располагался в 4 м к северо-востоку от объекта №5, раскопанного в 2021 г. (Тишкин и др., 2022, с. 264, 366–367). Курган №26 представлял собой каменную насыпь округлой формы диаметрами 8,5×7,9 м (рис. 2.-*1*), внутри которой выделялась прямоугольная ограда размерами 5,2×4,5 м из крупных камней

(рис. 2.-*2*). В центре четко выделялась западина от грабительского проникновения (рис. 2.-*1*). В ходе зачистки на восточной части насыпи найдены 184 фрагмента от керамических сосудов. Пятно могильной ямы со следами ограбления имело подпрямоугольную форму размерами 2,9×1,3 м и ориентацию по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения могилы на глубине 3 м от уровня материка зафиксирован частично разрушенный деревянный сруб размерами 2,48×0,81–0,92 м и высотой 0,43 м. Сверху он был перекрыт поперек небольшими бревнами, от которых были взяты образцы для дендрохронологического анализа.

Внутри сруба находился погребальный ящик из досок, украшенный решетчатым орнаментом из плоских и фигурных железных пластин, а также позолоченных деталей. Его крышка находилась в проломленном и частично разрушенном состоянии (рис. 2.-*3*). Размеры гроба – 2,03×0,6×0,32 м. В грабительской яме обнаружены две нижние челюсти лошади и фрагмент черепа овцы с рогами. В жертвенной части деревянного сруба выявлены две тазовые кости и одна нижняя челюсть лошади, ребра и часть черепа овцы, фрагмент ребра человека, а также шесть фрагментов железных изделий. После снятия крышки гроба и зачистки установлено, что в анатомическом положении сохранились следующие остатки человеческого скелета (рис. 2.-*4*): бедренная и большеберцовая кости правой ноги и большеберцовая кость левой ноги. Остальные кости оказались смещены и разрушены грабителями. Судя по положению костей ног, умерший человек лежал вытянуто на спине, головой на восток–северо-восток. Среди костных остатков и на дне гроба найдены две железные поясные пряжки и множество фрагментов от разных изделий. В ходе реставрационной очистки установлено, что три из них представляют собой каменные кольца-диски с железным сердечником, а 11 – железные накладки с позолотой, из которых два комплекта выполнены в виде солярно-лунных символов. Между гробом и стенками деревянного сруба в первоначальном положении зафиксированы пять спекшихся ярусных наконечников стрел с древками (рис. 3.-*1*). При исследовании пятна, визуально выделявшегося на северо-восточной стенке могильной ямы, выявлен небольшой подбой. В нем обнаружены два китайских лаковых сосуда (один с бронзовым венчиком, древесина плохо сохранилась, но лак демонстрировал относительную целостность сосудов), одна железная емкость и две палочки для еды (рис. 2.-*4*; 3.-*2*). Глубина могильной ямы от уровня материка составила 3,42 м.

Курган №42 располагался в 15 м к северо-востоку от кургана №1, исследованного в 2019 г. (Идэрхангай и др., 2019). Каменная насыпь овальной формы (размерами 4,1×2,9 м) ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Ее конструкция оказалась существенно нарушена. После снятия каменной наброски в центральной части зафиксировано пятно ямы подпрямоугольной формы, размерами 1,9×0,74 м, ориентированной по линии З–В. В ходе раскопок на глубине 0,77 м в западной части могилы выявлены разрушенные человеческие кости, а в восточной обнаружены плохо сохранившиеся кости черепа лошади. На дне найдены два железных кольца и три фрагмента железного изделия, а в других местах – разрозненные кости человека (рис. 3.-*3*). Глубина могильной ямы от уровня материка составила 0,89 м.

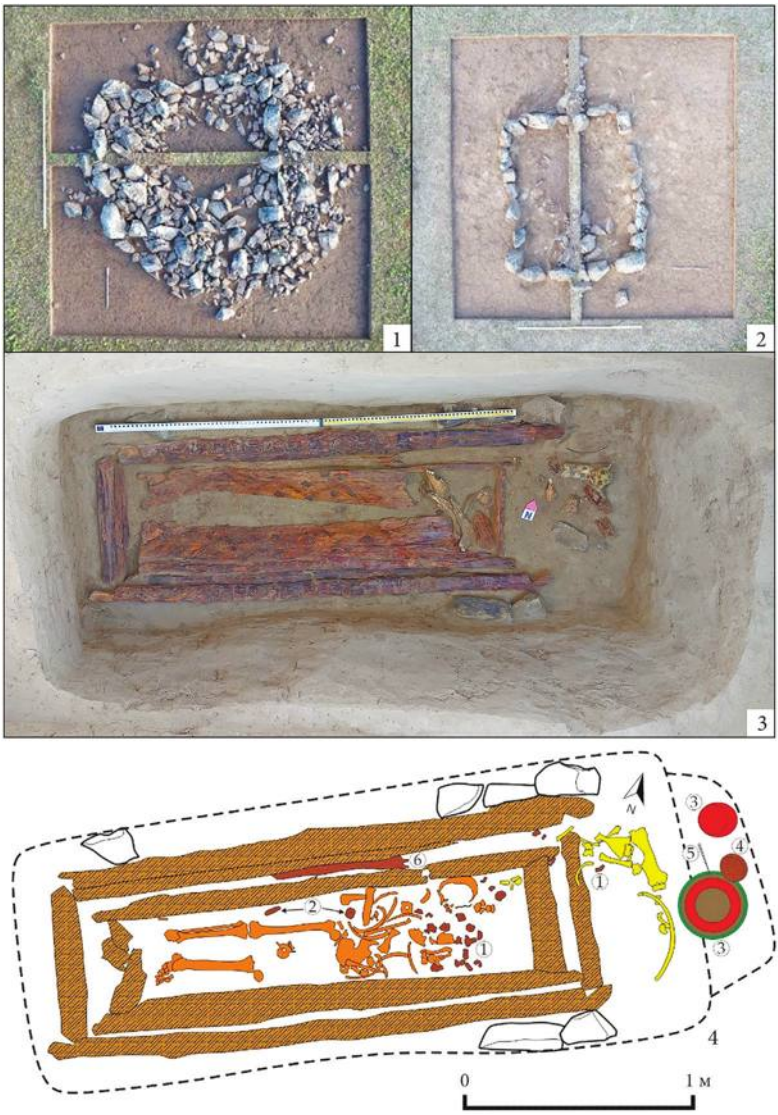

Рис. 2. Их нууглэт-Т. Результаты раскопок кургана №26:
1 – округлая насыпь с западиной в центре; 2 – каменная ограда; 3 – деревянный гроб с крышкой внутри сруба; 4 – план ограбленного погребения с указанием находок
Fig. 2. Ikh nuuglet-T. Excavation results of Kurgan No. 26: 1 – circular mound with a depression in the center; 2 – stone enclosure; 3 – wooden coffin with a lid inside a log structure; 4 – plan of a robbed burial indicating finds

Рис. 3. Их нуулэгт-I. Находки в кургане №26: 1 – железные наконечники с остатками древков; 2 – посуда и костяные палочки для еды. Курган №42: 3 – ограбленная могила
Fig. 3. Ikh nuuglet-I. Finds from Kurgan No. 26: 1 – iron arrowheads with shaft remnants; 2 – pottery and bone rods. Kurgan No. 42: 3 – robbed grave

Таким образом, в ходе комплексных исследований в урочище Их нуулэгт получены ортофотопланы девяти некрополей и раскопаны два кургана. Несмотря на ограбление погребений, получен важный материал для дальнейшего изучения культуры северных хунну (сюнну) в рамках I в. до н.э. – I в. н.э. Обнаруженные археологические находки хранятся в Монгольском национальном университете (г. Улаанбаатар). При их дальнейшем комплексном анализе и при использовании естественно-научных методов будет получена дополнительная научная информация.

Список источников

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Эрдэнэпүрэв П. Сэлэнгэ аймгийн Орхонтуул сумын ну-

таг Их Нөөлөгт хэмээх газарт явуулсан хүннү булшны малтлага судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи-2019: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. С. 301–307 (на монг. яз.).

Тишкин А.А. Идэрхангай Т., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Горбунов В.В., Свойский Ю.М., Паршикова Т.С., Цэнд Д., Батчимэг Б. Обзор результатов исследований в Северной и Западной Монголии совместными экспедициями Алтайского и Улаанбаатарского университетов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. XXVI. С. 187–195 DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.33

Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Оргилбаяр С., Батчимэг Б., Эрдэнэпурэв П., Цэнд Д. Продолжение исследований погребений хунну на археологическом комплексе Их нуулэгт в Северной Монголии: предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 360–368. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.52

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Идэрхангай Тумур-Очир, Монгольский национальный университет, кафедра антропологии и археологии, старший преподаватель; Институт археологии кочевников, ученый секретарь; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээн, 5-р хороо, Баянзурх район; кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-5077-1100, iderkhangai2022@gmail.com

Iderkhangai Tumur-Ochir, Mongolian National University, Department of Anthropology and Archaeology, Senior Lecturer, Institute of Nomad Archaeology, Scientific Secretary; 13343, 5th khoroo, Bayanzurkh District, Luvsantseveen street, Ulaanbaatar, Mongolia; Doctor of Archaeology, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-5077-1100, iderkhangai2022@gmail.com

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, кафедра информатики, доцент; Отдел сопровождения НИОКР, ведущий научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0003-4295-4120, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of Computer Science, Associate Professor; R&D Support Department, Leading Researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-4295-4120, bonsu@yandex.ru

Цэнд Дул, Музей природы и истории Гоби, заведующий отделом научных исследований, регистрации и фондов; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, https://orcid.org/0000-0003-0056-9865, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Gobi Museum of Nature and History, Head of Research, Registration, and Collections Department; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master's Degree, https://orcid.org/0000-0003-0056-9865, dultsendee@gmail.com

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, магистр исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-9245-9692, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, Master of History, https://orcid.org/0000-0001-9245-9692, eegiip48@gmail.com

Хуслэн Лхагвасурэн, Монгольский национальный университет, Институт археологии кочевников, научный сотрудник; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээн, 5-р хороо, Баянзурх район; магистр.

Khuslen Lkhagvasuren, Mongolian National University, Institute of Nomad Archaeology, Research Fellow; 13343, 5th khoroo, Bayanzurkh District, Luvsantseveen street, Ulaanbaatar, Mongolia; Master's Degree.

Уянга Хасбаатар, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных аймака; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, https://orcid.org/0009-0006-6629-6029, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Uyanga Khasbaatar, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of the Province; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, https://orcid.org/0009-0006-6629-6029, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(575.2)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.45
EDN: QHKCAQ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРОЧИЩЕ БОРОМБАЙ (Кеминский район Чуйской области Кыргызской Республики): КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Алексей Алексеевич Тишкин[1], Орозбек Азекович Солтобаев[2], Вадим Владимирович Горбунов[1], Сергей Юрьевич Бондаренко[1], Темирлан Таштанбекович Чаргынов[5]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Резюме. Осенью 2025 г. Чуйская кыргызско-российская археологическая экспедиция работала возле с. Кызыл-Октябрь в Кеминском районе Чуйской области Кыргызстана. Проведено спутниковое и аэрофотограмметрическое обследование урочища Боромбай, выявлены пять групп курганов. Впервые локализовано и оцифровано каменное изваяние тюркского времени. Основной целью исследований стали пробные раскопки на двух археологических памятниках. На некрополе Боромбай-I изучен курган №39 с катакомбной могилой, разрушенной в ходе грабительского проникновения через центр погребального объекта. В разных местах найдены неорнаментиро-

ванные фрагменты керамики, а на дне могилы — разрозненные кости человека. При обследовании памятника Боромбай-II обнаружен каменный пест, раскопан курган №8, который оказался кенотафом или ритуальным сооружением. Изученные объекты на основе планиграфического анализа предварительно могут быть датированы постсакским временем и, возможно, усуньским периодом. Демонстрируется применение при исследовании малых курганов комплексного подхода, включающего, кроме традиционных методов, использование геоинформационных систем и фотограмметрии.

Ключевые слова: Кыргызстан, Боромбай, аэрофотограмметрическое обследование, курганная группа, раскопки, ранний железный век, изваяние тюркского времени

Благодарности: научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (Алтайский государственный университет, реестровый номер 850000Ф.99.1.БН66АА04000).

Для цитирований: Тишкин А.А., Солтобаев О.А., Горбунов В.В., Бондаренко С.Ю., Чаргынов Т.Т. Археологические исследования в урочище Боромбай (Кеминский район Чуйской области Кыргызской Республики): краткое сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 308–318. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.45

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE BOROMBAY TRACT (Kemin District, Chuy Region of the Kyrgyz Republic): A BRIEF REPORT

Alexey A. Tishkin[1], Orozbek A. Soltobaev[2], Vadim V. Gorbunov[1], Sergey Yu. Bondarenko[1], Temirlan T. Chargynov[2]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia

[2]Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. In the autumn of 2025, the Chuy Kyrgyz-Russian Archaeological Expedition worked near the village of Kyzyl-Oktyabr in the Kemin District of the Chuya Region of Kyrgyzstan. A satellite and aerial photogrammetric survey of the Borombay tract was conducted, identifying five groups of kurgans. A Turkic-era stone statue was localized and digitized for the first time. The main goal of the research was trial excavations at two archaeological sites. At the Borombay-I necropolis, kurgan No. 39 with a catacomb grave was excavated, which had been destroyed during a looting intrusion through the center of the burial object. Unornamented ceramic fragments were found in various places, and scattered human bones were found at the bottom of the grave. During the survey of the Borombay-II site, a stone pestle was discovered and kurgan No. 8 was excavated, which turned out to be a cenotaph or ritual structure. Based on planigraphic analysis, the studied objects can be preliminarily dated to the post-Saka period and possibly the Usuni period. The application of a comprehensive approach to the study of small kurgans is demonstrated, including, in addition to traditional methods, the use of geographic information systems and photogrammetry.

Keywords: Kyrgyzstan, Borombay, aerial photogrammetric survey, kurgan group, excavations, Early Iron Age, Turkic-era statue

Acknowledgments: this research work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Altai State University, registry number — 850000F.99.1.BN66AA04000).

For citation: Tishkin A.A., Soltobaev O.A., Gorbunov V.V., Bondarenko S.Yu., Chargynov T.T. Archaeological Research in the Borombay Tract (Kemin District, Chuy Region of

the Kyrgyz Republic): A Brief Report. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai.* 2026; XXXI:308–318. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.45

Чуйская кыргызско-российская археологическая экспедиция (рис. 1.-*1*) в октябре 2025 г. провела полевые работы по изучению курганных могильников Боромбай-I и Боромбай-II у с. Кызыл-Октябрь в Кеминском районе Чуйской области Кыргызской Республики. Основной целью стали пробные раскопки для культурно-хронологической идентификации небольших курганов с каменной насыпью. Ранее в этой же горной долине уже были зафиксированы археологические объекты в ходе выполнения хозяйственного договора. Результаты такой деятельности нашли отражение в отчете о разведочных работах на предмет наличия или отсутствия памятников археологии и историко-культурного наследия в зоне проектируемого строительства завода по производству взрывчатых веществ ОсОО «ЗЭТ Детонейшн» (Солтобаев, Чаргынов, 2015). В ходе выполнения хоздоговора одному из авторов публикации местные жители рассказали, что в обследуемой местности стояло каменное изваяние, но тогда его не удалось обнаружить. Дополнительное обращение к местному чабану позволило четко локализовать ранее неизвестную находку и произвести фотограмметрию найденного каменного изваяния. Судя по имеющимся изображениям (рис. 1.-*2*), выявлено изваяние тюркского времени, на котором продемонстрирован человек в короне, с серьгами в ушах и ожерельем, а также с кубком в правой руке. Эта находка дополняет серию изваяний с изображениями трехрогих головных уборов, известных на территории Тянь-Шаня (Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 50.-4, 53.-4, 56.-2, 129–130).

До раскопок осуществлялось обследование в урочище Боромбай. Наземным наблюдением было выявлено несколько групп курганов. В связи с этим возникла необходимость более детального обследования с применением современных геоинфомационных средств и методов. Изучались онлайн-спутниковые карты (Google Maps, Google Earth, Яндекс-карты). В результате отмечено много явно видимых и хорошо идентифицируемых курганов, а также ряд других объектов. Более детально проанализирована площадь около 3 км^3 (2,5×1,2 км). Выявленные и частично осмотренные курганы были сгруппированы для дальнейшего определения границ зон полета. По созданным полетным планам квадрокоптером Autel Robotics EVO II с установленной камерой 50MP было сделано 350 высокодетализованных фотоснимков с высоты 80 м, что обеспечило разрешение для каждого ортофотоплана 2 см/px. Полученные полетные фотоснимки обрабатывались в ряде стандартного специализированного программного обеспечения. Они позволили более детально изучить часть местности Боромбай и определить пять групп курганов (рис. 2).

Первая курганная группа, обозначенная как Боромбай-I, состоит из 41 выявленного археологического объекта, которые хорошо идентифицируются на снимке из космоса и на сформированном ортофотоплане. На самом деле их было больше. По всей видимости, некоторые были разрушены при стро-

ительстве шоссе, а часть оказалась сильно задернована. Основу памятника Боромбай-I составляет цепочка больших курганов, которую предварительно можно датировать сакским временем. Крупные надмогильные сооружения имеют явные следы ограбления. Вокруг них располагаются курганы с меньшим диаметром. Для первоначального исследования на памятнике Боромбай-I был выбран курган №39. Данный объект находился к востоку от цепочки крупных курганов. Именно это обстоятельство определило его выбор на основе предположения о возможном раннесредневековом происхождении.

Рис. 1. Некоторые участники экспедиции (1) и цифровая копия изваяния (2)
Fig. 1. Some expedition members (1) and a digital copy of the sculpture (2)

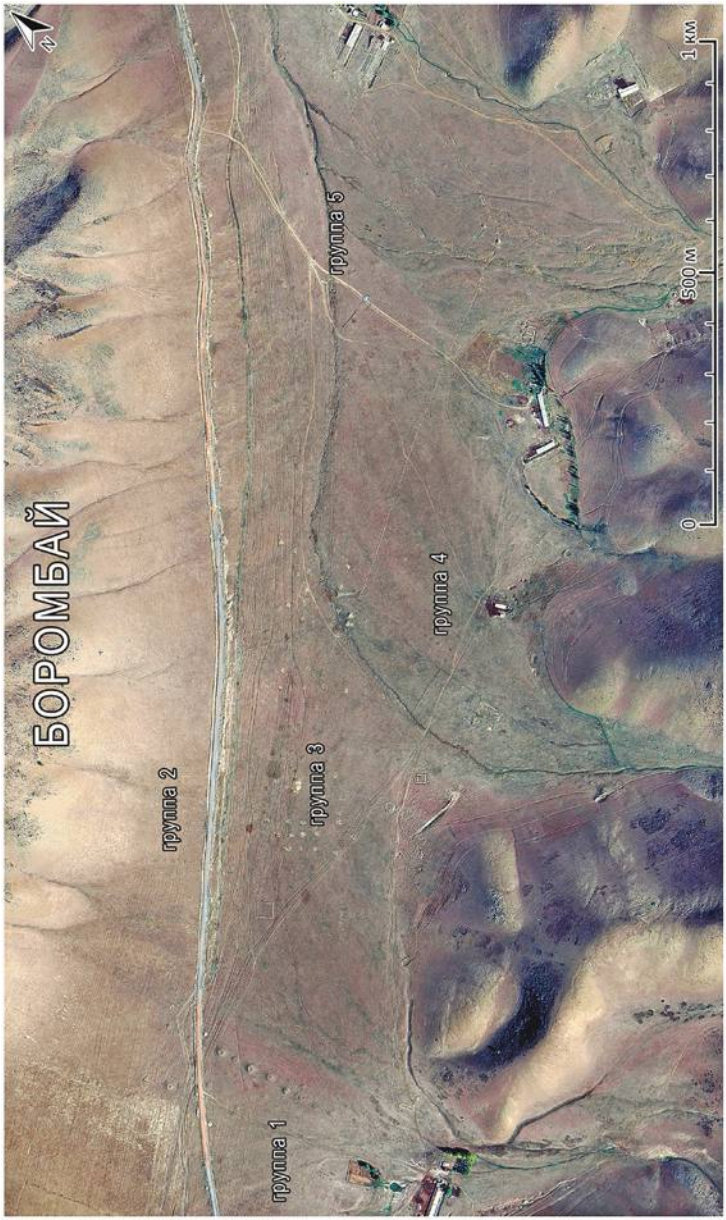

Рис. 2. Урочище Боромбай. Выявленные курганные группы на снимке из космоса
Fig. 2. Borombay tract. Identified kurgan groups in a satellite image

До раскопок курган №39 представлял собой задернованную каменную насыпь округлой формы диаметром до 7 м и высотой до 0,5 м. Вокруг него был размечен раскоп размерами 7×7 м. Зачистка каменной насыпи (рис. 3) позволила проследить особенности сооружения и вероятного ограбления, что фиксировалось с помощью фотограмметрии по уже отработанной нами схеме (Тишкин, Бондаренко, Филимонова, 2024) и нашло отражение на демонстрируемом рендере (рис. 3.-1). Дополнительная информация была получена в ходе разборки насыпи и на плане каменной конструкции (рис. 3.-2).

Первоначальную основу составляли более крупные камни, выложенные по кругу (видимо, от одной до трех линий). Между ними была сооружена основная часть насыпи из двух-трех слоев средних и мелких камней. Ее диаметр составлял 5 м. Затем курган подвергся ограблению, от чего в его центре образовалась воронка, а у северной и восточной полы насыпи появился шлейф из камней, выброшенных из центральной части. В результате размеры объекта увеличились до 7 м. На поверхности выброса (под дерном) в северо-восточном сегменте был обнаружен небольшой неорнаментированный фрагмент керамики.

В центре кургана находилась грабительская яма. Ее пятно имело подпрямоугольную (слегка трапециевидную) форму с закругленными углами и ориентацией длинными сторонами по линии З–В. Наибольшие размеры составили 3×2,5 м при расширении для поиска грабителями могилы. В заполнении ямы попадались отдельные камни средних и мелких размеров. В верхнем слое обнаружен обломок стенки (без орнамента) от крупного керамического сосуда. Фрагмент оказался покрытым налетом минеральных отложений, что свидетельствует о длительном пребывании находки в грунте. В южной части выявлен вход в могилу, который был плотно заложен крупными, средними и мелкими камнями в шесть-семь слоев (рис. 4). Дно выбранной ямы имело два уровня: более глубокий (до 1,28 м) в западной части и меньший (до 0,81 м) в восточной. Углубленная часть подпрямоугольной формы (размерами 1,6–1,8×2,5 м) была ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮВ–ССЗ. Ступенька-приступка оказалась трапециевидной формы. Ее размеры 1–1,4×2,35 м. На дне глубокой части ямы, которая, вероятнее всего, первоначально имела вид катакомбы, со смещением к западной стенке, зафиксированы отдельные кости ног, рук, фрагменты таза и лопатки человека (рис. 4.-*1*). Ширина заклада в разрезе составляла 0,7–0,75 м (рис. 4.-*2*). После выборки камней был выявлен короткий дромос, который начинался от края курганной насыпи и имел довольно резкий наклонный спуск и небольшую площадку у входа.

Культурно-хронологическая идентификация раскопанного кургана затруднена из-за тотального разграбления. Предварительно можно предположить его сооружение в постсакский период. Уточнить датировку может радиоуглеродный анализ обнаруженных костей человека.

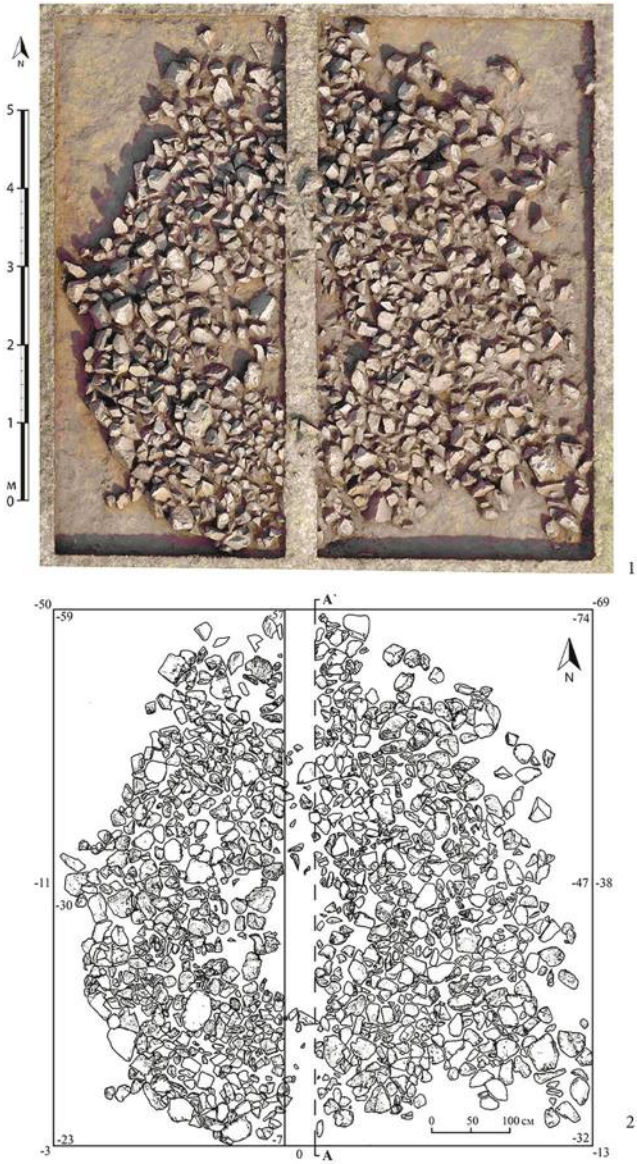

Рис. 3. Боромбай-I, курган №39: 1 — рендер цифровой копии каменной насыпи, полученный после компьютерной обработки; 2 — графический план
Fig. 3. Borombay-I, kurgan No. 39: 1 — render of a digital copy of the stone mound obtained after computer processing; 2 — graphic plan

Рис. 4. Боромбай-I, курган №39: 1 — рендер цифровой копии могилы, полученный после компьютерной обработки; 2 — разрез ямы по линии З–В с видом на каменный заклад входа
Fig. 4. Borombay-I, kurgan No. 39: 1 — render of a digital copy of the grave obtained after computer processing; 2 — cross-section of the pit along the W–E line with a view of the stone blocking of the entrance

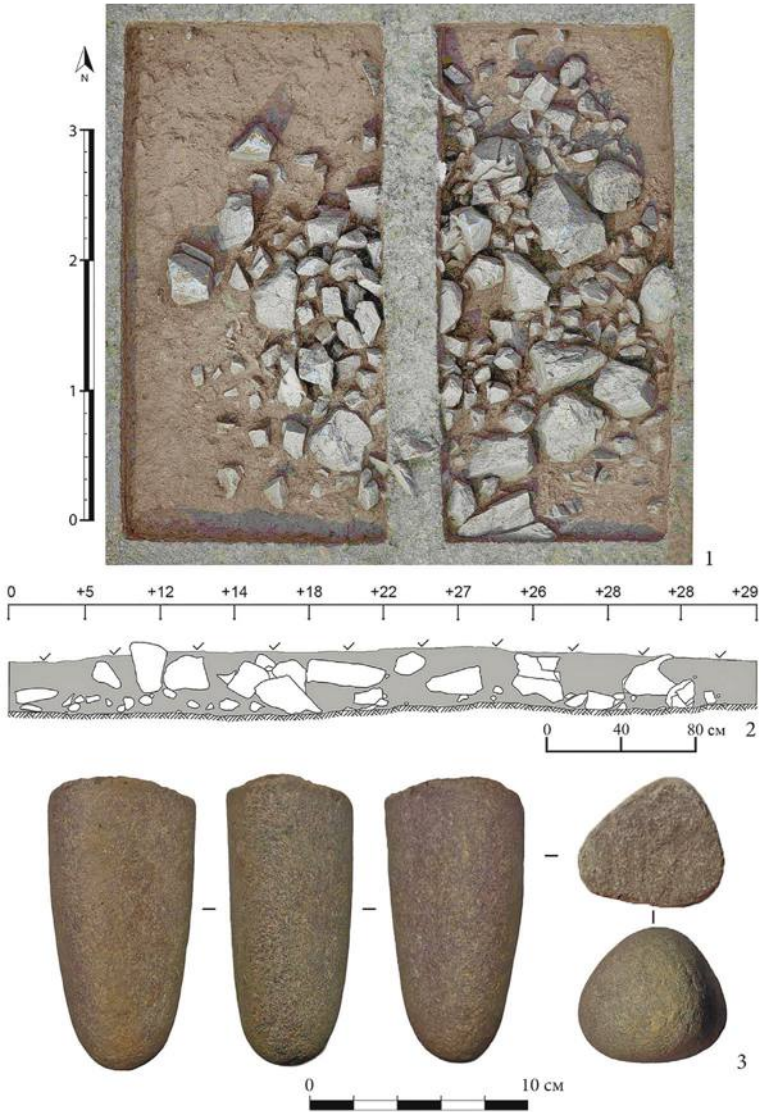

Рис. 5. Боромбай-II. Курган №8: 1 — рендер цифровой копии каменной насыпи; 2 — разрез по бровке (вариант графического преобразования); 3 — каменный пест, обнаруженный на территории памятника
Fig. 5. Borombay-II. Kurgan No. 8: 1 — render of a digital copy of the stone mound; 2 — cross-section along the edge (variant of graphic transformation); 3 — stone pestle found on the sites territory

Зафиксированные на памятнике Боромбай-II курганы представляют собой две хорошо различимые цепочки. Внешне все 22 объекта похожи друг на друга. Некоторые из них пострадали при строительстве шоссе. Для раскопок был выбран курган №8, который входил в состав цепочки, прерванной полотном дороги (рис. 2). До исследований он представлял собой задернованную каменную насыпь округлой формы диаметром до 4 м, высотой до 0,3 м. Вокруг кургана был размечен раскоп размерами 4×4 м.

Зачистка кургана, а также результаты фотограмметрии (рис. 5.-*1*) выявили особенности его сооружения. Первоначальную основу насыпи составляли крупные камни, не образующие сплошной конструкции. Пространство между ними было заполнено средними и мелкими камнями, среди которых обнаружен маленький фрагмент керамики без орнамента. К западной поле насыпи примыкали отдельные камни, видимо, скатившиеся с основной конструкции. Эти особенности зафиксированы при нивелировке. Структура кургана прослежена по разрезу А–А`, который обозначал восточную линию бровки, зачищенную после разборки половины каменной насыпи (рис. 5.-*2*). Разрез по бровке фиксировался с помощью фотограмметрии, а также с помощью традиционной графической зарисовки. Его длина составляла 4 м, глубина в точке А до уровня материка — 0,25 м, в точке А` — 0,2 м. Разрез состоит из дерна, гумусированного слоя коричневого цвета мощностью до 0,32 м и материка (суглинок охристого цвета). В него попали крупные, средние и мелки камни насыпи в один-два слоя. Длина насыпи в разрезе составила 3,7 м, наибольшая высота 0,35 м.

После снятия насыпи и зачистки по материку никаких пятен зафиксировано не было. Контрольный перекоп результатов не дал. Можно предположить, что данный объект могли возвести с ритуальными целями, хотя нельзя исключать и наличие кенотафа. Определить датировку раскопанного объекта не представляется возможным. Предположительно весь комплекс может быть отнесен к усуньскому времени.

В заключение стоит продемонстрировать находку каменного песта (рис. 5.-*3*), обнаруженного в ходе обследования территории курганной группы Боромбай-II, неподалеку от кургана №8, к западу от него. Дальнейшие раскопки на выявленных памятниках позволят получить более существенную информацию.

Список источников

Солтобаев О.А., Чаргынов Т.Т. Отчет о разведочных работах на территории урочище Боромбай Кеминского района Чуйской долины на предмет наличия или отсутствия памятников археологии и историко-культурного наследия в зоне проектируемого строительства завода по производству взрывчатых веществ ОсОО «ЗЭТ Детонейшн». Бишкек, 2015. 68 с.

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Филимонова Т.Г. Применение фотограмметрии при документировании результатов раскопок погребений и детальной визуализации находок (по материалам исследования памятника Шахидон в Таджики-

стане) // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане. Душанбе; Барнаул, 2024. С. 53–55.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 292 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Орозбек Азекович Солтобаев, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, кафедра археологии и этнологии, старший преподаватель; 720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, кандидат исторических наук, soltobaev.orozbek@gmail.com

Orozbek A. Soltobaev, J. Balasagyn Kyrgyz National University, Department of Archaeology and Ethnology, Senior Lecturer; 720033, Kyrgyzstan, Bishkek, Frunze St., 547, Candidate of Historical Sciences, soltobaev.orozbek@gmail.com

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-4772-6373, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Doctor of History, Docent, https://orcid.org/0000-0002-4772-6373, vadingorbunov67@mail.ru

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, кафедра информатики, доцент; Отдел сопровождения НИОКР, ведущий научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0003-4295-4120, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of Computer Science, Associate Professor; R&D Support Department, Leading Researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-4295-4120, bonsu@yandex.ru

Темирлан Таштанбекович Чаргынов, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, кафедра археологии и этнологии, заведующий кафедрой; 720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, кандидат исторических наук, temirlantastanbekovic@gmail.com

Temirlan T. Chargynov, J. Balasagyn Kyrgyz National University, Department of Archaeology and Ethnology, Head of Department; 720033, Kyrgyzstan, Bishkek, Frunze St., 547, Candidate of Historical Sciences, temirlantastanbekovic@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.46
EDN: QSDOBO

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ВЫЯВЛЕННЫЕ И ИССЛЕДОВАННЫЕ В ЗОНЕ ПЛАНИРОВАВШЕЙСЯ КАТУНСКОЙ ГЭС

Юй Лян
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. С момента выдвижения проекта строительства Катунской ГЭС внимание археологов было привлечено к возможному наличию археологических памятников в зоне затопления, связанного с данным строительством. В ходе археологических работ в зоне строительства Катунской ГЭС были выявлены и зафиксированы памятники различных типов, среди которых к булан-кобинской культуре относятся: Усть-Эдиган, Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Улуг-Чолтух, Бике-I, Бийке, Карбан-I, Усть-Бийке-III, Верх-Еланда-II, Дялян, Чобурак-I. На основе материалов археологических разведок и раскопок в статье проведена систематизация памятников, связанных с булан-кобинской культурой, уточнены их основные характеристики и точное географическое положение, что создает основу для формирования базы данных и дальнейших исследований региональной культурной истории.

Ключевые слова: Алтай, Катунская ГЭС, археология, раскопки, булан-кобинская культура

Для цитирований: Юй Лян. Археологические памятники булан-кобинской культуры, выявленные и исследованные в зоне планировавшейся Катунской ГЭС // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 319–324. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.46

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE BULAN-KOBA CULTURE IDENTIFIED AND INVESTIGATED IN THE ZONE OF THE PLANNED KATUN HYDROELECTRIC POWER STATION

Yu Liang
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Since the announcement of the Katunskaya HPP construction project, archaeologists' attention has been drawn to the possible presence of archaeological sites in the flooding zone associated with this construction. During archaeological work in the Katunskaya HPP construction zone, sites of various types were identified and documented, among which those belonging to the Bulan-Koba culture include: Ust`-Edigan, Ayrydash-I, Tytkesken`-VI, Ulug-Choltukh, Bike-I, Biike, Karban-I, Ust`-Biike-III, Verkh-Elanda-II, Dyalyan, Chobyurak-I. Based on materials from archaeological surveys and excavations, the article systematizes the sites associated with the Bulan-Koba culture, refines their main characteristics and precise geographical location, creating a foundation for forming a database and further research into the regional cultural history.

Keywords: Altai, Katunskaya HPP, archaeology, excavations, Bulan-Koba culture

For citation: Yu Liang. Archaeological Sites of the Bulan-Koba Culture Identified and Investigated in the Zone of the Planned Katun Hydroelectric Power Station. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:319–324. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.46

Катунская ГЭС (также известная как Алтайская ГЭС) — это проектируемая гидроэлектростанция на р. Катунь, расположенная в Республике Алтай. Створ предполагаемого строительства находится на территории Чемальского и частично Шебалинского районов. Станцию планируется возвести в среднем течении Катуни, в 1,5 км выше по течению от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (Сводное заключение…, 1999, с. 3).

Начиная с 1960-х гг. в Горно-Алтайской автономной области (Республика Алтай) была выдвинута идея строительства гидроэлектростанции, после чего последовательно проводились соответствующие разведочные работы. По мере уточнения конкретного проекта строительства реализация данного инженерного замысла столкнулась с многочисленными трудностями. Вместе с тем именно в связи с планированием строительства гидроэлектростанции вопрос о наличии археологических памятников на территории предполагаемого строительства привлек пристальное внимание научного сообщества.

В 1976 г. после экспедиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки Б.И. Лапшин при обследовании района устья р. Катунь провел сопоставление курганных групп и впервые зафиксировал памятники в устье р. Бийке (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 14). С этого времени в связи с продвижением проектов строительства гидроэлектростанции и других крупных объектов данный район вошел в стадию длительных археологических исследований и спасательных раскопок.

В 1980 г. сотрудник АлтГУ М.Т. Абдулганеев в ходе обследования обнаружил могильник Чобурак-I. В том же году А.С. Суразаков приступил к исследованию крупного погребально-поминального комплекса Айрыдаш-I (около 200 объектов) (Суразаков, 1990). После открытия в 1980 г. на памятнике проводились масштабные археологические раскопки в полевые сезоны 1983–1986 и 1988 гг. Анализ материалов показал, что памятник предварительно датируется 1-й половиной I тыс. н.э. (Юй, 2025, с. 34–35).

В 1983 г. М.Т. Абдулганеев также зафиксировал могильники Тыткескень-VI и Верх-Еланда-II (Кубарев, 1990, с. 13–14). В 1987 г. археологическая экспедиция АлтГУ на Катуни провела раскопки могильника Верх-Еланда-II (Серегин, Матренин, 2022, с. 90). В 1988–1993 гг. под руководством Ю.Ф. Кирюшина Катунская археологическая экспедиция АлтГУ на Катуни осуществляла многолетние систематические раскопки могильника Тыткескень-VI, давшие важные результаты (Кирюшин и др., 2020, с. 15).

С 1988 г. В.Д. Кубарев, С.М. Киреев и Д.В. Черемисин начали исследование могильника Бике-I и в 1988–1990 гг. провели там систематические раскопки (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 43). В том же году М.В. Мороз, участница Алтайской экспедиции ИАЭТ СО РАН, обнаружила могильник

Усть-Эдиган, где в 1988–1994 гг. проводились раскопки в течение нескольких полевых сезонов (Худяков, 2009, с. 17).

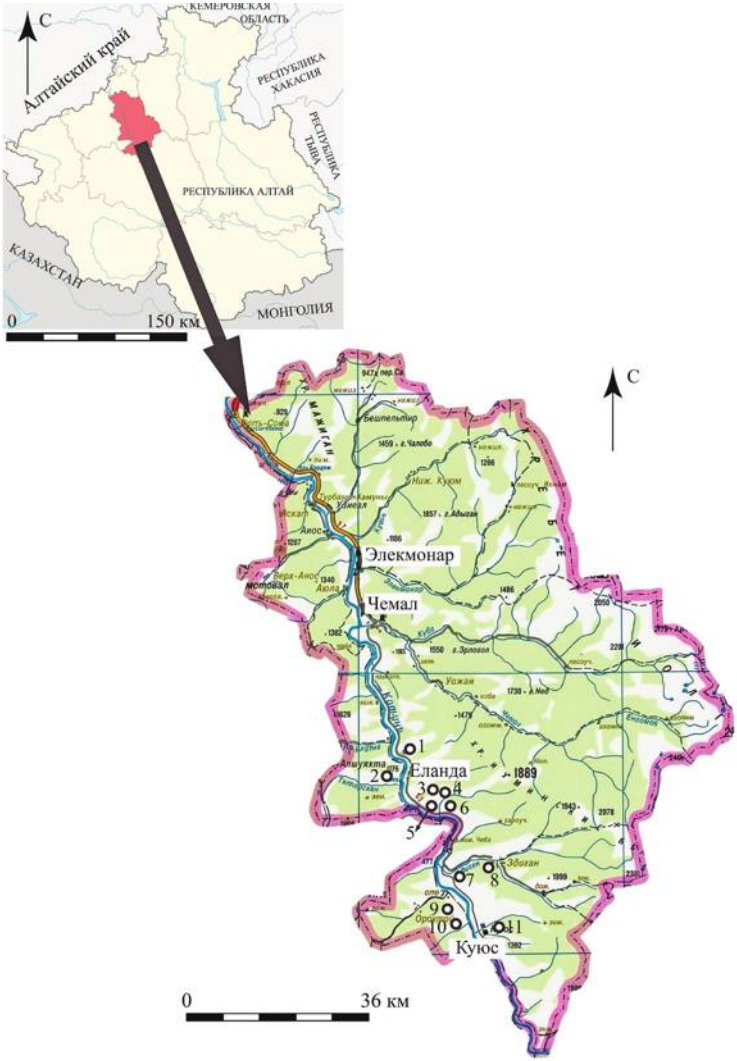
В 1989–1992 гг. Бийкенский отряд Катунской археологической экспедиции АлтГУ проводил раскопки могильника Бийке, а в 1997 г. вновь были проведены работы на территории выделенного микрорайона (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 44). В то же время, в 1989–1990 гг., в ходе работ Южно-Сибирской археологической экспедиции НГУ под руководством Ю.В. Тетерина были проведены раскопки могильника Дялян (Тетерин, Пилипенко, 2017, с. 117–124). Одновременно экспедиция под руководством М.А. Демина раскопала 22 погребения булан-кобинской культуры на памятнике Карбан-I (Серегин, Демин, Матренин, 2022, с. 302).

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. археологическая экспедиция ИИФФ СО АН СССР также продолжила исследование памятника Чобурак-1 (Серегин и др., 2023, с. 8). В 1996–1997 гг. сотрудники АлтГУ совместно с Горно-Алтайским республиканским музеем им. А.В. Анохина при обследовании территорий, разрушенных строительством ГЭС и автодороги, выявили ряд поврежденных археологических объектов (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 43). В 1997 г. под руководством А.А. Тишкина Бийкенский отряд АлтГУ провел спасательные раскопки на памятнике Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 44).

В XXI в. исследования продолжились. С 2001 г. Южно-Сибирская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН под руководством Ю.С. Худякова проводила систематическое изучение и раскопки памятника Улуг-Чолтух (Худяков, 2009, с. 45); полевые работы осуществлялись в 2001–2003 гг., 2005 г., а также в 2007–2008 гг. В 2007 г. в связи с необходимостью проведения спасательных археологических работ в зоне затопления проектируемого водохранилища ГЭС археологи Алтайского государственного университета вновь провели обследование памятника Чобурак-1 (Серегин и др., 2023, с. 8).

Согласно предложенной исследователями хронологии, основные памятники булан-кобинской культуры, расположенные в зоне проектируемого строительства Катунской ГЭС, могут быть распределены по следующим историческим периодам: хуннуское время — Усть-Эдиган; сяньбийское время — Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Улуг-Чолтух, Бике-I, Бийке, Карбан-I; жужанское время — Усть-Бийке-III, Верх-Еланда-II, Дялян, Чобурак-I (рис.) (Серегин, Матренин, 2022).

Сложный рельеф Алтая обусловил то, что эти памятники располагаются по обоим берегам р. Катунь, образуя несколько относительно самостоятельных, хотя и не полностью изолированных поселений, или групп археологических объектов (Тишкин, 2007, с. 174). Комплексный анализ археологических данных и письменных источников показывает, что освоение данного региона булан-кобинцами носило последовательный и непрерывный характер. На раннем этапе плотность населения была сравнительно низкой. Однако в среднем и позднем этапах, после длительного и устойчивого хозяйственного освоения территории, сформировался относительно стабильный образ жизни и хозяйственной деятельности.

Расположение памятников булан-кобинской культуры в зоне воздействия строительства Катунской ГЭС: 1 — Верх-Еланда-II; 2 Тыткескень-VI; 3 — Бике-I; 4 — Усть-Бийке-III; 5 — Чобурак-I; 6 — Бийке; 7 — Улуг-Чолтух; 8 — Усть-Эдиган; 9 — Дялян; 10 — Карбан-I; 11 — Айрыдаш-I

Location of Bulan-Koby culture monuments in the impact zone of the Katunskaya HPP construction: 1 — Verkh-Elada-II; 2 — Tytkesken`-VI; 3 — Bike-I; 4 — Ust`-Biike-III; 5 — Choburak-I; 6 — Biike; 7 — Ulug-Choltukh; 8 — Ust`-Edigan; 9 — Dyalyan; 10 — Karban-I; 11— Airydash-I

Если рассматривать ситуацию в контексте политической обстановки того времени, то после возвышения хунну контроль над подвластными народами был достаточно строгим. Подчиненные племена нередко привлекались в качестве военной силы, что приводило к сравнительно низкой плотности населения в Алтайском регионе. В период сяньбийского господства центр их политической активности сместился на юг, и прямой контроль над Монгольским плато ослаб, что создало более благоприятные условия для развития местных сообществ. В период Жужанского каганата из-за внутренних противоречий и конфликтов с китайскими государствами управление окраинными территориями было относительно ослаблено, что в еще большей степени способствовало процветанию «булан-кобинцев» на Алтае. Следует отметить, что относительно более мягкая политическая среда на этом позднем этапе не только способствовала расцвету булан-кобинской культуры на Алтае, но и создала необходимые исторические условия и геополитическое пространство для последующего подъема тюрок.

Систематические археологические разведки и раскопки в зоне строительства гидроэлектростанции, проводившиеся в 1980–1990-е гг., а также последующие исследования конца XX — начала XXI в. предоставили прочную доказательную базу для уточнения хронологии булан-кобинской культуры в бассейне Катуни. Благодаря результатам многократных раскопок и анализу археологических материалов исследователи смогли достаточно четко провести периодизацию памятников данного региона. Эти исследования также позволили проследить изменения хозяйственного уклада и направления развития местных групп населения в условиях различных политических режимов, а также показать непрерывный характер освоения и развития этой территории булан-кобинцами в эпоху Великого переселения народов.

Список источников

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Тыткескенский археологический микрорайон северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего средневековья. Барнаул, 2020. 296 с.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Сводное заключение экспертной комиссии Государственной экологической экспертизы Госкомприроды РСФСР по рассмотрению доработанного проекта строительства Катунской ГЭС с контррегулятором Чемальской ГЭС в соответствии с замечаниями ГЭК. М., 1990. 66 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Карбан-I — некрополь раннесяньбийского времени Северного Алтая: основные результаты исследований // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 302–305.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. История изучения археологических памятников Алтая эпохи кочевых империй хунну, сяньби и жужаней. Барнаул, 2022. 154 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023. 432 с.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 197–200.

Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А. Берестяные изделия хунно-сарматской эпохи могильника Дялян (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, №7: Археология и этнография. С. 117–124.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Худяков Ю.С. Археологические памятники в долине р. Эдиган (по материалам работ южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН в 1988–2008 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Вып. 1–2 (13–14). Горно-Алтайск, 2009. С. 17–29.

Юй Лян. Вклад А.С. Суразакова в изучение памятников булан-кобинской культуры // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии. Барнаул, 2025. С. 34–35.

Информация об авторе / Information about the Author

Юй Лян, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр музеологии, https://orcid.org/0009-0007-0359-7809, yul388329@mail.ru

Yu Liang, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Master of Museology; https://orcid.org/0009-0007-0359-7809, yul388329@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

РАЗДЕЛ 3
МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Научная статья / Article
УДК 904:069.02:908(571.51)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.47
EDN: OQEOCN

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАНСКО-РЫБИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В ФОНДАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Анатолий Евгеньевич Арефьев
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. В статье впервые представлены сведения обо всех коллекциях и отдельных предметах, найденных на территории Канско-Рыбинской котловины и поступивших в фонды Красноярского краевого краеведческого музея до 1925 г. На основе предварительного описания выделяются средневековые материалы, указываются места их обнаружения. В научный оборот вводятся материалы Государственного архива Красноярского края, архивная и учетная документация Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, раскрывающие обстоятельства комплектования музейных коллекций в начале XX в. и восполняющие пробелы в истории археологического изучения региона.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, средневековье, Красноярский музей, музейные коллекции, археология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №25-28-02177 «Средневековье Канско-Рыбинской котловины: источники и хронология» (https://rscf.ru/project/25-28-02177/)). Автор выражает благодарность сотрудникам Красноярского краевого краеведческого музея Н.П. Макарову и А.М. Карапетян за предоставленную возможность работы с архивной и учетной документацией.

Для цитирований: Арефьев А.Е. Средневековые материалы Канско-Рыбинской котловины в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 325–329. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.47

MEDIEVAL MATERIALS OF THE KANSK-RYBINSK BASIN IN THE COLLECTIONS OF THE KRASNOYARSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

Anatoly E. Arefiev
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article for the first time presents information about all collections and individual objects found on the territory of the Kansko-Rybinsk basin and received into the funds of

the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore before 1925. Based on a preliminary description, medieval materials are identified and the places of their discovery are indicated. The article introduces for the first time into scientific circulation the materials of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, archival and accounting documentation of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore and the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N.M. Martiyanova, revealing the circumstances of the acquisition of museum collections at the beginning of the 20th century and filling in the gaps in the history of the archaeological study of the region.

Keywords: Kansk-Rybinsk basin, Middle Ages, Krasnoyarsk Museum, museum collections, archaeology

Acknowledgments: this work was financially supported by the RSF (project No. 25-28-02177 "The Middle Ages of the Kansk-Rybinsk Basin: Sources and Chronology" (https://rscf.ru/project/25-28-02177/)). The author expresses gratitude to the staff of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore N.P. Makarov and A.M. Karapetyan for the opportunity to work with archival and accounting documentation.

For citations: Arefiev A.E. Medieval Materials of the Kansk-Rybinsk Basin in the Collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:325–329. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.47

На сегодняшний день история археологического изучения Канско-Рыбинской котловины остается фактически не исследованной, а коллекции предметов, собранных на этой территории, хранятся в различных музеях страны, оставаясь, как правило, не введенными в научный оборот. Поиск этих предметов, систематизация сведений о них, восполнение пробелов в истории исследования региона — важный этап в формировании полноценной источниковой базы, необходимой для изучения археологических культур Канско-Рыбинской котловины. В настоящей публикации представлены сведения обо всех коллекциях и отдельных находках из Канского округа, поступивших в фонды Красноярского краевого краеведческого музея до 1925 г., с указанием средневековых материалов.

К началу XX в. в уездном городе Канске не было ни сформировавшегося круга интеллигенции, ни насыщенной общественной жизни. Первый хранитель Минусинского музея Т.Н. Сайлотов, переведенный в 1889 г. по службе в г. Канск, сообщал Н.М. Мартьянову: «*…И правда мне здесь скучно, потому что нет у меня людей как Вы, с кем бы я мог поговорить о научных новостях и узнать, что делается в мире учёном…*» (МКМ ОФ 10814/12). Несколько лет спустя нумизмат и акцизный чиновник Г.М. Ковтунов тоже жаловался Н.М. Мартьянову: «*Здесь же, в Канске, решительно ничего нельзя поделать. Население здесь все почти пришлое, а прошлого, имеющего хоть какое-нибудь значение для археологии, Канский округ, должно быть, не имел вовсе*» (МКМ ОФ 11106/19). Т.Н. Сайлотов пытался устроить при канском училище небольшой кабинет местных естественно-исторических предметов, собирал образцы горных пород, но все сборы вынужден был отправить в Минусинск (Николай Михайлович…, 2024, с. 185). Г.М. Ковтунов пропагандировал устройство городской библиотеки, но отыскал лишь одного человека, сочувствующего этому делу (МКМ ОФ 11106/19). Не находя поддержки в своих

начинаниях среди местной общественности, энтузиасты-исследователи, заброшенные волею судеб в Канск, вынуждены были сотрудничать с крупными научными центрами — Томском, Минусинском, Красноярском.

В кратком обзоре Красноярского городского музея, составленном в 1908 г. В.Ю. Григорьевым и А.Я. Тугариновым, указывается, что в музее имеются геологические образцы и шлихи, палеонтологические, археологические и этнографические предметы, переданные из разных частей Канского округа: со ст. Ольгинской Сибирской железной дороги, из сел Рыбное, Тасеево, Троицко-Заозерное, с берегов р. Чуна и рч. Теребиловка (Известия Красноярского подотдела…, 1908, с. 44). В коллекции №211 хранятся каменное шлифованное тесло с обломанной обушковой частью (КККМ КПА 211/180), найденное Д.А. Клеменцем возле с. Рыбное и переданное в дар музею в 1890 г., и поступивший в 1898 г. от П.С. Троицкого «топорик в виде лопатки, изломанной близ рукоятки» (кельт?), обнаруженный в нескольких верстах от с. Комаровского по р. Теребиловке (сегодня — д. Комарова на р. Тырбыл). Для сравнения важно отметить следующее: П.С. Проскуряков в Отчете по Красноярскому городскому музею за 1889 и 1890 гг. сообщал, что в археологическом отделе музея в 1889 г. числилось девять предметов из Канского уезда (ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1473. Л. 51об). Информации о передаче прочих предметов до 1908 г. не обнаружено.

Первые атрибутированные археологические коллекции из Канского уезда, учтенные в книге поступлений, относятся к 1910–1911 г. и связаны с командировками А.П. Ермолаева, бывшего в те годы помощником консерватора музея. Первая из них (КККМ КПА 45), собранная в 1910 г., состоит из каменных изделий и продуктов первичного расщепления камня, костей животных и орнаментированных фрагментов керамики (ок. 40 шт.), собранных в устье р. Кан и у оз. Долгого (Ермолаев, 1912, с. 239–240). В 1911 г. А.П. Ермолаев доставляет в музей коллекцию бронзовых и железных вещей, собранную им в различных местах Канского уезда (Ермолаев, 1912, с. 240–243). Среди привезенных бронзовых изделий — зеркало с рельефным изображением сцены из китайской жизни, выпаханное на пашне южнее г. Канска; ложка и долото, купленные на базаре; два ножа (КККМ КПА 52/4–5), найденные на пашне крестьянином с. Канско-Перевозинского С. Федоровым; ручка тагарского котла (КККМ КПА 52/6), обнаруженная среди медного лома на колокольне церкви с. Канско-Перевозинского; сбруйный набор из 24 накладок (КККМ КПА 52/29–49), приобретенный в с. Анцирском. К железным изделиям относятся четыре наконечника стрел (КККМ КПА 52/9; 52/25–27), два железных стремени (КККМ КПА 52/8; 52/28) и посеребренные орнаментированные удила (КККМ КПА 52/7). Этот комплекс явно средневековых железных предметов был приобретен у крестьянина с. Канско-Перевозинского П.Е. Жарких, который, добывая на горе Долгий Нос известняк для хозяйственных нужд, вероятно, разрушил кыргызское погребение.

В 1912 г. в дар музею были переданы несколько вещей из окрестностей Канска: небольших размеров бронзовый котел на поддоне (КККМ КПА 61/1), трехлопастной наконечник стрелы и секторовидный срезень с черешковым

насадом (КККМ КПА 61/2). Из с. Канско-Перевозинского в этом же году поступила коллекция (КККМ КПА 67) из каменных наконечников стрел, продуктов первичного расщепления камня и фрагментов керамики без орнамента. Точных данных о дарителях и месте обнаружения этих предметов не найдено.

16 января 1916 г. сотрудниками музея у некоего г. Соколова за 30 рублей был приобретен бронзовый котел, найденный на пашне в с. Ирбейском (НА КККМ. 1597. Оп. 1. Д. 354. Л. 6об). Несколько дней спустя на имя заведующего музеем поступило письмо из г. Канска от К.С. Модебадзе, владельца котла. Он сообщал: «*…Жалею* (о продаже. — *А.А.*) *потому, что, оказывается, в Канске тоже есть лицо, которое собирает подобные вещи для будущего Канского музея, и справедливость требовала бы, чтобы вазу эту именно передать для будущего Канского музея. Так что я был бы очень благодарен, если Вы вазу ту возвратили бы мне, хотя настаивать на это не имею никаких прав…*» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 62. Л. 30). Лицо, собирающее древности в Канске и организующее музей, — Д.С. Каргаполов (Вдовин, 2005). Удалось ли переслать этот бронзовый котел в Канск — неизвестно, но в Красноярском музее он не обнаружен.

А.Л. Яворский, откомандированный по воинской службе в конный запас у г. Канска, в 1917 г. собирает небольшую коллекцию археологических вещей предположительно возле оз. Долгого (НА КККМ. 1597. Оп. 1. Д. 354. Л. 16). В музей им были переданы два обломка рога со следами обработки (КККМ КПА 104/2–4), сильно окатанное кремневое орудие (КККМ КПА 104/3) и шесть орнаментированных фрагментов керамики (КККМ КПА 104/1). В 1920 г. в музей поступает коллекция из 333 предметов (КККМ КПА 128), собранная бывшим военнопленным австрийским археологом Г. фон Мергартом на дюнных стоянках в окрестностях г. Канска с 1916 по 1919 г. (НА КККМ. 1600. Оп. 1. Д. 357. Л. 17). Большую часть этой коллекции, согласно книге поступлений, составляют каменные изделия, орнаментированные и неорнаментированные фрагменты керамики, отдельные железные (нож, часть кольца, наконечник стрелы) и бронзовые (нож) изделия.

В середине лета 1925 г. во время своей последней сибирской экспедиции к камасинцам заведующий музеем А.Я. Тугаринов делает довольно длительную остановку в Канске (Яворский, 2011, с. 351–355). Интересующийся общим представлением об уезде, он осуществляет сборы подъемного материала по правому берегу р. Кан и в районе с. Канско-Перевозинского (КККМ КПА 157). Среди находок — каменные изделия и продукты первичного расщепления камня, многочисленные фрагменты керамики, небольшое железное колечко и бронзовая пряжка. На берегу р. Иланки, у ее впадения в р. Кан, рядом с мельницей обнаружен орнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда (КККМ КПА 158/1). У местного населения А.Я. Тугаринову удается приобрести плоский железный асимметрично-ромбический наконечник стрелы (КККМ КПА 158/1), обнаруженный на пашне возле д. Усть-Анжа.

Подводя итог этому небольшому обзору археологических предметов, найденных на территории Канско-Рыбинской котловины и поступивших до 1925 г. в Красноярский краевой краеведческий музей, важно отметить следующее.

Основные места обнаружения большинства находок — окрестности г. Канска, ближайшие от него населенные пункты (с. Канско-Перевозинское, с. Анцирское, д. Барнаульская, д. Ашкаульская, д. Карапсель и др.). Только два предмета — бронзовый котел и наконечник стрелы — были найдены на юго-восточной периферии котловины, возле с. Ирбейского и с. Усть-Анжа. Из общего количества перечисленных коллекций и отдельных находок к средневековым материалам предварительно можно отнести всего несколько вещей из сборов А.П. Ермолаева, некоторые фрагменты керамики из различных поступлений и плоские наконечники стрел. Их детальному описанию и датировке будет посвящена ближайшая публикация.

Список источников

Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2005. Вып. 4. С. 159–162.

Ермолаев А.П. К археологии окрестностей г. Канска, Енисейской губернии // Сибирский архив. Иркутск, 1912. №4. С. 237–243.

Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. II. Вып. 3–4. Красноярск, 1908. 138 с.

Николай Михайлович Мартьянов. Жизнь и призвание. Соратники. Т. 3. Минусинск, 2024. 232 с.

Яворский А.Л. Двадцать лет на Енисее // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается… Красноярск, 2011. С. 152–361.

Информация об авторе / Information about the Author

Анатолий Евгеньевич Арефьев, Сибирский федеральный университет, лаборатория археологии Енисейской Сибири, специалист; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, https://orcid.org/0009–0006–8637–9710, aarefev@sfu-kras.ru

Anatoly E. Arefiev, Siberian Federal University, Laboratory of Archaeology of Yenisei Siberia, specialist; 660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82, building 1, https://orcid.org/0009-0006-8637-9710, aarefev@sfu-kras.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.25:069.02:908
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.48
EDN: ORFLYS

УКРАШЕНИЯ СЯНЬБИЙСКОГО ОБЛИКА ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА АЛТАЕ В ДОЛИНЕ ЧУЛЫШМАНА (фонды Алтайского государственного краеведческого музея)

Вадим Владимирович Горбунов, Алексей Алексеевич Тишкин
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Рассматривается коллекция предметов, случайно найденная на территории нынешнего Улаганского района Республики Алтай, которые входили в состав

костюмного комплекса. Приводятся сведения о предполагаемом месте их обнаружения. Дается описание конструкции, формы и параметров этих изделий, сопровождающееся фотографиями и графическими изображениями. Материал предметов определен с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра. Публикуемые вещи атрибутируются как наручные браслеты и нашейная гривна. Имеющиеся аналогии позволяют датировать данные находки II — 1-й половиной IV в. н.э. и отнести к кругу памятников булан-кобинской культуры. Отмечается, что в горной части Алтая это первые свидетельства использования браслетов, появление которых можно связать с влиянием державы Сяньби.

Ключевые слова: Алтай, костюм, нательные украшения, браслеты, гривна, сяньби, рентгенофлюоресцентный анализ, булан-кобинская культура

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», проект №22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Для цитирований: Горбунов В.В., Тишкин А.А. Украшения сяньбийского облика из цветного металла, обнаруженные на Алтае в долине Чулышмана (фонды Алтайского государственного краеведческого музея) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 329–337. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.48

XIANBEI-STYLE ORNAMENTS MADE OF COLORED METAL, DISCOVERED IN THE CHULYSHMAN VALLEY OF ALTAI (Collections of the Altai State Regional Museum)

Vadim V. Gorbunov, Alexey A. Tishkin
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines a collection of items that were accidentally found in the Ulagansky district of the Altai Republic and that were part of a costume complex. Information is provided about the supposed location of their discovery. A description of the design, shape and parameters of these products is provided, accompanied by photographs and graphic images. The material of the objects was determined using an X-ray fluorescence spectrometer. The published items are attributed as wrist bracelets and a neck hryvnia. The available analogies allow us to date these finds to the 2nd — first half of the 4th centuries AD and classify them as monuments of the Bulan-Koba culture. It is noted that in the mountainous part of Altai, this is the first evidence of the use of bracelets, the appearance of which can be associated with the influence of the Xianbei state.

Keywords: Altai, costume, body jewelry, bracelets, hryvnia, xianbei, X-ray fluorescence analysis, Bulan-Koby culture

Acknowledgments: the study was funded by a grant by Russian Science Foundation "The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy", Project No. 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

For citation: Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Xianbei-style Ornaments Made of Colored Metal, Discovered in the Chulyshman Valley of Altai (collections of the Altai State Regional Museum). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:329–337. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.48

В июне 1918 г. в социальный отдел Алтайского Губернского Музея (ныне Алтайский государственный краеведческий музей — далее АГКМ) была передана коллекция из шести древних предметов. Их пожертвовал Евсей Антонович Ламанов, а сами вещи были вымыты из берега р. Чулышман (Тишкина, 2010, с. 137). В старой музейной документации уточняется, что изделия обнаружены в местности Усть-Башкаус, выше с. Кумуртук и представлены серебряной гривной в виде жгута с несомкнутыми концами, тремя медными браслетами, вдетыми один в другой, медным браслетом из толстого жгута и медной цепью из 20 звеньев (Тишкина, 2010, с. 138). Впервые рисунки этих вещей были опубликованы С.В. Киселевым вместе с другой коллекцией, содержащей предметы скифского облика. Упомянутые выше изделия ученый указал следующим образом: серебряная пластинчатая гривна; три браслета, согнутых из бронзовых прутьев, и один бронзовый браслет с насечками на внешней стороне; бронзовая цепочка (Киселев, 1949, с. 181, табл. XXX.-1–4). Он отнес их к пазырыкскому времени и считал, что они найдены «в кургане Кумуртук» (Киселев, 1949, с. 183).

Объединение предметов из коллекции Е.А. Ламанова с другими вещами из коллекции Л.И. Доронина, сданной 17 июля 1918 г. в тот же музей, произошло в результате ошибки в музейной документации, где для последней указано то же место находки. На самом деле коллекция Л.И. Доронина была найдена около д. Клепиково Ильинской волости Барнаульского уезда (Тишкина, 2010, с. 138). Таким образом, она происходит даже не из Горного, а из Лесостепного Алтая. Анализ коллекции Л.И. Доронина, проведенный Я.В. Фроловым, позволяет отнести ее к староалейской культуре раннего железного века. Весьма вероятно, что вещи, составившие данную коллекцию, были обнаружены в результате разрушения или ограбления погребений могильника Клепиково-I (Фролов, 2001, с. 294).

Предметы, составившие коллекцию Е.А. Ламанова, в настоящее время хранятся в фондах АГКМ под следующими номерами: ОФ-18 — браслеты медные 4 шт., ОФ-19 — гривна серебряная 1 шт. Цепочку выявить не удалось. В ходе исследований перечисленных находок сделаны фотоснимки их и рисунки, определены метрические параметры, проведено морфологическое описание, рентгенофлюоресцентным анализом установлен состав металлического сплава, а также рассмотрены аналогии, позволяющие определить их датировку и этнокультурную принадлежность. Публикация результатов этой работы и является целью данной статьи.

Местность, где были найдены вещи из коллекции Е.А. Ламанова, можно указать достаточно уверенно. Урочище Кумуртук, где раньше находилось небольшое село, до сих пор отмечается на картах. Оно находится в Улаганском районе Республики Алтай, на левом берегу р. Чулышман, рядом с впадением в нее р. Башкаус, что совпадает с информацией в музейной документации — Усть-Башкаус. Напротив данного места, на правом берегу р. Чулышман, находится урочище Кудыргэ со знаменитым памятником тюркского и монгольского времени, а недалеко от него, на правом берегу р. Башкаус, расположен

известный памятник предтюркского (булан-кобинская культура) и тюркского времени Кок-Паш.

Самыми важными предметами рассматриваемой коллекции являются браслеты. Все они имеют достаточно хорошую сохранность и покрыты в разных местах темно-зеленой гладкой, светло-зеленой рыхлой и коричневатой патиной.

1. Браслет цельный, рельефный (рис. 1.-*1*). Изделие имеет почти правильную круглую форму. Его внешний диаметр составляет 7,3–7,5 см, а внутренний — 6–6,2 см. Стержень толщиной 0,6–0,7 см в поперечном сечении имеет подквадратную форму со скругленными углами. Внешний обод разделен на множество усеченно-пирамидальных выступов, образующих характерный рельеф. Предмет отлит из медно-свинцово-оловянного (бронзового) сплава, о чем свидетельствуют следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа (здесь и далее приводятся показатели, полученные на участке, где удалялись поверхностные окислы): Cu (медь) — 81,97%; Pb (свинец) — 10,63%; Sn (олово) — 7,32%; Fe (железо) — 0,08%.

2. Браслет гладкий, с сомкнутыми тонкими окончаниями (рис. 1.-*2*). Изделие почти правильной круглой формы. Его размеры 7,3–7,4×6–6,2×0,4–0,7 см. Стержень в поперечном сечении круглый, имеет небольшой разъем (окончания в этом месте более тонкие, сведены плотно). Предмет отлит из медно-мышьяковисто-свинцового сплава: Cu — 94,21%; As (мышьяк) — 5,17%; Pb — 0,51%; Fe — 0,11%.

3. Браслет гладкий с сомкнутыми толстыми окончаниями (рис. 2.-*1*). Изделие округлой формы. Его размеры 7,2–7,4×5,9–6,1×0,6–0,7 см. Стержень в поперечном сечении круглый, имеет небольшой разъем с плотно сомкнутыми окончаниям, толщина которых равна основному стержню. Предмет отлит из медно-мышьяковисто-оловянного сплава (с рудной примесью в виде свинца и остатками окислов, проникших вглубь изделия): Cu — 97,65%; As — 1%; Sn — 0,95%; Pb — 0,24%; Fe — 0,16%.

4. Браслет гладкий, с заведенными окончаниями (рис. 2.-*2*). Его форма ближе к овалу, размеры 6–6,4×5,1–5,5×0,4 см. Стержень в поперечном сечении круглый, имеет разъем (окончания в этом месте немного перекрывают друг друга). Предмет отлит из такого же сплава, как и предыдущее изделие: Cu — 98,08%; As — 0,8%; Sn — 0,62%; Pb — 0,3%; Fe — 0,2%.

На Алтае аналогичные браслеты до сих пор не встречены в закрытых комплексах, но они хорошо известны по изученным погребальным памятникам культуры сяньби во Внутренней Монголии и Юго-Западной Маньчжурии (могильники Дундацзин, Лаохэшень, Саньдаовань, Чжалайноэр-III и др.), которые датируются II–III вв. н.э. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, с. 51, 60–62, рис. 4; Нэй Мэнгу…, 2004, с. 225, рис. 4.-1–2, 11.-21–24, 38.-2, 4). Там довольно часто, в основном в женских захоронениях, находят как рельефные, так и гладкие браслеты таких же размеров. Нередко они составляют пары: два рельефных, рельефный и гладкий, два гладких. Судя по расположению в неграбленых объектах, браслеты носились на руках, между запястьем и локтем, ближе к последнему (Нэй Мэнгу…, 2004, рис. 3, 37).

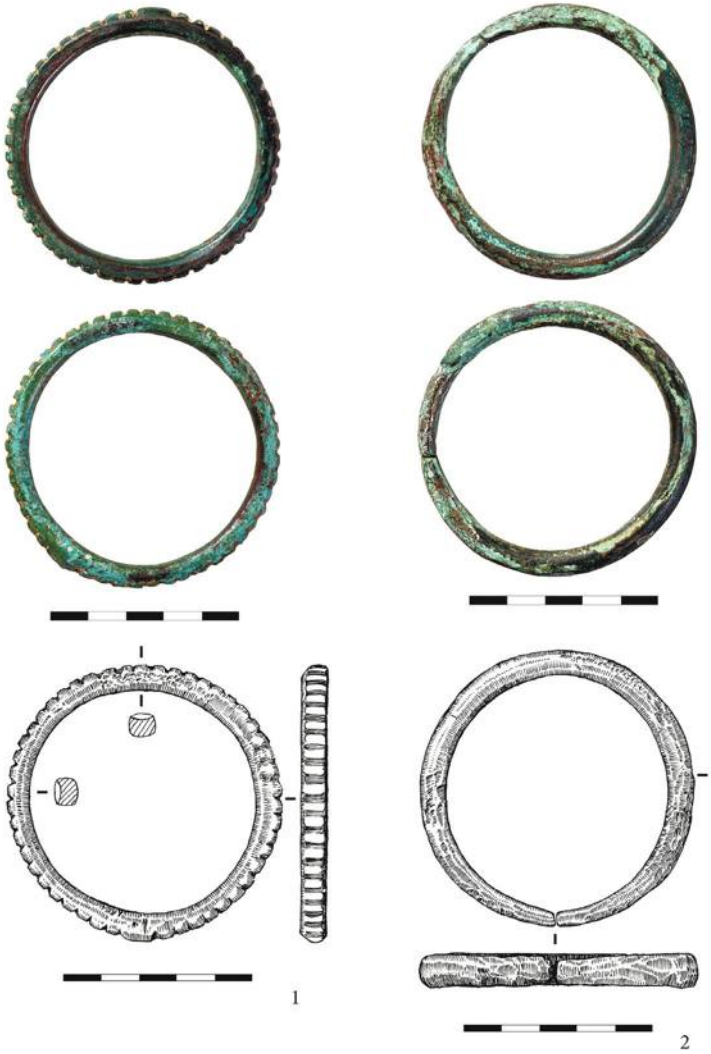

Рис. 1. Наручные браслеты с р. Чулышман
Fig. 1. Wrist bracelets from the Chulyshman River

Появление таких браслетов на Алтае можно связать с заимствованием престижных вещей местным населением в период существования единой державы Сяньби (147–235 гг. н.э.) или несколько позднее, когда данная территория находилась под политическим контролем объединений сяньбийских племен (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 42).

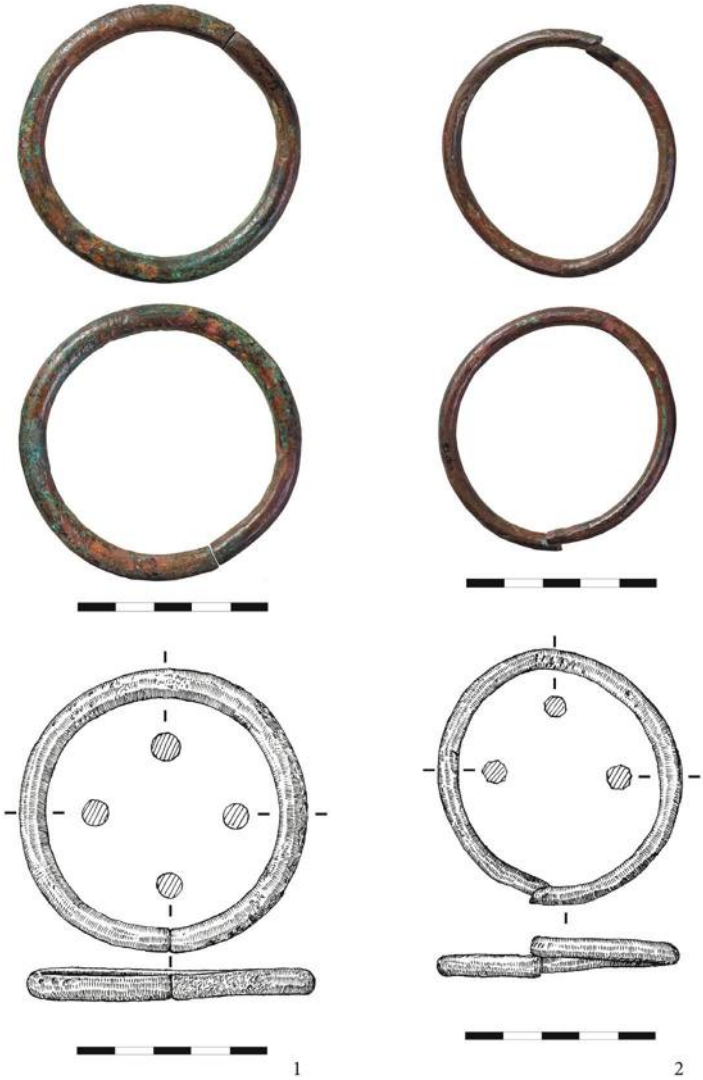

Рис. 2. Наручные браслеты с р. Чулышман
Fig. 2. Wrist bracelets from the Chulyshman River

Входящая в коллекцию гривна также имеет хорошую сохранность и покрыта темно-зеленой блестящей патиной, но местами есть разрушения. Изделие оформлено из стержня круглого сечения, выгнутого в несомкнутое кольцо. Окончания прямые, слегка расплющенные, снабжены отвер-

стиями и разной степенью загиба. На поверхности гривны заметна небольшая канавка. Внешний диаметр изделия 14,5–15,2 см, внутренний диаметр 13,6–14,2 см, толщина 0,4–0,5 см, ширина разъема 4,5 см, диаметр отверстий 1,5 мм (рис. 3). Гривна отлита из серебряно-медно-свинцового сплава: Ag (серебро) — 59,58%; Cu — 39,77%; Pb — 0,65%.

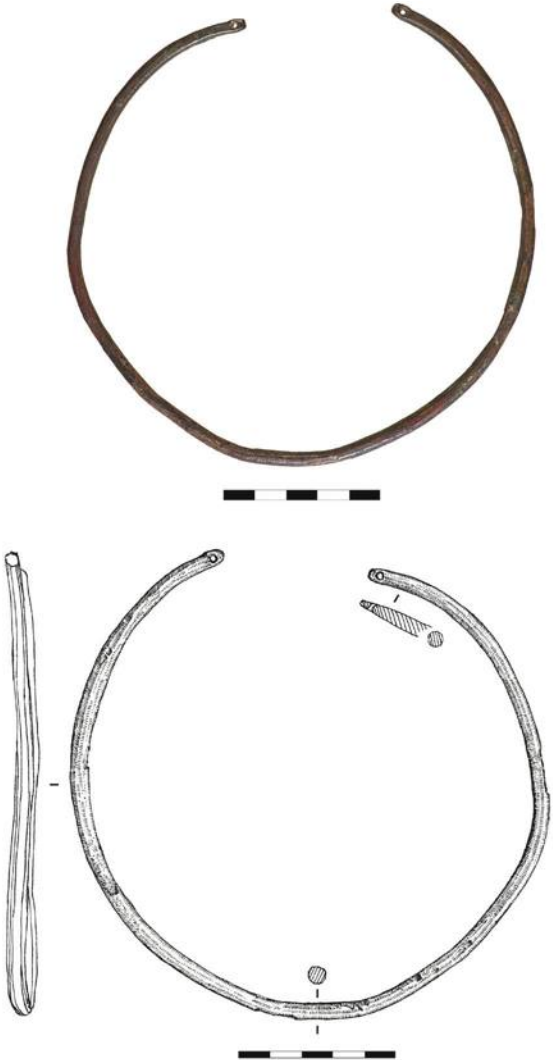

Рис. 3. Нашейная гривна с р. Чулышман
Fig. 3. Neck grivna from the Chulyshman River

На Алтае похожие предметы, служившие нательными украшениями, носившимися на шее, встречены в погребениях бело-бомского этапа (II — 1-я половина IV в. н.э.) булан-кобинской культуры. У них гладкий стержень, круглый или овальный в сечении, отверстия или петли-крюки на окончаниях, а некоторые экземпляры снабжены по центру крупной бусиной (Трифанова, Соенов, 2019, с. 38, рис. 10.-1, 9, 11, 13; Тишкин, Горбунов, 2020, с. 41, рис. 3.-52–53). Конструктивно наиболее близок гривне с Чулышмана экземпляр из кургана №48 на могильнике Курайка, также имеющий прямые окончания с мелкими отверстиями под ремешки (Соенов, Эбель, 1998, с. 115, рис. 10.-3). Аналогичные гривны известны в Минусинской котловине, в том числе из грунтового могильника таштыкской культуры, и датируются концом I — началом IV в. н.э. (Тетерин, 2001, с. 109, рис. 2.-1–2). Возможно, все они входят в группу вещей общей южно-сибирской традиции, обособившейся в сяньбийское время (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 42).

Таким образом, гривна, в отличие от браслетов, является украшением, характерным для местного населения. Время ее бытования практически совпадает с датировкой браслетов, что подтверждает информацию об их совместном нахождении и позволяет считать одним комплексом. Судя по месту обнаружения, он входит в ареал булан-кобинской культуры и может быть отнесен к ее среднему бело-бомскому этапу (II — 1-я половина IV в. н.э.). Сообщение о том, что эти вещи были вымыты из берега р. Чулышман, может указывать на разрушенное захоронение, но их хорошая сохранность не исключает и наличие клада или нахождения в ритуальном объекте.

Список источников

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА, №9).

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998. С. 113–135.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №6. Горно-Алтайск, 2001. С. 107–115.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. №3. С. 33–46.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 288 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.

Фролов Я.В. К вопросу об одной коллекции предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, из фондов Алтайского государственного краеведческого музея // Историко-культурное наследие Северной Евразии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 294–297.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. Археология и этнография. С. 50–64.

Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзандэ фасянь юй яньцзюй (Открытие и изучение сяньбэйских могильников во Внутренней Монголии) / под ред. Вэй Цзянь. Пекин, 2004. 335 с. (на кит. яз.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; Отдел сопровождения НИОКР, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-4772-6373, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Doctor of History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-4772-6373, vadingorbunov67@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.2:069.51(571.51-21)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.49
EDN: OUUPUE

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ ИЗ ФОНДОВ ЗЕЛЕНОГОРСКОГО МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА

Ольга Михайловна Громоздова
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. В статье вводятся в научный оборот средневековые предметы конского снаряжения из фондов Зеленогорского музейно-выставочного центра. Проведена систематизация и культурно-хронологическая атрибуция деталей узды и седла. Проанализированы шарнирные элементы узды, наносный султанчик и удила. К деталям седла отнесены накладки на луки, пробои, бляхи и стремена. Отдельно рассмотрены пряжки, предположительно принадлежащие конской амуниции. Установлено, что основная масса предметов относится к красноярско-канскому варианту культуры енисейских кыргызов и датируется в пределах 1-й половины II тыс. н.э. Ряд изделий выделяются в более ранний пласт — IX–X вв. Материалы свидетельствуют о потенциале дальнейшего изучения музейных коллекций для расширения круга памятников красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов в регионе.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, Канско-Рыбинская котловина, средневековье, конская амуниция, музейные коллекции

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №25-28-02177 «Средневековье Канско-Рыбинской котловины: источники и хронология» https://rscf.ru/project/25-28-02177/.

Автор благодарна директору Зеленогорского музейно-выставочного центра Георгию Валентиновичу Листвину за возможность работы с коллекцией.

Для цитирований: Громоздова О.М. Предметы конской амуниции из фондов Зеленогорского музейно-выставочного центра // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 337–346. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.49

HORSE TACK ITEMS FROM THE COLLECTIONS OF THE ZELENOGORSK MUSEUM AND EXHIBITION CENTER

Olga M. Gromozdova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article introduces into scientific circulation medieval items of horse equipment from the collections of the Zelenogorsk Museum and Exhibition Center. A systematization and cultural-chronological attribution of the details of bridles and saddles has been carried out. Among the bridle details, hinged elements, a nasal plume, and bits are analyzed. The saddle details include overlays on the bows, mounts, plaques, and stirrups. Buckles presumably belonging to horse tack are examined separately. It has been established that the majority of the items belong to the Krasnoyarsk-Kansk variant of the Yenisei Kyrgyz culture and date within the first half of the 2nd millennium AD. Several items stand out as belonging to an earlier layer of the 9th–10th centuries. The materials indicate the potential for further study of museum collections to expand the range of Askizskaya culture sites in the region.

Keywords: Yenisei Siberia, Kansk-Rybinsk basin, Middle Ages, horse tack, museum collections

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-02177 "The Middle Ages in the Kansk-Rybinsk Basin: Sources and Chronology" https://rscf.ru/project/25-28-02177/

The author is grateful to Georgy Valentinovich Listvin, the director of the Zelenogorsk Museum and Exhibition Center, for the opportunity to work with the collection.

For citation: Gromozdova O.M. Horse Tack Items from the Collections of the Zelenogorsk Museum and Exhibition Center. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:337–346. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.49

Хранилища районных и муниципальных музеев Красноярского края содержат большое количество археологических материалов, которые могут пролить свет на малоизученные страницы древней истории региона. Но сейчас большая часть музейных собраний не введена в научный оборот и неизвестна исследователям. Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных археологическим находкам из фондов Зеленогорского музейно-выставочного центра (Сенотрусова, 2025, 2025а; Ставицкий, 2025; Громоздова, 2025). В ней впервые анализируются предметы конской амуниции — важнейшего источника для изучения культурно-исторических процессов, происходивших в Канско-Рыбинской котловине в средние века.

Контекст обнаружения большинства изделий неизвестен, однако, по сообщениям сотрудников музея, все они были найдены на территории Кан-

ско-Рыбинской котловины. Практически все рассматриваемые ниже вещи поступили в музей от В.М. Манцевича в 2001 г.

Среди предметов конской амуниции из Зеленогорского музейно-выставочного центра выделяются две категории: детали узды и седла. В первую входят шарнирные элементы, наносный султанчик и удила. Во вторую — седельные накладки, пробои и бляхи, а также стремена. Отдельному рассмотрению подлежат пряжки, поскольку без контекста доподлинно неизвестна их принадлежность к той или иной категории. Для публикации привлечены только те вещи, которые с наибольшей вероятностью относятся к снаряжению коня. Разнотипные бляхи, нашивки и накладки, которые могли использоваться и в ременной гарнитуре, в настоящей работе не рассматриваются.

В первую очередь рассмотрим **детали узды**, среди которых выделяются шарнирные элементы (ЗМВЦ МИГ-1864/54, ЗМВЦ МИГ-1864/56). Оба предмета обломаны, орнамент первого не читается (рис. 1.-*14*). У второго имеется фигурноскобчатое окончание, заклепки для крепления, а также ромбовидные насечки и следы окалины на поверхности (рис. 1.-*10*). Размеры изделий 8,0×2,8×0,3 см и 5,5×2,6×3,0 см.

В коллекции присутствуют шарнирные соединения для крепления стременных ремней (ЗМВЦ МИГ-1864/55, ЗМВЦ МИГ-1864/64) с фигурноскобчатым окончанием и выделенными зубцами (рис. 1.-*9, 11*). На их поверхности нанесен геометрический орнамент в виде пересекающихся насечек, образующих ромбы, со следами аппликации цветным металлом. Их размеры 5,4×2,3×0,7 см и 5,0×4,5×2,2 см.

Шарнирные наременные наконечники (ЗМВЦ МИГ-4557, ЗМВЦ МИГ-4561, ЗМВЦ МИГ-4582/2) длинные и узкие. Первый наконечник имеет фигурноскобчатое завершение с удлиненными зубцами, передний конец также фигурно оформлен (рис. 1.-*7*). На поверхности отчеканен орнамент из попарно расположенных овалов с точкой внутри, фиксируются следы окалины и капли прикипевшего серебра. Второй предмет схож с первым, однако окончание в данном случае W-образной формы, а орнамент выполнен в виде разноразмерных овалов, расположенных в два вертикальных ряда (рис. 1.-*8*). Передний конец более короткий, чем у первого предмета. Третий наконечник короче других, орнамент не читается (рис. 1.-*13*). Также есть в коллекции и подвесной железный шарнирный наконечник на фигурноскобчатой бляхе (ЗМВЦ МИГ-4562). Наконечник украшен орнаментом из разноразмерных овалов с точкой в центре (рис. 1.-*12*). Имеет четыре заклепки для крепления. Размеры предметов от 6,3×1,3×0,3 см до 11,0×1,2×0,5 см.

Наконечники принадлежат к аскизской культуре. Датировку некоторых изделий можно сузить до определенного этапа или периода. На основании формы шарнирных соединений и наременных наконечников допустимо отнести их к малиновскому этапу, а именно — к XI–XII вв. (Кызласов, 1983, с. 46). Подвесные наконечники, близкие рассматриваемым, встречаются в памятниках черновского периода — середины XII — начала XIII в. (Кызласов, 1983, с. 54, 122, табл. XXXIV.-7).

Рис. 1. Детали узды: 1–5 — удила; 6 — наносный султанчик; 7–14 — шарнирные элементы (1–5 — железо, 6–14 — железо с аппликацией цветным металлом)
Fig. 1. Bridle parts: 1–5 — bits; 6 — nose plume holder; 7–14 — hinge elements (1–5 — iron, 6–14 — iron with non-ferrous metal appliqué)

В коллекции имеется основание железного наносного султанчика (ЗМВЦ МИГ-1864/53), которое крепилось к узде с помощью шести заклепок (рис. 1.-*6*). Поверхность украшена перекрещивающимися насечками, образующими ромбический орнамент, элементы которого покрыты цветным ме-

таллом. Трубка султанчика отсутствует, основание коррозировано. Размеры предмета 8,3×1,5×0,2 см.

Форма и орнамент предмета относятся к аскизской культуре конца X — XIV в. Геометрический орнамент в виде многочисленных ромбов, помимо султанчиков, встречается на множестве других изделий культуры енисейских кыргызов: накладках, бляхах, наконечниках (Кызласов, 1983, с. 94, табл. VI.-20, 22, 25). Аналогичные предметы хранятся в фондах Канского краеведческого музея (ККМ 1004/4, ККМ 1004/5).

В коллекции музея представлено пять удил. Три предмета однотипны (ЗМВЦ МИГ-1871/1, ЗМВЦ МИГ-1871/2, ЗМВЦ МИГ-1871/3), это железные двусоставные кольчатые удила с прямоугольными в сечении грызлами и крюкообразными концами. Кольца также прямоугольные в сечении (рис. 1.-*2, 3*), за исключением третьего изделия — здесь они круглые (рис. 1.-*1*). Два предмета покрыты окалиной. Их размеры 25,3×0,9×1,0 см, 27,5×1,8×1,1 см, 23,0×1,4×1,3 см.

Тип кольчатых удил с прямоугольными в сечении грызлами широко распространяется в Сибири в XI–XIV вв. (Беликова, 1996, с. 71), на Среднем Енисее они зафиксированы на памятниках монгольского времени (Выборнов, 2009, с. 246). В Канско-Рыбинской котловине такие же предметы обнаружены в коллекции Канского краеведческого музея из сборов 1918–1920-х гг. Д.С. Каргаполова в Волчьих ямах у с. Филимоново, а также в инвентаре Краснополянского могильника (Кунгуров, Кунгурова, 2018, с. 82, рис. 6.-4). Среди ближайших аналогий удила из могильника Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье (Сенотрусова, Мандрыка, 2018, с. 95, рис. 3.-23), Часовенной горы на Среднем Енисее (Гаврилова, 1965, с. 75, рис. 13.-1), Калмакского могильника в Среднем Причулымье (Беликова, 1996, с. 70), могильников Томского Приобья (Плетнева, 1997, с. 87–88).

Другие удила (ЗМВЦ МИГ-4567) также двусоставные, но с витыми грызлами и восьмеркообразными окончаниями, в одно из которых продето кольцо (рис. 1.-*4*). Размеры предмета 23,0×2,7×0,9 см.

Такой тип удил был распространен в IX–X вв. у кыргызов и входящих в сферу их влияния народов (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 267; Дашковский, 2015, с. 76). Они встречаются в Минусе (Евтюхова, 1948, с. 22, рис. 22; Худяков, 1982, с. 33, рис. 5.-2), Туве (Овчинникова, 1990, рис. 41.-20), на Алтае (Дашковский, 2015, с. 14, рис. 4.-2, с. 17, рис. 6.-4 и др.) и в Восточном Казахстане (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 325, рис. 21.-7). Одним из ближайших памятников с подобными удилами является погребение у п. Дрокино (Фокин, 2018, с. 140, рис. 3.-1). В коллекции Канского краеведческого музея также присутствует аналогичный предмет (ККМ 1025/3).

Последние удила (ЗМВЦ МИГ-4573) небольшие по размеру, также двусоставные, с прямоугольными в сечении грызлами и каплевидными окончаниями (рис. 1.-*5*). Их размеры 17,5×3,0×0,5 см.

Как отмечают исследователи, подобные удила без псалиев встречаются в комплексах кочевников Саяно-Алтая со 2-й половины I тыс. до н.э. и вплоть до IX в. н.э. (Тишкин, Серегин, 2011, с. 16). Для Канско-Рыбинской котловины их более узкая хронология пока не разработана.

Среди **деталей седла** сначала рассмотрим седельные накладки и бляхи. В коллекции представлены железные седельные пробои, общее количество которых составляет 12 штук (ЗМВЦ МИГ-1864/23, ЗМВЦ МИГ-1864/24, ЗМВЦ МИГ-1864/28–37). Все экземпляры в целом однотипны и представляют собой пробои с кольцом для подвешивания и квадратной или прямоугольной пластиной, основание которой украшено насечками (рис. 2.-*9–12, 15–21*). Исключение составляют три предмета (рис. 2.-*9, 12, 20*). У первого предмета два кольца, основа выполнена в виде узкой, прямоугольной в сечении пластины. У еще двух изделий пластины отсутствуют. Размеры пробоев колеблются от 2,5×4,6×1,8 до 7,5×2,9×1,0 см.

Такие седельные пробои характерны для аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983, с. 102, табл. XIV.-37–39), есть подобные изделия и в инвентаре усть-талькинской культуры Предбайкалья (Николаев, 2004, с. 96, табл. 9). Ближайшие аналогии видятся в Краснополянском могильнике (Кунгуров, Кунгурова, 2018, с. 82, рис. 6.-5–7) и в коллекциях Канского музея (ККМ 4/2, ККМ 4/13, ККМ 4/22).

В коллекции присутствуют фигурные бляхи с двумя заклепками и кольцом для подвешивания (ЗМВЦ МИГ-1864/25, ЗМВЦ МИГ-1864/26), покрыты слоем окалины (рис. 2.-*13–14*). Их размеры 3,0×3,2×0,4 см и 3,0×3,4×0,3 см.

Аналогичные бляхи встречаются в курганах енисейских кыргызов XI–XII вв. (Кызласов, 1983, с. 35; Худяков, 1982, с. 75, рис. 35.-16, 19). Подобные предметы были обнаружены в погребении с трупосожжением на реке Кан, которое относится к проявлению локального красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов (Савельев, Свинин, 1978, с. 138). Рассматриваемые предметы имеют слой окалины и также могли находиться в погребениях с кремациями.

Железных накладок на луки всего шесть (ЗМВЦ МИГ-1864/51, ЗМВЦ МИГ-1864/65–69). Первая накладка на переднюю луку седла, плоская в сечении (рис. 2.-*3*). Поверхность украшена геометрическим орнаментом, состоящим из попарно расположенных прямоугольников. Фиксируются слой окалины и следы тиснения цветным металлом. Остальные пластины в целом по облику аналогичны первой (рис. 2.-*4–8*). Некоторые из них изогнуты. Размеры первой накладки 12,0×0,8×0,2 см, остальные от 4,8×0,8×0,2 см до 8,0×0,8×0,2 см.

Орнаментальный мотив относится к малиновскому этапу аскизской культуры (Кызласов, 1983, с. 114, табл. XXVI), однако есть вероятность, что накладки могли бытовать и в более позднее время.

В коллекции музея находятся два стремени арочной формы (ЗМВЦ МИГ-1876/1, ЗМВЦ МИГ-1876/2) с широкой изогнутой подножкой и прорезным отверстием для путлища (рис. 2.-*1–2*). Оба предмета подвержены сильной коррозии, на них также фиксируются следы окалины. На втором стремени видны следы ремонта. Их размеры 12,5×12,0×4,8 см и 13,0×11,8×5,8 см.

Подобные стремена распространяются в степных районах Евразии с начала II тыс. н.э. (Акматов, 2017, с. 123), на Среднем Енисее фиксируются

в XIII–XIV вв. (Выборнов, 2009, с. 248). Такие же предметы можно встретить и в других музеях Канско-Рыбинской котловины — в Абанском и Канском (АРХ 125, АРХ 126; ККМ 4/3, ККМ 4/4). Абанские материалы имеют привязку к долине р. Усолка, а канские происходят из сборов у с. Филимоново 1-й четверти XX в. Аналогии присутствуют и среди предметов из закрытых комплексов — Краснополянского могильника (Кунгуров, Кунгурова, 2018, с. 82, рис. 6.-1, 2).

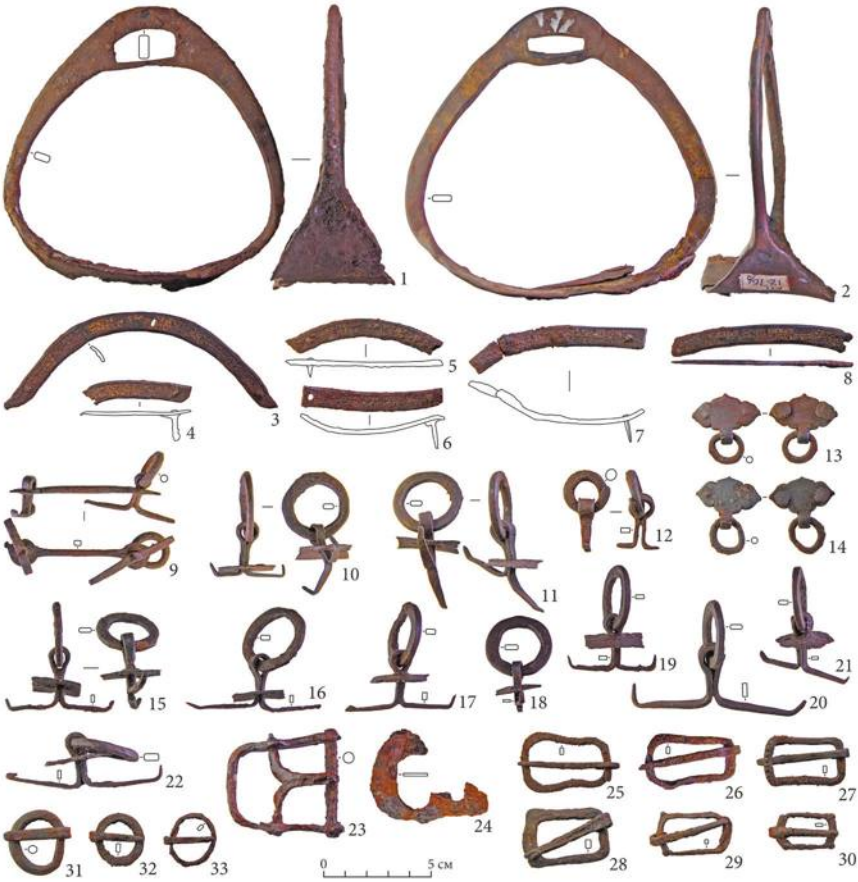

Рис. 2. Детали седла: 1–2 — стремена; 3–8 — накладки на луки; 9–12, 15–22 — пробои; 13–14 — бляхи; 23–33 — пряжки (1–2, 9–33 — железо, 3–8 — железо с аппликацией цветным металлом)
Fig. 2. Saddle parts: 1–2 — stirrups; 3–8 — saddle bow covers; 9–12, 15–22 — mounts/rosettes; 13–14 — plaques; 23–33 — buckles (1–2, 9–33 — iron, 3–8 — iron with non-ferrous metal appliqué)

Среди предметов, явно принадлежащих к конскому снаряжению, выделяются большие железные подпружные рамчатые пряжки (ЗМВЦ МИГ-4593/2, ЗМВЦ МИГ-4565). Первая — с язычком на шарнирном креплении (рис. 2.-*23*). Вторая — сильно коррозированная, плоская в сечении, частично обломана (рис. 2.-*24*). Размеры предметов 5,0×4,5×0,8 см и 5,5×4,0×0,2 см. Пряжки, подобные первой, распространены в кыргызских комплексах Саяно-Алтая IX–X вв., встречаются они в погребениях с конем (Дашковский, 2015, с. 16, с. 106, рис. 67.-12, с. 113, рис. 73.-39; Овчинникова, 1982).

Остальные пряжки рамчатые, круглой (ЗМВЦ МИГ-1866/2–3, ЗМВЦ МИГ-1866/5), овальной (ЗМВЦ МИГ-1866/9, ЗМВЦ МИГ-4593/4) и прямоугольной формы (ЗМВЦ МИГ-1866/6-8, ЗМВЦ МИГ-1866/10) (рис. 2.-*25–33*). Их размеры от 2,0×2,4×0,3 до 4,6×2,4×0,3 см.

Нельзя точно отнести эти предметы к конской амуниции, поскольку контекст их нахождения неизвестен, однако подобные вещи в комплексах исследователями определяются в качестве сбруи коня (Худяков, 1982, с. 76, 124). Пожалуй, все пряжки, кроме круглых (их рамки бытования более широкие), можно отнести к 1-й половине II тыс. н.э. и сузить до времени существования аскизской культуры на основе характерной формы рамок с волнообразными выступами (Кызласов, 1983, с. 61).

В результате анализа предметов конской амуниции из Зеленогорского музейно-выставочного центра можно сделать вывод, что большинство предметов вписывается в круг аскизских древностей, а точнее — красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов. Проведенная систематизация позволила выделить детали узды (шарнирные элементы, наносный султанчик и удила) и седла (накладки на луки, пробои, бляхи и стремена) и определить хронологические рамки их бытования — преимущественно в пределах 1-й половины II тыс. н.э. с возможностью сужения датировки до того или иного этапа или периода. Условия попадания предметов в музей, а также следы окалины на многих из них могут свидетельствовать о происхождении изделий из погребений с кремацией. Эти материалы дают основание полагать, что известный нам круг памятников аскизской культуры Канско-Рыбинской котловины (Савинов, 1989) может быть существенно расширен. Значительный потенциал имеют и другие местные музеи, содержащие аналогичные материалы, работа с которыми предстоит в дальнейшем. Выделяется в коллекции также совсем небольшой по объему пласт материалов IX–X вв.

Список источников

Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.

Выборнов А.В. Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего средневековья — начала нового времени // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8, №5. С. 245–251.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Громоздова О.М. Бляха монгольского времени из коллекции Зеленогорского музейно-выставочного центра // Материалы 63-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2025. С. 91–92.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. 224 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Кунгуров В.А., Кунгурова Н.Ю. Некрополь первой половины II тыс. в бассейне р. Кан // Древности Сибири и Центральной Азии: Электронное научное издание. Т. 9 (21). Горно-Алтайск, 2018. С. 69–92.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 128 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004. 306 с.

Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 4. Иркутск, 1978. С. 135–149.

Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 144–147.

Сенотрусова П.О. Железные ножи из Зеленогорского музейно-выставочного центра (Канско-Рыбинская котловина) // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии. Уфа, 2025. С. 224–226.

Сенотрусова П.О. Коллекция железных наконечники стрел Зеленогорского музейно-выставочного центра: типология и хронология // Древние культуры Монголии, Байкала, Южной Сибири и Северного Китая. Улан-Батор, 2025а. С. 378–382.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Культурные связи населения нижней Ангары в развитом Средневековье (по материалам комплекса Проспихинская Шивера IV) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №3. С. 92–99.

Ставицкий И.С. Коллекция средневекового кузнечного инвентаря из фондов Зеленогорского музейно-выставочного центра // Материалы 63-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2025. С. 113–114.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. №6. С. 14–32.

Фокин С.М. Средневековое погребение у поселка Дрокино в Красноярской лесостепи // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. №2. С. 137–150.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 240 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Михайловна Громоздова, Сибирский федеральный университет, лаборатория археологии Енисейской Сибири, специалист; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, https://orcid.org/0009-0000-2760-8540, ogromozdova@sfu-kras.ru

Olga M. Gromozdova, Siberian Federal University, Laboratory of Archaeology of Yenisei Siberia, Specialist; 600041, Russia, Krasnoyarsk, 82 Svobodny Ave., str. 1, https://orcid.org/0009-0000-2760-8540, ogromozdova@sfu-kras.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903’1
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.50
EDN: NSNPRP

ИММЕРСИВНЫЕ ПРИЕМЫ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРЕДМЕТОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: АНАЛИЗ ВЫСТАВКИ «СНЫ СИБИРИ. НА ГРАНИЦЕ ЛЕСА И СТЕПИ» (г. Новосибирск)

Юлия Валентиновна Егорова
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена вопросу применения иммерсивных технологий для музейной демонстрации предметов духовной культуры, в частности артефактов, имеющих мифо-религиозное содержание. Приводится описание особенностей временной экспозиции «Сны Сибири. На границе леса и степи», проходящей в Новосибирском государственном художественном музее, где нашли свое место предметы, относящиеся к культам древности и концу XIX в. В ходе исследования были выделены дизайнерские, интерактивные и «оживляющие» пространство приемы: особые решения света, цвета, звукового и ольфакторного сопровождения. В результате работы определена эффективность и перспективность их использования в музейном пространстве.

Ключевые слова: иммерсивные технологии, духовная культура, Сны Сибири, экспозиция, реликвии

Для цитирований: Егорова Ю.В. Иммерсивные приемы демонстрации предметов духовной культуры: анализ выставки «Сны Сибири. На границе леса и степи» (г. Новосибирск) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 346–351. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.50

IMMERSIVE TECHNIQUES FOR DEMONSTRATING OBJECTS OF SPIRITUAL CULTURE: AN ANALYSIS OF THE EXHIBITION “THE DREAMS OF SIBERIA. ON THE BORDER BETWEEN THE FOREST AND THE STEPPE” (NOVOSIBIRSK)

Yuliya V. Egorova
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. This article is devoted to the application of immersive technologies for museum display of objects of spiritual culture, in particular, artifacts with mythological and religious content. There is a description of the features of the temporary exhibition "The Dreams of Siberia. On the Border between the Forest and the Steppe", held at the Novosibirsk State Art Museum, where objects related to the cults of antiquity and the ending of the nineteenth century have found their place. In the course of the research, design, interactive and space-animating techniques were identified: special solutions for light, color, sound and olfactory accompaniment. As a result of the work, the effectiveness and prospects of their use in the museum space have been determined.

Keywords: immersive technologies, spiritual culture, The Dreams of Siberia, exposition, relics

For citation: Egorova Yu.V. Immersive Techniques for Demonstrating Objects of Spiritual Culture: an Analysis of the Exhibition "The Dreams of Siberia. On the Border between the Forest and the Steppe" (Novosibirsk). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:346–351. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.50

Понятие «иммерсивность» пришло в мировую культуру из латинского языка — слово *immersio* означает «погружение». По словам культурологов, «иммерсивность стала знаком современной культуры» (Махлина, 2022, с. 69). Технологии такого рода широко применяются во всех культурных институциях, включая музеи, причем самого разного профиля (Золотухина, 2025, с. 308). Технологии погружения, как правило, включают в себя различные мультимедиа, связаны с дизайнерским решением пространства (особые параметры света, цвета и художественного оформления), часто характеризуются использованием тактильных предметов и могут содержать ольфакторное и гастрономическое сопровождение (Махлина, 2022, с. 69–70; Золотухина, 2025, с. 309; Малеев, 2019, с. 78–79).

Иммерсивность используется для демонстрации различных коллекций, в том числе для предметов духовной культуры. К таковым относятся предметы, представляющие и документирующие обычаи, мифы, религиозные представления, верования, также в широком смысле к ним относят произведения искусства и т.д. (Егорова, 2025, с. 320). Однако в данной работе акцент направлен на артефакты, наполненные мифо-религиозной семиотикой. Как правило, такие предметы, выступая в музейном контексте, обладают крайне высокой степенью экспрессивности, что связано с особенным — сокровенным местом культов в жизни и представлениях любого народа. Иммерсивность в демонстрации таких предметов, зачастую — реликвий, может быть особенно актуальной, так как позволяет раскрыть их. Предметы духовной культуры, чей путь создания и использования неразрывно связан с яркими эмоциями, наиболее органично могут быть представлены именно в «погружающем» пространстве.

В настоящее время одним из самых популярных музейных проектов, связанных с демонстрацией предметов духовной культуры, является передвижная иммерсивная выставка «Сны Сибири», организованная мо-

сковским фондом развития науки и культуры «Таволга». Проект был впервые реализован 27 ноября 2022 г. в Государственном историческом музее и продлился до 30 января 2023 г. (Сны Сибири…, 2022, с. 3). Выставка имела огромный успех, что послужило мотивацией ее появления за Уралом. Следующая выставка прошла в Музее-заповеднике истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (18.05.2024–06.10.2024), далее на двух площадках в Красноярске — в Музейном центре «Площадь мира» и Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова (24.10.2024–27.04/23.02.2025). В ноябре 2025 г. с разницей в две недели открылись выставки в Галерее сибирского искусства (филиал Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева; 14.11.2025–01.03.2026) и в Новосибирском государственном художественном музее (27.11.2025–31.05.2026) (Новости…). Проект планирует дальнейшее развитие.

Главной задачей «Снов Сибири» является представление «творческой модели вселенной, именуемой Сибирью», посредством демонстрации предметов древнего и современного искусства Приуралья, Сибири и Дальнего Востока (Сны Сибири…, 2022, с. 17). Наполнение каждой выставки отличается (Сны Сибири…, 2022, 2024, 2025). Часть экспонатов остается постоянной, часть появляется единожды. Неизменным остается дизайнерское (архитектурное) решение, адаптируемое под разные площадки. Постоянной частью всех экспозиций является музыкальное сопровождение, а также ольфакторный раздел, появившийся впервые на красноярских выставках (Выставка «Сны Сибири»…, 2024).

Предметом исследования данной работы является временная экспозиция «Сны Сибири. На границе леса и степи», действующая в Новосибирске. Соответственно названию, по содержанию выставка отличается преобладанием предметов из лесной и лесостепной зон — от Приуралья до Западной Сибири (В Новосибирске открылся масштабный проект…). Представлены предметы, связанные с шаманизмом, культом предков, охотничье-воинскими культами, погребальной обрядностью.

Нашли свое место артефакты, выполненные в звериных стилях: скифо-сибирском, пермском, западносибирском, а также кулайское культовое литье, в образах которых создатели могли выражать сюжеты своих мифов или придавать им обережное значение (Сны Сибири…, 2025, с. 132). «Звездой» данной выставки, по словам куратора Василия Новикова, является погребальная маска тесинской культуры (Тесинская маска…). Впервые в проекте появляются этнографические предметы, относящиеся к культурам кетов, эвенков и нанайцев.

В ходе реализации выставки используется несколько приемов экспонирования, в совокупности образующих единую композицию. В первую очередь небольшие металлические и деревянные предметы помещаются в остекленные с одной (лицевой) стороны витрины. Высота витрин около 3 м, они заканчиваются близко к потолку. Экспозиционный пояс, за исключением одной витрины, имеет один ярус (ряд), находится на высоте около 1,5 м. Как

правило, витрина вмещает в себя от одного до шести предметов, расположенных вертикально. Все витрины образуют так называемые фальшстены. Такое архитектурное решение в совокупности с односторонним остеклением создает впечатление панорамы.

Особенностью расположения предметов в витринах является высокая степень разреженности, дополненная акцентной подсветкой над каждым экспонатом. Однако между собой световые лучи практически не пересекаются — каждый экспонат выделен в индивидуальное световое поле. Для предметов духовной культуры это очень удачное решение, так как оно усиливает их аттрактивность, экспрессивность и информативность. Таким способом размещено большинство экспонатов: все археологические предметы и три этнографических. Если предмет достаточно большой, как, например, парадная секира ананьинской культурно-исторической общности или тесинская погребальная маска, то он является единственным экспонатом в витрине, что дополнительно подчеркивает его значимость.

Кроме витринного размещения используются также подиумы. Несмотря на реликвийную ценность, на подиуме нашли свое место три этнографических предмета — нанайские зооморфные идолы. Обычно подобные экспонаты размещаются в остекленных витринах, однако в пространстве «Снов Сибири» они помещены на длинный и широкий возвышенный подиум с полукруговым обзором, установлены близко к стене, подчеркнуты направленным светом. Такое расположение визуально приближает экспонаты к зрителю, усиливая эмоциональное воздействие, но не дает возможности прикоснуться к ним или нанести вред.

Касательно цветовой гаммы стоит отметить, что преобладающий цвет в экспозиции — черный. Все витрины и подиумы, как с внешней, так и с внутренней стороны выполнены в черном цвете. Световое решение характеризуется общей приглушенностью и затемненностью, что в совокупности с акцентной подсветкой направляет все зрительское внимание на экспонаты.

Интерактивное взаимодействие с предметами обеспечивается двумя средствами — тактильными копиями и сенсорной проекцией. Тактильные копии представлены в двух вариантах. В первом случае это столы, расположенные, как правило, между витрин. На таком столе размещается полноразмерная полимерная копия и увеличенная в несколько раз копия, чтобы посетитель мог ощутить все особенности конструкции и орнаментики подлинных артефактов. Кроме того, на столе расположена объемная этикетка с основной информацией о предмете, написанная шрифтом Брайля. Второй вариант тактильных копий представлен в одном из залов в виде дерева с вбитыми в него копиями зооморфных и антропоморфных пластин. Сенсорная проекция позволяет прикоснуться к цифровым копиям «оживающих» предметов, что усиливает эмоциональное воздействие всей экспозиционной композиции.

Помимо приемов, работающих непосредственно с предметами, в «Снах Сибири» нашли свое место техники, направленные на «оживление» про-

странства. Как уже упоминалось, во всех выставках проекта есть аудиосопровождение. Новосибирский вариант не стал исключением. В столах с тактильными копиями для посетителей размещен стационарный аудиогид с наушниками, в котором транслируется информация о представленном предмете. Все залы экспозиции содержат музыку, специально написанную для проекта композитором Леонидом Шешениным. Композиции вдохновлены мифами и религиозными представлениями народов Сибири, содержат мотивы шаманских камланий, удары в бубен, горловое пение (Альбом «Сны Сибири»…, 2023).

Финальной точкой выставки является ольфакторный раздел, где представлены четыре авторских аромата, созданных специально для проекта Анной Кабировой. Стоит сказать, что для каждой выставки ароматы разрабатываются отдельно, в зависимости от ее предметного содержания. Запахи в данной экспозиции призваны завершить путешествие в мир материально выраженной сибирской мифологии и истории. Они не столько являются частью окружающего пространства, сколько выступают в роли экспонатов, создание которых связано с тематикой выставки.

Все перечисленные приемы обобщенно составляют погружающее пространство, в котором все внимание уделяется экспонатам, как на визуальном, так и на информационном уровне. Низкая освещенность в контрасте с акцентной подсветкой создает ощущения таинственности. Темный фон в случае такого освещения наименее всего напрягает глаза, что делает посещение выставки комфортным. Атмосферу мягко дополняет музыка, воспроизводимая на средней громкости. Аудиогид, сопровождающий тактильные копии и транслирующийся посредством наушников, позволяет посетителю войти в своеобразный диалог с предметом и прожить чувственный опыт взаимодействия. Ароматы с грамотно подобранным составом, являясь последней точкой погружения, оставляют прочно закрепляющиеся ассоциации, повышают значимость и эмоциональность пережитого в экспозиции опыта. Предметы духовной культуры, особенно наполненные мифо-религиозным содержанием, в такой атмосфере продолжают оставаться сакральными, смотрятся органично и наиболее удачно воспринимаются посетителем.

В настоящее время демонстрация предметов духовной культуры в отечественных музеях зачастую характеризуется размещением большого количества экспонатов в достаточно маленьком пространстве. Это касается как постоянных, так и временных экспозиций. Музеи хотят показать большую коллекцию, однако при таком подходе в случае рассматриваемых предметов, где каждый является уникальным, это может уменьшать их музейные свойства. Посетители могут перегружаться и плохо воспринимать информацию, которую несет каждый предмет.

Почти пятилетний опыт «Снов Сибири» показывает успешность проекта. Выставки имеют большую посещаемость и восторженные отзывы, могут продлеваться, несмотря на установленные рамки и сложность в монтаже, появляются в новых городах. Приемы, используемые организаторами выставок

проекта, нельзя назвать новыми, однако в таком сочетании они все еще считаются неожиданными, смелыми, новаторскими. Все это позволяет сделать вывод о большом потенциале сочетания таких иммерсивных приемов для демонстрации предметов духовной культуры. Такие техники в перспективе могут применяться в других проектах как выставок, так и постоянных экспозиций.

Список источников

Альбом «Сны Сибири». Леонид Шешенин. 2023 // Яндекс.Музыка. URL: https://music.yandex.ru/album/28734866

В Новосибирске открылся масштабный проект «Сны Сибири» // Фонд развития науки и культуры «Таволга». URL: https://fondtavolga.ru/portfolio/v-novosibirske-otkrylsya-masshtabnyj-proekt-sny-sibiri/

Выставка «Сны Сибири» открылась в Красноярске. 2024 // Фонд развития науки и культуры «Таволга». URL: https://fondtavolga.ru/portfolio/vystavka-sny-sibiri-otkrylas-v-krasnoyarske/

Егорова Ю.В. Особенности экспонирования предметов духовной культуры в музеях г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 319–324.

Золотухина А.Е. Иммерсивность в дизайнерских решениях в музеях различного профиля // Комплексное изучение историко-культурного наследия центральной Азии. Барнаул, 2025. С. 308–309.

Малеев В.С. Запах и вкус в контексте создания музейных экспозиций нового типа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. №5 (91). С. 74–82.

Махлина С.Т. Иммерсивность в современной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. №3 (52). С. 69–79.

Новости // Фонд развития науки и культуры «Таволга». URL: https://fondtavolga.ru/news/

Сны Сибири. Вторая книга: Сибирь и Дальний Восток в археологии и современном искусстве. М., 2024. 472 с.

Сны Сибири. На границе леса и степи. Сибирь в археологии и современном искусстве. Альбом-путеводитель по выставке. М., 2025. 272 с.

Сны Сибири: Сибирь и Дальний Восток в археологии и современном искусстве. М., 2022. 288 с.

Тесинская маска // Телеграм-канал «Современная Археология». URL: https://t.me/archeoprivate/3144

Информация об авторе / Information about the Author

Юлия Валентиновна Егорова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, yuliya_v.egorova@mail.ru

Yuliya V. Egorova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61, yuliya_v.egorova@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026

The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2(571.15)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.51
EDN: NSUAKY

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ДРЕВНЯЯ КОЛЫБЕЛЬ АЛТАЯ. СОХРАНЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА», ПОДДЕРЖАННОГО ФОНДОМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Ирина Александровна Жерносенко[1], Лариса Владимировна Шокорова[2], Данил Иванович Мамыев[3], Алексей Алексеевич Тишкин[4]
[1]Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия
[2]Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
[3]Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати», Республика Алтай, Россия
[4]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В ходе реализации проекта «Древняя колыбель Алтая. Сохранение уникального археолого-этнографического комплекса», поддержанного в 2022 г. Фондом Президентских грантов, удалось лишь частично выполнить намеченную обширную программу, направленную на решение отдельных проблем региона, а также на развитие территории, имеющей историческое, культовое и культурное значение. План работ и некоторые полученные результаты найдут отражение в данной статье, что может способствовать организации аналогичной деятельности в других субъектах России при понимании ее значимости. Намеченный проект стал выполняться в Онгудайском районе Республики Алтай на территории Каракольской долины, где в 2021 г. были проведены небольшие раскопки в аварийной зоне древнего поселения Нижняя Соору. Сохранение этого разрушаемого памятника периода энеолита, создание музея под открытым небом и популяризация историко-культурного наследия являлись главными задачами. Для их реализации осуществлялся ряд других мероприятий.

Ключевые слова: Алтай, проект, анкетирование, археолого-этнографический комплекс, музей под открытым небом

Благодарности: авторы статьи выражают признательность всем, кто принял участие в выполнении проекта, а также в определенной мере способствовал его реализации.

Для цитирований: Жерносенко И.А., Шокорова Л.В., Мамыев Д.И., Тишкин А.А. Некоторые результаты реализации проекта «Древняя колыбель Алтая. Сохранение уникального археолого-этнографического комплекса», поддержанного Фондом Президентских грантов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 352–359. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.51

SOME RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROJECT “ANCIENT CRADLE OF ALTAI. PRESERVATION OF A UNIQUE ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC COMPLEX,” SUPPORTED BY THE PRESIDENTIAL GRANTS FOUNDATION

Irina A. Zhernosenko[1], Larisa V. Shokorova[2], Danil I. Mamyev[3], Alexey A. Tishkin[4]
[1]Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia
[2]Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia
[3]Ethnocultural Scientific and Educational Center "AruSvati," Altai Republic, Russia
[4]Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The "Ancient Cradle of Altai: Preservation of a Unique Archaeological and Ethnographic Complex" project, supported by the Presidential Grants Fund in 2022, only partially completed the planned, extensive program aimed at addressing specific regional issues and developing an area of historical, religious, and cultural significance. The work plan and some of the results will be reflected in this article, which may facilitate the organization of similar activities in other regions of Russia, once their significance is recognized. The planned project began in the Ongudaisky District of the Altai Republic, within the Karakol Valley, where small excavations were conducted in 2021 in the damaged area of the ancient settlement of Nizhnyaya Sooru. The primary objectives were to preserve this crumbling Eneolithic monument, create an open-air museum, and promote its historical and cultural heritage. A number of other activities were also implemented to implement these objectives.

Keywords: Altai, project, survey, archaeological and ethnographic complex, open-air museum

Acknowledgments: the authors express their gratitude to everyone who participated in the project's execution and, to some extent, contributed to its implementation.

For citation: Zhernosenko I.A., Shokorova L.V., Mamyev D.I., Tishkin A.A. Some Results of the Implementation of the Project "Ancient Cradle of Altai. Preservation of a Unique Archaeological and Ethnographic Complex," Supported by the Presidential Grants Foundation. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:352–359. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.51

Проект «Древняя колыбель Алтая. Сохранение уникального археолого-этнографического комплекса» получил поддержку Фонда Президентских грантов в 2022 г. по направлению «Сохранение исторической памяти». Его организаторами стали «Ассоциация культуротворческих школ Алтая» и этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати». Партнерами выступили сотрудники кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (далее — АлтГУ), а также кафедры дизайна и архитектуры Алтайского государственного института культуры.

Проект был направлен на решение следующих социально-культурных проблем:

— популяризация региональной истории и культуры среди молодежи региона «Алтай», включающего в себя два субъекта Российской Федерации: Республику Алтай и Алтайский край;

— привлечение внимания общественности к проблеме сохранения историко-культурного наследия Алтая;

— оказание помощи научному сообществу Алтая в процессе исследования и музеефикации уникального археолого-этнографического комплекса;

— вовлечение местного сообщества в деятельность по сохранению объектов культурного наследия.

В Центральном Алтае в священной для коренного населения Каракольской долине (Онгудайский район) находится урочище Нижняя Соору. Там расположен уникальный комплекс многочисленных археологических памятников, включающий палеолитическую стоянку мустьерского периода (ок. 70 тыс. л.н.), погребения, ритуальные конструкции и поселение афанасьевской историко-культурной общности (конец IV — 1-я треть III тыс. до н.э.), крупные каменные курганы пазырыкской культуры (2-я половина VI — III в. до н.э.), тюркские захоронения и много оградок с балбалами, а также сооружения других периодов истории. Несмотря на то что исследования ранее проводились лишь на небольшой части указанных объектов, полученный информационный потенциал позволяет наполнить конкретным содержанием экскурсионно-просветительскую деятельность. Одним из важнейших периодов древней истории является время существования населения афанасьевской общности, когда на территории Алтая оседлые скотоводы-мигранты создали свою систему хозяйствования и оригинальную культуру. Изучение указанного исторического феномена ведется в основном на результатах раскопок курганных погребений, обнаруженных на территории Алтая, Хакасии, Тувы, Западной Монголии, Синьцзяна и Юго-Восточного Казахстана. Но слабо исследованы поселения «афанасьевцев». Поэтому обнаруженные в урочище Нижняя Соору остатки места их проживания с большим числом артефактов и остеологическими материалами имеют существенную научную ценность (Tishkin, Hermes, Grushin, 2021). Проведенные в 2021 г. раскопки экспедицией под руководством д-ра ист. наук, профессора кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ С.П. Грушина, подтвердили уникальность и историческую значимость данного объекта (Грушин, Гермес, Тишкин, 2022).

На момент подачи заявки на грант с особой остротой стоял вопрос о том, что указанный древний памятник находится в аварийном состоянии из-за постоянно расширяющегося оврага во время сезонных паводков и других сточных вод. Данное обстоятельство обозначало не только необходимость предотвращения разрушений, но и создание музеефицированной площадки с дальнейшим археологическим изучением аварийной части поселения. Богатая панорама историко-культурных объектов урочища (от каменного века до этнографической современности) имеет высокий туристско-экскурсионный потенциал.

В 2022 г. реализовывался первый этап проекта, в ходе которого необходимо было провести работы по укреплению оврага для консервации памятника с привлечением волонтеров; разработать дизайн-проект музейного комплекса под открытым небом; реализовать образовательно-просветительную программу для местных жителей, разъясняющую значимость уникального памятника в историко-культурном наследии региона и Евразии в целом; для молодежи Алтайского региона и ряда российских вузов провести просветительский онлайн-марафон по тематике проекта. Проводилась широкая информационная кампания по освещению хода проекта и популяризации историко-культурного наследия Алтая в социальных сетях и на сайтах.

Вторым этапом проекта должны стать следующие мероприятия: обустройство подъездных путей к урочищу Нижняя Соору ввиду отсутствия нормальной дороги в пойме ближайшей реки; строительство просветительно-рекреационной площадки рядом с памятником, включающей в себя информационные стенды, амфитеатр для слушателей, аил с инсталляцией быта «афанасьевцев», ограждение территории комплекса, зону парковки, благоустройство троп и т.п.; разработка экскурсионной программы и проведение в летний период экскурсий по урочищу Нижняя Соору; проведение серии мастер-классов по изготовлению сувенирной продукции с привлечением студентов-дизайнеров.

Третий этап предполагал создание стеклянно-металлической конструкции «саркофага», закрывающей место раскопа и реконструкцию очага афанасьевского поселения; осуществление процедуры музеефикации памятника; проведение дальнейших археологических раскопок в урочище; получение статуса филиала Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина.

В результате реализации проекта планировалось, что будет создан уникальный и востребованный туристский объект, а также реализована просветительская кампания в интернете с целью привлечения внимания общественности к уникальному историко-культурному наследию Алтая.

Несмотря на то что указанная территория Каракольской долины имеет региональный статус особо охраняемой природной территории, часть туристов самостоятельно посещает сакральные и историко-культурные объекты территории, не понимая их значения как в историко-культурном контексте, так и в плане этнографической идентичности. Это вызывает нарекания со стороны местных жителей на непочтительное, а иногда и оскверняющее поведение туристов. Еще одна проблема — недостаточное понимание местным населением значения проведения научных исследований на сакральной территории, в том числе аварийных раскопок, что нередко воспринимается негативно. Все это и другие моменты требовали масштабной просветительской работы.

В отличие от старшего поколения, местная молодежь мало знает о непреходящей историко-культурной ценности сакральных и археологических объектов в Каракольской долине, она не мотивирована к их почитанию и сохранению — все это ведет к утрате культурной идентичности. Труднодоступность и необустроенность подъездных путей к некоторым важным объектам историко-культурного наследия Алтая, а также отсутствие современных дизайнерских решений их музеефикации на отдаленных от столицы региона территориях Республики Алтай, включающих в себя автохтонные аспекты, создает широкое поле для инновационных решений и творческих проектов.

В ходе реализации первого этапа проекта получены следующие основные результаты:

— проведена просветительская встреча с жителями Каракольской долины, вместо четырех сходов, запрещенных главой Онгудайского района;

— организовано анкетирование в электронном и печатном форматах (вместе с членами семей опрошенных респондентов охвачено 2024 жителя Каракольской долины и прилегающих к ней трех сел) (рис. 1.-*1*);

Рис. 1. Выполнение работ по проекту: 1 — анкетирование местных жителей; 2 — сессия онлайн-марафона; 3 — площадь раскопа на поселении Нижняя Соору; 4 — часть реализованных аварийно-спасательных работ при укреплении культурного слоя памятника

Fig. 1. Project Work Execution: 1 — surveying local residents; 2 — online marathon session; 3 –excavation area at the Nizhnyaya Sooru settlement; 4 — part of the implemented emergency rescue operations for strengthening the cultural layer of the site

— осуществлено согласование границ объекта землеустройства с заинтересованными сторонами;

— выполнен эскизный проект дорожной переправы и составлен полный пакет документов для его реализации;

— проведен Всероссийский творческий конкурс «Образ Алтая в национальных культурах» (в форматах онлайн и оффлайн), получено 1026 конкурсных работ от 916 участников четырех возрастных групп в четырех номинациях (декоративно-прикладное искусство; графический дизайн; изобразительное искусство; средовой дизайн);

— состоялись четыре сессии онлайн-марафона со студентами 12 высших и средних специальных учреждений, в которых всего приняли участие 775 человек из Российской Федерации и Республики Беларусь; спикерами выступили авторы публикации (рис. 1.-*2*);

— проведены аварийно-спасательные работы по укреплению памятника (рис. 1.-*3, 4*), осуществлена тахеометрическая съемка части урочища, составлена геодезическая карта участка и топографический план местности с границами памятника.

Важным результатом стал разработанный дизайн-проект музейного комплекса под открытым небом (рис. 2) с составленным полным пакетом документов для его реализации.

Дизайн-проект музейного комплекса под открытым небом включает в себя:

— стеклянно-металлическую конструкцию «саркофага», закрывающую место раскопа и реконструкцию очага афанасьевского поселения;

— обзорную площадку вокруг саркофага;

— аил с инсталляцией быта «афанасьевцев»;

— информационные стенды и указатели для посетителей, благоустройство троп для обзора памятника;

— ограждение территории комплекса;

— амфитеатр для слушателей, зону парковки, фотозону, зону отдыха.

Полностью реализовать кратко представленный проект не удалось из-за организованного противодействия со стороны небольшой части местных жителей. Однако опыт такой деятельности будет полезен для других территорий и археолого-этнографических комплексов. Стоит надеяться, что он может быть реализован в Алтайском крае.

Список источников

Грушин С.П., Гермес Т., Тишкин А.А. Стратиграфия поселение Нижняя Соору (Центральный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 198–205.

Tishkin A.A., Hermes T., Grushin S.P. Nizhnyaya Sooru Settlement in Central Altai: Some Outcomes of the Study and Prospects for Further Research. Theory and Practice of Archaeological Research. 2021;33(3): 125–141 (In English). DOI: 10.14258/tpai(2021)33(3).-08

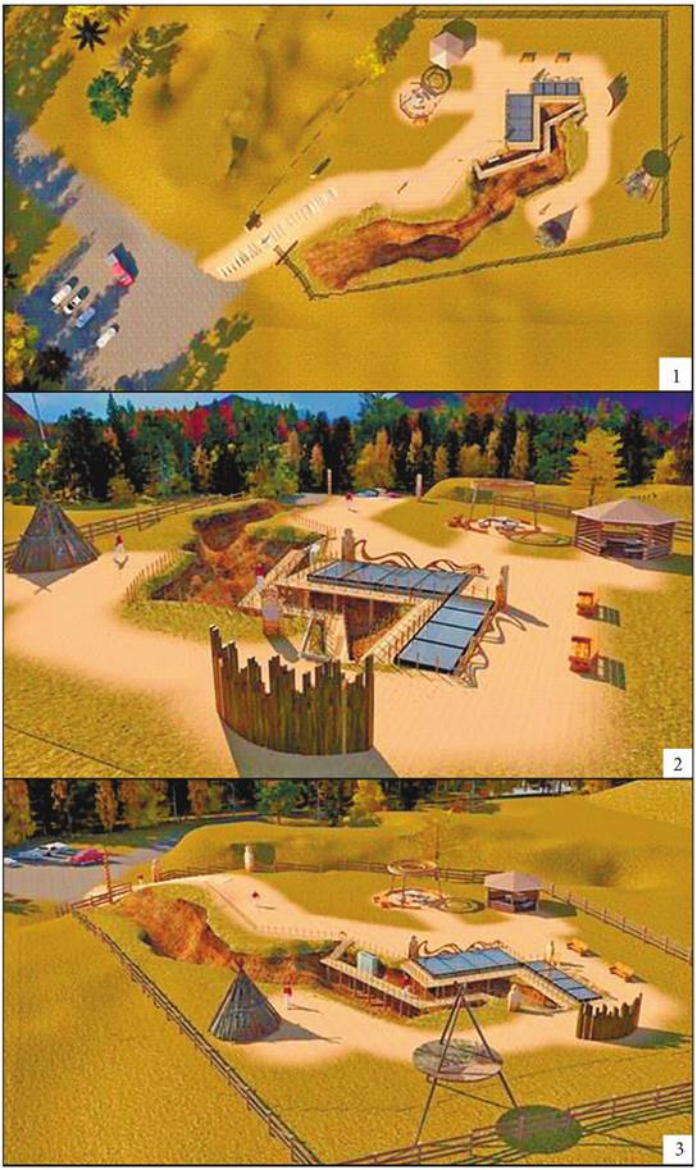

Рис. 2. Дизайн-проект музейного комплекса под открытым небом: 1 — вид сверху; 2 — центральная часть, вид с севера; 3 — общий вид
Fig. 2. Design project for an open-air museum complex: 1 — top view; 2 — central part, north view; 3 — overall view

Информация об авторах / Information about the Authors

Ирина Александровна Жерносенко, Алтайский государственный институт культуры, кафедра музеологии и туризма, заведующий кафедрой; 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, доктор философских наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-8571-6205, irina.jernosenko@gmail.com

Irina A. Zhernosenko, Altai State Institute of Culture, Department of Museology and Tourism, Head of Department; 277 Yurina St., Barnaul, 656055, Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-8571-6205, irina.jernosenko@gmail.com

Лариса Владимировна Шокорова, Алтайский государственный педагогический университет, заведующий кафедрой визуальных искусств и медиатехнологий; 656031 г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, доктор педагогических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-2883-1944, larazmei@mail.ru

Larisa V. Shokorova, Altai State Pedagogical University, Department of Visual Arts and Media Technologies, Head of Department; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya St., 55, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-2883-1944, larazmei@mail.ru

Данил Иванович Мамыев, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати», директор; 649440, Республика Алтай, с. Онгудай, ул. Ленина, 39/2, danil-mamyev@yandex.ru

Danil I. Mamyev, Ethnocultural Scientific and Educational Center "AruSvati", Director; 649440, Altai Republic, p. Ongudai, Lenina St., 39/2, danil-mamyev@yandex.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7769-136X, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.22(571.17):069.02:908
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.52
EDN: NZNJGQ

КОЛЛЕКЦИЯ ДЛИННОКЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ ПРОКОПЬЕВСКОГО ГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Андрей Михайлович Илюшин[1], Иван Андреевич Плац[2]
[1]Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия
[2]Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

Резюме. Публикуются и исследуются палаши и сабли из раскопок средневековых курганов 1950–1960-х гг. на комплексе археологических памятников близ с. Ур-Бедари в Кузнецкой котловине. Исключение представляет палаш с кольцевым завершением

на рукояти и скошенным тупым острием. Находки были подвергнуты частичной реставрации, измерениям, описанию, типологической классификации и сравнительному типолого-хронологическому анализу. В ходе работы были выявлены проблемы с привязкой исследуемых предметов вооружения к конкретным погребальным комплексам. Среди сабель преобладают слабоизогнутые, с подтреугольным однолезвийным клинком и обоюдоострым линзовидным окончанием, имеющие крестообразные перекрестия. По аналогиям артефакты были датированы развитым средневековьем и отнесены к шандинской археологической культуре кочевников Восточного Дешт-и-Кыпчак.

Ключевые слова: средневековье, сабли, палаши, Кузнецкая котловина, шандинская археологическая культура

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-20107, https://rscf.ru/project/25-28-20107/ и Кемеровской области — Кузбасса (соглашение №06/2025 от 10.04.2025). Выражаем благодарность сотрудникам Прокопьевского городского краеведческого музея за помощь при работе с археологической коллекцией.

Для цитирований: Илюшин А.М., Плац И.А. Коллекция длинноклинкового оружия из Прокопьевского городского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 359–367. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.52

COLLECTION OF LONG-BLADED WEAPONS FROM THE PROKOPYEVSKY CITY MUSEUM OF LOCAL LORE

Andrey M. Ilyushin[1], Ivan A. Plats[2]

[1]Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia
[2]Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia

Abstract. The article publishes and studies broadswords and sabers from the excavations of medieval burial mounds in the 1950[s] and 1960[s] at the complex of archaeological sites near the village of Ur-Bedari in the Kuznetsk Basin. An exception is a broadsword with a ring-shaped handle and a blunt, angled tip. The findings were partially restored, measured, described, typologically classified, and subjected to comparative typological and chronological analysis. During the work, problems were identified with linking the studied weapons to specific burial complexes. Among the sabers, there are predominantly slightly curved blades with a sub-triangular single-edged blade and a double-edged lens-shaped tip with cross-shaped crossings. Based on analogies, the artifacts were dated to the developed Middle Ages and attributed to the Shandinsky archaeological culture of the nomads of the Eastern Desht-i-Kipchak.

Keywords: Middle Ages, sabers, broadswords, Kuznetsk Basin, Shandinskaya archaeological culture

Acknowledgments: the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-20107, https://rscf.ru/project/25-28-20107/, and the Kemerovo Region-Kuzbass (agreement N06/2025 dated April 10, 2025). I would like to express my gratitude to the staff of the Prokopyevsk City Museum of Local Lore for their assistance in working with the archaeological collection.

For citation: Ilyushin A.M., Plats I.A. Collection of Long-Bladed Weapons from the Prokopyevsky City Museum of Local Lore. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:359–367. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.52

При проведении научных исследований по гранту «Вооружение и военное дело в эпоху средневековья у населения Кузнецкой котловины» в 2025 и 2026 гг. нами была изучена коллекция предметов вооружения из раскопок археологической экспедиции Прокопьевского и Гурьевского городского краеведческого музея в Урском археологическом микрорайоне в 1950–1960-х гг. под руководством М.Г. Елькина. Исследовались материалы, выставленные в экспозиции (Илюшин, 2025) и хранящиеся в фондах Прокопьевского городского краеведческого музея. Долгий период хранения археологической коллекции в фондах музея наложил свой отпечаток на степень сохранности предметов, а также внес весомую путаницу в их идентификацию с конкретными объектами раскопок. Однако коллекция средневековых археологических предметов, среди которых вооружение составляет весомую часть, является одной из самых крупных в Кемеровской области и представляет собой ценный вещественный источник по средневековой истории региона. Цель публикации — ввести в широкий научный оборот исследованную в музее коллекцию археологических предметов длинноклинкового оружия, внешний вид которых удалось восстановить (рис.-*1*–*7*). Для этого приводится описание археологических предметов, осуществляется их типологическая классификация и типолого-хронологический анализ.

Приводим описание исследованных предметов вооружения.

Железная сабля с остатками деревянной рукояти и портупеи (рис.-*1*). Длина изделия 89,3 см. Из них рукоять — 10 см и клинок — 79,3 см. Железное перекрестье (размеры 9,9×2,8×3,6 см) сохранилось полностью. Обращает на себя внимание разная высота перекрестья по отношению к лезвию. Правая сторона достигает высоты 2,8 см, а левая — 2,2 см. Можно предположить, что перекрестье в период использования подвергалось ремонту. Длина клинка составляет 79,3 см. В 19 см от окончания фиксируется изгиб клинка в сторону спинки, а в 15 см от острия клинок имеет двустороннее линзовидное заострение. Ширина клинка у основания рукояти составляла порядка 4,1 см. Детали крепления портупеи на сабле сохранились в виде железных окислившихся наростов: три со стороны спинки в нижней части изделия и один со стороны лезвия в верхней части.

Железная сабля с остатками деревянной портупеи, железными деталями крепления и фрагментом перекрестья (рис.-*2*). Длина изделия 90,8 см. От перекрестья сохранилась его четвертина, которая позволяет обозначить его форму и приблизительные размеры 6,7×2,2×3,1 см. Рукоять сабли была отломана, но ее останец длиной 2,3 см был под углом направлен в сторону лезвия клинка. Длина клинка составляет 88,5 см. В 16 см от окончания острия клинок имеет двустороннее линзовидное заострение, а в 8,5 см лезвие клинка начинает плавный изгиб в сторону спинки. Ширина клинка у основания рукояти составляла порядка 4,4 см. На остатках деревянной портупеи в верхней части в 9 см ниже перекрестья была зафиксирована железная умбоновидная бляха овальной формы 5,1×5,5 см и высотой 1,2 см. Она закреплялась на портупее при помощи железного штыря, который имелся у нее с внутренней сто-

роны. Вероятно, наряду с декоративной функцией она выполняла функцию крепления ремней для ношения оружия. В 15,6 см ниже на спинке сабли фиксируется железная пластина 2,8×3,7 см от крепления сабли.

Железная сабля представлена четырьмя большими фрагментами, которые образуют единое изделие длиной 88 см (рис.-*3*). Рукоять сабли на момент ее обнаружения была отломана, но ее останец длиной 3,6 см был под углом направлен в сторону лезвия клинка. Железное перекрестье (приблизительные размеры 10,4×3,1×4,3 см) сохранилось не полностью, часть этой детали, обращенная к спинке клинка, отсутствовала. Длина клинка составляет 84,4 см. В 18 см от окончания клинок имеет двустороннее линзовидное заострение. Ширина клинка у основания рукояти составляла порядка 5,4 см. Детали портупеи на сабли отсутствовали.

Железный палаш представлен двумя большими фрагментами, которые образуют единое изделие длиной 76,2 см (рис.-*4*). Перекрестье отсутствует. Прямая рукоять палаша (длина 12,2 см, ширина 2,7 см, толщина 0,55 см) располагается по центру основания клинка, образуя слегка наклонные «плечики» с двух сторон по 0,5 см и 0,6 см. В верхней части рукояти ее перпендикулярно пронизывает железный штырь для крепления облицовки. Длина клинка составляет 64 см. В 7,3 см от окончания острия клинок имеет двустороннее линзовидное заострение. Ширина клинка у основания рукояти составляла порядка 3,8 см. Детали портупеи на палаше отсутствовали.

В экспозиции музея выставлен железный палаш, происхождение которого не известно (рис.-*5*). В инвентарных книгах он не значится. Длина изделия 75,3 см. Из них клинок составляет 59,3 см, плавные наклонные плечики (высота до 1,1 см), рукоять (длина 10,8 см), переходящая в навершие овальной формы (4,1×4,7 см), выполненное из железного прута с ромбическим сечением. Верхняя часть рукояти 13,2 см приварена и прокована к ее основанию. Ширина клинка у основания составляет 3,2 см, а у окончания — 2,2 см. Окончание клинка тупое, с наклоном со стороны лезвия к спинке высотой 1,6 см. Следы перекрестья и портупеи на изделии отсутствуют. Степень сохранности палаша отличная. Имеются лишь незначительные следы ржавчины.

Железная сабля представлена шестью фрагментами, которые образуют единое изделие длиной 92 см (рис.-*6*). На прямой рукояти сабли (приблизительные размеры: длина 8,2 см, ширина 2,7 см, толщина 1,6 см) сохранились остатки деревянной обкладки. Железное перекрестье (приблизительные размеры 8,2×2,7×3,9 см) сохранилось не полностью, часть этой детали, обращенная к спинке клинка, отсутствовала. Длина клинка составляет 82,2 см. Ширина клинка у основания рукояти порядка 4,2 см, а ниже в 10 см в самом широком месте — 4,7 см. Окончание клинка равномерно зауживается со стороны лезвия и спинки. На клинке сабли фрагментарно сохранились остатки дерева и бересты от портупеи. Можно отметить, что клинок имеет незначительные изгибы, что характерно для ранних слабоизогнутых сабель.

Железная сабля длиной 79,3 см с остатками портупеи из дерева и бересты, железными деталями крепления и перекрестьем (рис.-*7*). Размеры пере-

крестья 8,6×2,4×2,6 см. Черенок рукояти сабли в верхней части отломан, но его остаток длиной 5,6 см был под углом направлен в сторону лезвия клинка. Длина слабоизогнутого однолезвийного клинка составляет 73,6 см, а его ширина у основания рукояти — 3,9 см. Он плавно изгибается в центральной части в сторону лезвия, а в 5,6 см от окончания острия раскован на два лезвия. На остатках комбинированной деревянно-берестяной портупеи в верхней части в 0,8 см ниже перекрестья располагалась железная обойма 4,3×0,9 см, которая придавала жесткость портупее и одновременно использовалась для крепления сабли к ремню. В 24,1 см ниже на спинке сабли располагалось второе крепление для ремней в виде железной металлической пластины 2,8×2,4 см. В центре этой пластины находилась сферическая заклепка диаметром 1,1 см, от которой отходила железная крепежная пластина размерами 1,1×0,6 см.

При классификации коллекции предметов длинноклинкового оружия из Прокопьевского городского краеведческого музея использовался опыт подобных исследований по материалам из Кузнецкой котловины и сопредельных территорий (Горбунов, 2006, с. 57–74; Соловьев, 1987, с. 65–82; Сулейменов, Илюшин, 2020, с. 169–175; 2021, с. 218–226; Худяков, 1980, с. 27–50; 1986, с. 190–195; 1997; и др.). Исследуемые предметы коллекции по материалу изготовления относятся к одному отделу — железные, а по форме клинка и черенка к двум группам — прямые (палаши) и слабоизогнутые (сабли). Внутри этих групп выделяются разнообразные типы: по сечению клинка; по наличию перекрестия и его форме, а при его отсутствии — по наличию или отсутствию плечиков между клинком и черенком; по форме окончания клинка.

Группа 1. Палаши. Отличительной чертой является прямая спинка и черенок рукояти. Насчитывает 2 экз. (рис.-*4, 5*).

По сечению клинка относятся к двум типам.

Тип 1. С удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком. Насчитывает 1 экз. (рис.-*5*).

Тип 2. С удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком и обоюдоострым линзовидным окончанием. Насчитывает 1 экз. (рис.-*4*).

По наличию или отсутствию плечиков между клинком и черенком выделяется один тип.

Тип 1. С прямой рукоятью, отделенной от спинки и лезвия клинка заплечиками. Насчитывает 1 экз. (рис.-*4*).

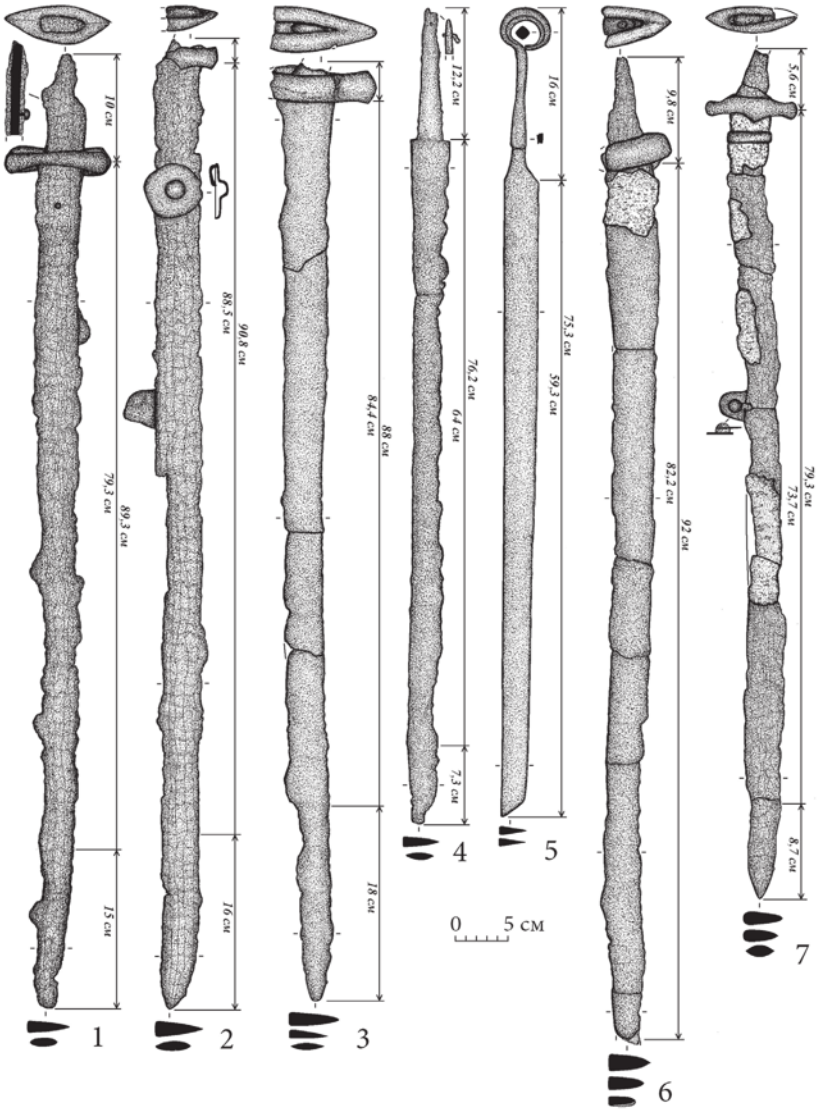
Тип 2. С прямой рукоятью, завершающейся овальным навершием, отделенной от спинки и лезвия клинка заплечиками. Насчитывает 1 экз. (рис.-*5*).

По форме окончания клинка выделяются два типа.

Тип 1. Односторонне изогнутый, обоюдоострый. Насчитывает 1 экз. (рис.-*4*).

Тип. 2. Односторонне скошенный, с тупым острием. Насчитывает 1 экз. (рис.-*5*).

Группа 2. Сабли слабоизогнутые. Отличительной чертой является изгиб клинка в пределах 0,5–1,2 см и черенка рукояти в сторону лезвия. Насчитывает 5 экз. (рис.-*1–3, 6, 7*).

Коллекция длинноклинкового оружия из фондов Прокопьевского городского краеведческого музея: 1–3, 6, 7 — сабли; 4, 5 — палаши (1, 2 — железо, дерево; 3–5 — железо; 6, 7 — железо, дерево, береста)
Collection of long-bladed weapons from the funds of the Prokopyevsk City Museum of Local Lore: 1–3, 6, 7 — sabers; 4, 5 — broadswords (1, 2 — iron, wood; 3–5 — iron; 6, 7 — iron, wood, birch bark)

По сечению клинка относятся к двум типам.

Тип 1. С удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком. Насчитывает 1 экз. (рис.-*6*).

Тип 2. С удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком и обоюдоострым линзовидным окончанием. Насчитывает 4 экз. (рис.-*1–3, 7*).

По наличию перекрестия и его форме выделяется два типа.

Тип 1. С крестообразным перекрестием, в разном исполнении. Насчитывает 4 экз. (рис.-*1–3, 7*).

Тип 2. С брусковидным перекрестием. Насчитывает 1 экз. (рис.-*6*).

По форме окончания клинка выделяется один тип.

Тип 1. Симметричным, в разном исполнении. Насчитывает 5 экз. (рис.-*1–3, 6, 7*).

Палаш с удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком и обоюдоострым линзовидным окончанием, прямой рукоятью, отделенной от спинки и лезвия клинка заплечиками, с односторонне изогнутым окончанием (рис.-*4*). Подобные изделия на территории Кузнецкой котловины известны в единичных случаях со 2-й половины VIII в. до XII в. (Сулейменов, Илюшин, 2021, с. 219, рис.-4, 5, 8). На сопредельной территории Новосибирского Приобья они известны в XI–XII вв., а в Минусинской котловине с IX по XIV вв. (Адамов, 2000, с. 43, рис. 34.-13; Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 39; Худяков, 1980, с. 36, табл. V.-2; 1997, с. 16, рис. 6.-7).

Палаш с удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком, прямой рукоятью, завершающейся овальным навершием с заплечиками и с односторонне скошенным тупым острием (рис.-*5*). Не имеет отношение к ур-бедаринским курганам. Можно высказать предположение, что это изделие является выставочным макетом известных находок палашей из Парабельской и Елыкаевской коллекции (Могильников, 1968, рис. 2; Соловьев, 1987, рис. 12; 13; 14; 15), выполненным современными кузнецами по заказу музея. В то же время не исключено, что это может быть случайная находка, которую можно датировать поздним средневековьем (Илюшин, 2005а, с. 154).

По набору типологических признаков слабоизогнутые сабли с удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком и обоюдоострым линзовидным окончанием, крестообразным перекрестьем и симметричным окончанием клинка (рис.-*1–3, 7*) имеют аналогии в Кузнецкой котловине на погребальных памятниках XI–XII вв. Октябрьский и Шанда (Илюшин, 1993, с. 39, рис. 29.-1; Сулейменов, Илюшин, 2020, с. 174, рис. 2.-9; 2021, с. 221, рис. 2.-25, 26). Аналогичные сабли известны в IX–XII вв. у кыргызов Минусинской котловины и на Алтае в IX–XII вв. (Худяков, 1980, табл. 3; Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61.-6; рис. 62).

Слабоизогнутая сабля с удлиненно-подтреугольным однолезвийным клинком, брусковидным перекрестием и симметричным окончанием клинка (рис.-*6*) имеет на территории Кузнецкой котловины широкий круг аналогий на погребальных памятниках XI–XIII вв. (Сулейменов, Илюшин, 2021, с. 221; и др.). На сопредельных территориях в Минусинской котловине и на Алтае

аналогичные изделия известны в XI–XII вв. и VIII–XI вв. (Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 34.-1; Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61.-5; и др.).

Исследование показало, что шесть предметов вооружения (1 палаш и 5 сабель) происходят из ур-бедаринских курганов, датированных в пределах XI–XIII вв., которые отождествляются с шандинской археологической культурой, басандайской этнокультурной общностью Восточного Дешт-и-Кыпчак (Илюшин, 1998, с. 91–94; 2005, с. 120–124; 2011, с. 130–132; и др.) и представляют собой ценный источник для исследования истории военного дела средневекового населения Кузнецкой котловины.

Список источников

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. 272 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 91–94.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Елыкаевский клад (о датировке и его интерпретации) // Актуальные вопросы социогуманитарного знания. Кемерово, 2005а. С. 151–160.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 130–132.

Илюшин А.М. Коллекция средневековых предметов дистанционного боя из экспозиции Прокопьевского городского краеведческого музея // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2025. Вып. 20. Барнаул, 2025. С. 262–267. https:// DOI 10.37386/2687-0584-2025-20-262-267

Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. №1. С. 263–268.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. 193 с.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Коллекция сабель из фондов Гурьевского городского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 169–175.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Длинноклинковое оружие из средневековых погребений Кузнецкой котловины // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 218–226. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.218-226

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, профессор; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, доктор исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-9937-646X, ilushin1963@mail.ru

Andrey M. Ilyushin, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Professor; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennaya str., 28, Doctor of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0001-9937-646X, Ilushin1963@mail.ru

Иван Андреевич Плац, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, лаборатория археологии, ведущий инженер; 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18, https://orcid.org/0000-0002-3039-9310, ivanplac@yandex.ru

Ivan A. Plats, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Laboratory of Archaeology, Lead Engineer; 650000, Kemerovo, Russia, Sovetsky Ave., 18; https://orcid.org/0000-0002-3039-9310, ivanplac@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903(571.150):069.51
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.53
EDN: WQTBJK

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАЛУ АРХЕОЛОГИИ ЗМЕИНОГОРСКОГО МУЗЕЯ: ОТ ПЕРВЫХ ЭКСПОНАТОВ К СОВРЕМЕННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Аркадий Юрьевич Кондратенко[1], Ирина Михайловна Устинова[2]
[1]Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова Змеиногорского района Алтайского края, Змеиногорск, Россия
[2]Комитет по культуре и туризму Администрации Змеиногорского района Алтайского края, Змеиногорск, Россия

Резюме. В статье рассматривается история создания археологической и палеонтологической коллекции Змеиногорского музея, идея которой была заложена в XVIII–XX вв. на Змеиногорском руднике; формирование концепций постоянной экспозиции в зале археологии в различные периоды ее существования с 1985 г. по настоящее время. Археологи и историки, чей вклад неоценим в создание полноценного зала археологии в 2006–2009 гг.: предоставленный ими археологический материал стал основой экспозиции в зале археологии. Сегодня в музее находится 1038 единиц хранения археологической и палеонтологической коллекции. В музее прошли современная модернизация и переоснащение технического музейного оборудования, реэкспозиция зала археологии. Освещены проблемы в работе музея, выявленные при совместной работе с учеными и археологами Алтайского государственного университета, и их решения.

Ключевые слова: Змеиногорский музей, археологическая коллекция, реэкспозиция постоянной выставки

Благодарности: авторы благодарят ученых и археологов Алтайского государственного университета за многолетнюю помощь Змеиногорскому музею, предоставление вспомогательных информационных материалов, научно-исследовательских статей и пополнение наших фондов.

Для цитирования: Кондратенко А.Ю., Устинова И.М. Два десятилетия залу археологии Змеиногорского музея: от первых экспонатов к современной экспозиции // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 367–374. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.53

TWO DECADES OF THE ARCHAEOLOGY HALL OF THE ZMEINOGORSK MUSEUM: FROM THE FIRST EXHIBITS TO THE MODERN EXPOSITION

A.Yu. Kondratenko[1], I.M. Ustinova[2]

[1]"Museum of the History of Mining Production DevelopmentNamed after Akinfiy Demidov" of the Zmeinogorsky Municipal District of the AltaiTerritory, Zmeinogorsk, Russia

[2]Comitet for Culture and Tourism of the Administration of the Zmeinogorsky Municipal District of the Altai Territory, Zmeinogorsk, Russia

Abstract. The article examines the history of the creation of the archaeological and paleontological collection of the Zmeinogorsk Museum. The idea was conceived in the 18th–20th centuries at the Zmeinogorsk mine. The formation of the concepts of the permanent exhibition in the Archaeology Hall in different periods of its existence from 1985 to the present. Archaeologists and historians contributed invaluable material to the creation of a fully-fledged archaeology hall between 2006 and 2009, forming the core of the museum's exhibits. Today, the museum houses 1,038 items from the archaeological and paleontological collection. The museum's technical equipment has been modernized and refurbished, and the archaeology hall has been redesigned. The exhibition highlights challenges identified in the museum's work through collaboration with scientists and archaeologists from Altai State University, as well as their solutions.

Keywords: Zmeinogorsk Museum, archaeological collection, re-exposition of a permanent exhibition

Acknowledgments: the authors express gratitude to the scientists and archaeologists of the Altai State University for many years of assistance to the Zmeinogorsk Museum, the provision of auxiliary information materials, scientific research articles, and the replenishment of collections.

For citation: Kondratenko A.Yu., Ustinova I.M. Two Decades of the Archaeology Hall of the Zmeinogorsk Museum: From the First Exhibits to the Modern Exposition. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:367–374. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.53

Первые археологические и палеонтологические коллекции Змеиногорского рудника можно отнести к 60–70-м гг. XVIII в. П.С. Паллас, посетивший Змеиногорск в 1771 г., описывает, что управляющий Змеиногорским рудником И.Г. Леубе показывал ему кусок слоновой челюсти, кусок фунгита. П.С. Паллас на склоне Змеиной горы, лично нашел множество кусков ока-

менелых миллепор. Также П.С. Паллас пишет о найденных горных инструментах древних рудокопов — медной кирке обнаруженной в 1770 г., «каменных ядрах», используемых вместо молота, сгнившем скелете раздавленного древнего рудокопа с кожаным мешком с богатейшими охрами (Паллас, 1786, с. 352–354).

В 1823–1825 гг. по инициативе начальника округа Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова в Змеиногорске было построено здание для музея, который был призван отражать историю и техническое состояние местного горнорудного промышленного комплекса. Музей был открыт в 1827 г. Британский путешественник Ч.Г. Коттрелл, посетивший Змеиногорск в 1840 г., свидетельствовал: «Здесь есть довольно хороший музей…» (Смирнова, Склярова, 2000, с. 290). Однако иных сведений о состоянии учреждения в XIX в. пока не обнаружено. Разрешение этого вопроса — одна из важнейших задач сотрудников музея на сегодняшний момент.

В 1921 г. в Змеиногорске была организована экспедиция по сбору экспонатов в организующийся в городе музей, который просуществовал с мая 1922 по февраль 1925 г. Было оформлено несколько отделов: палеонтологический, минералогический, пчеловодный, кустарный, исторический и др. Однако для выяснения месторасположения, деятельности музея, судьбы коллекций необходимы дальнейшие архивные исследования (Тишкина, 2017, с. 167). По данным Т.М. Степанской, музей находился в здании 1825 г. «… сохранился как музей до 1924 г.» (Степанская, 1996, с. 26).

5 ноября 1962 г. решением Горисполкома в Змеиногорской школе №6 (жилой дом купца В.П. Митина) был открыт историко-краеведческий музей, под руководством директора школы В.М. Тихомирова (Воронина, 1968, с. 167).

5 ноября 1975 г. в связи с объединением школ №6 и №1 в школе №1 торжественно был открыт краеведческий музей (Будянский, 1975, с. 4). Среди экспонатов археологии фигурируют наконечники стрел, бронзовый кинжал, ножны, каменное орудие труда. Все эти экспонаты перешли в наш современный музей.

В 1978 г., поднимается вопрос о создании городского краеведческого музея на базе экспонатов школьного краеведческого и передаче здания, построенного по заказу П.К. Фролова, обратно музею. Согласно решению исполнительных комитетов Змеиногорского городского и районного советов народных депутатов от 10 июля 1979 г. №135 о создании в городе Змеиногорске историко-краеведческого музея и утверждении совета музея В.М. Тихомиров является директором музея и секретарем совета музея (АОАЗР. Ф.Р. 21Г. Оп. 2. Д. 315. П. 294).

С 1979 по 1983 г. школьный краеведческий музей переезжает в свое историческое здание и становится городским краеведческим музеем. 12 февраля 1982 г. учащиеся школы №1 передают в музей экспонаты: орудие труда каменное (КП-01), кинжал бронзовый (КП-02), наконечник стрелы (КП-08). Это первые предметы археологической коллекции нашего музея.

16 октября 1982 г. Э.М. Медникова, зав. отделом досоветской истории Алтайского государственного краеведческого музея, передает музею зуб мамонта (КП-12). Это начало палеонтологической коллекции. Эти экспонаты будут основой экспозиции «Первобытно-общинный строй» в 1983 г. На данный момент они экспонируются в зале археологии.

С 1982 по 1983 г. барнаульские художники-оформители Г.П. Мусихин и В.В. Говорухин работали в Змеиногорске. За один год и два месяца, начав с ремонта — побелки, превратили историческое здание, построенное в честь 100-летия горного дела на Алтае, в музей, в котором наглядно показана история Змеиногорского рудника (Сиротин, 2016).

С 1982 по 1985 г. музей формирует экспозиции совместно с Э.М. Медниковой, Г.П. Мусихиным. Ведет поисковые работы с приглашенными археологами. Так в 1983 г. с археологического памятника Ново-Фирсово в фонды нашего музея поступили: кинжал бронзовый (КП-03), тесло бронзовое (КП-04), шило-крюк бронзовое (КП-05), фрагменты керамики (КП-06, 07), ножны бронзовые (КП-09), ступа каменная (КП-10).

27 апреля 1985 г. городской краеведческий музей становится филиалом Алтайского государственного краевого музея в г. Змеиногорске и становится музеем истории развития горного производства. В.Х. Смирнова становится директором музея на 30 лет. Она смогла сплотить возле музея заинтересованных в истории и археологии людей. Благодаря Ю.П. Алехину, В.Б. Бородаеву, С.П. Грушину, М.А. Демину, Ю.Ф. Кирюшину, А.В. Контеву, А.Л. Кунгурову, Г.Л. Нехведавичюсу, А.А. Тишкину, А.П. Уманскому, П.И. Шульге, А.В. Эбелю, местным жителям новыми экспонатами стали пополняться фонды нашего музея, в частности археологические и палеонтологические коллекции.

В 2003–2006 гг. музейное здание было закрыто на капитальный ремонт, осуществилась пристройка помещений фондохранилища, рабочих кабинетов, экспозиционного зала. Новый зал планировался для экспозиции экспонатов археологии и как конференц-зал. На 1 января 2004 г. в археологической коллекции музея насчитывалось 239 единиц хранения. Реконструкция экспозиций и оформление нового зала осуществлялись по проектам Г.Л. Нехведавичюса под руководством П.И. Шульги. «Оформление залов музея — процесс сложный. Идет подбор экспонатов и продумывание экспозиции. Змеиногорских коллекций для археологического зала, по мнению П.И. Шульги, явно недостаточно. Частично пополняют музей переданные экспонаты из музея АлтГУ. Но и на местах нужно заботиться о пополнении экспонатов. Это будет самый красивый и интересный музей в Алтайском крае, — говорит П.И. Шульга» (Алеев, 2006, с. 7).

17 мая 2006 г., в честь 270-летия г. Змеиногорска, музей вновь встретил посетителей в обновленных залах, с малой коллекцией по археологии. В августе 2006 г. музей совместно с учредителем приобретает большую археологическую коллекцию — 416 единиц хранения. У музея появляется необходимость в консультации компетентных людей, для оформления, раскладки, этикетажа, нового зала. Музей в сотрудничестве с историком Ю.П. Алехиным за полгода

оформляет экспозицию зала археологии. Открытие экспозиции планируется 17 мая 2007 г., к международной научно-практической конференции, проходящей в г. Змеиногорске. 25 мая 2007 г. в обновленном зале археологии сдают экзамен гиды и экскурсоводы города и Змеиногорского района.

В декабре 2009 г. в наш музей поступают материалы из археологических раскопок АлтГУ — С.П. Грушина, Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова, А.А. Тишкина, А.Б. Шамшина — 373 единицы хранения, тем самым вызвав необходимость изменения экспозиции археологии, добавления новых экспонатов для показа. Музей это делал своими силами, при поддержке ученых АлтГУ. В каждый стенд вносили изменения, пытаясь придерживаться первоначальной концепции.

На 1января 2011 г. археологическая коллекция нашего музея состояла из 1023 единиц хранения.

В 2015 г. С.П. Грушиным, В.О. Сайберт, О.В. Спиненко была разработана новая концепция экспозиции по археологии в нашем музее. Концепция зала археологии не менялась в течение 10 лет, возникла необходимость анализа имеющихся фондов, обновления и дополнения состава экспозиции. При работе с экспозицией были выявлены некоторые неточности. Основной проблемой являлось несоответствие экспонатов с хронологией, а также технические недоработки в проектировании: отсутствие этикетажа на отдельных экспонатах, размещение экспонатов одной археологической эпохи на нескольких витринах, избыточное количество вспомогательного (иллюстративного) материала (Грушин, Сайберт, Спиненко, 2015, с. 242).

На сегодняшний день в фондах нашего музея находится 1038 единиц хранения археологии и палеонтологии, из них в постоянной экспозиции демонстрируется 620 единиц хранения. Зал археологии — это богатейшее собрание экспонатов, переданных историками и археологами Алтайского края, местными жителями.

Изменение исторической перспективы, новые археологические открытия, исторические исследования требуют переосмысления и переинтерпретации экспонатов. Возникла необходимость обновить постоянную экспозицию (провести реэкспозицию), чтобы повысить ее привлекательность, эффективность и релевантность для современной аудитории. Адаптировать к новым знаниям, технологиям и запросам зрителей, а также продемонстрировать новые интерпретации имеющегося материала.

Долгие годы существовала проблема необходимости модернизации и технического переоснащения музейного оборудования.

В 2025 г. в рамках национального проекта «Семья» было выделено 2516,0 тыс. руб. на модернизацию. Было принято решение начать с зала археологии. При разработке проекта стало ясно, что в первую очередь нужно отремонтировать сам зал. Мероприятия подготовительного этапа финансировались за счет средств бюджета округа в сумме 2114,0 тыс. рублей. Был проведен текущий ремонт зала археологии и туалета. Созданы условия для людей с ограниченными возможностями.

Предварительно сотрудниками музея была проведена полная инвентаризация зала археологии. Составлены топографические планы, атрибуция экспонатов, было сверено их описание в книгах поступления, инвентарных книгах, в научных карточках с этикетажем. Это позволило сотрудникам более детально изучить археологическую коллекцию.

Совместно с компанией ООО «ВИНЧИ ИНТЕРАКТИВ» (г. Пермь) был создан дизайн-проект подбора и расстановки витрин, музейной раскладки экспонатов и разработки графических макетов зала археологии музея истории развития горного производства имени Акинфия Демидова.

За счет федеральных и краевых средств приобрели интерактивный стол и программное обеспечение; светодиодный экран, звуковое оборудование и ноутбук; стеновую панель, мебель, витрины с подсветкой и выдвижными ящиками.

Заключен договор на изготовление навигации и этикетажа. Достигнута договоренность с кафедрой археологии, этнографии и музеологии института истории и международных отношений Алтайского государственного университета на разработку новой концепции зала археологии.

29 января 2006 г. в обновленном зале археологии состоялась рабочая встреча представителей администрации Змеиногорского района, заведующего кафедрой АлтГУ профессора А.А. Тишкина, а также ученых университета: С.П. Грушина, В.В. Горбунова, А.Л. Кунгурова, специалиста по работе с фондами И.А. Чудилина и представителя молодых ученых В.О. Сайберт. В ходе встречи договорились о дальнейшем сотрудничестве по совершенствованию экспозиций зала археологии музея, где представлены уникальные предметы материальной культуры разных эпох.

Данное сотрудничество открывает новые перспективы развития историко-культурного туризма в регионе и способствует сохранению культурного наследия. Для сотрудников музея это богатейший опыт и более детальное изучение археологической коллекции.

На данный момент сотрудниками музея проводится наполнение информацией интерактивного стола в зале археологии. Это позволит посетителям музея ознакомиться со всеми экспонатами археологической коллекции более подробно. В интерактивном столе созданы разделы: «Археологические памятники Змеиногорского района»; «Археологи и историки»; «Археологическая коллекция музея»; «Наскальная живопись».

На большом LCD экране проходит презентация научно-документальных фильмов об археологии Алтая, проводятся музейные уроки, доклады и интернет-конференции.

Основные проблемы музея на сегодняшний день:

1. Многие предметы уже были неоднократно опубликованы и проанализированы, хотя имеются такие, которые еще не введены в научный оборот (Смирнова, Тишкин, 2000, с. 302). Требует совместного решения с археологами Алтайского края. В фондах музея находятся экспонаты, которые были ранее описаны и имеют разную интерпретацию от разных археологов. Так же есть экспонаты, переданные местным населением и не попавшие в научный оборот.

2. Восстановление и реставрация археологических экспонатов — это очень сложная и актуальная задача. Реставрация — основная часть процесса сохранения музейных ценностей. Требует большого финансирования и работы с сертифицированными организациями и специалистами в сфере реставрации.

3. Наличие специализированных сотрудников в музее (археологов, историков в должности научных сотрудников; реставраторов). Требуется целевое обучение и подготовка специалистов должного уровня, открытия должности для специалистов в штатах музея.

Все эти проблемы наш музей решает совместно с учредителем — комитетом по культуре и туризму Администрации Змеиногорского района Алтайского края.

Нужна большая совместная работа, помощь коллег из музейного сообщества, историков и археологов Алтайского края, финансовая государственная поддержка для развития музея.

Хотим закончить словами Валентины Христиановны Смирновой, которая 30 лет посвятила созданию нашего музея: «Музею не выжить одному…» (Тирская, 2014, с. 1, 3).

Список источников

Алеев В. После оформления залов наш музей, по словам ученых, будет самым интересным на Алтае // Змеиногорский Вестник. 2006. №17–18. С. 7.

АОАМОЗР. Архивный отдел Администрации муниципального округа Змеиногорский район Алтайского края. Ф.Р. 21Г. Оп. 2. Д. 315. П. 294.

Будянский А.И. Краеведческий музей в школе // Прогресс. 1975. №140. С. 4.

Воронина М.Я. Юные «Шестаковцы» // Военно-патриотическое воспитание в школе. Барнаул, 1968. С. 39–53.

Грушин С.П., Сайберт В.О., Спиненко О.В. Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного производства им. А. Демидова» в Змеиногорске // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 240–246.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук: Кн. 2, ч. 2. 1770 г. / пер. Ф. Томанский. СПб., 1786. С. 352–354.

Сиротин А.Г. Музейный Кулибин // Проза.ру — российский литературный портал. 30.07.2016. URL: https://proza.ru/2016/07/30/1120 (дата обращения: 13.10.2025)

Смирнова В.Х., Склярова О.Н. Музей всегда должен быть готов к вызовам времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 290–293.

Смирнова В.Х., Тишкин А.А. Археологические коллекции Змеиногорского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 302–303.

Степанская Т.М. Памятники архитектуры // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 22–29.

Тирская С.М. Музею не жить одному // Алтайская Правда. 2014. №41–43. С. 1, 3.

Тишкина Т.В. Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова: история создания и современное состояние // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2017. №5. С. 166–170.

Информация об авторах / Information about the Authors

Аркадий Юрьевич Кондратенко, Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова Змеиногорского района Алтайского края; 658480, Россия, г. Змеиногорск, ул. Щорса, 13, редактор электронных баз данных музея, arkady.kondratenko@yandex.ru

Arkady Yu. Kondratenko, "Museum of the History of Mining Production Development Named after Akinfiy Demidov" of Zmeinogorsky Municipal District of the Altai Territory, 658480, Russia, Zmeinogorsk, Shchorsa Street, 13, Editor of the Museum's Electronic Databases, arkady.kondratenko@yandex.ru

Ирина Михайловна Устинова, Комитет по культуре и туризму Администрации Змеиногорского района Алтайского края; 658480, Россия, г. Змеиногорск, ул. Ленина, 3, председатель, z.kulttur@yandex.ru

Irina M. Ustinova, Committee for Culture and Tourism of the Administration of the Zmeinogorsky Municipal District of the Altai Territory; 658480, Russia, Zmeinogorsk, Lenina Street 3, Chairman, z.kulttur@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.226:069.02:908
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.54
EDN: WSWGXP

КИНЖАЛ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ФОНДОВ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ

Ольга Сергеевна Лихачева, Святослав Сергеевич Радовский
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Кинжалы составляют один из наиболее распространенных видов оружия в паноплии племен Лесостепного Алтая в скифское время. Благодаря их широкому распространению происходит постоянное пополнение источниковой базы, в том числе за счет малоизвестных предметов из фондов музеев. Несмотря на отсутствие контекста, такие изделия порой расширяют представление о типологическом разнообразии короткоклинкового оружия того периода. В статье публикуется железный кинжал из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. В самом учреждении не сохранилось сведений о данном предмете, что значительно затрудняет его атрибуцию. В то же время кинжал обладает нестандартным набором признаков, которые выделяют его из серии, происходящей с территории Лесостепного Алтая. Авторами дается подробное описание рассматриваемого экземпляра, фото и прорисовка с учетом всех морфологических особенностей и круг наиболее близких аналогий, уточняющих его культурно-хронологическую позицию.

Ключевые слова: военное дело, оружие ближнего боя, клинковое оружие, кинжал, ранний железный век, быстрянская культура

Благодарности: Авторы выражают благодарность Л.И. Чегодаевой за помощь в работе с предметом и предоставленную информацию. Исследование выполнено

за счет гранта Российского научного фонда «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Для цитирований: Лихачева О.С., Радовский С.С. Кинжал раннего железного века из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 374–382. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.54

DAGGER OF THE EARLY IRON AGE FROM THE COLLECTIONS OF THE BIYSK MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER V.V. BIANCHI

Olga S. Likhacheva, Svyatoslav S. Radovsky
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Daggers are one of the most common types of weapons in the panoply of the tribes of the Forest-Steppe Altai in the Scythian period. Due to their wide distribution, there is a constant replenishment of the source base, including at the expe Despite the lack of context, such products sometimes expand the idea of the typological diversity of short-bladed weapons of that period.nse of little-known objects from museum collections. The article publishes an iron dagger from the collections of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi. There is no information about this object in the museum itself, which makes it much more difficult to attribute it. At the same time, the object has a non-standard set of features that distinguish it from a series of daggers originating from the territory of the Forest-Steppe Altai. The authors provide a detailed description of the product in question, a photo and a drawing taking into account all morphological features and a range of the closest analogies clarifying the cultural and chronological position of the product.

Keywords: military, melee weapons, bladed weapons, dagger, early iron age

Acknowledgments: the authors would like to thank L.I. Chegodaeva for her help in working with the subject and the information provided. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy", project No. 22-18-00470-P, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

For citation: Likhacheva O.S., Radovsky S.S. Dagger of the Early Iron Age from the Collections of the Biysk Museum of Local Lore Named After V.V. Bianchi. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:374–382. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.54

Кинжалы составляют наиболее распространенный вид наступательного вооружения, бытовавший у племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке. Благодаря их широкому распространению происходит постоянное пополнение источниковой базы по указанному виду оружия, в том числе за счет малоизвестных предметов, хранящихся в музейных учреждениях. Представленная статья посвящена изделию из собрания Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (далее — БКМ). В документации данного учреждения отсутствуют сведения о месте и обстоятельствах находки рассматриваемого экземпляра. Единственная информация о предмете содержится в работе,

посвященной истории Бийского района. Согласно приведенным данным, кинжал был обнаружен в окрестностях с. Сростки, на высокой террасе р. Катунь, в районе могильника Сростки-II (Кунгурова, 2005, с. 30). В указанной публикации представлена схематичная иллюстрация находки (Кунгурова, 2005, рис. 14.-3). Позднее этот рисунок был использован в работе Я.В. Фролова в контексте вооружения быстрянской культуры (История Алтая, 2019, рис. 2.141.-1). При этом иллюстрация не отражает ряд конструктивных элементов кинжала (в частности, совершенно неверно показано строение клинка), а также степень его сохранности на текущий момент. Кроме того, несколько по-иному передан орнамент на предмете. Подробного описания с параметрами и тем более типологического анализа предмета нигде не приводится, в связи с чем подробная публикация и культурно-хронологическая атрибуция изделия вполне актуальна.

Первоначально приведем характеристику предмета. Публикуемый кинжал изготовлен из железа. Общий абрис клинка — килевидный: лезвия идут параллельно друг другу и в нижней части сходятся в округлое окончание. Особенностью данного экземпляра является наличие двух долов на клинке и трех выпуклых нервюр. Одна расположена строго по центру клинка, две другие по бокам от нее на равном расстоянии. Долы незначительно углублены в полотно клинка. Все данные элементы визуально делят его плоскость по длине на четыре равные части. Поперечное сечение клинка ромбовидное, с выемками, образующими долы. Перекрестие удлиненно-бабочковидной формы: спинка плавно изогнута по центру вверх, далее ее линия слегка приподнимается к внешним окончаниям лопастей. Перекрестие представляет отдельную деталь, состоящую из двух пластин. В поперечном сечении имеет вытянуто-линзовидный абрис. Навершие кинжала брусковидное, но из-за коррозии с одной стороны его фронтальный абрис ближе к овальному. Место соединения с череном оформлено в виде неширокой муфты прямоугольного абриса. С обеих сторон на нем читается узор в виде перекрещивающихся полос, которые образуют ромбы. Черен прямоугольного абриса и сечения; имеет декоративное оформление: три вертикальные полосы, между которыми нанесены косые штрихи, образующие зигзаг. Кинжал корродирован, клинок сильно поврежден: почти по центру полотна он согнут под тупым углом, из-за чего с одной стороны заметна сильная трещина, с другой — выломлен и выпирает участок нервюры. Общая длина изделия с поправкой на повреждение составляет 31,1 см. Вес — 329 гр. Навершие: длина — 5,5 см, высота (вместе с муфтой) — 2,4 см, толщина — 0,9 см. Черен: длина (от муфты навершия до спинки перекрестия) — 6,5 см, ширина — 2,1 см, толщина — 1 см. Перекрестие: длина — 7,8 см, высота (по центру) — 2,5 см, толщина — 1,1 см. Клинок: длина — 17,1 см, ширина (у основания) — 3,2 см, толщина — 0,5 см.

Отсутствие подробной информации о рассматриваемом предмете значительно затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию. Приведем ряд аналогий его признакам, позволяющим приблизиться к решению данного вопроса.

Рис. 1. Кинжал из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (фото авторов)
Fig. 1. A dagger from the collections of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi (photos of the authors)

Кинжалы, изготовленные из железа, получают распространение на территории Южной Сибири и Средней Азии с VII в. до н.э. (Чугунов, 2004, с. 16; Толстов, Итина, 1966, с. 152; Суразаков, 1988, рис. 16.-1, 5; Яблонский, 2007, рис. 4.-1–2). На век позже их появление фиксируется в Горном Алтае, где первые образцы датируются VI в. до н.э. (Кочеев, 1999, рис. 5). На территории Лесостепного Алтая они встречаются с конца VI в. до н.э. (Лихачева, 2020, рис. 45).

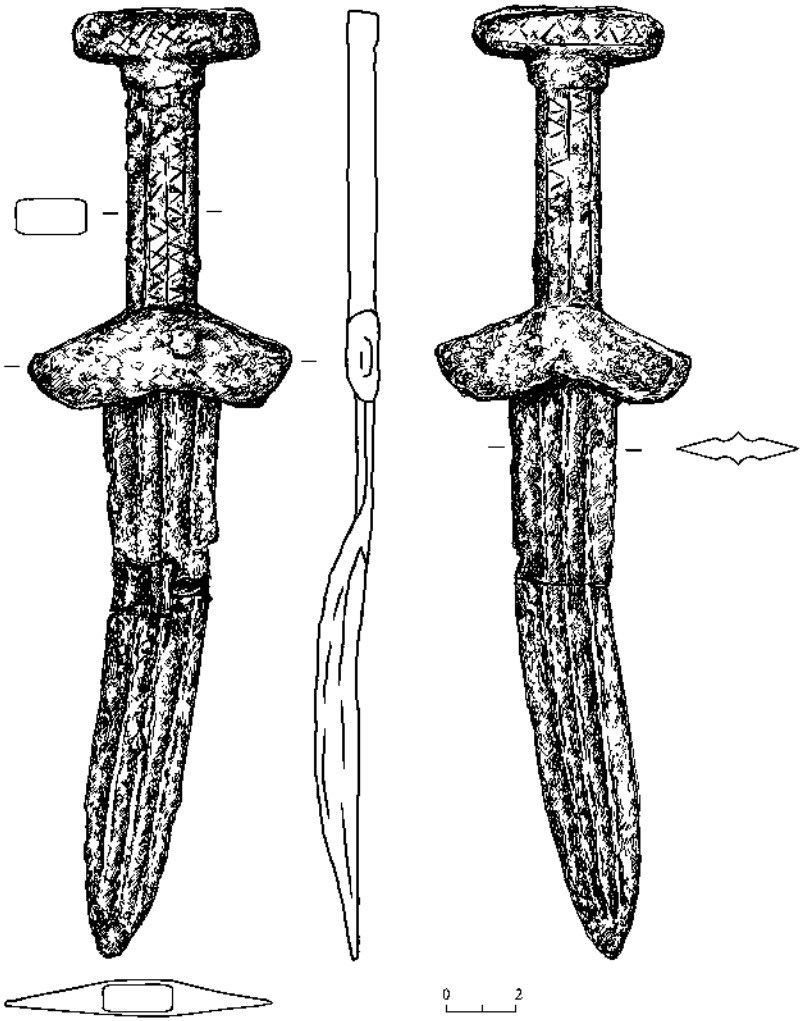

Рис. 2. Прорисовка рассматриваемого экземпляра
Fig. 2. Drawing the instance in question

Уникальной особенностью данного изделия является клинок с тремя долами. У оружия, происходящего с территории Лесостепного Алтая, такое строение практически не встречается. Так, оно фиксируется только у одного меча (случайная находка из с. Ключи) и совсем не известно у кинжалов (Уманский, 1970, рис. 7; Лихачева, 2020, рис. 25.-1; 32–35; 36.-3–5; 38–40). Наличие трех нервюр, образующих два дола, фиксируется у ряда скифских изделий. По классификации Д.А. Топала (2017, с. 316, 320, рис. 16.-1; 21.-10; 24.-8) такие кинжалы попадают в типы Грищенцы и Солоха, датировка которых укладывается в VI–IV вв. до н.э. Несмотря на схожесть конструкции, они в большинстве своем отличаются от экземпляра из БКМ ярко выраженным треугольным абрисом и смещением долов и нервюр к центру полотна. Стоит отметить, что изделие с рассматриваемой конструкцией клинка приведено в Государственном фонде музейного каталога РФ (далее — Госкаталог). Оно происходит из Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова (номер в Госкаталоге 48998429). У него, как и у всех приведенных аналогий, клинок треугольного абриса, в то время как у кинжала из БКМ он килевидный. Но при этом, судя по неестественной линии лезвий и слишком тонкому и острому окончанию, он, вероятно, либо сильно сработан, либо целенаправленно изменен в более позднее время. Поэтому, с нашей точки зрения, не исключено, что изначально он был близок публикуемому нами экземпляру. К сожалению, изделие из Госкаталога также является случайной находкой без точного местонахождения и датировки. В дальнейшем рассматриваемая конструкция клинка встречается у кинжалов прохоровского типа и их аналогов в материалах саргатской культуры (Симоненко, 2010, рис. 4.-2; Корякова, Булдашев, Потро, 1997, рис. 23; номер в Госкаталоге 64469919).

Перекрестие бабочковидной формы известно у клинкового оружия скифов и савроматов (Мелюкова, 1964, табл. 16.-1; Смирнов, 1961, рис. 1.-5; 3.-3–4). Один предмет с таким перекрестием происходит из сакских материалов Семиречья (могильник Молалы-I). Он датирован исследователями рубежом VI–V вв. до н.э. (Нурмуханбетов, Тулегенов, Иванов, 2019, с. 100, рис. 1). Среди территориально наиболее близких аналогий стоит отметить кинжалы пазырыкской культуры из памятников Боротал-1 и Ала-Гаил-3, которые относятся к VI — 1-й половине V в. до н.э. и 2-й половине V в. до н.э. соответственно (Кубарев, Шульга, 2007, с. 34–35; рис. 64.-2–3). Вероятно, аналогичную форму данной детали имеет кинжал из могильника быстрянской культуры конца VI — V в. до н.э. Каменка, но из-за сильной коррозии конструкция полностью не читается (Казаков и др., 2016, с. 131, рис. 1.-1). Почти полностью идентично оформление перекрестия у упоминавшегося выше кинжала из Минусинского музея (номер в Госкаталоге 48998429).

Брусковидная форма навершия характерна для изделий из Южного Зауралья и Нижнего Поволжья, связанных с савроматской традицией (Таиров, 2007, рис. 1; Скрипкин, 2007, рис. 1.-3, 9). Датируются данные экземпляры VII — первой половиной VI вв. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 39). У скифских кинжалов брусковидное навершие также встречается среди ранних изделий

VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 49–50, табл. 16.-4). На территории Лесостепного Алтая такую форму этой детали имеет упоминавшийся выше кинжал из могильника быстрянской культуры Каменка, укладывающийся в эти же хронологические рамки (Казаков и др., 2016, с. 131, рис. 1.-1). Стоит отметить, что у обозначенных образцов навершие не имеет «муфты» при переходе в черен. Изделия, сочетающие оба эти признака и датируемые VII–VI вв. до н.э., происходят с территории Южного Урала и Северного Казахстана (Таиров, 2007а, рис. 49.-1–4). На территории Лесостепного Алтая такая деталь, как «муфта» у навершия, известна у кинжалов VI–V вв. до н.э. (Фролов, Тишкин, Иванов, 2017, рис. 1.-1, 3; 2.-1). Но по типу эти предметы совершенно не соотносятся с рассматриваемым образцом. Максимально близко оформление навершия у изделия из Минусинского музея (номер в Госкаталоге 48998429).

Выше нами были рассмотрены основные признаки рассматриваемого образца. Они достаточно универсальны, поэтому на уровне типа изделие находит достаточно много аналогий. Так, кинжалы с килевидным клинком, бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием фиксируются в скифских и савроматских материалах VI–V вв. до н.э., сакских — рубежа VI–V вв. до н.э., условно к этому типу можно отнести также кинжал быстрянской культуры этого же времени, некоторые признаки которого из-за плохой сохранности не вполне точно определимы (Ворошилов, Кашаев, 2010, с. 75, рис. 1.-3–4; Топал, 2014, с. 15, 20–25; Лысенко, Шапцев, 2015, с. 43; Мелюкова, 1964, табл. 16.-4, 8; Нурмуханбетов, Тулегенов, Иванов, 2019, с. 100, рис. 1; Казаков и др., 2016, с. 131, рис. 1.-1). Изделия, помимо указанных деталей, снабженные «муфтой» при переходе навершия в черен, встречаются в раннесакских материалах Урало-Казахстанских степей (Таиров, 2007а, рис. 49.-1–4). Известны случаи украшения рукоятей кинжалов этого периода орнаментом (Исмагилов, 2001, с. 118–119; Гавриш, 2020, с. 80). В то же время такие дополнительные функциональные и декоративные элементы, как три нервюры и долы, а также сетчатый узор на навершии и перекрестии, не находят близких аналогий. Исключением является только образец из Минусинского музея, у которого совпадает весь набор признаков, кроме орнамента. С учетом коррозии и качества фотографии, возможно, он просто не заметен. К сожалению, местонахождение его неизвестно, поэтому он не может дать дополнительной информации в плане датировки.

По приведенному кругу аналогий рассмотренный кинжал может быть датирован в рамках VI–V вв. до н.э. Более сложным является вопрос его культурной принадлежности, поскольку в музее, как говорилось выше, не сохранилось сведений о его местонахождении. Если информация о его находке в с. Сростки, недалеко от могильника Сростки-II, верна, то, скорее всего, он происходит из материалов данного некрополя. На это косвенно указывает сильная корродированность предмета, нехарактерная для случайных находок. Кроме того, некоторые его морфологические особенности сближают его с изделием из памятника быстрянской культуры Каменка. На основании этих данных пока он может быть отнесен к комплексу вооружения данной археологической культуры.

Список источников

Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // Древности Боспора. №14. М., 2010. С. 66–87.

Гавриш И.Р. О зооморфных навершиях мечей савроматского времени в Самарском Поволжье // Археология в исследованиях молодых. Воронеж, 2020. С. 80–81.

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001. С. 117–147.

История Алтая. Том 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Белгород, 2019. 391 с.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрянской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 126–132.

Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Порто Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 10–48.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 79–82.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района // Бийский район: История и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 5–40.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Лысенко А.В., Шапцев М.С. Акинак из Алуштинской долины (Южный Крым) // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015. С. 41–49.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 64 с. (Свод археологических источников)

Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С. Коллекция предметов вооружения сакского времени из Могильников Молалы и Шубарат // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1 (25). С. 99–108.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.

Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №101)

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007а. 274 с.

Таиров А.Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 24–29.

Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи. (По материалам Тагискена) // Советская археология. 1966. №2. С. 151–175.

Топал Д.А. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // Tyragetia. Vol. VIII (XXIII), nr. 1. Chișinău, 2014. С. 7–43.

Топал Д.А. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // Археология Евразийских степей. №3: Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2017. С. 299–353.

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // Советская археология. 1970. №2. С. 169–179.

Фролов Я.В., Тишкин А.А., Иванов Г.Е. Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах юга Обь-Иртышского междуречья // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 150–162.

Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37.

Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 134–156.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-3223-7841, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Candidate of History, https://orcid.org/0000-0002-3223-7841, lihaolga@yandex.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотрудник; Музей археологии и этнографии Алтая, хранитель фондов; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Junior Research Fellow; Altai Museum of Archaeology and Ethnography, Custodian of Collections; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.01:069.51
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.55
EDN: XHRXBT

КОСТЯНОЙ ИГОЛЬНИК НЕОБЫЧНОЙ ФОРМЫ ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Сергей Алексеевич Пилипенко
Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот костяного игольника, недавно поступившего в фонды Новосибирского государственного краеведческого музея. Игольник прошел все стадии научно-исследовательской работы, от нахож-

дения до помещения информации о находке в электронную базу Государственного каталога РФ. Данный предмет, в отличие от обычных трубчатых игольников, характерных для основной территории Сибири различных исторических периодов, имеет достаточно необычную форму.

Аналоги данного игольника в настоящее время находятся буквально на двух противоположных концах страны: в фондах Кунсткамеры и региональных музеях Чукотки. Таким образом, наш артефакт соединяет обе зоны хранения этих необычных предметов. Мы надеемся, что эта публикация послужит поводом для самостоятельного изучения профильными специалистами этого типа игольников, являющихся, по сути, миниатюрными мобильными предметами искусства.

Ключевые слова: Кунсткамера, морёный моржовый клык, Чукотка, игольник, государственный каталог, граффити

Для цитирований: Пилипенко С.А. Костяной игольник необычной формы из новых поступлений Новосибирского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 382–389. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.55

A BONE NEEDLE CASE OF AN UNUSUAL SHAPE FROM THE NEW ACQUISITIONS OF THE NOVOSIBIRSK STATE MUSEUM OF LOCAL HISTORY

Sergey A. Pilipenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article introduces a bone needle case recently acquired by the Novosibirsk State Museum of Local History. The needle case underwent all stages of scientific research, from its discovery to its inclusion in the electronic database of the Russian Federation State Catalogue. This object, unlike the typical tubular needle cases found in the mainland Siberia during various historical periods, has a rather unusual shape. Similar objects are currently found at literally two opposite ends of the country: in the Kunstkamera collections and in regional museums in Chukotka. Thus, our artifact literally connects both storage areas of these unusual objects. We hope this publication will encourage specialists in this field to independently study this type of needle case, which is essentially a miniature, portable art object.

Keywords: Kunstkamera, pickled walrus tusk, Chukotka, needle case, state catalog, graffiti

For citations: Pilipenko S.A. A Bone Needle Case of an Unusual Shape from the New Acquisitions of the Novosibirsk State Museum of Local History. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:382–389. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.55

Целью данной работы является введение в научный оборот игольника необычной формы из новых поступлений Новосибирского государственного краеведческого музея.

Игольники являются не частой находкой в материалах народов Сибири. Чаще всего это трубчатые костяные изделия разного диаметра и длины в зависимости от материала изготовления.

В нашем случае игольник происходит из другого, более восточного региона Чукотки.

Предмет был найден в 1980-е гг. Е.Л. Гельфгатом, к.м.н., работавшим в тот период ведущим научным сотрудником в Институте клинической иммунологии Академии медицинских наук СССР в г. Новосибирске (рис. 1.-*1, 2*). Он был участником ряда научно-исследовательских экспедиций в районы Крайнего Севера и Чукотки, связанных с вопросами по изучению иммунологии местного населения. Среди его обязанностей был также сбор крови коренных народов Сибири. В ходе одной из таких экспедиций в неизвестном нам месте и был подобран публикуемый предмет. По словам находчика, там была «старинная помойка». Таким образом, этот предмет вполне подходит под категорию случайных находок. Предмет привлек внимание своей необычной формой и орнаментацией. По мнению находчика, на предмете изображен человек в струях энергии. Подобные взгляды были популярны в 1980–1990-х гг. Поскольку у находчика не было никакой возможности передать предмет в музей, он снабдил его кожаным шнурком и хранил как талисман до конца 1990-х гг. у себя дома, а позже передал его автору этой работы для дальнейших исследований.

В 1999 г. для атрибутации сырья предмет был показан д.и.н. А.П. Бородовскому. По его мнению, данный артефакт был изготовлен из мореного моржового клыка, возможно, около 200 лет назад. Предмет продолжал находиться у автора до 2024 г., пока в НГКМ не приехала выставка с красноречивым названием «Знакомьтесь — Чукотка!» (sibirnews.ru/news/2024-04-28-v-novosibirske-vpervye-predstavyat-vystavku-reznoy-kosti-s-chukotki/?ysclid=mmmy8w4pub889602080). На выставке впервые были представлены несколько сотен костяных шедевров чукотской резьбы за последние 300 лет. После знакомства с материалами выставки автором работы было принято решение передать хранящееся у него костяное изделие в фонды НГКМ. Атрибуцию предмета проводил главный научный сотрудник НГКМ С.Г. Росляков, который при подготовке к выкладке сведений о новом экспонате в Госкаталог РФ смог установить функционал и первичный круг аналогий нашей находки.

Предмет оказался костяным игольником (таелгын), изготовленным из цельного куска моржового клыка. Игольники (таелгын) — традиционные чукотские футляры для хранения костяных или металлических игл, представляющие собой полые трубки, часто украшенные резьбой, которые использовались коренными народами Чукотки. Эти предметы изготавливались из кости, моржового клыка или дерева и являются частью уникальной материальной культуры региона.

Описание находки. Игольник в виде уплощенного ажурного изделия овальной формы с узкой цилиндрической сердцевиной и дуговидными выступами по бокам. Выступы отделены от сердцевины сквозными прорезями полуовальной формы. Обе стороны изделия украшены дуговидными линиями, образующими стилизованные изображения животных (рис. 2.-*1, 2*). Размер предмета 7,3×3,8×1,5 см. Исходя из формы и расположения зооморфных изображений, можно предположить, что предмет привешивался за шнур так, что внутренний канал для игл, располагался вертикально.

Рис. 1. Костяные игольники из музеев РФ: 1 — Гельфгат Е.Л. находчик игольника из фондов НГКМ; 2 — двухуровневый игольник из фондов Кунсткамеры №44045573; 3 — одноуровневый игольник из фондов Кунсткамеры №39500889; 4 — одноуровневый игольник из фондов Кунсткамеры №51597755; 5 — одноуровневый игольник из фондов Кунсткамеры №51597748

Fig. 1. Bone needle cases from Russian museums: 1 — E.L. Gelfgat, finder of the needle case from the NGKM collection; 2 — two-tiered needle case from the Kunstkamera collection No. 44045573; 3 — single-tiered needle case from the Kunstkamera collection No. 39500889; 4 — single-tiered needle case from the Kunstkamera collection No. 51597755; 5 — single-tiered needle case from the Kunstkamera collection No. 51597748

С двух сторон покрыт зооморфными изображениями, выполненными при помощи ножа. Для изготовления самого предмета использовались нож и небольшая пила. Об этом свидетельствует следы брака при пропилах на одной из граней игольника (рис. 2.-*1, 3*). Наибольший интерес представляет для нас орнаментация игольника. Для избегания путаницы при описании графических изображений на игольнике мы ввели понятия «условно-лицевая» и «условно-оборотная» стороны игольника. Если на условно-оборотной стороне центральный сюжет не вполне понятен: группы точек на центральной перемычке не дают нам прочтения сюжета, то рисунки, нанесенные на грани игольника, возможно, указывают на изображение наземного млекопитающего, на лапах которого покоится его мордочка (рис. 2.-*4а*), с выделением носа, глаз и ушей. Прямых аналогий этому изображению мы не выявили. Лучше обстоит дело с условно-лицевой стороной (рис. 2.-*1, 3*). По центру перемычки идет рельефное изображение плывущего тюленя или нерпы (рис. 3.-*а, б*). На морде выделены глаза и ноздри. Передние плавники плотно прижаты к телу, а задние вытянуты. Центр композиции выделен крупной точкой. На найденном нами изображении нерпа почти так же совершает маневры во время охоты. И как бы вторя этой идее, слева и справа от нерпы убегают две рыбы, плывя в противоположную от нее сторону (рис. 3.-*а*). Обращает на себя внимание выделение пунктиром верхнего ряда плавников и нанесенная ниже, возможно, так называемая боковая линия (рис. 3.-*в*). Аналогиями нашему экспонату являются четыре игольника, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (рис. 1.-*3–5*), происходящие из погребений могильника Эквен на Чукотке, датированного коллегами I тыс. н.э.

Наиболее близким по форме и стилистике изображений является игольник с изображениями рыб вдоль боковых граней и точечным орнаментом в центральной части (номер в Госкаталоге: 39500889) (рис. 1.-*3*). Его размер 8,3×2,7×1,4 см. Игольник выполнен более качественно, чем публикуемый экземпляр. Еще два аналогичных по форме игольника имели следующие размеры: 7×3,8×1 см (номер в Госкаталоге: №51597755) (рис. 1.-*4*) и 5,8×3×1,2 см (номер в Госкаталоге: 51597748) (рис. 1.-*5*). Все они имеют ряд общих признаков, таких как форма, прорези в боковых гранях, прилегающих к сквозному каналу. К сожалению, плоскостные фотографии не дают нам информации о наличии или отсутствии боковых прорезей у игольников выявленной группы. Игольники имели сквозные прорези как в фронтальной, так и боковой плоскостях (рис. 2.-*4*), смотреть на боковую стрелку влево, в центре рисунка. Четвертый игольник из собрания Кунсткамеры представляет собой интересную разновидность изучаемых нами игольников (рис. 1.-*2*), его корпус удвоен в пределах линзовидной формы основной группы игольников. Размеры игольника 8,2×2,6×1,3 см (номер в Госкаталоге: 44045573).

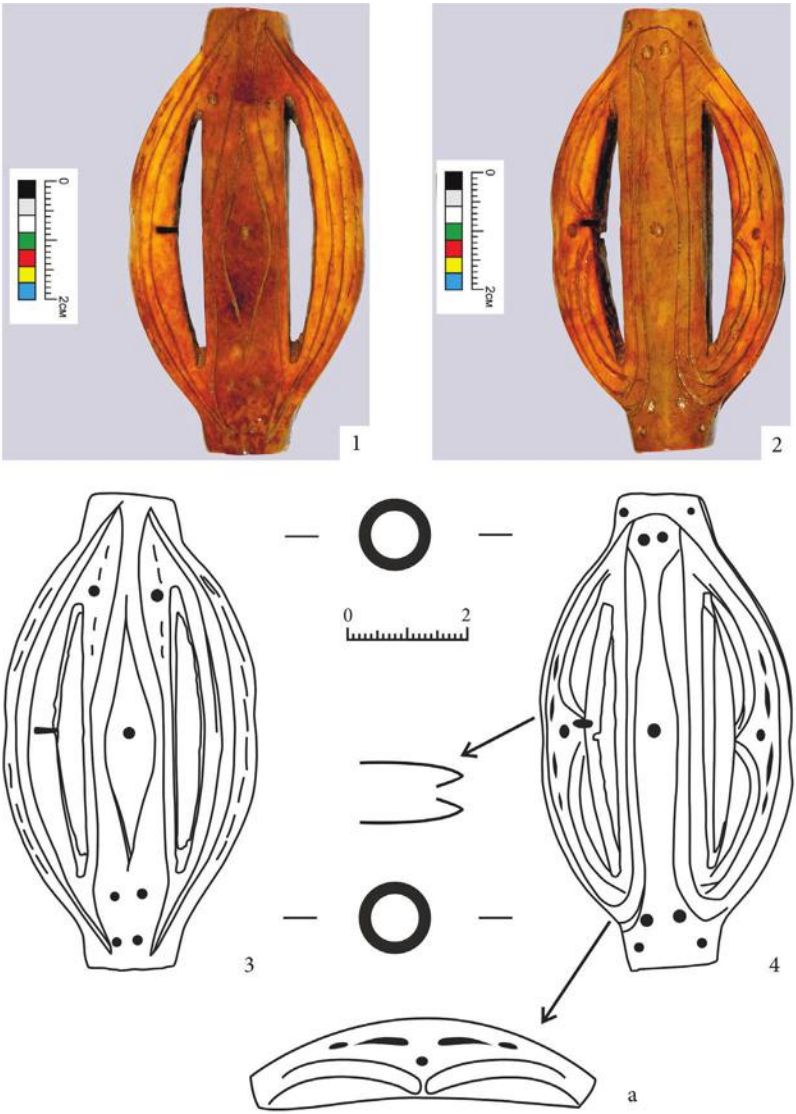

Рис. 2. Костяной игольник из фондов НГКМ: 1 — лицевая сторона игольника; 2 — оборона сторона игольника; 3 — прорисовка лицевой стороны игольника; 4 — прорисовка оборотной стороны игольника; 4а — прорисовка лика животного
Fig. 2. Bone needle case from the collection of the NGCM: 1 — front side of the needle case; 2 — defensive side of the needle case; 3 — drawing of the front side of the needle case; 4 — drawing of the back side of the needle case; 4a — drawing of the face of an animal

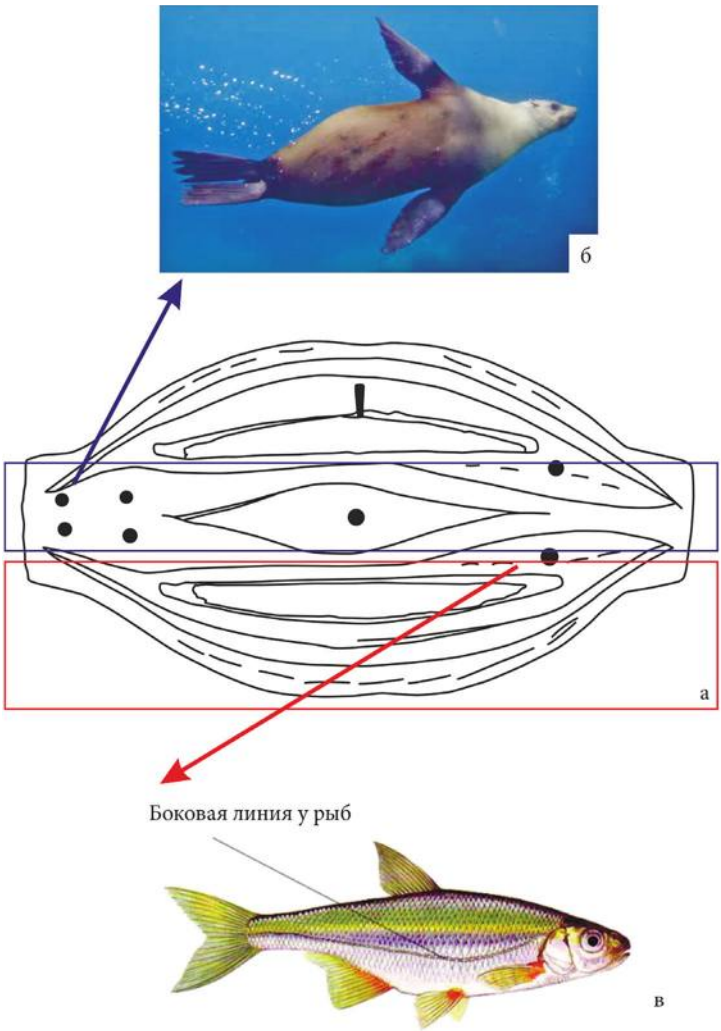

Рис. 3. Интерпретация прорисовки оборотной стороны игольника из собрания НГКМ: а — граффити с изображением морских обитателей; б — нерпы (?); в — рыбы
Fig. 3. Interpretation of the drawing on the reverse side of a needle case from the NGCM collection: a — graffiti depicting sea creatures; b — seals (?); c — fish

Интересно проследить разнообразие форм прорезей во фронтальной части игольников: от узких параллельных линий (рис. 1.-*5*) с дальнейшим расширением от центра к боковым граням, образуя полукруглые арки (рис. 1.-*3;* 2.-*1*), которые могли быть с небольшими перемычками (рис. 1.-*4*). В иголь-

нике с удвоением формы отверстия прорезаны двумя разными способами. В верхней части это просто узкие прорези (рис. 1.-*2*), аналогично игольнику (рис. 1.-*5*). В нижней части игольника, прорези повторяют ½ прорези боковины игольника в варианте фронтальной прорези с перемычкой (рис. 1.-*4*).

Анализ других особенностей этих, по сути, небольших предметов искусства мы надеемся получить от наших коллег, специализирующихся на исследовании древнейших культур Чукотки. Ну а небольшая частица культурного наследия древнечукотских резчиков теперь хранится в г. Новосибирске в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, благодаря чему мы имеем возможность познакомиться с игольниками необычной формы для юга Западной Сибири. Еще одним сюрпризом оказалась датировка игольника, не в 200–300 лет, а I тыс. н.э.

Информацию об игольнике из фондов НГКМ можно посмотреть в Госкаталоге: 59098952; номер по КП (ГИК): НГКМ ОФ-24235, инвентарный номер: Кс-193.

Список источников

В Новосибирске впервые представят выставку резной кости с Чукотки URL: WWW. sibirnews.ru/news/2024-04-28-v-novosibirske-vpervye-predstavyat-vystavku-reznoy-kosti-s-chukotki/?ysclid=mmmy8w4pub889602080 (дата обращения: 08.02.2024).

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, юридический факультет, кафедра философии и гуманитарных наук, преподаватель, педагог высшей категории; 630007, г. Новосибирск, ул. Ломоносова, 56, https://orcid.org/0000-0001-7963-9891, pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities, Faculty of Law, Lecturer, teacher of the highest category; 630007, Novosibirsk, Lomonosov St., 56, https://orcid.org/0000-0001-7963-9891, pilipenkosergej@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.05(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.56
EDN: XVGYUG

«ТАЙНИК» С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ УЛАГАНА

Даниил Романович Плотников[1], Владимир Вениаминович Караульнов[2]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. Работа посвящена вводу в научный оборот неопубликованных материалов из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Рассматриваемая коллекция была получена в 1976 Б.Х. Кадиковым в скальной расщелине близ с. Улаган,

включают в себя два разновременных комплекса. Молодая часть является предметами конского снаряжения XIX–XX вв., древняя — остатками «воинского» пояса (ременные накладки, пряжки, распределители ремней, «колчанный» ремень). Предметы второго комплекса декорированы серебряными аппликациями и чеканкой. На основании морфологии и декоративной отделки древний компонент памятника был отнесен к предметам аскизской культуры, попавшим в расщелину как часть погребального инвентаря или в виде вещевого клада. Появление среди материалов поздних вещей может быть связано с проявлением традиционных алтайских религиозных практик.

Ключевые слова: серебряные аппликации, поясные наборы, Улаганский район, пряжки и наконечники, бляхи и распределители

Благодарности: авторы выражают благодарность директору Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки С.А. Бартышевой и заведующему фондами археологии Л.И. Чегодаевой за доступ к коллекциям и содействие в работе с ними.

Для цитирований: Плотников Д.Р., Караульнов В.В. «Тайник» с металлическими изделиями из окрестностей Улагана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 389–397. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.56

A "HIDING PLACE" OF METAL ITEMS FROM THE VICINITY OF ULAGAN

Daniil R. Plotnikov[1], Vladimir V. Karaulnov[2]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This work is devoted to the introduction of unpublished materials from the collections of the V.V. Bianki Biysk Museum of Local History into scientific circulation. The collection in question was acquired in 1976 by B.Kh. Kadikov in a rock crevice near the village of Ulagan and comprises two assemblages dating back to different periods. The younger portion consists of horse equipment from the 19th–20th centuries, while the older portion consists of the remains of a "warrior's" belt (belt linings, buckles, belt distributors, "quiver" strap). The objects in the second assemblage are decorated with silver appliqués and embossing. Based on its morphology and decorative finish, the ancient component of thesite was attributed to objects of the Askiz culture, which were deposited in the crevice as part of a burial inventory or as a hoard of artifacts. The appearance of later objects among the materials may be associated with the manifestation of traditional religious practices of the Altai people.

Keywords: Silver appliqués, belt sets, Ulagansky region, buckles and tips, plaques and distributors

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the director of the Biysk Museum of Local History named after V.V. Bianki, S.A. Bartysheva, and the head of the archaeology collections, L.I. Chegodaeva, for access to the collections and assistance in working with them.

For citation: Plotnikov D.R., Karaulnov V.V. A "Hiding Place" of Metal Items from the Vicinity of Ulagan. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:389–397. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.56

В 1976 г., во время экспедиции по поиску петроглифов, организованной сотрудником Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиковым, на территории Улаганского района Республики Алтай был найден «тайник» с металлически-

ми изделиями. Согласно сопроводительной записке коллекции, материалы были найдены в скальной расщелине, расположенной на правом берегу реки Башкаус в 1,5 км ниже от села Улаган (Улаганский район, Республика Алтай). В настоящее время наиболее вероятным местом локализации памятника, подходящим под описание, может рассматриваться расположенный в указанной области участок скальных обнажений (рис. 1).

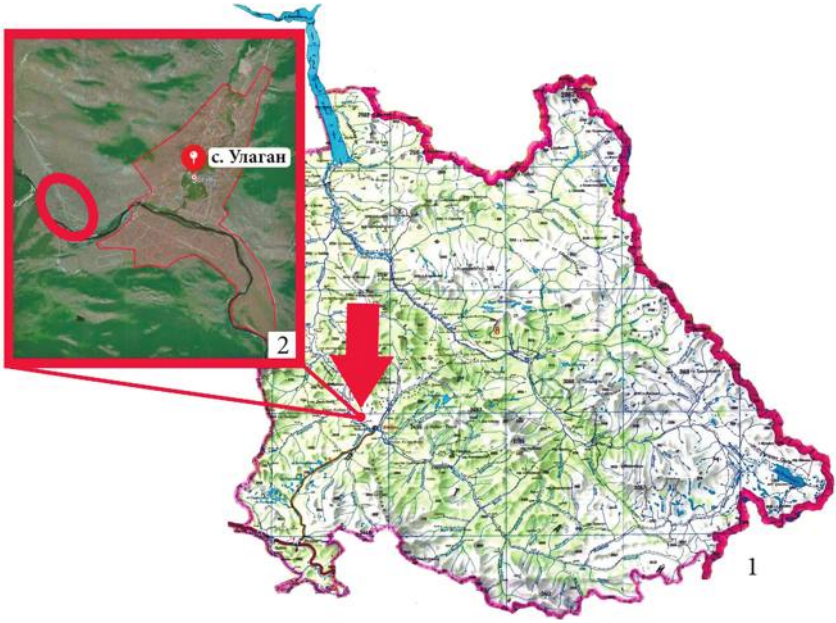

Рис. 1. Предполагаемое местоположение скального массива с расщелиной, в которой были найдены предметы
Fig. 1. The supposed location of the rock massif with the crevice in which the objects were found

После обнаружения материалы были переданы на хранение в Бийский краеведческий музей. К сожалению, находки не были своевременно внесены в фонды и были лишены полноценной полевой документации или иной информации о контексте обнаружения за исключением сопроводительной записки. Вследствие сочетания этих факторов находки длительное время не были введены в научный оборот и вновь обнаружены авторами работы лишь в 2025 г. Настоящая работа является первой публикацией улаганского «тайника».

Материалы

Всего в состав «тайника» входит 13 предметов, к числу которых относятся: удила, фрагмент бляшки, ременные бляхи-накладки, пряжки, распределители ремней, целый «колчанный» ремень с крюком и изолированный язычок

застежки. На части предметов сохранились остатки кожаных ремней. Кроме того, в расщелине были собраны остатки истлевшей кожи длиной до 10 мм.

На основании морфологии и сохранности предметы внутри комплекса можно разделить на «позднюю» и «раннюю» группы.

В состав «поздней» группы включено два предмета, наиболее крупный из которых — железные трензельные удила (рис. 2.-*1*). Вся поверхность удил покрыта металлическим антикоррозионным покрытием (никелирование?), местами стертым до железа.

Вторая часть поздней группы — фрагмент уздечной бляхи (рис. 2.-*2*). Она сломана в диагональном направлении через центральное отверстие, отлита из медного сплава. Целое изделие имело форму слабовыпуклого диска с расположенным в центре округлым отверстием. На поле бляхи оформлены подпрямоугольные окна, сгруппированные попарно: две пары параллельных и две пары диагональных окон. Лицевая сторона бляхи близ края декорирована двумя концентрическими желобками с мелкой поперечной насечкой на дне. Внешний край диска декорирован небольшими скругленными зубцами. Изделие несет множество незначительных литейных дефектов, а также следы абразивной обработки поверхности.

«Ранняя» группа состоит из фрагментов «воинского» ремня с различными металлическими элементами, включающими пряжки, тройники, застежки, бляхи-накладки и заклепки. Все металлические изделия группы, кроме изолированного язычка застежки, изготовлены из железа, их внешние поверхности (кроме заклепок, колец распределителей, рамок и язычков пряжек) покрыты сплошной аппликацией серебряной фольгой по односторонней косой (угол к длинной оси на большинстве плоскостей близок к 45°) насечке. Помимо декорирования серебром, лицевые стороны были орнаментированы чеканным геометрическим орнаментом.

Наиболее многочисленной (4 экз.) подгруппой изделий являются декоративные бляхи-накладки (рис. 3.-*2–5*). Морфология блях сходна: подпрямоугольные в плане пластины с фигурными (трефовидными) поперечными краями, слабо выпуклые в профиль. В орнаменте отмечены следы чеканов двух типов: кольцевидного полого и цельного прямоугольного. Рисунок — композиция из выбитых прямоугольным чеканом двух пар полукругов, отходящих от продольных сторон пластин, и расположенной между ними ромбовидной фигуры с вогнутыми сторонами, со сплошным заполнением пустого пространства в виде колец. Бляхи крепились к ремням при помощи заклепок с полусферической шляпкой, продевавшихся через округлые отверстия, проделанные близ поперечных краев блях, к концам которых были приклепаны тонкие подквадратные железные пластинки с длиной стороны около 10 мм. На трех бляхах сохранилось по одному штырьку, на одной — по два.

Следующей по числу категорией являются распределители ремней — 3 экз. (рис. 3.-*9–11)*. Распределители выполнены в единой манере: они составлены из центрального кольца с приклепанной к нему арочной пластинкой и трех подвижных лопастей, к которым крепились ремни. По морфологии

две лопасти схожи с описанными выше ременными накладками, однако один из их концов имеет вид узкой петлевидно загнутой полоски, заклепанной для фиксации к кольцу. Третьи лопасти значительно короче, а их очертания в плане близки к овалу. Чеканный рисунок на лицевой стороне длинных щитков по композиции и типам использованных пуансонов повторяет таковой на бляшках. Сильная корродированность лицевых сторон коротких щитков на двух распределителях не позволяет судить о наличии или отсутствии рисунка и серебряной аппликации; рисунок на третьей бляхе составлен из отходящих от продольных краев двух пар полукругов, выбитых прямоугольным чеканом, и заполняющих свободное пространство мелких колец.

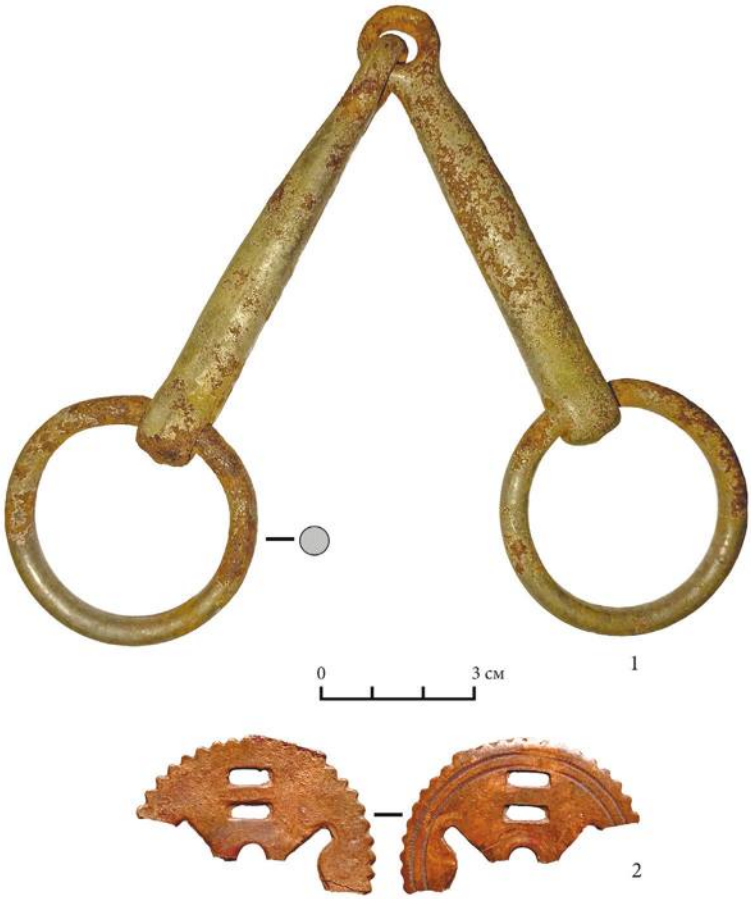

Рис. 2. Предметы «поздней» группы: 1 — железные удила, 2 — медная бляха
Fig. 2. Items of the "late" group: 1 — iron bridle, 2 — copper plaque

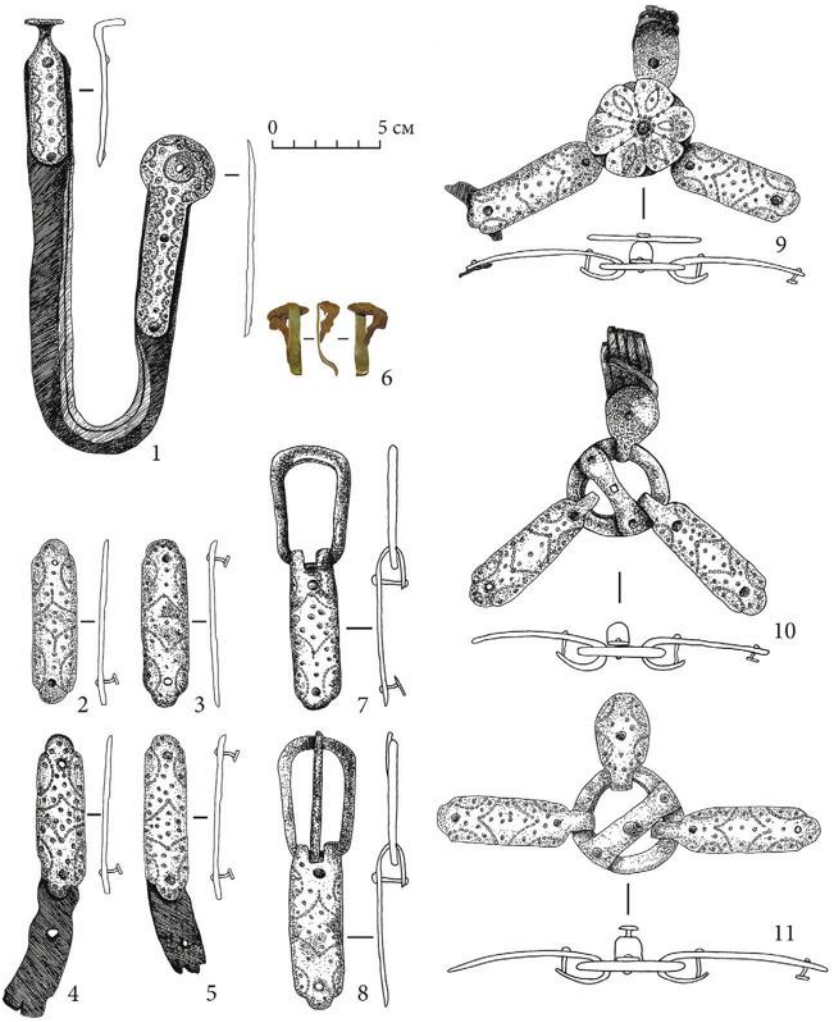

Рис. 3. Предметы «ранней» группы: 1 — «колчанный» ремень; 2–5 — ременные накладки; 6 — язычок застежки; 7–8 — пряжки; 9–11 — распределители ремней
Fig. 3. Artifacts of the "early" group: 1 — "quiver" belt; 2–5 — belt pads; 6 — clasp tongue; 7–8 — buckles; 9–11 — belt distributors

На одном распределителе (рис. 3.-9) сохранилась крупная декоративная розетка, прикрепленная к верхней части арочной пластинки. Розетка плоская, округлой формы, с шестью широкими и короткими лепестками. Ее диаметр равен центральному кольцу. Крепление розетки к пластинке осуществлено при помо-

щи заклепки с полусферической шляпкой, продетой через отверстия по центру розетки и пластинки и расклепанной на нижнем конце. Чеканная декоративная отделка состоит из шести тонких линий, отходящих от краевых вырезов к центру розетки, в пространстве между которыми размещены остроконечные овалы, их контур выбит прямоугольным пуансоном. Следы кольцевого чекана наложены поверх всех шести радиальных линий и выбиты вдоль внешних краев лепестков.

Несмотря на отсутствие розеток на двух других распределителях, наличие на их арочных пластинках отверстий в центральной части — в одном случае с сохранившейся заклепкой — указывает на наличие ранее аналогичных декоративных элементов.

Два артефакта являются рамочными ременными пряжками (рис. 3.-*7–8)*. Они состоят из подтрапециевидных в плане рамок с подквадратным сечением контура, соединяющихся узкой поперечной стороной со щитками, морфологически близкими к накладкам ремней. Щитки соединяются с рамками петлевидно загнутыми поперечными краями с прямоугольной прорезью в центральной части. Загнутые концы пластин соединяются со щитками заклепками с полусферическими шляпками. Противоположные края оснований трефовидные. Чеканный декор и аппликации повторяют таковые на накладках. На одной пряжке сохранился подвижный язычок в виде остроконечного стержня, задняя часть которого входит в прорезь основания и соединяется с рамкой петлевидным изгибом. Крепление пряжек к ремням осуществлялось при помощи штырьков с квадратными пластинками на концах, аналогичных штырькам на накладках и лопастях распределителей.

Лучше всего сохранился «колчанный» ремень (рис. 3.-*1*), состоящий их двух полос кожи с железными наконечниками. На верхнем конце ремня расположена пластина с округлым окончанием и двумя заклепками. В центре окончания проделано круглое отверстие, через которое ремень крепился к поясу. На нижнем конце размещен «колчанный» крюк в виде подпрямоугольного щитка на двух заклепках с Т-образным окончанием, загнутым вверх. Конец крюка соединен с пластиной узкой шейкой прямоугольного сечения. Обе металлические пластины покрыты остатками серебряной аппликации и чеканным узором. Композиция узора отличается от таковой на прочих элементах пояса: края пластин украшены полукругами, выбитыми чеканом с прямоугольной рабочей частью, а пространство между ними и внутри них заполнено следами от кольцевидного пуансона.

Последним предметом ранней группы является язычок застежки (рис. 3.-*6*). Язычок целый, сохранился вместе с фрагментом кожаного ремня, выполнен из тонкой полоски бронзы. Внешняя поверхность несет следы грубой абразивной обработки.

Сохранность ремней в основном плохая: кожа темная до угольно-черного цвета, ломкая, местами сильно разложившаяся до аморфных комковатых масс. Наилучшая сохранность у «колчанного» ремня — обе полосы кожи сохранили высокий уровень эластичности. Вероятно, в расщелину ремень был помещен сложенным вдвое, из-за чего принял U-образный изгиб.

Обсуждение

Как уже отмечалось выше, рассматриваемый в работе комплекс неоднороден и содержит в себе предметы из двух различных культурно-хронологических групп.

Первая группа — ранняя, включающая в себя бляхи, распределители ремней, пряжки, «колчанный» ремень и изолированный язычок застежки. Морфология снаряжения вкупе с характерной художественной отделкой железа аппликациями серебряной фольгой и чеканкой сближает материалы с изделиями аскизской культуры, бытовавшей на территории Южной Сибири в X–XIV вв. Композиции из ромбовидных фигур и полукругов имеют прямые аналоги среди орнаментов на металле из аскизских погребений (Кызласов, 1983, с. 114). Очень близки к аскизским и кольчатые трехлопастные распределители ремней (Там же, с. 95–96). В то же время некоторое упрощение чеканных композиций, проявляющееся в том числе в значительной асимметрии рисунка, и появление нехарактерных для аскизских вещей элементов декора в виде розеток с лопастями на распределителях может указывать на более позднее время создания вещей. В пользу этой версии свидетельствует также бытование очень сходных розеток и ременных пряжек в конской сбруе коренных народов Саяно-Алтая вплоть до XX в. (Алтайцы: Этническая история..., 2014, с. 162).

Вторая группа относится к гораздо более позднему периоду и может быть датирована в интервале от 2-й половины XIX до 1-й половины XX в. Помимо фабричного качества изготовления с применением современных техник обработки материала (гальваническое покрытие на удилах), степень их сохранности указывает на относительно небольшой срок нахождения в расщелине.

Из-за неполноты информации о контексте обнаружения остается неясным характер «тайника». Так как раскопок в расщелине не проводилось, нельзя исключить принадлежность раннего комплекса к погребальному инвентарю. Скальные погребения аскизской культуры и этнографического времени известны с территории соседней Хакасско-Минусинской котловины (Кызласов, 1999). Возможно также, что находки являются ритуальным или утилитарным кладом. Вещевые тайники средневековья и нового времени в естественных скальных образованиях известны в том числе и с территории соседнего Кош-Агачского района Республики Алтай (Соенов, Исов, 1999). Попадание в тайник поздних предметов, возможно, связано с алтайскими ритуальными практиками организации тайников с хозяйственно-бытовыми и/или ритуальными вещами, также известными в том числе с территории Южного Алтая (Кубарев, Октябрьская, 1996). Неясно, повлияло ли на выбор этой конкретной расщелины наличие в ней сделанного ранее погребения или клада или объект был выбран по независимым причинам.

Не исключен также альтернативный вариант организации тайника, при котором случайно найденные местными жителями в XIX–XX вв. части старинного воинского снаряжения были преднамеренно уложены в скальную нишу вместе с новыми вещами — удилами и половиной бляхи. О подобном сакрализованном отношении алтайцев к находкам старинных и древних вещей сообщается в наблюдениях Н.П. Дыренковой (Там же).

Список источников

Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.

Кубарев В.Д., Октябрьская И.В. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. №3. Новосибирск, 1996. С. 84–92.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М., 1983. 127 с.

Кызласов И.Л. Скальные захоронения — особая группа погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 169–199.

Соенов В.И., Исов А.В. Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 194–197.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Владимир Вениаминович Караульнов, Новосибирский государственный университет, кафедра археологии и этнографии, студент; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, https://orcid.org/0009-0002-9209-7112, v.karaulnov@g.nsu.ru

Vladimir V. Karaulnov, Novosibirsk State University, Department of Archaeology and Ethnography, Student; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogov St., 2, https://orcid.org/0009-0002-9209-7112, v.karaulnov@g.nsu.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.083(571.151)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.57
EDN: YISWNX

ГРАВИРОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДИ НА КАМЕННОМ БЛОКЕ ИЗ КЫЗЫЛ-МАНЫ

Даниил Романович Плотников[1], Елена Леонидовна Краснова[2]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. Работа посвящена изучению ранее не выявлявшегося предмета мобильного искусства с территории Горного Алтая из собрания Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки — гравированного блока с изображением лошади, найденного в окрестностях села Кызыл-Маны (ныне — Бельтир) в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Артефакт представляет собой небольшой каменный блок, на одной из плоскостей которого нанесено контурное изображение лошади с жеребенком

в утробе. Животное передано в реалистичной, но несколько упрощенной манере. Ближайшие стилистические аналоги находки — петроглифы этнографического времени Горного Алтая. На основании стилистики рисунка и формы исполнения в виде мобильного предмета находка предварительно датирована 2-й половиной II тыс. н.э.

Ключевые слова: мобильное искусство, гравировки, лошади, 2-я половина II тыс. н.э., Кош-Агачский район

Благодарности: авторы выражают благодарность директору Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки С.А. Бартышевой и заведующему фондами археологии Л.И. Чегодаевой за доступ к коллекциям и содействие в работе с ними.

Для цитирований: Плотников Д.Р., Краснова Е.Л. Гравированное изображение лошади на каменном блоке из Кызыл-Маны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 397–403. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.57

ENGRAVED IMAGE OF A HORSE ON A STONE BLOCK FROM KYZYL-MANY

Daniil R. Plotnikov[1], Elena L. Krasnova[2]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This work examines a previously undiscovered piece of portable art from the Altai Mountains, part of the collection of the V.V. Bianki Biysk Museum of Local History. It is an engraved block depicting a horse, discovered near the village of Kyzyl-Many (now Beltir) in the Kosh-Agach District of the Altai Republic. The artifact is a small stone block, one of whose surfaces bears an outline image of a horse with a foal in its womb. The animal is depicted in a realistic, yet somewhat simplified manner. The closest stylistic analogs to this find are petroglyphs from the ethnographic period of the Altai Mountains. Based on the style of the engraving and its mobile form, the find has been tentatively dated to the second half of the 2nd millennium CE.

Keywords: mobile art, engravings, horses, second half of the 2nd millennium CE, Kosh-Agachshkiy rayon

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the director of the Biysk Museum of Local History named after V.V. Bianki, S.A. Bartysheva, and the head of the archaeology collections, L.I. Chegodaeva, for access to the collections and assistance in working with them.

For citation: Plotnikov D.R., Krasnova E.L. Engraved Image of a Horse on a Stone Block from Kyzyl-Many. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:397–403. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.57

Предметы мобильного искусства в виде гравированных каменных галек, блоков и плиток являются важным источником для изучения истории развития форм искусства в обществах прошлого. С территории Горного Алтая известны представительные серии разновременных находок артефактов этой группы, охватывающих хронологический интервал от энеолита (Кирюшин Ю.Ф., Волков, Кирюшин К.Ю., 2006) до средневековья (Константинов, Урбушев, 2023). Тем не менее значительный объем материалов, относящихся

новому времени, по-прежнему не введен в научный оборот. Настоящая работа посвящена публикации уникального позднего гравированного изображения на каменном блоке, случайно обнаруженного на территории Кош-Агачского района Республики Алтай.

Исследуемый предмет, выявленный при проведенной авторами в 2025 г. ревизии фондов археологии Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки, поступил на хранение (опись №201) в 1972 г. из окрестностей с. Кызыл-Маны (ныне заброшенное село Бельтир). В качестве автора находки в сопроводительных документах и описях коллекции значится сотрудник музея Б.Х. Кадиков.

Материалы

Камень представляет собой небольшой блок — 145×75×35 мм (форма блока близка к уплощенному параллелепипеду, поперечное сечение подпрямоугольное) сланцеватой породы серо-коричневого цвета (рис. 1). До начала антропогенного воздействия блок был толще и имел поперечное сечение, близкое к параллелограмму, на что указывает косая направленность слоистости. Характер сохранности естественных участков артефакта свидетельствует о том, что до начала модификации отдельность продолжительный период находилась в экспонированном состоянии и подвергалась выветриванию. Блок условно разделяется на лицевую (с гравировкой) и оборотную плоскости и боковые грани (продольные и поперечные).

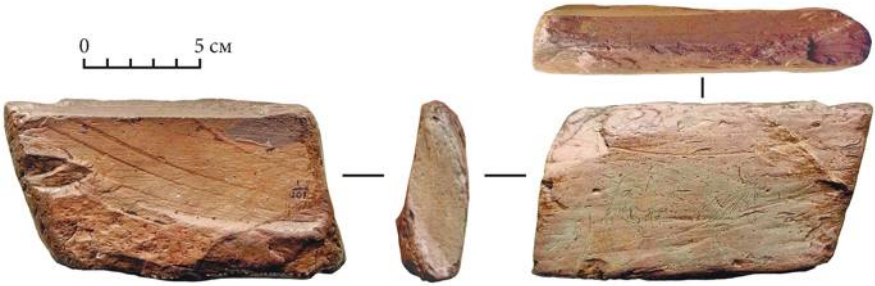

Рис. 1. Сланцевый блок с гравировкой из окрестностей с. Кызыл-Маны
Fig. 1. A shiver block with an engraving from the vicinity of the village of Kyzyl-Many

Свидетельства человеческого воздействия разнообразны и неоднородны как по степени их влияния на заготовку, так и по способу нанесения, разделяясь на следы подготовительных операций и на непосредственно гравировку.

Признаки подготовительных операций включают в себя следы раскалывания и абразивного выравнивания.

Единственный негатив крупного скола расположен на оборотной стороне изделия. Целью скалывания, по всей видимости, было удаление значительного объема исходной отдельности для уменьшения размеров и придания ей прямоугольных очертаний.

Признаки интенсивного абразивного воздействия в виде участков выровненной поверхности камня с многочисленными параллельными и субпараллельными линейными следами фиксируются на всей площади лицевой плоскости, а также на значительном протяжении верхней (по ориентации рисунка) продольной грани. Направление остаточных линейных следов указывает на шлифовку обеих плоскостей преимущественно в продольном и субпродольном направлении. Несмотря на технологическое сходство операций, шлифовка в двух описанных зонах, вероятно, преследовала различные цели: если абразивная обработка лицевой стороны была связана с подготовкой поверхности перед нанесением гравировки, то шлифовка боковой грани выравнивала выделяющиеся неровности исходной формы заготовки (в том числе потенциальные остаточные следы снятия объема с задней плоскости).

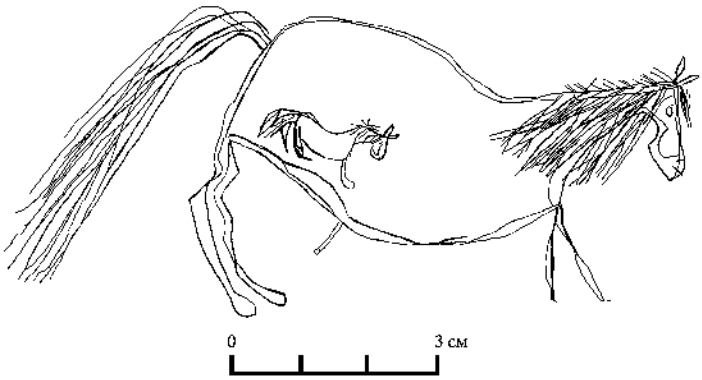

Рис. 2. Прорисовка изображения лошади с блока
Fig. 2. Drawing of a horse image from a block

Само гравированное изображение (рис. 2) занимает более половины от площади лицевой поверхности (89×43 мм), располагаясь в ее центральной части со смещением к нижней границе плоскости. Гравировка, нанесенная при помощи твердого предмета с шириной рабочего края около 0,5 мм (металлический нож?), изображает повернутую вправо взрослую кобылу, стоящую на четырех выпрямленных ногах. Голова с выделенными ноздрей и овальным глазом без зрачка. Профиль головы выразителен, морда отделена от шеи глубокой выемкой, ограниченной спереди почти прямым углом нижней челюсти. В верхней части головы, в точке схождения линии шеи и затылка, расположены направленные вперед и вверх миндалевидные уши и ориентированная вперед и вниз короткая и редкая челка. Позади головы изображена расширяющаяся к телу шея, вдоль всего протяжения которой тянется грива, отходящая от верхнего края и проходящая через нижний; как и челка, грива оформлена частыми косыми субпараллельными линиями. Вдоль внешнего края шеи также тянется ряд из коротких зубчатых линий, изображающих

начало левой половины гривы или торчащие из пробора пучки волос. Шея плавно переходит в подпрямоугольное туловище с низкой холкой, вогнутым профилем спины и выступающим крупом; в то же время линия живота округлая, выступает вниз. От нижней части задней половины живота вниз отходит узкий и длинный отросток — возможно, попытка передать очертания вымени. Из задней части крупа выступает короткая репица, от которой отходит направленный вниз и назад хвост. Подобно челке и гриве, он изображен при помощи множества субпараллельных линий, доходящих почти до линии задних копыт.

Конечности животного изображены в разной манере. Передние ноги непропорционально короткие, практически не оформлены, а лишь намечены, имея вид двух групп линий (левая и правая нога), отходящих вниз от угла схождения груди и шеи и оканчивающихся короткими горизонтальными штрихами. Задние ноги выполнены в более реалистичной манере: обе изображены начиная с голени (бедро не выделено, конечности отходят сразу от задней части живота), оканчиваясь миниатюрными округлыми копытами. Скакательные суставы переданы резкими изгибами контуров гравировки. Признаки наличия узды, седла, пут или иных предметов конского снаряжения отсутствуют. Примечательно сложение контура тела животного (кроме волос и конечностей) двумя частично накладывающимися друг на друга линиями гравировки.

Внутри задней части туловища животного расположено небольшое (19×8 мм) изображение второй лошади, «стоящей» на выпрямленных ногах и обращенной вправо. Несмотря на упрощенные формы и меньшую детализацию из-за малого масштаба, можно заключить, что гравировка выполнена в манере, близкой к основному изображению. Широкая голова овальных очертаний, без глаз и ноздрей, увенчана парой миндалевидных, направленных вперед и вверх ушей, челка отсутствует. Шея, расширяющаяся к туловищу, перекрыта короткой — до нижней границы шеи — и редкой гривой. Очертания туловища близки к таковым у большей фигуры. Хвост длиннее, оканчивается на линии копыт, у основания не собирается в репицу. Ноги две (передняя и задняя правые, левые не показаны), без выделенных суставов, короткие, оканчиваются L-образными изгибами.

На основе одинаковой сохранности и сходного стилистического оформления можно сделать вывод о единовременном создании обеих фигур, образующих таким образом цельную художественную композицию. Из-за специфики расположения меньшей фигуры лошади в задней части туловища большей вся сцена может быть трактована как схематичное изображение беременной кобылы со сформировавшимся плодом. В качестве косвенного свидетельства в пользу этой версии могут быть трактованы увеличенные относительно прочих пропорций тела размеры нижней части туловища большего животного.

Все описанные элементы гравировки перекрывают собой остаточные следы абразивной обработки.

Обсуждение

Из-за почти полного отсутствия информации о контексте обнаружения предмета единственным возможным способом относительного датирования артефакта остается стилистический анализ гравировки.

Ближайшие аналогии рассматриваемому изображению обнаруживаются в комплексах гравировок Горного Алтая, относящихся к этнографическому периоду. Так, близкая манера изображения статичных фигур лошадей прослеживается в поздних петроглифах Каракола (Кубарев, 1999) и Калтака (Маточкин, 2009); кроме того, на калтакских гравировках этнографического времени в близкой манере выполнены гривы и хвосты животных. Ряд идущих вдоль верхнего края шеи волос, направленных назад и вверх, вкупе с характерным способом упрощенного изображения передних конечностей присутствует среди гравировок с изображениями всадников долины реки Чаган (Черемисин, 2008). В то же время в петроглифах Алтая сюжет беременности животных с визуализацией плода является исключительно редким как для искусства нового времени, так и для наскальных изображений предшествующих эпох.

Кроме того, важно отметить небольшую серию опубликованных предметов мобильного искусства этнографического времени в виде гравированных плиток и блоков, происходящих с территории Горного Алтая (Кубарев, 2009, с. 225, рис. 157; Плотников, Краснова, 2025). В целом можно заключить, что рассматриваемый в настоящей работе артефакт может быть предварительно датирован 2-й половиной II тыс. н.э.

Список источников

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю. Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 (хронологический и технологический аспекты «торгажакской» традиции на территории Саяно-Алтайского нагорья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №1 (25). С. 84–88.

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Изображение птицы на каменной плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. №2. С. 95–109.

Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 198–210.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Маточкин Е.П. Петроглифы Калтака // Древности Сибири и Центральной Азии. №1–2. Горно-Алтайск, 2009. С. 59–73.

Плотников Д.Р., Краснова Е.Л. Плитка из Ини: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии. Барнаул, 2025. С. 205–206.

Черемисин Д.В. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2008. С. 269–274.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Елена Леонидовна Краснова, Новосибирский государственный университет, студент; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, https://orcid.org/0009-0003-7867-5374, e.krasnova@g.nsu.ru

Elena L. Krasnova, Novosibirsk State University, Department of Archaeology and Ethnography, Student; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogov St., 2, https://orcid.org/0009-0003-7867-5374, e.krasnova@g.nsu.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.27(571.151):069.02:908
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.00
EDN: YOKHUY

ГРАВИРОВАННЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ В СОБРАНИИ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ

Даниил Романович Плотников[1], Елена Леонидовна Краснова[2], Евгений Павлович Рыськов[1]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. В работе рассматривается ранее не публиковавшаяся коллекция гравированных петроглифов из собрания Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Материалы (вывезенные во 2-й половине XX в. фрагменты скал с петроглифами) были лишены сопроводительной полевой документации и не были приняты на хранение в фонды музея, из-за чего контекст находок оказался утраченным. Тем не менее, несмотря на отсутствие информации о месте и обстоятельствах обнаружения, ряд изображений достаточно информативен в качестве самостоятельных археологических источников. Петроглифы относятся к скифской и тюркской эпохе, а также к этнографическому времени. Среди сюжетов присутствуют изображения диких и домашних животных, сцены охоты, а также рисунки шаманов и схематичные изображения антропоморфов.

Ключевые слова: гравировки, петроглифы, скифское время, тюркское время, этнографическое время

Благодарности: авторы выражают благодарность директору Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки С.А. Бартышевой и заведующему фондами археологии Л.И. Чегодаевой за доступ к коллекциям и содействие в работе с ними.

Для цитирований: Плотников Д.Р., Краснова Е.Л., Рыськов Е.П. Гравированные наскальные изображения из Горного Алтая в собрании Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 403–409. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.58

ENGRAVED ROCK ART FROM THE ALTAI MOUNTAINS IN THE COLLECTION OF THE V.V. BIANKI BIYSK MUSEUM OF LOCAL HISTORY

Daniil R. Plotnikov[1], Elena L. Krasnova[2], Eugeniy P. Ryskov[1]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This paper examines a previously unpublished collection of engraved petroglyphs from the V.V. Bianki Biysk Museum of Local History. The materials (rock fragments bearing petroglyphs, removed in the second half of the 20th century) were deprived of accompanying field documentation and were not accepted for storage in the museum's collections, resulting in the loss of context for the finds. Nevertheless, despite the lack of information about the location and circumstances of their discovery, a number of the images are quite informative as stand-alone archaeological sources. The petroglyphs date back to the Scythian and Turkic periods, as well as to the ethnographic period. The subjects include depictions of wild and domestic animals, hunting scenes, as well as drawings of shamans and schematic representations of anthropomorphs.

Keywords: engravings, petroglyphs, Scythian period, Turkic period, ethnographic period

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the director of the Biysk Museum of Local History named after V.V. Bianki, S.A. Bartysheva, and the head of the archaeology collections, L.I. Chegodaeva, for access to the collections and assistance in working with them.

For citation: Plotnikov D.R., Krasnova E.L., Ryskov E.P. Engraved Rock Art from the Altai Mountains in the Collection of the V.V. Bianki Biysk Museum of Local History. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:403–409. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.58

В фондах бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки хранится значительное число материалов по петроглифическим памятникам Горного Алтая. Основную часть коллекции составляют микалентные копии, сделанные во 2-й половине XX в. силами сотрудников музея в ходе выездных экспедиций на памятники. Неоценимый вклад в создание собрания эстампажей внес сотрудник БКМ, археолог и краевед Б.Х. Кадиков.

В то же время, помимо коллекции копий, в музее хранится собрание фрагментов скал с гравированными и выбитыми изображениями, привезенных с разрушающихся памятников. К сожалению, многие из этих материалов не были своевременно приняты на хранение в фонды или опубликованы в научной литературе, что привело к полной утрате информации об их изначальном контексте. Остаются не выясненными как обстоятельства обнаружения (год, коллектор), так и данные о местонахождении, за исключением общей локализации на территории Горного Алтая.

Тем не менее ряд петроглифов представляют высокий интерес с учетом утраты археологического контекста. Настоящая работа посвящена вводу в научный оборот части коллекции, содержащей гравированные наскальные изображения.

Экспонируемые изображения

Половина рассматриваемой коллекции по состоянию на 2026 г. находится в экспозиции «Древняя история Алтая». Всего экспонируется три фрагмента скал, происходящих, судя по различию в цвете и текстуре камня, из разных горных массивов. Все петроглифы были нанесены на скалы, сложенные сланцами. Ниже приводится описание плит, данное в хронологическом порядке от древних изображений к более молодым.

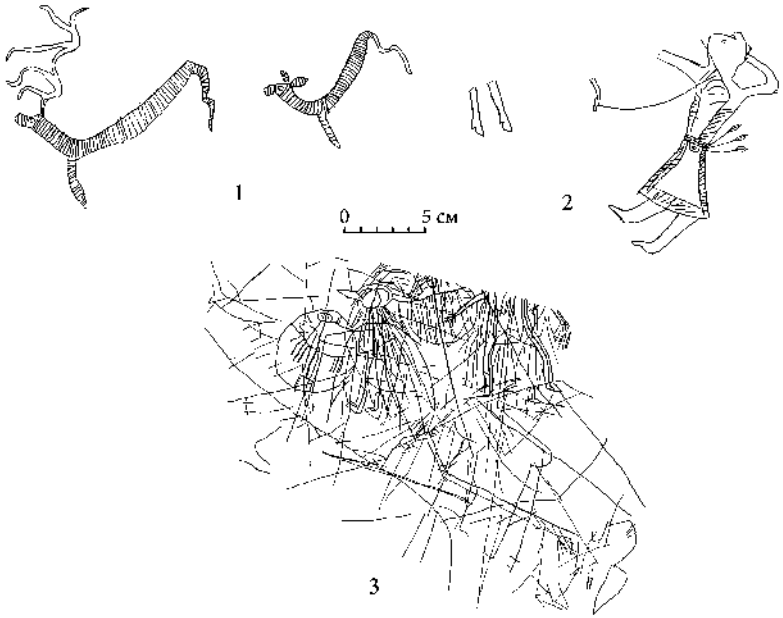

Рис. 1. Петроглифы из экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки: 1 — скифское время; 2 — тюркское время; 3 — этнографическое время
Fig. 1. Petroglyphs from the exposition of the Biysk Museum of Local History named after V.V. Bianki: 1 — Scythian time; 2 — Turkic time; 3 — ethnographic time

Камень №1 (рис. 1.-*1*). Плита темно-зеленого сланца. Поверхность с рисунками ровная, сильно заглаженная в ходе естественного выветривания. В нижней части плиты расположена пара оленей — марал и маралуха — обращенных мордами влево. У стоящего слева самца на голове изображены большие, направленные вверх рога с пятью отростками, у самки — пара направленных вверх и в стороны ушей. У обоих животных присутствует по одному овальному глазу, у самца внутри него также есть зрачок. Позы оленей одинаковые: их спины вогнуты, а головы подняты. Практически вся площадь тел (кроме рогов самца и задней ноги у самки) заполнены сплошной поперечной штриховкой. Изображения сохранились полностью.

Камень №2 (рис. 1.-*2*). Плита темно-зеленого сланца. Как и в прошлом случае, поверхность камня выровнена выветриванием. Изображение частично утрачено из-за слома. В левой части композиции сохранилось окончание пары ног парнокопытного животного, в левой — фигура мужчины, стреляющего в сторону зверя из лука. Человеческая фигура изображена реалистично. Передана поза стоящего прямо лучника с вытянутой правой рукой и левой рукой, натягивающей тетиву. На лице различимо левое ухо и один глаз с бровью, расположенный в центре головы. Человек облачен в длиннополую одежду с оторочкой по краю и вдоль подола, на его ногах остроносая обувь. Примечателен четко выделенный пояс с привешенной к нему сумочкой. Сумочка подквадратной формы, с кругом в центре. За спиной лучника находится колчан, из которого торчат задние части трех оперенных стрел. Из-за слома у фигуры не сохранились половина правой руки и верхняя часть головы, а также бóльшая часть лука.

Камень №3 (рис. 1.-*3*). Блок зеленого сланца. Поверхность скалы шероховатая, средне выветрелая. Практически вся плоскость камня покрыта гравировками, значительная доля которых не образуют различимых композиций. Единственное выразительное изображение — пара антропоморфных фигур, частично утраченная из-за слома.

Сцена изображает двух шаманов. У левой, целиком сохранившейся, фигуры изображен своеобразный головной убор или некое подобие маски с отходящими от головы вверх и в стороны линиями. В правой руке человека находится большой бубен с рукоятью в виде антропоморфа с подогнутыми ногами, расставленными в стороны руками и личиной с парой глаз-точек. Левая рука и тело персонажа выделены слабо и теряются среди хаотичных линий, перекрывающих композицию. На ногах человека изображена пара сапог или ботинок с высоким голенищем и тупым носком.

У второй фигуры сохранилась только нижняя часть тела и рук. Человек крупнее соседнего персонажа, а его туловище и руки переданы в более реалистичной манере — в частности, на каждой кисти изображено по пять пальцев. Правая рука перекрывает изображение бубна, перекрестие которого также выполнено в виде антропоморфа с раскинутыми руками и личиной. Вместо ног у рукояти изображен длинный стержень, уходящий нижним концом ниже уровня стоп шамана (возможно, изображение посоха).

Обе фигуры, а также антропоморфные рукояти бубнов в их руках сопряжены с длинными, направленными вниз нитевидными элементами, передающими шаманское одеяние и ленты.

Неэкспонируемые изображения

Помимо экспонируемых материалов в собрании музея находятся еще три не принятых на хранение фрагмента гравированных скал.

Камень №4 (рис. 2.-*1*). Плита коричнево-зеленого сланца. Поверхность выглажена выветриванием. На плите изображена пара антропоморфных фигур, переданных в одинаковой схематичной манере. Головы с выделенными чертами лица соединены с парой направленных вниз линий, переходящих в подогнутые ноги. Руки переданы парами простых линий, ориентированных в стороны и вниз.

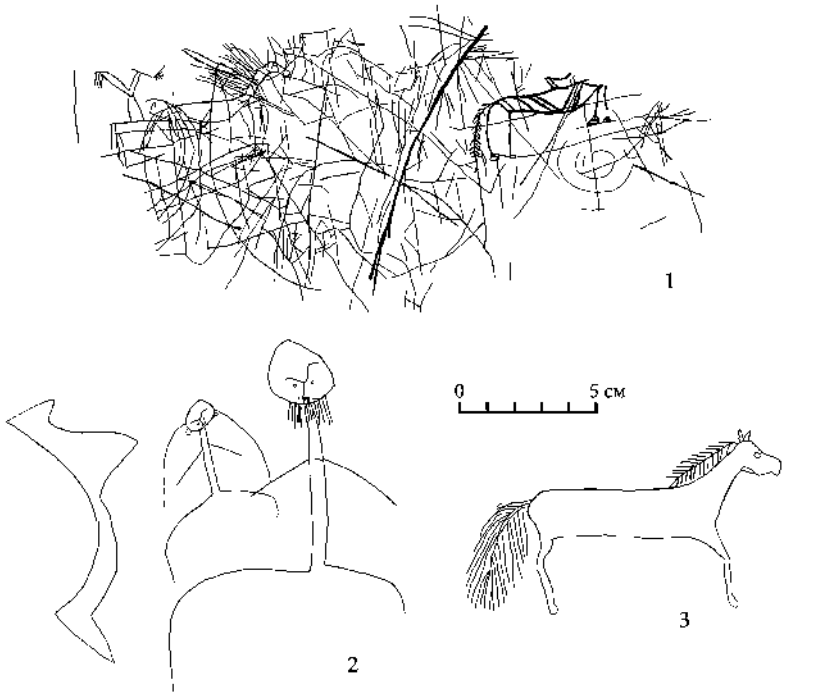

Рис. 2. Неэкспонируемые петроглифы этнографического времени из собрания Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки
Fig. 2. Unexhibited petroglyphs of the ethnographic period from the collection of the Biysk Museum of Local History named after V.V. Bianki

У меньшей фигуры, расположенной слева, изображено лицо с коромысловидными бровями, переходящими в линию носа, парой глаз, ртом и ушами. От головы налево и направо опущены одиночные дуговидные линии, возможно, изображающие косы, что позволяет предположить женский пол персонажа.

Лицо правой фигуры изображено сходным образом, однако уши и дугообразные линии отсутствуют, а на нижней части головы нанесено множество направленных вниз линий, изображающих бороду. Это изображение может быть однозначно трактовано как мужское.

Слева от антропоморфов выгравирована замкнутая Э-образная фигура с тремя зубцами по правому краю.

Плита №5 (рис. 2.-*2*). Блок светлого серо-зеленого сланца. Поверхность слабо выветрелая, неровная. Практически вся изобразительная плоскость перекрыта хаотичными штрихами и линиями, не образующими ясного рисунка. В правой части блока частично сохранилось единственное четкое изображение в виде повернутой вправо лошади, передняя часть тела которой

оказалась утраченной из-за слома. Лошадь передана в схематичной манере. Ее поза статична. Хвост изображен в виде спускающейся до копыт линии, от которой в стороны «елочкой» отходят волосы. Задние конечности животного имеют вид тонких прямых линий, оканчивающихся небольшими овальными копытами. На теле лошади изображено конское снаряжение — седло с чепраком, а также, возможно, стремена. Позади лошади прорезана широкая и глубокая диагональная линия.

В левой части композиции среди хаотичных линий различимо изображение, которое может быть трактовано как сильно упрощенный рисунок повернутой вправо лошади с высокой лучевидной гривой. Позади этого рисунка, возможно, выгравировано дерево.

Плита №6 (рис. 2.-*3*). Плита коричневого сланца с неровной поверхностью. Единственной гравировкой на камне является повернутая вправо лошадь. Животное изображено в несколько упрощенной, но достаточно реалистичной манере, его поза статична. На голове выделены торчащие вверх уши и глаз без зрачка, на шее — короткая грива. Хвост изображен в виде доходящего до бедер направленного вниз остроконечного стержня, от которого отходят многочисленные линии волос. Конечности показаны только с правой стороны тела.

Обсуждение

Основываясь на стилистике петроглифов, коллекцию можно разбить на три хронологические группы.

Наиболее ранним изображением является пара оленей с камня №1. Животные выполнены в стиле, типичном для наскального искусства скифской эпохи Горного Алтая (Окладникова, Слободзян, 2009).

Изображение лучника с камня №2 относится к тюркскому времени. Сходные детализированные изображения всадников и пеших лучников с характерным оформлением верхней одежды и манерой передачи колчана в виде торчащих из-за спины древков стрел широко представлены в алтайских петроглифах этого периода (Мухарева, 2007).

Наиболее представительной частью коллекции являются петроглифы этнографического времени, включающие в себя изображения с камней №3–6. Среди гравировок Нового времени известны как многочисленные аналоги сцене с шаманами (Кубарев, 2001), так и близкие по манере изображения людей с камня №4 (Там же) и лошадей (Кубарев, 1999; Маточкин, 2009).

Список источников

Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 198–210.

Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №6. Горно-Алтайск, 2001. С. 89–107.

Маточкин Е.П. Петроглифы Калтака // Древности Сибири и Центральной Азии. №1–2 (13–14). Горно-Алтайск, 2009. С. 59–73.

Мухарева А.Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтая и сопредельных регионов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 6, вып. 3. Новосибирск, 2007. С. 189–198.

Окладникова Е.А., Слободзян М.Б. Наскальные рисунки северных склонов Южно-Чуйского хребта // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. СПб., 2009. С. 9–85.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Елена Леонидовна Краснова, Новосибирский государственный университет, студент; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2; https://orcid.org/0009-0003-7867-5374, e.krasnova@g.nsu.ru

Elena L. Krasnova, Novosibirsk State University, Department of Archaeology and Ethnography, Student; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogov St., 2; https://orcid.org/0009-0003-7867-5374, e.krasnova@g.nsu.ru

Евгений Павлович Рыськов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0009-0005-2393-664X, gegs2018@mail.ru

Eugeniy P. Ryskov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; https://orcid.org/0009-0005-2393-664X, gegs2018@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 069.02:502
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.59
EDN: TTQHCE

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «ВСЕ О БИВНЕ» В МУЗЕЕ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Константин Евгеньевич Протодьяконов
Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

Резюме. В статье раскрывается концептуальный и практический опыт проектирования междисциплинарного выставочного проекта «Все о бивне» в Музее Природы и Человека. Главная идея проекта — на основе подлинных музейных коллекций раскрыть бивень как уникальный природный и культурный феномен. Экспозиционное пространство, разделенное на специальные тематические блоки, подробно представляет все аспекты «бивнелогии». Предметный ряд выставки дополняется информа-

ционными стендами, фотографиями и видеороликами. Такой подход демонстрирует качественный переход от традиционного линейного показа к формированию единой образовательной среды, объединяющей палеонтологию, археологию, биологию, экологию, культуру и искусство.

Ключевые слова: Музей Природы и Человека, выставочное проектирование, бивень, палеонтология, археология, экология, культура, искусство

Для цитирований: Протодьяконов К.Е. Выставочный проект «Все о бивне» в Музее Природы и Человека: опыт проектирования и реализации // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 409–414. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.59

"ALL ABOUT THE TUSK" EXHIBITION PROJECT AT THE MUSEUM OF NATURE AND MAN: EXPERIENCE IN DESIGN AND IMPLEMENTATION

Konstantin E. Protodyakonov
Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. The article presents the conceptual and practical experience of designing a multidisciplinary exhibition project, "All About the Tusk", at the Museum of Nature and Man. The core idea of the project is to reveal the tusk as a unique natural and cultural phenomenon based on authentic museum collections. The exhibition space, divided into specialized thematic blocks, provides a detailed presentation of all aspects of "tuskology". The display is supplemented by information stands, photographs, and video content. This approach demonstrates a qualitative transition from traditional linear displays to the formation of a unified educational environment that integrates paleontology, archaeology, biology, ecology, culture, and art.

Keywords: Museum of Nature and Man, exhibition design, tusk, paleontology, archaeology, ecology, culture, art

For citation: Protodyakonov K.E. "All about the Tusk" Exhibition Project at the Museum of Nature and Man: Experience in Design and Implementation. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:409–414. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.59

Животный мир планеты поражает своим великолепием и разнообразием. Одни существа обладают удивительной внешностью и потрясающими способностями, другие — колоссальной силой и бесконечной преданностью. Среди этого многообразия особое место занимают млекопитающие — группа высших позвоночных организмов, чья зубная система стала воплощением эволюционной специализации, позволившей им освоить наземные и водные экосистемы Земли. В этом контексте бивень выступает как уникальный биологический инструмент познания истории жизни организма и условий окружающей среды, а также важный «артефакт» для изучения человеческой истории (Юкагирский мамонт, 2007, с. 5, 142–149; Питулько и др., 2014, с. 49–53). Эта многоаспектность и легла в основу концепции междисциплинарного выставочного проекта, реализованного в Музее Природы и Человека в 2022 г.

Экспозиционный ряд выставки базировался на палеонтологических, биологических, археологических и художественных коллекциях, что позволило охватить самые разные аспекты бивня: научный, исторический, эколо-

гический и эстетический. Художественное оформление объединило подлинные экспонаты с информационными стендами и фотографиями, благодаря чему посетители смогли полностью погрузиться в конкретную сюжетную линию или отдельную проблематику (см. табл.).

Таким образом, выставочный проект Музея Природы и Человека «Все о бивне» стал не только значимым культурным событием города и наглядным результатом междисциплинарного исследования, объединившего самые разные направления науки и культуры. Благодаря детально проработанной концепции удалось представить сложную научную тему в доступном и зрелищном формате, объединив палеонтологические, биологические и археологические предметы с шедеврами косторезного искусства.

Структура и содержание тематических разделов экспозиции
Structure and contents of the thematic sections of the exhibition

Раздел	Ключевое содержание	Инфографика	Ключевые экспонаты
1. Скрытая эволюция	Мезозойский гамбит: Великое противостояние: динозавры vs млекопитающие. Зубная революция млекопитающих. Стратегия выживания (Агаджанян, 2008, с. 34–40; Лопатин, Аверьянов, 2018, с. 21–30)	Схема «Филогенетическое древо млекопитающих», художественные реконструкции моганукодонна, кюнеотериида, репеномама, эухарамиида	Остеологическая коллекция: зубы и кости вымерших и современных млекопитающих
2. Хроника бивня: от истоков до вершины эволюции	Эволюционный путь бивня: Первые эксперименты природы: дицинодонты. Вершина функциональности: трансформация резцов. Современность: путь к упрощению (Whitney, Sidor, 2021, p. 1–7)	Фотография бивней мамонта и зубов дицинодонта. Рисунок черепа дицинодонта. Художественная реконструкция дицинодонта	Палеонтологические находки эпохи плейстоцена: фрагменты черепа, зубы и бивни мамонта; фрагмент черепа бизона
3. Властелины бивней: вымершие и современные	Биологическое разнообразие прошлого и настоящего: Исполины прошлого: динотерии, гомфотерии, мастодонты, мамонты. Титаны Арктики: морж, нарвал. Современные хозяева: горный даман, азиатский и африканский слон (Агаджанян, 2004, с. 146–152; Киладзе, 2019, с. 238–243; 2020, с. 249–256)	Фотографии скелетов вымерших слонов и современных животных с бивнями — дамана, моржа, нарвала, африканского слона	Бивни трогонтериевого слона и шерстистого мамонта

Раздел	Ключевое содержание	Инфографика	Ключевые экспонаты
4. Бивень — объект науки	Методы исследования бивня: Дендрохронология: анализ годовых колец роста. Изотопный анализ: анализ химического состава. Компьютерная томография: сканирование и изучение внутренней структуры бивня. 3D сканирование: создание трехмерной модели. Экспертиза линий Шрегера: идентификация подлинности (Fisher et al., 2003, p. 125–130; Cherney, Fisher, 2016, p. 950–955; Grigoriev et al., 2017, p. 402–405; Espinoza, Mann, 2000, p. 12–15)	Фотографии бивней и 3D модели мамонта, схема роста годичных колец и спектрограммы бивня	Фрагменты бивня и дерева со спилом внутренней структуры
5. Бивень: от сырья до артефакта	Рождение артефакта: Взаимоотношения человека и мамонта. Технология обработки бивня. Шедевры палеолита: орудия охоты, украшения, предметы искусства (Питулько и др., 2014, с. 142–150)	Художественная реконструкция «Охота на мамонта». Рисунок «Карта распространения мамонта в Евразии и Серной Америке». Схема «Добыча и обработка бивня мамонта». Фотографии зооморфной скульптуры, охотничьего орудия и украшений из бивня мамонта	Археологические артефакты из кости: предметы быта, мелкая пластика и кости со следами обработки
6. Слоновья лихорадка	История добычи «белого золота»: Эпоха великого истребления. — Современный кризис: запреты и законы (Уокер, 1990, с. 45–52; Sukumar, 2003, p. 385–392; Санфорд, 2017, с. 112–118)	Фотографии современных слонов, охоты и добычи бивней слонов	Бивень трогонтериевого мамонта
7. Охотники за бивнями мамонта	Современная добыча бивня мамонта в Арктике: Феномен «вечной» мерзлоты. Технологии поиска: от случая до гидравлики. Конфликт интересов: наука vs коммерция (Боескоров, Тихонов, 2009, с. 45–52; Смирнов, 2012, с. 112–115; Кривошапкин, 2018, с. 24–30)	Фотографии бивней мамонта и современных охотников за бивнями	Собрание бивней мамонта

Раздел	Ключевое содержание	Инфографика	Ключевые экспонаты
8. Искусство: вторая жизнь бивня	История косторезного искусства: Архаика и традиция. Тобольская резная кость. Преемственность поколений (Федорова, 2005, с. 42–47; Коновалова, 2010, с. 56–62; Терещенко, 2019, с. 110–115)	Фотографии процесса обработки бивней мастерами-косторезами, бильярдные шары, шахматы, символические изделия и украшения из бивня	Произведения мастеров-косторезов
9. Видеоролики «От природы до науки и искусства»	«Охотники за бивнями» о природе, добыче и последствиях. «Вскрытие мамонта» — о методах и технологиях исследования бивней. «Репортажи из мастерской» — секреты и традиции косторезного мастерства		

В 2025 г. проект трансформировался в масштабную экспозицию «Бивни и клыки» на базе Музея Мирового океана. Данная инициатива стала уникальным примером межрегионального сотрудничества: палеонтологические и археологические находки из Югры гармонично дополнили морские коллекции Калининграда. Подобный синтез расширил тематические горизонты выставочного проекта — от истории мамонтовой фауны до тайн океанских глубин. Такой формат подчеркивает значимость культурного обмена и открывает новые пути для популяризации природного и исторического наследия России.

Список источников

Агаджанян А.К. Отряд Proboscidea: страницы истории // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы. Вып. 6. М., 2004. С. 146–152.

Агаджанян А.К. О ранних этапах эволюции млекопитающих // Природа. 2008. №1. С. 34–40.

Боескоров Г.Г., Тихонов А.Н. Мамонтовая фауна Якутии. Состав, распределение, условия обитания. М., 2009. 252 с.

Киладзе А.Б. Сравнительная морфология бивней некоторых млекопитающих // Морские млекопитающие Голарктики. М., 2019. С. 238–243.

Киладзе А.Б. Бивень млекопитающих как специализированная зубная структура // Вестник зоологии. 2020. №3. С. 249–256.

Коновалова Н.В. Тобольская резная кость: истоки и современность. Тюмень, 2010. 200 с.

Кривошапкин А.И. Проблемы правового регулирования сбора и реализации бивней мамонта // Юридические исследования. 2018. №5. С. 24–30.

Лопатин А.В., Аверьянов А.О. Древнейшие плацентарные: начало истории успеха // Природа. 2018. №4. С. 21–30.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Stratum plus. 2014. №1. С. 33–110.

Санфорд К. Бивни и кровь: криминалистическое исследование незаконной торговли. Лондон, 2017. С. 112–118.

Смирнов А.Н. Особенности добычи мамонтового бивня в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2012. №7. С. 117–123.

Терещенко Ю.Г. Современное косторезное искусство Сибири // Искусство Евразии. 2019. №2. С. 200–213.

Уокер Э.Г. Слоновая кость: история, искусство и торговля. 1990. 234 с.

Федорова Н.В. Искусство косторезов Ямала и Югры. Тюмень, 2005. 128 с.

Юкагирский мамонт. СПб., 2007. 252 с.

Grigoriev S.E., Fisher D.C., et al. A Woolly Mammoth (Mammuthus primigenius) Carcass from Maly Lyakhovsky Island (New Siberian Islands, Russian Federation) // Mammal Research. 2017. 62(3). P. 215–224.

Cherney M.D., Fisher D. C. et al. 3D Computed Tomography of Elephantid Tusks // Journal of Paleontology. 2016. Vol. 90, No. 5. P. 999–1011.

Espinoza E.O., Mann M.J. Identification Guide for Ivory and Ivory Substitutes. Washington, 2000. 35 p.

Fisher D.C. et al. Life Histories of Tusk-Bearing Mammals // Journal of Mammalian Evolution. 2003. Vol. 10. P. 293–333.

Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior and Conservation. New York, 2003. 496 p.

Whitney M.R., Sidor M.R. The Evolution of the Synapsid Tusk: Insights from Dicynodont Therapsid Tusk Histology // Proceedings of the Royal Society. 2021. Vol. 288, No. 1961. 10 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Константин Евгеньевич Протодьяконов, Музей Природы и Человека, отдел палеонтологии, заведующий отделом палеонтологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11, https://orcid.org/0009-0003-2121-0824, sakha.paleontolog@mail.ru

Konstantin E. Protodyakonov, Museum of Nature and Man, Department of Paleontology, Head of the Paleontology Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 11, https://orcid.org/0009-0003-2121-0824, sakha.paleontolog@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.2:069.02:93/99
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.60
EDN: TVPRCS

МАТЕРИАЛЫ ТАШТЫКСКОГО ВРЕМЕНИ В ФОНДАХ НОВОСЕЛОВСКОГО РАЙОННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Полина Олеговна Сенотрусова
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлена археологическая коллекция вещей таштыкской культуры из фондов Новоселовского районного исторического музея. Материалы собраны по берегам Красноярского водохранилища. Большую часть коллекции со-

ставляют фрагменты керамической посуды. Представлены типы сосудов, дана характеристика орнамента. Прослежено сходство с керамикой ближайших таштыкских могильников Чегерак, Маркелов Мыс-I и Маркелов Мыс-II. В коллекции выявлены костяные булавки, лощила и косметическая щеточка. Все эти вещи типичны для таштыкских комплексов Хакасско-Минусинской котловины.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, Северно-Минусинская котловина, таштыкская культура, музейные коллекции, керамика, изделия из кости и рога

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Автор благодарит директора Новоселовского районного исторического музея Михаила Анатольевича Пьянкова и весь коллектив музея за неоценимую помощь в работе с коллекцией.

Для цитирований: Сенотрусова П.О. Материалы таштыкского времени в фондах Новоселовского районного исторического музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 414–419. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.60

MATERIALS OF THE TASHTYK PERIOD OF THE NOVOSELOVO DISCTRICT HISTORICAL MUSEUM

Polina O. Senotrusova
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents an archaeological collection of Tashtyk culture artifacts from the Novoselovo District Historical Museum. The materials were collected along the shores of the Krasnoyarsk Reservoir. The majority of the collection consists of fragments of ceramic vessels. The vessel types are presented, and the ornamentation is characterized. Similarities with ceramics from the nearby Tashtyk burial grounds of Chegerak, Markelov Mys-I, and Markelov Mys-II are also identified. Bone pins, burnishers, and a cosmetic brush are also found in the collection**.** Such artifacts are often found in Tashtyk complexes in the Khakassia-Minusinsk Basin.

Keywords: Yenisei Siberia, North Minusinsk Basin, Tashtyk culture, museum collections, pottery, bone and horn products

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22–18–00470P "The World of the Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy".

The author thanks the director of the Novoselovo District Historical Museum, Mikhail A. Pyankov, and the entire museum staff for their invaluable assistance in working with the collection.

For citation: Senotrusova P.O. Materials of the Tashtyk Period of the Novoselovo District Historical Museum. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:414–419. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.60

В районных и муниципальных музеях Красноярского края хранится значительный объем археологических материалов, не введенных в научный оборот и неизвестных специалистам. Находки часто не описаны и неверно

атрибутированы, они редко используются в экспозиции, потому что музейные сотрудники не знают ценности тех или иных предметов. В этих условиях выявление материалов эпохи Великого переселения народов возможно только путем сплошного просмотра и разбора коллекций.

Именно такая работа и была проведена в Новоселовском районном историческом музее. За два с половиной года археологические фонды были полностью разобраны, зашифрованы, описаны, систематизированы по эпохам и оцифрованы. Отдельные находки из Новоселовского музея уже публиковались исследователями (Давыдов, 2025, с. 5; Митько, 2005), но весь массив материалов ранее не анализировался[1]. Кроме того, на этом участке долины Красноярского водохранилища расположено большое количество разновременных археологических памятников и местонахождений, которые ежегодно разрушаются прибойно-волновой деятельностью. Находки вымываются и оказываются на берегу, где их собирают местные жители и передают на хранение в музей. Передаваемые материалы чаще всего не имеют точной привязки к местам сборов, также не известны точные годы их поступления на хранение. Там, где это возможно, в статье указана привязка предметов к пунктам сборов подъемного материала. Как показывает опыт, даже такая информация полезна при планировании полевых разведочных работ в этом районе (Акимова и др., 2025, рис. 1).

Археологическая коллекция Новоселовского музея насчитывает 1450 предметов, из которых 649 единиц хранения относятся к предметам, для которых можно определить хронологическую и культурную принадлежность. Среди них каменные орудия и отходы первичного расщепления, целые керамические сосуды и их фрагменты, изделия из кости, рога и бронзы, железные орудия, предметы вооружения и элементы конского снаряжения. Значительную часть коллекции составляют находки позднего палеолита из разрушаемых волновой деятельностью Красноярского водохранилища местонахождений. Большая часть керамической посуды и бронзовых изделий относится к разным этапам тагарской культуры, есть отдельные тесинские находки. Присутствующие в коллекции средневековые вещи характерны для культуры енисейских кыргызов.

В настоящей публикации рассматривается небольшая серия вещей таштыкской культуры (41 предмет). В нее входят семь изделий из кости и рога, остальное — керамика. Сосуды без орнамента, пряслица, каменные оселки и терочники, имеющиеся в коллекции Новоселовского районного музея, в настоящей выборке не рассматриваются, поскольку имеют широкий диапазон бытования, хотя могли использоваться и в таштыкское время.

Керамическая коллекция представлена одним целым горшком и фрагментами орнаментированных венчиков (31 экз.) и плечиков (2 экз.). Целый сосуд представляет собой целый плоскодонный горшок с низкой шейкой.

[1] После смены директора музея в 2010 г. значительная часть материалов из Новоселовского музея была передана в Музейно-выставочный центр ЗАТО г. Железногорск, в настоящей публикации эти вещи не учтены.

Венчик овальный в сечении, гладкий, дно плоское. С одной стороны сосуда находятся два налепных овальных ушка с двумя параллельными вдавлениями. Сосуд без орнамента, но его внешняя поверхность залощена. Его высота 13,0 см, диаметр по венчику 11,5 см, толщина стенок до 0,8 см.

Остальные емкости представлены только верхними частями форм. Профилировка сосудов различна, встречаются фрагменты открытых чаш (2 экз.), один горшковидный сосуд с прямой шейкой, остальные емкости — широкогорлые сосуды баночной формы с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Венчики в сечении овальные или прямоугольные, в одном случае венчик скошен внутрь. Орнамент расположен в верхней части форм, в двух случаях он спускается и на плечики сосудов. Большая часть орнаментальных композиций проста, преобладает горизонтальный (12 случаев) и вертикальный (10 случаев) мотив, встречается горизонтальная елочка (7 случаев). На двух сосудах зафиксированы сложные орнаментальные композиции из спускающихся треугольников, зигзагов и волнистых линий. Элементы орнамента вариативны, среди них преобладают оттиски скобчатого орнаментира (7 экз.), гребенчатые оттиски в виде вертикального (5 экз.) или горизонтального (5 экз.) уголка, встречаются насечки (6 экз.), ямки (4 экз.), гладкий штамп в виде уголка (2 экз.), прочерченные линии (4 экз.) и скобчатые зубчатые оттиски (2 экз.). Чаще всего на сосуде встречается только один вид орнаментира, в четырех случаях мастер использовал для украшения посуды два элемента орнамента.

Большая часть вышеописанной керамики найдена на левом берегу Енисея на пунктах сбора подъемного материала Поповка, Тарачиха, Чегерак, Родничок. Отдельные фрагменты сосудов найдены и на правобережье, в районе устья ручья Камышта и в местности Улазы. Для трех венчиков сосудов в качестве места обнаружения указаны окрестности п. Новоселово. К конкретным археологическим памятникам привязать эти материалы пока невозможно.

Пункты сбора археологического материала на левом берегу Енисея территориально входят в Маркеловомысский археологический микрорайон (Митько, 2007, с. 41). Ближе всего находится таштыкский грунтовый могильник Чегерак III–IV вв. н.э. На памятнике в составе сопроводительного инвентаря отмечены керамические сосуды, типологически близкие керамике из Новоселовского музея (Журавлева, 2018, с. 123). Фрагменты аналогичной посуды зафиксированы в склепах могильников Маркелов Мыс-I и Маркелов Мыс-II (Тетерин, 2007, с. 80; Митько, 2007, с. 56). Кроме того, фрагменты таштыкских и тесинских сосудов вымывались в этом районе и ранее, что позволило предположить, что ранее здесь располагалось поселение этого периода (Митько, 2007, с. 40).

В то же время посуда из музея Новоселовского музея находит аналогии и во многих других памятниках таштыкской культуры, включая Изыхский чаа-тас, погребально-поминальные комплексы Быстрая-2 и Белый Яр-3, могильники Красная Грива, Тепсей и т.д. (Кызласов, 1960, рис. 19, 22; Поселянин, 2016, с. 29; Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 42; Вадецкая, 1999, табл. 18, 110; и др.).

Среди таштыкских изделий из кости и рога выделяется косметическая щеточка с тремя просверленными отверстиями. Её головка, полукруглая в сечении, украшена тонким прорезным волютообразным орнаментом. Ручка без орнамента. Размеры изделия 6,6×1,2×0,7 см.

Изделия этого типа известны в таштыкских могильниках Комаркова Песчаная и Черноозерное-II в Хакасии (Митько, 2005; Готлиб, 2007). В Кузнецкой котловине предмет этого типа зафиксирован на могильнике фоминской культуры Ближние Елбаны-7. Серия щеточек из рога ранее хранилась и в фондах Новоселовского музея (Митько, 2005, рис. 6), но сейчас их в собрании нет. Видимо, эти вещи оказались переданы в Музейно-выставочный центр ЗАТО г. Железногорск.

К вещам таштыкской культуры относятся две костяные шпильки. Первая — с молоточковидной головкой (тип 10 по Ю.В. Тетерину), нижняя часть изделия обломана. Размеры фрагмента 6,5×1,0×0,4 см. Вторая булавка — с головкой, квадратной в сечении (тип 13 по Ю.В. Тетерину), целая, ее размеры 5,5×0,5×0,4 см. Оба изделия найдены на правом берегу Енисея, в районе пристани в урочище Улазы. Булавки этих типов характерны для таштыкской культуры II–IV вв. н.э., но встречаются относительно редко (Тетерин, 2010, с. 108).

В коллекции также представлены три костяных лощила. Два предмета представляют собой небольшие лопаточки со скошенным рабочим краем. Их размеры 12,0×2,4×0,2 см и 9,0×3,1×0,2 см. Еще одно лощило выполнено в форме равнобедренного треугольника с закругленными углами, частично обломано. Для работы использовались все три края орудия, его размеры 4,0×3,1×0,2 см. Все изделия плоские в сечении, места их обнаружения не известны. Костяные лощила найдены в таштыкском склепе на Тагарском острове, известны они и среди случайных находок из Минусинской котловины (Кызласов, 1960, с. 87).

Представленная коллекция предметов из фондов Новоселовского районного исторического музея дополняет имеющиеся сведения по таштыкской культуре Северо-Минусинской котловины. Музейные материалы находят аналогии как среди материалов ближайших памятников, так и в комплексах из других районов Хакасско-Минусинского края. Часть материалов была найдена на территории Маркеловомысского археологического микрорайона, что подтверждает результаты его полевого изучения в предшествующие годы. Обнаружение таштыкских материалов на правобережье Енисея позволяет предполагать, что перечень памятников этого времени в районе может быть расширен.

Список источников

Акимова Е.В., Крапивина Л.В., Арефьев А.Е., Пьянков М.А. Археологическая разведка в окрестностях села Новоселово (Красноярское водохранилище) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2025. Вып. XIII. С. 74–87.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан, 2015. 210 с.

Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 8–38.

Давыдов Р.В. Технологическая традиция изготовления железных предметов торевтики малых форм енисейских кыргызов: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2025. 30 с.

Журавлева Е.А. Таштыкский грунтовый могильник Чегерак // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск, 2018. С. 122–124.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). М., 1960. 198 с.

Митько О.А. К вопросу о таштыкских кожаных колчанах // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 70–79.

Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 38–61.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая 2 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. №1. С. 3–47.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 62–88.

Тетерин Ю.В. Булавки хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, №7. С. 95–113.

Информация об авторе / Information about the Author

Полина Олеговна Сенотрусова, Алтайский государственный университет, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0003-3969-9907, polllina1987@rambler.ru

Polina O. Senotrusova, Altai State University, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-3969-9907, polllina1987@rambler.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.05(571.151):069.013
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.61
EDN: UZWDVJ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

Николай Николаевич Серегин[1], Сергей Михайлович Киреев[2], Елена Александровна Радовская[1, 3], Святослав Сергеевич Радовский[1]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия
[3]Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена характеристике серии металлических зеркал раннескифского времени из собрания Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск). Такие предметы происходят из погребений памятников Бойтыгем-2,

Кызыл-Джар-IX и Сальдяр-II, расположенных в северной, центральной и юго-восточной частях региона. Представлена история формирования данной небольшой коллекции, приведено подробное описание изделий, а также определен круг аналогий этим находкам из комплексов Алтая и сопредельных территорий. Сформулировано заключение о том, что рассмотренные металлические зеркала маркируют памятники позднего этапа бийкенской археологической культуры и относятся ко 2-й половине VII — 1-й половине VI в. до н.э.

Ключевые слова: металлическое зеркало, Алтай, раннескифское время, музей, погребальный комплекс, хронология, интерпретация

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ №25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — средневековье)», https://rscf.ru/project/25-18-00775/.

Для цитирований: Серегин Н.Н., Киреев С.М., Радовская Е.А., Радовский С.С. Металлические зеркала раннескифского времени из собрания Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 419–428. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.61

METAL MIRRORS OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD FROM THE COLLECTION OF A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC

Nikolay N. Seregin[1], Sergey M. Kireev[2], Elena A. Radovskaya[1, 3], Svyatoslav S. Radovsky[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia

[2]National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin, Gorno-Altaisk, Russia

[3]Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. This article concerns a series of Early Scythian metal mirrors from the collection of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altaysk). These objects originate from burials of the Boytygem-2, Kyzyl-Dzhar-IX, and Saldyar-II sites, located in the northern, central, and southeastern parts of the region. The history of this small collection is presented, a detailed description of the items is provided, and a range of similarities with these finds from sites in Altai and adjacent territories is identified. It is concluded that the metal mirrors in question mark sites of the late stage of the Biyke archaeological culture and date to the second half of the 7th to the first half of the 6th centuries BC.

***Keywords*:** metal mirror, Altai, early Scythian period, museum, burial complex, chronology, interpretation

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the RSF project No. 25-18-00775 "Comprehensive Chronology of Archaeological Sites of Altai (Stone Age — Middle Ages)", https://rscf.ru/project/25-18-00775/.

For citation: Seregin N.N., Kireev S.M., Radovskaya E.A., Radovsky S.S. Metal Mirrors of the Early Scythian Period from the Collection of A.V. Anokhin National Museum of Altai Republic. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:419–428. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.61

К настоящему времени одна из наиболее представительных коллекций металлических зеркал из археологических памятников Алтая находится в собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Гор-

но-Алтайск). Она включает свыше 50 изделий различных хронологических периодов — от раннего железного века до позднего средневековья. Нижнюю хронологическую границу данного собрания маркируют экземпляры, происходящие из некрополей раннескифского времени. Данная статья посвящена подробной характеристике этих предметов в контексте современных представлений о металлических зеркалах из синхронных памятников Алтая и сопредельных территорий.

Начало формирования рассматриваемой небольшой группы изделий в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина связано с раскопками Алтайской экспедиции Института археологии АН СССР в урочище Кызыл-Джар, расположенном неподалеку от с. Бельтир, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Целью этих работ, осуществленных в 1977 г., было изучение нескольких погребально-поминальных комплексов, попадавших в зону мелиоративного строительства (Могильников, Куйбышев, Суразаков, 1978, с. 261). Основную часть исследованных сооружений составили курганы пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Погребение раннескифского периода раскопано в одиночном кургане памятника Кызыл-Джар-IX (Могильников, 1986, с. 35–36). Металлическое зеркало, представлявшее собой единственную находку в захоронении, было обнаружено между левым предплечьем и левым крылом таза умершего человека (Могильников, 1986, рис. 1; 5.-1).

Спустя почти полтора десятка лет участниками совместной экспедиции Института археологии АН СССР и ГАНИИИЯЛ проводились работы на комплексе Сальдяр-II в Онгудайском районе Республики Алтай. Среди исследованных объектов выделялось погребение раннескифского времени (курган №1) с металлическим зеркалом, обнаруженным среди фрагментов тазовых костей умершего человека (Могильников, Суразаков, 1997, с. 127–128, рис. 4.-2). Еще одна такая находка была сделана в ходе раскопок, осуществленных экспедицией Алтайского государственного университета на памятнике Бойтыгем-2 в рамках охранных работ в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС. Металлическое зеркало зафиксировано в захоронении молодой женщины (курган №19), которое отличалось весьма представительным комплексом украшений (Абдулганеев, 1994, с. 37–38; рис. 2.-3, 4; 3.-1–5). Рассматриваемое изделие находилось на левом бедре, ближе к поясу умершей.

Таким образом, коллекция зеркал из памятников раннескифского времени, сформированная в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, включает три экземпляра, которые обнаружены в памятниках, исследованных в северной, центральной и юго-восточной частях региона. Представим подробную характеристику этих находок.

Зеркало №1 (Кызыл-Джар-IX, одиночный курган; КП ОФ 10347/1, 742) (рис. 1). Поступило в НМРА в 1996 г. Изделие представляет собой довольно массивный круглый диск с высоким, заметно наклоненным вовнутрь бортиком и ручкой-петлей в центре обратной стороны. Диаметр диска 10,3–10,45 см, толщина до 0,3 см. Высота бортика до 1,2 см. Ручка, вероятнее всего, отлита вместе с диском, имеет длину 1,8 см, ширину до 0,45 см, высоту 1,1 см.

Вес зеркала составляет 213 г. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и пятнами кальциевой патины, края бортика слегка деформированы.

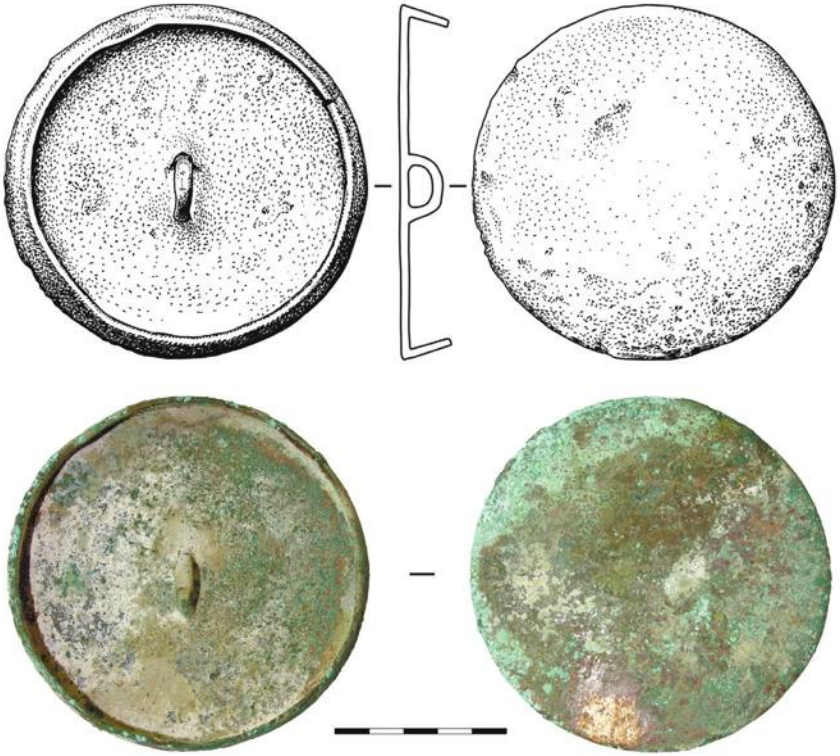

Рис. 1. Металлическое зеркало из одиночного кургана комплекса Кызыл-Джар-IX
Fig. 1. Metal mirror from a single mound of the Kyzyl-Dzhar-IX complex

Зеркало №2 (Сальдяр-II, курган №1; КП ОФ 10651/1, АРХ 1829) (рис. 2). Поступило в НМРА в 1999 г. Изделие представляет собой круглый диск с заостренными краями и ручкой-петлей в центре обратной стороны. Диаметр диска 6,3–6,4 см, толщина до 0,2 см. Ручка, вероятнее всего, отлита вместе с диском, имеет длину 0,9 см, ширину до 0,35 см, высоту 0,55 см. Вес зеркала составляет 36 г. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и отдельными пятнами кальциевой патины, по краю диска имеется небольшая трещина.

Зеркало №3 (Бойтыгем-2, курган №19; КП ОФ №10288/1, АРХ 111) (рис. 3). Поступило в НМРА в 1991 г. Изделие представляет собой массивный круглый диск с ручкой-петлей в центре обратной стороны. Диаметр дис-

ка 12,1–12,35 см, толщина 0,4–0,6 см. Ручка, вероятнее всего, отлита вместе с диском, имеет длину 1,5 см, ширину до 0,6 см, высоту 0,95 см. Вес зеркала составляет 365 г. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность неровная, покрыта толстым слоем окислов и патины, промазана клеящим составом, предохраняющим от разрушения.

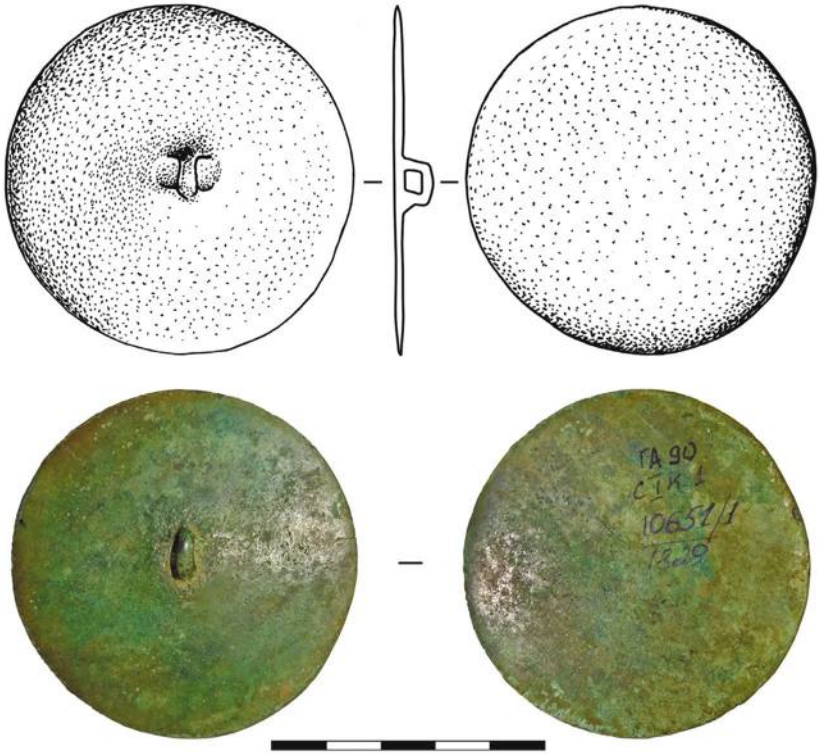

Рис. 2. Металлическое зеркало из кургана №1 комплекса Сальдяр-II
Fig. 2. Metal mirror from mound №1 of the Saldyar-II complex

Все зеркала обнаружены в районе пояса, в основном на левой стороне костяка умерших людей. Судя по имеющимся материалам, во всех объектах были похоронены женщины. Отмеченная ориентировка покойных головой на север–северо-запад соответствует традициям населения Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 50–51, 87, 89). В остальном погребальный обряд, зафиксированный в захоронениях, несколько отличался от наиболее распространенных норм обрядовой практики кочевников этого периода. С наибольшими основаниями к бийкенской археологической культуре может быть отнесен курган №1 некрополя Сальдяр-II, в ходе раско-

пок которого выявлен каменный ящик на уровне древнего горизонта (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 47–48, 54). Однако парные погребения, подобные тому, что обнаружены в этом объекте, не типичны для рассматриваемого периода и фиксируются крайне редко (Серегин, Демин, Радовский, 2024, с. 83–84). Наличие могилы со впущенным в нее каменным ящиком и положение умершей на правом боку, отмеченные в кургане №19 памятника Бойтыгем-2, также отличают этот комплекс от наиболее распространенных форм ритуальной практики населения бийкенской культуры, хотя подобные захоронения все же известны (Серегин, Демин, Радовский, 2023, с. 63–65; 2025, с. 111, 114). При сопоставлении со «стандартными» памятниками бийкенской культуры заметно выделяется одиночный объект некрополя Кызыл-Джар-IX. В данном случае умерший человек был захоронен в могильной яме, перекрытой на уровне древнего горизонта плитами, и уложен вытянуто на спине. Такие характеристики в большей степени соответствуют ритуальной практике носителей майэмирской культуры северо-западных предгорий Алтая (Шульга, 2008, с. 15–16). В редких случаях подобные погребения фиксируются в горной части рассматриваемого региона (Серегин и др., 2024, с. 230–231, 233). Судя по всему, появление на обозначенной территории таких объектов связано с приходом нового населения на Алтай на позднем этапе существования бийкенской культуры (Тишкин, 2011, с. 283–285). К этому же периоду (2-я половина VII — 1-я половина VI в. до н.э.) относятся и погребения с зеркалами из некрополей Бойтыгем-2 и Сальдяр-II, чему не противоречит остальной сопроводительный инвентарь, обнаруженный в ходе раскопок.

Металлические зеркала из комплексов Бойтыгем-2 и Сальдяр-II схожи по морфологическим характеристикам. Они представляют собой простые дисковидные изделия без бортика, с ручкой-петлей на обороте. В обоих случаях держатель выполнен из уплощенного металлического прута. Заметно отличаются только размеры дисков. Зеркало из некрополя Бойтыгем-2 относится к крупным изделиям, которые, по мнению В.Д. Кубарева (2002, с. 64), являются наиболее архаичными (VIII–VI вв. до н.э.). Близкие аналогии данной находке обнаружены в ходе раскопок отдельных объектов раннескифского времени на памятниках Бийке и Карбан-I (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88, рис. 66.-2; Серегин, Демин, Радовский, 2022, с. 79–82, рис. 5, 6). В лесостепной части рассматриваемого региона схожие предметы выявлены в захоронениях комплексов Новосклюиха-I и Советский Путь-Ia (Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163, рис. 39; Ситников, Шульга, 1998, с. 69–70, рис. 4.-1, 6). Подобные зеркала, но с более массивной ручкой фиксируются также в ранних погребениях пазырыкской культуры (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 36.-5, 69.-1; Кубарев, Шульга, 2007, с. 179, рис. 32.-3).

Металлическое зеркало из некрополя Сальдяр-II относится к уменьшенным экземплярам, которые достаточно редко фиксируются в раннескифское время. Среди аналогичных изделий, выявленных в памятниках рассматриваемого периода, следует отметить находки из могильников Кер-Кечу и Бийке (Могильников, 1988, с. 67, рис. 4.-5; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88, рис. 66.-3).

Подобные находки известны и в курганах более позднего времени, связанных с пазырыкской культурой (Кубарев, 1991, табл. LXIV.-4). Аналогичные изделия фиксируются также в лесостепной части Алтая (Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 118, рис. 9.-13; Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 100, рис. 5.-10).

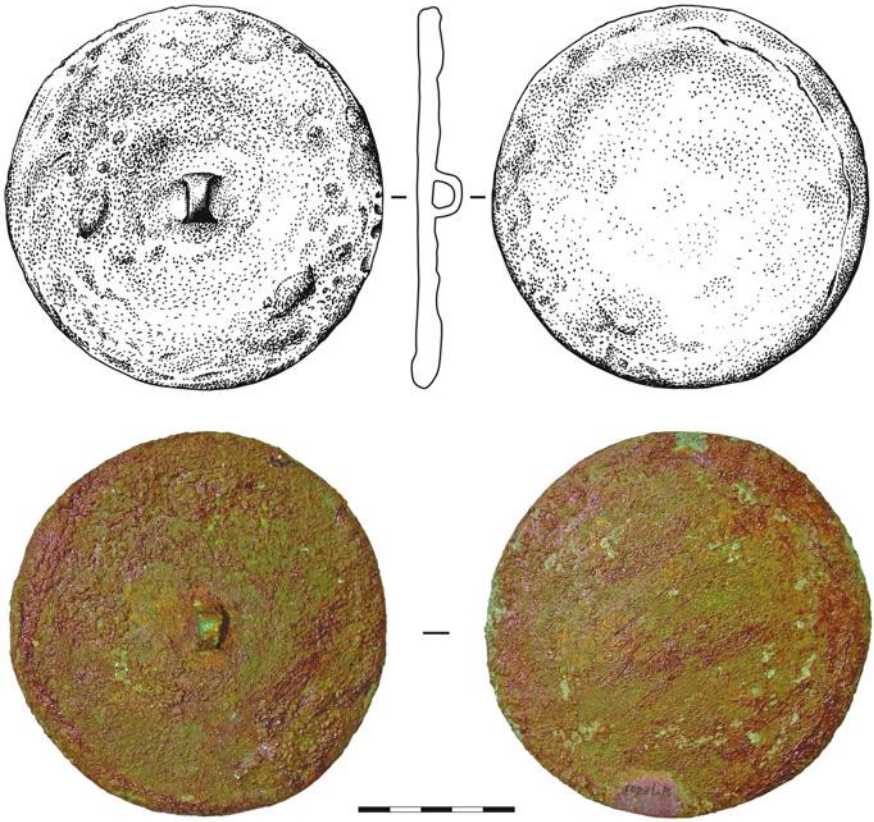

Рис. 3. Металлическое зеркало из кургана №19 комплекса Бойтыгем-2
Fig. 3. Metal mirror from mound №19 of the Boytygem-2 complex

Судя по имеющимся материалам, происхождение металлических зеркал рассматриваемого типа связано с приходом на Алтай населения скифо-сакского круга. Наиболее ранние изделия происходят из памятников конца IX — VIII в. до н.э., но пик их бытования относится к VII–VI вв. до н.э. (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88). Данным периодом датируется подавляющая часть предметов из памятников Алтая. Возможно, единичные экземпляры могли использоваться вплоть до начала IV в. до н.э.

Зеркало из одиночного кургана Кызыл-Джар-IX, в отличие от рассмотренных выше предметов, имеет по краю диска высокий бортик, наклоненный внутрь. В горной и лесостепной частях Алтая изделия такого типа фиксируются весьма редко (Машенка-I, курган №1; Покровский Лог-IV, курган №27; Чобурак-I, курган №52; и др.) (Шульга, 1998, с. 25, рис. 4.-2; Шульга, Демин, 2021, с. 41, рис. 37.-3). Все находки происходят из захоронений, совершенных в могильных ямах, и, по всей видимости, большинство из них определенным образом могут быть связаны с носителями майэмирской культуры раннескифского времени северо-западных предгорий Алтая. В целом в рассматриваемом регионе обнаружены девять целых предметов обозначенного типа. Однако все они, за исключением зеркала из комплекса Кызыл-Джар-IX, имеют достаточно низкий, практически не наклоненный бортик. По рассматриваемому критерию данному экземпляру ближе всего изделия из памятников алды-бельской культуры Тувы раннескифского времени (Грач, 1980, рис. 109.-4; Чугунов, 2022, рис. 1.-1, 2.-2, 4.-1). По мнению К.В. Чугунова (2022, с. 132–138), такие зеркала являются хронологическим показателем комплексов 1-й половины VII в. до н.э. А.А. Тишкин (2022, с. 43) отметил, что на юге Обь-Иртышского междуречья и сопредельных территориях относительно массовое распространение предметов рассматриваемого типа пришлось на 2-ю половину VII — 2–3-ю четверти VI в. до н.э. Судя по всему, к обозначенному периоду относится и курган Кызыл-Джар-IX.

Таким образом, все представленные зеркала раннескифского времени из собрания Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, вероятнее всего, маркируют памятники позднего этапа бийкенской археологической культуры и относятся ко 2-й половине VII — 1-й половине VI в. до н.э. Одно из изделий (комплекс Кызыл-Джар-IX) подтверждает сделанные ранее наблюдения о притоке нового населения в данный регион, что могло быть обусловлено процессами взаимодействия с носителями соседней майэмирской культуры. Материалы раскопок других погребений с зеркалами (Бойтыгем-2, Сальдяр-II) демонстрируют неустойчивость характеристик обряда и в более «стандартных» объектах бийкенской культуры. Результаты анализа небольшой серии изделий раннескифского времени показывают перспективность дальнейшего системного изучения металлических зеркал из Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина в рамках работы, предполагающей полное издание этой коллекции.

Список источников

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 99–111.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 194 с.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Суразаков А.С. Раскопки в Кызыл-Джаре // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 261–262.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 126–144.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая // Народы и религии Евразии. 2022. №4. С. 74–85.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2023. №1. С. 59–73.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребения раннескифского времени в смежных ящиках на некрополе Карбан-I (Северный Алтай) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2024. №2. С. 78–87.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Общие и особенные характеристики положения умерших в некрополях Северного Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Теория и практика археологических исследований. 2025. №2. С. 108–124.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Радовский С.С., Паршикова Т.С. Погребение завершающего этапа культуры раннескифского времени в Северном Алтае // Уфимский археологический вестник. 2024. №2. С. 228–241.

Ситников С.М., Шульга П.И. Погребения раннескифского времени на поселении эпохи бронзы Советский Путь-1 // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 69–77.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. Новосибирск, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А. Металлические изделия древних кочевников предгорий Алтая: рентгенофлюоресцентный анализ и культурно-хронологическая атрибуция // Поволжская археология. 2022. №4. С. 37–49.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район: Памятники истории // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 149–166.

Чугунов К.В. Парадигма М.Б. Щукина и О.В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова. Кишинев, 2022. С. 129–141.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул, 2008. 276 с.
Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021. 188 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127, nikolay-seregin@mail.ru

Сергей Михайлович Киреев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, старший научный сотрудник; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Г.И. Чорос-Гуркина, 46, https://orcid.org/0000-0001-6850-6647, kireevsm2013@yandex.ru

Sergey M. Kireev, National Museum of Altai Republic A.V. Anokhin, Senior Research Fellow; 649000, Gorno-Altaisk, Altai Republic, Russia, Choros-Gurkin St., 46, https://orcid.org/0000-0001-6850-6647, kireevsm2013@yandex.ru

Елена Александровна Радовская, Алтайский государственный краеведческий музей, старший научный сотрудник; 656049, г. Барнаул, ул. Ползунова, 46, https://orcid.org/0000-0003-3512-7899, narudtseva@mail.ru

Elena A. Radovskaya, Altai State Museum of Local Lore, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Polzunova St., 46, https://orcid.org/0000-0003-3512-7899, narudtseva@mail.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотрудник; Музей археологии и этнографии Алтая, хранитель фондов; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Junior Research Fellow; Altai Museum of Archaeology and Ethnography, Custodian of Collections; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 902.2
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.62
EDN: VNWKNG

СУДЬБА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Сергей Семенович Тихонов
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. Автор ставит вопрос о возможности полного использовании археологических коллекций, хранящихся в музеях России, как полученных в последние годы, так и хранящихся многие десятилетия. По мнению автора, археологи большее внима-

ние уделяют анализу новейших материалов, часто оставляя за скобками коллекции, полученные их предшественниками. Именно они постепенно выходят из научного оборота, поскольку может меняться тематика исследований, о коллекциях забывают или они становятся недоступными из-за различных условий хранения. Поэтому ученому необходимо или тщательно разбираться с материалами и документаций коллеги, или проводить новые работы на уже исследованных археологических памятниках. Выход из этой ситуации автор видит в создании каталогов музейных коллекций.

Ключевые слова: археологические коллекции, сохранность и использование, музеи, каталогизация, интернет-ресурсы

Благодарности: работа выполнена по Госзаданию «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков» (FWZG-2025-0013). Автор благодарен к.и.н. Ж.В. Марченко (Новосибирск), к.и.н. А.В. Полеводову (Омск), к.и.н. З.В. Степаненковой (Сургут) за помощь и возможность знакомства с материалами раскопок И.Г. Глушкова 1995 г.

Для цитирований: Тихонов С.С. Судьба археологических коллекций // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 428–434. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.62

THE FATE OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS

Sergey S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The author raises the question of the feasibility of complete study of archaeological collections held in Russian museums, both those acquired in recent years and those stored for decades. According to the author, archaeologists focus more on analyzing the latest materials, often neglecting collections acquired by their predecessors. These collections are gradually falling out of scientific circulation as research topics change, collections are forgotten, or they become inaccessible due to varying storage conditions. Therefore, scholars must either carefully examine their colleagues' materials and documentation or conduct new work on previously studied archaeological sites. The author sees a solution in creating catalogs of museum collections.

Keywords: archaeological collections, preservation and use, museums, cataloging, online resources

Acknowledgments: this work was completed under the State Contract "Formation of Original Features of Russian Civilization and the Establishment of an Empire Based on Research Materials from Siberian Monuments of the 16th–20th Centuries" (FWZG-2025-0013). The author is grateful to PhD in History Zh.V. Marchenko (Novosibirsk), PhD in History A.V. Polevodov (Omsk), and PhD in History Z.V. Stepanenkova (Surgut) for assistance and the opportunity to examine materials from I.G. Glushkov's 1995 excavations.

For citations: Tikhonov S.S. The Fate of Archaeological Collections. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:428–434. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.62

К подготовке данной работы меня подтолкнуло изучение музейных материалов, которые практически не используют ученые, но которые важны в исследованиях в целом (Tikhonov, 2024, с. 173–184; 2025, с. 103–113). Есть

основания считать, что такие материалы есть во многих музеях. Что касается конкретно территории Алтая, то, например, в Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИК музее) хранятся несколько археологических предметов, найденных там:

- меч с лезвием ромбического сечения, перекрестие в виде прямоугольного бруска, рукоять завершается фигурой в виде буквы «Ф» (Археологическая коллекция…, 2022, с. 102, рис. 170). Найден в Рубцовском уезде в кургане близ с. Солоновка. Автор и время поступления находки неизвестны. Можно предполагать, что меч был передан в музей сотрудником или кем-то сотрудничавшим с Западно-Сибирским отделом ИРГО или с Обществом любителей исследования Алтая (с 1902 г. Алтайский подотдел ЗСОИРГО);
- фрагменты керамики, найденные на восточном берегу Саввушкинского озера возле горы Синюха. Сборы А.Ф. Палашенкова 1964 г. (Археологическая коллекция…, 2022, с. 103). В личном архиве этого краеведа (Ф. 2200 в Историческом архиве Омской области) сведений о его поездке на Алтай в 1964 г. пока не найдено;
- скребок на отщепе и кусок глины (лепка?), найдены у моста при въезде в с. Тигирек (50–60 км от Колывани). Найдены А.Ф. Палашенковым в 1964 г. (Археологическая коллекция…, 2022, с. 119).

И не факт, что археологи, занимающиеся культурами Алтая, обратят на них пристальное влияние, поскольку о них могут и не знать.

Вспомним, что археологическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея начала формироваться в 1878 г., когда при вновь открывшемся Западно-Сибирском Отделе императорского Русского географического общества был создан музей. За прошедшие почти 150 лет в музей на постоянное хранение поступили тысячи единичных находок и сотни археологических коллекций, происходящих из 14 российских регионов, от Крыма до Курильских островов, и трех иностранных государств (Археологическая коллекция…, 2022). Поэтому можно представить, что количество предметов, с которыми фактически не могут работать иногородние ученые, довольно велико. И это сужает базу археологических источников.

Но вернемся к процессу выхода археологических коллекций из обращения. Объединяет предметы то, что они могут со временем войти в число коллекций и случайных находок, утративших сведения об их происхождении (все или частично), и пополнят число артефактов, которые перед использованием в научной работе придется атрибутировать. И не всегда это может увенчаться успехом. Алгоритм вывода коллекции из активного использования примерно одинаков: после раскопок ученый сдает материалы в музей, постепенно объект исследований меняется, информация о предметах забывается, и они становятся не столько археологическими находками, сколько предметами хранения.

Как пример приведу недавнюю ситуацию с литейной формой вислообушного топора, найденной в 1995 г. при раскопках памятников на р. Верхняя Тунгуска (правый приток р. Тара) близ д. Курганка Муромцевского района

Омской области. Автор раскопок И.Г. Глушков ошибся в названии реки, назвав ее Нижней Тунгуской, хотя последняя располагается в 10–15 км ниже по течению Тары (рис. 1).

Рис. 1. Карта среднего течения р. Тара указанием ее притоков Верхняя и Нижняя Тунгуска и места расположения д. Курганка
Fig. 1. Map of the middle reaches of the Tara River, with its tributaries, the Upper and Lower Tunguska, and the location of the village of Kurganka

Эта ошибка в географии находки и расположения памятников в целом вошла в кандидатские диссертации, написанные А.В. Полеводовым (2003) и Ж.В. Марченко (2009), и в научную статью А.П. Бородовского (2022, рис. 3, с. 43) и, похоже, закрепилась в научной литературе (Глушков и др., 2025, с. 559). Это может внести путаницу в процесс составления археологических карт или картографирования артефактов. После смерти И.Г. Глушкова археология в Сургутском государственном педагогическом университете постепенно была свернута, а археологи занялись другими делами. При поиске информации об этой форме мои коллеги Ж.В. Марченко (Новосибирск), А.В. Полеводов (Омск), З.В. Степаненкова (Сургут) прислали мне имеющиеся в их распоряжении рисунки предмета (рис. 2). Но З.В. Степаненкова однозначно заявила (предварительно обзвонив коллег, которые участвовали в раскопках поселения), что литейной формы в фондах музея СурГПУ нет. После смерти Т.Н. Глушковой предметы были переданы в несколько музеев, а документация не сохранилась. Получалось, что предмет был утерян.

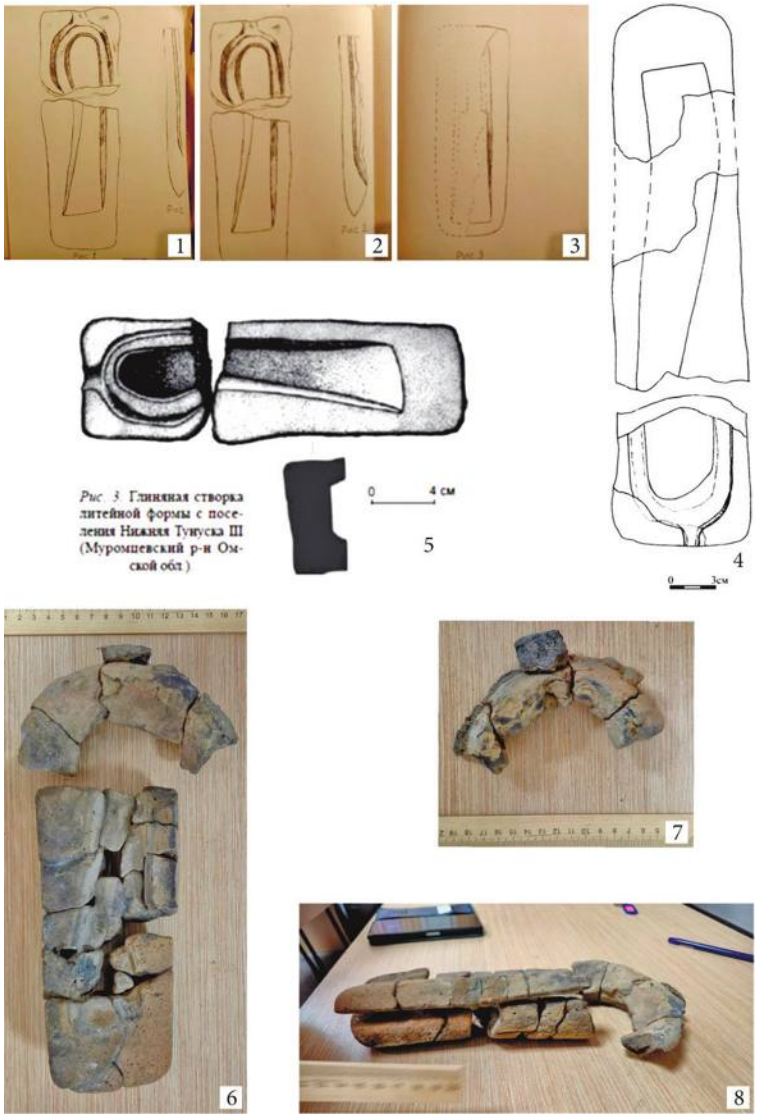

Рис. 2. Рисунки литейной формы: 1–3 — предоставлены А.В. Полеводовым; 4 — прислан Ж.В. Марченко; 5 — форма в статье А.П. Бородовского; 6–8 — фотографии формы, найденной З.В. Степаненковой
Fig. 2. Drawings of the casting mold: 1–3 — provided by A.V. Polevodov; 4 — sent by Zh.V. Marchenko; 5 — mold in A.P. Borodovsky's article; 6–8 — photographs of the mold found by Z.V. Stepanenkova

Однако в начале 2026 г. одна из студенток-заочниц, пробираясь к своему месту в аудитории, случайно разбила витрину, о которой почти все забыли. При переносе предметов в хранилище оказалось, что среди них находилась и искомая форма (рис. 2.-*6–8*). Вспомнились и обстоятельства создания витрины. После смерти И.Г. Глушкова его жена Тамара Николаевна со студентами создала памятную витрину об этом ученом, куда среди прочих предметов была помещена и искомая форма. Потом о витрине забыли, курс археологии перестали читать, а в аудитории стали заниматься студенты неисторических специальностей. Не исключено, что спустя несколько лет идентифицировать предмет уже было бы невозможно.

Примеры о выходе коллекций из научного оборота можно приводить и приводить. Так, материалы раскопок поселения Красноозерка, послужившие основой выделения археологической культуры, до сих пор не опубликованы и хранятся частично в МАЭ ОмГУ, частично в МАЭС ТГУ. Вряд ли кто-нибудь станет искать в Омске коллекцию таштыкского поселения Ашпыл, переданную Э.Б. Вадецкой в фонды МАЭС ОмГУ. Уже 40–45 лет в этом музее лежит коллекция поселения переходного времени от бронзы к железу Новотроицкое-I, раскопанного А.Я. Труфановым в конце 1980-х гг. Трудно представить, что кто-то возьмется разбирать материалы раскопанного Е.М. Данченко поселения Красный Яр-I, бывшего когда-то одной из столиц государства сибирских татар.

Печально, что полученные при проведении затратных работ археологические материалы занимают «почетное» место на полках хранилищ, а для получения аналогичных приходится вновь проводить раскопки.

Выходы из ситуации мне представляется такими:

— полная публикация материалов раскопок, что может выглядеть как фантастика, поскольку проведение длительного полевого сезона хорошо коррелирует с минимизацией публикаций о раскопках. Как пример приведу двух исследователей: М.П. Грязнов и В.А. Могильников. Они активно вели длительные полевые работы на новостройках, но материалы их многих раскопок еще ждут своего часа;

— оперативное размещение материалов в Госкаталоге. Это тоже выглядит прожектерски, поскольку работа по заполнению Госкаталога идет не спеша;

— публикация каталогов музеев — вероятно, оптимальный в наше время выход, поскольку позволяет довольно оперативно, с разницей в несколько лет, знакомить ученых с коллекциями учреждения и новыми поступлениями.

Список источников

Археологическая коллекция ОГИК музея: Каталог / сост. Б.А. Коников. Омск; СПб., 2022. 167 с.: ил.

Бородовский А.П. Вислообушный топор эпохи бронзы с северо-запада Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, №2. С. 41–48. doi:10.17746/1563-0102.2022.50.2.041-048

Глушков И.Г., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Молодин В.И. Исследования поселения Нижняя Тунуска I в Омском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXXI. Новосибирск, 2025. С. 559–566.

Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары (эпоха неолита и бронзы): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.

Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 220 с.

Tikhonov S.S. The Collection of Late Bronze Celts from the Novosibirsk State Museum of Local History // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №3. С. 173–184. https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-11

Tikhonov S.S. Drawings of Shaft-Hole Axes of the Andronovo Period from the Personal Archive of M.P. Gryaznov // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №3. С. 103–113. https://doi.org/: 10.14258/tpai(2025)37(3).-05

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Семенович Тихонов, Омская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 644024, Россия, Омск, пр. К. Маркса, 15/1, кандидат исторических наук, https://orcid.org//0000-0001-6909-0727, semchi957@gmail.com

Sergey S. Tikhonov, Omsk laboratory of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 644024, Russia, Omsk, K. Marx Ave., 15/1, Cand Sci (History), https://orcid.org//0000-0001-6909-0727, semchi957@gmail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 069.015
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.63
EDN: VTWCBP

ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В.И. НЕВЕРОВА

Татьяна Владимировна Тишкина, Ксения Алексеевна Тишкина, Ксения Евгеньевна Бояринцева
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Исследование посвящено истории создания и деятельности Музея истории Алтайского государственного университета им. В.И. Неверова, который был официально открыт в 2010 г. В формировании концепции учреждения участвовали первый ректор университета В.И. Неверов и директор музея Г.Л. Нехведавичюс. Разделы экспозиции музея отражают развитие учебной и научной деятельности, историю комсомольского движения, студенческих отрядов и т.д. Пополнение коллекций экспонатами осуществляется за счет дарений от преподавателей и сотрудников университета. В статье обозначена роль музея в популяризации достижений вуза, обозначена проблема расширения пространства экспозиции и пути ее решения, включая внедрение цифрового контента и специального музейного оборудования. Рассмотрены участие в вузовских акциях, реализация значительных выставочных проектов, взаимодействие с местной общественностью.

Ключевые слова: Алтайский государственный университет, музей, экспозиция, выставки, цифровой контент

Для цитирований: Тишкина Т.В., Тишкина К.А., Бояринцева К.Е. Опыт деятельности Музея истории Алтайского государственного университета им. В.И. Неверова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 434–440. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.63

THE EXPERIENCE OF THE MUSEUM OF HISTORY OF ALTAI STATE UNIVERSITY NAMED AFTER V.I. NEVEROV

Tatyana V. Tishkina, Kseniya A. Tishkina, Kseniya E. Boyarinceva
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The research is devoted to the history of the creation and operation of the Museum of History of Altai State University named after V.I. Neverov, which was officially opened in 2010. The first rector of the university, V.I. Neverov, and the director of the museum, G.L. Nekhvedavichyus, participated in the formation of the concept of the institution. The sections of the museum's exposition reflect the development of educational and scientific activities, the history of the Komsomol movement, student groups, etc. The collections are replenished with exhibits through donations from university faculty and staff. The article outlines the role of the museum in popularizing the achievements of the university, identifies the problem of expanding the exhibition space and ways to solve it, including the introduction of digital content and special museum equipment. The article considers participation in university events, the implementation of significant exhibition projects, and interaction with the local community.

Keywords: Altai State University, museum, exposition, exhibitions, digital content

For citation: Tishkina T.V., Tishkina K.A., Boyarinceva X.E. The Experience of the Museum of History of Altai State University named after V.I. Neverov. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:434–440. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.63

Алтайский государственный университет был основан Постановлением Совета Министров СССР от 27 марта 1973 г. и Приказом Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 25 мая 1973 г. В том же году состоялся первый набор студентов на историко-филологический, юридический и экономический факультеты. С этого же времени осуществлялся сбор материалов о деятельности учебного заведения, научных достижениях преподавателей и успехах студентов.

Идея создания музея истории университета принадлежит заслуженному работнику культуры Российской Федерации, почетному профессору и первому ректору университета Василию Ивановичу Неверову (1930–2003 гг.). В 1983 г., в связи с подготовкой к празднованию 10-летнего юбилея университета, этот вопрос стал актуальным. К тому времени в вузе уже сложились свои традиции, утвердился профессорско-преподавательский состав, действовало восемь факультетов, осуществилось пять выпусков высококвалифицированных специалистов.

В университете предполагалось создать Музей просвещения и культуры Алтая и включить в экспозицию отдельным разделом материалы по истории Алтайского государственного университета. Экспонаты, отражающие разви-

тие учебной, научной работы, истории комсомольской организации и студенческих строительных отрядов, документы о формировании вуза планировалось расположить на стендах. Особое внимание уделялось судьбам сотрудников и преподавателей — участников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В витринах в соответствии с концепцией музея предполагалось разместить памятные сувениры, медали, некоторые материалы археологических экспедиций, монографии, учебные издания и т.д.

К весне 1984 г. был собран значительный материал: труды преподавателей, программы научных конференций; сформированы комплекты документов первых выпускников, получивших дипломы с отличием; около 100 фотографий, отражавших жизнь университета (Ермакова, 1984, с. 2). Администрация вуза обратилась к преподавателям и студентам с призывом оказать помощь в сборе экспонатов по истории учебного заведения. Необходимость организации музея пояснялась его важностью для патриотического воспитания учащейся молодежи, сохранения и передачи традиций новым поколениям преподавателей, студентов, абитуриентов с целью формирования их интереса к истории вуза.

На основе музейных материалов периодически организовывались тематические выставки, приуроченные к знаковым событиям в истории страны, вуза. Так, например, на втором этаже корпуса на ул. Димитрова, 66 в 1985 г. был оформлен стенд с цветными фотографиями и информацией о сотрудниках — участниках Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

В 2000 г. было принято решение Ученого совета АГУ о создании Музея истории университета. Директору музейного комплекса Г.Л. Нехведавичюсу и профессору В.И. Неверову было поручено разработать и представить в декабре 2000 г. на утверждение Ученого совета университета положение о музее. В 2001 г. был образован общественный совет Музея истории университета, в работе которого принимали участие ветераны учреждения.

К празднованию 30-летнего юбилея Алтайского государственного университета вновь была активизирована работа по сбору материалов. Члены общественного совета музея обратились через газету к студентам, преподавателям и сотрудникам с предложением передачи фотографий, дипломов и грамот, полученных за достижения в научной деятельности, материалов о студенческих строительных отрядах и молодежных творческих объединениях. 16 января 2002 г. было объявлено Днем дарения (Совет музея, 2002, с. 1).

В 2004 г. решением Ученого совета музею было присвоено имя первого ректора Алтайского государственного университета профессора В.И. Неверова. В 2007 г. Ученый совет утвердил положение о музее, согласно которому он является учебно-научным подразделением вуза, занимающимся изучением и пропагандой истории университета, сбором и экспонированием музейных материалов, связанных с историей вуза, популяризацией его достижений, а также воспитанием у коллектива сотрудников и студентов высоких гражданских и нравственных качеств, уважения к университету.

Открытие Музея истории университета им. В.И. Неверова состоялось 27 февраля 2010 г. в бывшем кабинете ректора на 2 этаже корпуса «Д» (ул. Ди-

митрова, 66, каб. 209). Музей получил две комнаты, в одной из них, площадью 25 кв. м, были устроены фондохранилище и рабочие места директора музея Г.Л. Нехведавичюса и сотрудника Н.Ф. Шульги. В бывшем кабинете ректора на площади 40 кв. м разместилась экспозиции «История Алтайского университета». На момент открытия музея был оформлен раздел «Они были первыми» (Петухов, 2010, с. 6). На восьми стендах, расположенных вдоль стен помещения, и нескольких напольных витринах демонстрировались экспонаты, отражавшие начальный период становления вуза. Использовалось пространство между оконных проемов помещения для размещения стенда с фотографиями почетных профессоров университета. Были сохранены шкафы, рабочее место ректора, оборудованное техникой 1980–1990-х гг. В три напольные витрины 0,85×0,65 м и высотой 0,63 м поместили экспонаты, отражавшие научные интересы и общественную деятельность руководителей университета. Следует упомянуть, что в данном кабинете трудились к.и.н., профессор Василий Иванович Неверов, в 1986–1997 гг. — д.физ.-мат.н., профессор Валерий Леонидович Миронов; в 1997–2000 гг. — д.и.н., профессор Юрий Федорович Кирюшин (рис. 1). Затем завершилось строительство нового корпуса университета (пр. Ленина, 61), в котором были оборудованы кабинеты администрации и ректора.

В 2010 г. собрание музея насчитывало около 10 тыс. единиц хранения (Петухов, 2010, с. 6). Пополнение фондового собрания осуществлялось в основном благодаря передачам экспонатов от дарителей — ветеранов университета: А.С. Шемякиной, Т.А. Кирюшиной, Т.Н. Розинкиной, М.А. Глазуновой, Ю.Н. Башкатова и др. Из семей ветеранов Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) поступили фронтовые фотографии, документы и награды. Сотрудники музея плодотворно работали в архиве университета.

Со временем в помещении музея стали реализовывать временные выставочные проекты. Так, например, для выставки, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) было собрано около 150 экспонатов, в том числе 36 фронтовых фотографий (Петухов, 2010, с. 6).

Значительными являлись выставочные проекты, реализованные при участии Сергея Валерьевича Корепанова, директора частного музея «Мир времени», — «Помни войну!» (посвященную трем войнам XX в.) (2017 г.) и «Классические университеты» (2018 г.). Для размещения экспонатов в зале дополнительно были установлены столы и витрины. Незначительные экспозиционные пространства не позволяли разместить этикетки для каждого экспоната и пояснительные тексты. Однако директор музея Г.Л. Нехведавичюс сообщал посетителям соответствующую информацию по время экскурсий.

К 2023 г. значительно увеличился фонд музея. Учреждение остро нуждалось в расширении экспозиционного пространства. Было принято решение о ремонте помещения и последующей реэкспозиции. Дизайнерский проект, разработанный Г.Л. Нехведавичюсом, получил одобрение на ученом совете АлтГУ.

Генрикас Леоно Нехведавичюс предложил использовать для размещения плоскостных экспонатов и вспомогательных материалов стенды, устроенные

по принципу шкафа-купе, что позволило существенно расширить разделы «Они были первыми» и «Университет, открытый миру».

Торжественное открытие обновленной экспозиции состоялось 15 мая 2023 г. (Фоменко, 2023, с. 2). Музейное пространство дополнено аудиовизуальными элементами. В две цифровые фоторамы (Digma PF-1001) загружены тематические подборки фотографий «Спорт в студенческой жизни» и «Мы — рабфаковцы». Фоторамы закреплены на плоскости стендов. Размещенные черно-белые фотографии демонстрируют связи и подлинность с другими экспонатами. В фоторамку (Espada E-21A) внесены 113 фотографий и информация о первых сотрудниках, которые были приняты на работу в университет в 1973 г., фоторама размещена в разделе экспозиции «Они были первыми».

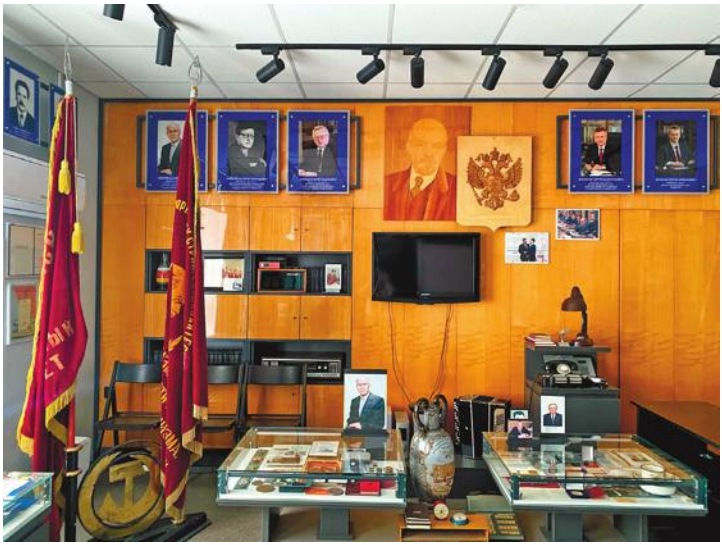

Рис. 1. Раздел экспозиции «Ректорская стена. Руководители и эпохи» (фото К.Е. Бояринцевой)
Fig. 1. Section of the exhibition "Rector's Wall. Leaders and Eras" (photo by K.E. Boyarintseva)

Еще одна фоторама используется для демонстрации материалов временных выставок. Следует отметить, что сотрудники музея имеют мало возможностей в незначительном экспозиционном пространстве для создания полноценных выставочных экспозиций. Тем не менее в 2023 г. была организована крупная выставка: «Исторический факультет: листая страницы истории». Работая над реализацией выставочных проектов, музейные работники привлекают к процессу лиц, желающих предоставить фотографии, соответствующие тематике предметы и т.д. Так, например, для выставки «Радостный строй гитар, яростный стройотряд» (2024 г.) Александр Юраков и Татьяна Золотарева со-

здали фильм «ССО АГУ — история рождения. Первые трудовые семестры», погружающий зрителей в среду студенческих стройотрядов университета. Фильм демонстрировался для посетителей выставки на экране телевизора.

Материалы Музея истории университета им. В.И. Неверова были использованы при подготовке к публикации военно-патриотического издания «Солдаты Победы: Великая Отечественная война в биографиях и воспоминаниях ветеранов Алтайского государственного университета». С 18 марта по 31 декабря 2025 г. в музее действовала выставка «Поклонимся великим тем годам...», объединившая разнообразные источники: вещественные, письменные, изобразительные. Особое внимание было уделено отражению участия ветеранов университета в военных действиях. Об этом повествовали сохранившиеся документы, фотографии, письма, награды. Информация о ветеранах и их наградах транслировалась на мультимедийном экране. Помимо этикеток и вспомогательных текстов, доступ к контенту ряда экспонатов стал осуществляться с помощью QR-кодов.

Таким образом, Музей истории университета им. В.И. Неверова является частью социокультурной среды Алтайского государственного университета. Его деятельность, направленная на сохранение и трансляцию культурной памяти, имеет свою специфику и ориентирована на реализацию не только воспитательной, но и образовательной и коммуникативной функций (рис. 2).

Рис. 2. Студенты Института истории и международных отношений АлтГУ на экскурсии в музее (фото Т.В. Тишкиной)
Fig. 2. Students from the Institute of History and International Relations at Altai State University on a tour of the museum (photo by T.V. Tishkina)

Следует отметить равномерное распределение по всему залу экспозиционного материала. К сожалению, при отборе предметов экспозиционерам зачастую не удается избежать ошибки, которую музейные специалисты определяют как «боязнь недостаточности». Концентрация значительного количества экспонатов на небольших площадях напольных витрин не позволяет выделить наиболее значимые предметы, соблюсти пространственные паузы. При раскрытии темы раздела экспозиции делается акцент в первую очередь на подбор экспонатов и их расположение, а не на музейные тексты. Тем не менее сотрудники музея ведут работу по расширению этикетажа экспозиции, применяя QR-коды. Используемые цифровые технологии следуют за содержанием, встроены в атмосферу музея, расположенного в мемориальном кабинете. Особое окружение ощущается посетителями. Однако музей остро нуждается в расширении пространства.

Сведения о музейных мероприятиях публикуются в газетах «Вечерний Барнаул», «За науку» — органе издания Алтайского государственного университета. Бесплатно осмотреть музейную экспозицию и действующую выставку могут все желающие лица, однако основными музейными посетителями являются студенты и сотрудники университета. В 2025 г. музей принял участие в акции «Ночь музеев».

Список источников

Ермакова Н. Создать музей истории АГУ // За науку. 1984. №15. С. 2.
Петухов Н. Музей становится живым // За науку. 2010. №12. С. 6.
Совет музея // За науку. 2002. №1. С. 1.
Фоменко А. Жемчужина юбилея // За науку. 2023. №19. С. 2.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьяна Владимировна Тишкина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-1353-3442, tvtishkina@mail.ru

Tatyana V. Tishkina, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, PhD (historical sciences), Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1353-3442, tvtishkina@mail.ru

Ксения Алексеевна Тишкина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0002-2342-0548, ksetishkina@mail.ru

Ksenia A. Tishkina, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, PhD (historical sciences), https://orcid.org/0000-0002-2342-0548, ksetishkina@mail.ru

Ксения Евгеньевна Бояринцева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант, хранитель фондов музея истории Алтайского государственного университета им. В.И. Неверова; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0009-0005-5784-572X, boyarinceva98@gmail.com

Xeniya E. Boyarintseva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student, Curator of the Collections at the Museum of History of Altai State University named after V.I. Neverov; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0009-0005-5784-572X, boyarinceva98@gm ail.com

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 069(1-21)
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.64
EDN: SNBDHC

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ РАДИСТА-ПОЛЯРНИКА П.Д. ЦЕЛИЩЕВА В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ «ГОРОД»

Оксана Дмитриевна Утева
Музей «Город», Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматриваются экспозиционно-выставочные проекты Музея «Город», основанные на музейно-биографическом исследовании личности П.Д. Целищева, барнаульского радиста-полярника, жившего в 1914–1984 гг. Став участником Первой советской Антарктической экспедиции, Целищев не только обеспечивал бесперебойную связь экспедиции с материком, но также выполнял важнейшие научные исследования и участвовал в основании первых полярных станций. Результаты его пребывания в составе экспедиций отразились в материальных источниках: письмах, телеграммах, фотографиях, которые впоследствии стали основой для научного изучения и музейных выставочных проектов. Важнейшая цель данных проектов — популяризация малоизвестной личности уроженца Барнаула Петра Дмитриевича Целищева.

Ключевые слова: музей, выставка, музейно-биографическое исследование, выставочные проекты, освоение Арктики, Антарктида, советские полярники

Для цитирований: Утева О.Д. Отражение личности радиста-полярника П.Д. Целищева в экспозиционно-выставочной деятельности Музея «Город» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 441–445. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.64

REPRESENTATION OF THE PERSONALITY OF THE RADIO-POLARIST P.D. TSELISHCHEV IN THE EXHIBITION AND EXPO ACTIVITIES OF THE MUZEY “GOROD”

Oksana D. Uteva
Muzey “Gorod”, Barnaul, Russia

Abstract. The article discusses the exposition and exhibition projects of the Muzey “Gorod”, which are based on the museum-biographical research of the personality of P.D. Tselishchev, a Barnaul polar radio operator who lived from 1914 to 1984. As a member of the First Soviet Antarctic Expedition, Tselishchev not only ensured uninterrupted communication between the expedition and the mainland, but also conducted important scientific research and participated in the establishment of the first polar stations. The results of his participation in expeditions were reflected in material sources: letters, telegrams, and photographs, which later became the basis for scientific research and museum exhibition projects. The main goal of these projects is to promote the little-known personality of Pyotr Dmitrievich Tselishchev, a native of Barnaul.

Keywords: museum, exhibition, museum-biographical research, exhibition projects, Arctic exploration, Antarctica, Soviet polar explorers

For citation: Uteva O.D. Representation of the Personality of the Radio-Polarist P.D. Tselishchev in the Exhibition and Expo Activities of the Muzey "Gorod". *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:441–445. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.64

С 2023 г. в проектной и экспозиционно-выставочной деятельности Музея «Город» активно проводятся мероприятия по сохранению памяти и популяризации имени барнаульского радиста-полярника П.Д. Целищева.

До 2023 г. имеющиеся в музейной коллекции материалы по П.Д. Целищеву не экспонировались и не изучались. В марте 2008 г. фотографии, принадлежащие П.Д. Целищеву, были переданы в постоянное пользование Музея «Город» А.М. Устиновым. В 2023 г. после изучения материалов, состоявших из 18 архивных фотографий, был подготовлен выставочный проект «Первый в Антарктике», освещавший наиболее важные факты из биографии Целищева, путь его профессионального становления и вклад в освоение Северного и Южного полюсов. Экспозиция создавалась с применением цифровых технологий обработки материалов и включала в себя 20 макетов с информационными блоками. Выставка состоялась с 12 мая по 11 июня 2023 г. В ходе ее проведения личность Целищева впервые была упомянута в экспозиционно-выставочной деятельности Музея «Город», аудитория музея получила возможность познакомиться с именем выдающегося барнаульского радиста.

Петр Дмитриевич Целищев родился в 1914 (по другим данным в 1912) г. в семье капитана речного судна. Его отец Дмитрий Петрович Целищев получил приглашение на должность капитана в одно из обских пароходств в начале XX в. и переехал из Томска в Барнаул, где у него родилась старшая дочь Ирина, а впоследствии сыновья Петр и Николай.

Позднее и сам Петр Дмитриевич увлекся речным судоходством, но более основательно — радиотехникой и, получив соответствующее образование, служил радистом на судах, курсирующих по Енисею. Первая морская экспедиция П.Д. Целищева состоялась в 1934 г., рейс в Карское море оказался успешным началом профессиональной деятельности П.Д. Целищева.

Обеспечивая бесперебойную радиосвязь, в конце 1930-х — начале 1940-х гг. Целищев служил радистом на мысе Челюскина и на мысе Шмидта. Во время Великой Отечественной войны находился на Диксоне, служил начальником радиобюро и диспетчером связи.

В послевоенное время Петр Дмитриевич продолжил обеспечивать радиосвязь северных научных экспедиций. Так в 1954 г. он вошел в состав экспедиции, состоящей из 27 человек, на дрейфующую станцию «Северный полюс — 4». Дрейфующая станция — это уникальный вид исследований, существовавший как временная научная станция, расположенная на дрейфующих льдах в глубоководной части Северного Ледовитого океана. Программа комплексных круглогодичных исследований подобных станций была разнообразной и проводилась в области океанологии, ледоведения, метеорологии, геофизики и многих других направлений (Стромилов, 1986, с. 17).

В 1955 г., учитывая успешный опыт Петра Целищева по выполнению служебных задач в северных морских экспедициях, его пригласили к участию в самой значимой исследовательской миссии по изучению полюсов и включили в список Первой советской Антарктической экспедиции. В постоянной экспозиции Российского государственного музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге хранится учетная книга, где одним из разделов значится список под названием «Первые советские зимовщики в Антарктиде», который представляет собой перечень фамилий с инициалами, должностями и автографами всех участников экспедиции. Фамилия и подпись П.Д. Целищева в качестве радиотехника экспедиции также значится в этом списке.

В составе экспедиции Целищев участвовал в основании советской антарктической станции Мирный (Угрюмов, Коровин, 2004, с. 34), затем станции «Оазис» и т.д. Подобные миссии требовали проводить много месяцев в полярных условиях, в том числе в глубине материка в изоляции от основного коллектива экспедиции. Одиночное проживание на маленьких полярных станциях предполагало, помимо текущих рабочих задач, необходимость вести научные наблюдения и передавать результаты на основную базу.

Основой экспозиционного материала в музейных выставочных проектах Музея «Город» служат непосредственные свидетельства пребывания П.Д. Целищева на Северном и Южном полюсах, а также в длительных поездках к местам исследований.

Наиболее интересным и наглядным видом изучаемых источников являются фотографии, сделанные Целищевым и его коллегами в экспедициях (рис. 1), многие участники отправлялись тогда в плавание с любительскими фотокамерами, в том числе и сам Петр Дмитриевич. Фотографии он отправлял родным и близким в Барнаул вместе с письмами посредством полярной авиационной почты. Данные свидетельства служат важным материалом музейно-биографического исследования и отражают не только реалии, в которых находились члены экспедиций, но и личные переживания участников. Судя по трактовке письменных источников, Целищев, несмотря на замкнутость и необщительность, все же остро ощущал потребность делиться внутренними переживаниями и ценил возможность поддерживать контакт с барнаульскими адресатами, что неоднократно подчеркивалось в его письмах и телеграммах (рис. 2).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. П.Д. Целищев завершил карьеру полярника и вернулся в Барнаул, где был принят радистом в Барнаульский речной порт. Помимо этого, П.Д. Целищев занимался общественно-полезной деятельностью, избирался депутатом Барнаульского городского Совета.

Петр Дмитриевич Целищев скончался в 1984 г. В заключении о смерти, которое хранится в фондах Музея «Город», причиной смерти указывается общее переохлаждение организма. За доблестный труд по освоению Арктики и Антарктиды Петр Целищев был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета».

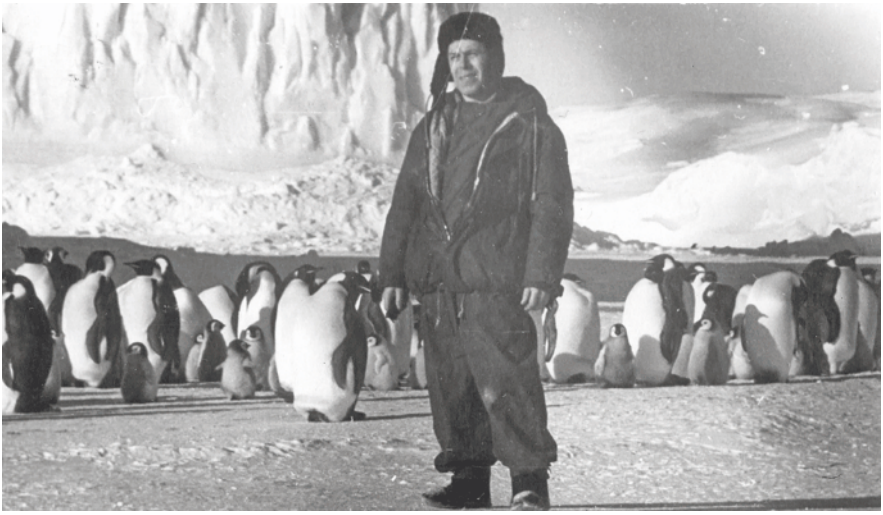
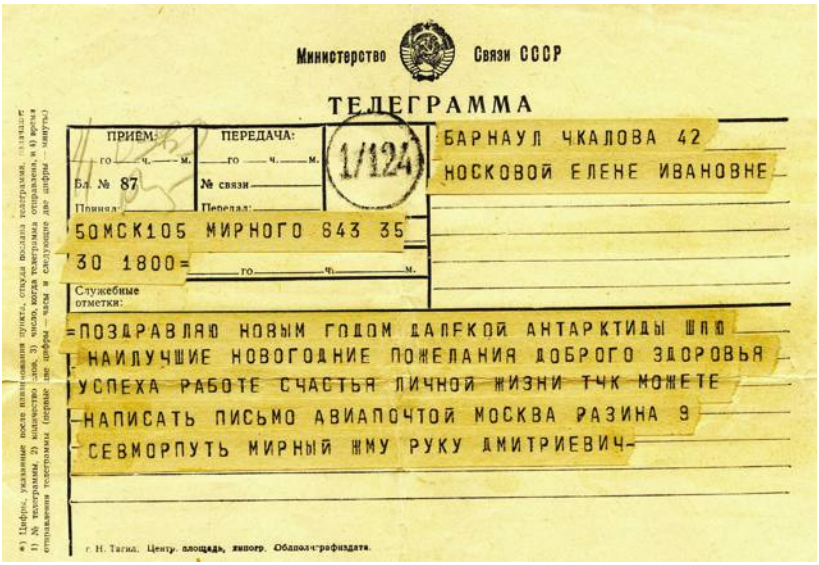

Рис. 1. П.Д. Целищев в Антарктиде, 1950-е гг. Музей «Город»
Fig. 1. P.D. Tselishchev in Antarctica, 1950s. Muzey «Gorod»

Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: го ч. м. Бл. № 87 Принял:

ПЕРЕДАЧА: го ч. м. № связи Передал:

1/124

БАРНАУЛ ЧКАЛОВА 42
НОСКОВОЙ ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ

БОМСК105 МИРНОГО 843 35
30 1800= го ч. м.

Служебные отметки:

=ПОЗДРАВЛЯЮ НОВЫМ ГОДОМ ДАЛЕКОЙ АНТАРКТИДЫ ШЛЮ
НАИЛУЧШИЕ НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ
УСПЕХА РАБОТЕ СЧАСТЬЯ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ТЧК МОЖЕТЕ
НАПИСАТЬ ПИСЬМО АВИАПОЧТОЙ МОСКВА РАЗИНА 9
СЕВМОРПУТЬ МИРНЫЙ ЖМУ РУКУ ДМИТРИЕВИЧ=

г. Н. Тагил. Центр. площадь, типогр. Облполиграфиздата.

Рис. 2. Телеграмма П.Д. Целищева Е.И. Носковой из Антарктиды в Барнаул. Музей «Город»
Fig. 2. Telegram from P.D. Tselishchev to E.I. Noskova from Antarctica to Barnaul. Muzey «Gorod»

В 2023 г. в ходе поисково-исследовательской деятельности удалось пополнить коллекцию Целищева новыми материалами, сохраненными Е.И. Носковой, жительницей Барнаула, лично знакомой с Целищевым при его жизни. Еленой Ивановной в музейную коллекцию по П.Д. Целищеву было передано 28 фотографий, 13 телеграмм, шесть марок и пять конвертов с письмами, а также оригинал номера журнала «Огонек» за 1956 г., где П.Д. Целищева именовали «снайпером эфира», надолго закрепив за ним это прозвище.

На основе материалов, переданных Еленой Ивановной Носковой, в 2023 г. был подготовлен специальный расширенный онлайн-проект «Снайпер эфира: архивные материалы из жизни Петра Целищева», дополненный уникальными, ранее не экспонировавшимися материалами, не вошедшими в первый музейный проект о Целищеве. Онлайн-выставка содержала фотографии, сделанные Целищевым в ходе северных экспедиций, расшифровку письменных источников с сохранением авторской орфографии и пунктуации, а также экземпляры телеграмм, отправляемых Целищевым из Антарктиды в Барнаул. Экспозиция состоит из 30 мультимедийных слайдов и поделена на информационные блоки. Онлайн-выставка «Снайпер эфира: архивные материалы из жизни Петра Целищева» доступна на официальном сайте Музея «Город».

Помимо временных выставочных проектов, данные о деятельности П.Д. Целищева были помещены в постоянную экспозицию музея, в витрину сектора по истории 2-й половины XX в. в Барнауле. В данной части постоянной экспозиции также представлены экземпляры фотографий, копии телеграмм и оригиналы конвертов из-под писем П.Д. Целищева Е.И. Носковой.

В 2026 г. барнаульский Музей «Город» совместно с Детской школой искусств №1 разработал проект «Полюса искусств», который включает в себя мультимедийную лекцию для учеников художественных направлений с последующим выставочным проектом, приуроченным ко Дню полярника. Выставка включает в себя информационный блок о причастности барнаульского исследователя к освоению Арктики и Антарктики, а также серию из 20 художественных работ на заданную тему, созданных учениками Детской школы искусств №1.

Экспозиционные возможности проектов о Целищеве ограничены недостаточным количеством сведений о нем и его работе, в связи с чем исследование личности Петра Целищева и его вклада в освоение Арктического и Антарктического полюсов продолжается.

Список источников

Стромилов Н.Н. Впервые над полюсом. Л., 1986. 136 с.: ил.

Угрюмов А.И., Коровин В.П. На льдине к Северному полюсу. История полярных дрейфующих станций. СПб., 2004. 126 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Оксана Дмитриевна Утева, Музей «Город», старший научный сотрудник; 656056, Россия, г. Барнаул, ул. Льва Толстого, 24, parnas_gallery@mail.ru

Oksana D. Uteva, Muzey "Gorod", Senior Researcher; 656056, Russia, Barnaul, Lev Tolstoy St., 24, parnas_gallery@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.226:069.02:908
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.65
EDN: TFPXBA

ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ ИЗ СОБРАНИЯ СОЛОНЕШЕНСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: КУЛЬТУРНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ

Ярослав Владимирович Фролов[1], Даниил Романович Плотников[1], Татьяна Григорьевна Беликова[2]
[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2]Солонешенский районный краеведческий музей, с. Солонешное, Алтайский край, Россия

Резюме. В статье публикуется железный кинжал скифо-сакского времени из фондов Солонешенского районного краеведческого музея. Он обнаружен в окрестностях с. Березовка Солонешенского района Алтайского края, в северных предгорьях Алтая. Предмет имеет дуговидное перекрестие с крючковидными концами, рожковидное навершие и короткий клинок килевидной формы. Кинжал находит прямые аналогии в материалах каменской культуры и с территорий Горного Алтая и Минусинской котловины. Эти изделия демонстрируют очень высокую степень сходства, что может говорить о каком-то едином центре их производства. Достаточно широкий ареал находок подобных кинжалов не позволяет связать их с какой-либо одной конкретной археологической культурой. Датируется кинжал IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: скифо-сакское время, железный кинжал, северные предгорья Алтая, каменская культура, Саяно-Алтай

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ №25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — средневековье)».

Для цитирований: Фролов Я.В., Плотников Д.Р., Беликова Т.Г. Железный кинжал из собрания Солонешенского районного краеведческого музея: культурная и хронологическая атрибуция // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 446–454. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.65

THE IRON DAGGER FROM THE COLLECTION OF THE SOLONESHENSKY DISTRICT MUSEUM OF LOCAL HISTORY: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION

Yaroslav V. Frolov[1], Daniil R. Plotnikov[1], Tatyana G. Belikova[2]
[1]Altai State University, Barnaul, Russia
[2]Soloneshensky District Museum of Local History, Soloneshnoe village, Altai Krai, Russia

Abstract. This article features an iron dagger from the Scythian-Saka period, found in the collection of the Soloneshensky District Museum of Local History. It was discovered in the northern foothills of the Altai Mountains, near the village of Berezovka in the Soloneshensky

District of the Altai Territory. The dagger's guard is arched. Its ends are shaped like hooks. The pommel is shaped like horns. The blade is short and keeled. This item has direct parallels in materials from the Kamenka culture. Similar items have been found in the Altai Mountains and the Minusinsk Basin. These items exhibit a very high degree of similarity, suggesting a single center of production. The wide distribution of finds of similar daggers precludes their association with any specific archaeological culture. The dagger is dated to the 4th–3rd centuries BC.

Keywords: Scythian-Saka period, iron dagger, northern foothills of Altai, Kamenka culture, Sayan-Altai

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00775 "Comprehensive Chronology of Archaeological Sites of Altai (Stone Age — Middle Ages)".

For citation: Frolov Ya.V., Plotnikov D.R., Belikova T.G. The Iron Dagger from the Collection of the Soloneshensky District Museum of Local History: Cultural and Chronological Attribution. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:446–454. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.65

Введение

Случайные находки предметов клинкового оружия скифо-сакского времени являются достаточно показательными объектами для анализа распространения разных типов вооружения на территории Алтая. Особенно важно то, что железные мечи и кинжалы, найденные случайным образом, обнаруживаются в хорошем состоянии, что позволяет достаточно обоснованно говорить об их морфологии и выстраивать типологические схемы. Находка кинжала из Солонешенского района позволяет наметить ряд проблем, связанных с их интерпретацией и культурной атрибуцией, а также сделать выводы о распространении подобного типа вооружения на Алтае и сопредельных территориях**.**

Материалы

Рассматриваемый в работе кинжал (рис. 1) происходит из окрестностей села Березовка Солонешенского района Алтайского края. Предмет был найден местным жителем А. Тарасовым в 2001 г. во время распашки поля и в том же году передан в Солонешенский районный краеведческий музей, где был принят на хранение под номером СРКМ ОФ 141 и размещен в экспозиции. Других артефактов на пашне находчиком обнаружено не было.

Предмет сохранился практически полностью — отсутствует только острие. Сохранность металла хорошая, вся поверхность изделия покрыта прочным и однородным слоем коррозионной корки с небольшими каверн ами и пятнами активной коррозии. Кинжал имеет короткий килевидный клинок с прямыми лезвиями, сужающимися к острию во второй трети пера. У основания (у перекрестия) клинок немного расширяется. На всем протяжении обеих плоскостей клинка проходит нервюра, имеющая вид низкого узкого ребра. В средней части клинка имеется небольшое сужение по лезвиям, вероятно, связанное с заточкой пера. Узкое дуговидное перекрестие имеет загнутые и поднятые вверх крючковидные концы. Перекрестие достигает максимальной толщины в центральной части за счет наличия широкого ре-

бра. Стержневидная рукоять имеет подпрямоугольное с заоваленными углами (овально-прямоугольное) сечение и небольшое расширение в центральной части. Перед навершием выделена небольшая колодка. Навершие имеет дуговидную рожковидную форму с округлыми расширениями на концах. Навершие в поперечном сечении имеет подпрямоугольную форму.

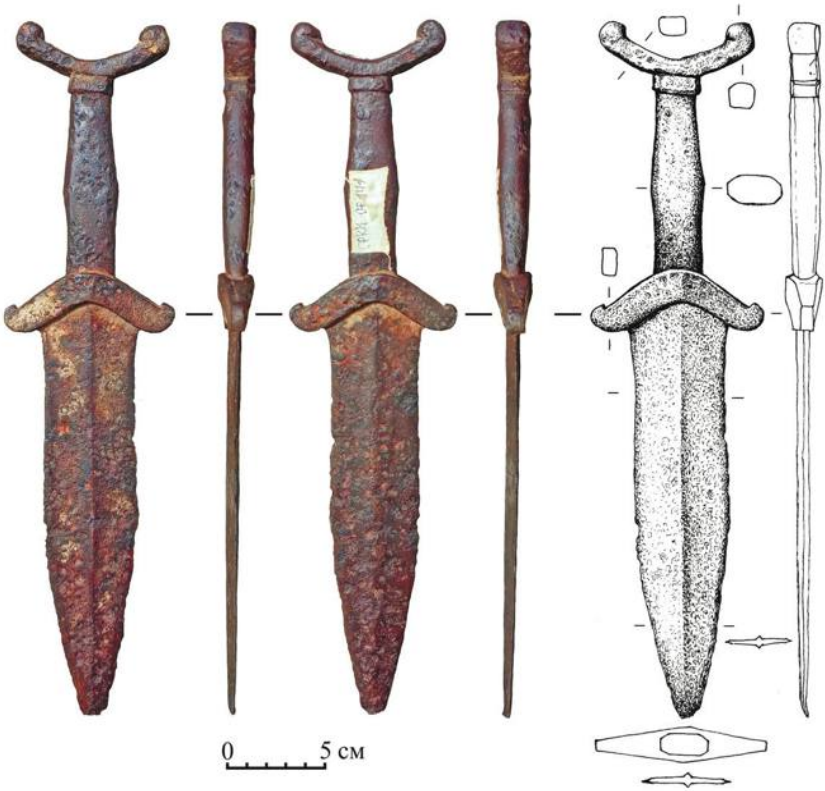

Рис. 1. Железный кинжал из окрестностей с. Березовка, Солонешенский район Алтайского края. Солонешенский районный краеведческий музей (СРКМ ОФ 141)
Fig. 1. Iron dagger from the vicinity of the village of Berezovka, Soloneshensky District, Altai Krai. Soloneshensky Distript Museum of Local History (СРКМ ОФ 141)

Ниже представлены метрические параметры предмета. Все измерения приведены относительно продольной оси изделия. Для фигурных элементов (навершия, перекрестия) измерения велись по двум наиболее удаленным друг от друга точкам в пределах плоскости.

Общая длина изделия — 280 мм, вес — 293 г. Длина клинка — 175 мм, ширина у основания — 35,3 мм, в середине — 36,7 мм, у острия — 7,6 мм, тол-

щина у основания — 6 мм, в середине — 5,3 мм, у острия — 3 мм. Длина черена (рукояти) — 66,9 мм, ширина у колодки — 14,5 мм, в середине — 20,7 мм, у перекрестия — 18,5 мм, толщина у колодки — 12 мм, в середине — 13,4 мм, у перекрестия — 10 мм. Длина перекрестия — 23,8 мм, ширина — 64,3 мм, толщина по центральной линии — 16 мм, к концам уменьшается до 11,5 мм. Длина навершия — 28 мм, ширина — 54,7 мм, толщина по средней линии — 13,3 мм, толщина концов навершия — 12,2 мм. Длина колодки — 7,3 мм, ширина — 15,7 мм, толщина — 12,6 мм.

Из-за наличия коррозионной корки на рассматриваемом изделии детали, связанные со способом изготовления предмета, установить сложно. По всей вероятности, для производства кинжала использовалась ковка. Лезвие, рукоять и навершие изготавливались из одной заготовки. Каких-либо швов или пазов в местах стыка рукояти, колодки и навершия, свидетельствующих о насаде навершия как отдельной детали на конец рукояти, визуально зафиксировано не было. Дуговидное перекрестие изготовлено из двух отдельных полос металла, наложенных на место стыка рукояти и клинка. Перекрестие закреплено на рукояти с помощью кузнечной сварки. То, что рукоять и клинок изготавливались из одной заготовки, и особенности крепления перекрестия можно проследить на примере отдельных деталей кинжала аналогичной формы из могильника Новотроицкое-2, курган №7, могила-6 (рис. 2.-*8*).

Обсуждение

Наиболее близок по форме к рассматриваемому предмету из с. Березовка кинжал из Минусинской котловины, хранящийся в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова (МКМ АЖ. ОФ 758; ГК 14241539) (Сибириана: агрегатор наследия, №12884906205) (рис. 2.-*3*). У него отсутствует нервюра на клинке, более плоский профиль рукояти и более выражены крючки на концах рожковидного навершия. Кроме того, по своей морфологии кинжал из Березовки по форме очень близок к кинжалу из собрания музея «Мир времени» (Барнаул), также являющемуся случайной находкой с территории Алтая (Горбунов, Лихачева, 2015) (рис. 2.-*1*). Точное место обнаружения этого предмета остается неизвестным, однако установлено, что ранее он хранился у жителя села Кош-Агач Кош-Агачского района Республики Алтай. В отличие от березовского, у экземпляра из музея «Мир времени» значительно более выражено поджатие в проксимальной части клинка. Это, вероятно, выработки на лезвиях в результате длительной заточки. У этого кинжала шире нервюра, а также иначе оформлены концы перекрестия — они имеют округлую форму вместо крючковидной (рис. 2.-*1*).

Очень близок по форме и кинжал из коллекции И.А. Лопатина, происходящий из Минусинской котловины, хранящийся в Государственном Эрмитаже (КПГЭ 1953–25823, Инв. №5531-346, ГК 9940696), он был опубликован В.В. Радловым (1891, с. 80, табл. XIV.-12). Отличия в оформлении этого кинжала связаны с достаточно широкой «эллипсовидного» абриса рукоятью и клинком, близким к подтреугольной форме (рис. 2.-*2*).

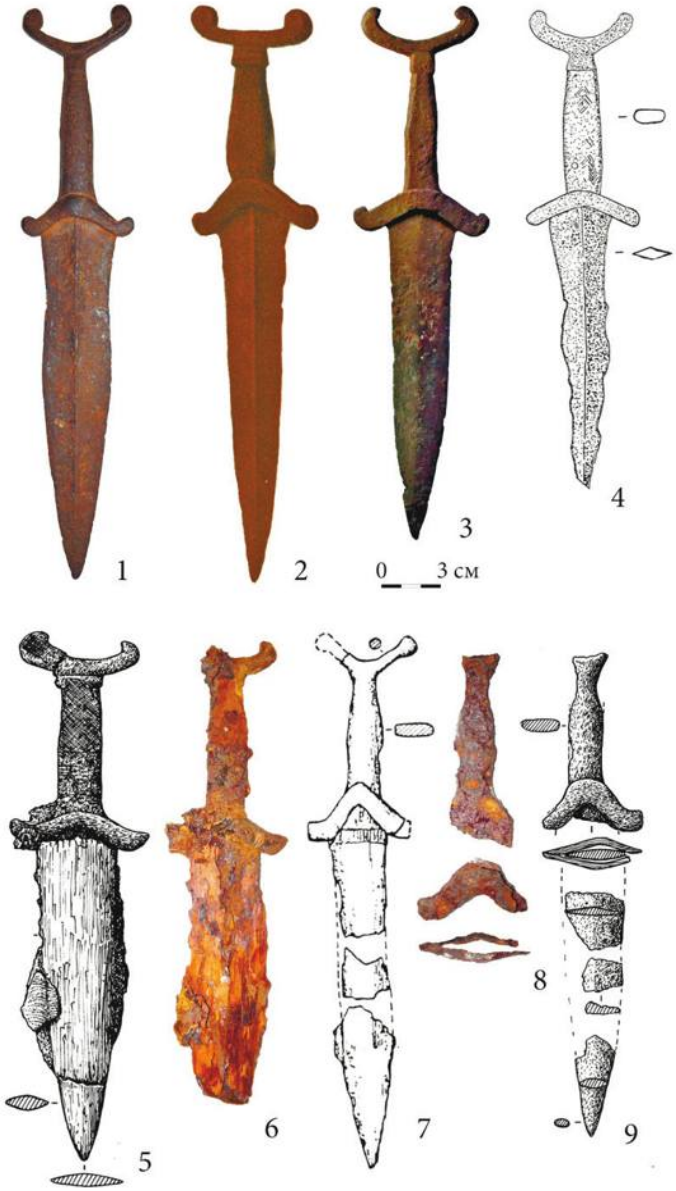

Рис. 2. Железные кинжалы: 1 — Музей «Мир времени» (Барнаул); 2 — Минусинская котловина, Государственный Эрмитаж, коллекция И.А. Лопатина; 3 — Минусинская котловина, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова

(МКМ АЖ. ОФ 758; ГК 14241539); 4 — с. Баштала, Усть-Коксинский район Республики Алтай; 5, 6 — могильник Новотроицкое-2, к. 5, м. 3; 7–9 — могильник Новотроицкое-2, к. 7, м. 6 (1, 6, 8 — фото Я.В. Фролова; 2 — по: Радлов, 1891, табл. XIV.-12; 3 — по: Сибириана: агрегатор наследия, №12884906205; 4 — по: Кочеев, 1995, рис. 1.-2; 5 — по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 57.-2; 7— по: Могильников, 1997, рис. 37.-6; 9 — по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 63.-5)

Fig. 2. Iron daggers: 1 — Museum "World of Time" (Barnaul); 2 — Minusinsk Basin, State Hermitage Museum, collection of I.A. Lopatin; 3 — Minusinsk Basin, Minusinsk Regional Museum of Local History named after N.M. Martyanov (MKM AZH. OF 758; GK 14241539); 4 — village of Bashtala, Ust-Koksinsky District of the Altai Republic; 5, 6 — burial ground Novotroitskoye-2, k. 5, m. 3; 7–9 — burial ground Novotroitskoye-2, k. 7, m. 6 (1, 6, 8 — photo by Ya.V. Frolov; 2 — after: Radlov, 1891, p. 80, pl. XIV.-12; 3 — after: Siberian Heritage Aggregator, No. 12884906205; 4 — from: Kocheev, 1995, fig. 1.-2; 5 — from: Shulga, Umansky, Mogilnikov, 2009, fig. 57.-2; 7 — from: Mogilnikov, 1997, fig. 37.-6; 9 — from: Shulga, Umansky, Mogilnikov, 2009, fig. 63.-5)

Близких по оформлению отдельных частей рукояти, навершия или перекрестия и сходных по общей морфологии кинжалов известно значительно больше. Следует выделить несколько изделий, позволяющих очертить круг аналогий. Сходное по форме навершие и «эллипсовидную» рукоять имеет кинжал, найденный у с. Баштала Усть-Коксинского района Республики Алтай (Кочеев, 1995, с. 83, рис. 1.-2) (рис. 2.-*4*).

Из закрытых комплексов происходят изделия из курганного могильника каменской культуры Новотроицкое-2. Обе находки, из могилы-3 кургана №5 (рис. 2.-*5, 6*) и могилы-6 кургана №7 (рис. 2.-*7–9*), сохранились значительно хуже случайных находок, из-за чего трудно судить о форме их клинка и отдельных деталях рукояти (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 57.-2, 63.-5). На этих предметах мы видим сходное по форме с березовским кинжалом дуговидное перекрестие с крючковидными концами и рожковидное навершие.

Описываемые выше кинжалы неоднократно рассматривались в работах О.С. Лихачевой (2012, с. 174; 2020, с. 78; Горбунов, Лихачева, 2015). По разработанной ею классификации кинжалов периода раннего железа находки описываемо типа предметов относятся к группе железных, разделу пятиугольных, отделу коромысловидных, типу волютообразных (Тип 28) (Лихачева, 2012; 2020, с. 78). Хотелось бы отметить ряд неудачных моментов, связанных с формальным описанием О.С. Лихачевой данного типа кинжалов. Это характеристика формы абриса клинка как «пятиугольной» (Лихачева, 2020, с. 78). На всех вышеописанных изделиях клинок не имеет ярко выраженных углов, что затрудняет понимание его формы исходя из описания как «пятиугольной». В данном случае предлагаем воспользоваться давно уже применяющимся термином «клинок короткой килевидной формы» — с параллельными краями (режущей кромкой), плавно сужающимися к острию после середины или второй трети пера. Отнесение наверший данного типа кинжалов к типу «волютообразных» также вносит путаницу при описании их

морфологии. Традиционно «волютовидные» («волютобразные») навершия имеют закручивающиеся крючковидные (близкие к кольцу) или спиралевидные концы. В группе описываемых кинжалов мы видим в основном округлое оформление кончиков навершия. Данный тип наверший получил название «рожковидные». Предлагаем вслед за В.А. Могильниковым и П.И. Шульгой использовать последний термин («рожковидные») для описания данного типа кинжалов (Могильников, 1997, с. 43; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148).

Достаточно удачен применяемый О.С. Лихачевой при описании дуговидных перекрестий с крючковидно оформленными и поднятыми вверх концами термин «перекрестие коромысловидной формы». Использующийся некоторыми авторами при описании данного типа элементов оформления эфеса термин «бабочковидное» или «узкое бабочковидное» перекрестие (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148; Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007, с. 41) не очень удачен, так как перекликается с термином, применяющимся к несколько иным по форме «классическим» бабочковидным перекрестиям бронзовых и железных кинжалов более раннего периода. «Коромысловидное» перекрестие следует рассматривать как вариант «дуговидного» перекрестия.

Сходные формы кинжалов из могильника каменской культуры Новотроицкое-2 и кинжала из музея «Мир времени» позволили В.В. Горбунову и О.С. Лихачевой поместить последний в пределы ареала каменской культуры (Горбунов, Лихачева, 2015, с. 74). Находки аналогичных кинжалов из Минусинской котловины, а также обнаружение кинжала из Березовки на территории северных предгорий Алтая, значительно южнее границ распространения каменских памятников, позволяют говорить о более широком распространении данного типа изделий и не связывать их напрямую с определенной археологической культурой.

Большинство авторов кинжалы описываемого типа датируют в пределах IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 44, Горбунов, Лихачева, 2015, с. 73). Погребения, откуда происходят кинжалы из могильника Новотроицкое-2, П.И. Шульга датирует также IV–III вв. до н.э. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181). Вероятнее всего, и кинжал, найденный в окрестностях с. Березовка, также следует отнести к этому периоду.

Выводы

Некоторая «избыточность» (архаичность) деталей оформления кинжала из Березовки и близких по форме изделий (применение достаточно сложной технологии изготовления клинка с нервюрой, выделение декоративной колодки перед навершием, фигурное оформление концов навершия и перекрестия) демонстрирует связь данного типа кинжалов с достаточно ранними формами клинкового оружия скифо-сакского времени, имеющими бабочковидное перекрестие, грифоновидные навершия и нервюры на клинках. Это говорит о продолжении в упрощенном виде традиций оформления бронзовых литых кинжалов и железных изделий с применением чугунного

литья декоративных элементов VI–V вв. до н.э., на новом уровне технологий изготовления железных кинжалов и мечей в IV–III вв. до н.э.

Новая находка кинжала в северных предгорьях Алтая вне ареала памятников каменской культуры более аргументированно позволяет говорить о том, что данный тип изделий не является специфически «каменским», а может быть связан с более широким кругом культур Саяно-Алтая, юга Обь-Иртышского междуречья и сопредельных территорий. Все описанные выше изделия из Минусинской котловины, Горного Алтая, северных предгорий Алтая демонстрируют очень высокую степень сходства, что может говорить о едином центре их производства. Процесс ручной обработки изделий с помощью ковки и несовершенство орудий металлообработки, с помощью которых вырезались и дорабатывались отдельные детали, объясняет вариации оформления кинжалов.

Список источников

Горбунов В.В., Лихачева О.С. Кинжал редкого типа с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 70–75.

Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 83–84.

Лихачева О.С. Клинковое оружие раннего железного века из лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. С. 165–181.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 39–45.

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891. 52 с. : ил.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Сибириана: агрегатор наследия // Siberiana.online. URL: https://siberiana.online/objects/artifact/12884906205 (дата обращения 27.02.2026).

Информация об авторах / Information about the Authors

Ярослав Владимирович Фролов, Алтайский государственный университет, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, директор музея; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Yaroslav V. Frolov, Altai State University, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, Director of the Museum; 656049, Barnaul, Russia, Dimitrova St., 66, Candidate of Historical Sciences, https://orcid.org/0000-0001-7259-2840, frolov_jar@mail.ru

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, https://orcid.org/0000-0002-6855-7011, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Татьяна Григорьевна Беликова, Солонешенский районный краеведческий музей, экскурсовод; 659690, Алтайский край, Солонешенский район, с. Солонешное, ул. Партизанская 3, https://orcid.org/0009-0003-1223-1789, btg1966@yandex.ru

Tatyana G. Belikova, Soloneshensky District Museum of Local History, Tour Guide; 659690, Altai Krai, Soloneshensky District, Soloneshnoe village, Partizanskaya St., 3, https://orcid.org/0009-0003-1223-1789, btg1966@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.02:069.51
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.66
EDN: GEUQTC

РЕГИСТРАЦИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАТАЛОГ МУЗЕЙНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ЦИФРОВОЙ РЕФОРМЫ (2016–2025 гг.)

Владислав Алексеевич Чичинов
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. С 2016 по 2025 г. в России проводилась реформа Музейного фонда Российской Федерации, заключавшаяся в оцифровке предметов историко-культурного наследия, хранящихся в музеях страны. В 2026 г. подводятся итоги и дается предварительная оценка перевода сведений о коллекциях Музейного фонда в цифровое пространство. В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, как и в других музеях России, проводилась оцифровка основного фонда. Среди археологических материалов значительную долю составляют керамические изделия, представленные в основном обломками глиняной посуды. В статье предложена авторская методика по составлению последовательного предметного описания, отмечены проблемные моменты и способы их разрешения. Предложенная схема предлагает универсальную систему описания музейного предмета, которая будет удобна как для хранителей, так и для исследователей.

Ключевые слова: Музей Анохина, археология, керамика, Горный Алтай, орнамент, государственный каталог, цифровизация

Для цитирований: Чичинов В.А. Регистрация керамических изделий из коллекций Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации в период цифровой реформы (2016–2025 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 454–460. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.66

REGISTRATION OF CERAMIC OBJECTS FROM THE COLLECTIONS OF THE A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC IN THE STATE CATALOGUE OF THE MUSEUM FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE DIGITAL REFORM OF 2016–2025

Vladislav A. Chichinov
The A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. From 2016 to 2025, the Russian Federation implemented a reform of the Museum Fund of the Russian Federation focused on the digitization of historical and cultural heritage objects held in Russian museums. In 2026, the outcomes of transferring information about museum fund collections into the digital environment are being summarized and a preliminary assessment is being made. The A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, like other Russian museums, carried out the digitization of its permanent collection. Within the archaeological materials, ceramics constitute a significant proportion, represented predominantly by pottery sherds. This article presents an original methodology for compiling a consistent, sequential object description, identifies problematic aspects, and proposes ways to address them. The proposed scheme offers a universal system for describing museum objects, which will be convenient for both custodians and researchers.

Keywords: Anokhin Museum, archeology, ceramics, Gorny Altai, ornamentation, state catalog, digital reform

For citation: Chichinov V.A. Registration of Ceramic Objects from the Collections of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic in the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation during the Digital Reform of 2016–2025. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:454–460. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.66

В 2026 г. завершается реформа по созданию и наполнению Государственного каталога (далее — ГК) Музейного фонда Российской Федерации сведениями обо всех предметах, находящихся в музеях России. Основные работы по наполнению ГК осуществлялись с 2016 по 2025 г. На начало 2026 г. в ГК содержатся сведения о более чем 57 млн 102 тыс. предметах, из них чуть более 9 млн 490 тыс. относятся к археологическим материалам. До конца 2026 г. музеи России завершат заполнение карточек о предметах, содержащихся в фондах, и в 2027 г., мы полагаем, будут подведены итоги реформы.

Идея создания единого электронного каталога экспонатов была озвучена Президентом России Д.А. Медведевым в 2009 г. после проведения комплексной проверки сохранности музейного фонда России, осуществленной в 2007 г. На заседании президиума Госсовета и Совета комитета по культуре и искусству Президент России отметил, что создание электронного каталога ведется не для того, «чтобы выявить жуликов или наказать тех, кто что-то не сделал… а ради того, чтобы мы все все-таки окончательно оценили, что в наших руках находится» (Дмитрий Медведев…, 2009). Кроме того, создание такого электронного каталога предполагало не только учет всех музейных предметов, но и доступность сведений, «чтобы любой гражданин РФ с помощью компьютера мог ознакомиться с коллекцией любого музея» (Дмитрий

Медведев…, 2009). Отметим, что сведения ГК доступны не только гражданам России, но для каждого желающего из любой точки мира.

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (далее — НМРА), как и в остальных музеях России, была проведена работа по оцифровке историко-культурного наследия. В настоящий момент в ГК загружено свыше 60 тысяч электронных карточек, содержащих сведения предметах основного фонда НМРА, из них 52 296 находятся в общем доступе, 14 759 карточек относятся к археологическим материалам. Прежде чем сведения о предметах были размещены в ГК, информация о них заносилась в Комплексную автоматизированную музейную информационную систему (далее — КАМИС). В настоящее время в КАМИС содержится 8815 карточек со сведениями о керамических изделиях, однако фактическое количество керамических изделий превышает количество электронных записей, так как некоторые из них включают информацию о множестве предметов.

Самую большую археологическую коллекцию составляют предметы комплекса Майма-I, включающего 6200 предметов, 6153 их них являются обломками керамических изделий, относящихся к различным временным промежуткам, таким, например, как переходный период (VII — середина VI в. до н.э.), быстрянская культура (середина VI — II в. до н.э.), майминская культура (II в. до н.э. — V в. н.э.). Общий комплекс находок свидетельствует о наличии культурных слоев со времен верхнего палеолита до средневековья (Кунгурова, 2019, с. 23-27; Киреев, 1986, с. 165–166, 175–178).

Поселение Майма-I было обнаружено в 1956 г. Б.Х. Кадиковым (1959, с. 18). В 1977 г. А.С. Суразаков впервые заложил на памятнике раскоп площадью 36 м^2, затем в 1982 г. памятник осматривали В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин и В.А. Кочеев. В 1983–1989 гг. С.М. Киреев занимался сбором подъемного материала, установив примерные границы поселения на площади около 15 тыс. м^2. Раскопки на памятнике Майма-I проводились в 1991, 1993 и 2001 гг. В 1991 и 1993 гг. М.Т. Абдулганеев вскрыл 796 м^2, тогда же С.М. Киреев заложил несколько раскопов общей площадью 156 м^2, и в 2001 г. общая исследованная площадь составила 988 м^2 (Киреев, 2018, с. 54–64). Всего при раскопках и в результате сборов подъемного материала найдено более 8 тыс. предметов (Акимова, Бородовский, 2008, с. 22).

Под номером НМРА КП ОФ-10540 помещено 6200 предметов поселения Майма-I, имеются также и другие номера, так как находки с комплекса передавались в НМРА в разные годы. Так, например, номер НМРА КП ОФ-8644 был присвоен предметам, сданным в 1985 г., а номер НМРА КП ОФ-10540 присвоили в 1998 г. Помимо коллекции поселения Майма-I выделим и другие коллекции музея, содержащие в своем составе значительное количество керамических обломков. Наибольшее количество обломков встречается в поселенческих памятниках, как уже был отмечен памятник Майма-I, кроме него приведем в качестве примера городище Черемшанка (НМРА КП ОФ-12686), Муны-I (НМРА КП ОФ-11071), поселение Бочкаревка (НМРА КП ОФ-8858), Куюм (НМРА КП ОФ-7176) Чоба-I (НМРА КП ОФ-11902/4-6). При раскопках

курганов также встречаются обломки тризновой керамики и развалы сосудов, например на таких памятниках, как Бойтыгем-II (НМРА КП ОФ-10307), Сальдьяр-I (НМРА КП ОФ-11675), Ябоган-III (НМРА КП ОФ-10653).

Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации"» сведения о каждом предмете должны быть внесены в ГК (О внесении изменений…, 2016, с. 3–4). Как уже было отмечено ранее, внесение сведений из НМРА в ГК осуществлялось через КАМИС. В КАМИС обязательными для заполнения являются поля о наименовании предмета, номере в книге поступлений, количестве единиц, времени создания, размерах, источнике и способе поступления, виде по форме 8нк, форме собственности, категории ценности, дате записи в книгу поступлений и, наконец, фотография предмета. Кроме того, КАМИС позволяет заполнить графы дополнительными сведениями о предмете в графе описания (Об утверждении единых правил…, 2020).

Керамические обломки были разделены нами на три группы: венчики, стенки и днища, из последней можно выделить подгруппу — днище с придонной частью. В зависимости от принадлежности к группе формулируется название предмета, вносимого в ГК через КАМИС. Затрагивая выделенную подгруппу, на наш взгляд, будет верным зафиксировать название «Днище керамического сосуда» с указанием в поле описания «Керамический фрагмент представлен днищем сосуда с придонной частью».

Заметим, что нами вносились сведения о предметах и в другие поля, доступные для заполнения, которые, на наш взгляд, имели не менее важное значение, чем графы, обязательные для заполнения. Во вкладке о предмете были заполнены такие поля, как «Археологический памятник» — место проведения раскопок, «Объект» — яма, постройка, курган, погребение (при наличии сведений), вид археологических работ, археологическая культура. Во вкладке физических характеристик указывались материалы, техника и текущая сохранность. К материалам, безусловно, относится глина, и нередко в материалах Майминского района встречается шамот и мелкий дробленый материал. Техника изготовления — лепка, обжиг и орнаментация (при наличии). Затрагивая поле размеров, выделим три главные характеристики: длина, ширина и толщина (в профиле). Однако у фрагментов днищ измерялись и дополнительные параметры, например, при наличии придонной стенки измерялась высота (от донца до наивысшей точки стенки) и ширина придонной части (от одного края стенки до противоположного).

Поле «Сохранности» вызывало наибольшие затруднения, которые были обусловлены изменениями в формуляре с научно-справочными сведениями о предмете. Сразу отметим, что описанные затруднения частично относились к научно-справочному описанию, так как ранее в такой документации допускалось использование формулировки «полной» или «неполной» сохранности, но эти характеристики для музейного учета в настоящее время недопустимы. Поле о степени сохранности предмета заполнялось актуальными

сведениями о состоянии предмета. Очевидно, что керамический обломок не может иметь степень сохранности — «Без видимых повреждений», поэтому предмет рассматривался на наличие таких особенностей, как загрязнение, потертости, царапины, сколы, щербины, следы растрескивания, выкрашивания, утрата и расслаивание материала, наличие нагара или иных пятен на поверхности фрагмента, а также других возможных характеристик.

Наиболее пространным для заполнения является поле «Описание», оно важно для опознания фрагмента в случае утраты учетных маркировок, поэтому в это поле вносилась большая часть сведений о предмете, допускались повторы из других полей и граф. Эти сведения включают данные о его названии, квадрате обнаружения, орнаментации (при наличии), цвете, составе формовочной массы (песок, шамот, мелкий дробленый материал и пр.), степени обжига (равномерный или неравномерный), форме фрагмента, датировании и принадлежности к археологической культуре. Повторение некоторых сведений обусловлено необходимостью дальнейшего автозаполнения форм книги поступлений и инвентарной книги с последующим перенесением их сведений на бумажные копии, где описание предмета будет зафиксировано в достаточной мере полным, а не обрывочным. Вслед за описанием вносятся сведения о литературе, связанной с находкой, если таковая имеется. Во вкладку экспедиции вносились сведения о работавшей экспедиции, ее руководителе, авторе находки (при наличии), месте находки, способе находки, времени находки — указывался год или период проведения работ. Во вкладку поступления вносились сведения о сдатчике — физическом лице или организации, способе поступления, дате поступления, закупочной стоимости (в случае приобретения материалов) и информация о документе приема. Затрагивая форму собственности, отметим, что предметы археологии являются федеральной собственностью. В графе категории ценности керамических фрагментов, мы указывали категорию «прочих культурных ценностей». Финальным обязательным действием являлась загрузка фотографии предмета с линейкой или масштабной шкалой (О внесении изменений…, 2020, с. 6).

Помимо упомянутых вкладок и граф имеются и другие поля для заполнения, однако причины оставления полей пустыми либо сводятся к отсутствию данных, либо фиксация некоторых сведений представляла собой избыточное повторение уже внесенной информации, которая не входит в формуляр автозаполнения электронных книги поступления и инвентарной книги.

Кроме обломков глиняной посуды в ГК были внесены сведения и о других керамических предметах, таких как сосуды глиняные (75 карточек), пряслица (29 карточек), обломки литейных форм и сопла. Как и в случае с керамическими обломками, у сосудов измерялись следующие параметры изделий: высота, диаметр тулова и горловины (НМРА КП ОФ-10961/8 АРХ-2408). У целых пряслиц измерялись диаметр и толщина (НМРА КП ОФ-11696/6 АРХ-4068), у обломков пряслиц — длина и ширина (НМРА КП ОФ-10788/7 АРХ-2159). У обломков литейных форм и сопла были измерены их длина и ширина (НМРА КП ОФ-8644/8 АРХ-1248; 13350/1-5; АРХ-3953-3957).

Безусловно, оцифровка Музейного фонда Российской Федерации является большим шагом для будущего развития науки, культуры и общественного самосознания. Понимая юридические аспекты реформы о необходимости страхования музейного фонда и обеспечения виртуальной доступности предметов историко-культурного наследия с научно-справочным сопровождением в сети Интернет, отметим скорее риторический вопрос о целесообразности внесения в ГК сведений и изображений небольших керамических фрагментов, не имеющих следов орнаментации, художественной и эстетической ценности.

Таким образом, создание электронного каталога экспонатов, инициированное президентом России Д.А. Медведевым в 2009 г., находится на завершающем этапе и подводятся предварительные итоги проведенной реформы. Публикация десятков тысяч карточек о предметах из НМРА и миллионов карточек из музеев всей России в ГК позволит в достаточной мере оценить историко-культурное наследие, находящееся в музейном фонде Российской Федерации. Заполнение не только обязательных полей, но и дополнительных граф, относящихся к сведениям о предметах, позволяет учитывать информацию, необходимую не только для работы хранителя фонда, но и для исследователей, которые могут удаленно получить сведения об изделиях из ГК. Доступность, актуальность и полнота сведений о предметах в музейных собраниях поспособствует качественному развитию исторической науки и умножению знаний и представлений об историческом прошлом не только в России, но и во всем мире.

Список источников

Акимова Т.А., Бородовский А.П. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.

Дмитрий Медведев: необходимо создать единый электронный каталог экспонатов // Вести. 2009. 18 сент. URL: https://www.vesti.ru/article/2210406 (дата обращения: 03.02.2026)

Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. 33 с.

Киреев С.М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–178.

Киреев С.М. История изучения и краткие итоги исследования хронологии и культурного определения материалов поселения Майма-I на Северном Алтае // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018. С. 54–64.

Кунгурова Н.Ю. Майминская культура. По материалам Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019. 214 с.

О внесении изменений в единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утвержденные Приказом Министерства Культуры Российской Федерации от 23 июля 2020 г. №827: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 26.08.2021 №1414. URL: https://culture.gov.ru/documents/o-vnesenii-izmeneniy-v-edinye-pravila-organizatsii-komplektovaniya-ucheta-khraneniya-i-ispolzovaniya/ (дата обращения: 03.02.2026).

О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»: Федеральный закон от 03.07.2016 №357-ФЗ (последняя редакция). URL: https://base.garant.ru/71435358/. (дата обращения: 03.02.2026).

О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 №54-ФЗ (последняя редакция). URL: https://base.garant.ru/123168/ (дата обращения: 03.02.2026).

Об утверждении единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 №827. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74768877/. (дата обращения: 03.02.2026).

Информация об авторе / Information about the Author

Владислав Алексеевич Чичинов, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, фондохранилище, хранитель музейных предметов археологического фонда; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина 46, кандидат исторических наук, https://orcid.org/0009-0000-6405-9421, chi4inov.vlad@yandex.ru

Vladislav A. Chichinov, The A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Curator of Museum Archeological Objects; 64900, Gorno-Altaysk, Russia Choros-Gurkin St., 46; Candidate of History, https://orcid.org/0009-0000-6405-9421, chi4inov.vlad@yandex.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

Научная статья / Article
УДК 903.43:003.02
DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.67
EDN: REJYAH

ПЕРВАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ЮГРЫ С БЕРЕЗОВСКОГО ГОРОДИЩА (Западная Сибирь, Россия)

Александр Викторович Шмидт
Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

Резюме. Первая берестяная грамота на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры была обнаружена во время археологических раскопок на Березовском городище в 2018 г. Текст, начертанный на грамоте, состоит из шести слов, объединенных в четыре коротких строчки. Расположение строк и манера письма позволили выдвинуть предположение, что находка является закладной или долговой распиской, составленной двумя сторонами. Удалось установить имена участников сделки, а также год, когда должен быть уплачен долг. Вероятно, стороны смогли достичь соглашения, после чего разорвали грамоту.

Ключевые слова: град Березов, первая берестяная грамота, расшифровка, палеография

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность преподавателю палеографии, ветерану Алтайского государственного университета Тамаре Ивановне Злобиной за оказанную помощь.

Для цитирований: Шмидт А.В. Первая берестяная грамота Югры с Березовского городища (Западная Сибирь, Россия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2026. Вып. XXXII. С. 460–467. DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.67

THE FIRST BIRCH BARK LETTER FROM YUGRA, FOUND AT THE BEREZOVSKY SETTLEMENT (Western Siberia, Russia)

Alexander V. Schmidt
Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. The first birch bark letter in the territory of the modern Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra was discovered during archaeological excavations at the Berezovsky settlement in 2018. The text inscribed on the letter consists of six words arranged in four short lines. The layout of the lines and the style of writing suggest that the find is a mortgage or promissory note drawn up by two parties. It was possible to establish the names of the parties to the transaction, as well as the year when the debt was to be repaid. It is likely that the parties were able to reach an agreement, after which they tore up the letter.

Keywords: Town of Berezov, first birch bark letter, deciphering, palaeography

Acknowledgments: the author would like to thank Tamara Ivanovna Zlobina, a palaeography teacher and veteran of Altai State University, for her assistance.

For citation: Schmidt A.V. The First Birch Bark Letter from Yugra, Found at the Berezovsky Settlement (Western Siberia, Russia). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2026; XXXI:460–467. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2026.32.67

Град Березов (изначально — Березовский острог) — один из первых городов Сибири и самое старое русское поселение на территории Югры. Он был основан летом 1593 г. по указу царя Федора Иоанновича как фортификационное сооружение. Острог заложили в левобережье Оби, на высоком левом берегу Северной Сосьвы, на месте остяцкого поселения Сугмут-вош, что значит «Город берез». На рубеже XVI–XVII вв. Березов представлял собой крепость (кремль) с рублеными стенами, четырьмя угловыми и одной проезжей башней. С юга примыкал посад, окруженный острожной стеной. Используя выгодное стратегическое положение, Березов контролировал важные торговые пути: между Европейской Россией и севером Западной Сибири через Урал; другой путь — по Оби, из Тобольска и Сургута до Мангазеи. Из Березова осуществлялось управление поднадзорными землями, содержание таможенных застав, контроль за сбором ясака и завозом необходимых товаров. Город становится социокультурным центром, где происходила интеграция русского старожильческого населения и коренных народов Обского Севера. С XVIII в. это еще и один из центров политической ссылки (Березово…, 2008; Мыглан, Ведмидь, Майничева, 2010).

Сейчас Березовское городище — объект культурного наследия регионального значения, расположенный на территории поселка городского типа Березово Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Археологические раскопки здесь проводятся с 2004 г. В ходе исследований в 2018 г. силами ООО «НПО Северная археология 1» под руководством С.Г. Пархимовича в слое конца XVI — XVII в. обнаружена берестяная грамота (Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022, с. 28; Березовское городище…, 2023, с. 83). Вот как описывают ее авторы находки: «Известно, что в первой половине XVII в. в усадьбе 7 проживал еще один грамотный казак, который однажды вместе с приятелем писал письмо неизвестному адресату. Об этом свидетельствует найденный в хозяйственном дворе обрывок забракованной берестяной грамоты, на котором остался нацарапанный зачин письма. Из него нам известны имена авторов — "Григори с Осипе…"» (Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022, с. 141).

Важно отметить, что это первая подобная находка на территории Югры. Вместе с другими артефактами ее передали в Ханты-Мансийск, в Музей Природы и Человека, где после реставрации она пополнила Музейный фонд Российской Федерации — ГК №31801357. Сырьем памятнику письменности послужила кора березы, заготовленная весной или в начале лета. В пользу этого свидетельствует светлый оттенок поверхности изделия. В конце лета и осенью она приобретает насыщенный коричневый цвет.

Размеры грамоты: длина 22,9 см; ширина 7,8 см (рис. 1.-*1*). Она имеет условно прямоугольные очертания. С трех сторон лист обрезан по краям острым инструментом. Низ оторван на 4/5 длины (уголком), далее место отрыва соединилось с линией отреза. Кириллица нанесена на внутренней (обращенной к стволу) стороне бересты, которую мастера называют лицевой.

Текст начертан в четыре коротких строки, которые сгруппированы по две. Группы стоят фронтально друг к другу. То есть третья и четвертая строки написаны правильно, а первая и вторая — вверх ногами. Чтобы их прочитать, надо развернуть документ на 180°, но тогда они окажутся внизу текста (рис. 1.-*2*). Буквы и символы на грамоте можно объединить в шесть слов: в первой и во второй строчках по одному слову; в третьей и четвертой — по два (рис. 1.-*3*). С учетом необычного расположения строк описание текста пойдет не построчно сверху вниз, а по отдельным фрагментам — от очевидных к более сложным, как это происходило во время изучения грамоты.

В нижней строке (IV) можно отчетливо прочесть слово №5 — имя «Григори» (рис. 2.-*5*). Следом идет «Сосипетр» (рис. 2.-*6*) с надстрочной «р» в конце (символ 9). Далее должен идти «ер» — твердый знак. Однако согласно традициям скорописи, если слово заканчивают надстрочной согласной, то твердый знак можно не писать. В нашем случае от «р» идет завиток, напоминающий букву «с» (символ 8). Само слово, видимо, — это собственное имя «Сосипетръ» — производное от греческого имени Сосипатр, что означает Спаситель Отца (от *греч.* sozo спасать и pater (*род. п.* patros) — отец.).

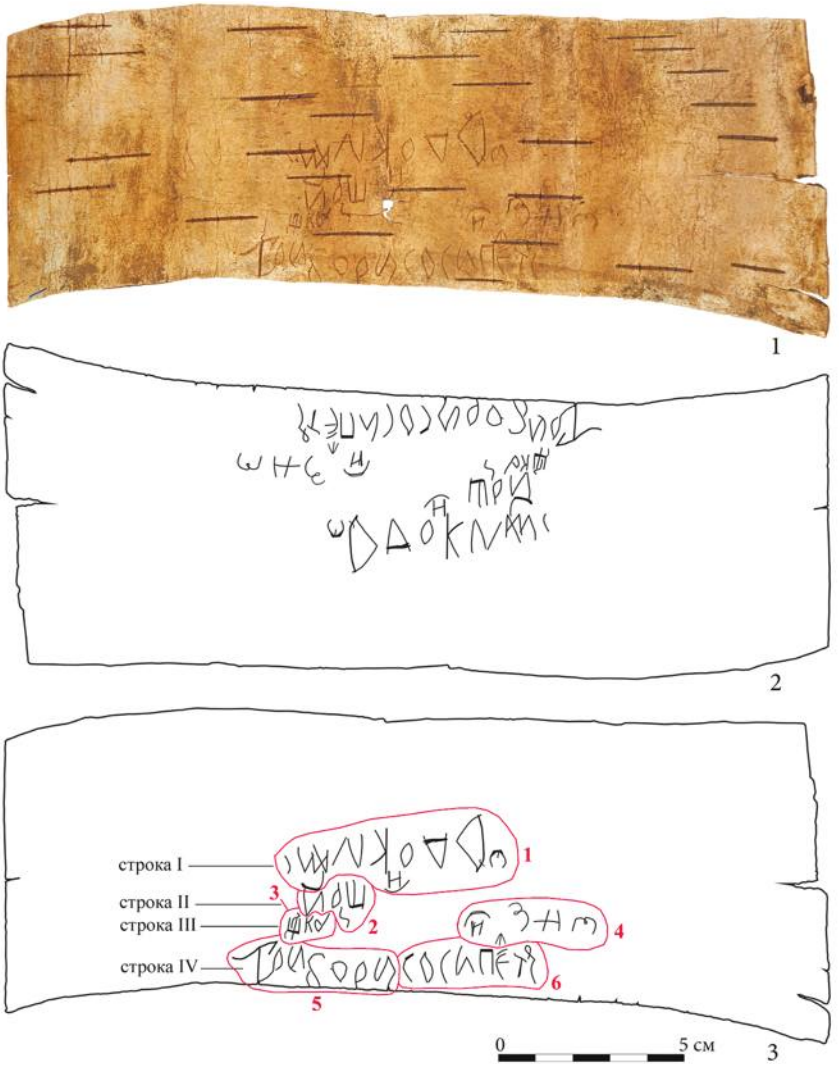

Рис. 1. 1 — берестяная грамота с Березовского городища; 2 — разворот на 180°; 3 — группировка на строки и слова
Fig. 1. 1 — Birch bark letter from the Berezovsky settlement; 2 — rotated 180°; 3 — grouped into lines and words

По мнению Т.И. Злобиной, единственное слово в строке I — это еще одно греческое имя Овдоким (рис. 2.-*1*), производное от Евдоким (от греч.

εὐδόκιμος — славный, окруженный почетом). В его начертании, видимо, были допущены ошибки, что доставило сложности в правильной трактовке слова. Символы 1–5 не вызвали затруднений — о, в, д, о, к. Загадки начались дальше: символ 6 — это однозначно буква «н»; символ 7 похож на «м», нанесенный поверх другого символа. Завершает слово подобие буквы «с» (символ 8), почти такое же, как в имени «Сосипетръ» — еще один довод в пользу твердого знака на конце. Но вернемся к букве «н». Ее отличие от «и» только в наклоне средней перекладины, это и сейчас весьма распространенная погрешность учеников начальной школы. Стремясь исправить ошибку, писец перед буквой «к» (символ 5) изобразил надстрочную «и» (символ 9), накрытую «каморой» (дугой). Этим надстрочным знаком обозначали ударную гласную. Еще одна камора (символ 10) расположилась над символом 7. Вероятно, первоначально писец вывел «Овдокн/имъ», но решил переправить имя на родительный падеж — «Овдокима». То есть символ 7 — это наложение «м» и «а». Чтобы в этом нагромождении штрихов не потерялась гласная, ее накрыли каморой, хоть «а» здесь неударная. Это своеобразный сигнал — здесь пропущена буква.

А теперь обратимся в имени «Сосипетръ» к символу 10 (рис. 2.-*6*). Возможно, это неудачное начало начертания буквы «е». Но, может быть, это камора, обозначающая, что «е» ударная.

Строка II состоит из единственного лаконичного слова «три» (рис. 2.-*2*). В старославянской письменности числительное обозначалось соответствующей буквой. Чтобы отличать буквы от цифр, над буквами с числовым значением изображали титло — особый надстрочный знак в виде горизонтальной волнистой черты. Этот знак ставился над каждой буквой либо покрывал все число (Щепкин, 1999, с. 163). Таким образом, цифра три — это «г҃», накрытое титло. В нашем варианте это строчное слово «три», над которым волнистая линия изображена вертикально, как молния (символ 4). В таком начертании оно могло обозначать «паерок» — с XIII столетия его иногда ставили надстрочно вместо твердого или мягкого знака.

Первое слово (№3) в строке III, вероятно, еще одно числительное (рис. 2.-*3*): «ѱ» (символ 1) — 700; «к» (символ 2) — 20; «а» (символ 3) — 1; т.е. 721. Как и в предыдущем слове, над «ѱ» изображен паерок (символ 4). Однако числительные не нуждаются в твердых или мягких знаках. Очевидно, и здесь (рис. 2.-*3*), и в предыдущем слове (рис. 2.-*2*) мы имеем дело с числами. Вертикальное начертание титло над ними стало следствием развития беглого письма в скорописи в XVI в. (Беляев, 1911).

Следующее слово (№4) в строке III состоит из пяти символов: 1 — ударная «и», покрытая каморой, с косой перекладиной вверху буквы; 2 — «ж» без верха, как в полууставе XIV в. (Щепкин, 1999, с. 150); 3 — «з»; 4 — «н»; символ 5 требует дополнительных исследований. В имени Овдоким (рис. 2.-*1*) надстрочная «и» вынесена перед согласной «к». Видимо, в данном слове похожая ситуация — «и» по отношению к согласной «ж» расположена надстрочно и вынесена вперед. Учитывая этот момент, мы получаем слово «жизнь», окончание которого пока под вопросом.

Рис. 2. Фрагменты берестяной грамоты: 1 — «Овдокима»; 2 — «три»; 3 — «ѱка-721»; 4 — «жизнь» (?); 5 — «Григори»; 6 — «Сосипетръ»
Fig. 2. Fragments of the birch bark letter: 1 — 'Ovdokima'; 2 — 'three'; 3 — 'ѱка-721'; 4 — 'life' (?); 5 — 'Grigori'; 6 — 'Sosipetr'

Таким образом, расшифровка всего текста на данный момент дала следующие результаты: строка I — Овдокима; строка II — три; строка III — 721, жизнь/жизни/жизнью(?); строка IV — Григори, Сосипетр, написанные прак-

тически слитно. В целом в тексте три проблемных места и все они связаны с окончанием слова или имени: «Овдокима», «жизнь», «Сосипетръ». Возможно в дальнейшем и эти моменты найдут свое решение.

То, как написан текст, однозначно указывает, что писцов было минимум два, а скорее всего три — по числу имен в грамоте. Первая и вторая строки, вероятно, принадлежат руке того самого Овдокима — человека не очень грамотного, пишущего крупные буквы с широким интервалом между ними. Чтобы начертать свое имя, ему потребовалось 6 см. Две другие строки, противостоящие первым, писал, по всей видимости, Григори. Сосипетр просто расписался от себя, на что ушло всего 3,5 см. Имя Григори, которое на одну букву меньше, растянулось в длину на 4,3 см. Кроме этого, буквы «о» во всех трех именах написаны по-разному. Также в слове «три» (рис. 2.-*2*) и в имени «Сасипетръ» (рис. 2.-*6*) кардинально отличаются между собой буквы «т».

«Зачин письма» принадлежит Овдокиму, написавшему свое имя почти в центре бересты (рис. 1.-*2*). После нескольких правок в имени он пишет слово «три». При этом смещает букву «и» немного вверх, чтобы она не наложилась на камору над «ма». Получается «три Овдокима». На этом его часть письма заканчивается.

Далее за текст берутся Григори и Сосипетр. Они поворачивают бересту на 180° и записывают свои имена. Строка III внесена в бересту самой последней. Число 721 написано самыми мелкими буквами и буквально втиснуто между словом «три» строки II и именем «Григори» строки IV. Слово «жизнь» (?), в этой же строчке, вряд ли напрямую связано с числом 721, поскольку разрыв между ними составляет 3,7 см.

Есть веские основания полагать, что число «ѱка»-721 (рис. 2.-*3*) обозначает год — 1721-й. Кодинский Свято-Троицкий монастырь располагался всего в примерно 250 км по Оби от Березова. Это та же самая территория и то же самое время. Его монахи в XVIII в. при составлении документов, как правило, не утруждали себя фиксацией тысячелетия при написании года (Кодинский…, 2007, с. 33, 44, 46, 47, 50, 54, 58, 62; и др.). То есть это была распространенная практика, сложившаяся задолго до правления Петра I, — не указывать номер тысячелетия при начертании года (Беляев, 1911; Вершинин, 2003, с. 440).

Прежде чем перейти к трактовке текста, отметим, что **берестяные грамоты**, как правило, содержат только самую важную информацию. В них не упоминается то, что и так известно автору и адресату. Какие-то моменты исследователям приходится додумывать самим, выдвигать предположения.

В нашем случае березовская грамота — это не просто послание одного человека другому. По мнению Т.И. Злобиной, перед нами двухсторонний договор. На это указывает фронтальное расположение двух фрагментов текста. Автор данной статьи предлагает такую трактовку текста: «Григори и Сосипетр перед Овдокимом [клянутся] жизнями, что в 1721 году отдадут ему (или Овдокиму будет принадлежать) три». Видимо, это не просто договор, а расписка о долге или закладная. А вот конкретно чего три — известно лишь

«автору и адресату». О чем идет речь, о деньгах (три рубля по тем временам внушительная сумма), или об оленях, или о чем-то еще, сейчас можно только гадать. Нижняя часть грамоты оторвана повдоль. Линия разрыва затронула отдельные буквы в имени «Григори», но основная часть текста, по всей видимости, не пострадала. То, что закладную разорвали и, вероятно, выбросили, свидетельствует, что условия договора были выполнены и уплата проведена.

Список источников

Беляев И.С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М., 1911. 100 с.

Березово (очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. 471 с.

Березовское городище конца XVI–XVIII веков: уникальная локация отражения русского освоения Западной Сибири. Каталог. Тюмень, 2023. 90 с.

Вершинин Е.В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 438–444.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.

Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации. Томск, 2007. 354 с.

Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: историко-архитектурные очерки. Красноярск, 2010. 159 с.

Щепкин В.Н. Русская палеография: Учебник для студентов вузов. М., 1999. 270 с.

Информация об авторе / Information about the Authors

Александр Викторович Шмидт, Музей Природы и Человека, заведующий отделом археологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11; кандидат исторических наук, tison172@mail.ru

Alexandr V. Shmidt, Museum of Nature and Human, Department of Archaeology, Head of the Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira St., 11, Candidate of Sciences (History), tison172@mail.ru

Статья принята к публикации 25.03.2026
The article approved after reviewing 25.03.2026

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет.
АН – академия наук.
АОАМОЗР – Архивный отдел Администрации муниципального округа Змеиногорский район Алтайского края.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.
БКМ – Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки.
БРИКС – неформальное объединение стран (англ. BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa).
БСФСР – Белорусская Советская Социалистическая Республика.
БТИ – Бюро технической инвентаризации.
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГК – Государственный каталог.
ГП НК «Кыргыз Темир Жолу» – Государственное Предприятие «Национальная Компания «Кыргыз Темир Жолу».
ГЭК – Государственная экологическая экспертиза.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ЗАГС – запись актов гражданского состояния.
ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование.
ЗМВЦ – Зеленогорский музейно-выставочный центр.
ЗСОИРГО – Западно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества.
ИА – Институт археологии.
ИАОО – Исторический архив Омской области.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии.
ИРГО – Императорское Русское географическое общество.
КАМИС – Комплексная автоматизированная музейная информационная система.
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
ККМ – Канский краеведческий музей.
КМАЭЭ – Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.
КНР – Китайская Народная Республика.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского.
МГК – Малый Гоньбинский Кордон.
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МКМ – Минусинский краеведческий музей.
МО – муниципальное образование.
МТО – Материально-техническое обеспечение.
МУП – Муниципальное унитарное предприятие.
НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.
НИС – научно-исследовательский сектор.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.
НПО – научно-производственное объединение.
НПЦ – Научно-производственный центр.
ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей.
ОКН – объект культурного наследия.
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
ООН – Организация Объединенных Наций.
ООО – Общество с ограниченной ответственностью.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ОРК РНБ – Отдел редких книг Российской национальной библиотеки.
ОС – оросительная система.
ПЖЭТ – производственный жилищно-эксплуатационный трест.
ПО – производственное объединение.
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры.
РАН – Российская академия наук.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РНФ – Российский научный фонд.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РФлА – рентгено-флюоресцентный анализ.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СМИ – Средства массовой информации.
СО – Сибирское отделение.
СРКМ – Солонешенский районный краеведческий музей.
ССО – студенческий стройотряд.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СурГПУ – Сургутский государственный педагогический университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
ТССР – Туркменская Советская Социалистическая Республика.
УМР – учебно-методическая работа.
УНИЛ – учебно-научно-исследовательская лаборатория.
ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие.
ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН.
ЦК – Центральный комитет.
ЦС – Центральный совет.

Научное издание

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Выпуск XXXII 2026

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Дизайн-обложки: А.А. Тишкин

Для оформления обложки использован фотоснимок С.П. Грушина: вид на комплекс городищ и поселений Малый Гоньбинский Кордон-2

Подписано в печать 14.04.2026. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 27,32. Тираж 500 экз. Заказ №195.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 23.04.2026.